ВОЕННАЯ АКАДЕМИЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА
ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВОЕННЫЙ ИНСТИТУТ (УПРАВЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ОБОРОНОЙ)

ПРОГНОЗИРУЕМЫЕ ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И НАПРАВЛЕНИЯ ИХ НЕЙТРАЛИЗАЦИИ

Москва
2021

УДК 355/359
ББК 68.0.0

Рецензенты:
Турко Николай Иванович, доктор военных наук, профессор
Курбанов Ращад Афатович, доктор юридических наук, профессор
Петрий Петр Владимирович, доктор философских наук, профессор

Редакционная коллегия:
Толстых Владимир Владимирович, кандидат военных наук
Копылов Игорь Александрович, кандидат политических наук, доцент

Прогнозируемые вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации и направления их нейтрализации / под общей ред. А.С. Коржевского. – М. : Изд-во РГГУ, 2021. – 562 с.

В научном труде всесторонне и комплексно проанализированы современные и прогнозируемые вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации, их влияние на жизнедеятельность российского общества, региональную и пространственную безопасность государства в XXI веке.

По итогам проведенного анализа, авторами определены основные направления совершенствования системы национальной безопасности Российской Федерации, выработаны предложения военно-политическому руководству страны по применению превентивных мер нейтрализации прогнозируемых вызовов и угроз национальной и международной безопасности с использованием всего спектра имеющихся и перспективных сил и средств российского государства.

Научный труд предназначен для органов государственной власти и военного управления, профессорско-преподавательского состава, научных работников, адъюнктов, аспирантов и докторантов высших учебных заведений Министерства обороны Российской Федерации и Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, а также экспертов и специалистов, занимающихся проблемами обеспечения международной и национальной безопасности.

Научный труд издан при содействии Российского государственного гуманитарного университета и финансовой поддержке ПАО «Банк ВТБ».

УДК 355/359
ББК 68.0.0

ISBN 978-5-7281-3057-4

© Коллектив авторов,2021
© ВАГШ ВС РФ, 2021
© Издательство РГГУ, 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ ……...……...…. 5

ГЛАВА 1. Особенности современного мироустройства и его влияние на национальную безопасность России в краткосрочной и среднесрочной перспективе ……. 7

1.1. Военно-политическая обстановка в мире и ее влияние на систему международной и национальной безопасности .. 7

1.2. Современные тенденции развития системы международных отношений …….. 23

1.3. Современные формы межгосударственного противоборства и их влияние на национальную безопасность государства ... 38

1.4. Национальные интересы как основа деятельности российского государства в XXI веке …… 54

ГЛАВА 2. Анализ и прогностический характер вызовов и угроз безопасности в сферах жизнедеятельности российского общества в XXI веке …….. 69

2.1. Вызовы и угрозы в международной сфере ……. 69

2.2. Вызовы и угрозы в политической сфере ……. 84

2.3. Вызовы и угрозы в экономической сфере …… 97

2.4. Вызовы и угрозы в военной сфере ……... 112

2.5. Вызовы и угрозы в оборонно-промышленной сфере ……. 127

2.6. Вызовы и угрозы в информационной сфере …… 143

2.7. Вызовы и угрозы в социальной сфере ……. 156

2.8. Вызовы и угрозы в транспортной сфере ……. 170

2.9. Вызовы и угрозы в энергетической сфере …….. 182

2.10. Вызовы и угрозы в экологической сфере …….. 195

2.11. Вызовы и угрозы в культурной сфере …… 212

2.12. Вызовы и угрозы в духовно-нравственной сфере …… 227

2.13. Вызовы и угрозы в сфере науки и образования …… 245

2.14. Вызовы и угрозы в сфере здравоохранения …….. 260

2.15. Вызовы и угрозы в демографической сфере ……. 272

ГЛАВА 3. Современные и прогнозируемые вызовы и угрозы региональной и пространственной безопасности Российской Федерации …….. 287

3.1. Вызовы и угрозы в приграничном и трансграничном пространствах …… 287

3.2. Вызовы и угрозы в сухопутном пространстве …… 303

3.3. Вызовы и угрозы в морском пространстве ……. 314

3.4. Вызовы и угрозы в воздушном пространстве ……. 328

3.5. Вызовы и угрозы в космическом пространстве …….. 343

3.6. Вызовы и угрозы в кибернетическом пространстве …….. 356
3.7. Вызовы и угрозы в Западном регионе ……. 375
3.8. Вызовы и угрозы в Ближневосточном регионе …….. 390
3.9. Вызовы и угрозы в Центрально-Азиатском регионе ……. 401
3.10. Вызовы и угрозы в Дальневосточном регионе ……. 417
3.11. Вызовы и угрозы в Арктическом регионе ……. 429
3.12. Вызовы и угрозы в Каспийском и Черноморском регионах. 445
3.13. Вызовы и угрозы в регионах Междуморья и Восточного Средиземноморья…… 456
3.14. Международный контроль над вооружениями как фактор обеспечения безопасности в глобальном пространстве ….. 469
3.15. Военное присутствие как инструмент обеспечения пространственной и региональной безопасности государства 483

ГЛАВА 4. Система национальной безопасности России: направления совершенствования и нейтрализации вызовов и угроз в XXI веке …… 497
4.1. Современная система национальной безопасности Российской Федерации и перспективы ее трансформации ……. 497
4.2. Направления нейтрализации прогнозируемых вызовов и угроз национальной безопасности Российской Федерации …….. 511
4.3. Национальная идея как фактор обеспечения и укрепления национальной безопасности Российской Федерации ……. 523
4.4. Правовые меры по обеспечению обороны и безопасности Российской Федерации ……... 538

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ……..…… 553

Список авторского коллектива ……. 555

ВВЕДЕНИЕ

В начале третьего десятилетия XXI века происходят кардинальные изменения в содержании и характере международных отношений и мировой политики. Складываются предпосылки для формирования многополярного мирового порядка, свидетельством чему является появление новых центров силы и влияния, таких как Китай, Россия и Индия. Несмотря на все трудности и проблемы выстраиваются мирохозяйственные связи, создаются интеграционные объединения, не завязанные на США и коллективный запад. Все очевиднее стираются границы между внутренними и внешними аспектами политики многих государств мира, активизируется использование политических возможностей и ресурсов государства в реализации национальных интересов народов на международной арене, в противодействии вызовам и угрозам существованию современной человеческой цивилизации, ее безопасности.

В условиях формирования полицентричного мира, США и их союзники открыто проводят курс на дестабилизацию системы международной безопасности и сотрудничества, игнорируют решения важнейших международных институтов, не считаются с позицией и мнением по актуальным проблемам других субъектов международных отношений и мировой политики. Вопреки стремлению народов и государств мира к сохранению и укреплению своего суверенитета и самостоятельности, национальной идентичности, они, используя различные средства и способы, навязывают мировому сообществу свои ценности и образ жизни, насаждают идею о своем исключительном праве на доминирующее положение и роль в современном мире.

Проводимый США и их европейскими партнерами внешнеполитический курс приводит к нарастанию геополитической нестабильности, обострению межгосударственной конкуренции и конфликтности, экономическому, социальному и политическому неравенству в мире, эскалации военно-силового противостояния американо-европейской военно-политической коалиции с другими мировыми центрами силы и влияния. В последние годы в межгосударственном противоборстве активно применяются политико-дипломатические, экономические, информационные, кибернетические и психологические методы, средства и способы борьбы. Составной частью современного противоборства субъектов международных отношений и мировой политики стало политико-идеологическое противоборство, объектом которого являются: национальные интересы, система общественно-политического устройства, национальная безопасность, социально-политическое развитие отдельных стран, их внешнеполитическая деятельность в системе международных отношений.

В настоящее время Российская Федерация, являясь самостоятельным и активным субъектом международных отношений и мировой политики, одним из складывающихся центров силы современного мира, подвергается

многочисленным и целенаправленным вызовам и угрозам со стороны ведущих стран мира. США и их союзники решают задачу уже не просто ослабления влияния России в мире, ограничения её суверенитета и размывания идентичности, но и ликвидации той социальной общности, которая веками формировалась на территории Российской империи и СССР, превращения её в конгломерат отдельных, зависимых от Запада, социально-территориальных образований.

Политика некоторых стран мира, направленная на уничтожение национальной идентичности и суверенитета России, определяется их общей внешнеполитической стратегией и политической либеральной идеологией глобализации, где «суверенитет» и «национальная идентичность» – понятия, абсолютно не совместимые с глобальной экономикой и универсальными политическими и правовыми ценностями и нормами Запада.

Сложность, противоречивость и неоднозначность современной международной обстановки, неопределенность современной мировой политики, существующие вызовы и угрозы международной безопасности требуют эффективных действий по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации, созданию условий для реализации национальных интересов российского народа. В этих целях необходимо укреплять и совершенствовать все компоненты системы национальной безопасности России и все виды безопасности, – государственную, общественную, информационную, экологическую, экономическую, транспортную, энергетическую, безопасность личности и другие не менее важные безопасности сфер общественной жизни. Необходимым фактором решения этой задачи является анализ и прогнозирование современных вызовов и угроз национальной безопасности Российской Федерации, выработка мер и направлений по их нейтрализации.

Специфика современного мирового развития, необходимость проведения комплексного анализа вызовов и угроз по отдельным сферам жизнедеятельности российского общества, регионам и пространствам России, предопределили решение руководства Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации о привлечении к разработке данного научного труда известных российских теоретиков и практиков, осуществляющих свою деятельность в области международной и национальной безопасности, не только в военных, но и гражданских высших образовательных учреждениях и научно-исследовательских организациях.

Итогом совместной плодотворной работы авторского коллектива стали научные разработки в области безопасности личности, общества и государства, выводы и предложения военно-политическому руководству Российской Федерации, профильным министерствам и ведомствам по нейтрализации прогнозируемых вызовов и угроз национальной безопасности, представленные в главах и параграфах научного труда.

ГЛАВА 1. Особенности современного мироустройства и его влияние на национальную безопасность России в краткосрочной и среднесрочной перспективе

1.1. Военно-политическая обстановка в мире и ее влияние на систему международной и национальной безопасности

Современное мироустройство, включая существующий миропорядок, радикально отличается по целому ряду принципиальных особенностей от мироустройства второй половины XX века. Отличие настолько сильно, что, когда стараются апеллировать к прошлым реалиям, например, «признанным нормам международного права», не вполне отдают себе отчет в принципиальной разнице между прошлым и нынешним временем. И прежде всего, не признают того, что трансформация мира в новую систему, обусловленную определенными факторами – цивилизациями, государствами, центрами силы и пр., – радикально меняет мироустройство и сам мировой порядок.

Традиционные системы в новейшей истории условно делились на Вестфальскую (1648–1815 гг.), Венскую (1815–1871 гг.), Версальскую (1918–1939 гг.), Ялтинско-Потсдамскую (1945–1991 гг.) и постсоветскую. Последняя рассматривалась как идеальная, «конечная» система, не подлежащая совершенствованию. Более того, признание этой системы, в качестве единственно возможной, становилось последние десятилетия навязываемой нормой мировой политики и права. Её основными принципами являлись:

– многообразие политических режимов;

– отказ от принужденного навязывания институтов (в том числе, насаждения демократии);

– признание стабильности, порядка, легитимности и отказ от инициирования внутренних революций;

– строгое ограничение и регулирование использования санкций;

– запрещение на использование глобальных экономических, финансовых, рейтинговых, информационных и иных инструментов в качестве орудий национальной внешней политики;

– гарантии границ государства;

– отказ от навязывания новых этических и правовых стандартов.

Как оказалось, эти принципы получили противоположное развитие и толкование уже в самые первые десятилетия существования. Бомбардировки Югославии, войны в Афганистане и Ираке, многие другие события сделали возможность существования «справедливого» миропорядка абсурдной: реально существующий миропорядок противоположен этим декларациям и грозит ещё большими осложнениями. С помощью такого миропорядка формируется не только новое мироустройство, главными действующими игроками которого являются уже не национальные

государства и их коалиции, а международные объединения, – политические, информационные, финансовые, − но и новый правовой миропорядок, основанный не на международных законах и нормах, а на «своих» нормах, правилах, принципах. События в Европе и США 2020–2021 гг. показали, что некие опасные новые тенденции этого мироустройства активно начинают формировать свой миропорядок вопреки даже федеральному американскому и другим национальным правительствам[1].

Прямым следствием нового миропорядка становится резкое обострение международной и военно-политической обстановки, происходит сознательная хаотизация и дестабилизация международного порядка, цель которых − ослабление и подчинение государств и их институтов силам, контролирующим глобализацию. В этом заключается главная опасность для национальных государств, стремящихся сохранить свою идентичность, суверенитет и независимые институты.

В научных трудах военно-политическая обстановка нередко представляется как совокупность обстоятельств, условий и факторов, влияющих на состояние, расстановку и взаимоотношения социально-политических сил, возможности субъектов политики использовать военную силу для достижения политических интересов и целей. Основа военно-политической обстановки – военно-политические отношения. При этом для военно-политической обстановки характерны определенные черты, такие как сложность, масштабность, динамизм, многообразие тенденций и разнообразие форм проявления и др.

Военно-политическая обстановка, как сложное и многоплановое явление, имеет свою структуру. Ее составляют:

– субъекты военно-политических отношений;

– интересы и цели данных субъектов;

– расстановка и соотношение сил субъектов;

– конкретные реальные обстоятельства, события, военно-политические процессы, влияющие на деятельность субъектов военно-политических отношений.

В ходе анализа военно-политической обстановки учитываются как внешние, так и внутренние вызовы и угрозы системе международной и национальной безопасности. Современная военно-политическая обстановка характеризуется сочетанием нескольких вызовов. К ним можно отнести:

– усиление военной напряженности в Европе и Азии, увеличение опасности прямого военного столкновения между великими державами и ядерной войны;

– ускорение гонки вооружений в Азиатско-Тихоокеанском и Евроатлантическом регионах;

– увеличение количества региональных конфликтов, в том числе вблизи российских границ;

---

[1] См.: *Подберёзкин А.И.* Война и политика в современном мире. М.: ИД «Международные отношения», 2020. 312 с.

– стирание грани между состоянием войны и мира, усиление значимости и увеличение масштаба так называемых гибридных войн;

– распад традиционной архитектуры контроля над вооружениями;

– продолжение распространения оружия массового поражения.

Значительная часть этих вызовов связана с конфронтационной политикой США в отношении России и Китая, которая носит системный и долгосрочный характер, и их стремлением восстановить глобальное военное превосходство, утраченное за последние два десятилетия в результате усиления военной мощи Российской Федерации и Китая, их влияния в мировой политике. США рассматривают Россию и Китай в качестве глобальных (в том числе военных) противников и официально провозгласили борьбу с ними главным приоритетом национальной безопасности и оборонной политики. Причем военное измерение занимает в этой борьбе первое место. Так, США стремятся нарастить военно-технологический отрыв от России и Китая (или остановить его сокращение), усилить военное присутствие в непосредственной близости от российских и китайских границ. Они проводят политику укрепления военных союзов в Европе и Азии на антироссийской и антикитайской основе в целях военно-стратегического превосходства и наращивания гонки вооружений, перенося ее в новые среды (космос, киберсфера).

Непосредственным результатом этой политики становится рост военной напряженности по линии соприкосновения Россия – НАТО, и Китай – азиатские союзники США. НАТО не скрывает своего возвращения к политике военного сдерживания России и наращивает военную инфраструктуру вблизи российских границ (Польша, Румыния, страны Балтии).

Важным элементом военно-политической обстановки в настоящее время является смена методов (форм) противоборства, которые не предполагают прямого боестолкновения, но при этом преследуют цель лишить противника возможности сопротивляться и упростить достижение победы. Эти методы, получившие название «гибридная война», включают кибероперации (проникновение в сети коммуникаций и критическую инфраструктуру) и информационные операции (дезинформация, пропаганда, фейки), террористические акты, распространение экстремистских идей и прочее. Данные методы противоборства начали активно применяться США и их союзниками в нулевые годы XXI века в странах Восточной Европы, Кавказа и Средней Азии, продолжились применяться после 2010 года в арабских странах Ближнего Востока и затем в отношении стран бывшего СССР (Украина). Сейчас применяются против России и Китая. Так стирается грань между состояниями войны и мира. Конфронтационная политика США против России и Китая и активное применение в ней инструментов «гибридной войны», гонка вооружений и рост военной напряженности в Европе и Азии в совокупности резко повышают опасность непреднамеренного военного столкновения Россия – НАТО, и Китай – США

и их союзники, которое затем может перерасти в полномасштабную войну. В результате снова повышается угроза войны между ядерными державами, которая находилась в период после окончания холодной войны на относительно низком уровне.

Важным элементом военно-стратегического ландшафта является также стирание грани между ядерными и стратегическими неядерными вооружениями в результате приобретения последними стратегических свойств – способности решать задачи, которые традиционно могли решать только ядерные вооружения. Речь идет, в частности, о высокоточных вооружениях в неядерном оснащении, перспективных вооружениях космического базирования, киберсредствах.

В результате непреднамеренное военное столкновение Россия – НАТО/США и Китай/США может легко перерасти в ядерную войну. Контролировать эскалацию конфликта на ядерном уровне в условиях стирания грани между ядерными и стратегическими неядерными вооружениями, а также понижения Соединенными Штатами порога применения ядерного оружия становится все более трудно.

Негативное влияние на военно-политическую обстановку оказывает региональная нестабильность в регионах Ближнего Востока и бывшего СССР. В условиях глобальной конфронтации США с Россией многие из них становятся «прокси»-конфликтами между Вашингтоном и Москвой, что также повышает риск непреднамеренного военного столкновения между ними.

Однако, успешная военная реформа, модернизация российского ядерного арсенала и неядерных вооружений, разработка новейших типов стратегических носителей, включая гиперзвуковые, позволили существенно укрепить безопасность и международное положение России, а также стратегическую стабильность в целом. Происходит заметное укрепление позиций России на Ближнем Востоке, в Африке, в Латинской Америке и в Азии.

Дестабилизирующее влияние на военно-политическую обстановку в настоящее время оказывают следующие факторы:

– активизация негосударственных субъектов международной политики, многие из которых ведут деструктивную для общества деятельность (экстремистские, преступные, террористические организации);

– использование террористических методов для достижения политических целей как государственными, так и негосударственными субъектами политики;

– нарушения режима ядерного нераспространения;

– неконтролируемое распространение ракетных технологий, средств доставки ядерных и неядерных боеприпасов на среднюю и большую дальности;

– стремление США создать систему стратегической ПРО, ведущую к нарушению стратегического баланса, что должно подтолкнуть Россию и Китай к гонке в области стратегических вооружений;

– рост киберугроз международной и национальной безопасности, исходящих от государственных и негосударственных акторов;

– начавшаяся милитаризация космоса и перспектива развертывания гонки космических вооружений;

– разработка высокоточных неядерных вооружений, способных решать стратегические задачи;

– развитие робототехники, БЛА и дистанционно управляемых систем вооружений;

– развитие систем нелетального оружия, способного существенно снижать боеспособность личного состава, выводить из строя военную технику, системы связи и коммуникаций[2].

Президент России В.В. Путин, выступая на итоговом расширенном заседании коллегии Министерства обороны Российской Федерации 21 декабря 2020 г., дал следующую характеристику состояния современной военно-политической обстановки: «Мы видим, что военно-политическая обстановка в мире остаётся сложной. Высоки риски обострения ситуации в Закавказье, на Ближнем Востоке, в Африке, других регионах мира. Не прекращается военная активность блока НАТО. Продолжается деградация, к сожалению, системы контроля над вооружениями. Под надуманными предлогами США вышли из договоров ПРО, РСМД и по «открытому небу». Безусловно, мы детально анализируем текущую геостратегическую и военно-политическую ситуацию, прогнозируем возможные варианты её развития»[3].

Оценивая состояние *современной военно-политической обстановки*, а также степень ее влияния на систему международной и национальной безопасности, можно отметить следующее.

В *глобальном измерении* угрозой военной безопасности России остается состояние стратегического ядерного сдерживания, сохраняющееся между США и Россией со времен холодной войны. С точки зрения количественных параметров ядерных вооружений и носителей риски ядерной войны относительно снизились, однако на состояние стратегической стабильности, понимаемое как устранение стимулов для нанесения первого удара, стали негативно влиять новые обстоятельства.

Во-первых, это эрозия или полный крах ряда договоров по обеспечению международной безопасности. Это означает, что система стратегической стабильности, создававшаяся с начала 1990-х годов, утрачивает свой важнейший принцип – ограничение на развитие

---

[2] См.: *Никитин А.И.* Современный миропорядок: его кризис и перспективы // Полис. Политические исследования. 2018. № 6. С. 32−46.

[3] *Путин В.В.* Выступление на расширенном заседании коллегии министерства обороны России. – URL: / kremlin.ru/21/12/2020 (дата обращения 12.09.2021).

стратегических наступательных и оборонительных вооружений в целях сохранения возможности нанесения гарантированного ответного удара. Необходимо укреплять и расширять данный принцип, чтобы не только устранить стимулы для нанесения первого удара, но и любого применения ядерного оружия. Последнее добавление имеет в виду применение тактического ядерного оружия и планы ограниченных ядерных ударов, которые понижают порог применения ядерных средств[4].

Во-вторых, достижение стратегической стабильности в современных условиях связано не только с ядерным оружием. Она возможна только с учетом единого комплекса договоров ограничения. К ним относятся: договоры по неядерному стратегическому оружию, системам ПРО, космическим противоспутниковым системам, кибернетическим атакам на стратегические информационно-управляющие системы.

В-третьих, на состояние глобальной стратегической стабильности помимо США и России все большее влияние оказывают другие государства, которые должны вовлекаться в переговорный процесс. По оценкам экспертов НАТО, некоторые государства Центральной, Юго-Восточной Азии и Ближнего Востока в ближайшей перспективе будут иметь около 2,2 тыс. баллистических ракет различного радиуса действия[5]. Первым шагом на пути к глобальной стабилизации должно стать возвращение к диалогу между США и Россией.

Понимание стратегической стабильности выходит за рамки ядерных вооружений и охватывает сферу новых инструментов силы, способных обеспечивать достижение стратегических целей. На этом направлении требуется переосмысление концепции стратегической стабильности, критериев и условий стабильности.

Повестка глобальной безопасности усугубляется тем, что отношения России и США, России и Запада в целом находятся на низком уровне, сравнимом с периодом холодной войны. Это крайне затрудняет согласование позиций, подготовку и ведение переговоров, снижает взаимное доверие. Показательным эпизодом стал взаимный отказ рассмотреть обвинения в нарушении положений Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД). США едва ли пойдут на улучшение отношений с Россией в ближайшей перспективе, поскольку считают, что ее претензии получить максимально высокий политический статус входят в противоречие с явными признаками экономического ослабления[6].

Главной военно-политической проблемой в Европе и Евроатлантическом регионе в целом является проведение США политики открытой системной

---

[4] См.: *Мильченко А.* «Ограниченная ядерная война»: МИД РФ вскрыл план США. – URL: https://www.gazeta.ru/army/2019/06/22/12435565.shtml (дата обращения 11.06.2021).

[5] См.: Система противоракетной обороны – сложности и решения. – URL: https://invoen.ru/vvs/evropejskaya-sistema-protivoraketnoj-oborony/ (дата обращения 08.05.2021).

[6] См.: Strategic Assessment 2020. Into a New Era of Great Power competition. Washington: National Defense Univ. Press, 2020. P. 311−312.

конфронтации в отношении России и, как следствие, разворот НАТО к политике сдерживания Российской Федерации. В результате происходит не столько углубление геополитического раскола в Европе, сколько приобретение возглавляемой США системой безопасности в Евроатлантике однозначно антироссийского характера. В отношения России и НАТО вернулась открытая вражда: возобновляется гонка вооружений, усиливается угроза прямого военного столкновения. В рамках политики конфронтации США приостановили постепенное сокращение своего военного присутствия в Европе, осуществлявшееся до 2014 года, и начали наращивать военное присутствие в странах Центральной и Восточной Европы, размещая там в том числе инфраструктуру стратегического характера (систему ПРО). Североатлантический альянс снова обрел старый смысл существования – сдерживание России, ограничение ее влияния в Европе и оказание на нее давления на постсоветском пространстве.

Одним из ключевых элементов военно-политического ландшафта в Евроатлантике является состояние трансатлантических отношений и НАТО как их главной институциональной опоры. С началом украинского кризиса, переходом отношений США и России в состояние конфронтации произошло усиление НАТО как институциональной опоры трансатлантических отношений, ее открытое возвращение к первоначальной миссии сдерживания России. Вместе с этим остановился процесс сокращения общего американского военного присутствия в Европе, который волнообразно развивался с начала 1990-х годов. В 2014–2016 гг. усилились синхронность и скоординированность политики США и Европейского Союза (ЕС) в отношении России – как в целом, так и по вопросам, связанным с украинским кризисом. Затем в период администрации Д. Трампа в отношениях между США и западноевропейскими странами усилился политический разлад по причине односторонней политики США и нарочитом неуважении к союзникам, позиционировании их как экономических конкурентов и жестком требовании большей лояльности к эгоистическим интересам США. В Европе активизировались разговоры о целесообразности «стратегической автономии» – большей независимости от США в вопросах безопасности. Другое дело, что реальных шагов в этом направлении предпринято не было (да и не могло быть предпринято, учитывая ограниченную субъектность европейских стран). Более того, военное присутствие США в Европе в период администрации Д. Трампа даже выросло, и европейские страны НАТО выражали солидарность с США по таким вопросам, как обвинения России в нарушении ДРСМД. С приходом администрации Джо Байдена, которое совпало с обострением отношений России и ЕС, произошло улучшение трансатлантических отношений и новая консолидация Запада в военно-политической сфере, прежде всего на антироссийской основе. В период Джо Байдена США и страны ЕС будут более тесно координировать свою политику в части сдерживания России, а роль НАТО как институциональной опоры

коллективного Запада вырастет, прежде всего, за счет военного и военно-политического сдерживания России.

Военными инструментами политики США и НАТО по сдерживанию России являются:

– создание военной инфраструктуры и де-факто постоянного военного присутствия (в нарушение Основополагающего акта Россия – НАТО) на территории Польши и стран Балтии;

– развертывание системы ПРО в Румынии и Польше, фактическое признание того, что она носит антироссийский характер (будет использована против РФ в случае военного конфликта России и НАТО);

– активное применение инструментов «гибридной войны» (огульная антироссийская пропаганда и обвинения во всевозможных преступлениях, кибероперации и пр.);

– расширение присутствия в регионах Балтийского, Баренцева и Черного морей, регулярные патрулирования вблизи российской территории и периодические провокации с приближениями к российским границам и ее воздушным/морским судам.

Вашингтон постепенно наращивает системы ПРО, которые являются частью глобальной эшелонированной системы ПРО США, включающей перехватчики разных типов и дальностей, расположенные в Польше, в Румынии, на Аляске, в Калифорнии, на кораблях типа «Иджис», а также систему радаров. Стационарные радары позволяют отслеживать пуски баллистических ракет практически на всей территории России, как заявил официальный представитель министерства обороны Российской Федерации[7]. Создание системы ПРО представляет угрозу космической деятельности ведущих государств мира, способствует гонке ракетных и космических вооружений. Одновременно с этим размещение элементов ПРО на территориях европейских государств делает их мишенями для российских ударных комплексов, что увеличивает риски конфронтации в Европе. Угрозу безопасности России создает возможность использовать пусковые установки противоракет, расположенных в Румынии и Польше, для пуска крылатых ракет Томагавк[8]. Примечательно, что, ссылаясь на якобы нарушение Россией ДРСМД, осенью 2020 года США заявили о намерении развернуть в Европе ракеты малой и средней дальности[9].

Политика прибалтийских государств и Польши строится на антироссийских позициях в надежде получить всестороннюю поддержку от США и ЕС на фоне ухудшения собственной экономики. Особую позицию

---

[7] См.: Министерство обороны Российской Федерации: США наращивают ПРО, чтобы применять ядерное оружие с минимальными издержками. – URL: https://tass.ru/politika/4641632 (дата обращения 09.07.2021).

[8] См.: *Конышев В.Н., Сергунин А.А., Шацкая В.И.* Система противоракетной обороны США: прошлое, настоящее, будущее. СПб.: Аврора, 2015.

[9] См.: США развернут в Европе и Азии то же число ракет средней и меньшей дальности, что РФ и Китай. – URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/9770007 (дата обращения 18.05.2021).

занимает Польша, которая претендует стать форпостом противостояния Запада с Россией, направляя политику безопасности стран Прибалтики и Восточной Европы. При этом Польша делает упор на сотрудничество не с ЕС, а с США, акцентируясь на военно-техническом сотрудничестве, совместном военном производстве, постоянном военном присутствии войск США, развитии элементов ПРО. В перспективе Польша рассчитывает стать партнером США в высокотехнологичных отраслях и освоении космоса[10].

В целях сохранения и усиления своего доминирующего положения на мировой арене НАТО наращивает военные учения, сценарии которых с явной антироссийской направленностью. Только на учениях «Защитник-2020» под эгидой НАТО была заявлена отработка переброски войск с участием 37 тыс. военнослужащих из 19 государств. От США планировалось участие 20 тыс. личного состава и 13 тыс. единиц техники. Масштаб маневров говорит об отработке формирования ударных сил для наступательной операции или о подготовке к оборонительной операции. Подобные действия провоцируют Россию на ответ и повышают риски для европейской безопасности.

Хотя вероятность приглашения Украины и Грузии в НАТО и даже предоставление им планов действий по членству в альянсе в ближайшее время невелика, им, как самым антироссийским странам на постсоветском пространстве, оказывается всяческая поддержка и наращивается практическое сотрудничество с НАТО без предоставления обязательств по обороне.

Одним из основных элементов антироссийской политики США и коллективного Запада в целом является поддержка Украины в ее антироссийской модели внутреннего развития и внешней политики, превращение в антироссийский форпост Восточной Европы (роль, аналогичная той, что играла Польша в межвоенный период). Для этого США и европейские страны поощряют саботаж Украиной минских соглашений по урегулированию конфликта в Донбассе и продолжение этого конфликта. США не заинтересованы в разрешении конфликта на Донбассе – его продолжение позволяет представлять Россию как угрозу европейским странам и тем самым подталкивать их ближе к США, сохранять санкционное давление на Россию, а также консолидировать Украину как враждебное Российской Федерации государство. В июле 2021 года ожидается первая встреча Президента США Джо Байдена и Президента Украины В. Зеленского, на которой будут обсуждаться пути расширения стратегического сотрудничества между Украиной и США, усиление санкционного нажима на Россию, а также пересмотра Минских соглашений или полного отказа от них.

В ***Азиатско-Тихоокеанском регионе*** ключевым сюжетом международной политики становится нарастание системного противоборства

[10] См.: Key NATO and Allied exercises in 2019. – URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2019_02/1902-factsheet_exercises_en.pdf (дата обращения 02.11.2021).

между Китаем и США. Это противоборство затрагивает практически все аспекты отношений этих стран, включая экономику, науку и технологии, культуру, политику, оборону и безопасность.

Учитывая исключительную роль США и Китая в глобальной экономике, это противоборство будет оказывать влияние на остальные страны мира, прежде всего, на страны Азиатско-Тихоокеанского региона, включая Россию.

В сфере обороны можно ожидать обострения уже имеющей место американо-китайской гонки вооружений. Эта гонка вооружений пока локализована в Индо-Тихоокеанском регионе – Китай стремится добиться решающего военного превосходства над постоянно размещенными в регионе вооруженными силами США и их союзников.

В будущем эта гонка вооружений будет глобальной, поскольку постепенно Китай будет утверждать себя в качестве ведущей мировой военной державы, равноценной или превосходящей США.

К настоящему времени США уже официально признают Китай страной, которая стремится к ядерному паритету с имеющимися ядерными сверхдержавами, и такая точка зрения, по всем имеющимся данным, соответствует действительности. Становление Китая в качестве третьей ядерной сверхдержавы лишит Россию ее уникальной политической роли единственной военной силы, сдерживающей США.

Возможная в перспективе американо-китайская гонка ядерных вооружений приведет к тому, что стороны смогут вкладывать в данную сферу ресурсы, далеко выходящие за пределы российских экономических возможностей. Возникнет угроза оттеснения России на третье место с большим отрывом от двух лидеров к середине столетия.

Серьезный вызов для поддержания мощи российских Вооруженных Сил может представлять и американо-китайское соревнование в области прорывных технологий за счет превосходства этих стран и в финансовых ресурсах, и в кадровом потенциале, и материально-технической базе науки.

Технологическая война Китая и США и постепенный процесс ослабления технологической и промышленной кооперации между ними ведет к «расцепке» (англ. «decoupling») их экономик с перспективой деления мира на две сферы, развивающие технологии на разных платформах в соответствии с различными техническими стандартами. Для России угрозу может представлять ситуация вынужденного выбора, при которой ей придется опереться на технологическое сотрудничество только с одной из сторон, оказавшись от нее в зависимости.

Торговая и санкционная война США и Китая грозит стать фактором дальнейшей дестабилизации мировой экономики. При этом не только США, но и Китай постепенно обзаводится собственным инструментарием экономического принуждения и запугивания других государств в целях влияния на их политику (Южная Корея в 2016–2017 гг., Австралия в 2020 г.).

Логика противоборства между США и Китаем в худшем для России случае будет означать разделение Индо-Тихоокеанского региона на два противостоящих друг другу лагеря, объединенных вокруг Вашингтона и Пекина. Россия при таком сценарии развития событий должна придерживаться собственных взглядов и позиций на развитие региона и отстаивать свои национальные интересы всеми имеющимися в наличии средствами и силами. Ряд проблем в американо-китайских отношениях, прежде всего проблема Тайваня, несут в себе значительный потенциал для возникновения вооруженного конфликта с угрозой его быстрой эскалации.

Пытаясь противодействовать политике России и Китая в Евразии и в Индо-Тихоокеанском регионе, 16 сентября 2021 г. США заключили трехстороннее Соглашение с Великобританией и Австралией о партнерстве в сфере обороны и безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе, которое получило название AUKUS (аббревиатура названий государств-членов – Австралии, Соединенного Королевства и Соединенных Штатов Америки).

Заявленная главная цель Соглашения – защита и отстаивание общих интересов сторон в Азиатско-Тихоокеанском регионе и объединение усилий в сфере развития оборонного сектора, однако, по мнению секретаря Совета Безопасности Российской Федерации Н.П. Патрушева AUKUS является «военно-политическим блоком с выраженным проамериканским характером» и создан для проведения антикитайской и антироссийской политики [11].

В тесной связи с развитием кризиса в американо-китайских отношениях находится ситуация на Корейском полуострове. Начатый администрацией Д. Трампа диалог с КНДР зашел в тупик и его перспективы при Президенте Джо Байдене неясны. КНДР постепенно наращивает свой потенциал в сфере разработки и производства как ядерных, так и обычных вооружений. Это также ставит вопрос об угрозе распространения соответствующих технологий из КНДР в другие регионы мира, особенно на Ближний Восток.

Регион Ближнего и Среднего Востока по-прежнему характеризуется серьезной нестабильностью и представляет для России комплекс угроз, включая международный терроризм, политический и религиозный экстремизм, организованную преступность, наркотрафик, распространение оружия массового поражения (ОМП), а также распространение гуманитарного влияния региональных держав, в частности, Турцию. Ключевые региональные державы проводят все более независимую внешнюю политику, что, с одной стороны, открывает возможности перед Россией в части укрепления своих позиций в регионе, но, с другой стороны, приводит к столкновению их интересов.

---

[11] См.: Патрушев заявил о появлении еще одного военного блока против России. – URL: https://www.rbc.ru/politics/21/09/2021/614992709a7947e2cd777b37 (дата обращения 22.09. 2021).

Главные военные конфликты в регионе − в Сирии, Ливии и Йемене − далеки от разрешения. Основная причина – вовлечение внешних игроков, которые используют данные конфликты как прокси-войны против своих геополитических конкурентов и для продвижения собственных интересов. Турция не намерена сворачивать незаконное военное присутствие на севере Сирии, а США – на северо-востоке страны. Соединенные Штаты намерены и далее играть в сирийском конфликте роль спойлера применительно к сирийскому урегулированию, препятствуя восстановлению территориальной целостности и экономическому восстановлению этой страны, пытаясь добиться обострения отношений между Россией и Турцией.

Большой конфликтный потенциал имеют региональный антагонизм Иран − Саудовская Аравия, Иран − Израиль. Стремясь сорвать восстановление сделки по урегулированию иранской ядерной программы, которую они рассматривают как фактор, способствующий усилению региональных позиций Тегерана, Эр-Рияд и Тель-Авив могут попытаться втянуть Иран в какие-либо провокации.

Не менее важны для России черноморский и арктический регионы, военно-политическая обстановка в которых в настоящее время неуклонно накаляется.

В Черноморском регионе быстрыми темпами нарастает соперничество России с Западом. Ключевым моментом, обострившим ситуацию, стало воссоединение Крыма с Россией в 2014 году и последующее усиление военной группировки Черноморского флота. С точки зрения безопасности регион является ключевым для прикрытия центральных промышленных районов с южного направления, противодействия элементам американской ПРО, которые размещаются в Румынии, а также дает возможность беспрепятственного выхода в Средиземное море. Последнее необходимо для обеспечения энергетической политики России по поставкам газа в Южную Европу.

Долгосрочные интересы США в регионе связаны с выдавливанием России и контролем над поставками энергоносителей из Центральной Азии и Каспия в Европу, минуя Россию и давая дополнительные рычаги влияния на Турцию и на страны ЕС.

Военно-политическая обстановка в Черноморском регионе отличается сложностью, вызванной тем, что Румыния, Болгария, Турция входят в НАТО, а Грузия, Украина и Молдова являются фактически буферными государствами, стремящимися вступить в альянс. Россия заинтересована в том, чтобы не допустить дальнейшей интеграции прибрежных государств в евроатлантические структуры, прежде всего в НАТО. В этом плане в фокусе внимания Запада и России находятся Украина и Грузия.

Другой фактор, усложняющий ситуацию в Черноморском регионе, – политика Турции, которая, с одной стороны, не стремится к выходу из НАТО и разрыву отношений с США, но с другой – претендует на повышение своего регионального статуса, а потому не заинтересована в чрезмерном усилении

НАТО и США. По этой же причине отношения России и Турции не являются стабильными, хотя именно эти два государства могли сыграть решающую роль в укреплении региональной безопасности. Укрепляя свои позиции, Турция одновременно стремится получать и выгоды от сотрудничества с Россией, и поддерживать антироссийскую политику Украины, в том числе по Крыму[12].

На Западе отдают себе отчет, что Россия за последние годы существенно модернизировала свои вооруженные силы, оснастив их новейшими образцами вооружения и техники, и может дать достойный отпор в случае возникновения военного конфликта в регионе. В ответ на усиление крымской группировки и флота, по мнению экспертов американского стратегического исследовательского центра RAND (англ. Research and Development – «Исследования и разработка»), необходимо постоянно демонстрировать сплоченность партнеров НАТО, чтобы Россия не могла оказывать давление на региональные державы путем демонстрации возросшей мощи[13]. В настоящее время в целях обеспечения постоянного присутствия проводится частая ротация натовских кораблей в Черном море, которое направлено на обострение обстановки в регионе. Так, 23 июня 2021 г. британский эсминец «Defender» нарушил российскую границу у мыса Фиолент. Черноморский флот совместно с авиацией остановил его. В 12:06 и 12:08 по местному времени пограничный сторожевой корабль открыл предупредительную стрельбу. Спустя еще девять минут самолет Су-24 М выполнил предупредительное бомбометание, сбросив четыре авиационных бомбы ОФАБ-250 по пути движения эсминца.

Дальние планы НАТО и США состоят в создании постоянных военных баз в прибрежных странах, не входящих в НАТО, и обеспечении постоянного военного присутствия на море в обход доктрины Монтрё[14].

В Арктике, обладающей огромными природными запасами, включая углеводороды, редкоземельные и другие металлы, морепродукты и проч., а также важными транспортными маршрутами (Северный морской путь, Северо-Западный проход, кроссполярные воздушные коридоры), сталкиваются интересы многих государств.

Международно-правовые основания для освоения ресурсов, большинство из которых находится в прибрежной зоне шельфа, имеют только прибрежные государства (Россия, Канада, США, Дания, Норвегия), согласно Конвенции ООН по морскому праву 1982 года США не ратифицировали конвенцию, следуя традиционной политике «свободы рук», но в целом соблюдают ее положения. Споры между США с Россией

---

[12] См.: *Жильцов С.С.* Политика России в Черноморском регионе: итоги и новые вызовы // Проблемы постсоветского пространства. 2019. № 6 (2). С. 149–164.

[13] См.: *Караганов С.А.* Очистительный кризис // Россия в глобальной политике. 2021. № 1. С. 18–19.

[14] См.: *Баранов А.В.* Позиционирование участников международных отношений в Причерноморье в 2016–2017 гг. // Причерноморье: История, политика, культура. Серия «Международные отношения». 2018. № 25 (8). С. 7–15.

в основном касаются статуса Северного морского пути с целью постепенно сменить его статус на международный. Неучастие в конвенции мешает США в полной мере использовать международные институты, регулирующие политику в Арктике.

Неарктические государства (Китай, Япония, Южная Корея, Индия), претендующие на экономическую деятельность в регионе, стремятся пересмотреть правовые нормы в свою пользу. Промежуточное положение занимают арктические государства, не имеющие выхода к Северному Ледовитому океану, – Финляндия, Швеция, Исландия. Они пользуются привилегированным положением в международных организациях и лавируют между прибрежными и неарктическими государствами.

Для России Арктический регион имеет особое значение, поскольку Арктическая зона Российской Федерации (АЗРФ) является ресурсной базой для развития экономики страны на обозримую перспективу. Ключевая роль в развитии АЗРФ отводится Северному морскому пути. Освоение АЗРФ требует сотрудничества России с другими странами в области привлечения инвестиций, технологий, развития коммуникаций и инфраструктуры. Общее охлаждение отношений с Западом привело к свертыванию ряда обоюдовыгодных проектов с США, Норвегией и другими западноевропейскими государствами. Поступательная динамика сохраняется в экономическом сотрудничестве с Китаем, а его сближение с Россией в освоении Арктики вызывает настороженность на Западе.

Необходимо отметить, что экономическая деятельность в АЗРФ слабо защищена с северного направления в силу огромной протяженности границ, безлюдности, суровых климатических условий и отсутствия развитой инфраструктуры. Однако восстановление военного присутствия и военной инфраструктуры (военные базы, аэродромы, системы слежения за надводной и подводной остановкой) многие на Западе считают неоправданной милитаризацией региона.

Арктика играет особую роль в обеспечении безопасности России со времен холодной войны. Поскольку политика стратегического сдерживания между США и Россией продолжается, сохраняют свою значимость две трети ядерного арсенала, которые здесь расположены и требуют соответствующего военного прикрытия. Россия обладает самым мощным военным потенциалом непосредственно в Арктике (в основном Кольский полуостров). Силы и средства, подчиненные Северному флоту, направлены на решение стратегических задач в глобальном масштабе, а не на эскалацию в самом арктическом регионе.

Отметим, что в Арктике накопилось множество проблем экономического, политического, экологического, территориального характера, а охлаждение отношений России с Западом оказывает негативное влияние на военно-политическую обстановку в регионе. На этом фоне участились военные учения антироссийской направленности в непосредственной близости от арктических границ России.

Подведем некоторые итоги. Сегодня современный мир оказался в эпицентре рукотворного хаоса и глобальной турбулентности. Военные силы крупнейших держав находятся в состоянии повышенной боеготовности. Помимо постоянных учений ведутся реальные войны на Ближнем Востоке, Африке, Кавказе, Украине в других регионах. Потоки беженцев в Европу также можно считать отдельной частью учений. Поэтому власти, полиция и войска должны обрести навыки управления массами в условиях чрезвычайных обстоятельств. Активировались провокации со стороны США и НАТО. Стала очевидной стратегия и главные элементы тактики конструкторов глобальной турбулентности. Даже цели военных учений страны НАТО перестали скрывать: захват Калининграда, уничтожение Балтийского флота, имитация ударов по Крыму.

В будущем США не оставят попытки строить миропорядок в политико-экономической, военно-стратегической, культурно-духовной и других сферах для продолжения своей гегемонии. Вашингтон продолжит стремиться к демонтажу географических, экономических и прочих границ, слому иных ограничений с целью подчинения глобальных ресурсов мира своим национальным интересам. Нарушение международных норм права стало привычным явлением. При этом нужно учесть одно важное обстоятельство: если раньше экономика и финансы США были на высоком уровне достатка, что позволяло планировать стратегию на десятилетия вперед, то сегодня этого задела нет, следовательно, и время будет сжато.

Приход к власти в США Джо Байдена и политическая расправа с Д. Трампом и «трампизмом» не реставрация, а усиление позиций либеральных фундаменталистов и стоящих за ними транснациональных западных элит. Вектор их агрессивных намерений будет развёрнут с китайского направления на российское. Системную опасность для этих элит представляет именно потенциальная способность России представить альтернативный цивилизационный путь, основанный на традиционных ценностях.

НАТО активно ищет новую миссию для себя, предпринимает практические шаги по выработке дальнейшей адекватной стратегической концепции. Становится очевиднее, что мы имеем дело с обновляемым инструментом очередного «издания» холодной войны и в то же время законные интересы России высокомерно игнорируются.

Так, главным направлением по противодействию угрозам стратегической безопасности обновляемого НАТО, о необходимости которого указывает представленный в декабре 2020 года на встрече министров иностранных дел стран Альянса экспертный доклад «НАТО-2030: Единство в новой эре», по-прежнему остаётся Россия.

Прорывные наработки России в области новейших систем вооружения не «убедили» западные элиты пересмотреть отношения с Россией, однако подтолкнули администрацию США к диалогу о будущем стратегической стабильности. При этом США и в целом НАТО направленно уклоняются от системной работы по военным аспектам европейской безопасности. Декларируемая американцами возможность размещения в Европе наземных

РСМД как в ядерном, так и в обычном снаряжении способна довести ситуацию в регионе до предельной степени напряжённости.

В этом контексте факт продления Договора между Российской Федерацией и Соединёнными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (СНВ-3) на пять лет, на которое в итоге пошли США, вряд ли способен оказать оздоравливающее воздействие на европейскую безопасность как таковую.

В перспективе США будут использовать схему «увязок» и расширений сферы охвата диалога. В частности, следует ожидать, что в фокусе американских переговорщиков будет выход на увязки с нестратегическим ядерным оружием России. Пришедшие к власти в США демократы способны мобилизовать внимание к вопросу о российском тактическом ядерном оружии в Европе на международных площадках, в том числе с привлечением «послушных» влиятельных профильных неправительственных организаций с акцентом на необходимость большей транспарентности в этом вопросе со стороны России.

Несмотря на внутренние проблемы, в 2021–2023 гг. со стороны США будут активированы конфликты, гибридные войны, кибератаки. Направления опосредованных ударов по России будут вестись через Украину, Арктику, Иран, Центральную Азию, Тихоокеанскую акваторию. Крупные силы информационной и военной мощи стран НАТО будут направлены на черноморский регион, тем более что Стратегия национальной безопасности США сосредоточена на сдерживании России и Китая. Ее цель – не допустить новых центров влияния, укрепить финансовое, информационное, экономическое и военное преимущество, хотя два последних уже утратили былое величие.

В полномасштабную информационную войну уже вовлечены Китай и Россия, а также страны ближнего зарубежья, обладающие жизненно важными коммуникациями, с достаточным наличием природных ресурсов, редкоземельных металлов, а также крупнейшими в мире запасами пресной воды. Кроме действующих зон конфликта следует ожидать новые очаги напряженности: Белоруссия, Казахстан, Армения, Туркменистан и др.

Наконец, основным инструментом современного и будущего противоборства останется не оружие физического уничтожения сил противника и его инфраструктуры, а применение новейших информационных технологий и социально-психологических методов воздействия на сознание военно-политического руководства и всех слоев общества противоборствующей стороны.

1.2. Современные тенденции развития системы международных отношений

Оценка тенденций (трендов) развития современных международных отношений помогает понять не только долгосрочную перспективу, но и уточнить качественное содержание текущего этапа военно-политической обстановки в мире.

Тенденция к многополярности, которая набирает силу, имеет неоднозначные последствия для международной стабильности. После крушения биполярного мира и распада СССР на некоторое время установился однополярный мир во главе с безусловным политическим, экономическим и военным лидерством США. До начала XXI века считалось, что лидерство США установилось всерьез и надолго, и Вашингтон будет определять правила и направления глобального развития в ключевых сферах[15]. Первые признаки эрозии однополярного мира проявились в виде неуправляемости в странах «третьего мира», а к международным отношениям стали применять определение «турбулентные».

Состояние международных отношений с начала второго десятилетия нового века представляет собой «переходный период» в развитии наиболее вероятного конкретного варианта сценария международных отношений в 2020–2035 гг. – «эскалация военно-силового противоборства», – который уже в ряде случаев приобрел нетрадиционные формы иррегулярной войны между основными мировыми субъектами. Данный период характеризуется: нарастающим силовым соперничеством; минимальным сотрудничеством даже внутри коалиций, что существенно, радикально отличает такие отношения от отношений между ними в прошлом веке; процесс глобализации и усиления всеобщей взаимосвязи и растущей взаимозависимости постепенно вытесняется процессом силового противоборства, в основании которого находятся национальные и корпоративные интересы.

Военно-силовое противоборство – главная особенность развития современного сценария международных отношений, которая реализуется в форме иррегулярной войны, в которой участвуют не только государства и их институты, но и негосударственные образования, прежде всего, институты развития человеческого потенциала: некоммерческие организации, университеты, СМИ и отдельные граждане, представляющие собой главную силу развития современного общества и экономики – творческий класс[16]. Объектом операций в иррегулярной войне становится население, а правящая элита страны – объектом нападения. Стратегическая цель направлена на захват и удержание контроля над правящей элитой,

---

[15] См.: *Wohlforth W.* The Stability of a Unipolar World // International Security. 1999. Vol. 24, no.1. P. 5−41.

[16] См.: *Флорида Р.* Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: Классика XXI, 2005.

населением через использование политических, психологических, информационных и экономических средств и методов. В ходе иррегулярной войны Вооруженные Силы США используют непрямой подход с целью низложить власть, подорвать ее влияние и волю и лишить поддержки народа.

Стратегия современной иррегулярной войны, которую ведут США в глобальном масштабе, была закреплена в наставлении по ее ведению, разработанном Пентагоном ещё в мае 2010 года.

В последующие годы спектр средств, мер и методов иррегулярной войны расширялся как за счет увеличения традиционных силовых и военных средств, так и нетрадиционных силовых, невоенных средств и методов ведения противоборства. Частной формой иррегулярной войны стали гибридные войны, имеющие ограниченный по месту и средствам использования характер. «Когда дело доходит до политических целей, гибридные войны, скорее всего, примут вид иррегулярной войны, где ее практики стремятся подорвать легитимность и авторитет правящего режима»[17].

Таким образом, современный сценарий развития международных отношений – сценарий развития силового противоборства, эскалация которого ведет с высокой степенью вероятности к его переходу в военно-силовую фазу, исключающую в качестве основ политики формы мирного сотрудничества.

В условиях нарастания жесткой геополитической борьбы государства все менее склонны соблюдать нормы международного права, включая не только США, но и другие страны. США сталкиваются с Китаем в статусе проливов в Южно-Китайском море, Китай и Япония по статусу спорных островов, Россия и США в статусе Северного морского пути. Возникают противоположные трактовки права народов на суверенитет, как в Косово и Южной Осетии, вводятся двойные стандарты в борьбе с терроризмом. В итоге подвергаются эрозии такие важные международные режимы, как борьба с международным терроризмом, нейтрализация и ликвидация последствий природных катастроф, регулирование нарастающих миграционных процессов, а также международных информационных потоков, которые могут превратиться в орудие информационной и психологической войны[18].

Назревшая реформа универсальной организации ООН также затруднена на фоне тенденции к многополярности. Эта организация создавалась в иных исторических условиях, когда государства-подписанты объединились для борьбы против стран гитлеровской «оси» (Берлин-Рим-Токио). В условиях биполярного мира ООН была не только ареной острой идеологической борьбы, но и организацией, внесший вклад в урегулирование

---

[17] *Савин Л.* Новые способы ведения войны: Как Америка строит империю. СПб.: Питер, 2016. С. 114.

[18] См.: Россия и США в XXI веке / под ред. Т.А. Шаклеиной. М.: Аспект Пресс, 2020. С. 41.

и предотвращение конфликтов, миротворчество, решение гуманитарных проблем. Однако к окончанию холодной войны в ООН назрела структурная реформа, цель которой заключалась в сокращении дублирующих подразделений, реорганизации бюджетной политики, системы миротворчества, политики устойчивого развития, работы генассамблеи, секретариата, в пересмотре Устава ООН. Самая важная часть реформы касалась представительства государств, прежде всего в Совете безопасности. Япония и Германия давно перестали восприниматься как члены «оси», а вместе с этим возросли влияние и авторитет таких быстрорастущих государств, как Индия и Бразилия.

Тенденция к полицентричности проявляется и в кризисе международного права, лежащего в основе межгосударственного взаимодействия. Дело в том, что это право представляет собой не статичный кодекс, «а юридическое состояние международных отношений», которое выражается в том, как государства относятся к правовой норме и как на это реагируют другие государства[19].

Многочисленные документы и комиссии по реформе, работавшие два десятка лет, так и не привели к консенсусу, поскольку не удалось согласовать позиции. С одной стороны, если в годы холодной войны возможно было согласование по линии США – СССР, теперь противоречия должны были решаться с участием Японии, Германии, быстро растущих и развивающихся государств. Стал более размытым критерий принадлежности к великим державам, а многие государства, опасаясь диктата Запада в ходе реформ, вообще не заинтересованы в том, чтобы ООН усиливалась как организация. Другие важные международные организации, такие как Мировой банк, Международный валютный фонд (МВФ) все менее отражают реальное соотношение сил в международной системе.

К началу третьего десятилетия XXI века США остались самой могущественной державой мира, но утратили возможности гегемона и не в силах противостоять тенденции к многополярности мира. В экономической сфере это проявилось в смещении центра мирового экономического развития в Азиатско-тихоокеанском регионе (АТР). Этот процесс сопровождается усилением региональных институтов, таких как Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) при одновременной утрате позиций США, о чем свидетельствует отказ США от проекта Транстихоокеанского партнерства (ТТП). После выхода США из проекта в 2017 году по инициативе Д. Трампа соглашение было подписано вновь и получило название «Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о Транстихоокеанском партнерстве», а Китай в 2020 году заявил о намерении войти в эту организацию. В настоящее время 13 % мирового ВВП и 500 млн человек населения Земли приходится на государства, входящие в партнерство.

---

[19] См.: *Вылегжанин А.* Становление глобального правового пространства в XXI веке // Международные процессы. 2010. Т. 8. № 2 (23). С. 15−16.

Зашел в тупик и проект Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства (ТТИП), ориентированный на сотрудничество США со странами Европейского союза. В длительном переговорном процессе обнаружились существенные расхождения в моделях регулирования торговли[20], в позициях двух сторон в отношении Китая, в урегулировании на Ближнем Востоке и взаимодействии со странами Восточного партнерства (программа по сближению ЕС с Азербайджаном, Арменией, Белоруссией, Грузией, Молдавией и Украиной). Показательно, что критики проекта ТТИП в Европе указывали, что в случае его подписания будут нарушаться суверенные права европейских государств.

В военной сфере многополярность проявилась в том, что США и НАТО ищут пути для укрепления своего влияния, а оно играет решающую роль для них. В странах НАТО нет единства по поводу будущего альянса. Не все одобряют расширение альянса на Восток и глобальной ответственности из-за рисков и огромных расходов. Показательным стало заявление Президента Франции Э. Макрона накануне саммита НАТО в 2019 году о «смерти мозга» НАТО и блокировании Турцией решения о поддержке прибалтийских стран из-за разногласий Турции и Брюсселя по проблеме курдов.

Альянс столкнулся с несогласованным сокращением военных бюджетов в последние десятилетия, и пандемия COVID-19 вновь ставит вопрос о сокращении военных расходов. Еще в 2014 году было запланировано доведение военных бюджетов государств альянса до 2 % ВВП, но к 2019 году это требование, по данным НАТО, не выполнили такие государства, как Канада, Франция, Германия, Италия[21].

В противовес западному центру силы в настоящее время возникают альтернативные коалиции государств, объединенных членством в БРИКС и ШОС с участием Китая, России, Индии. Потенциал такого союза связан с преимуществами в демографии, разнообразии природных ресурсов и геополитическим положением, обеспечивающим господство в Евразии. В отличие от западных организаций, где иерархия навязывается остальным членам ведущими державами во главе с США, в БРИКС и ШОС действует принцип согласия и равноправия. Набирают влияние другие региональные организации, где США не представлены: Африканский союз, МЕРКОСУР, АСЕАН, Совет сотрудничества стран Персидского залива[22].

Особое место в системе международных отношений занимает Россия, которая сместилась с тыловых складов западного мира и начинает осваивать

---

[20] См.: *Кондратьева Н.Б.* Трансатлантическое партнерство УС–США: перспективы // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 8. С. 5−13.

[21] См.: Defence Expenditure of NATO countries (2013-2019). Press Release, 29 November 2019. P. 8. – URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2019_11/20191129_pr-2019-123-en.pdf (дата обращения 03.02.2021).

[22] См.: *Мочульский А.Ф.* БРИКС, РИК и ШОС в процессе кристаллизации многополярности в современных международных отношениях // Ежегодник Института международных исследований МГИМО МИД РФ. 2012. № 1. С. 6−67.

свое историческое место носителя духовных ценностей и морального лидера в авангарде Востока. Эту установку можно трактовать шире – во главе стран незападных цивилизаций, нового центра, в котором формируется новый миропорядок и новое управление. Среди участников новой архитектуры есть общее понимание целей. Их объединяет единый взгляд на будущее нового миропорядка, основанный на соблюдении национальных интересов конструкторов геополитического процесса.

Аналитики «BAU Group» и «Warton School» университета Пенсильвании, основываясь на оценке экономик, влиянии на политической арене, военной мощи, лидерстве в мире и участии в международных альянсах, составили рейтинг самых могущественных стран мира по итогам 2019 года. Первое место досталось США, второй из сильнейших признана Россия. Замкнул тройку лидеров Китай. Странами с наименьшим влиянием в мире оказались Эстония, Латвия, Литва, Словения и Словакия.

Существенный вклад в укрепление России вносит участие в Евразийском экономическом союзе. По состоянию на начало 2020 года. действовали более десяти тысяч совместных российско-казахстанских предприятий. Особый вклад внес ЕАЭС в обеспечение военной составляющей. Можно просчитать разницу в расходах на военно-техническое оснащение и содержание неспокойных границ на северо-западе и с нашими партнерами Белоруссией и Казахстаном. Протяженность только российско-казахстанской границы более 7,5 тыс. км.

Россия, Китай, Индия и другие участники на постсоветском пространстве имеют новейшие разработки и технологии в разных областях науки и техники и, главное, активно растущие научные школы. Все это становится гарантом независимости от Запада в научно-технических запросах и потребностях. Тем более Европа и США в этом направлении уже утратили мировое лидерство.

Концепция будущей модели Союза была сформулирована на саммитах ШОС и БРИКС, состоявшихся 7–9 июля 2015 года в Уфе. Она закреплена российско-китайскими нормативными документами на форуме «Один экономический пояс и один шелковый путь», который проходил в мае 2017 года в Пекине, дополнена новыми предложениями во время встречи Председателя Китая Си Цзиньпина с Президентом России В.В. Путиным в Москве в июле 2017 года.

Руководство Китая понимает важность сотрудничества с Россией по всем направлениям. Это сотрудничество необходимо всячески укреплять и поддерживать в целях противодействия недобросовестной конкуренции и торговым войнам. Не без влияния геополитических противников в наших отношениях возникают недоработки, невыполненные задачи, срывы плановых сроков взаимного сотрудничества во многих направлениях.

Сотрудничеству Китая и России способствуют многие факторы – совместное историческое прошлое, географическое положение, выгодность геополитического сотрудничества, экономические выгоды и интересы.

Взаимное дополнение пойдет нашим странам только на пользу. Обе страны высоко чтят социализм и его достижения, а Президент России неоднократно и прямо высказывался в пользу того, что нельзя ни забывать, ни отменять советского прошлого. Стоит добавить, что мы всегда занимаем схожие политические позиции и предлагаем их западным политикам в качестве альтернативы.

Российской Федерации важно сохранить прочные отношения с Казахстаном, Киргизией, Белоруссией и Таджикистаном, ведь они составляют начальный контур Евразийского союза. В его экономическом развитии заинтересованы все стороны. Союз должен крепнуть не за счет ослабления кого-то, а за счет укрепления каждого участника. Кроме того, общий проект ведет к снижению уровня угроз и опасностей для членов ОДКБ, к тому же быть совладельцем этих коммуникаций Москве никто не запрещает[23].

Для мировых элит стало очевидно, что роль России значительно возросла. Она стала позиционироваться как политический и духовный лидер, как «империя-миротворица», которая оказалась способной одержать духовную, нравственную и военно-дипломатическую победу над Западом и не только в ближневосточном и восточном измерении.

Как следствие, граждане четырех государств-членов НАТО – Турции, Греции, Словении и Болгарии – предпочли бы в случае войны сотрудничество с Россией, чем с НАТО. Об этом свидетельствуют результаты глобального опроса, проведенного социологами WIN/Gallup International в марте 2017 года, который вызвал откровенное недовольство среди западных, прежде всего, американских стратегов.

Более того, случилось невероятное, член НАТО Греция установила на своей территории «вражеские» С-300 из России, другой союзник по НАТО – Турция, в лице самого Президента Р. Эрдогана закупает в России С-400 и проводит показательные испытания. Коренной перелом в сирийской компании уже обернулся для России новыми политическими и экономическими преференциями.

В октябре 2017 года в Россию с официальным визитом впервые за всю историю прибывает король Саудовской Аравии Салман ибн Абдул-Азиз Аль Сауд. Успехи российских военных в Сирии, способствовали тому, что Саудовская Аравия заявила о сотрудничестве с Россией и договорилась по поставке С-400 и других вооружений стоимостью 3,5 млрд долл. Безусловно, это неприемлемо для США и НАТО. Они, несомненно, примут меры, чтобы сделка не состоялась.

Тут заложен и глубинный этический смысл. Королевство Саудовская Аравия признает важность России. Наши страны, не разделяют так называемые «западные ценности». К тому же выход США на экспортный рынок поставил перед Россией и Саудовской Аравией вопрос укрепления отношений. Такой подход с осторожностью можно квалифицировать как

---

[23] См.: *Гусаров Е А*. Встречный пал. М.: ИД «Достоинство», 2017. С. 200.

действия, направленные на политическое и экономическое ослабление США. За последнее время произошел рост американского экспорта нефти – до этого все добытые углеводороды шли исключительно на внутреннее потребление.

Кроме того, в пользу России говорят следующие факты:

– Россия закрепилась на Ближнем Востоке, в Африке и Юго-Восточной Азии на территории интересов США;

– поддержка Россией Белоруссии удержала братскую страну от смуты;

– современное вмешательство военно-политического руководства России остановило войну между Азербайджаном и Арменией, вооруженные силы России стали гарантом безопасности в Карабахе;

– с увеличением поставок углеводородов в ЕС Россия продвигает политические правила поведения;

– совместно с Китаем укреплена и расширена Шанхайская организация сотрудничества;

– в ШОС приняли Индию, Пакистан, кандидатом на вступление согласован Иран.

Россия вышла на такой уровень, когда становится неприемлемой никакая гегемония и патронат не только над ней, но и над ее союзниками. Обещания силовой поддержки В.В. Путиным избранному Президенту Республики Беларусь А.Г. Лукашенко в период массовых протестов это подтверждает. Во вновь обретенном статусе и положении Россия уже не может довольствоваться чем-то малозначительным. Уровень микроскопического военного и политического веса вроде Голландии, Дании, Испании, Финляндии, Швеции, а тем более стран Восточной Европы ей не подходит – это не ее масштаб. Россия движется к статусу миротворицы, духовного и морального лидера, замещая собой уходящий к закату капитал-глобализм.

Важно отметить, что мировая политическая система в настоящий момент претерпевает значительные трансформации, становится более сложной и менее предсказуемой. Стохастичность, непредсказуемость и неопределенность являются признаками «кроличьей норы» современных международных отношений. В этой ситуации за неимением иных институтов процесс управления мировой политической системой осуществляется за счет использования старых, что неизбежно влечет за собой инструментальный кризис и, как следствие, кризис глобального управления. Появляются технологии по формированию нового мирового порядка, такие как:

– искусственное формирование новых «больших» пространств, разрушающих старую ткань мирового порядка, делящих мир на новые зоны влияния, выводя посредством включения в новые большие пространства произвольных территорий тех или иных государств/регионов из-под влияния традиционных доминантов;

– формирование на потенциальной территории распада «флибустьерского» государства, которое имеет все атрибуты государственности – валюту, налоги, аппарат принуждения, законодательную

и судебную систему, социально-ориентированный блок. ИГИЛ как раз и явилось результатом технологий международной инженерии по трансформации мироустройства (следовательно, отработанные на Ближнем Востоке технологии могут быть перенесены в любой регион, а территория Европы, с ее множеством противоречий, является основным претендентом на продолжение эксперимента по обкатке подобной технологии преобразования мира);

– «экологический империализм» − специфическая технология, используемая элитами «центра» по отношению элитам «периферии» для минимизации в их конкурентах преимуществ, основанная на трансляции в периферийные страны зеленых технологий вчерашнего дня, на ограничении потенциала их развития экологическим дискурсом, использовании международных неправительственных организаций экологической направленности для «блокирования экономической деятельности конкурентов»;

– экономические/финансовые санкции вкупе с монетарной политикой;

– политизация религии и десекуляризация общества.

Процессы, определяющие характер современных международных отношений, несмотря на то что они происходят в один и тот же временной период, могут развиваться параллельно, не пересекаясь друг с другом, а другие – пересекаться, периодически вступая в определенные виды взаимодействий, а некоторые, по большому счету, носят взаимоисключающий характер. Речь идет о таких процессах, как глобализация, деглобализация и регионализация, интеграция и дезинтеграция, транснационализация и т.д. Как следствие, сегодня достаточно сложно понять, по какому пути движется мировая политическая система, и спрогнозировать, куда в итоге этот путь приведет.

Кардинальные изменения, произошедшие в рамках системы международных отношений, и неразрывно связанная с ними несоизмеримость целей/задач, которые стоят перед государствами, и средств/инструментов, которыми они располагают, не могли не отразиться на их внешнеполитическом поведении. Все это привело к тому, что сегодня государства проявляют максимальную гибкость и стараются не принимать на себя долгосрочные обязательства, поскольку последние могут выступать в качестве ограничений в постоянно меняющемся мире.

Важно отметить, что следствием происходящих глобальных трансформаций является то, что в современном мире, с одной стороны, все большую популярность приобретают «гибкие альянсы» или «коалиции ad hoc», поскольку они демонстрируют достаточно высокую степень устойчивости, а с другой – наблюдается кризис большинства «жестких альянсов». Очевидно, сложившаяся ситуация порождает для государств ряд вызовов и угроз, однако, как это зачастую бывает, она также открывает перед ними определенные возможности.

Поведение многих государств-лидеров, которым всегда были присущи глобальные цели и интересы, можно охарактеризовать как «политический интровертизм», в рамках которого явный приоритет отдается решению задач, лежащих во внутриполитической плоскости, с неизбежным сокращением глобальной компоненты во внешней политике.

В попытках найти ответ на вопрос, с чем связаны такие перемены, можно обнаружить достаточно простую и вполне объяснимую логику: на современном этапе происходит ослабление государства как политического института. Этому есть целый ряд причин: от специфики происходящих глобальных трансформаций до повышения роли разнообразных «акторов вне суверенитета». Достаточно упомянуть, что сегодня государства находятся в состоянии перманентного «стресс-теста», поскольку сталкиваются с большим количеством вновь возникающих нетипичных экстернальных и интернальных вызовов и угроз, а также вынуждены постоянно реагировать на изменения, происходящие с невероятно высокой скоростью в рамках международно-политической системы. Таким образом, задачи, связанные с обеспечением институциональной устойчивости, приобретают в современных реалиях большое значение. Особенно ярко это проявилось в период COVID-19 ассоциированного «политического локдауна», обнажившего и обострившего целый комплекс проблем и противоречий внутриполитического характера и, как следствие, ускорившего переход к политике «интровертизма».

Несомненно, современный мир становится все более взаимосвязанным и взаимозависимым, в рамках которого особенно остро ощущается проблема, связанная с отсутствием адекватных современным реалиям средств/инструментов управления глобальными процессами. Реальность такова, что государства-лидеры, с одной стороны, не могут найти «область согласия» и «область компромиссов», а с другой – переходят в достаточно опасный с точки зрения долгосрочных последствий режим «саморефлексии», откладывая решение назревших глобальных проблем в долгий ящик. Если в краткосрочной перспективе подобное «сосредоточение» может принести определенные дивиденды, то в отдаленной перспективе отсутствие ответов на глобальные вопросы приведет к еще более серьезным последствиям.

Анализируя состояние современной системы международных отношений, можно заметить, что она переживает период глубоких изменений под влиянием двух групп факторов: одновременный внутриполитический кризис, смена экономической модели в ведущих экономиках мира и возобновление острой конфронтации великих держав.

Внутриполитические кризисы и болезненные процессы смены моделей развития характерны сейчас для всех крупных экономик, включая быстро растущие Китай и Индию. Дисбалансы и противоречия накапливались на протяжении многих лет, однако коронавирусный кризис выступил катализатором их обострения.

Одновременные внутриполитические кризисы США и Европейского союза, вызванные растущим неравенством и политической поляризацией различных групп их населения, существенным образом влияют на их поведение на международной арене. На примере США видно, как внутриполитический кризис, с одной стороны, подрывает их международный авторитет, а с другой – подталкивает Вашингтон к проведению все более жесткой и агрессивной внешней политики.

Китай переживает период смены модели экономического развития с замедлением темпов роста ВВП и доходов населения, существенным повышением уровня ожиданий населения от политики действующей власти, нарастанием национализма и расширением популярности левых идей. Китай уже провозгласил цель: создание единого сообщества общей судьбы, разработал дорожную карту из Китая в Европу «Один пояс, один путь», дал старт запуску стратегии научно-технологической независимости.

В этих условиях у основных игроков на международной арене видимым образом меняется логика принятия политических решений. Многие из предпринимаемых государствами внешнеполитических шагов ранее считались крайне маловероятными, например, развертывание США торговой войны против Китая с вводом запретительных тарифов против практически всего китайского экспорта. Таким же новшеством можно считать появление собственных санкционных механизмов и принятие крайне жесткой внешнеполитической риторики самим Китаем.

С Китаем у России в настоящий момент складываются отношения взаимовыгодного сотрудничества. В настоящее время руководители государств В.В. Путин и Си Цзиньпин объявили о продлении российско-китайского Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве. 26 июня 2021 года в ходе беседы с председателем КНР Си Цзиньпином в формате видеоконференции Президент России так оценил сотрудничество России и Китая. «В условиях усиливающейся геополитической турбулентности, слома договоренностей в сфере контроля над вооружениями, повышения конфликтного потенциала в разных уголках мира российско-китайская координация играет стабилизирующую роль в мировых делах. Не являясь военно-политическим союзом, подобным союзам, сложившимся в период холодной войны, российско-китайские отношения превосходят такую форму межгосударственного взаимодействия. Они не носят конъюнктурного характера, свободны от идеологизации, предполагают всеобъемлющий учет интересов партнера и невмешательство во внутренние дела друг друга, самодостаточны и не направлены против третьих стран, являются международными отношениями нового типа»[24].

Сегодня можно с уверенностью говорить о новых правилах игры в международной политике, которые устанавливаются на длительный срок.

---

[24] Путин и Си договорились о большем, чем военный союз // РИА новости. 2021. 29 июня. – URL: https://ria.ru/20210629/peregovory-1738955833.html (дата обращения 30.06.2021).

Новые правила характеризуются резким повышением роли военной силы, широчайшим применением инструментов экономического давления и войны, растущей идеологизацией внешней политики, являющейся следствием нарастания внутриполитических противоречий в крупнейших странах.

Другая важная тенденция в развитии международных отношений, связанная с усилением силового противоборства между странами в последнее десятилетие, ведёт к стремительному нарастанию со стороны Запада политики силового информационно-политического воздействия на Россию, которое нередко приобретает откровенно агрессивные и одиозные формы. Нередко экстремистские и террористические организации выступают проводниками и исполнителями политики, которая проводится в Сирии и Украине.

Традиционный акцент на противоборстве международному терроризму, который присутствовал в международной и российской политике с 2001 года, сменился на противодействие угрозам международной и национальной безопасности в области информатики, СМИ и кибербезопасности. По сути дела, это обстоятельство по-новому сформулировало для России проблему информационного суверенитета во втором десятилетии нового века, в частности, когда западные популярные сети и интернет-ресурсы стали подвергать откровенной цензуре российские источники информации, пытаясь регулировать информационные потоки. Так, только в 2020 году по разным причинам были блокированы ведущие СМИ России, включая государственные каналы.

Таким образом, в области информации в мире сложилась ситуация, когда фактический монополизм Запада стал регулятором информационной деятельности в мире, навязывая свои нормы, правила и ценности остальным субъектам международных отношений. В этом контексте борьба с экстремизмом и международным терроризмом стала одним из аспектов более широкой политики противодействия враждебному информационному влиянию и укреплению информационного суверенитета.

В международной области, по понятным причинам, наша политика носит достаточно ограниченный характер, концентрируя внимание на противодействии международному терроризму, экстремизму и киберпреступности. Даже в этих областях она далеко не всегда находит поддержку у медийных монополистов Запада, которые рассматривают свое превосходство в этой области в качестве очень эффективного средства политики «силового принуждения».

Акцент в правовой деятельности по противодействию враждебному информационному влиянию был сделан в области национального законодательства, которое за короткий период динамично прошло достаточно большой путь от игнорирования медийного влияния из-за рубежа до разработки мер по его противодействию. В частности, модернизация конституционных положений, в рамках которой информация, информационные технологии и связь, а также обеспечение безопасности

личности, общества и государства при применении информационных технологий, обороте цифровых данных включены в сферу ведения Российской Федерации, отражает поступательное развитие отношений по реализации государственного суверенитета в информационном пространстве.

Формирование системы международной информационной безопасности основывается на мерах, предпринимаемых нашим государством, в частности, в конце декабря 2019 года Генеральной Ассамблеей ООН поддержана инициатива Российской Федерации по разработке международной конвенции о противодействии использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях. Начало подготовки нового всеобъемлющего документа стало результатом длительной дипломатической работы.

Следует подчеркнуть, что современная система международных отношений, более нестабильна и опасна, не только по сравнению с миром 1990–2000-х гг., но и с эпохой холодной войны. В большей степени она напоминает систему отношений между государствами 1930-х годов, в том числе и в связи с растущей угрозой полномасштабного военного конфликта. Восточная и Южная Азия (в американском определении – Индо-Тихоокеанский регион) становятся главной ареной нового противостояния. Подобно тому как в Первую мировую, Вторую мировую и холодную войны будущий мировой порядок определялся исходом борьбы в Европе, теперь он определяется исходом борьбы за влияние в Азии. Европа постепенно превращается в стратегическую периферию.

Если в прежней истории человечества войны создавали и разрушали государства, то в современной истории они стали частью общей силовой политики, когда невоенные меры оказывались более эффективными, чем военные, хотя они формируют в такой же степени новую реальность стратегической обстановки.

Так произошло на Украине, а до этого в Грузии, в Румынии, Киргизии и целом ряде других стран. По этому пути может пойти развитие социальных конфликтов в развитых странах – США, Франции, России. Как показали выступления в России в январе 2021 года, самые новые, в том числе неожиданные, формы противоборства могут стать практикой в отношениях Запада и России в будущем. Не случайно наиболее организованные выступления произошли в Екатеринбурге и Владивостоке, где очень активную работу вели Генеральные консульства США.

В ближайшей перспективе система международных отношений, возможно, будет развиваться следующим образом.

После прихода к власти в США администрации Джо Байдена американская внешняя политика с большой вероятностью претерпит существенные изменения, которые будут заключаться в том, что она займет более высокое место в списке политических приоритетов Президента США, чем это имело место при Д. Трампе. Джо Байден будет стремиться вернуть

к прежним кондициям глобальную систему либерального мироустройства, которую Д. Трамп существенным образом расшатал, и на этом пути нас ждет попытка решительного демонтажа его внешнеполитического наследства. Существует вероятность, что углубление внутриполитических проблем в США не позволит американскому государству играть такую же активную роль на международной арене, как это было при Бараке Обаме и до него, однако такая попытка, несомненно, будет сделана.

Президент Джо Байден намеревается вернуть Соединенным Штатам имидж «благожелательного гегемона» и в первую очередь займется восстановлением тех американских альянсов, которым Д. Трамп не уделял большого внимания. Одним из его главных приоритетов будет НАТО. Он приложит все усилия для убеждения европейских союзников в том, что США не потеряли интерес к этому блоку. В качестве подтверждения его слов можно ожидать переброску на европейский театр дополнительного контингента американских войск и его размещение на территории Восточной Европы, где живут наиболее яростные приверженцы американского гегемонизма.

Конкуренция между США и Китаем станет менее острой, хотя в долгосрочной перспективе трения между этими странами будут нарастать. Скорее всего, Джо Байден предпримет некую попытку политики перезагрузки по аналогии с той, что была совершена в отношении России во время первого срока администрации Б. Обамы. Ее замысел будет заключаться в восстановлении торгово-инвестиционных отношений с Китаем при одновременном укреплении военно-политических связей с традиционными союзниками и партнерами США в Восточной Азии, такими как Япония, Южная Корея, Австралия и др.

При этом будет ослаблено противодействие Соединенных Штатов силам исламского фундаментализма на Ближнем Востоке, в Центральной Азии и в других регионах. Произойдет ухудшение отношений США и Израиля. Исламский фундаментализм вновь, как и при Обаме, станет важным партнером США по дестабилизации их геополитических противников в лице Китая и России. США вновь присоединятся к соглашению об иранской ядерной программе и уменьшат степень своей конфронтационности по отношению к Ирану, которая при Трампе была крайне высокой. Их главной целью при этом станет не только предотвращение милитаризации этой программы, но и падение цен на нефть, которому будет способствовать выход огромных объемов иранской нефти на рынок. Будет также предпринята попытка ослабить сотрудничество Ирана с Россией в тех областях и регионах, где Россия в настоящее время особенно в нем нуждается.

Несмотря на сохранение в ряде случаев взаимной конфронтационной риторики между США и Турцией, последняя все больше превращается в исключительно важное государство для достижения целей американской

политики, и эта тенденция будет продолжена: реальные, а не декларативные американо-турецкие отношения будут развиваться по восходящей.

С подачи и при поддержке США Турция продолжит принимать на себя роль главнокомандующего силами глобального исламского фундаментализма, ядром которого будут пытаться сделать тюркский этнический компонент. В рамках этого стратегического союза будут предприняты дальнейшие попытки проникновения Турции в республики Центральной Азии, в том числе и с далеко идущими военными целями, в частности, для создания так называемой «армии Турана», о которой уже делались заявления официальных лиц. Аппетиты турецких националистов растут. Так 17 ноября 2021 г. Лидер Партии националистического движения (ПНД) Девлет Бахчели подарил Президенту Турции Р. Эрдогану карту «Тюркского мира», в который включена значительная часть территории России, в том числе часть Сибири[25].

Не вызывает никаких сомнений, что на роль главного геополитического противника Соединенных Штатов на период правления администрации Джо Байдена возвращается Россия, которая при Д. Трампе пребывала на периферии американского внимания.

Во-первых, Джо Байден воспринимает Россию как более слабого противника, чем Китай, и считает, что в отношении нашей страны у него есть больше оснований рассчитывать на успех.

Во-вторых, у либерально-космополитического сегмента американской элиты, выразителем интересов которого является Байден, существует очень сильная и достаточно иррациональная личная неприязнь к России, которой они вменяют вмешательство в американские выборы 2016 года, приведшие к власти Д. Трампа.

Наконец, в-третьих, Россия воспринимается Соединенными Штатами даже в большей степени как идейный, чем как геополитический противник, даже несмотря на то, что в настоящий момент Россия не предъявляет миру глобальную стратегическую альтернативу, как это было во времена СССР. Воспоминания об этих временах у политиков времен холодной войны, каковым является Джо Байден, очень сильны, и даже малейшая возможность выдвижения такой альтернативы сегодняшней Россией порождает очень большой страх и желание во что бы то ни стало ликвидировать эту возможность в самом зародыше.

Главным средством борьбы с Россией станут для США инструменты «мягкой» силы, свидетелем чему мы сейчас уже являемся. Внутренняя агентура США и Запада будет активизировать свою деятельность по дестабилизации внутриполитической обстановки в России, используя для этого самую разнообразную повестку, включая выборы, коронавирус, социальную политику, межнациональные отношения и многое другое.

---

[25] Эрдогану вручили карту «Тюркского мира» с половиной территории России. – URL: https://www.rbc.ru/politics/17/11/2021/619555809a794771 aa5f12da (дата обращения 18.11.2021).

Ставка будет делаться на делегитимизацию военно-политического руководства страны во главе с Президентом Российской Федерации.

Одновременно весьма вероятным представляется обострение военно-политической обстановки по периметру российских границ. Наиболее вероятным в настоящий момент видится украинское направление, где националистическое крыло правящего класса, которое и в период президентства Д. Трампа в Америке не чувствовало себя обделенным заокеанским вниманием, получит новый импульс к активной деятельности в связи с избранием Джо Байдена. В настоящее время мы наблюдаем интенсификацию военно-технического сотрудничества Украины и Турции, а в украинских военно-политических кругах все чаще слышны призывы повторить на Донбассе турецко-азербайджанский опыт разрешения Нагорно-Карабахского конфликта. Кроме того, может также произойти и обострение конфликта в самом Карабахе, где прочного мира пока не наблюдается. Здесь возрастает вероятность непосредственного военного столкновения России и Турции. Сочетание внутренней дестабилизации и внешнего межгосударственного военного конфликта может поставить нашу страну в очень сложное положение.

Безусловно, важнейшим фактором для выстраивания дальнейшей архитектуры международной безопасности является нивелирование США всей системы существующих международных сдержек и противовесов – выход США из договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД), использование механизма ООН в интересах утверждения американской мировой гегемонии, проведение откровенной экономической протекционистской политики и развязывание «торговых войн». Даже несмотря на то, что новая администрация Джо Байдена согласилась на продление договора СНВ-3 как единственного оставшегося сегодня средства предотвращения развязывания мировой ядерной войны, возможности для конструктивного и предметного политико-военного диалога между Россией и США сегодня оцениваются как минимальные.

Таким образом, можно констатировать, что стратегический курс коллективного Запада, прежде всего США, опираясь на традиционное понимание национальных интересов с позиций исключительности и вседозволенности, и впредь будет направлен на ослабление своего важнейшего геополитического соперника – России. Оно будет достигаться путем наращивания политического, военного, санкционного, информационного давления и стремления установления в перспективе полного политического, военного, экономического и гуманитарного доминирования над Российской Федерацией. При этом в среднесрочной перспективе стратегическая задача ослабления России будет решаться не военными методами, а преимущественно за счет усиления давления в политической и экономической областях, в частности, за счет обострения конкуренции на энергетическом рынке и в информационно-медийном пространстве.

1.3. Современные формы межгосударственного противоборства и их влияние на национальную безопасность государства

С окончанием холодной войны и крушением однополярного мира человечество столкнулось с нарастанием конфликтности в межгосударственных отношениях, вызванной борьбой за передел сфер влияния, появлением новых геополитических и геоэкономических субъектов и акторов. Конец прошлого века ознаменовался деформацией традиционного миропорядка, что вызвало необходимость в новых стратегиях межгосударственного взаимодействия.

После окончания Второй мировой войны в международных отношениях реально или декларативно делался упор на отказ от применения силы, но уже к 90-м годам XX века США и их союзники приняли доктрину военно-политического экспансионизма как одну из актуальных форм межгосударственного противоборства и стали применять методы насильственного изменения мирового политического ландшафта.

Классик американской политической философии Ф. Фукуяма под конец периода холодной войны высказал предположение, что масштабные войны и вооруженные конфликты ушли в прошлое. Однако уже на рубеже XXI столетия, в момент расцвета однополярного мира с беспрецедентным гегемонизмом США, в своих работах обосновал легитимность «превентивных войн» против так называемых «стран-изгоев»[26].

Это были не простые теоретические рассуждения. Уничтожение с применением военной силы НАТО таких государств, как Югославия или Ливия, служат тому примером.

Процесс глобализации породил, во-первых, неолиберальные концепции, допускающие ограничение суверенности отдельных государств, а во-вторых, формирование нового типа личности – граждан мира, которые не испытывают необходимость в признании легитимности собственных правительств, а, напротив, демонстрируют свою лояльность к транснациональным негосударственным структурам. Это порождает эскалацию напряженности в мире, вызванную социально-политическими противоречиями в определении ценностных ориентиров между глобальными структурами и традиционными государствами[27].

В глобальном масштабе наблюдается чрезвычайно тревожная ситуация, связанная и с увеличением наркоиндустрии. Постоянно появляющиеся сообщения о росте обнаруживаемых партий наркотиков не должны вводить в заблуждение: доля изымаемых наркотических веществ не превышает 20 % от общего количества, а наркоденег и того меньше – не более 1 %. Сама же

---

[26] См.: *Фукуяма Ф.* Америка на распутье: Демократия, власть и неоконсервативное наследие. М.: АСТ; Хранитель, 2007. С. 36–46.

[27] См.: *Белозеров В.К., Харичкин И.К.* Управляемый хаос в глобальных политических стратегиях // Эволюция форм, методов и инструментов противоборства в современных конфликтах: сборник статей / под ред. И.В. Бочарникова. М.: Эконом-Информ, 2015. С. 64.

наркоиндустрия процветает как никогда. Например, площадь земель, где выращивается кока в Колумбии, составила 160–170 тыс. га земли, а в целом в 2019 году производство кокаина достигло рекордного уровня в 1,137 тыс. тонн (по данным Управления ООН по наркотикам и преступности, UNODC). При этом согласно UNODC, «в 2016 году объем производства кокаина в мире достиг самого высокого уровня за всю историю наблюдений, составив, по оценкам, 1410 тонн. После снижения в период 2005–2013 гг. этот показатель вырос на 56 % в период 2013–2016 гг. С 2015 по 2016 гг. темпы роста составили 25 %». Также в докладе UNODC за 2018 год отмечается, что «в период 2016–2017 гг. совокупный глобальный объем производства опия вырос на 65 % до 10,5 тыс. тонн, что, безусловно, является самым высоким зафиксированным показателем в статистике УНП ООН, которая ведется с начала XXI века». В Афганистане уже в 2017 г. культивирование опия достигло отметки в 328 тыс. га (такая площадь посевов позволяет производить из мака до 900 тонн героина экспортного качества). С другой стороны, наблюдается ситуация, когда спецслужбы и полиции по всему миру ежегодно рапортуют об изъятии рекордного количества наркобиомассы. Однако вместе с этим количество не изъятой массы наркотиков еще больше, а на саму наркоиндустрию все это никак не влияет на системном уровне. Почему проблема роста наркоиндустрии не уменьшается или хотя бы не стабилизируется, а напротив, мы видим, что ситуация в мировом масштабе становится только хуже? Что же это за титанический механизм, который приводит к увеличению планетарной наркоторговли?

Учитывая масштаб проблемы, ее причина должна быть поистине глобальной, заложенной в социально-экономическом ДНК существующей капиталистической системы. Дело в том, что во время кризиса капиталистической системы значительно уменьшается ликвидность, т.е. способность чего-либо выступать в качестве средства платежа, особенно – денег. Раз в них наблюдается нехватка, то ее требуется любым способом покрыть, и едва ли не единственной возможностью является изъятие этих денег из криминально-теневой сферы. Вот почему ключевые субъекты капиталистической системы (элиты, транснациональные банки и корпорации, спецслужбы, правительства, террористические и криминальные организации и пр.) фундаментально заинтересованы не просто в существовании криминальной экономики («кримономики»), но и в ее росте. Ядром «кримономики» является «наркономика» – та самая наркоиндустрия, которая выступает в роли компенсаторного источника ликвидности в кризисные периоды капиталистической системы, по ряду признаков вступившая в фазу своего терминального кризиса. Значит, у многих мировых акторов существует критическая потребность в увеличении наркопроизводства, наркотрафика и наркорынков сбыта.

Данная ситуация особенно проявилась еще в конце 2009 года, когда глава UNODC Антонио Мария Коста заявил, что у него имеются доказательства того, что доходы от организованной преступности были

«единственным ликвидным инвестиционным капиталом», который был доступен банкам, находившимся на грани краха в 2008 году. Как следствие, львиная доля наркодохода оказалась поглощенной глобальной экономической системой. По оценкам, данная сумма составила 352 млрд долл. Согласно А.М. Косте, «во многих случаях деньги от наркотиков были единственным ликвидным инвестиционным капиталом. Во второй половине 2008 года ликвидность была основной проблемой банковской системы, и, следовательно, ликвидный капитал стал важным фактором». Если принять, что годовая наркоиндустрия оценивается на уровне от 800 млрд до 1 трлн долл., то прямой урон мировой экономике от нее будет в 2–3 раза выше, т.е. на уровне 3 % глобального ВВП. Гибель людей от употребления наркотиков и нарковойн составила от двух до трёх миллионов человек за пять лет. И это, не считая десятков миллионов системных наркоманов и еще большего числа семей, косвенно пострадавших от наркоиндустрии. Кроме того, на наднациональном уровне имеет место пропаганда наркотиков, примером чему может служить отчет 2011 года Глобальной комиссии по наркополитике (англ. «Global Commission on Drug Policy»), в котором присутствовала прямая агитация легализации ряда наркотиков, например, конопли. Поэтому и наблюдается ситуация, когда одной рукой с наркоиндустрией борются, а другой – в еще большей степени ей помогают.

Иными словами, нынешняя глобальная социально-экономическая модель является генератором и локомотивом развития наркоиндустрии, которая наносит урон государствам порой не меньший, чем от классической прямой войны. Более того, наркоиндустрия неизбежно ведет к росту глобальной преступности, из которой могут набираться боевики для участия в цветных революциях, их попытках (как это было в Никарагуа в 2018 г.) и других форм государственных переворотов (например, через проведение операции «Гедеон» против Венесуэлы руками наемников, наркобаронов и дезертиров) или в гибридных войнах. Сами же преступные организации эволюционируют под действием разрастающейся наркоиндустрии, поскольку для межконтинентальных поставок наркотовара в условиях конспирации требуется очень высокий уровень организации. Следовательно, банды и наркокартели увеличиваются и усложняются, тем самым нанося урон государствам, порой превосходящий тот, который они могут получить в ходе «обычных» войн. Например, только в Бразилии и Мексике вследствие «нарковойн» за последние двадцать лет погибло людей больше, чем в Сирии, Афганистане и Ливии вместе взятых за тот же период времени. Увеличение банд и их численности провоцирует большую степень вовлеченности государств в борьбе с ними, что приводит к росту числа конфликтов низкой и средней интенсивности с высокоорганизованной преступностью (хотя если оценивать по числу жертв, то они приближаются к конфликтам высокой интенсивности). Как следствие, возникает непрерывный самоподдерживающийся механизм военно-криминальной эскалации, который, в свою очередь, ведет к еще большим жертвам среди населения и представителей властей. Данный

фактор – катастрофическим образом влияет на государства и общества, параллельно распространяя *темную, девиантную глобализацию*. Таким образом, можно констатировать, что наркофактор воздействует на всю мировую общественно-политическую и экономическую систему практически так же, как мировая война с применением оружия массового поражения. России также наносится урон от наркоиндустрии, которая представляет огромную угрозу для ее национальной безопасности.

Все это привело к трансформации традиционных форм межгосударственного противоборства. Изменилась специфика реальной военной агрессии с использованием оружия, стоящего на боевом дежурстве. Теперь она характеризуется постепенным отказом от комплексных военных операций классического типа, снижением масштабов конфликтов с точки зрения численного и боевого состава участвующих в них вооруженных сил отдельных стран.

Деградация и уничтожение института государства в некоторых регионах Азии и Африки вызвали беспрецедентную активность негосударственных милитаризованных субъектов. Подобные военные формирования существовали во все времена, но в настоящее время у них появилась возможность применять тактику маневрирования, играя на противоречиях между интересами суверенных государств и транснациональных акторов, стремящихся к их «переформатированию».

Глобальное противостояние приобрело перманентный характер и периодически обостряется до крайне опасного уровня при использовании «гибридных» форм противоборства между государствами и их коалициями.

В последние годы значительно расширяется сфера противостояния в связи с возрастанием в международном противоборстве удельного веса политико-дипломатических, экономических, информационных, кибернетических, психологических средств и способов достижения политических целей. Поэтому сегодня ставится вопрос о кардинальном изменении дефиниции самой войны и всей системы знаний, связанных с ее пониманием.

Термины «экономическая война», «информационная война», «дипломатическая война», «кибервойна» прочно вошли в политическое и общественное сознание. Уже не кажется фантастикой «климатическая» и «бактериологическая война», особенно на фоне текущих климатических катаклизмов и разразившейся в 2020 году пандемии коронавируса COVID-19.

В последние десятилетия мировая экономика подвергается постоянным испытаниям *санкционными войнами*. Под «санкционной войной» понимается введение режима экономических санкций против какого-либо государства в обход международного права, т.е. вне процедуры, предусмотренной ООН. Противоборствующие стороны накладывают друг на друга санкции и ответные меры (так называемые антисанкции) в спиралевидном порядке. Как следствие, нарушается глобальный, размеренный распорядок

экономического функционирования мирового сообщества. Одним из первых индикаторов такого разлада являются кризисные явления в финансовой сфере.

В постбиполярном мире беспрецедентно ускорилось применение инновационных, в первую очередь, цифровых технологий, для насильственного воздействия на противоборствующую сторону. Все атаки *кибервойны* **(**военные (боевые) действия в киберпространстве) (англ. «cyberwarfare») ориентированы на деструкцию вычислительных систем противника, обеспечивающих функционирование финансовых и деловых центров, государственных структур, на дезорганизацию жизни страны, поэтому в первую очередь под ударом находятся основные жизнеобеспечивающие и функциональные системы.

Целью дестабилизации общественно-политической ситуации в государстве являются генерирование протестного потенциала в обществе и создание политической сингулярности (в процессе принятия решения принимает участие каждый гражданин, а существующая конструкция с политическими партиями и выборами становится ненужной), что приводит к инфляции власти в этой стране, её дискредитации и т.д. После прохождения точки политической сингулярности государство должно либо качественно измениться, либо быть уничтожено. При этом используются кибератаки с высоким уровнем социального инжиниринга и применением комбинированных систем, включающих возможности искусственного интеллекта и различные роботизированные устройства (боты). В число задач кибервойны входит, помимо нанесения ущерба инфраструктуре противника, защита собственных данных, вследствие этого обеспечение кибербезопасности является неотъемлемой частью таких противостояний. Кибервойна представляет собой один из видов информационной войны, направленной на достижение определенных целей в политической, экономической, социальной, военной и других областях через воздействие на власти и общество информацией, специально подготовленной для этой цели.

Сегодня можно четко определить проблемные зоны и угрозы, реализуемые уже на данном этапе и те, которые возможны в будущем с развитием технологий:

– использование Big Data/нейросетей/ Deep Fakes и бэкдоров в нейронных сетях;

– вмешательство через влияние посредством искусственного интеллекта на общественное мнение, в том числе за счет вирусного распространения информации;

– проблема идентификации ответственных субъектов за вмешательства;

– искусственный интеллект – технология двойного назначения;

– потребность в многостороннем сотрудничестве и необходимость создания нормативно-правовых механизмов межгосударственного взаимодействия в целях обеспечения безопасности как в целом, так и в киберпространстве.

Современное межгосударственное противоборство использует все возможные средства, методы, технологии и ресурсы, прибегая к шантажу, пропаганде, информационным манипуляциям, экономическим санкциям, угрозам применения силы, военным операциям, а также к физическому уничтожению или дискредитации неугодных политических лидеров. При этом агрессор действует комплексно, по ситуации, применяя различные комбинации вышеперечисленных ресурсов и методов, придерживаясь согласованного единого плана, который в научных кругах определен как *гибридная война*.

Гибридная война, являющаяся элементом военной стратегии, появилась в конце 90-х годов, видимо, как результат скрупулезного анализа причин, исследования генезиса, внезапно свершившегося распада СССР. Оказалось, что малыми средствами можно достичь глобальных изменений. Вскоре проявились и новые особенности в современных конфликтах, например, вариабельность.

Коэффициент полезного действия гибридной войны во многом определяется экономическим эффектом. Как следствие, финансовая составляющая часто преобладает над остальными. Война, особенно в современном мире, стала прибыльным бизнесом. Войны прошлого также велись за сферы влияния, территории, доминирование и даже просто исключительно из неприязни. В целом, в историческом смысле по сравнению со средними веками количество вооруженных конфликтов сократилось, как и уменьшилось количество жертв,

В далеком прошлом, в отдельные периоды, до четверти мужского населения погибало в войнах. Однако, как отмечается в докладе Сиднейского Института экономики и мира касательно индекса миролюбия, число людей, погибших в вооруженных конфликтах с 2008–2015 гг., выросло в 5 раз и достигло 101 тыс. человек. Показатель свидетельствует, что тенденция обозначилась не вчера. Утверждения, что глобализация прекратит войны, как оказалось, не соответствуют действительности. Цивилизация входит в фазу перманентных войн, не прекращающихся ни на минуту. Это обусловлено появлением новых возможностей и средств ведения войны.

В начале XX века А.Е. Снесарев отмечал, что «война пошла вглубь» и все больше ведется «не только мечом». Процесс глобализации и развитие информационно-технологических возможностей современного мира привели к появлению субъектов новой войны, которые наряду с военно-силовыми методами ведения войны обычного типа стали использовать невоенные, опосредованные действия.

Следует отметить, что опосредованные действия требуют большей гибкости и компетенций в проведении военных операций, применения широкого набора высокотехнологичных инструментов, методик и способов в процессе ведения такой войны. Её главной целью является победа вправе определять будущее страны-противника, которая достигается гибридным способом.

Современные гибридные угрозы можно определить как совокупность методов военно-силового, политико-дипломатического, финансово-экономического, информационно-психологического и технологического давления, способов организации цветных революций, терроризма и экстремизма, мероприятий спецслужб, формирований сил специального назначения, сил специальных операций и структур публичной дипломатии, осуществляемых по единому плану органами управления государства, военно-политического блока или транснациональными корпорациями.

Официального определения «гибридная война» в нормативно-правовых и военно-доктринальных документах в настоящее время нет, хотя в научных кругах данное определение часто встречается при рассмотрении современных угроз национальной безопасности государства.

В последнее время понятие «гибридная война» стало часто использоваться руководством Североатлантического альянса. Так, в марте 2015 года заместитель генерального секретаря НАТО А. Вершбоу дал следующее определение: «…Гибридная война», сочетающая военную угрозу, скрытую интервенцию, тайную поставку оружия и систем вооружения, экономический шантаж, дипломатическое лицемерие и манипуляции в средствах массовой информации с прямой дезинформацией»[28].

Джонатан Маркус, обозреватель Би-би-си по дипломатическим вопросам, в своей статье «Гибридная война Путина – головная боль НАТО» дает следующее определение: «Гибридная война – это сплав открытой и тайной военной мощи, комбинация провокаций и диверсий в сочетании с отрицанием собственной причастности, что значительно затрудняет полноценный ответ на них»[29]. В «Белой книге» по противодействию нетрадиционным (от анг. – unconventional) войнам, опубликованной Командованием специальных операций сухопутных войск, гибридная война понимается как сочетание традиционных и иррегулярных методов борьбы[30].

В работах российских военных теоретиков «гибридная война» рассматривается через онтологические, гносеологические и аксиологические аспекты данного явления.

В онтологическом смысле «гибридная война» – это способ разрешения антагонистических противоречий эволюционного характера между различными социальными субъектами путем применения сторонами традиционных и нетрадиционных способов насилия, регулярных и иррегулярных войск.

---

[28] SDP and NATO: better cooperation in view of the new security challenges. Speech by NATO Deputy Secretary General Ambassador Alexander Vershbow at the Interparliamentary Conference on CFSP/CSDP, Riga, Latvia, 5 March 2015 // NATO. – URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_117919.htm?selectedLocale=en (дата обращения 30.11.2021).

[29] Дж. Маркус «Гибридная война Путина – головная боль НАТО». – URL: http://www bbc.co.uk/, свободный. (дата обращения 10.11.2021).

[30] Counter-Unconventional Warfare. White paper. URL: https://info.publicintelligence.net/USASOC-CounterUnconventionalWarfare.pdf (дата обращения 22.11.2021).

На основании логико-гносеологических аспектов современных противоборств, источников их возникновения «гибридную войну» допустимо определить как синтетическую логическую систему, технологию нового типа, объединяющую в себе свойства формальной логики, монологики и диалогики в процессе принудительного доказательства своей истины.

Важной особенностью «гибридной войны» как современной логической технологии нового поколения является то обстоятельство, что она рассчитана на неограниченное число участников (полюсов). Поэтому гибридная война в аксиологическом аспекте рассматривается как особая многополярная система, новая логическая технология упорядоченного массового мышления, позволяющая строго устанавливать сравнительную истинность и ценность тех или иных взаимно противоречащих смысловых конструкций.

В широком философском смысле «гибридная война» представляет собой синтетическую, комплексную систему навязывания своей воли противнику путем применения противоборствующими сторонами традиционных и нетрадиционных средств и способов насилия, регулярных и иррегулярных войск[31].

Современные военные теоретики рассматривают структуру и последовательность решения задач в новой («гибридной») войне, включающую в себя несколько фаз ее ведения (классический вариант), в рамках которых существенно меняется не только содержание, но и сама идеология ведения войны.

Первая фаза – это подготовка благоприятных условий для начала агрессии. В ходе нее применяются экономические, психологические, идеологические и дипломатические методы, которые готовят почву для интервенции путем давления на власть формированием оппозиции, подвергающей критике методы руководства государством, давления на население страны, убеждая его в нелегитимности руководства, коррупции, неэффективных методах управления экономикой и т.д.

Вторая фаза – это введение в заблуждение и дезинформация политических лидеров и населения государства, подвергающегося агрессии, применением информационных методов противоборства.

Третья фаза – это запугивание и подкуп высокопоставленных чиновников из администрации, армии, во многом определяющей политику государства, а также олигархической верхушки, бизнес которых зависит от расположенности к ним государства-агрессора.

Четвертая фаза – дестабилизация социальной обстановки в стране, активизация подрывной (диверсионной) деятельности за счет формирования вооруженных структур из радикально настроенной части населения для захвата государственных и частных учреждений, физической расправы над неугодными политиками, бизнесменами.

---

[31] Гибридные войны и угрозы национальной безопасности России: монография / Музяков С.И. – М.: ВАГШ ВС РФ, 2017. – 181 с.

Эти начальные фазы основываются на применении невоенных мер, способных организовать государственный переворот и демонтаж политического режима, маскирующийся под народный бунт, без применения военной силы. Это технологии так называемых «цветных революций», которые обеспечивают достижение политических целей без применения военной силы и являются начальным этапом «гибридной» войны. В случае, если цель не будет достигнута, на следующем этапе «цветная революция» перерастет в войну с применением средств вооруженной борьбы.

Пятая фаза – это установление воздушной (морской или сухопутной) блокады для ограничения помощи извне, обращение сформированной оппозиции к руководству противостоящего государства якобы для оказания помощи в интересах стабилизации обстановки, ввода контингента миротворческих сил под эгидой противостоящего государства, широкое применение частных военных компаний в тесном взаимодействии с отрядами вооруженной оппозиции.

Шестая фаза – начало собственно военных действий нанесением точечных ударов по ключевым (критически важным) объектам, окончательная дезорганизация государственного и военного управления, дестабилизация социальной обстановки.

Седьмая фаза – полномасштабное вторжение с применением вооруженных сил (если для этого есть необходимость) и систематическая ликвидация оставшихся пунктов сопротивления, установление новой, лояльной к противостоящему государству, власти.

Возникновение и стремительное развитие гибридных форм и методов привело к существенному изменению качественного состава ее участников; взамен регулярных армий на передний план выдвинулись криминальные, мафиозные вооруженные формирования транснациональных структур организованной преступности, среди которых особое место заняли:

– наркокартели;

– вооруженные формирования международных террористических организаций и группировок;

– незаконные вооруженные группировки экстремистского характера, существующие под патронажем специальных служб различных государств;

– наемники;

– «титушки», иррегулярные полукриминальные группировки, негласно поддерживаемые и подпитываемые официальными властями (с помощь которых власти давят протесты в стране, то есть опосредованно применяют методы террора в отношении несогласного населения, такие как «коллективос» в Венесуэле, «титушки» на Украине, «прокси» в Сирии и Ливии и др.);

– родовые, племенные ополчения, возглавляемые племенными вождями (шейхами), характерные для регионов, сохранивших родоплеменной уклад и трайбалистское устройство общества.

Именно эти неклассические акторы идеально подходят для ведения гибридных войн нового типа – особой мобильной диверсионно-террористической квази-повстанческой войны, на три четверти состоящей из тайных операций и оперативных комбинаций спецслужб (включая разведку наркокартелей, транснациональных преступных организаций и т.д.), в которых традиционные армии оказываются слишком неповоротливыми и поэтому бессильными.

Нарастающая милитаризация информационного пространства ведет к изменению взглядов на силовые методы изменения геополитического баланса. Это ведет к настоящей технологической революции в сфере ведения информационных, гибридных и торговых войн.

Информационные войны в современном мире стали одним из привычных факторов окружающей нас действительности. Современная информационная война – это особый вид вооруженного конфликта, в котором столкновение сторон происходит в форме информационных операций с применением информационного оружия, а также кампаний по стратегическим коммуникациям и кампаний по завоеванию господства в кибернетическом пространстве (стратегических информационных операций в компьютерных сетях).

В трудах российских ученых информационная война определяется как комплекс мероприятий и операций, которые проводятся не только вооруженными силами государств, но и другими (в том числе и частными) организациями. Эти операции направлены, в первую очередь, на обеспечение информационного превосходства над противником, а также нанесения ему материального, идеологического или иного ущерба[32].

Главная задача информационных войн – разделить и поляризовать общество, разорвать его на множество клочков и фрагментов, заставить эти фрагменты искренне ненавидеть друг друга с тем, чтобы затем столкнуть их между собой, инициировав борьбу на уничтожение, или объединить их агрессию в единый поток и направить его против действующей власти.

При этом цель информационной войны – сломить волю противника к сопротивлению и подчинить его сознание своей воле.

Основными методами ведения информационной войны являются:

– создание атмосферы безнравственности и бездуховности, негативного отношения к культурному наследию населения;

– манипулирование общественным сознанием и политической ориентацией социальных групп в интересах создания обстановки политической напряженности и хаоса, искажение мировой истории и исторической памяти народов;

---

[32] См.: *Манойло А.В., Петренко А.И., Фролов Д.Б.* Государственная информационная политика в условиях информационно-психологической войны. 2-е изд., стереотип. М.: Горячая линия – Телеком, 2007. С. 203.

– дестабилизация политических отношений между партиями, объединениями и движениями с целью провоцирования конфликтов, создание атмосферы недоверия и подозрительности;

– обострение политической борьбы, провоцирование репрессий против оппозиции;

– снижение уровня информационного обеспечения органов власти и управления с целью затруднения принятия решений;

– дезинформация о работе государственных органов с целью их дискредитации;

– провоцирование социальных, политических, национальных и религиозных столкновений;

– инициирование массовых акций протеста и беспорядков;

– подрыв международного авторитета государства;

– нанесение ущерба жизненно важным интересам государства в политической, экономической, оборонной и других сферах;

– развязывание гражданской войны.

В этих условиях основными задачами противодействия информационным и гибридным войнам являются:

– обеспечение информационной безопасности первых лиц государства, отражение информационных операций и атак, направленных на них (на президента, премьера, др.), планирование и реализация собственных операций и контроопераций информационной войны;

– контридеологическая и контрпропагандистская борьба с идеологами цветных революций, в том числе в социальных сетях;

– выработка эффективных методов противодействия технологиям конфликтной мобилизации молодежи для участия в протестном движении;

– мониторинг политической активности и протестных настроений в информационном пространстве (в том числе выявление признаков подготовки цветной революции или применения «цветных» технологий политической дестабилизации, конфликтной мобилизации, вербовки в социальных сетях).

Современные информационные войны переживают период стремительной гибридизации: они становятся комплексными, вбирают в себя опыт и «лучшие практики» других видов борьбы, тем самым приспосабливаясь к различным форматам и условиям ведения боевых действий. Появление этих новых, гибридных по своей природе, форм и методов неконвенционной борьбы требует выработки новых подходов к противодействию данным угрозам – таких же комплексных и гибридных, как и противостоящие им методы и технологии нападения.

Особенно хорошо это заметно на примере современных «цветных революций», которые по своей сути являются в межгосударственном противоборстве инновационными методами «мягкой силы», направленными на свержение существующих режимов.

Президент Российской Федерации В.В. Путин, выступая на заседании Совета Безопасности, заявил: «Суверенитет и территориальная целостность – фундаментальные ценности. Речь идёт об обеспечении независимости и единства нашего государства, надёжной защите территории, конституционного строя, своевременной нейтрализации внутренних и внешних угроз. Однако сегодня в мире всё чаще звучит язык ультиматумов и санкций. Само понятие государственного суверенитета размывается. Неугодные режимы, страны, которые проводят независимую политику или просто стоят на пути чьих-то интересов, дестабилизируются.

Для этого в ход идут так называемые революции, а если называть вещи своими именами – просто государственные перевороты, спровоцированные и финансируемые извне»[33].

Термин «*цветная революция*» появился в начале XXI века вскоре после того, как в ряде стран постсоветского пространства произошла смена политических режимов вследствие ненасильственных протестов граждан. В отечественном научном дискурсе доминирует точка зрения, согласно которой «цветная революция» является разновидностью государственного переворота, осуществляемого с помощью политических технологий в государствах-мишенях, проводящих независимую внешнюю и внутреннюю политику, и обладающих богатыми природными и людскими ресурсами[34].

Под *государственным переворотом* понимают «насильственное и совершенное в нарушение конституции свержение или изменение конституционного (государственного) строя, захват государственной власти, внезапную нелегитимную смену правительства, предпринятую организованной группой для смещения законной власти»[35].

В строгом понимании термина «цветные революции» не являются классическими революциями. Они не ставят важнейшую для таких революций цель – изменение социально-политического строя и замена господствующей формы собственности, поскольку «заточены» под смену политических лидеров, властвующей элиты[36].

Архитекторы «цветных» государственных переворотов ставят перед собой цель осуществить на волне народного протеста замену лиц в правящей политической элите марионеток и «легионеров»[37], готовых выполнить любое распоряжение своих «заказчиков». Отсюда, ключевая роль в «цветных

---

[33] *Путин В.В.* Выступление на заседании Совета Безопасности 22 июля 2014 г. – URL: http:// special.kremlin.ru/events/president/transcripts/46305 (дата обращения 19.01.2021).

[34] См.: *Гапич А.Э., Лушников Д.А*. Технологии цветных революций. М.: Риор, 2010; *Филимонов Г.Ю., Карпович О.Г., Манойло А.В*. Технологии «мягкой силы» на вооружении США: ответ России. М.: РУДН, 2015.

[35] Политика: толковый словарь. М.: ИНФРАМ, 2001.

[36] См.: *Пономарева Е., Рудов Г*. «Цветные революции»: природа, символы, технологии // Обозреватель. 2012. № 3. С. 36–48.

[37] См.: Почему «легионеры» бегут из украинского правительства? // Вся правда. 2016. 5 февр. – URL: http://allpravda.info / pochemu-legionery-begut-iz-ukrainskogo-pravitelstva-8572.html (дата обращения 03.01.2021).

революциях» принадлежит внешним силам (заинтересованным государствам), оказывающим оппозиции организационно-техническую, финансовую, дипломатическую и информационную поддержку. Присваивая себе статус верховного арбитра, внешние силы заявляют о легитимности действий оппозиции, даже если эти действия являются противоправными, в то время как действия действующей власти трактуются как нелегитимные. На пике уличных беспорядков и провокационных действий правящей элите предъявляется ультиматум с требованием отставки.

Характерными чертами «цветных революций» являются сходство сценариев их реализации, применение метода политического шантажа, театральность в действиях и наличие специальной опознавательной символики, позволяющей в агрессивной и эмоционально «перегретой» толпе на подсознательном уровне отличать «своих» (сторонников «цветной революции») от «чужих» (противников «цветного» государственного переворота)[38].

Проект «цветной революции» реализуется, как правило, в государстве, где не запрещена деятельность политической оппозиции, в распоряжении которой имеются многие возможности открытого общества.

Ключевым моментом свержения правящего в стране политического режима, как правило, являются выборы. При этом сторонники оппозиции заранее распространяют слухи о готовящихся фальсификациях результатов голосования. Главным методом воздействия на власть являются массовые митинги и демонстрации протеста на центральных улицах и площадях столиц, а также блокирование и захват ключевых административных зданий. В разгар «революционных событий» оппозиционные силы идут на нарушение закона, опираясь на применение оружия и физического насилия. Наиболее яркими примерами этого являются гибель людей от пуль «неизвестных» снайперов в ходе украинской «революции достоинства/гидности» и последовавших после нее трагических событий на Донбассе.

Президент России В.В. Путин обращает внимание российских граждан и руководителей силовых структур на деструктивный, разрушительный характер «цветных революций». «Мы видим, подчеркивает он, − к каким трагическим последствиям привела волна так называемых «цветных революций», какие потрясения испытали и испытывают народы стран, которые прошли через безответственные эксперименты подспудного, а иногда и грубого, … ломового внешнего вмешательства в их жизнь. Для нас это урок и предупреждение, и мы обязаны сделать всё необходимое, чтобы подобное никогда не случилось в России»[39].

---

[38] См.: *Белкин С.* Цветные революции как инструмент внешней агрессии. – URL: https://zavtra.ru/blogs/tcvetnie_revolyutcii_kak_instrument_ vneshnej_agressii (дата обращения 17.01.2021).

[39] *Путин В.В*. Выступление на заседании Совета Безопасности 20 ноября 2014 г. – URL: http://www.kremlin.ru/news/47045 (дата обращения 19.06.2021).

Многие российские и зарубежные ученые подчеркивают, что «цветные революции» являются инструментом реализации внешнеполитической стратегии США. Как правило, он применяется по отношению к тем странам, где у США есть свои интересы; с помощью «цветных» технологий наносятся удары и демонтируются те политические режимы, которые отличаются большой самостоятельностью и служат только своим национальным интересам. В результате применения «цветных» технологий создаются условия и поводы для вмешательства Соединенных Штатов во внутренние дела государств, власти которых, если они оказывают сопротивление «цветным революционерам», тут же обвиняются в нелегитимности, деспотизме, военных преступлениях и геноциде собственного народа. Как правило, после «цветной революции» страна надолго переходит либо в состояние «управляемого хаоса», либо в состояние внешнего управления (Грузия, Украина, Молдавия).

Важнейшая особенность современного мироустройства заключается в том, что США, не отказываясь от гонки вооружения и военных провокаций, делают ставку на гибридные операции, особенно на «войны за идентичность», или *консциентальные войны*. Высокопоставленные политики США считают, если Советский Союз удалось разрушить с помощью изменения идентичности людей, то и в отношении России подобное можно повторить.

В консциентальных войнах против России наши противники пытаются разрушить общероссийскую «объединяющую» идентичность, ее «ядро» – патриотизм, внедряя чуждые ценности и яркие образы, подменяющие отечественный героический нарратив. При резком усилении коммуникативной и информационной связанности мира, проводится «цивилизационная перевербовка». В «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» отмечается, что информационно-психологические диверсии и «вестернизация» культуры усиливают угрозу утраты Российской Федерацией своего культурного суверенитета. Участились попытки фальсификации российской и мировой истории, искажения исторической правды и уничтожения исторической памяти, разжигания межнациональных и межконфессиональных конфликтов, ослабления государствообразующего народа[40]. Сохранение и укрепление общероссийской идентичности становится стратегической целью обеспечения национальной безопасности, ибо отказ от национальной идентичности, как предупреждает Президент России В.В. Путин, разрушает ценностную основу общества и государства.

Проблемы теории и политики идентичности активно разрабатываются в разных науках. Идентификация сопровождает становление человека в течение всей жизни, зарождаясь первоначально в «малом радиусе» взаимодействия – в кругу семьи, школы или вуза, трудового коллектива,

---

[40] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // Рос. газ. 2021. 3 июля.

местного сообщества. Постепенно человек переходит к осознанию своей общности с общественными ассоциациями и государством в целом. Идентичность – это состояние, когда человек, следуя определённому образцу («значимому другому»), корректирует свои представления, ценности и поведение. Общероссийская «объединяющая» формируется, когда большинство граждан России идентифицируют себя как народ, обладающий территорией, природой, богатством недр, этническим и конфессиональным многообразием, многонациональной культурой, достижениями в военном деле и во многих других сферах.

Консциентальные войны против народа России грозят подрывом национальной безопасности путем разрушения общероссийской идентичности. Сохранение и укрепление ее становится стратегической целью. Достижению этой цели способствуют:

– учет при подготовке и переподготовке офицеров, занятых воспитанием военнослужащих, проблемами укрепления общероссийской идентичности, направлений, методов, инструментов, ресурсов политики идентичности и консциентальной войны;

– разработка методов противодействия «консциентальным войнам» для укрепления «объединяющей» общероссийской идентичности;

– расширение круга субъектов политики идентичности;

– повышение социального статуса педагогов, занятых служением, работой с самым ценным достоянием Отечества – детьми и молодежью;

– системная работа по воспитанию отечественного патриотизма как ценностного «ядра» общероссийской идентичности;

– повышение ответственности за действия (бездействие) ответственных лиц и граждан, наносящих ущерб общероссийской идентичности, исторической памяти, значению подвига народа, территориальной целостности государства, государственным символам;

– усиление наступательного характера в презентации успехов России и Вооруженных Сил, предназначенных для защиты Отечества, активное наращивание духовного и культурного богатства;

– конструктивная критика ошибок и просчетов союзников;

– совершенствование цифрового сопровождения усилий, направленных на сохранение и укрепление общероссийской идентичности.

Рассмотренные выше современные деструктивные воздействия составляют лишь определенную часть обоснованных научным сообществом и применяемых ведущими государствами мира на практике форм межгосударственного противоборства. Дальнейшая трансформация и развитие форм межгосударственного противоборства прогнозируется на основе того, что помимо изменения в настоящее время облика войны, значительно расширяется сфера современных противоборств.

В Новой оперативной концепции сухопутных войск США «Победа в сложном мире. 2020–2040» впервые официально признаны сферами войн не только традиционные боестолкновения с использованием летального

оружия, но и противоборства в сфере дипломатии, внутриполитические гражданские конфликты, информационные войны, финансово-экономические войны, технологическое противоборство и поведенческие войны. При этом в концепции выделяются пять полей боя, или, как говорят американцы, доменов противоборства. В их число входят суша, море, воздух, космос и киберпространство.

В данной концепции впервые официально говорится, что жесткие противоборства будущего, будут осуществляться в незнакомой обстановке и в незнакомом месте. При этом армии будут противостоять неизвестные враги, входящие в неизвестные коалиции. Один из разработчиков концепции, бывший командующий войсками США и союзников в Афганистане, генерал Д. Барно отмечал: «Нам придется действовать в условиях, когда невозможно установить ни точного времени начала войны, ни момента ее завершения». В одной из недавних статей, опубликованных в ведущем армейском интернет-ресурсе, он назвал будущие конфликты «теневыми войнами».

Список обоснованных и прогнозируемых форм международного противоборства расширяется с каждым годом. Так, в марте 2021 года в российских средствах массовой информации появилось интервью советника Министра обороны Российской Федерации, А. Ильницкого журналу «Арсенал Отечества». По его мнению, западные страны избегают прямой военной конфронтации с Россией, поскольку та способна нанести им неприемлемый ущерб своим ядерным оружием и современной армией, и вероятность такого конфликта исключена на ближайшие десять лет. «Все это ведет к возникновению нового типа войн. Если в классических войнах целью является уничтожение живой силы противника, в кибервойнах уничтожение инфраструктуры противника, то целью новой войны является уничтожение самосознания, изменение ментальной цивилизационной основы общества противника»[41]. Такой тип войны А. Ильницкий назвал ментальным, а сами войны – «ментальными».

В этих условиях перед военно-политическим и государственным руководством Российской Федерации встают вопросы своевременного и превентивного реагирования на современные вызовы и угрозы национальной безопасности страны. Это должно осуществляться за счет разработки и практического применения мер нейтрализации вызовам и угрозам суверенитету, территориальной целостности государства, безопасностям отдельных сфер общественной жизни.

Во внешней политике необходимо создать вокруг границ Российской Федерации «зону безопасности», т.е. обеспечить безопасное внешнее окружение, что позволит решать задачи, соответствующие национальным интересам и роли России на мировой арене.

---

[41] В Минобороны заявили, что США начали против России ментальную войну. – URL: ria.ru/20210325/ssha-1602735487.html (дата обращения 02.04.2021).

1.4. Национальные интересы как основа деятельности российского государства в XXI веке

В различных странах национальная безопасность имеет свои особенности, которые определяются геополитическим положением, историей развития, экономикой, природными ресурсами, национальностью, традицией, идеологией и т. д. Однако все суверенные и независимые государства ставят на первый уровень свои национальные интересы.

Интерес (объективно существующая потребность) – категория, лежащая в основе субъективного представления о целях и средствах политики тех или иных представителей общества и правящей элиты, влияющих на формирование политики. Иногда он формулируется как «главная (руководящая) идея»[42] или как-то иначе. Именно анализ интересов – единственный способ анализа реальной, а не только декларируемой политики.

Национальные интересы – ключевое понятие, существующее в политике. Однако необходимо изначально исходить из представления о том, что существуют интересы, как более высокого, так и более низкого порядка, а также интересы, которые могут отличаться своей функциональной принадлежностью и временными рамками[43].

Национальные интересы – это достигнутые и планируемые уровни потребностей гражданина, общества и государства, исходящие из особенностей социально-экономического и политического устройства государства, уровня его экономического развития, кооперации, участии в международном разделении труда, географическом положении, национальных и культурных традициях. Национальные интересы воплощаются во внешнеэкономические, внешнеполитические, военные доктрины, концепции, программы, проекты.

На основе национальных интересов соответствующие институты и органы государственного управления вырабатывают и формулируют цели государственной политики. Самый прочный из всех возможных вариантов, некий эталон-образец – органичный и естественный симбиоз жизненно важных интересов гражданина, общества и государства. Речь идет не обо всех интересах, а только о жизненно важных. К примеру, национальные, государственные, групповые и другие интересы – краткосрочные, среднесрочные и долгосрочные – могут не только совпадать, но и противоречить друг другу.

Принципиально важно понимать, что в основе адекватной политики субъектов международных отношений лежат именно национальные

---

[42] См.: *Мартынов Е.И.* Политика и стратегия. М.: Финансовый контроль, 2003. С. 18–19.

[43] См.: *Подберёзкин А.И.* Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке. М.: ИД «Международные отношения», 2018.

и государственные интересы, а влияние групповых, классовых и личных интересов должно быть незначительно, что в реальной жизни бывает далеко не всегда. В отличие от групповых или личных интересов национальные интересы носят достаточно объективный, долгосрочный, стратегический характер. Поэтому при анализе политики того или иного субъекта международных отношений или (реже) негосударственного актора более правильно ориентироваться на анализ именно национальных и государственных интересов.

Говоря об интересах субъектов международных отношений, можно вычленить *приоритеты*, существующие среди интересов по степени важности, которые отражают круг заинтересованных в них субъектов и акторов политики, но в то же время которые *не всегда являются таковыми*, даже решающими в реальной политике:

– биологические и экологические интересы и потребности, характерные для всех социальных слоев и групп не только конкретной нации, но и цивилизации и всего человечества;

– национальные интересы, отражающие наиболее фундаментальные и долгосрочные потребности большинства представителей нации и цивилизации, а также национальные ценности, формирующие идентичность;

– государственные интересы, отражающие интересы правящей элиты и государственных институтов, находящейся у власти группы, которые далеко не всегда совпадают с национальными интересами;

– классовые, социальные интересы больших социальных групп нации;

– групповые интересы отдельных социальных групп и слоев;

– корпоративные интересы отдельных институтов и корпораций, например, разведки, обороны, ОПК и т.д.;

– личные и семейные интересы.

Среди этих интересов принято считать наиболее важными и приоритетными именно национальные как наиболее общие и фундаментальные, интересы и системы ценностей, объективно имеющие долгосрочный характер.

Другое разделение интересов происходит по *функциональному признаку*. При этом подходе наиболее важными принято считать интересы национального развития (социально-экономического, научно-технологического и пр.) и интересы обеспечения безопасности (военной, информационной, цивилизационной и т.д.).

Интересы делятся по продолжительности на:

– краткосрочные – 1–3 года;

– среднесрочные – 3–5 лет и более;

– долгосрочные – 10 и более лет.

Неоспоримо, что национальный интерес лежит в основе создания системы обеспечения национальной безопасности и является важнейшей категорией, которой оперируют государственные руководители, политики,

СМИ, ученые разного профиля при формировании и реализации политики национальной безопасности[44].

Понятие «национальный интерес» вошло в научный оборот сравнительно недавно – лишь в 1935 году оно было включено в Оксфордскую энциклопедию социальных наук. Приоритет в ее разработке принадлежит известным американским протестантским ученым – теологу Р. Нибуру и историку Ч. Бирду. Однако в наиболее развернутом понимании концепция национального интереса нашла свое отражение в вышедшем в 1948 году труде Г. Моргентау «В защиту национального интереса», который, по сути, положил начало комплексному осмыслению этого многогранного и многофакторного понятия и его влияния на национальную безопасность.

В западной политической мысли концепцию национального интереса принято связывать в первую очередь с геополитическим подходом. Начало геополитическому подходу в вопросе понимания сущности национальных интересов положил англичанин Хэлфорд Маккиндер (1861–1947). Маккиндер был первым ученым, глобальная модель которого оказала существенное влияние не только на британскую, но и на американскую стратегическую мысль. По его взглядам, геополитические факторы оказывают непосредственное воздействие на ход исторического процесса и определяют потенциальную силу или, наоборот, слабость государств. Технический прогресс изменяет географическую «среду обитания» государств и отражается на их потенциальном могуществе, и Евразия оказывает стратегическое влияние на глобальные политические процессы. На этой основе Х. Маккиндер сформулировал концепцию «хартленда» (сердца земли) – т.е. Евразии, которая рассматривалась им как гигантская естественная крепость, недоступная для морских империй и богатая природными ресурсами. Учитывая, что значительная часть этой территории принадлежит России, ключевой озабоченностью и стратегической задачей англосаксонской цивилизации являлось недопущение возможности усиления России за счет ее проникновения в Среднюю Азию.

Развитие геополитического подхода можно проследить в научных трудах Г. Моргентау, Н. Спайкмана и А. Мехема. Например, Г. Моргентау сформулировал постулат, в котором «цели внешней политики должны определяться в терминах национального интереса и подкрепляться соответствующей силой»[45]. Национальные интересы представлялись в качестве главного мотива деятельности представителей государственной власти, а содержание самого национального интереса определялось самим государством и не предполагало каких-либо иных ограничений, кроме силы. Н. Спайкмен сформулировал геополитическое понятие «интегрированного

---

[44] См.: *Караганов С.А.* Наступление в войне идей // Российская газета. 2020. 27 ноября.

[45] *Моргентау Г.* Реалистическая теория международной политики // Теория международных отношений. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2001. С. 137.

контроля над территорией», что позволило ему выделить три центра могущества – Атлантическое побережье Северной Америки, Европейское побережье и Дальний Восток, а также, возможно, Индия и завершить обоснование атлантической модели мира, где центр принятия решений принадлежит США и ее союзникам. А. Мэхем разработал геополитическую концепцию глобального лидерства[46] за счет владения океанами и развития морской мощи, что и поныне служит делу развития Военно-морских сил Соединённых Штатов для успешного достижения стратегических целей во внешней политике. Общими для всех этих идей и взглядов стал принцип «атлантизма», который и сегодня является базовым при оценке национальных интересов Запада. Это дало возможность легитимно (с американской точки зрения) проводить политику активного вмешательства США в дела Евразии и осуществлять геополитический контроль США не только над Западным полушарием, но и в целом над всем миром.

Такое концептуальное осознание национальных интересов США и коллективного Запада неизбежно сказывалось на тональности и содержании основных документов стратегического планирования. В частности, конфронтационный характер американской внешней политики сдерживания коммунизма был официально закреплен в меморандуме Совета безопасности США СНБ-68, подтвердившем курс на тотальное противостояние между «свободным миром» и СССР и провозгласившем: «Ускоренное наращивание политической, экономической и военной мощи является единственным курсом, который соответствует достижению наших фундаментальных целей». При этом сущностью обеспечения национальной безопасности в то время рассматривалось тотальное противостояние «свободного мира» и США.

Наиболее отчетливо это выразил известный американский публицист Ч. Крахаммер (он первым ввел в оборот понятие «однополярный мир» и стал писать о США как о единственной сверхдержаве), сказав, что право и обязанность США – использовать всю свою мощь, для того чтобы «вести за собой однополярный мир, без стеснения устанавливая правила этого миропорядка и обеспечивая их соблюдение»[47].

Дж. Розенау в книге «Национальные интересы» отмечал, что «определение национального интереса никогда не может быть ничем иным, как системой умозаключений, исходящих из аналитической и ценностной базы политики»[48]. Реальность национального интереса выявляется по мере его осуществления. Это предполагает наличие волевого и деятельностного подхода к определению национальных интересов, а также средств для

---

[46] См.: *Mahan A.T.* The Influence of Sea Power upon History. Boston: Brown, 1928. P. 22.

[47] Цит. по: *Тимофеев И.Н.* Парад планет в международных отношениях и сценарии динамики мирового порядка: Глобальный прогноз РСМД 2019–2024: сборник. М.: НП РСМД, 2019. С. 269.

[48] *Rosenau J.* The National Interest: Normative Foundation // Review of Politics. 1986. Autumn. Vol. 43.

реализации поставленных государством целей. Следуя этой логике, можно считать, что национальные интересы формируются с учетом специфики корпоративных и групповых (классовых) интересов, степени признания государства в мировой экономике и в мировом сообществе, а также степени открытости и демократизации гражданского общества. Примерно в этот же период хорошо известный идеолог противоборства с Россией З. Бжезинский в книгах «Стратегический взгляд: Америка и глобальный кризис» и «Второй шанс Америки и мира» сформулировал концепцию американского глобального политического, экономического, военного, социокультурного и информационного лидерства перед всем миром. Сегодня эта концепция уже плотно трансформировалась в политическую практику и служит основой для реальной политики национальной безопасности США.

Таким образом, в западной политической культуре обеспечение национальных интересов и безопасности государства является центральным звеном международной политики и прямо связывает понятие защиты национальных интересов с понятием доминирования и силы. Такой крен политического мышления всегда представлял реальную угрозу национальной и военной безопасности сначала СССР, а позже России и, безусловно, учитывался в стратегии военного и политического планирования.

Интерпретация американской политической доктрины, умноженная на безусловное превосходство Америки в экономическом, медийном, социокультурном и научно-технологическом развитии над другими странами мира, позволила сформулировать еще один важнейший постулат американских взглядов на формирование концепции национальных интересов, а именно: глобальное лидерство США ради демократии. «Наши интересы наилучшим образом обеспечены в таком мире, в котором демократия и ее идеалы широко распространены и надежно защищены». Так было записано в докладе Джорджа Буша – старшего о стратегии национальной безопасности США, выпущенном в августе 1991 года и воплотившем новое видение роли и места Америки в мире после победы в холодной войне. На основе такого подхода в 1994 году была подготовлена «Стратегия вовлеченности в международные дела и распространения демократии в мире», в которой указывалось, что «наша стратегия национальной безопасности строится на необходимости расширения содружества демократических стран с рыночной экономикой при одновременном ограничении и сдерживании угроз нашей стране, ее союзникам и нашим интересам»[49].

Принятие этой стратегии закрепило тезис об исключительности Америки и приоритетности американских ценностей и интересов в мировой повестке дня, ввело в политический и научный оборот понятие «о стратегической стабильности», знаменовавшее собой окончательный отказ от стратегии «сдерживания коммунизма». Национальной политике безопасности США придали новый характер, сориентировав ее не только

[49] The White House. National Security of the United States. Wash.: GPO, 1991. P. 4.

на развитие «силовых» позиций, но и на расширение круга национальных интересов за счет роста транснационального капитала, решения задачи повышения конкурентоспособности национальной экономики и обеспечения энергетической и технологической безопасности. За счет этого национальная безопасность стала рассматриваться как комплексный феномен, включающий многосферный и многофункциональный подход, что внесло свои коррективы и в практику ее обеспечения.

Особое значение приобрел фактор контроля США над мировой валютно-финансовой сферой, который сегодня, по сути, воплотился в самостоятельный национальный интерес. На этом направлении США и их союзники создали не имеющую прецедентов сложнейшую мировую глобальную финансовую систему и институциональные механизмы управления ею – сеть обмена сообщениями SWIFT (от англ. Society for Worldwide Interbank Financial Telecommunications – международная межбанковская система передачи информации и совершения платежей), верховенство доллара в международных расчетах, стабильную клиринговую систему для финансовых операций и ряд иных[50]. Как отмечает, например О.Н. Бабурина, США, став системообразующим государством капиталистического мира, создали иерархическую, опирающуюся на экономическую и военно-политическую мощь систему отношений в капиталистическом мире, «что позволило управлять мировой капиталистической системой, сделав особый упор на контроле над валютно-финансовой сферой»[51]. Такое положение дает возможность Соединенным Штатам оказывать давление на финансовые учреждения по всему миру, наглядно проявляясь в политике секторальных и персональных санкций в отношении России и иных стран.

Традиция глобального понимания роли и места Америки, ее национальных интересов в современном мире, сущности их как ключевых императивов современности сохранилась на десятилетия. «Стратегия национальной безопасности США» в редакции 2017 года закрепила доктринальное их видение: «защита территории США, американских граждан и американского образа жизни», «содействие процветанию Америки», «сохранение мира с опорой на силу», «расширение американского влияния». Этот документ органично вписывается в традиционную систему взглядов США на обеспечение своей безопасности и содержит целый ряд тезисов, представляющих прямую угрозу национальной безопасности России, требующих адекватной реакции в политической и военной практике, в частности тезисы о:

– восстановлении способности США вести большую войну;

---

[50] См.: Foreign Affairs (США): сумерки финансовой империи Америки. 29.01.2020. – URL: https://inosmi.ru/politic/20200129/246723821.html (дата обращения 23.01.2021).

[51] *Бабурина О.Н.* Национальные интересы США в организации мирового экономического порядка // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2012. № 5 (146). С. 5−64.

– обеспечении победы в любых конфликтах, причем сразу в нескольких районах мира;

– расширении разведывательной деятельности в целях получения стратегических данных и упреждающих сведений оперативного характера, необходимых для прогнозирования геостратегических сдвигов, вскрытия планов и замыслов руководства иностранных государств;

– важности оказания экономического давления на источники угроз безопасности, энергетического доминирования и центрального положения США в глобальной энергетической системе как ведущего производителя, потребителя и инноватора в энергетической сфере;

– использовании творческого и ресурсного потенциала медийных и интернет-компаний, частного сектора для продвижения американских ценностей и ряд иных позиций[52].

Новая американская администрация в лице Президента США Джо Байдена также не отступает от традиционных для американского истеблишмента канонов и принципов. В частности, в первой речи о внешней политике Президент США говорил о завершении изоляционизма, активизации демократизаторских усилий за рубежом и усилении противодействия предполагаемым враждебным шагам России и Китая. Затронув тему российско-американских отношений, Джо Байден заявил, что США не будут колебаться в стремлении добиться последствий для тех шагов Москвы, которые Вашингтон посчитает не соответствующими своим интересам. «Подошли к концу те дни, когда США шли на уступки», − сказал Байден, утверждая, что Россия предпринимала в отношении его страны «агрессивные действия».

В целом можно констатировать, что политика национальной безопасности США и коллективного Запада во многом базируется на солидном научном основании собственного понимания национальных интересов, заложенного такими ее идеологами, как С. Хантингтон, З. Бжезинский, Х. Маккиндер, А. Мэхем, Н. Спайкман и др.

Среди отечественных теоретических источников, в которых в той или иной форме исследовалась проблема сути и защиты национальных интересов России, можно выделить труды В. Ключевского и А. Ильина. Ученые отождествляли национальный интерес, прежде всего, с понятием государственности. Так, например, В. Ключевский в лекциях отмечал, что «вековыми усилиями и жертвами Россия образовала государство, подобного которому по составу, размерам и мировому положению не видим со времени падения Римской империи. Достигнутый уровень народных сил, накопленный запас народных средств – это плоды многовекового труда наших предков, результаты того, что они успели сделать. Нам нужно знать, чего они не успели сделать; их недоимки – наши задачи, т.е. задачи вашего и идущих за вами поколений».

---

[52] См.: Стратегия национальной безопасности США 2017 – История государства и права США − Проект «AVALON». – URL: avalon-law.ru (дата обращения 25.01.2021).

Проводя исторические параллели от положения Российской империи в мире до состояния ее гражданского общества, В. Ключевский формулирует одну из центральных задач при формировании национального интереса – необходимость выстраивания адекватного условиям времени и ситуации гражданского общества России, способного отвечать на угрозы и вызовы безопасности России. Для современной России, где за 30 последних лет гражданское общество формировалось под значительным влиянием западных ценностей, данный посыл представляется более чем актуальным.

М.В. Ильин считал, что «национальный интерес есть интерес нации как двуединство суверенного территориального государства и гражданского общества. Государственный интерес и интересы гражданского общества содержательно связаны с понятием национального интереса и в значительной мере определяют его смысловую структуру»[53].

Современные научные школы, к которым можно отнести работы В.Л. Манилова, А.А. Прохожева, А.И. Подберёзкина[54], рассматривая проблемы защиты национальных интересов и обеспечения национальной, в том числе международной безопасности России, с философско-концептуальных позиций, формулируют теоретические и научно-практические основания для совершенствования системы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

Военно-философские и военно-политические аспекты защиты национальных интересов Российской Федерации отражены в работах М.А. Гареева, А.А. Дремкова, И.С. Даниленко, С.А. Комова, В.М. Лисового, О.А. Белькова, В.В. Серебрянникова, С.А. Тюшкевича, действующих сотрудников Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации – В.К. Копытко, А.В. Сержантова, А.В. Копылова, И.Г. Лобанова, А.Г. Лихоносова, В.А. Вахрушева, Р.К. Мугинова и др. При этом приоритет в военно-теоретических трудах отдается вопросам формирования единой и сбалансированной государственной политики обеспечения национальной безопасности.

В частности И.С. Даниленко обосновал необходимость духовного фактора в подготовке и ведении войны. В выступлении на заседании Русского интеллектуального клуба «Проблемы национальной идеологии» он отмечал, что «война ведется с помощью двух сил: физической и духовной. И умные полководцы уже в древности зафиксировали, что примат имеет духовная сила». Важность информационного фактора защиты национальных

---

[53] *Ильин М.В.* Слова и смыслы: Опыт описания ключевых политических понятий. М.: Рос. полит. энцикл., 1997. С. 432.

[54] См., например: *Манилов В.Л.* Теория и практика организации системы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: дис. … д-ра полит. наук. М., 1995. 286 с.; Общая теория национальной безопасности: учебник / под общ. ред. А.А. Прохожева. М.: Изд-во РАГС, 2005; Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: В 2 т. / под ред. А.И. Подберёзкина; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, Центр военно-полит. исследований. М.: МГИМО–Университет, 2015.

интересов отмечается в работах М.А. Гареева, где обоснованы угрозы информационного воздействия, направленные на создание «управляемого хаоса с целью провоцирования в противостоящих странах различного рода волнений и нарушения внутренней устойчивости государства»[55].

Значительный вклад в формирование методологии защиты национальных интересов в военной сфере, включая аспекты развития военного искусства в современных условиях, внесли российские военные ученые и практики А.А. Кокошин, Ю.Н. Балуевский и В.Я. Потапов[56]. Они утверждают, что военная сила остается исключительно важным инструментом внешней политики значительной части государств, особенно тех, которые занимают наиболее видное положение на международной арене. При этом прямое и непрямое применение военной силы приобретает все более многомерный, многоплановый характер.

Старейший российский военный теоретик С.А. Тюшкевич в статье «Безопасность России в условиях мирового кризиса» также затрагивает вопросы осознания национальных ценностей, национальных интересов и национальных целей через призму мировоззренческих установок. Он пишет: «До сих пор в постсоветской России отсутствуют системное осмысление нашего бытия, комплексный взгляд на мир, научные мировоззренческие установки относительно жизни и деятельности людей, политических и общественных институтов»[57]. А мировоззрение, как известно, – это «своего рода духовный наставник, путеводитель человека, класса, партии, народа, человечества». Именно это, по мнению автора, имеет прямое отношение к проблемам обеспечения национальной безопасности. С такой точкой зрения трудно не согласиться. По экспертным оценкам, роль так называемой «гуманитарной компоненты» в политике обеспечения национальной безопасности неумолимо растет, и если XIX век был столетием геополитики, XX век – геоэкономики, то XXI веку, вероятно, предстоит стать веком геокультуры.

Рассматривая другие аспекты сущности национальных интересов, следует отметить, что ряд исследователей вкладывает в это понятие преимущественно субъективный фактор. Например, Т.В. Бордачев отмечает, что национальные интересы субъективно интерпретируются правительством, т.е. национальный интерес в данном случае продиктован представлениями того или иного политика об этом понятии[58]. Другие российские авторы

---

[55] *Гареев М.А*. Угрозы современного мира // Национальные приоритеты России. 2014. № 1 (11). С. 10−12.

[56] См.: *Кокошин А.А., Балуевский Ю.Н., Потапов В.Я*. Влияние новейших тенденций в развитии технологий и средств вооруженной борьбы на военное искусство // Вестн. Моск. ун-та. 2015. № 4. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. С. 3−22.

[57] *Тюшкевич С.А*. Безопасность России в условиях мирового кризиса // Военно-философский вестник. 2008. № 2 (02). С. 12–16.

[58] *Бордачёв Т.В.* Новый стратегический союз: Россия и Европа перед вызовами XXI века: возможности «большой сделки». М.: Европа, 2009.

полагают, что национальные интересы базируются на трёх факторах: природа интересов, которые должны быть защищены, политическое окружение, в котором проявляются интересы, и рациональная необходимость, ограничивающая выбор целей и средств. Такие технократические подходы достаточно популярны, но они сужают спектр влияния сущности национального интереса на процессы развития и обеспечения национальной безопасности.

Сегодня аксиологический, ценностный подход наиболее интересен как наиболее эффективный инструмент понимания сущности национальных интересов в условиях новых угроз и вызовов. Как уже отмечалось выше, мир столкнулся с глобальным вызовом всему человечеству – пандемией COVID-19, заставившей по-новому взглянуть как на угрозы и вызовы безопасности, так и на базовые национальные интересы и ценности многих стран.

Конечно, пока еще рано говорить о том, каковы будут результаты беспрецедентной борьбы человечества с новой глобальной угрозой, однако политики и эксперты уже сделали ряд ключевых выводов, имеющих важнейшее значение для оценки важности фактора национальных интересов в развитии и обеспечении безопасности практически всех стран.

Как отмечает С. Караганов, «пандемия стала мощным катализатором нараставшей тенденции к ренационализации мировой экономики и политики. Оказалось, что никто, кроме суверенных государств, не способен обеспечить людей общественными благами. Борьба с эпидемией ведется по большей части на национальном уровне. Это формирует гораздо более чёткий запрос на суверенитет, отторжение внешнего доминирования и стремление к свободе выбора политического, культурного пути, модели развития, внешнеполитической ориентации»[59]. Уходит на второй план тренд на безудержное развитие «общества потребления», который был доминантой мирового развития на протяжении многих последних десятилетий, все большее значение приобретают понятия суверенитет, государственность, людская общность ради достижения тех или иных масштабных целей и решения глобальных задач.

На ключевое место государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности выходит понимание необходимости осознания властью и гражданским обществом базовых национальных интересов и ценностей. Президент России В.В. Путин еще в 2012 году в Послании Федеральному Собранию Российской Федерации отмечал, что национальные интересы являются «духовными скрепами», способными объединить нацию на общих нравственных ориентирах и патриотических ценностях и сделать нас во все времена крепче, сильнее[60].

---

[59] *Караганов С.А*. Россия в мире после коронавируса: новые идеи для внешней политики // Россия в глобальной политике. 2020. № 3 (103). С. 170−182.

[60] См.: Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 12.12.2012. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс». – URL: http://www.consultant.ru/law/hotdocs/22471.html/ (дата обращения 13.03.2021).

В практике государственного управления ценностный подход отчетливо прослеживается через базовые политические документы, являющиеся ключевыми для процесса стратегического целеполагания, а именно, через Послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации. Краткий анализ посланий за последние годы говорит о том, что вопросам сбережения нации, повышения качества жизни населения, развития образования, здравоохранения, науки и культуры придается все большее значение.

В частности, в Послании 2018 года Президент России отмечал необходимость выстраивания системы социальной помощи на принципах справедливости и адресности, увеличение продолжительности жизни россиян и обеспечение технологического прорыва как необходимого условия выживания нации и сохранения суверенитета.

В Послании 2019 года основной акцент был сделан на сбережении народа и всемерной поддержке семей, преодолении бедности и снижении смертности, развитии здравоохранения и системы социального обеспечения граждан, обеспечении экологической безопасности.

В Послании 2020 г. красной нитью прошла мысль о демографической политике, качестве жизни населения, всесторонней поддержке семьи и детей. Таким образом, на повестке дня масштабные инвестиции в человеческий капитал, так как именно развитие человека – основная цель и необходимое условие прогресса современного общества.

21 апреля 2021 года значительная часть выступления В.В. Путина перед Федеральным Собранием была посвящена развитию российского государства, демографии, мерам социальной поддержки граждан, образованию и здравоохранения. вопросам поддержки малого и среднего бизнеса. Отдельное внимание президент страны уделил национальной безопасности России – «Надёжная безопасность создаёт основу для прогрессивного, мирного развития России, позволяет нам сделать гораздо больше для решения самых насущных внутренних вопросов, сосредоточиться на экономическом, социальном росте всех наших регионов в интересах людей, потому что величие России неотделимо от достойной жизни каждого гражданина»[61].

Акценты гуманитарного свойства в документах стратегического целеполагания вовсе не случайны. Они основаны на доминирующей сегодня в российском обществе системе ценностей, на его запросе по изменению жизни граждан, на объективном анализе угроз и вызовов социально-политического характера.

В настоящее время и в долгосрочной перспективе такой уклон в оценке важности национальных интересов становится очевидным приоритетом, и это необходимо учитывать при корректировке (уточнении) национальных интересов России и выстраивании на этой основе политики обеспечения

---

[61] Послание Президента Федеральному Собранию. – URL: https:// http://kremlin.ru/events/president/news/62582 (дата обращения 27.06 2021).

национальной безопасности. Кроме того, учет в современной политике обеспечения национальной безопасности аксиологического (ценностного) подхода продиктован и внешнеполитической обстановкой. Здесь необходимо отметить, что созданная в последние десятилетия военная мощь нашего государства дает России окно времени для решения неотложных и насущных социально-экономических задач.

В качестве вывода можно констатировать, что, в отличие от западных взглядов, национальные интересы России на протяжении всей истории их формирования и развития не носили не ранее, ни теперь конфронтационного характера. Поэтому в условиях жесткой международной конкуренции, новых рисков, вызовов и угроз практически по всем направлениям обеспечения национальной безопасности необходимо уточнить приоритеты политики обеспечения национальной безопасности. С учетом важности развития России, основное внимание должно быть уделено стратегическим национальным приоритетам «мягкой силы», которые становятся важнейшими индикаторами национального развития и обеспечения национальной безопасности. Такой подход базируется на предпочтениях гражданского общества и должен определить долгосрочный вектор политики России в сфере обеспечения национальной безопасности, динамику социально-экономического развития.

Политика государства не может быть успешной, если гражданское общество не объединено какой-то стратегически важной целью или идеей. Например, у Британии была идея цивилизационного миссионерства, «бремени белого человека». У Америки – личной свободы и неограниченных возможностей. У Японии, а затем у Китая – догоняющей модернизации[62]. Следовательно, политика обеспечения национальной безопасности России должна также базироваться на консолидирующей идее и служить делу объединения нации.

Как отмечал Президент Российской Федерации, для Российской Федерации такой консолидирующей идеей и важнейшим национальным интересом мог бы стать патриотизм: «У нас нет и не может быть никакой другой объединяющей идеи, кроме патриотизма... Это и есть национальная идея»[63]. Как подчеркнул Президент России, «патриотизм заключается в том, чтобы посвятить себя развитию страны, ее движению вперед и … нужно смотреть в наше не менее героическое и успешное будущее, и в этом залог успеха». Поэтому идеологема сбережения и приумножения народа России, развития национального человеческого капитала и сохранения нравственной идентичности российского общества должна быть основой политики безопасности России в XXI веке и пронизывать всю сущность базовых документов стратегического планирования.

---

[62] См.: Политика ведущих государств мира. – URL: https://www.bbc.com/russian/news/2016/02/160203_putin_patriotism_idea (дата обращения 03.02.2021).

[63] Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ 16 мая 2003 года. – URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/21998 (дата обращения 09.02.2021).

В дополнение к вышесказанному следует отметить, что происходящие процессы, как в субъектах Российской Федерации, так и за рубежом, могут существенно влиять на состояние нации, ее развитие, на реализацию геополитических целей государства в части внутренней и внешней безопасности. Особое значение имеет геополитическое и геостратегическое видение места и роли нации-государства в мире. Национальные интересы носят долгосрочный характер и формируют стратегию и тактику внутренней и внешней политики.

Особо важно подчеркнуть, что национальные цели всегда должны совпадать с национальными интересами. Опасной может быть ситуация, при которой принимаемые стратегические решения не проходят сверку с принципиальной долгосрочной концепцией национальных целей.

Национальные цели России должны не формулироваться под влиянием сиюминутных факторов, а иметь незыблемую исторически долгосрочную основу, особенно в научно-концептуальной, оборонной, духовно-нравственной и социально-экономической компонентах.

Рассчитанное детальное представление о будущем, его планирование и практическая работа на перспективу имеет особое значение, поскольку формирует у общества уверенность, является важным индикатором качества государственного управления. Общественное и государственное согласование национальных интересов является условием совмещения целей народа и государства. Усилия государственных деятелей будут успешными лишь при условии, если их будет поддерживать решительная воля народов.

Единство взглядов и действий личности, общества и государства определяет уровень зрелости социума во всех областях его жизнедеятельности. В идеальном варианте национальные интересы и их производная – национальные цели, должны совпадать и соответствовать формуле:

интересы=цели=люди +место +ресурс +алгоритм +контроль.

Чем меньше национальные цели учитывают национальные интересы, тем сложнее их воплощение и тем выше уровень социальной неудовлетворенности в обществе.

Цели являются социальными по своей природе и государственными по предназначению. Государство обязано принять их за основу и оформить в виде национальных приоритетов. Национальные интересы рассматриваются в нескольких плоскостях, в первую очередь, выделяют политические и экономические интересы государства.

Если государство нестабильно в своем военном, политическом, экономическом и социальном измерении, отличается противоречиями групп и слоев, это осложняет реализацию поставленных задач, приводит к обострению межгосударственных отношений и порождает новые угрозы не только внутренние, но и внешние. В силу неизбежного многообразия интересов личности, общества, государства рождаются противоречия, которые становятся еще одним источником угроз безопасности.

Исходным пунктом на пути реализации целей является тщательный анализ текущего состояния общества с целью выявления надежных опорных элементов конструкции. В процессе выполнения текущих и стратегических задач целесообразно опираться на наиболее прочные основы.

Национальные и государственные интересы трансформируют социальные отношения, изменяют состояние общества, и это всегда содержит определенные риски. Следует учесть, что внешняя и внутренняя политика государства является вариативной, носит ситуационный характер, но при этом никогда не следует нарушать концептуальные каноны ради сиюминутной выгоды. За короткое время ситуация может измениться, возникнут новые угрозы, поэтому отдельные задачи тактики необходимо корректировать, но общая стратегия сохраняется – территориальная целостность, суверенитет, стабильность, безопасность, достойный уровень жизни, благоприятная экологическая среда, прирост населения.

Интересы личности, общества и государства при условии содержательного наполнения являются величинами взаимозависимыми и взаимодополняемыми. Они должны образовать прочный фундаментальный контекст национальных интересов Российской Федерации.

Необходимо отметить следующее:

– интересы личности определяются возможностью каждого гражданина России реализовывать свои конституционные права и свободы в обеспечении личной безопасности, в повышении качества и уровня жизни, в физическом, духовном и интеллектуальном развитии человека и гражданина;

– интересы общества обеспечиваются упрочением реальной демократии, созданием правового социального государства, достижением и поддержанием общественного согласия, духовным укреплением России;

– интересы России определяются незыблемостью конституционного строя, суверенитета и территориальной целостности, политической, экономической стабильностью, обеспечением законности и поддержанием правопорядка, развитием равновеликого и взаимовыгодного международного сотрудничества.

Дальнейшее политическое и социально-экономическое развитие России неотделимо от состояния её внешней и внутренней безопасности, которые вместе должны рассматриваться в качестве системы, проникнутой внутренней логикой обеспечения национальной и государственной безопасности, а также социально-экономического развития государства. Для того чтобы понять эту логику, существует единственный путь – анализ национальных интересов и общей истории, лежащих в основе мыслей и поступков правящей элиты и общества, среди которых, как говорил С.М. Соловьев, «нет места неожиданностям или поступкам»[64]. Эти интересы, или потребности, – объективная реальность, чья сущность минимально зависит от отношения к ним человека, но представление об этих интересах – субъективное восприятие – уже изначально не может точно отражать эту

[64] *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М.: Эксмо, 2015. С. 7.

реальность, в лучшем случае приближаясь к их адекватной оценке. Когда же эти субъективные представления отличаются существенно от объективных реалий, как это было, например, в последние десятилетия в России, происходит формирование искаженной политики, не отражающей объективного характера интересов (потребностей) общества и государства.

Применительно к России, например, это прежде всего её геополитическое положение, создающее, по определению Г.В. Вернадского, «евразийскую сущность» российской нации, отличную от европейской и азиатской[65], а также природные и ресурсные особенности, влияющие на характер проживающих на этой территории народов. Эти характерные черты и особенности, включая исторические, культурно-духовные и цивилизационные, составляют основу для понимания объективного характера национальных интересов и системы ценностей.

К ним следует обязательно добавить общие представления о будущем, единой судьбе и нравственных нормах, которые исторически сформировались в Российском государстве, которое является старейшим из государств современной Европы, т.е. обладает мощной государственнической традицией. Национальные интересы России в геополитике не могут замыкаться в рамках ее территории в силу того, что наступил исторический момент в развитии планетарной цивилизации, когда те же условия, которые сложились в России уже много веков назад, теперь появились в остальном мире. Глобализация во всех сферах ведет к насущной необходимости привнести в мир общую объединяющую идею Совести, Справедливости и Чести.

Нужна идеология Русской идеи и утилизация аморальных ценностей. При этом вредным является «ура-патриотизм», который требует перейти на повелительный тон и смотреть с жалостью на противника. Война выигрывается полностью, когда противник перестал быть таковым и не ранее. Главное, чтобы мы сами не предали наши идеалы. Для этого государство должно назвать эти концептуальные скрепы народу, и они должны быть только истинными, соответствующими операционной системе сознания русского человека. Успех будет обусловлен прорывом в экономике и повышением уровня жизни.

[65] См.: *Вернадский Г.В*. История России: Московское царство. М.: Эксмо, 2014.

ГЛАВА 2. Анализ и прогностический характер вызовов и угроз безопасности в сферах жизнедеятельности российского общества в XXI веке

2.1. Вызовы и угрозы в международной сфере

В настоящее время обеспечение международной безопасности является важнейшей задачей международного сообщества, от решения которой зависит не только прогрессивное развитие человечества, но и в целом его существование. В данной проблеме фокусируется сложность процессов взаимоотношения государств, построение мирового порядка XXI века и формирование новой парадигмы развития как отдельных государств, так и всего международного сообщества. Высокий уровень международной безопасности – это условие решения всех современных проблем и вызовов, стоящих перед обществом.

Отметим, что первичным является развитие международного сообщества, международная безопасность вторична и призвана обеспечить его развитие, защитить от угроз различного вида. Развитие международного сообщества невозможно без решения вопросов обеспечения его безопасности. Международная безопасность обеспечивается правовыми, политическими, экономическими и другими средствами, выработанных человечеством механизмов функционирования и воспроизведения жизни.

Понятие «безопасность» как сложное многогранное социальное явление имеет конкретно-исторический характер и тесно связано со всеми формами и направлениями взаимодействия в системе «природа – человек – общество». Любая концепция обеспечения безопасности разрабатывается в соответствии с конкретными историческими условиями.

Международная безопасность представляет собой состояние защищенности жизненно важных интересов международного сообщества от угроз, порождаемых социально-политическими процессами. При этом:

– обеспечивается существование и развитие международного сообщества, а также национальная безопасность каждого из государств;

– не допускаются действия в любой сфере человеческой деятельности, приводящие к вооруженному насилию, подрыву стратегической стабильности и нарушению мира;

– соблюдаются общепризнанные принципы международного права.

Иными словами, под международной безопасностью понимается такое состояние международных отношений, при котором исключаются угрозы миру, нарушение мира и акты агрессии в какой бы то ни было форме, а отношения между государствами строятся на нормах и общепризнанных принципах международного права. Интересы того или иного государства только тогда становятся движущей силой развития, когда они находят отражение в мировой политике и политике государств. Политика определяет цели деятельности по реализации этих интересов, а вытекающая из этой

политики стратегия определяет практику их реализации и достижения поставленных целей. Угрозы социальным интересам возникают только в процессе их реализации в практической деятельности государств и международного сообщества в целом.

Оценка тенденций (трендов) развития современных международных отношений помогает понять не только долгосрочную перспективу, но и уточнить содержание текущего этапа военно-политической обстановки в мире. Рассмотрим основные тенденции.

I. Нарастание полицентричности мира.

Тенденция к многополярности, которая набирает силу, имеет неоднозначные последствия для международной стабильности. После крушения биполярного мира и распада СССР на некоторое время установился однополярный мир во главе с безусловным политическим, экономическим и военным лидерством США. До начала XXI века считалось, что лидерство США установилось всерьез и надолго, и они будут определять правила и направления мирового развития в ключевых сферах[66].

Первые признаки эрозии однополярного мира проявились в виде неуправляемости в странах «третьего мира», и к международным отношениям стали применять определение «турбулентные». Однако достаточно долго считалось, что необходимо лишь найти оптимальную модель американского лидерства, чтобы нивелировать нарастающие проблемы.

Администрация Б. Клинтона рассчитывала, что экономическая успешность и сила примера обеспечит лидерские позиции США, но закончила военно-силовой операцией по расчленению Югославии в 1999 году. Следующий Президент Джорж Герберт Уокер Буш (младший) сделал ставку на откровенно силовое насаждение стандартов США под флагом глобальной борьбы с терроризмом. В Стратегии национальной безопасности 2002 года, определяющей внешнюю и оборонную политику США, был зафиксирован курс на обеспечение военного, политического и экономического лидерства США, свободы действий и доступа в наиболее важные регионы мира и права США. Кроме того, было декларировано, что США при необходимости предпримут превентивные военные действия по своему усмотрению и в обход международного права[67].

Назревший кризис однополярности и объективную тенденцию к полицентричности обозначил в своей речи в Мюнхене в 2007 году Президент России В.В. Путин: «Предлагавшийся после холодной войны однополярный мир тоже не состоялся… и это в конечном итоге губительно не только для всех, кто находится в рамках этой системы, но и для самого

---

[66] Wohlforth W. The Stability of a Unipolar World // International Security. 1999. Vol. 24. No. 1. P. 5−41.

[67] The National Security Strategy of the United States of America. September 2002. – URL: https://history.defense.gov/Portals/70/ Documents/nss/nss2002.pdf?ver= oyVN99aEnrA WijAc_O5eiQ%3d%3d (дата обращения: 16.03.2021).

суверена, потому что разрушает его изнутри… Считаю, что для современного мира однополярная модель не только неприемлема, но и вообще невозможна. И не только потому, что при единоличном лидерстве в современном – именно в современном – мире не будет хватать ни военно-политических, ни экономических ресурсов. Но что еще важнее: сама модель является неработающей, так как в ее основе нет и не может быть морально-нравственной базы современной цивилизации»[68].

На этой же конференции В.В. Путин заявил о независимом внешнеполитическом курсе России, подвергнув критике политику Запада в целом по вопросам безопасности, соблюдения норм международного права и международно-экономического развития. Резкая критика и независимая позиция российского Президента встретила негативную реакцию Запада и послужила началом охлаждения отношений между Россией и Западом. Тем не менее с кризисом согласились даже США, что нашло отражение в политике следующего Президента Б. Обамы, основным лейтмотивом которой стала тема возвращения глобального лидерства США. В итоге, в мире стали стремительно развиваться иные мировые центры – примером могут служить страны БРИКС (межгосударственное объединение Федеративной Республики Бразилии, Российской Федерации, Республики Индии, Китайской Народной Республики и (с декабря 2010 г.) Южно-Африканской Республики) и ШОС (Шанхайская организация сотрудничества), которые по динамике развития опережают США и их союзников.

Мир становится многополярным (полицентричным). В современных условиях в мировом сообществе идет процесс переформатирования устройства мирового сообщества в части повышения значимости государства как аппарата регулирования социально-политической жизни общества, роста его ответственности (в смысле миссии государства) за обеспечение справедливости, национальной безопасности и здоровья нации.

Отчетливо прослеживается необходимость перестройки международных институтов регулирования международного взаимодействия в условиях реального полицентризма, когда отсутствуют двойные стандарты, а принципы невмешательства во внутренние дела других государств, суверенитета и сохранения национальной специфики и исторической идентичности соблюдаются всеми участниками международной организации. Развитие международного права при этом обеспечивается коллективной выработкой правовых норм и правил будущего развития всех государств.

Признание полицентризма (или многополярности) как реальности воспринимается государствами Запада, которые идентифицируют себя как единственно прогрессивные устройства человеческого социума.

---

[68] Путин В.В. Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. 10 февраля 2007 г. URL: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24034 (дата обращения: 02.03.2021).

Они не только отрицательно, но и агрессивно реализуют политику «восстановления однополярного мира»[69].

Российская Федерация исходит из понимания, что многополярность – это равноправное взаимодействие государств мирового сообщества на основе международного права, а не правил, которые разрабатываются и навязываются в рабочем порядке одним государством или группой сателлитов, зависимых от политики и экономики этого государства. Многополярность исключает вмешательство любым образом во внутренние дела других стран, она предполагает терпимость и соблюдение суверенитета наций и территорий, свободу волеизъявления народов в части своего государственного устройства, политической системы и ценностных ориентиров, положенных в основу формирования социумов.

Это подтвердил глава Министерства иностранных дел России С.В. Лавров – «независимый в том смысле, что мы не хотим нарушать международные правовые нормы, и при этом на решения, которые мы будем принимать на основе международного права, не должны влиять давление, деньги, санкции, угрозы или что-либо еще»[70].

В складывающейся ситуации на международной арене более важную роль начнут играть Китай, Индия, Бразилия и страны Африки, несмотря на попытки их сдерживать или открыто противостоять. Проводимая санкционная политика западных стран, провоцируемая абсолютно не имеющими ничего общего с международным правом поводами по отношению к Китаю, России, Кубе, Ирану и Венесуэле, по оценке экспертов ООН по правам человека, представляет собой нарушение прав человека этих стран. Поскольку США инициируют односторонние нелегитимные санкции, то, по мнению экспертов ООН, именно они должны обеспечить соблюдение международного договора о правах человека и предотвращать любое негативное воздействие, которое такие санкции могут иметь на права человека в этих странах.

В этой связи симптоматично, что Китай выступил за последовательное отстаивание недопустимости односторонних санкций, за совместное с Россией отстаивание незыблемости соблюдения международного права и положений Устава ООН. Вопреки целям и принципам Устава ООН, нормам международного права односторонние санкции серьезно подрывают усилия стран, находящихся под санкциями, по мобилизации ресурсов, развитию своей экономики и повышению благосостояния людей, угрожают их правам на жизнь и саморазвитие.

---

[69] Лавров С.В. О позиции Запада по отношению к России. – URL: https://russian-rt-com.turbopages.org/russian.rt.com/s/russia/article/810835-vystuplenie-lavrov-sobranie-rossovet (дата обращения: 08.03.2021).

[70] Крылова М. С.В. Лавров о роли России в формирующемся новом мировом порядке. 2018. – URL: https://iz-ru.turbopages.org/iz.ru/s/761336/2018-06-29/lavrov-rasskazal-o-roli-rossii-v-novom-formiruiushchemsia-mirovom-poriadke (дата обращения: 12.03.2021).

Таким образом, полицентризм представляет собой реальность, которая отражает трансформационное преобразование мирового сообщества, но процесс обретения полноценного суверенитета государствами длительный, он будет не только сдерживаться, но и развиваться в режиме конфронтации со стороны западных стран, утрачивающими роль гегемона и доминирующего положения.

II. Внешние вызовы в сфере международных отношений.

1. Пандемия продолжит оставаться одним из определяющих вызовов для выхода на траекторию устойчивого развития и формирования условий обеспечения динамичного развития (среднесрочная перспектива). Страны будут выходить из нее с разной скоростью, границы будут оставаться закрытыми, туристическая отрасль будет пребывать в достаточно жестких условиях сдерживания. В странах, сохраняющих режим частичного или полного карантина, будет сохраняться социальное напряжение, протестные движения могут постепенно нарастать, причем реакция толпы будет достаточно трудно предсказуемой, а государства вынуждены будут или финансово смягчать последствия пандемии, повышая долговое бремя, или усиливать репрессивное воздействие на протестные движения. Все это будет существенно препятствовать двусторонним контактам и налаживанию продуктивного экономического партнерства.

2. Объявленный полноценный суверенитет России, в т.ч. на внешнем контуре, де факто представляет собой существенный вызов доминированию США в мировом сообществе и всего так называемого коллективного Запада, выступающего единым блоком с идеологемами, вновь выдвинутыми руководством демпартии США и Президентом Джо Байденом. Группами противодействия России выступят США и ЕС, а также Канада и Австралия.

Один из ведущих исследовательских центров Пентагона – корпорация РЭНД представила в 2019 году доклад «Слишком большая и несбалансированная Россия. Оценка влияния затратных вариантов»[71]. По сути, это набор рекомендаций по ограничению политических и экономических возможностей России, состоящих из четырех блоков: экономического, геополитического, идеологическо-информационного, блока военных мер.

Экономический блок предполагает увеличение поставок энергоносителей из США, чтобы снизить прибыль Российской Федерации; усиление санкций и принуждение других стран к этому процессу; помощь ЕС в поиске новых поставщиков газа, включая сжиженный природный газ; поддержку миграции из России образованной молодежи.

Геополитический блок включает помощь Украине оружием с целью увеличения расходов Москвы без провоцирования вооруженного конфликта с Киевом, в котором Россия победит; увеличение поддержки афганским боевикам, что может привести к дальнейшей дестабилизации региона;

[71] Рецепт победы над Россией от Rand Corporation. URL: fznc.word /retsep-pobedy-nad-rossiei (дата обращения: 19.03.2021).

помощь (цветная революция в Белоруссии) в либерализации; расширение связей на Южном Кавказе, экономически конкурирующем с Россией и подталкивание геополитической активности Турции; уменьшение российского влияния в Центральной Азии; организация переворота в Приднестровье и вывод российских войск.

Идеологическо-информационный блок – подрыв доверия к российской избирательной системе; создание восприятия, что политическая элита не служит интересам России; подстрекательство к протестам и ненасильственному сопротивлению; подрыв имиджа России за рубежом.

Военные меры предполагают переброску бомбардировщиков к российским границам для нанесения ударов по ключевым стратегическим целям в России; развертывание дополнительного ядерного оружия в Европе и Азии; переброску американских и союзных систем противоракетной обороны (ПРО) для более эффективного сдерживания российских баллистических ракет; разработку малозаметных бомбардировщиков большой дальности.

По линии конфронтации в мировом океане американский стратегический исследовательский центр RAND предлагает увеличить присутствие американских и союзных ВМС в Балтийском море, Арктике, в Черноморско-Средиземноморском бассейне. Также предложено увеличить численность контингента НАТО у российских границ. Указано на важность увеличения количества и масштаба учений НАТО в Европе, что послужит сигналом Москве.

3. Информационное давление и использование в качестве аргументации абсолютно непроверенных, ложных, выдуманных фактов с целью создания в социумах стран Запада страха перед агрессивностью России и нецелесообразностью ведения переговоров или дел по развитию экономического сотрудничества. При этом используются, а также будут применяться в будущем следующие методы давления:

– попытки стран Балтии инспирировать процессы по компенсации Россией нанесенного им ущерба советским режимом с возможным политизированным решением в судах, имеющим авторитетную репутацию международных арбитражных судов;

– со стороны Польши можно ожидать исков в части разрушения инфраструктуры Газотранспортной системы Украины, поскольку источников дотирования экономики Украины у ЕС нет, а источники саморазвития Украины постепенно утрачиваются;

– принуждение компаний из ЕС, входящих в европейский альянс или имеющих бизнес в России, к продаже бизнеса в Российской Федерации, к сбросу акций, введению санкций против своих граждан и компаний, предполагающих инвестиции или ведение бизнеса с российскими компаниями;

– разработка новых правил по типу Координационного комитета по экспортному контролю (КОКОМ) по запрету предоставления технологий или инженерных разработок любого типа российским контрагентам;

– введение санкций против совместных компаний с участием российских партнеров на территории западных стран, требование продажи бизнеса россиян резидентам.

4. Кибератаки и попытки отключить Россию от интернета, неподчинение крупных IT-компаний, в т.ч. имеющих свои подразделения в России, действующему российскому законодательству. Как следствие – отключение от сети отдельных компаний, подмена их отчетности, «сливы» информации конкурентам, блокирование сделок, связанных с переходом российских компаний и госучреждений на российские компьютерные системы, с началом выпуска отечественных микропроцессоров и политикой снижения соответствующего импорта.

5. Неправомерные с точки зрения международного права односторонние санкции по отношению к России, Белоруссии и в потенциале ко всем странам-членам ЕАЭС.

Применение санкционной политики является инструментом не столько сдерживания экономического развития России, сколько открытого противодействия поступательности развития экономики страны, направления в русло исключительного обслуживания интересов развитых стран. Поскольку интеграционный союз ЕАЭС преследует цель укрепления международной конкурентоспособности стран-членов на внешнем контуре на основе взаимодействия и взаимодополнения, то санкционная политика в отношении партнеров ЕАЭС также может быть распространена и на них.

6. Процесс регионализации «глобальных цепочек создания стоимости», предполагающий сокращение перевозок и локализацию воспроизводственной цепи в граничащих друг с другом странах.

Вызовом для России является то, что участие российских компаний в сформировавшихся «глобальных цепочках стоимости» и вхождение в так называемые «хабы» (Китай и Германия), концентрирующие высокую добавленную стоимость, представляется крайне опасным в силу политических и экономических последствий.

Для российских компаний целесообразно, привлекая партнеров из стран, вызывающих доверие и связанных долгосрочными стратегическими партнерскими отношениями на межгосударственном уровне, приступить к формированию новых «глобальных цепочек стоимости» и национально ориентированных транснациональных корпораций, концентрируя в своих руках права интеллектуальной собственности, технико-технологические и инженерные преобразования продукции (35–40 % стоимости в конечном продукте), используя при этом сначала потенциал горизонтальной кооперации и, постепенно наращивая и расширяя рыночные ниши, переходить к вертикальной кооперации в виде создания «глобальных цепочек стоимости».

Необходимо учитывать, что состязание между странами БРИКС во всех сферах хозяйственной жизни будет иметь место в условиях полицентризма, и конкурентные позиции и устремления стран-партнеров необходимо не только знать, но и обеспечивать конкурентные преимущества России на международной арене.

7. Среди определенных вызовов для российской экономики и поступательности ее развития играет роль прагматичная экономическая политика Китая. В частности, Китай, принимая стратегию «Технические стандарты 2030», позиционирует себя исключительно как страну, которая будет определять международные технические стандарты, основываясь на разработках своих транснациональных компаний.

Как следствие – доминирование в международных экономических отношениях стандартов китайских производителей в части развития 5G, искусственного интеллекта, квантовых вычислений и передачи информации, биотехнологий, которые будут иметь двойное назначение. Это обеспечит технологическое превосходство Китая в экспорте высокотехнологичной гражданской инфраструктуры. Одновременно эта группа продуктов из Китая будет обладать возможностью передавать производителям критически важную информацию из государственных служб, данные об уязвимости национальной инфраструктуры и персональные данные граждан с целью использования в интересах страны-экспортера. Развитие цифровизации в государственном управлении Российской Федерации на основе зарубежных средств и технологий представляет собой существенный вызов в части реализации национальных стратегических приоритетов.

Китай последовательно проводит политику замещения руководящих должностей в международных организациях, что должно обеспечить реализацию интересов Китая на международном уровне. Разделяя принципы полицентризма во внешней политике, Китай будет стремиться продвигать сложившийся тип экономической глобализации, постепенно подменяя американские и японские транснациональные корпорации китайскими, продвигая юань в качестве мировой валюты и распространяя правовую систему всестороннего регионального экономического партнерства (ВРЭП) на все международные сделки, включая инвестиции и права интеллектуальной собственности.

В качестве противодействия, учитывая стратегическое приоритетное партнерство Российской Федерации и Китая, необходимо реализовать политику доминирования в приграничных с Китаем регионах России национальных интересов над региональными, корпоративными или отдельных граждан при осуществлении взаимодействия с китайскими партнерами. Необходимо усилить регулирование трудового права для обеспечения интересов российских граждан, занятых на китайских транснациональных корпорациях, и деятельность профсоюзов как гарантов соблюдения прав, занятых на территории Российской Федерации на совместных или полностью китайских компаниях.

Конкурирование с китайскими компаниями может быть обеспечено исключительно на основе оптимизации сочетания потоков государственного, кредитного и частного финансирования, причем на основе применения мер поддержки и защиты национальных производителей, а также более жесткого продвижения своих интересов на уровне международных организаций.

Вызовом для России в энергетическом сегменте может быть то, что Голдман Сакс и Морган Стэнли (США) анонсировали возобновление спроса на энергоносители в связи с природным циклическим изменением температуры в сторону похолодания, что должно привести к росту цен на энергоносители и де факто к упразднению преувеличенной значимости «зеленой экономики». Следствием являются замерзшие скважины гидроразрывов в США, ветряки в Европе, повышение спроса на электроэнергию, используемую для обогрева жилых помещений, а также рост цен на энергоносители, причем традиционные.

Для практики торговли энергоносителями – это существенный вызов в силу привлекательности ценового фактора для коммерческой деятельности, прекращения газификации регионов России, хотя реально за счет цены маржи можно было бы обеспечить подвод газа не только к жилым поселениям, но к каждому жилому дому, что соответствует целям стратегического развития страны.

Процесс перехода в международных отношениях к полицентризму является сложным и противоречивым, идет формирование не полюсов, а центров (в т.ч. региональных), способных на условиях равноправия, невмешательства во внутренние дела других партнеров, мира и добрососедства участвовать в развитии мирового сообщества по пути устойчивого развития и обеспечения благосостояния населения стран мира.

Противостояние и даже конфронтация со стороны государств, утрачивающих свое доминирование и теряющих бонусы, традиционно получаемых от этого гегемонизма, странам, последовательно отстаивающим принципы многополярности, будет нарастать. Обеспечение подлинного полноценного суверенитета во всех его составляющих, включая ментальные и социокультурные аспекты, является наиболее актуальной задачей в современных условиях для России и стран-партнеров по БРИКС.

Полицентризм не упраздняет конкуренцию, а потому обеспечение конкурентных преимуществ для позиционирования в международных экономических отношениях – это задача, тесно связанная с политикой достижения полного суверенитета. Она требует ускорения принятия решений и повышения оперативной управляемости национальным хозяйством.

III. Проблема глобального экономического развития.

В структуре мировой экономики происходят глубокие изменения, связанные с тем, что потенциал роста существующего уклада, заложенный США и их союзниками после Второй мировой войны, иссяк. Это обстоятельство вызывает серию трансформаций и делает мир менее стабильным.

В конце XX и начале XXI вв. наблюдался подъем в мировой экономике, связанный с ростом наукоемких производств. Повышение производительности труда способствовало росту доходов не только в развитых, но и в быстро растущих государствах. Значительный вклад в ускоренный мировой экономический рост внесли Китай, Индия, Бразилия и частично Россия (БРИК). В этих странах не просто появились десятки мощных транснациональных компаний, в ряде случаев они скупали контрольные пакеты акций западных ведущих корпораций.

Страны Запада существенно нарастили прямые финансовые вложения и передачу технологий в страны Азиатско-Тихоокеанского региона, вслед за этим мировые финансовые рынки также стали перемещаться на восток. Внутри Запада началось постепенное перераспределение сил в пользу США. В то же время доля Запада в мировом валовом внутреннем продукте (ВВП) снижалась за счет быстро развивающихся стран и стран с переходной экономикой.

Отличительной особенностью мирового хозяйства стал рост непроизводственных секторов. Увеличились вложения в человеческий капитал, что сопровождалось инвестициями в образование, науку, здравоохранение и способствовало их интернационализации. Быстро развивались сфера услуг, маркетинга, аудита, внедрялись информационные и компьютерные технологии. Эта тенденция получила название «новой экономики»[72].

Другой отличительной чертой этапа мирового экономического роста стало гипертрофированное расширение финансово-кредитной системы. Финансовый капитал все более обособлялся от производственного капитала и занимал господствующие позиции. Это выражалось в том, что прибыль формировалась в большей мере за счет финансовых операций, а не производства и торговли. При этом цены на товары и производственные активы стали формироваться в зависимости от финансовых рынков, а не от действий производителей материальных благ. Дерегулирование собственных финансовых рынков позволило ряду стран, включая США, Канаду, Великобританию, получить наибольшие выгоды.

Оборотной стороной доминирования финансового капитала стала деиндустриализация ведущих стран в пользу сервисной экономики. Процесс индустриализации ускорился в развивающихся и особенно быстро растущих государствах, что привело к перемещению в них реального производства из развитых стран. Лидирующие позиции по производству товаров перешли в Китай, Индию, Республику Корея, Индонезию.

Катализатором мирового экономического роста стал процесс глобализации, который обеспечил опережающее развитие международных экономических связей и международного разделения труда по сравнению с внутренним производством; интернационализацию инновационной

[72] Стрелец И.А. Новая экономика: гипотеза или реальность? // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 2. С.16−23.

деятельности и постепенное выравнивание наукоемкости развитых и быстро растущих государств; ускорение трансграничного перемещения капитала, товаров, услуг, трудовых ресурсов.

Однако с 2007 году мировая экономика вступила в очередной кризис, сравнимый с Великой депрессией 1930-х годов. Падение производства было вызвано теми же причинами, которые вызывали до этого рост. Кризис отличает глобальный охват, т.е. синхронное падение производства и финансовых рынков, что связано с жесткой привязкой к доллару и американским экономическим циклам. Увеличение скорости финансового оборота приводило к перенасыщению экономики деньгами (перегрев экономики). Низкие ставки по кредитам привели к чрезмерному наращиванию кредитной массы, которые во многом ушли в ипотеку недвижимости.

Начавшийся невозврат кредитов в США послужил толчком к кризису, обнажившему перенасыщенность мирового хозяйства рискованными активами. При этом государства развитых стран уже создали систему дерегулирования финансовой деятельности, что привело к созданию мощных транснациональных финансовых институтов. В условиях отказа от государственного регулирования стало трудно выявлять неплатежеспособных заемщиков и реальную стоимость компаний. Спад в ключевых отраслях экономики охватил развитые, потом развивающиеся и страны с переходной экономикой.

В итоге государства вернулись к протекционизму в торговле и финансовой сфере, проводя дискриминационную политику в отношении других стран и даже политику «экономического национализма», призывая покупать продукцию только национальных производителей. Наиболее ярко это проявилось в экономических отношениях США и ближайшего конкурента – Китая[73]. Начал утрачивать свою эффективность механизм ВТО, группа G8 (Group of eight, 1975), состоящая из ведущих держав, также показала неспособность урегулировать мировые экономические проблемы, уступив место G20 (Group of twenty, 1999).

В мирохозяйственном механизме возник дисбаланс, связанный с лидерством США. Превратившись в крупнейшего импортера внешнего капитала и товаров при падении собственного производства, США наращивали внешний долг, достигший 20 трлн. долл. Оплата долгов компенсировалась необеспеченным выпуском доллара, который опередил рост реальной экономики. В условиях господства хедж-фондов реальный бизнес стал ориентироваться не на повышение производительности труда, а на повышение капитализации, т.е. чисто финансовый показатель. Хотя к началу второго десятилетия XXI века экономический кризис был преодолен во многих государствах мира, институциональная система

[73] Крупнейший в мире фонд для богатых сбрасывает акции. – URL: https://www.finanz.ru/novosti/fondy/krupneyshiy-v-mire-fond-dlya-bogatykh-sbrasyvaet-akcii-1028474287 (дата обращения: 15.03.2021).

мирового хозяйства в настоящее время не справляется с регулированием финансовой и производственной деятельности, что повышает риски для экономики в глобальном масштабе.

Эпидемия коронавируса 2020–2021 гг. ускорила развитие кризисных явлений. Для экономики России ситуация остается неопределенной в плане перспектив преодоления экономических проблем.

Во-первых, сохраняется тенденция к экономическому спаду. Согласно принятой либеральной модели, двигателем экономики считается стимулирование потребления среднего класса. В условиях же падения экономического производства накопления среднего класса стремительно сокращаются. Если США могут напечатать необеспеченные доллары, которые являются мировой валютой, то у России такого ресурса нет.

Во-вторых, негативное влияние могут оказать и внешние факторы, такие как падение западных рынков, что может привести к удешевлению доллара на 25–30 %. Свободные колебания курса и отсутствие ограничений на конвертацию рубля позволяют спекулянтам дестабилизировать внутренний финансовый рынок. Риски еще более возрастают из-за политической нестабильности в мире.

Меры, которые предпринимают государства по оздоровлению национальных экономик, оказываются неэффективными в условиях глобализации. На этом фоне назревает укрепление региональных валют как альтернатив доллару и переход к другим моделям социально-экономического развития, связанным с возвратом к регулирующей роли государства. Показательно, что в отличие от западных стран с либеральной экономикой, Китай и другие государства Юго-Восточной Азии продолжают расти во время коронавируса. В этих государствах модель государственного управления экономикой включает стратегическое планирование и планирование по индикаторам, контролируемую государством рыночную конкуренцию, целевое государственное кредитование важных проектов.

Снижение геополитической стабильности в глобальном масштабе сопровождается деградацией механизмов обеспечения международной безопасности, включая многосторонние и двусторонние договоры: Договор об обычных вооружениях и вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ), Договор о противоракетной обороне (ПРО) 1972 года, Договор об открытом небе (ДОН), Договор о ракетах средней и меньшей дальности (ДРСМД). Продление договора СНВ-3 между США и Россией на 5 лет, которое произошло после вступления на пост Президента Джо Байдена, создает перспективу для возврата к переговорному процессу по другим направлениям.

Основная проблема в области поддержания режимов международной безопасности состоит в том, что со времен холодной войны часть договоров, особенно по стратегическим вооружениям, заключалась между США и СССР/Россией, между НАТО и ОВД. Эти договоры не охватывали такие регионы, как Азия, Африка, Латинская Америка, т.е. система договоров

не была глобальной в действительном значении. Между тем вышеуказанные дестабилизирующие факторы требуют достижения многосторонних договоренностей и глобального охвата.

К подобным переговорам должны быть привлечены страны НАТО, Китай, Индия, Пакистан, КНДР, Республика Корея, Япония. Однако многие государства рассматривают обладание ракетным, ядерным и другими видами разрушительного оружия как гарантию собственной безопасности. Кроме того, если между США и СССР/Россией существовал примерный паритет, то у Китая, например, ядерный арсенал значительно меньше. Все это усложняет повестку переговоров и достижение согласия по параметрам ограничений.

Оценивая современные международные отношения, можно с уверенностью констатировать, что они претерпевают кардинальные изменения. Причиной тому являются современные вызовы и угрозы, порожденные новым раскладом сил на мировой арене.

Таким образом, *основными потенциальными угрозами международному сообществу в настоящее время и на ближайшую перспективу являются:*

– территориальные претензии государств друг к другу;

– существующие и потенциальные очаги локальных войн и вооруженных конфликтов в различных регионах Земли;

– возможность применения как на поле боя, так и в глобальном вооруженном конфликте оружия массового поражения, находящегося на вооружении ряда государств;

– распространение ядерного и других видов оружия массового поражения, средств его доставки и новейших технологий военного производства в условиях нестабильной международной обстановки;

– возможность подрыва стратегической стабильности в результате нарушения международных договоренностей в области ограничения и сокращения СНВ;

– попытки вмешательства во внутренние дела, дестабилизация внутриполитической обстановки в отдельных странах мировыми центрами сил;

– превращение космического пространства в новый театр военных действий;

– расширение военных блоков и союзов в ущерб интересам международного сообщества;

– противоправная деятельность националистических, сепаратистских и других организаций отдельных государств с использованием вооруженного насилия, направленная на дестабилизацию региональной обстановки;

– международный терроризм и международное пиратство;

– насильственное свержение конституционного строя, дезорганизация функционирования органов государственной власти и управления в государствах, находящихся в потенциально конфликтных регионах;

– нападения на объекты ядерной энергетики, химического, биологического производства и другие потенциально опасные объекты незаконных международных вооруженных формирований;

– незаконное распространение оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и других средств осуществления диверсий и террористических актов отдельными государствами;

– отсутствие правового статуса пребывания вооруженных сил отдельных государств за их пределами.

Перерастанию потенциальных угроз в реальные угрозы способствуют следующие факторы:

– наращивание группировок войск (сил) у границ государств до пределов, нарушающих сложившееся соотношение сил;

– нападение на объекты и сооружения на границах государств и границах их союзников, развязывание пограничных конфликтов и вооруженных провокаций;

– подготовка на территории государств вооруженных формирований и групп, предназначенных для переброски на территорию других государств и их союзников;

– действия стран, препятствующих функционированию систем обеспечения ядерных сил, государственного и военного управления, в первую очередь, их космического компонента;

– ввод иностранных войск на территорию сопредельных государств (если это не связано с мерами по восстановлению и поддержанию мира в соответствии с решением Совета Безопасности ООН или регионального органа коллективной безопасности).

Основными задачами в области обеспечения международной безопасности являются:

– своевременное прогнозирование и выявление глобальных угроз международной безопасности, реализация оперативных и долгосрочных мер по их предупреждению и нейтрализации;

– обеспечение суверенитета и территориальной целостности государств, а также обеспечение условий для возможного самоопределения народов на основе международного права;

– обеспечение на конфликтных территориях личной безопасности гражданина, его конституционных прав и свобод, а также укрепление правопорядка и сохранение социально-политической стабильности общества;

– обеспечение неукоснительного соблюдения международного права всеми акторами международных отношений;

– адаптация существующих соглашений по контролю над вооружениями и по разоружению к новым условиям международных отношений, а также разработка при необходимости новых соглашений, в первую очередь по мерам укрепления доверия и безопасности;

– противодействие экономической, демографической и культурно-религиозной экспансии на территорию государств со стороны других государств;

– пресечение незаконной миграции и осуществление коллективных мер по обеспечению безопасности пограничного пространства государств;

– предотвращение загрязнения природной среды за счет повышения степени безопасности технологий, связанных с захоронением и утилизацией токсичных промышленных и бытовых отходов, а также предотвращение радиоактивного загрязнения окружающей среды, минимизация последствий произошедших ранее радиационных аварий и катастроф;

– экологически безопасное хранение и утилизация выведенного из боевого состава вооружения, прежде всего атомных подводных лодок, кораблей и судов с ядерными энергетическими установками, ядерных боеприпасов, жидкого ракетного топлива, топлива атомных электростанций;

– создание и внедрение безопасных производств, поиск способов практического использования экологически чистых источников энергии, принятие неотложных природоохранных мер в экологически опасных регионах мира;

– противодействие угрозе развязывания противоборства в международной информационной сфере.

В настоящее время уже общепризнанно, что усиление кризисных явлений в мире и в отношениях между субъектами международного права будет не только продолжаться, но и будут развиваться по принципу эскалации, когда практически ежедневно против России выдвигаются самые разные (в том числе абсурдные) инициативы.

Объективные тенденции развития современных международных отношений создают условия для возникновения конфликтов между государствами в различных сферах. Основные угрозы, способствующие зарождению конфликтов – противоречия глобализации, изменение центров силы, глобальное исчерпание ресурсов, геоэкономические и геостратегические противоречия, а также нетрадиционные угрозы, включая неконтролируемые миграции, терроризм, радикализацию общественных групп, гуманитарные проблемы.

2.2. Вызовы и угрозы в политической сфере

Набор и соотношение различных угроз в политической сфере в последние годы быстро меняются. Причем, это относится и к реальным угрозам, и к тем, которые воспринимаются таковыми обществом. Оба вида угроз необходимо учитывать при принятии политических решений. Если в 1990–2000 гг. основные политические риски локализовались во внутренней политике, то после 2014 года акцент и в реальности, и в восприятии обществом политических угроз явно сместился на риски международные и даже глобальные. Угрозы, идущие извне, потребовали выработки новой внешнеполитической и военной стратегии, реформирования военно-промышленной сферы. При этом вызовы, существующие во внутриполитическом пространстве, являются не менее значимыми, поскольку ставят под угрозу стабильность, устойчивость и управляемость государства, его конкурентоспособность в мире.

Научное осмысление поставленной проблемы предполагает последовательное решение следующих задач. Во-первых, необходимо определить и обосновать перечень угроз и рисков в политической сфере и обозначить степень их опасности для государства, общества, личности. Во-вторых, попытаться дать прогноз трансформации этих угроз и рисков в будущем, оценить вероятность появления новых рисков и угроз в ближайшие 10 лет. Наконец, в-третьих, предложить рекомендации по минимизации ущерба, обусловленного данными угрозами.

Решение поставленных задач связано с рядом трудностей концептуально-методологического характера. Отметим сложность и изменчивость самой политической сферы, определенную размытость ее границ. Не меньшую трудность представляет и формализация оценок, обозначение уровня угрозы и ее вероятных последствий с помощью количественных показателей. Кроме того, поскольку речь идет о сфере политики, в которой человеческий фактор играет важную роль, угрозы зачастую «носят субъективный, а не объективный характер. Отдельный человек или общество в целом воспринимают то ли иное явление как угрозу, даже если оно таковым в действительности не является»[74].

Представленные материалы обобщают результаты проведенного авторами теоретического анализа актуальной научной литературы и авторитетных источников по рассматриваемой проблеме, а также экспертного опроса известных специалистов – политических философов, социологов, политологов, историков, проведенного с помощью процедур анкетирования и метода «мозгового штурма».

---

[74] *Шестопал Е.Б., Селезнева А.В.* Социокультурные угрозы и риски в современной России // *Социологические исследования*. 2018. № 10. С. 90–99.

Внутриполитические вызовы и угрозы: источники возникновения и рискогенный потенциал.

Основными внутриполитическими угрозами на сегодняшний день, эксперты считают: персонализацию власти, неразвитость партийно-политической системы, сопряженную с неопределенностью партийно-идеологического спектра, низкий уровень доверия граждан к власти, состояние политической элиты, переход в режим прорывного развития.

Персонализация власти в лице того или иного лидера – давняя традиция нашей политической культуры[75]. В настоящее время ее персонифицированный в лице президента образ остается единственной опорой власти в обществе, что резко снижает управленческие возможности и устойчивость системы власти, саму ее легитимность. Снижение цифр рейтингов, которые в последнее время фиксировали социологи[76], объясняются не только непопулярными решениями последних лет, например, пенсионной реформой, не только социальным расслоением, вызванным пандемией и вынужденной изоляцией, социально-экономическими проблемами, но и ощущением, что победы кончились. Это основная проблема. За пределами харизматической легитимности оказывается, что в обществе нет институтов, и как только они появляются и начинают заявлять о себе, это сразу воспринимается как угроза самой системе. В первую очередь, речь идет о законодательных органах власти.

Неразвитость партийно-политической системы также сужает каналы выражения политических предпочтений граждан и не обеспечивают нормального функционирования механизмов рекрутирования политической элиты. Напомним, что развитие многопартийности в постсоветский период начинается в 1990 году в связи с отменой статьи 6 «Конституции СССР» о руководящей роли КПСС. Динамические изменения в партийно-политической системе в первое десятилетие современной истории страны происходили от «хаотической многопартийности» до строительства «партийного государства». В результате в первой половине 2000-х годов проводится реформа партийного и избирательного законодательства, направленная на укрепление основ государственного строя: ужесточаются требования к политическим партиям, вводится пропорциональная избирательная система для выборов депутатов Государственной Думы и 7-процентный барьер; вводится смешанная система выборов в законодательные органы субъектов Российской Федерации. По мнению исследователей, эти нововведения оказали существенное влияние и на политические партии, и на граждан как избирателей. С одной стороны, партии стали менее чувствительны к интересам избирателей, «общая динамика межпартийной конкуренции снизилась, ослабли стимулы

[75] Власть и лидеры в восприятии российских граждан. Четверть века наблюдений (1993-2018) / отв. ред. книги Е.Б. Шестопал. М.: Весь Мир, 2019. 656 с.

[76] Владимир Путин: оценки работы, отношение. Пресс-выпуск ФОМ от 19 февраля 2021 г. – URL: https://fom.ru/posts/10946#tab_03 (дата обращения: 22.02.2021).

к обновлению кадрового резерва и совершенствованию методов партийной борьбы»[77]. С другой стороны, граждане потеряли возможность голосовать за конкретных кандидатов или «против всех», что «в совокупности с отменой порога явки на выборах резко сократило возможности публичной политики вообще и, главное, снизило интерес к ней в широких массах»[78]. С начала 2010-х годов происходит обратный процесс – демократизация партийной системы: снижаются требования к минимальной численности членов партий, упрощается процедура государственной регистрации партий, снижается планка доступа партий к участию в выборах.

Проблема *неопределенности партийно-идеологического спектра* связана не только с общим процессом размывания идеологических течений, но и с особенностями партийной, и в целом политической системы России.

В отношении идеологического наполнения партийной деятельности явно прослеживается тенденция к формализации выполнения идеологической функции и свертыванию идеологической работы[79]. Российские политические партии используют в своих программных документах достаточно ограниченный набор одних и тех же ценностных категорий в разном соотношении. В этом случае, для того чтобы продемонстрировать свое отличие друг от друга, они наполняют эти слова-ценности разным смыслом, поэтому избирателям сложно четко увидеть место той или иной политической партии в идеологическом спектре и определить различия между ними по ценностным основаниям, поскольку в их программах сложно найти ответ на потребности избирателей.

Существование определенного консенсуса в обществе по ключевым социально-политическим вопросам, еще большее укрепление авторитета Президента Российской Федерации В.В. Путина, сузили возможности производства новых идей и сблизили позиции разных партий вокруг комплекса идей, предложенного властью, то есть выбор проводится из уже предложенного набора[80]. Невыполнение партиями их идеологической функции во многом обусловливает недоверие граждан к ним.

Наиболее серьезные внутриполитические риски связаны с *низким уровнем доверия граждан к власти.* Как отмечает И. Крастев, «хотя привлекательность демократических принципов кажется все более универсальной, хотя число демократий в мире растет…, доверие к компонентам демократии – партиям, выборам, парламентам,

---

[77] *Шутов А.Ю.* Из новейшей истории формирования многопартийности в современной России // Вестник Московского университета. 2013. № 5. Сер. 12. Политические науки. С. 84−100.

[78] *Кузнецов И.И.* Новые институты в системе государственной власти РФ: тенденции и противоречия развития // Известия Саратовского университета. 2009. Т.9. Вып. 1. Сер. Социология. Политология. С. 86−91.

[79] *Малинова О.Ю.* Партийные идеологии в России: атрибут или антураж? // Полис. Политические исследования. 2001. № 5. С. 97−106.

[80] *Толпыгина О.А.* Интерпретация рисков и угроз в партийной идеологии (на примере российских парламентских партий) // Политическая наука. 2016. №3. С. 118−136.

правительствам – находится в серьезном упадке»[81]. Недавние события в нашей стране, связанные с выборами в ряде регионов, показали, что эти риски выливаются в протестное голосование, в своего рода «праздник непослушания» власти, что ведет к снижению устойчивости политической системы. В таких условиях власть должна своевременно анализировать и прогнозировать источники недовольства граждан, применять превентивные меры по их устранению, грамотно и доступно выстраивать информационную политику по освещению и разъяснению своей деятельности.

Еще одним источником угроз является состояние *политической элиты.* В течение достаточно длительного времени в нашей стране идет процесс ее обновления: происходит омоложение ее состава, смена компетентностной модели. Формируется новая система рекрутирования молодых политиков в состав политической элиты[82]. С этим обновлением сопряжен ряд рисков. Первый тип рисков – это сила инерции, следствием которой являются: коррупция, безответственность, безнаказанность, групповые привилегии, демонстративное потребительское поведение. Второй тип рисков связан с социализацией новичков. Здесь кроются, по крайней мере, две потенциально опасные вещи – это дефицит их реальной идентификации с государством и обществом, а также дефицит жизненного опыта и собственно политических навыков. Исследователи отмечают, что «при всех достоинствах процесса омоложения политической элиты «подводным камнем» может оказаться то, что представители молодого поколения – это зачастую люди, в силу возраста не имеющие достаточного жизненного опыта, опыта управления людьми, выстраивания взаимодействия и формирования своей команды, а порой и опыта управления проектами, что может не самым лучшим образом сказаться на результатах их деятельности»[83]. Еще одним источником рисков является разнонаправленность интересов политической элиты и общества. Несмотря на то, что отчужденность общества от власти является традиционной чертой отечественной политической культуры[84], опасно не только само наличие дистанции между ними, но и вектор интересов «верхов» и «низов». В нормальной ситуации политическая элита и граждане должны смотреть в одну сторону – и с точки зрения их личных интересов и потребностей, и с точки зрения их восприятия интересов государства. Наконец, с элитами

---

[81] *Крастев И.* Управление недоверием. М.: Европа, 2014. URL: https://litresp.ru/chitat/ru/K/krastev-ivan/upravlenie-nedoveriem/3 (дата обращения: 22.02.2021).

[82] *Палитай И.С., Селезнева А.В., Попова С.Ю.* Рекрутирование молодых политических лидеров в современной России: каналы, формы, технологии // *Вестник Томского государственного университета*. 2020. № 455. С. 68–77.

[83] *Палитай И.С.* Современная российская политическая элита: статусно-ролевой анализ поколений // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2020. № 5. С. 105−116.

[84] Психология политического восприятия в современной России / под ред. Е.Б. Шестопал. М. : РОССПЭН, 2012. 423 с.

связан такой источник рисков, как практики социального наследования. Сегодня уже нельзя не видеть, что в стране идет формирование династий – в бизнесе, политике, и в других сферах жизни.

Говоря о рисках, связанных с элитами, необходимо обратить внимание на то, что процесс их «национализации» явно далек от завершения. После 2014 года перед элитой (и в бизнесе, и в политике) встал выбор: попасть под санкции за государственническую позицию и лишиться части прибылей или отдать предпочтение материальным благам и уехать из страны. Как показала практика последнего времени, наиболее дальновидные представители элиты выбрали национальные интересы своей страны. Те же, кто сделал ставку на Запад, оказались в проигрыше. Процесс этот еще не окончен – немало политиков и бизнесменов продолжают двойную игру, что чревато рисками пренебрежения интересами страны.

Еще один политический вызов, обладающий рискогенным потенциалом – это *переход в режим прорывного развития.* В политическом смысле это означает выбор в пользу модели мягкой мобилизации, и эта модель предполагает совместную и взаимоответственную работу государства и общества, расширение внутренней открытости, эта модель требует от участников серьезной внутренней перестройки. Речь идет о повышении требовательности, то есть больше дисциплины и ответственности, а также расширение возможностей участия для активной части общества, повышение парламентского и общественного контроля за исполнительной властью. Наконец, последний пункт по списку, но не по значимости – это включение критерия справедливости в оценку работы всей системы и ее отдельных частей.

Переход в режим прорывного развития сопряжен с рядом потенциальных угроз. Первая из них – это инерция в элитах и обществе, чреватая неприятием ею режима мягкой мобилизации как такового. Здесь же угроза предпочтения инструментов старой мобилизации, то есть административной, бюрократической вместо новой мобилизации – мягкой государственно-общественной. Есть в этом процессе и риск обострения конфликта между сторонниками разумной открытости и сторонниками изоляции от внешнего мира. Есть риск свертывания конкурентного пространства внутри страны вместо его расширения. Есть риск преимущественного использования политической манипуляции вместо расширения механизмов участия. Есть риск утверждения несбалансированной модели взаимоотношений двух секторов российского общества – современного и традиционного. В этом случае вместо нового синтеза мы рискуем получить новый раскол.

В результате экспертной оценки был определен уровень угроз в политической сфере. Угрозы, связанные с незрелостью партийно-политической системы, неопределенностью партийно-идеологического спектра и персонализацией власти на сегодняшний день имеют высокий уровень реализации и могут нанести значительный ущерб политическому

развитию страны. Кроме того, важно отметить, что угроза, связанная с состоянием политической элиты, а также разнонаправленностью интересов политических элит и общества, хотя и определяется экспертами как средняя по вероятности реализации, также связана с высоким уровнем ущерба. Важно также отметить, что все угрозы в политической сфере имеют очень высокий и средневысокий уровень по вероятности реализации и уровню ущерба.

На развитие угроз в политической сфере влияют разные *факторы*. По мнению экспертов, наиболее значимыми из них являются следующие:

– транзит власти;

– кризис доверия к власти;

– расширение разрыва между властью и обществом;

– застой в кадрах, отсутствие политической конкуренции;

– отсутствие политического представительства интересов общества при принятии политических решений;

– отсутствие или низкий уровень участия;

– формирование сословного общества;

– ограничение возможностей политической конкуренции;

– кризис идентичности (в данном случае – национально-государственной);

– отсутствие больших проектов и целеполагания в партии власти;

– инерция прежних, уже абсолютно неадекватных идеологических стереотипов;

– засилье «латентных идеологий» технократизма и бюрократизации;

– проблемы системы образования как канала формирования политических ценностей и идеологических ориентаций;

– идеологический вакуум;

– отсутствие единой системы ценностей и смыслов, образа будущего;

– информационная / коммуникативная открытость.

Обеспечение безопасности в политической сфере имеет следующие цель и задачи:

– создать условия для экономического и политического развития страны;

– исключить разрушение и саморазрушение механизма выработки и проведения в жизнь внутренней и внешней политики, отвечающей национальным интересам страны;

– обеспечить их дальнейшее существование, развитие и самосохранение.

Основными вызовами и угрозами политической сфере на долгосрочную перспективу могут стать:

– политико-управленческие проблемы, тесно связанные умением грамотно прогнозировать опасности и угрозы и разрабатывать концептуальную и нормативную правовую базу Российской Федерации по вопросам обеспечения политической безопасности.

Меры, применяемые соответствующими государственными структурами в интересах снижения уровня политических угроз в современных условиях, должны обеспечивать:

– прежде всего то, что реагирование на угрозы должно быть адекватным их характеру и масштабам, своевременным, упреждающим и активным;

– оптимальное сочетание задач и мероприятий региональной и национальной безопасности конкретного государства. Интересы безопасности каждого государства (федеративного, унитарного) должны решаться в органическом единстве, с сохранением интересов различных субъектов и не в ущерб друг другу. Необходима выработка механизмов обеспечения политической безопасности на региональном и государственном уровнях;

– сопряжение системы безопасности государства с международной, региональными (общеевропейской, азиатско-тихоокеанской и др.) и глобальной системами безопасности, а также с национальными системами безопасности других стран, прежде всего, соседних. Особое место здесь должны занять системы коллективной безопасности;

– рациональное и эффективное использование всех сил и средств, которые привлекаются для решения задач обеспечения безопасности: вооруженные силы, службы безопасности, органы, войска и силы внутренних дел, разведки, пограничной службы, гражданской обороны (борьбы со стихийными бедствиями), службы таможни, налоговой полиции и др.;

– гарантированное обеспечение политической безопасности от внешних угроз. Важная роль в обеспечении защиты государства отводится вооруженным силам. Между внешней политической безопасностью и состоянием вооруженных сил любой страны существует непосредственная взаимосвязь.

Вторая группа проблем связана с политической властью как источником опасностей для общества и его граждан.

Исторический опыт развития мировой цивилизации свидетельствует, что при определённых условиях безопасность общества и самой власти может обеспечиваться посредством репрессивной политики по отношению к различным слоям населения, социальным группам и отдельным гражданам государства. Власть, проводящая такой курс, не только создаёт серьёзную угрозу интересам общества и личности, но выступает как антигуманная, антинародная сила. Эта власть (тоталитаризм, деспотия) представляет серьёзную опасность, как для граждан, так и для общества в целом, если её деятельность ведёт к разрушению органически сложившихся экономических, социально-политических, культурных и прочих структур, резкому падению уровня жизни населения, вызывает конфронтационные явления между социальными группами и способствует росту противоречий в обществе.

Изучение истории государств, анализ и оценка тенденций и возможных перспектив их развития позволяют сделать вывод, что основными вызовами

и угрозам политической безопасности Российской Федерации на долгосрочную перспективу могут стать:

– легитимность государственной власти;

– отсутствие единства в «общем» и разнообразия в «частном». Это означает единоначалие в верховной власти и дифференциацию функций в исполнительных и законодательных органах по их вертикали и горизонтали;

– потеря профессионализма и реализация политической власти неподготовленными людьми, непригодными к государственному управлению и национально ориентированные по духу;

– снижение ценности справедливости при реализации государственной власти, вместе с тем государственная власть принципиально связана с понятием справедливости и отступать от неё власть может в исключительных случаях, обусловленных интересами общества или государства;

– потеря жесткого контроля за деятельностью органов государственного управления в интересах обеспечения национальной безопасности;

Несоблюдение этих требований, как показывает опыт, может резко снизить качество государственного управления и привести к кризису государственной власти.

Третья группа вызов политической власти на среднесрочную и долгосрочную перспективу связана с деятельностью политических субъектов в государстве – руководителей общественных организаций (политических партий) и движений. В данном случае речь идёт о политической воле по решению общественно-политических проблем, её готовности и способности применять в политической практике нормативно-правовые, политические и социальные нормы, правила и новации.

Для предотвращения выявленных вызовов и угроз Российской Федерации в политической сфере в настоящее время необходимо:

– совершенствовать политическое устройство государства и общества;

– формировать гражданское общество, с учетом политико-культурных особенностей Российской Федерации;

– развивать и совершенствовать государственную политику в области социальной защиты интересов личности, общества.

В интересах установления стабильных политических отношений на мировой арене военно-политическому руководству России необходимо:

– стремиться к установлению равноправных и взаимовыгодных отношений со всеми государствами мира, международными и региональными организациями;

– ориентироваться на политику, основанную на принципах международного права, обеспечения надёжной и равной безопасности

государств, взаимного уважения народов, сохранения многообразия их культур, традиций и интересов;

– стремиться к приобретению как можно большего числа равноправных партнеров в различных частях мира.

Развитие угроз в политической сфере может происходить по трем *сценариям* – позитивному (улучшение ситуации), инерционному (продолжение существующих тенденций) и неблагоприятному (ухудшение ситуации). Результаты экспертной оценки показывают, что развитие всех угроз в политической сфере с большой долей вероятности будет происходить по инерционному сценарию, а случае угроз, связанных с разнонаправленностью интересов политических элит и общества и низким уровнем доверия власти со стороны граждан, – по негативному.

В отличие от других сфер общества, где горизонт прогнозирования можно задавать произвольно, в политической сфере он определяется конкретными рамками электоральных циклов, в частности, парламентскими выборами 2021 года и президентскими 2024 года.

Внутриполитический прогноз имеет свои развилки. Так, имеющийся уже задел прочности и «подушка безопасности», обеспеченные теми решениями, которые уже были приняты по национализации элит и их обновлению в случае последовательных действий власти может определить позитивный прогноз. Подкрепляют этот сценарий и решения по изменению электоральной формулы. В частности, раньше думские выборы были тесно связаны с президентскими, что помимо мобилизации порождало и давку в элитах, ситуацию «кто не успел, тот опоздал», а проигравший получал ничего или почти ничего. Теперь эта ситуация принципиально изменилась, что работает на нормализацию поведения элит. Этот фактор играет в целом на стабилизацию системы и перед парламентскими, и перед президентскими выборами. В случае реализации этого сценария период с 2024 до 2028 гг. не станет тем, что принято называть жесткой посадкой.

Другой сценарий менее благоприятный. В нем основным риском становится усиление политической нестабильности, связанное с дальнейшим падением доверия населения к власти, усиленным эгоистическим поведением элит, их «глухотой» к нуждам граждан. При нарастании негативных тенденций во внутренней политике и усиливающимся давлении извне, о стабильности политической системы, а уж тем более о модернизационном рывке можно будет забыть. Страна может быть отброшена в своем развитии на десятилетия назад.

Неопределенность и противоречивость идеологического пространства, отсутствие внятной официальной идеологии или национальной идеи, неэффективное выполнение элитой и политическими партиями идеологической функции представляют собой потенциальную опасность для стабильного политического развития в *долгосрочной перспективе*.

Эффективное функционирование политической системы, обеспечение легитимности власти и социальная поддержка существующего режима,

политическая активность граждан и институтов гражданского общества, принятие политических решений в русле общей политической стратегии (а не реагирование на сиюминутные проблемы), политическая модернизация в целом возможны в том случае, если государство функционирует как единый организм со слаженным взаимодействием и взаимопониманием власти и общества. «Склеивающим составом» для этого взаимодействия, основанием для такой работы и является единая идеология, национальная идея или доктрина. Прогнозные сценарии развития ситуации в идеологической сфере в той или иной мере связаны с тем, каким образом будет решаться ключевая проблема – формирование единой идеологической платформы. Хотя эксперты не прогнозируют значительных изменений, возможен и негативный вариант развития событий.

Инерционный сценарий развития может быть связан с сохранением без каких-либо изменений существующей ситуации и с точки зрения ценностно-смыслового наполнения идеологической сферы, и с точки зрения функциональной активности политических акторов. Партийно-политическое пространство будет столь же мозаичным с неопределенными и противоречивыми программными установками как ключевых игроков – крупных партий, так и мелких организаций.

Неэффективная реализация ими идеологической функции, имитация деятельности с повышенной активностью в периоды избирательных кампаний приведет к еще большему недоверию к ним со стороны граждан и реальному снижению их значимости в политической системе. Вероятность реализации инерционного сценария может быть спрогнозирована в среднесрочном периоде (2021–2024 гг.).

Возможным негативным направлением развития сложившейся ситуации может быть формирование идеологического вакуума. В отсутствие ценностно-смыслового и идеологического единства массовое сознание будет тяготеть к различным квазиидеологическим, псевдорелигиозным, экстремистским и иным деструктивным идеологическим течениям. Это, в свою очередь, может привести к нарастанию дезинтегративных тенденций в государстве и социокультурному кризису в обществе. Вероятность реализации негативного сценария может быть спрогнозирована в долгосрочном периоде (после 2024 г.).

Необходимо заострить внимание на том, что безопасность в политической сфере (политическая безопасность) является одной из важнейших составных частей национальной безопасности, так как она призвана решить противоречивую задачу: с одной стороны, надежно защитить политику, которая отвечает национально-государственным интересам, а с другой – исключить её трансформацию в ущербный и опасный для национально-государственных интересов процесс. В этом и заключается сложность обеспечения политической безопасности как жизненно важной задачи для общества, государства и личности.

С политической безопасностью связаны и взаимодействуют другие виды безопасности, в частности, экономическая, духовная, информационная, военная и многие другие. Обострение опасностей в этих сферах может вызвать перерастание в политические вызовы и угрозы и наоборот. Политическая безопасность тесно связана с военной безопасностью, а она в свою очередь, во многом зависит от состояния политической безопасности.

Это обусловлено следующими факторами:

– политика, проводимая государством на мировой арене, должна быть направлена на укрепление геополитического и геостратегического положения страны, на укрепление и развитие добрососедских, партнерских отношений другими государствами (если это осуществляется по-другому, то возможно нарастание военных угроз);

– политика, проводимая государством в военной области, в оборонной сфере, должна отвечать национальным интересам и учитывать внешние и внутренние угрозы, опасности;

– политика, проводимая государством в отношении военной сферы, должна быть последовательной, твёрдой, способной эффективно координировать деятельность всех органов власти (законодательной, исполнительной и судебной), нацеливать общество и его граждан на уважение и доверие к вооруженным силам;

– политика, направленная на обеспечение национальной безопасности, должна учитывать всю совокупность имеющихся политических, экономических, духовно-культурных, информационных и собственно военных возможностей страны и общества для снижения угроз, опасностей, рисков и неопределенностей в отношении страны;

– политика должна использовать все политические средства и возможности в разрешении возникающих противоречий, своевременно срывать (нейтрализовать) агрессивные планы, намерения вероятных противников, постоянно улучшать внешнеполитическое положение страны, снижать опасности и угрозы в отношении страны.

Основную ответственность за состояние политической и военной безопасности государства несёт высшее военно-политическое руководство государства. Именно оно формирует политику государства, в том числе и военную, определяет средства её реализации, создаёт систему обороны страны и военной безопасности, руководит военным строительством, осуществляет финансирование оборонных программ, координирует деятельность силовых структур, которым определены задачи по обеспечению военной безопасности, а также проводит политику во внешней сфере по обеспечению национальных интересов страны. Не менее важно осознавать, что особая ответственность за вышеперечисленное ложится на представителей политической элиты – лидеров политических партий и движений, все российское общество, каждого гражданина России.

Рекомендации по преодолению вызовов и угроз в политической сфере.

Для снижения указанных рисков могут быть эффективными следующие действия:

1. Для минимизации риска, исходящего от низкого уровня доверия общества к власти, необходимо уйти от административно-бюрократических методов работы с населением, заменить их на иные технологии повышения политической активности граждан.

2. Для повышения уровня доверия населения к власти необходимо, прежде всего, представлять себе реальные настроения в обществе. Поэтому целесообразно в режиме мониторинга и с привлечением современных методов проводить регулярные замеры психологического состояния граждан для оперативной корректировки принятых решений и упреждения радикализации населения.

3. Необходимо регулярное и систематическое освещение текущей деятельности органов власти и разъяснение принимаемых решений, как на уровне федерального центра, так и на уровне регионов и муниципалитетов.

4. Необходима более взвешенная информационная политика как в отношении внутренней, так и международной политической тематики, которая способствовала бы мобилизации общества на решение важнейших политических задач страны, не приводя к невротизации населения и повышению его тревожности.

5. Необходимо не декоративное, а реальное развитие партийно-политической системы как канала выражения интересов разных групп населения. Речь идет не об увеличении числа партий, а о создании благоприятных условий для их деятельности и участия в принятии государственных решений. Это позволит сделать политические партии частью механизма социальной мобильности, а членство в них – площадкой реальной социальной и политической активности.

6. Политическая элита, качество ее человеческого капитала играет важную роль в преодолении политических угроз. В отношении политической элиты необходимо, в частности, ограничение практик наследования власти. При этом ротация элит, ее обновление не могут быть сведены лишь к омоложению. Необходимо приобретение ею новых, социально-значимых компетенций. Для этого нужно совершенствование системы подготовки и переподготовки элиты на всех уровнях власти, обучение особенно молодого поколения элиты навыкам работы в интерактивном, диалоговом режиме с населением, выработку у них стратегического мышления, воспитания не столько административных, сколько лидерских качеств, навыков работы с людьми.

7. Необходимо вести поиск новых приемов и практик совместной работы государства и общества, расширять сферы внутриполитической активности граждан, повышать общественный и парламентский контроль за деятельностью исполнительной власти.

8. Для обеспечения социальной консолидации, политической стабильности и устойчивого развития страны государству необходимо

выработать внятную идеологическую платформу, которая должна отражать национальную политико-культурную специфику и опираться на потребности и запросы граждан. Единственным субъектом данной деятельности может быть политическая элита, поскольку постановка целей и систематизация ценностей – это именно ее миссия и непосредственная задача. Созданная идеологическая платформа должна носить общенациональный характер и может быть представлена в различных вариантах, например, в виде интегративной идеологии, национальной идеи или доктрины.

9. Необходимо выстраивание четкой системы трансляции созданного политической элитой идеологического продукта в массовое сознание с помощью СМИ и ресурсов интернета. Традиционные средства массовой информации (газеты и телевидение) и интернет, которые являются самыми масштабными по охвату аудитории, должны более эффективно, чем это происходит сейчас, выполнять функцию трансляции политических ценностей. Стремление редакций и самих журналистов к сенсациям и рейтингам, в погоне за которыми используются любые средства (броские заголовки, вырванные из контекста цитаты, вольно интерпретированные слова и пр.), в конечном итоге приводит к существенному искажению политических ценностей и смыслов. Партийные средства массовой информации также неэффективно решают задачи донесения до электората программных установок и идеологических приоритетов тех организаций, к которым они принадлежат. Необходимо разработать механизмы регулирования процесса трансляции идеологического контента, которые, с одной стороны, позволяли бы решать идеологические задачи, а с другой – сохраняли бы свободу слова и информации.

10. Деятельность по формированию у граждан необходимых (в соответствии с выработанной идеологической платформой или партийными программами) ориентаций и установок должна быть вписана в более широкомасштабную работу по политическому и правовому просвещению граждан, формированию у них политической картины мира и гражданской культуры. Это может быть реализовано средствами информационной политики (для всех граждан), образовательной и государственной молодежной политики (для молодежи).

Таким образом, угрозы в политической сфере носят разнонаправленный характер. Одни из этих угроз связаны с политическими институтами и процессами, другие – с людьми в политике, элитой и гражданами, их политическими убеждениями, установками, доверием друг к другу, характером и формами взаимодействия. Развитие обозначенных в данном параграфе угроз может содержать в себе риски и в то же время являться точкой роста и развития общества. Сложность самого политического пространства требует не прямолинейных и простых решений, а тонкой наладки. Непродуманные и примитивные решения, не учитывающие сложности системы, сами могут стать фактором риска, дестабилизирующим общество и государство.

2.3. Вызовы и угрозы в экономической сфере

На современном этапе развития мирового сообщества одной из приоритетных задач в области экономической безопасности является своевременное прогнозирование вызовов и предупреждение возникновения угроз экономической системе.

Безопасность определяется особым состоянием государства, общества, отдельной организации и индивида в плане обеспечения защиты своих свобод, здоровья, жизни. Экономическая безопасность обеспечивает воспроизводство необходимых благ, выражаемых в материальной и нематериальной форме, помогает защищать страну от отрицательного воздействия со стороны других государств, оптимизирует внутренние ресурсы.

Управление экономической безопасностью в настоящее время считается одним из наиболее важных направлений в экономической политике государства. Под ним подразумевается создание системы управления, включающей в себя механизмы и инструменты поддержания и повышения должного уровня экономической безопасности. Такая система основана на комплексном изучении экономики как отдельных регионов, так и страны в целом, а также на системной оценке важнейших параметров социально-экономического развития и их изменений под воздействием различных дестабилизирующих факторов.

Главной задачей государства в плане стратегического ориентирования в направлении обеспечения экономической безопасности является локализация и ликвидация возможных угроз, ущерба, наносимого потенциалу страны. Оценка состояния экономической безопасности осуществляется своевременно для выявления проблем, угроз и вызовов в экономической сфере.

Важнейшим фактором, оказавшим негативное воздействие на мировую экономику в целом и, в частности, на экономику Российской Федерации в 2020 году была пандемия COVID-19, которую следует расценивать как одну из глобальных угроз безопасному состоянию как отечественного, так и мирового хозяйства. По данным Росстата, ВВП в 2020 году снизился на 3,1% в сравнении с 2019 годом, что связано с введенными ограничительными мерами, направленными на борьбу с COVID-19, и снижением в мире спроса на энергоресурсы. Значительно сократилась добавленная стоимость в отраслях, ориентированных на обслуживание населения: гостиницы и рестораны (– 4,1 %), учреждения культуры и спорта (– 11,4 %), предприятия транспорта (– 10,3 %), организации, оказывающие прочие услуги населению (– 6,8 %)[85]. В этой связи особое внимание необходимо привлечь сегодня к угрозам, возникающим в сфере экономической безопасности, и мерам, направленным на противодействие

[85] См.: Росстат представляет первую оценку ВВП за 2020 год. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики (Росстат). – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Ytm0lG1M/GDP-2020-1.pdf (дата обращения 21.03.2021).

данным угрозам, их локализацию и устранение.

Так, Президентом России в мае 2017 года утверждена «Стратегия экономической безопасности Российской Федерации до 2030 года» (далее – Стратегия), в которой определено 25 вызовов и угроз в экономической сфере. В соответствии со Стратегией, угрозами признается «совокупность условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность нанесения ущерба национальным интересам Российской Федерации». В свою очередь, под вызовами экономической безопасности понимается «совокупность факторов, способных при определенных условиях привести к возникновению угрозы экономической безопасности»[86].

Вместе с тем, придерживаясь определений, содержащихся в Стратегии, необходимо уточнить некоторые аспекты теории экономической безопасности, не нашедшие своего отражения в этом документе. Имеются в виду критерии угроз и, в меньшей степени, вызовов, т.е. те признаки, по которым можно определить, представляет ли собой данное явление угрозу чему-то (кому-то) или нет. Для любой угрозы таких критериев три, для вызова – один:

– первый представляет собой обязательное наличие в данном явлении силовой составляющей. Жизнь убеждает нас в том, что нечто (некто) бессильное не может никому (ничему) угрожать. Этот критерий актуален и для угроз, и для вызовов как потенциальных угроз;

– второй представляет собой обязательную направленность силы, содержащейся в явлении согласно первому критерию, на какой-либо интерес, рассматриваемый как осознанная потребность в чем-то его носителя. Этот критерий актуален только для угроз, но не для вызовов. Вызов как потенциальная угроза характеризуется неполной сформированностью, в частности отсутствием направленности на какой-либо интерес;

– третий состоит в том, что сила, направленная на какой-либо интерес, обязательно оказывает на него негативное воздействие (замедляет его реализацию, делает ее неустойчивой, прерывистой, искажает проявления реализации интереса и может даже прервать такую реализацию).

Важно учесть, что первый критерий является определяющим по отношению к двум другим. Его отсутствие делает ненужным выявление двух других критериев. Явления же, не соответствующие этим трем критериям, не могут быть отнесены к угрозам или вызовам[87].

Переходя непосредственно к характеристике выявленных угроз и вызовов национальным интересам России в экономической сфере, следует признать, что в упомянутой выше Стратегии их выявление, судя

---

[86] Указ Президента Российской Федерации от 13.05.2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // Правовая система КонсультантПлюс. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216629/ (дата обращения 25.03.2021).

[87] См.: *Корнилов М.Я., Юшин И.В*. Экономическая безопасность: Учеб. пособие. 3-е изд., испр. и доп. М.: Проспект, 2019. С. 52.

по содержащемуся в ней перечню вызовов и угроз (п. 12 ч. II), было проведено без каких-либо критериальных оценок, вследствие чего в перечень основных вызовов и угроз в большинстве своем вошли явления, которые ни к вызовам, ни к угрозам отнести нельзя. Кроме того, вызовы в этом перечне не отделены от угроз.

В этой связи возникает необходимость критического анализа перечня с выделением из его состава актуальных в настоящее время вызовов и угроз национальным интересам России в экономической сфере. В соответствии с приведенными выше критериями угроз и вызовов в перечне, приведенном в п. 12 ч. II Стратегии, содержится всего семь угроз и два вызова.

Угрозы:

– стремление развитых государств использовать свои преимущества в уровне развития экономики, высоких технологий (в том числе информационных) в качестве инструмента глобальной конкуренции;

– использование дискриминационных мер в отношении ключевых секторов экономики Российской Федерации, ограничение доступа к иностранным финансовым ресурсам и современным технологиям;

– деятельность создаваемых без участия Российской Федерации межгосударственных экономических объединений в сфере регулирования торгово-экономических и финансово-инвестиционных отношений, которая может нанести ущерб национальным интересам Российской Федерации;

– подверженность финансовой системы Российской Федерации глобальным рискам в результате влияния спекулятивного иностранного капитала, а также уязвимость информационной инфраструктуры финансово-банковской системы;

– недостаточно эффективное государственное управление;

– высокий уровень криминализации и коррупции в экономической сфере;

– сохранение значительной доли теневой экономики.

Вызовы:

– повышение конфликтного потенциала в зонах экономических интересов Российской Федерации, а также вблизи ее границ;

– усиление международной конкуренции за кадры высшей квалификации.

Следует отметить не всегда удачные формулировки вызовов и угроз. Иногда общими выражениями они маскируют конкретное содержание, которое могло бы в полной мере раскрыть сущность угрозы или вызова. Так, например, формулировка угрозы, звучащая как «недостаточно эффективное государственное управление» маскирует подлинное содержание этой угрозы, выражающееся в низком уровне подготовки специалистов, который проявляется в первую очередь в незнании и неприятии ими закономерностей функционирования рыночной экономики. А формулировка вызова, звучащая как «усиление международной конкуренции за кадры высшей квалификации», маскирует совершенно иное

содержание, озвучить которое можно как «переманивание высокоразвитыми странами российских специалистов высшей квалификации для работы на эти страны как с выездом, так и без выезда за границу».

Слабым местом Стратегии является и то, что ее авторы, по всей видимости, не проводили оценку полноты своего перечня вызовов и угроз, оставив за его пределами многое из того, что по праву могло бы в него войти. Вследствие этого в результате соответствующего мониторинга были выявлены дополнительно еще несколько угроз и вызовов современным национальным интересам России в экономической сфере, а именно:

– опережающее экономическое развитие Китая, Индии и ряда других стран «третьего мира», способное в обозримом будущем радикально изменить соотношение мировых центров силы;

– триплекс цифровизации, автоматизации и роботизации, способные в самом ближайшем будущем уничтожить труд как фактор производства, что грозит процессу общественного воспроизводства колоссальными деформациями, которые, в свою очередь, способны столкнуть мировую экономику в бесконечную депрессию;

– влияние пандемии COVID-19 на мировую экономику, чреватое необратимыми последствиями в жизни людей, содержание которых в настоящее время трудно предсказать;

– развитие «глобального потепления» климата на планете, которое в ближайшем будущем может привести к существенному повышению уровня мирового океана и затоплению огромных территорий суши на нашей планете.

Таким образом, на сегодняшний день можно констатировать, что реальная ситуация в России и мире такова, что вызовы и угрозы безопасности государства, в том числе в экономической сфере, постоянно меняются, подвергаются трансформации и многие из них не вошли в Стратегию экономической безопасности Российской Федерации до 2030 г.

К важнейшим *внешним глобальным вызовам и угрозам* национальной безопасности России в экономической сфере, по которым необходимы комплексные меры противодействия и парирования, следует отнести:

– негативное влияние западных секторальных и других санкций на экономику России и перспектива их дальнейшего сохранения. Особую угрозу представляет подписанный Президентом США закон от 2 августа 2017 г. № 115-44 «Акт о противодействии противникам Америки посредством санкций»;

– правовая неопределенность зарубежных экономических операторов в связи с санкционными законами США;

– введение запрета на въезд в некоторые зарубежные юрисдикции представителям российских компаний, в отношении которых введены санкции;

– блокирование доступа на рынок заемного капитала российским компаниям, включая банки и предприятия базовых отраслей промышленности;

– комплекс энергетических проблем в отношениях со странами ЕС

(противодействие прокладке газопровода «Северный поток-2» (англ. – «Nord Stream 2»), подчинение российских газопроводов «Третьему энергопакету», усилия ЕС по сокращению энергозависимости от России;

– планы ЕС по имплементации торгового законодательства, позволяющего увеличить торговые барьеры посредством введения антидемпинговых и прочих «защитных» мер;

– политика ЕС в отношении фокусных государств «Восточного партнерства» и стран Центральной Азии, направленная на их экономическую переориентацию в ущерб сотрудничеству с Россией;

– действия ЕС по размыванию евразийской интеграции, в том числе путем заключения с членами ЕАЭС соглашений о сотрудничестве, предусматривающих их ориентацию на нормы ЕС.

Особо следует отметить внешние вызовы экономической безопасности Российской Федерации, содержащиеся в положениях принятой в декабре 2017 года Стратегии национальной безопасности США, включающей совокупность целей, задач и механизмов реализации внешней политики США, внешнеэкономических приоритетов, ориентированных на достижение односторонних преференций.

Стратегия США закрепляет положение о глобальной экономической конкуренции и прямом противопоставлении национальных интересов США, Китая и Российской Федерации. Особо подчеркивается стремление США противодействовать усилиям Российской Федерации по восстановлению статуса великой державы и установлению сферы политического и экономического влияния вдоль собственных границ.

Стратегия США подчеркивает необходимость объединения политической, экономической и военной мощи для защиты национальных интересов США, при этом поиск возможных направлений взаимодействия и сотрудничества с глобальными конкурентами и соперниками будет осуществляться исключительно с позиций силы.

США планируют играть решающую роль в работе многосторонних внешнеэкономических механизмов. В число приоритетных направлений деятельности включены создание и реформирование международных финансовых и торговых институтов, проведение реформ Международного валютного фонда, Всемирного банка и ВТО в целях приведения этих организаций в соответствие с новой торговой политикой США.

Переход США к политике национального протекционизма создает предпосылки к снижению значимости международных организаций (ВТО, АТЭС, Группы G20 и иных) глубокой трансформации существующей системы внешнеэкономических отношений.

К важнейшим *внутренним вызовам и угрозам* национальной безопасности России в экономической сфере, по которым необходимы комплексные меры противодействия и парирования, следует отнести:

– высокий уровень бедности населения страны. За последние 5 лет, по данным Росстата, уровень бедности показывает тенденцию роста.

В связи с этим деятельность правительства по преодолению этой угрозы должна быть в зоне особого внимания и Совета безопасности и Администрации Президента Российской Федерации;

– низкий уровень жилищного обеспечения. По данным Федеральной службы государственной статистики, на протяжении последних 5 лет (2015–2020 гг.) общее число квадратных метров, которые приходятся на 1 человека, составляет порядка 25 м^2, что в 2–2,5 раза меньше, чем в восточных европейских странах, соответственно, в 3–3,5 раза меньше, чем в западноевропейских странах[88]. Максимальный прирост темпов введенного жилья по сравнению с уровнем предыдущего года за последние пять лет наблюдался в 2014 г. – на 18,2 %, в 2015 г. ввод общей площади жилья увеличился всего на 1,4 %, начиная с 2016 г. темпы по строительству снизились на 6,0 %, в 2017 г. – на 1,3 %, в 2018 г. – на 4,5 %, и лишь в 2019 году ввод общей площади жилья увеличился на 6,2 %[89]. Важно своевременно мониторить данные показатели. Между тем в «Стратегии экономической безопасности…» эта проблема не определена;

– низкие темпы развития общества. Статистика, имеющаяся на данный момент, говорит о том, что доля среднего класса в развитых странах находится на уровне 70–80 %. Подобная тенденция показывает присутствие политической стабильности, а также гарантии соблюдения экономических интересов общества. «Средний класс в этом случае является основным налогоплательщиком – источником доходов бюджета и основным покупателем, создающим спрос, стимулирующий экономический рост»[90]. Можно сказать, что средний класс характеризуется рациональным мышлением, чаще всего его представители довольны жизнью и не стараются уличить власть в «обмане», могут устраивать митинги лишь для повышения уровня решения определенных жизненных проблем, не связанных с желанием смены власти. Отечественные специалисты отмечают, что количество граждан, относящихся к среднему классу, варьируется на уровне от 20 до 50 %, что довольно субъективно и очевидно не соответствует реальной действительности. Проблема здесь, как видится, в определении объективных параметров, позволяющих отнести того или иного индивида к среднему классу;

– снижение уровня рождаемости. Есть демографическая программа президента, выполнение которой требует постоянного контроля. «В России уровень рождаемости колеблется по годам в пределах 1,6–1,8, тогда как только для простого воспроизводства населения необходимый минимум –

---

[88] См.: Росстат представляет первую оценку ВВП за 2020 год // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики (Росстат). – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Ytm0lG1M/GDP-2020-1.pdf (дата обращения 21.03.2021).

[89] Там же.

[90] *Ахапкин Н.Ю., Биляк С.А., Бухвальд Е.М., Виленский А.В. и др.* Социально-экономические условия перехода к новой модели экономического роста. М.: ИЭ РАН, 2017. С. 47.

2,1–2,2»[91]. По итогам 2019 года на 1000 человек населения родилось 10,1 человек при этом умерло – 12,3. Естественная убыль населения составила более 317 тыс. чел., по оперативной информации этот же показатель за 2020 год – более 500 тыс. чел.[92]. При этом в «Стратегии экономической безопасности…» данная проблема не обозначена, а следовательно, и не подлежит контролю со стороны профильных федеральных органов исполнительной власти;

– сниженная определенность показателей и планов действия пенсионной системы. Специалисты отмечают, что уровень поддержки накопительной пенсионной системы является недостаточным. Эффективность внедрения её не оправдала основные ожидания. Правительство приняло решение о повышении пенсионного возраста, в связи с чем планируется существенное повышение уровня обеспечения неработающих пенсионеров. Данный процесс также нуждается в своевременном мониторинге. Однако в «Стратегии экономической безопасности…» нет угрозы, связанной с этой проблемой, значит, отсутствует необходимость в контроле за ней;

– закредитованность большой части населения. Здесь стоит отметить, что многие граждане сегодня берут новый кредит, чтобы им перекрыть старый долг, что является фактором снижения нормального уровня жизни. Постоянно повышающийся уровень задолженности понижает шансы граждан на оптимальное жизнеустройство. В данном случае, правительством было принято решение о повышении с 19 до 30 тыс. руб. суммы задолженности, при которой запрещен выезд из страны. При этом ипотечные кредиты являются одним из основных направлений повышения закредитованности граждан. В этих условиях вполне возможен кризис ипотечного кредитования, аналогичный тому, который произошел в США в 2008 году В «Стратегии экономической безопасности…» не отражен данный вопрос, соответственно пути решения его не определены;

– сниженный уровень монетизации экономики: «В России монетизация экономики составляет 44–45 % к ВВП, а в развитых странах – 70–80 %»[93]. Сегодня в основной капитал инвестируется довольно малое количество средств, что сопровождается еще и снижением уровня реальных доходов населения и как следствие – возникновением постоянного дефицита ликвидных денежных средств как у хозяйствующих субъектов, так и у населения. В этих условиях невозможно полноценное развитие социально-экономической сферы, что отрицательно отразится на экономическом потенциале государства;

---

[91] Росстат представляет первую оценку ВВП за 2020 год // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики (Росстат). – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Ytm0lG1M/GDP-2020-1.pdf (дата обращения 21.03.2021).

[92] Там же.

[93] *Ахапкин Н.Ю., Биляк С.А., Бухвальд Е.М., Виленский А.В. и др*. Указ. соч. С. 52.

– присутствующая нестабильность в последние годы в плане наличия положительного сальдо внешней торговли. В период до 2014 года оно стабильно снижалось вплоть до 90,4 млрд долл. В 2017 году этот показатель повысился до 115 млрд долл. Однако по итогам 2020 года произошло снижение до 98 млрд долл., что почти в 2 раза ниже уровня 2014 года, до периода введения санкций;

– отток капитала. Государство старается вернуть в российскую экономику вывезенный капитал с помощью амнистии, но до настоящего времени результаты данного процесса были неутешительные;

– проблема «утечки мозгов». Количество молодых ученых и высококвалифицированных специалистов, которые уезжают из России, с 2012 года увеличилось в пять раз. Число ежегодно выезжающих за границу специалистов не уменьшилось, и с 2012 года с 14 тыс. увеличилось до почти 70 тыс. человек в настоящее время[94]. Это острая проблема для научной среды, и ее необходимо решать. Практика решения данного вопроса успешно реализуется за рубежом, при этом большая часть исследовательских работ осуществляется организациями при поддержке государственных грантов;

– неравномерное развитие отдельных территорий. Российская Федерация характеризуется значительным разнообразием и неравномерностью уровней социально-экономического развития составляющих ее регионов – субъектов Федерации. В таких условиях региональное измерение экономической безопасности и региональная политика приобретают особую значимость.

Важным направлением обеспечения экономической безопасности сегодня выступает противодействие существующим рискам. В целях минимизации рисков, связанных с санкциями США и ЕС в отношении российских финансовых организаций, следует принять законодательные акты, в соответствии с которыми необходимо:

– изменить порядок формирования перечня уполномоченных банков, осуществляющих банковское сопровождение сделок по государственному оборонному заказу;

– установить порядок применения ограничений по раскрытию отдельных видов финансовой и банковской информации (банковские гарантии по обеспечению заявок и исполнению государственных контрактов).

В качестве защитных мер в сфере предоставления платежных услуг в Российской Федерации и для минимизации рисков отключения российских участников рынка от международных платежных систем в Федеральный закон «О национальной платежной системе» необходимо внести изменения.

В целях противодействия дискриминации и санкционному давлению в отношении доступа к иностранным финансовым ресурсам и технологиям

---

[94] РАН: за границу с 2012 года стало уезжать впятеро больше ученых. ТАСС Наука. 20.04.2021 г. – URL: https:// https://nauka.tass.ru/nauka/11198355 (дата обращения 23.04.2021).

Банку России следует принять комплекс мер, включающий:

– предоставление валютной ликвидности посредством сделки купли (продажи) ценных бумаг с обязательством обратной продажи (покупки) через определенный срок по заранее определенной в этом соглашении цене (РЕПО) в иностранной валюте и операции валютного СВОП – двойной транзакции;

– макропруденциальные меры, направленные на снижение долларизации, таргетирование инфляции.

Адресная деятельность по антисанкционной проблематике ведется с зарубежными деловыми кругами и ассоциациями, в том числе с представительствами ведущих европейских энергетических компаний («Шелл», «Винтерсхалл», «Бритиш Петролеум», «Эни», «Энел»), с руководством Конфедерации европейского бизнеса «Деловая Европа».

В целях наращивания экспортного потенциала в газовой сфере оказывается услуга по политико-дипломатическому сопровождению крупных инфраструктурных проектов – «Северный поток-2», «Сила Сибири».

Сотрудничество в сфере повышения эффективности использования энергоресурсов развивается по линии региональных и специализированных структур ООН, Группы G20, АТЭС, Международного энергетического форума. Продвигается инициатива по созданию Платформы энергетических исследований стран БРИКС.

Следует развивать сотрудничество с западными компаниями в атомной промышленности, в том числе в сфере коммерческих поставок в США урановой продукции. Несмотря на политическое давление США, портфель зарубежных атомно-промышленных заказов по итогам 2020 года составил более 180 млрд долл.

Таким образом, можно констатировать, что современная международная и внутрироссийская экономическая ситуация достаточно напряженная. Внутренние и внешние угрозы оказывают существенное негативное влияние на национальную экономику и, как следствие, на состояние экономической безопасности России.

Большая часть мира все еще охвачена пандемией коронавируса. Вирус может не исчезнуть даже после начала широкомасштабной вакцинации, когда страны изо всех сил пытаются уложиться в сроки, необходимые для обеспечения коллективного иммунитета. Скорость восстановления мировой экономики во многом зависит от течения пандемии COVID-19. При этом резко различающиеся темпы восстановления экономики как на региональном уровне внутри страны, так и между различными странами создадут определенные препятствия в развитии торговых отношений.

Вызовы, стоящие перед национальной экономикой, такие как глобализация процессов мирового развития, технологические прорывы, а также изменения, возникающие в сфере труда, не могут восприниматься однозначно. Определенным категориям граждан они принесли пользу,

однако часть граждан оказались не в выгодном положении[95].

Сокращение рабочих мест, неустойчивость организаций малого бизнеса, и, как следствие, нестабильная занятость, снижение экономической активности и рост безработицы существенно снижают уровень экономической безопасности страны. Группы населения, имеющие низкий или средний уровень доходов, не имеют достаточного количества финансовых ресурсов, чтобы достойно выдержать все потрясения.

Пандемия, в условиях которой цифровые технологии стали ключевым компонентом во всех областях, действительно усилила «цифровое» неравенство, делившее людей на тех, кто имеет, и тех, кто не имеет бесперебойный доступ к Интернету и необходимое сопутствующее оборудование. Ключевой проблемой в данном вопросе является ценовая доступность. Без обеспечения достойного уровня жизни и перехода на качественно новый этап социально-экономического развития решение данной проблемы неосуществимо, а с учетом дальнейшего развития технологий – разрыв будет только увеличиваться.

На фоне протекающих процессов технологических изменений, которые затрагивают все стороны жизни, порождается неопределенность в отношении будущего. Несмотря на то, что введение в производственные процессы искусственного интеллекта и робототехники позволит создать новые рабочие места, многие работники опасаются, что они будут вытеснены и не смогут найти работу в будущем. В настоящее время, новые технологии уже решают многие задачи, которые до недавнего времени могли выполнять только люди.

Что не менее важно, доступ к растущим объемам информации может влиять на чувство безопасности и доверие людей. Общественный дискурс меняется по мере того, как новости – подлинные или фальшивые – распространяются с беспрецедентной скоростью.

Социальные сети позволили целенаправленно проводить информационные кампании, манипулировать мнением граждан и влиять на выборы, бросая вызов эффективному управлению и в некоторых случаях подрывая доверие к институтам власти. Следует отметить, что в настоящее время, в условиях пандемии COVID-19, значительно увеличилась скорость цифровизации экономики, что создает условия для увеличения количества известных и возникновения новых видов киберпреступлений, способных нанести весомый ущерб экономикам различных стран.

Сегодня киберпреступность сама по себе уже является масштабным явлением. Борьба с ней носит особо сложный характер, так как может нарушать границы юрисдикции государства, в связи с чем расследование преступлений затруднено как юридическими, так и географическими факторами, затрагивающими взаимоотношения различных государств.

Пандемия COVID-19 оказала негативное влияние на экономическую деятельность во всех сферах, при этом практически полностью приостановив международное взаимодействие, поскольку страны ввели жесткие

[95] См.: World Trade Organization. Annual Report 2020. Geneva, 2021.

ограничения на передвижение, чтобы остановить распространение вируса. Рецессия, вызванная пандемией, привела к резкому росту безработицы, падению реальной заработной платы, сокращению бюджетных доходов и ослаблению банковского сектора. Особенно сильно пострадали экспортеры нефти и промышленных товаров. Пандемия и меры по ее сдерживанию вызвали обвал спроса и падение цен на нефть.

Новые волны пандемии не дают восстановиться спросу, что ограничивает рост цен на нефть. Сделка ОПЕК+ не может длиться вечно: стороны уже несут большие потери не столько из-за падения цен, сколько из-за того, что им пришлось продавать гораздо меньше нефти, чем год назад. Возможный рост цен на нефть после окончания пандемии, скорее, явится дестабилизирующим фактором. Для России низкие цены на нефть означают падение курса рубля, рост инфляции и дефицит бюджета.

Нельзя не отметить и то, что органы государственной власти реагируют на негативную динамику, в том числе посредством принятия превентивных мер. Однако остаются нерешенными ряд проблем, связанных с обеспечением экономической безопасности Российской Федерации, что вызывает потребность в определении задач, направленных на укрепление экономической безопасности в ближайшее время.

Задачи и первоочередные меры по укреплению экономической безопасности на краткосрочную перспективу

При обосновании практических мер, предпринимаемых для нейтрализации большинства внешних угроз экономической безопасности Российской Федерации, необходимо учитывать, что современные и прогнозируемые вызовы и угрозы влияют на экономическое состояние тех отраслей, которые формируют доходную часть федерального бюджета, с одной стороны, и ограничивают возможность использования иностранных технологий в работе отечественных хозяйствующих субъектов – с другой.

По сути, наблюдается ситуация, когда российские предприятия (организации) не могут использовать некоторые факторы производства из-за их отсутствия либо беспрецедентного увеличения их стоимости, что в конечном итоге приводит к одному и тому же результату. Наглядным примером этого является ограничение доступа к иностранным финансовым ресурсам, а также отказ предоставить производственные мощности по ранее заключенным договорам для завершения проекта «Северный поток-2».

Вместе с тем некоторые отрасли национальной экономики, входящие в агропромышленный комплекс России, под воздействием двух факторов (адаптации к современной экономической ситуации и создания благоприятных условий для их функционирования, в том числе за счет реализации плана по импортозамещению и поддержке экспортных программ) обеспечили рост основных макроэкономических показателей.

При эскалации санкционного давления станет возможным резкий спад производства. Вышеприведенные рассуждения показывают, что важным условием минимизации негативных воздействий на национальную

экономику Российской Федерации, а следовательно, обеспечения необходимого уровня экономической безопасности государства, следует считать максимизацию отечественных факторов производства, используемых экономическими субъектами. В связи с этим возможны следующие рекомендации.

Во исполнение Указа Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» нужно завершить разработку и утверждение нормативных правовых актов и методических документов, необходимых для осуществления мониторинга и оценки состояния экономической безопасности, обеспечить содействие и методологическое сопровождение подготовке соответствующих документов Российской Федерации и муниципальных образований.

Необходимо осуществить комплексный анализ эффективности функционирования системы стратегического планирования, выработать комплекс мер по совершенствованию механизмов управления в сфере социально-экономического развития в условиях «цифровой экономики».

В целях формирования федеральной системы управления рисками в сфере экономической безопасности необходимо:

– выполнить комплекс прикладных исследований, направленных на совершенствование механизмов прогнозирования, выявления и анализа факторов и тенденций в области экономической безопасности, оценки ее состояния и выработки управленческих решений по преодолению обнаруженных вызовов и угроз;

– выявить механизмы имитационного моделирования воздействия факторов, угроз и рисков различного происхождения на экономические процессы и на состояние экономической безопасности в отраслевом и региональном аспекте;

– обеспечить готовность экономических субъектов Российской Федерации к эффективному преодолению стратегических вызовов, угроз и рисков в области экономической безопасности.

Для повышения эффективности мер по обеспечению энергетической безопасности, внутреннего потребления и экспорта топливно-энергетических ресурсов необходимо актуализировать Доктрину энергетической безопасности Российской Федерации, обратив особое внимание: на прогнозирование и адекватное реагирование на глобальные энергетические вызовы, на противодействие внешним угрозам и санкционным мерам в отношении отечественного топливно-энергетического комплекса, на формирование рационального топливно-энергетического баланса с учетом оптимизации структуры производства в условиях новой экономической модели развития.

Нужно своевременно вносить изменения в Доктрину продовольственной безопасности страны при возникновении угроз и рисков ликвидации её оптимального уровня. Возникновение рисков может быть связано

с наличием введенных против России санкций, увеличением открытости рынка агропромышленных культур, а также существенной интеграцией в ЕАЭС, вступлением в ВТО.

В этой связи необходимо развивать область доступности продовольствия, повышать уровень информационных и материально-технических ресурсов, усиливать перерабатывающую и пищевую промышленности при соответствующем уровне сельскохозяйственного обеспечения. Имеющиеся ресурсы должны подкрепляться технологиями, повышать качество до мировых стандартов. Вместе с тем важно создать адекватные механизмы реагирования на колебания внутренних цен на продукты питания, в том числе посредством своевременного ограничения экспортных операций, чтобы не допускать повторения ситуации на продовольственном рынке конца 2020 – начала 2021 гг. В целях повышения эффективности бюджетных расходов на выполнение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ для государственных нужд необходимо проработать и реализовать комплекс мер, направленных на обеспечение оценки патентной новизны и научно-технического уровня результатов научно-технической деятельности (РНТД), ввести вновь созданные РНТД в экономический оборот. Целесообразно организовать переподготовку и повышение квалификации специалистов предприятий оборонно-промышленного комплекса ОПК по вопросам управления правами на РНТД (с учетом трансфера технологий в гражданский сектор экономики).

В числе первоочередных задач внешнеполитической деятельности остается организация эффективного противодействия зарубежным санкциям, сочетающего активные контрмеры и различные шаги по сохранению сотрудничества в интересах развития приоритетных отраслей национальной экономики. Приоритетами внешнеэкономического сотрудничества являются:

– развитие механизмов поддержки несырьевого экспорта, координация усилий со странами-партнерами по обеспечению стабильности на мировом рынке углеводородов, реализация договоренностей в формате ОПЕК+ по сокращению добычи нефти;

– продолжение усилий по задействованию финансовых и технических ресурсов таких банков, как Новый банк развития БРИКС, по расширению практики использования национальных валют при осуществлении международных расчетов, обеспечению проведения транзакций российских операторов в целях купирования угроз, связанных с введением новых санкций и рестрикций со стороны ЕС и США в банковском секторе.

Необходимо продолжить реализацию мер и действий по привлечению финансовых и технологических возможностей зарубежных компаний к реализации крупномасштабных инвестиционных проектов, связанных с совместным освоением природных ресурсов и созданием новых высокотехнологичных производств в Крыму, регионах Сибири и Дальнего Востока, обустройством Северного морского пути и Транссибирской магистрали, модернизацией портовой инфраструктуры порта Владивосток.

Следует активизировать усилия по возобновлению отраслевых диалогов со странами и компаниями ЕС, по развитию взаимодействия таможенных, санитарных и фитосанитарных служб, по обеспечению доступа промышленных товаров и сельскохозяйственной продукции российского экспорта на рынок стран ЕС.

Необходимо продолжать работу по продвижению на международную арену российских инициатив о поощрении частно-государственного партнёрства в деле борьбы с коррупцией, о повышении прозрачности бенефициарного владения, о выработке под эгидой ООН всеобъемлющего международно-правового инструмента в сфере возвращения активов.

Важным направлением защиты национальных интересов в экономической сфере является реализация ответных мер протекционистского характера в отношении отдельных государств, торгово-промышленных компаний и международных организаций, которые ввели политические и экономические санкции против Российской Федерации.

Учитывая целевой и долгосрочный характер санкций, ответными мерами могут быть:

– расширение перечня промышленных товаров, подпадающих под обязательное лицензирование импортно-экспортных операций;

– усиление регулятивной нагрузки (проведение технической экспертизы и экологического контроля) на импорт автомобильной, сельскохозяйственной и строительно-дорожной техники;

– ограничение импорта сельскохозяйственных товаров, ужесточение санитарно-карантинного контроля и санитарно-эпидемиологического надзора;

– сокращение российского участия в реализации экономических программ, осуществляемых по линии международных организаций;

– ограничение на выполнение отдельных видов деятельности и работ на территории Российской Федерации;

– усиление контроля за международными транзитными автомобильными и железнодорожными перевозками грузов с территории государств, которые проводят недружественную экономическую политику в отношении Российской Федерации;

– ограничение въезда на территорию Российской Федерации недружественным представителям общественно-политических, экспертных и деловых кругов.

В целях противодействия угрозам криминального характера на краткосрочную перспективу необходимо реализовать организационно-практические мероприятия по предотвращению противоправных и преступных действий по следующим направлениям:

– выявление системных злоупотреблений в сфере тарифообразования на энергоресурсы, крайне негативно влияющих на социальный климат в стране;

– недопущение реализации некачественного топлива и уклонение

от уплаты налогов крупными компаниями на рынке топливно-энергетического комплекса (ТЭК);

– противодействие незаконной добыче и обороту полудрагоценных камней (нефрита, янтаря и др.);

– противодействие преступным посягательствам на бюджетные средства государственного оборонного заказа и целевых программ, уделяя особое внимание организациям, осуществляющим модернизацию военной техники и систем, а также производство продукции двойного назначения;

– противодействие экономической преступности в сельском хозяйстве, связанной с импортозамещением и обеспечением продовольственной безопасности страны.

Для превентивного парирования усиливающихся угроз национальной безопасности в экономической сфере, следует расширять энергетическое сотрудничество со странами Западной Европы, прежде всего, в газовой сфере; усилить контроль за миграцией населения с целью ограничения политической деятельности мигрантов; стимулировать с международными торговыми партнёрами переход в расчётах на национальные валюты договорных контрагентов; постепенно снижать вложения в долги иностранных государств; плавно стимулировать приближение рыночных обменных курсов к паритету покупательной способности российского рубля; снижать долю вложений золотовалютных резервов России в иностранные активы; обеспечить права на использование ресурсов Арктики и Северного морского пути.

Российская Федерация имеет широкий спектр вызовов и угроз национальной безопасности в экономической сфере, который наиболее вероятно сохранится в ближайшей перспективе и, по всей вероятности, будет усилен новыми угрозами. Деятельность всех органов государственной власти России должна быть направлена на опережающее управление, основанное на мониторинге, анализе социально-экономических явлений, своевременном выявлении негативных факторов, рисков, возникающих в экономической сфере деятельности; на разработку и внедрение инструментов и механизмов, призванных вовремя определить негативные воздействия на экономику и предупредить переход вызовов экономической безопасности в реальные угрозы. Для превентивного парирования угроз национальной безопасности в экономической сфере целесообразно использовать не только экономические, но и организационные, информационные, политические, идеологические, социальные и др. меры, в том числе с опорой на военную силу.

2.4. Вызовы и угрозы в военной сфере

Прогноз развития военно-политической обстановки в мире свидетельствует о том, что становление многополярного мироустройства сопровождается стремлением ведущих стран мира, прежде всего США, сохранить за собой роль мирового лидера. Также характерной приметой времени стала борьба между государствами, претендующими на региональное лидерство за передел сфер влияния. Это несёт в себе потенциальную угрозу обострения соперничества практически по всем направлениям межгосударственных отношений и при неблагоприятном развитии событий может привести к дестабилизации обстановки и военным конфликтам различной интенсивности.

Тенденции развития военно-политической обстановки в мире определяются основными событиями, происходящими в военной сфере.

Военная опасность и военная угроза являются своеобразными характеристиками реально существующей или прогнозируемой в будущем военно-политической обстановки, отношений между коалициями государств, отдельными странами, различными силами внутри них.

Среди основных тенденций военно-политической обстановки, определяющих военные опасности и угрозы, следует отметить:

– увеличение числа конфликтов, в том числе вооруженных, расширение их географии;

– ослабление роли ведущих международных организации и в том числе ООН в урегулировании межгосударственных конфликтов и противоречий;

– стремление США к сохранению и укреплению доминирующих позиций в военной сфере, перенос главных усилий на сдерживание увеличения военной мощи Российской Федерации и Китая;

– усиление антироссийского вектора военной политики США и их союзников;

– приверженность США и их союзников по НАТО[96] к использованию военно-силовых акций в обход общепризнанных норм международного права;

– расширение влияния Турции на тюркоязычный мир с целью реализации своих имперских амбиций;

– активизация негосударственных субъектов мировой политики в военной сфере, рост их влияния на динамику военно-политической обстановки;

– расширение масштабов международного терроризма;

– возрастание роли асимметричных средств и методов достижения военно-политических целей.

---

[96] НАТО – Организация Североатлантического Альянса – North Atlantic Treaty Organization (англ.) – блок, объединяющий большую часть стран Европы, Турцию, США, Канаду. – *Прим. авт.*

В настоящее время продолжается деградация международной системы контроля над вооружением, режимом нераспространения ядерного оружия и ракетных технологий. Усилилась гонка обычных вооружений, обострилась борьба за рынки сбыта вооружений и военной техники. Активизировалась деятельность по милитаризации космоса и киберпространства.

Глобальные проблемы экологии, международной преступности и терроризма, истощение природных ресурсов, проблемы острого неравенства уровня жизни людей различных регионов мира, рост цивилизационных, расовых и этнических противоречий на всех континентах также оказывают влияние на развитие военно-политической обстановки в мире.

Сохраняются взаимные территориальные претензии, идет разрушение существующей системы международно-признанных национальных границ.

В целом, в последние годы конфликтный потенциал в межгосударственных отношениях не уменьшился. С учетом этого, можно предположить, что одним из возможных вариантов развития военно-политической обстановки в мире в краткосрочной перспективе может стать один из следующих вариантов.

Краткосрочный прогноз до 2022 г.

Военно-политическая обстановка в мире в течение 2021–2022 гг. останется сложной. Вероятность ее нового резкого обострения на глобальном и региональном уровне сохранится.

США продолжат реализацию стратегии сдерживания России и Китая через поддержание с помощью союзников напряженности и нестабильности в Европе, Закавказье, Северной Африке, на Ближнем Востоке, Корейском полуострове и в Южно-Китайском море. Главными инструментами антироссийской политики останутся экономические санкции, гонка вооружений, наращивание военной инфраструктуры НАТО и поддержание нестабильности по периметру границ Российской Федерации.

Не исключены попытки новой американской администрации нарушить российско-китайское взаимодействие по вопросам международной безопасности, а также попытки США и их союзников активизировать конфликты: на Западе – на востоке Украины и в Приднестровье; на Юге – в Закавказье, Сирии и Ливии; на Востоке – вокруг Тайваня. Возможно появление какой-либо глобальной инициативы НАТО с целью «сохранения лица» и востребованности альянса, например, расширение зоны ответственности блока на Индо-Тихоокеанский регион.

На характер военно-политической обстановки будет влиять состояние мировой экономики и внутриполитическая ситуация в ведущих государствах мира, в первую очередь в США. Будет действовать фактор неопределенности, связанный с эффективностью предпринимаемых мировым сообществом и отдельными государствами мер по устранению угрозы возникновения и распространения третьей волны пандемии коронавируса.

В Европе сохранится сложная военно-политическая обстановка. Характер и направленность военных опасностей и угроз Российской Федерации останутся прежними. Однако острота этих опасностей и угроз может возрасти. Это будет обусловлено развитием обстановки в Белоруссии, Молдавии и на Украине.

Действия ведущих западных стран во главе с США по-прежнему будут направлены на:

– слом существующего военно-стратегического паритета между Российской Федерацией и США;

– подрыв экономического потенциала России через лишение ее доходов от экспорта углеводородов;

– изоляцию России на международной арене;

– раскол российского общества и подрыв его духовного потенциала.

Противоречия между НАТО и Россией сохранятся – Россию будут позиционировать как главного противника альянса, продолжится массированная антироссийская информационно-пропагандистская кампания.

США и НАТО продолжат наращивать свое присутствие в Восточной Европе, совершенствование оперативного оборудования территорий Эстонии, Латвии, Литвы и Польши. На их территории продолжится складирование вооружений и военной техники для быстрого развертывания дополнительных контингентов НАТО у российских границ.

Будет продолжена работа по развитию сети передовых координационных центров НАТО, предназначенных для руководства приемом и развертыванием войск (сил), по усилению блока и повышению эффективности действий центров.

Будут осуществляться мероприятия по углублению военно-политического и военно-технического сотрудничества блока с Финляндией и Швецией.

Следует ожидать активизации мероприятий оперативной и боевой подготовки вооруженных сил стран НАТО в прилегающих к Российской Федерации регионах.

НАТО продолжит проводить целенаправленную политику по вовлечению в альянс Украины и Молдавии. Наибольшую опасность представляет скоординированная при поддержке НАТО провокация со стороны Молдавии и Украины против российского воинского контингента в Приднестровье для формирования в глазах европейской и мировой общественности образа России как «страны агрессора».

Украина продолжит выступать с антироссийскими заявлениями и двигаться в сторону более тесного сотрудничества с США. Обстановка на Донбассе останется сложной и взрывоопасной.

Военно-политическая обстановка в Закавказском регионе останется напряженной и неустойчивой. В регионе продолжится геополитическая борьба между Россией, Турцией, Ираном и США. Борьба за влияние в регионе будет в первую очередь связана с борьбой за доступ

к энергоресурсам и транспортным маршрутам, в том числе трубопроводным. США продолжат политику по сдерживанию России и ограничению ее влияния на постсоветские государства Закавказья.

В Закавказье сохранится сильное влияние исторически сложившихся национально-этнических, религиозных и культурных (цивилизационных) противоречий, которые продолжат оказывать негативное влияние на состояние военно-политической обстановки в регионе.

Обстановка в Нагорном Карабахе может обостряться периодическими провокациями со стороны азербайджанских и армянских националистов против российских миротворцев. Не исключены также нападения на мирное население небольших городов и сел вдоль линии соприкосновения азербайджанских и армянских сил. Периодически могут происходить вооруженные столкновения между частями Вооруженных сил Азербайджана и Армии самообороны Нагорнокарабахской Республики (НКР).

Турция постарается скрытно нарастить свое военное присутствие в Азербайджане. Будут предприниматься попытки запуска, реализации региональных политических и экономических проектов при ведущей роли Турции. Основные усилия, скорее всего, могут быть направлены на создание транспортного коридора между Нахичеванью и Баку, что обеспечит Турции прямой короткий выход к Каспийскому морю.

Не исключено, что Азербайджан начнет кампанию информационно-психологического давления на оставшееся армянское население НКР с целью дискредитации их экономических связей с Ереваном.

Обстановка вокруг Ирана останется сложной и неустойчивой. Новая администрация США Джо Байдена, скорее всего, лишь на уровне политических заявлений пойдет на некоторое улучшение отношений с Тегераном. Антииранский блок в составе Израиля и некоторых монархий Персидского залива продолжит развиваться. Острота ирано-израильского вооруженного противостояния в Сирии останется на высоком уровне.

Нельзя исключать вероятность нанесения точечных ударов по объектам в Иране и иранским объектам в Сирии со стороны США. Подобные действия могут резко дестабилизировать обстановку в регионе.

На Ближнем Востоке сохранится напряженная и нестабильная обстановка. Главными источниками нестабильности в регионе останутся Израиль, США, Турция и Иран, а также действующие в их интересах на территории Сирии и других стран различные вооруженные формирования.

Самая сложная обстановка в регионе сохранится в Сирии. Турция не способна полностью контролировать действия боевиков в Идлибе и других провинциях. Значительная часть оппозиционных правительству Б. Асада отрядов боевиков нацелена на ведение военных действий до смены власти в Сирии. США и их союзники продолжат поддерживать вооруженное противостояние в стране, поэтому степень участия группировки Вооруженных Сил Российской Федерации в стабилизации обстановки на северо-западе Сирии, вероятнее всего не уменьшится.

Вероятность нанесения Израилем новых ударов по иранским объектам в Сирии останется высокой.

Заявления США о выводе американских войск из Сирии не будут реализованы. Они также продолжат политику, направленную на разрушение сотрудничества России с Турцией и Ираном по сирийскому вопросу.

Новая американская администрация продолжит давление на отдельные страны Персидского залива и Северной Африки с целью нормализации их отношений с Израилем для усиления давления на Иран.

В зоне Персидского залива возможны новые вооруженные инциденты.

При этом Иран не откажется от стремления создать «шиитский коридор» (Иран – Ирак – Сирия − Ливан), чтобы обеспечить себе выход к Средиземному морю и одновременно ослабить позиции «суннитского конкурента» − Турции, а также Израиля. По этой причине противостояние между суннитами и шиитами не ослабнет.

В регионе продолжится жесткая борьба за доступ к газовым месторождениям в восточном Средиземноморье и контроль над маршрутами их поставки в Европу. Отношения Турции с Грецией останутся напряженными.

Израиль продолжит активно продвигать политическую инициативу по подписанию договора с арабскими странами Персидского залива о ненападении, чтобы устранить угрозу своему существованию и добиться вывода иранских формирований с территории Сирии.

В целом, США и ведущие государства Западной Европы, влияющие на развитие ситуации в Сирии, не откажутся от политики смены режима Б. Асада и резкого уменьшения роли и влияния Российской Федерации в регионе, поэтому конфликт в Сирии продолжится.

Политика Турции останется сложной. США предпримут новые попытки возобновить «партнерские отношения» с Турцией, поэтому сохранится потенциальная опасность нового обострения отношений между Турцией и Российской Федерацией.

В случае ухудшения экономического положения в стране и обострения внутриполитической ситуации Президент Турции Р. Эрдоган может пойти на сделку с США и разорвать все договоренности с Москвой.

Для России сохранится потенциальная опасность вооруженного столкновения в Сирии с Турцией и США.

Военно-политическая обстановка в Северо-Восточной Азии будет носить сложный и противоречивый характер. Невзирая на огромный объем двусторонних торгово-экономических связей между Китаем и США, американо-китайское соперничество останется главным фактором, определяющим развитие военно-политической обстановки в Северо-Восточной Азии, и в целом в АЗТР. В регионе продолжится военно-стратегическое противостояние сторон: Китай – США и КНДР – США, Южная Корея, Япония.

США и Китай продолжат демонстрацию собственных военных возможностей в Южно-Китайском море и рядом с Тайванем, что будет негативно влиять на состояние военной безопасности в Северо-Восточной Азии. Продолжатся провокационные действия ВВС и ВМС США в омывающих Китай морях.

Китай продолжит ускоренное наращивание военного потенциала страны и боевого потенциала своих Вооруженных сил. Основные усилия будут направлены на расширение возможностей по проецированию силы в зоне Тихого океана.

Для усиления давления на Китай США продолжат поддерживать протестные настроения в Гонконге, Синьцзяне и на Тайване.

Новая американская администрация может расширить военно-техническое сотрудничество с Тайванем и нарастить поставки крупных партий современных вооружений, начатых Президентом Д. Трампом.

В регионе продолжится формирование «азиатского филиала НАТО» (США, Япония, Южная Корея, Австралия), к которому может присоединиться и ряд других стран, например, Канада и Франция.

Военный конфликт между США и Китаем маловероятен, однако возможность его развязывания будет возрастать параллельно с ростом военной мощи Китая. Очаг напряженности на Корейском полуострове сохранится и продолжит оказывать периодическое дестабилизирующее влияние на состояние военно-политической обстановки в регионе.

Можно предположить, что полноценный политический диалог между США и КНДР не будет восстановлен. Развитие отношений между сторонами не приведет к прекращению северокорейской ракетно-ядерной программы (и тем более к отказу Пхеньяна от ядерного оружия) и к снижению уровня военного противостояния на Корейском полуострове.

Продолжится война «слов и нервов», чередование политических заявлений (угроз), демонстрация военной силы. Сохранится вероятность очередного резкого обострения военно-политической обстановки в случае демонстративного возобновления северокорейской ракетно-ядерной программы. При этом, скорее всего, вероятность развязывания военных действий на Корейском полуострове останется на низком уровне.

Дестабилизирующим фактором останутся территориальные претензии ряда стран к соседним (Япония – Россия, Япония – Южная Корея, Япония – Китай) и неопределенность статуса Тайваня.

В Центральной и Южной Азии существенно нарастают военные опасности и военные угрозы Российской Федерации, Казахстану и Киргизии. Это связано с активизацией деятельности движения «Талибан» не только в Афганистане, но и в соседних странах, других международных террористических организаций, проповедующих политику радикального ислама, действующих на территориях бывших республик Советского Союза.

США продолжат проводить политику распространения собственного влияния на страны Центральной Азии. При этом успех такой деятельности

во многом будет зависеть от последствий вывода контингента американских войск с территории Афганистана и прихода к власти движения «Талибан». Высокий уровень вооруженного насилия в стране сохранится.

Нельзя исключать, что пришедшие к власти в Афганистане исламисты, в дальнейшем попытаются дестабилизировать обстановку в центрально-азиатских государствах, а гражданская война в Афганистане продолжится. Сохранится вероятность вовлечения России в вооруженные конфликты на территории среднеазиатских государств.

Сложными останутся индо-пакистанские отношения, напряженная обстановка в Кашмире будет нарастать.

Вероятность эскалации межгосударственного противостояния между Пакистаном и Индией до уровня военного конфликта сохранится на низком уровне, но полностью исключена быть не может.

Характер военно-политической обстановки в Арктическом регионе не изменится. Продолжится соперничество за контроль над энергоресурсами региона между США, Канадой, Норвегией, Данией и Россией, а также внерегиональными странами (Китай).

Не исключена вероятность возникновения кризисных ситуаций в Арктике вследствие демонстративного нарушения иностранными судами (в первую очередь, кораблями Военно-морских сил США) законных требований России о порядке прохождения Северного морского пути.

При этом США продолжат реализовывать стратегию по расширению своего военного присутствия в Арктике и сдерживанию России.

Среднесрочный прогноз до 2025 г.

Наиболее опасными тенденциями военно-политической обстановки останутся:

– наращивание военной инфраструктуры стран-членов НАТО вблизи границ Российской Федерации;

– развертывание дополнительных воинских контингентов иностранных государств на территориях, сопредельных с Российской Федерацией, а также в прилегающих акваториях;

– создание и развертывание систем стратегической противоракетной обороны.

НАТО продолжит курс на расширение через втягивание в альянс Грузии, Украины, Молдавии и, возможно, Швеции и Финляндии. Равноправное партнерство НАТО с Россией налажено не будет.

Основными угрозами военной безопасности Российской Федерации останутся:

– развернутые и готовые к применению группировки стратегических ядерных сил США, Великобритании, Франции и Китая;

– запасы ОМУ других типов и средств его доставки;

– развертывание группировок ударных космических средств, а также группировок высокотехнологичных средств «мгновенного удара»;

– наращивание военного присутствия иностранных государств, в том числе под эгидой НАТО, вокруг Российской Федерации;

– международный терроризм;

– борьба иностранных государств за доступ к природным ресурсам с использованием военно-силовых методов;

– подрыв иностранными государствами глобальной и региональной безопасности, в том числе под предлогом борьбы с экстремистскими и террористическими группировками;

– территориальные претензии иностранных государств к Российской Федерации;

– демонстрация военной силы (крупномасштабные военные учения) зарубежными странами в ходе мероприятий оперативной и боевой подготовки на территориях государств, сопредельных с Российской Федерацией и ее союзников.

При этом наиболее катастрофичной (по возможным последствиям) останется угроза военного столкновения ядерных держав (США – Российская Федерация, США – Китай, США – КНДР, Китай – Индия, Индия – Пакистан), а также угроза применения ядерного оружия в региональных конфликтах (Иран – Израиль).

Нельзя также полностью исключать угрозу развязывания против России вооруженного конфликта на одном из стратегических направлений и угрозу развязывания крупномасштабного военного конфликта со стороны США и НАТО.

В зависимости от региона мира угрозы военного характера могут проявляться по-разному. Для Российской Федерации это связано с физико-географическими, геополитическими, историческими, религиозными и другими особенностями театров военных действий и стратегических направлений в их составе.

Долгосрочный прогноз до 2035 г.

Военно-политическая обстановка будет характеризоваться следующими особенностями. В частности, при долгосрочном прогнозировании необходимо учитывать возможность актуализации сценария «регионализация». Ослабление контроля со стороны мировых лидеров – США, государств Европы, Китая, вызванное обострением внутренних социально-экономических проблем, приведет к росту асимметричных угроз национальной безопасности государств в глобальном масштабе.

Развитие военно-политической обстановки, изложенной в «Стратегическом прогнозе Российской Федерации на период 2035 года» (одобрен Оперативным совещанием Совета Безопасности Российской Федерации от 22 февраля 2019 г.), предполагает, что в среднесрочной и долгосрочной перспективе на систему международных отношений и военно-политическую обстановку в мире наибольшее влияние будут оказывать две разнонаправленные группы факторов.

С одной стороны, правящие круги США будут стремиться обеспечить собственное господство в системе международных отношений, используя в качестве инструментов достижения своих целей, существующие и создаваемые международные структуры. С другой стороны, все в большей мере будет сказываться осознанное стремление ряда крупных держав «незападного мира», таких как Россия, Китай, Индия, Иран и других, отвергающих «исключительность единственного центра силы», стремящихся сформировать более справедливый новый мировой порядок. Различное сочетание возможных действий этих факторов может породить альтернативные сценарии развития военно-политической обстановки.

В период до 2035 года «базовыми сценариями» развития глобальной военно-политической обстановки будут являться:

– переход к полицентричной модели мироустройства;

– продолжение попыток США сохранить свое доминирование;

– формирование биполярной модели мироустройства;

– усиление процессов регионализации или их сочетание.

Переход к полицентричной модели мироустройства предусматривает постепенное уравнивание возможностей существующих и возникающих глобальных центров влияния в политической, экономической и военной областях. В рамках этого сценария предполагается укрепление роли ООН и многосторонних режимов обеспечения международной безопасности и сотрудничества, упрочение стабильности и устойчивости системы международных отношений, ослабление влияния военно-политических блоков и, как следствие, снижение конфликтного потенциала в мире, деэскалация напряженности в отношениях России с США и их союзниками, развитие сотрудничества на политическом и экономическом пространстве Европы и Азии.

Продолжение попыток США сохранить доминирование в качестве единственного государства, способного проецировать свое экономическое и военно-политическое влияние в глобальном масштабе приведет к значительному снижению роли ООН, размыванию действующей системы международного права, наращиванию силового потенциала и расширению НАТО, подрыву стратегической стабильности. Данный сценарий может привести к обострению противоречий между Россией и США, а также странами НАТО. В среднесрочной перспективе он является достаточно вероятным в случае сохранения общей направленности внешней политики ведущих западных государств.

Формирование биполярной модели мироустройства предполагает, что США и их союзникам будет противостоять альтернативный альянс, создаваемый государствами, обладающими взаимодополняющими возможностями в политической, экономической, технологической, информационной и военной сферах.

При реализации новой биполярности произойдет дальнейшее смещение мирового потенциала силы и развития в Азиатско-Тихоокеанский регион

и становление нового полюса политического, экономического и военного влияния, претендующего на лидирующую роль в глобальном масштабе. При этом повысится вероятность обострения политического и экономического противоборства между полюсами, что может привести к значительному усилению международной напряженности.

Регионализация мировой политики предусматривает значительное ослабление существующих глобальных центров силы, обострение борьбы за лидерство в регионах мира и, как следствие, рост конфликтного потенциала.

Усиление процессов регионализации приведет к перенастройке международных экономических и политических связей, сокращению внешнеэкономического сотрудничества, в условиях ослабления систем глобальной и региональной безопасности к дальнейшему распространению экстремистской идеологии и разрастанию международного терроризма.

Следует отметить, что на практике, вероятно, будет иметь место проявление элементов сразу нескольких сценариев, поскольку повышается вероятность формирования граничных и переходных состояний военно-политической обстановки.

Анализ содержания этих сценариев позволяет сделать вывод, что до 2025 года, скорее всего, будет преобладать сценарий «продолжение попыток США сохранить доминирование», а в период 2025–2030 гг. может начать реализовываться сценарий «формирования биполярной модели мироустройства». Это предопределяет особенности проявления и содержание возможных военных опасностей и военных угроз военной безопасности Российской Федерации в перспективе до 2035 года.

Вариант развития военно-политической обстановки по сценарию «перехода к полицентричной модели мироустройства» в период 2021–2035 гг. наиболее предпочтителен для Российской Федерации, так как в данном случае количество угроз и опасностей военной безопасности минимально. При этом наиболее реальными военными угрозами России будут действия деструктивных сил в приграничных к Российской Федерации и ее союзникам государствах, что может привести к вооруженным конфликтам.

Анализ и оценка прогноза развития военно-политической и стратегической обстановки в мире позволили выявить ряд *внешних вызовов и угроз военной безопасности Российской Федерации*, влияние которых с различной степенью вероятности возможно при любом базовом сценарии развития военно-политической обстановки до 2035 г.:

– приближение военной инфраструктуры НАТО к границам Российской Федерации, в том числе путем расширения блока;

– наличие развернутых и готовых к применению группировок СЯС США, Великобритании, Франции и Китая;

– готовность руководства США и НАТО в одностороннем порядке применять военную силу в обход существующих механизмов обеспечения международной безопасности;

– реализация планов США по развертыванию глобальной системы ПРО, а также по созданию высокотехнологичных средств «мгновенного удара»;

– развертывание стратегических неядерных систем высокоточного оружия, развитие новых видов и средств вооруженной борьбы, включая средства «мгновенного удара», возможность переноса боевых действий в космическое пространство;

– демонстрация военной силы зарубежными странами в ходе мероприятий оперативной и боевой подготовки на территориях государств, сопредельных с Российской Федерацией и ее союзниками;

– установление в государствах, сопредельных с Российской Федерацией, недружественных режимов, политика которых угрожает интересам Российской Федерации и ее союзников, в том числе в результате свержения в них легитимных органов государственной власти;

– ужесточение конкуренции за беспрепятственный доступ к источникам сырьевых ресурсов и контроль над маршрутами их транспортировки на фоне изменений климата, сокращения мировых запасов пресной воды, нехватки продовольствия и повышения спроса на энергоресурсы;

– наличие (возникновение) очагов межнациональной и межконфессиональной напряженности, деятельность международных вооруженных радикальных группировок в районах, прилегающих к государственной границе Российской Федерации и границам ее союзников, а также наличие территориальных противоречий;

– международный терроризм.

В целом вызовы и угрозы военной безопасности России будут иметь комплексный и разнонаправленный характер, затрагивая политическую, военную, экономическую, информационную и другие жизненно важные сферы деятельности нашего государства, которые могут явиться предвестником появления военных угроз практически по всему периметру границ. Их характер и содержание будут определяться конкретным сценарием развития военно-политической обстановки.

К 2035 году значительно возрастут возможности ОВС НАТО по ведению военных действий в *Арктическом регионе* в результате реализации программ технического переоснащения войск (сил). Возникновение вооруженного конфликта и его дальнейшая эскалация возможны в случае задействования ОВС НАТО на Ямало-Ненецком, Печорском и Кольском операционных направлениях. Причиной может стать обострение противоречий по территориальным вопросам, пересмотру морских границ и разделу континентального шельфа. США и их союзники будут готовы разрешить их путем применения военной силы.

На *Западном стратегическом направлении* на характер и содержание военных угроз будут оказывать влияние ослабление роли существующих международных институтов, кризисные явления в экономике, а также стремление США и ведущих государств Европы обеспечить свою безопасность в ущерб интересам других стран.

Развязывание против России и ее союзников крупномасштабных военных действий в Европе на среднесрочную перспективу оценивается как маловероятное.

В целях ослабления Российской Федерации США и другие ведущие страны НАТО продолжат использовать на постсоветском пространстве противоречия для создания очагов напряженности вблизи границ Российской Федерации и ее союзников. Реализация интересов отдельных членов блока может привести к возникновению локальных вооруженных конфликтов в приграничных с Российской Федерацией регионах и втягиванию в них нашего государства.

Существует опасность возникновения на территориях *Южного и Северо-Кавказского федеральных округов Российской Федерации* внутреннего вооруженного конфликта, вызванного распространением идей исламского радикального фундаментализма и активизацией деятельности незаконных вооруженных формирований, поддерживаемых из-за рубежа со стороны Турции, Саудовской Аравии, Грузии и ряда других иностранных государств.

К 2035 году наиболее серьезной военной угрозой России в рамках реализации сценария «продолжение попыток США сохранить доминирование» представляется развязывание крупномасштабного военного конфликта со стороны США и НАТО. Это обусловлено тем, что в качестве приоритетной задачи военно-политическое руководство США рассматривает на перспективу лишение Российской Федерации государственного суверенитета, расчленение ее на ряд самостоятельных территориальных образований и овладение (прямое или через лояльность «избранных» руководителей новых территориальных образований) территориями современной России, богатыми природными ресурсами. Статус гегемона наряду с возможным существенным превосходством в области стратегических вооружений над Российской Федерацией может спровоцировать администрацию США на достижение указанных политических целей военными средствами.

На *Юго-Западном стратегическом направлении* основную угрозу военной безопасности будут представлять действия НАТО и Евросоюза по всесторонней поддержке киевских властей в поддержании условий для продолжения военного противостояния на юго-востоке Украины и вынашивания планов по возвращению Крыма. Практические шаги для решения этих задач могут привести к развязыванию войны с Россией и втягивание в нее блока НАТО. В случае реализации сценария

«Продолжение попыток США сохранить доминирование» вероятность агрессии против Российской Федерации к 2035 году будет максимальной.

На *Центрально-Азиатском стратегическом направлении* сложная внутриполитическая и социально-экономическая обстановка в республиках Средней Азии может привести к возникновению вооруженных конфликтов, в которые может быть втянута Российская Федерация, что может создать реальную опасность обострения ситуации на Северном Кавказе и распространения диверсионно-террористической деятельности как на Поволжье, так и на Урале.

К 2035 году в связи с возможной переориентацией ряда стран Центральной Азии на прозападный внешнеполитический курс возникнут благоприятные условия для развязывания против Российской Федерации военного конфликта локального масштаба со стороны США и НАТО.

На *Восточном стратегическом направлении,* несмотря на наличие в Азиатско-Тихоокеанском регионе территориальных разногласий, угрозы военной безопасности в целом останутся в разряде потенциальных.

Ухудшение условий жизни населения государств Северной Африки, Ближнего и Среднего Востока, Центральной и Юго-Восточной Азии приведет к возможности консолидации религиозных экстремистских организаций различного толка на базе экспансионистских идеологических установок, предполагающих создание вооруженным путем всемирного исламского халифата на пространстве от Марокко до Малайзии**.**

В этом случае резко усилится угроза распространения террористической активности не только на сопредельные России территории государств в пределах Юго-Западного и Центрально-Азиатского стратегических направлений, но и на Северный Кавказ, Поволжье и Урал. Данная угроза приобретет более выраженный характер с большой вероятностью эскалации внутренних вооруженных конфликтов до масштаба локальной войны. При этом в качестве противника будут выступать разрозненные по месту, но скоординированные по замыслу многочисленные боевые группы сетевых международных террористических организаций.

Анализ прогноза мировых военно-политических и военно-стратегических процессов в перспективе до 2035 года свидетельствует о формировании качественно новой геополитической ситуации, которая будет характеризоваться обострением противоречий между ведущими мировыми военно-политическими субъектами, способной в перспективе привести к возникновению новых кризисных ситуаций практически по всему периметру границ Российской Федерации.

К основным вооруженным конфликтам, в которые при крайне негативных сценариях развития глобальной, региональной и внутриполитической обстановки может быть вовлечена Россия на период до 2035 года, можно отнести прогнозируемые конфликты с:

– США, Канадой, Норвегией и другими заинтересованными странами НАТО из-за обострения противоречий в Арктике;

– Норвегией, США и другими заинтересованными странами Запада из-за территориальных споров и за расширение богатых природными ресурсами арктических владений;

– Финляндией, США, Норвегией из-за территориальных споров;

– странами Балтии (Латвией, Литвой, Эстонией) и другими странами НАТО из-за обострения политических, экономических и территориальных противоречий;

– США, Германией, Польшей, Литвой и другими странами НАТО из-за противоречий по статусу Калининградской области;

– США, Польшей, Литвой и другими странами НАТО на белорусском направлении;

– Молдавией из-за разности в подходах к определению статуса Приднестровской Молдавской Республики;

– Украиной и коалицией заинтересованных стран НАТО из-за территориальных противоречий;

– Грузией из-за территориальных претензий Тбилиси к Абхазии и Осетии;

– экстремистским подпольем на Северном Кавказе;

– Японией и США из-за обострения территориальных противоречий по национальной принадлежности южных островов Курильской гряды.

Кроме того, Россия может быть втянута во внутренние вооруженные конфликты на территории Таджикистана и Киргизии. Все эти конфликты имеют возможность взаимосвязанного одновременного возникновения на нескольких стратегических (операционных) направлениях, что является самым неблагоприятным для нашего государства вариантом развития военно-политической и стратегической обстановки.

Дальнейшее распространение масштабов военных действий может привести к их перерастанию в региональную войну на Западе, Юге и Востоке.

В долгосрочной перспективе до 2035 года наиболее актуальными угрозами военной безопасности для Российской Федерации будут:

– наличие у США и других государств развернутых и готовых к применению стратегических ядерных сил;

– нарушение Соединенными Штатами и их союзниками договоров и соглашений в области контроля над вооружениями и мер доверия;

– наращивание военной мощи НАТО, расширение военного присутствия государств-членов НАТО в регионах, сопредельных с Россией;

– возникновение и эскалация локальных конфликтов;

– технологическое и военно-техническое превосходство ведущих зарубежных стран над Россией, позволяющее опережающими темпами разрабатывать средства вооруженной борьбы следующих поколений, в массовом порядке оснащать ими вооруженные силы;

– развертывание элементов стратегической ПРО США в Европе и в Азиатско-Тихоокеанском регионе, что может привести к нарушению

сложившегося баланса стратегических сил, а также к подрыву глобальной и региональной стабильности в целом;

– эффективное функционирование стратегической ПРО США в Европе, а также в Азиатско-Тихоокеанском регионе, появление у США возможности по нанесению по России обезоруживающего удара;

– милитаризация космоса (создание авиационно-космических сил, разработка стратегического ударного авиационно-космического комплекса, предназначенного для нанесения высокоточных ударов на межконтинентальную дальность);

– размывание режима нераспространения оружия массового поражения и, в частности, ядерного, материалов и технологий для его создания, технологий двойного назначения;

– активизация религиозного и национального экстремизма в граничащих с Россией регионах.

Таким образом, состояние современной военно-политической обстановки свидетельствует о низкой вероятности развязывания крупномасштабной войны. При этом в последнее время все чаще наблюдаются всплески нестабильности и насилия в различных регионах мира.

Одновременно усиливается фактор неопределенности, обусловленный отсутствием у большинства государств единого видения будущего мирового развития и возможностью углубления кризиса мировой экономики из-за проблем в функционировании финансовых систем ряда ведущих стран мира.

Важнейшая задача внешней военной политики Российской Федерации в обозримом будущем – укрепление международной безопасности и стратегической стабильности на глобальном и региональном уровнях.

Выполнение этой задачи в значительной степени будет связано с обеспечением стабильности развития военно-политической обстановки в мире, то есть с нейтрализацией действующих угроз и сдерживанием эскалации потенциальных угроз военной безопасности России.

2.5. Вызовы и угрозы в оборонно-промышленной сфере

Национальная безопасность страны – это системное понятие, охватывающее практически все жизненные сферы общества – политическую, экономическую, социальную, производственно-технологическую, которые призваны обеспечить защиту государства от вызовов и угроз военно-политического и экономического характера. В этой связи национальная безопасность является одним из важнейших приоритетов государства.

Обеспечение национальной безопасности России на современном этапе совпало с переходом к новой модели экономики страны. В конце XX – начале XXI вв. отчетливо проявилась тенденция к переходу экономики на новые принципы развития. Это «новая экономика» – «Индустрия 4.0», связанная с развитием новых технологических укладов, новой системы экономических связей и отношений. Такой переход обостряет противоречия современного мира, ведет к нарастанию межгосударственных отношений, порождает новые диспропорции между финансовым и реальным капиталом. В этих условиях России необходимо обеспечить устойчивость экономики на собственной производственно-технологической базе и создать необходимый потенциал для эффективного развития. Такой высокотехнологической базой в нашей стране является оборонно-промышленный комплекс (ОПК).

Количество и сложность технологических вызовов, возникающих перед Российской Федерацией и её оборонно-промышленным комплексом, постоянно растет. ОПК в России – это один из немногих конкурентоспособных и высокотехнологичных секторов промышленности. Освоение космического пространства, развитие ядерной энергетики, гражданские роботы и многое другое – все это так или иначе технологически связано с оборонно-промышленным комплексом. Кроме того, и другие передовые макротехнологические направления, которые относительно успешно реализуются в России, – авиация, спецметаллургия, энергетическое машиностроение, судостроение, – также тесно взаимодействуют с ОПК. С советских времён к отечественному оружию предъявлялись высокие требования. Поэтому нередко оно представляло собой шедевры инженерно-технологической мысли. Крупнейший организатор оборонной промышленности советской эпохи Д.Ф. Устинов говорил: «…главным требованием к оружию было и есть обеспечение его превосходства над аналогичным образцом оружия противника … по всем параметрам»[97]. Любое вооружение и военная техника, с точки зрения технологии, имеет свой геополитический код. В начале XXI века мировой кризис в международных отношениях сопровождается высокой степени турбулентностью во всех сферах, включая национальную безопасность государств, а в отношениях Россия – НАТО – стратегической неопределенностью. Отсюда происходит рост гибридных угроз,

[97] Цит. по: Калашников М.Т., Калашникова Е.М. Траектория судьбы. – М.: АСТ, 2015. С. 268.

перерастающих в гибридные войны, когда снижается роль традиционного военного противоборства и возрастает значение, в первую очередь, кибернетического оружия (информационных технологий), а также психологического оружия, санкционного давления, политического, дипломатического шантажа и др. Сегодня Россия оказывается перед лицом острейших технологических вызовов в оборонном секторе со стороны её соперников-партнёров.

В последнее десятилетие Россия определила свои стратегические ориентиры в области национальной и экономической безопасности[98], взяла курс на трансформацию цифровой модели экономики, связанной с важной ролью государства на всех этапах ее развития особого типа социального устройства[99]. России необходимо найти новое место в мировой экономике, выбрав правильную стратегию своего развития и определив ее внешнеполитическую и внешнеэкономическую составляющие.

В основе такой стратегии России должен лежать высокий уровень развития науки и технологий. Именно научно-технологический потенциал становится определяющим фактором в решении проблем безопасности и устойчивого развития государств всего мира, в том числе и России. Современная наука и технологии вовлекаются в жесткую конкурентную борьбу за выживаемость государства.

Вместе с тем ускорение экономического развития возможно только за счет ускорения технологических возможностей производства. В России, как уже отмечено выше, сложившейся практикой создания наукоемкой гражданской продукции является эффективное использование научно-технологического потенциала предприятий ОПК. В то же время, доля России на высокотехнологичных мировых рынках не превышает 1,5–2 %. Такое отставание России в этой области чревато серьезными отрицательными последствиями в производстве новейших информационных технологий, качественного решения социальных программ. В конечном счете это ведет к ослаблению национальной безопасности страны.

Сфера защиты национальных интересов все более перемещается в развитие высокотехнологичного комплекса, который призван сохранять потенциальные возможности по реализации стратегических национальных приоритетов Российской Федерации. Главными задачами стратегического развития страны становятся способы повышения темпов роста экономики, поиск направлений технологического перевооружения. Страна должна иметь высокотехнологичную производственную базу, обеспечивающую

---

[98] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // Рос. газ. 2021. 3 июля.; Стратегия экономической Безопасности Российской Федерации на период до 2030 года : указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/41921 (дата обращения: 30.08.2021).

[99] О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года : указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027 (дата обращения: 30.08.2021).

национальную безопасность страны. Важнейшей составляющей таких задач должна стать промышленная (оборонно-промышленная) политика страны и ее научный и производственно-технологический потенциал[100].

Проблема прогноза вызовов и угроз безопасности и разработка соответствующих мер по их взаимодействию в оборонно-промышленной сфере требует рассмотрения сложившихся на настоящее время военно-экономических условий на мировом пространстве и их влияния на оборонно-промышленный комплекс Российской Федерации с тем, чтобы трансформировать его под меняющиеся внешние условия. Основными внешними вызовами и угрозами российской оборонно-промышленной сфере являются геополитические, военно-политические и финансово-экономические.

Геополитические вызовы и угрозы.

Анализируя современные внешние вызовы России, можно отметить, что «главные геополитические вызовы носят не межгосударственный и региональный (как было достаточно длительное время), а межцивилизационный и глобальный характер»[101]. Первый вызов исходит от США и НАТО или скорее от американских и связанных с ними транснациональных «групп интересов», которые видят в России либо глобального конкурента, которого необходимо устранить, либо государство, которому следует указать его место в глобальной мировой конструкции (или на отсутствие такого места вообще).

С распадом СССР и Варшавского договора произошло перераспределение сил на мировой арене. США стали бесспорной ведущей державой в технологическом отношении. По словам З. Бжезинского, технологическая потребность обусловливает политическое переустройство планеты в пользу американского общества, определяемого как первое глобальное общество в истории, глобальная модель современности без империализма с универсальной технологией. Будущее не за идеологией и пушками, а за сетями. Мощь державы выражается в ряде характеристик, таких как контроль мировых финансов, контроль рынков и технологии, способность к ликвидации барьеров на пути международного обмена, наличие доминирующей культурной модели, подходящей для экспорта в другие страны, и военная сила[102]. Пропагандируя так называемый «положительный экономический национализм» через соответствующую политику, США стремятся стать единственным судьей в отныне ставшей глобальной экономике, путем сохранения мирового господства и духовного руководства планетой.

---

[100] Безопасность России. Правовые, социально-экономические и научно-технические аспекты. Высокотехнологичный комплекс и безопасность России. М. : Знание, 2003. 576 с.

[101] Шесть глобальных вызовов, с которыми Россия столкнется в 2016 году. – URL: https://ria.ru/20160201/1368379572.html (дата обращения: 20.02.2021).

[102] *Бжезинский З.* 2013. Стратегический взгляд: Америка и глобальный кризис. М. : АСТ. 285 с.

К сожалению, исходя из подобной позиции, отношение Запада к России стало типичным примером отношения победителя к побежденному за тем лишь исключением, что побежденный является ядерной державой. В то же самое время США занимались созданием нового «железного занавеса», строя базы, вкладывая средства, направляя военных и политических советников, поглощая страны бывшего социалистического лагеря и бывших республик СССР. Начиная со второго десятилетия XXI века происходит постоянно нарастающее столкновение интересов России и российских компаний в сфере поставок нефти и газа Европу. Как апогей – невиданное ранее давление на реализацию проекта «Северный поток-2», попытки воздействовать на реализацию газопровода «Сила Сибири» и др.

В этом же ключе реализуется и жесткая конкуренция на рынке вооружений. Особо следует отметить усиление конкуренции «за доступ к возобновляемым ресурсам, в том числе к ресурсам Арктической и Антарктической зон, акваторий Северного Ледовитого океана», что особо отмечено в Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г.[103]. При этом следует учесть, что один из основных тезисов национальной безопасности, сформулированных еще администрацией Президента США Б. Обамы, – «США не допустят достижения какой-либо страной военного паритета»[104]. Последнее же предполагает опережающее развитие ОПК как в количественном, так и качественном отношении. Последняя стратегия национальной безопасности США была принята в 2017 году администрацией Президента США Д. Трампа и во многом делает упор на обеспечение глобальных экономических интересов США, в том числе за счет роста военного потенциала США и их союзников (не только формально существующих в рамках военно-политического блока НАТО) и роста ОПК[105].

Дальнейшее изменение темпов роста и вектора развития национального производства вооружений и военной техники является функцией стратегических военно-политических и экономических решений, равно как и объемов и вектора военных расходов других государств. Изменение величины и направленности военных расходов России зависит от таких факторов, как расширение и качественное обновление военно-экономического аппарата НАТО, приближение его к границам России, определенные угрозы на южных и восточных границах, угрозы терроризма, а также необходимость компенсации морального и физического старения

---

[103] Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года : утверждена указом Президента РФ от 13 мая 2017 г.№ 208. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/41921 (дата обращения 21.09.2021 г.).

[104] National security strategy. May. 2010. – URL: http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/rss_viewer/national_security_strategy.pdf. (дата обращения: 12.02.2021).

[105] Document: National Security Strategy of the United States of America – USNI News. – URL: https://news.usni.org/2017/12/18/document-national-security-strategy-united-states-america (дата обращения: 19.08.2021).

военной техники и вооружений, а также перевооружения в соответствии с технико-технологическим развитием[106].

Важной характеристикой современного этапа развития стали так называемые «гибридные» войны, реализуемые в информационной, психологической, кибернетической, экономической, экологической, финансовой, политической и гуманитарной сферах[107]. Не следует недооценивать перспективы насильственной трансформации глобального миропорядка. Согласно Форсайту НТИ[108], реальностью становится первая кибервойна в период между 2030 и 2035 гг. Противостояние между ведущими игроками носит перманентный характер, угрозы, которые выделяют для российской экономики ведущие эксперты S&P, включают ужесточение западных санкций; ослабление макрополитической конструкции; транзит власти и внутриполитическую волатильность[109]. При этом сам прогноз от S&P носит политизированный характер и является элементом «гибридной» войны.

Неблагоприятные геополитические процессы становятся катализатором очередной волны глобального финансового и экономического кризиса, что может привести к радикальному изменению мировой финансовой системы[110], что повлечет за собой длительный период становления новой системы хозяйственных отношений, возрождение экономического национализма и регионализма, в противовес глобализации экономики. Глобальные климатические изменения, которые носят слабо предсказуемый и противоречивый характер, обостряют проблемы миграции и глобальной территориальной конкуренции, выводя на первый план проблему продовольственной и биологической безопасности. Активные миграционные процессы будут способствовать быстрому распространению новых инфекционных заболеваний, что неизбежно приведет к новым глобальным пандемиям. Существующие риски требуют признания ключевой роли оборонного сектора в обеспечении национальной безопасности.

---

[106] Карлик А.Е., Фонтанель Ж., Щербинин А.В. Перспективы развития российского оборонно-промышленного комплекса // Экономическое возрождение России. 2012. № 3(33). С. 24−29.

[107] *Пантин В.И., Малков С.Ю., Гринин Л.Е.* Основные угрозы и риски России при переходе к новому мировому порядку и пути их минимизации: Стратегический анализ. М. : Учитель, 2018. 24 с.

[108] Карты будущего: основные угрозы, вызовы и тренды до 2035 г. – URL: https://news.nti2035.ru/wp-content/uploads/2020/12/poster-karty-budushhego-2020-2035.pdf. (дата обращения: 23.08.2021).

[109] S&P назвало три ключевых риска для России в 2021 году. – URL: https://www.rbc.ru/economics/27/02/2021/6038f0789a794777f4d955f4. (дата обращения: 24.08.2021).

[110] Некипелов А. А. Мы знаем, что стоим на пороге создания новой мировой финансово-экономической системы…: интервью // Звезда. – URL: https://zvezdaweekly.ru/news/20203241750-m5XiQ.html. (дата обращения: 04.09.2021).

Военно-политические вызовы и угрозы.

Указанные факторы повлияли на формирование новых военно-политических угроз, которые могут определить стратегию оборонного комплекса России, темпы его роста и изменение структуры.

Ускоренными темпами идет развертывание в Польше и Румынии позиционных районов ПРО и ПВО. С начала 2020 года темпы наращивания группировок войск у наших границ радикально возросли. В рамках учений «Защитник Европы-2020» с американского континента переброшены несколько десятков тысяч личного состава сухопутных войск США. Было задействовано более 28 тыс. военнослужащих, 287 танков, 449 бронетранспортеров и 95 вертолетов. Еще 17 стран сформировали свои контингенты войск. От ОВС НАТО в Европе привлечены пять многонациональных объединений.

Естественно, что такая активность вызывает соответствующую реакцию. Как ответ на эти вызовы – изменение направленности и темпов развития российской оборонной промышленности. В мировом масштабе оборонная промышленность России невелика, особенно если ее сравнивать с крупнейшими военными предприятиями в мире за 2019 г.[111]:

– Lockheed Martin (56,606 млрд, рост 12 %);
– Boeing (34,3 миллиарда, рост 1 %);
– General Dynamics (29,512 млрд, рост 7 %);
– Northrop Grumman (28,6 млрд, рост 13 %);
– Raytheon (22,448 млрд, рост 9 %).

В этот список за 2020 год вошли только две российские компании – концерн «Алмаз-Антей» и корпорация «Тактическое ракетное вооружение», однако утратив за год свои позиции. Так, «Алмаз-Антей» (выручка от реализации продукции военного назначения 9,1916 млрд долл.) опустился на 17-е место с 15-го, а «Тактическое ракетное вооружение» (3,4749 млрд долл.) заняло 35-е место вместо 32-го. Как видно из приведенных примеров, российская оборонная промышленность занимает сравнительно небольшую долю в мировом производстве вооружений и военной техники. Даже если российские военные расходы не велики, из этого не следует, что военный потенциал России находится на низком уровне, а ее оборонная промышленность не реагирует на потенциальную военную угрозу.

Развитие России в настоящий момент не основывается на ценностях военного производства, хотя существует ряд внешних вызовов, побуждающих ее к участию в гонке вооружений. Россия быстро перевооружилась, восстановила значительный оборонно-промышленный потенциал, что явилось следствием сохранения высокой военно-мобилизационной культуры.

---

[111] Мировая военная промышленность: объем продаж 25 крупнейших компаний вырос на 8,5 %; крупные игроки активны на глобальном юге. – URL: https://sipri.org/sites/default/files/2020-12/2020_sipri_top_25_press_release_rus.pdf (дата обращения: 04.09.2021).

Развитие ОПК как ответ на глобальные вызовы включает не только военные эффекты, но и мультипликационный эффект, формируемый в процессе реализации Государственной программы вооружений практически во всех смежных отраслях экономики России. Так, по словам заместителя Министра обороны Российской Федерации Т.В. Шевцовой, «с учётом того, что на нашей оборонке есть и коммерческая, гражданская продукция, получается некий волновой эффект и развития гражданской составляющей. А с учётом того, что на нашу оборонку работают и иные отрасли промышленности – металлургия, радиоэлектроника, то получается волновой эффект инвестиционной составляющей по многим отраслям нашей промышленности»[112].

Проблема эффективной реализации противодействия геополитическим и военно-экономическим вызовам со стороны ОПК России непосредственно зависит от его эффективного функционирования, предполагающего создание приемлемых условий деятельности оборонных предприятий при условии соблюдения российского законодательства. Следовательно, в первую очередь необходимо рассмотреть вызовы непосредственно для ОПК.

Существуют различные мнения относительно вызовов для ОПК России, однако, на наш взгляд, можно согласиться, что двумя основными вызовами российскому ОПК являются необходимость импортозамещения и диверсификации производства.

Проблема импортозамещения возникала практически во всех развитых странах в качестве инструмента формирования сильной, по возможности диверсифицированной экономики, адаптированной к изменениям глобальной среды. По мнению Е.Г. Анимица, «на протяжении многих столетий основным спусковым механизмом, запускавшим новую волну развития импортозамещения в стране, являлись геоэкономические и геополитические угрозы»[113]. Проблема международного разделения труда, в том числе международной специализации и кооперирования, из сугубо теоретической трансформировалась в тезис о необходимости и эффективности специализации каждого государства на производство продукции, в котором у нее имеются наибольшие компетенции или ресурсы. С этим можно было бы согласиться, если бы существовали условия идеального рынка, что предполагалось при создании ВТО. В реальности импортозамещение, инициированное соответствующими санкциями как результат торговой войны, можно рассматривать как определенную компенсацию интерналий (издержек или выгод) рыночной экономики и ВТО[114].

---

[112] 5 марта 2016 года. Замминистра обороны на РСН рассказала о расходах ведомства. – URL: https://life.ru/p/861214 (дата обращения: 07.08.2021).

[113] Анимица Е.Г., Анимица П.Е., Глумов А.А. Импортозамещение в промышленном производстве региона: концептуально-теоретические и прикладные аспекты // Экономика региона. 2015. №3. С. 160−172.

[114] Головинов П.Н., Карлик А.Е., Коростелев С.М. Импортозамещение как процесс компенсации искажения рыночной экономики в условиях ресурсных ограничений // Вестник факультета управления СПбГЭУ. 2018. №3. С. 29−37.

Именно импортозамещение, провозглашенное Президентом Российской Федерации В.В. Путиным в 2014 году, после введения пакета санкций со стороны ЕС, США и ряда других государств сыграло свою роль в восстановлении экономики. Говорить именно об экономическом эффекте от реализации программ импортозамещения, конечно, необходимо, но не во всех случаях.

Как неоднократно упоминалось, Россия получила в наследство от СССР примерно 80 % оборонного потенциала, но могла обеспечивать собственными усилиями не более 17 % объема военной продукции, выпускавшейся СССР. Показательно, что при производстве отдельных видов новой продукции в ряде образцов новой продукции использовалось до 40 % электронной компонентной базы иностранного производства[115]. К импортозамещению обращались не один раз. Как только повышались цены на углеводороды, оно отходило на второй план. Резкое изменение внешнеполитической (санкции в связи с Украиной, отказ в поставке стратегических для России станков, машин и механизмов) и экономической (резкое падение цен на нефть) поставило под угрозу военную, энергетическую и экономическую безопасность России. К сожалению, несмотря на сохранение определенных кооперационных связей в сфере военно-технического сотрудничества с Арменией, Казахстаном, Белоруссией и другими постсоветским государствами, разрыв России и Украины, в первую очередь для предприятий ОПК в сфере судостроения, вертолето- и самолетостроения, оказался критичным.

Как бы то ни было, процесс импортозамещения продолжает развиваться, однако темпы его непосредственно зависят от процесса, инициированного на государственном уровне и затрагивающего в первую очередь предприятия ОПК. Происходит сокращение объема производства вооружений и военной техники, конверсии, диверсификации предприятий ОПК в сторону производства продукции гражданского назначения. Еще в сентябре 2016 года было анонсировано сокращение гособоронзаказа на 5 % без конкретизации сфер сокращения. «Планируется, что доля продукции гражданского и двойного назначения в общем объеме производства в ОПК должна составлять не менее 30 %, а к 2030-му – не менее 50 %», − было сказано председателем Правительства Российской Федерации. При этом отмечалось, что «в 2016 году этот показатель составил 16-17 %»[116]. Нужно отметить, что в 2019 году эта величина составила 24,1 %. Не дискутируя по поводу уже прошедших нескольких кампаний конверсии, не обсуждая их результаты, нужно отметить, что сама программа конверсии не всегда стыкуется с проблемами импортозамещения.

---

[115] Межрегиональный фонд информационных технологий // Новости ВПК и военного сотрудничества. Обзор по материалам СМИ. 2004. № 40. 28 октября.

[116] Полунин А. Оборонку толкают в «лихие 90-е». Российским предприятиям ОПК предстоит конверсия. – URL: https://svpressa.ru/economy/article/167230. (дата обращения: 18.03.2021).

Процесс перехода на производство гражданской продукции или продукции двойного назначения непосредственно связан с вопросами целевого софинансирования. Возможности финансирования диверсификации ограничены, и предприятиям ОПК необходимо сочетать два комплекса мероприятий – гражданскую диверсификацию предприятия и импортозамещение в сегменте оборонной продукции. Проблема состоит еще в том, что ряд предприятий ОПК практически полностью используют производственные мощности для выпуска продукции оборонного назначения, а перспективы высвобождения мощностей достаточно эфемерны, поскольку портфель заказов составляет до 10-15 лет. Таким образом, предприятию, чтобы отчитаться по решению проблемы диверсификации, придется строить новое предприятие для производства гражданской продукции.

Представляется, что если показатели гражданской диверсификации более или менее реальны с технической точки зрения, то реализация процесса импортозамещения значительно сложнее. Предполагалось, что пик заказов на оборонную продукцию будет пройден к 2020 году, тем не менее военно-политическая обстановка требует ускорения перевооружения, внедрения вооружений и военной техники нового поколения. Кроме чисто технико-технологических проблем, на предприятиях, реализующих гособоронзаказ и производящих гражданскую продукцию, возникают проблемы экономического характера. Это внедрение раздельного учета, проблемы ценообразования на оборонную и гражданскую продукцию и т.п. В настоящее время почти 500 российских предприятий находятся под санкциями, что тоже относится к ограничению возможностей импортозамещения в промышленности, наряду с инфляцией издержек, ограниченностью финансовых ресурсов, некоторыми кадровыми проблемами и рядом других факторов.

Финансово-экономические вызовы и угрозы.

В настоящее время одной из основных проблем, стоящих перед предприятиями ОПК Российской Федерации, является определение реальных источников формирования финансовых средств для развития производственных мощностей с учетом необходимости одновременно поддерживать выпуск перспективной продукции для обеспечения обороноспособности страны и осуществлять диверсификацию в целях импортозамещения, освоения выпуска высокотехнологичной конкурентоспособной гражданской продукции и/или изделий двойного назначения.

Среди иных проблем можно выделить, например, низкую ликвидность. Большинство предприятий имеют высокую долговую нагрузку, что в сочетании со спецификой формирования прибыли в рамках выполнения гособоронзаказа (известная формула 1 + 20 %), приводит не только к недостатку свободных денежных средств, которые потенциально могли бы

быть использованы в целях модернизации и технологического развития предприятий, но и к дефициту оборотных средств.

Как показывает опыт периода 2017–2019 гг., наблюдается экспоненциальный рост кредиторской задолженности ОПК, который к концу 2020 г. составил около трех триллионов рублей.

Проблема в определенной степени решается высшим руководством страны путем списания части долгов ведущими предприятиям ОПК из федерального бюджета, а также путем реструктуризации кредитов с участием ведущих уполномоченных государством российских банков-кредиторов. Нужно отметить, что подобная закредитованность является следствием повсеместного использования руководством Министерства обороны Российской Федерации затратного метода при определении цен на серийную продукцию ГОЗ, что при сохранении существующего порядка будет способствовать дальнейшему нарастанию закредитованности и риску финансовой неустойчивости работы предприятий оборонных отраслей. Расчеты показывают, что при сохранении существующего подхода к ценообразованию серийных ГОЗ затратным методом у предприятий ОПК не будет средств даже на обслуживание уже существующей задолженности.

Также среди проблем можно отметить дефицит бюджетных средств, выделяемых по целевым федеральным программам развития предприятий ОПК с длительным циклом производства.

Продолжает оставаться высокой процентная ставка привлекаемых банковских кредитов (10 % и более), которая существенно выше реального уровня рентабельности большинства предприятий ОПК (не более 3–5 %). В настоящее время ключевая ставка Центробанка составляет 4,25 %. В 2021 году Сбербанк предложил кредитование бизнеса на следующих условиях: сроки кредитования: минимальный – 1 месяц, максимальный – 15 лет; годовая ставка зависит от программы и колеблется от 11 % до 15,5 %. Ситуацию несколько нивелируют возможности предприятий ОПК использовать кредитные средства Фонда развития промышленности (федерального и региональных).

В условиях ресурсных ограничений основными источниками финансовых средств для реализации предприятием ОПК инвестиционных проектов развития производства, модернизации производственного аппарата являются амортизация и прибыль от реализации продукции. Они же являются источниками средств для погашения кредитов, взятых в коммерческих банках, и для обслуживания долга. Действующее законодательство предусматривает возможность ускоренной амортизации основных производственных фондов и нематериальных активов, хотя не все предприятия ОПК используют эту легальную возможность формирования массы денежных средств, а именно:

– недостаточно используются возможности ускоренной амортизации основных производственных фондов, в частности не применяются повышающие коэффициенты там, где это законодательно разрешено (двух

и трехсменный режим работы, условия, формирующие ускоренный износ оборудования, не учитываются реальные сроки эксплуатации активов и потребности в их модернизации и др.);

– предприятия ОПК недостаточно активно определяют, ставят на баланс и отражают в учетной политике свои нематериальные активы (проектная, конструкторская, технологическая документация на изготовление продукции, испытательных стендов, права на использование патентов, лицензий, программных продуктов и т.п.), хотя стоимость создания проектной документации для серийного производства новых видов продукции по ГОЗ сопоставима со стоимостью самого ГОЗ. Так, в судостроении трудоемкость разработки полного комплекта документации для серийного корабля может составлять до 75 % от трудоемкости постройки готового образца.

Негативно влияет на темпы импортозамещения и диверсификации предприятий ОПК некорректная трактовка отдельными министерствами (ведомствами) законодательных и нормативно-правовых актов при формировании цен и расчетной прибыли в контрактах на поставку продукции по ГОЗ.

Сложившаяся за последние годы практика в сфере ценообразования на продукцию, производимую по ГОЗ, показывает, что службами соответствующих ведомств применяется преимущественно затратный метод формирования цены контракта (даже на изделия двойного назначения и продукцию, имеющую многочисленные аналоги на мировом и отечественном товарном рынке). При этом допускается неприемлемая с экономической точки зрения двойственность подхода к ценообразованию, когда формула *цена = затраты + нормативная прибыль* приводит к установлению разного уровня цены на идентичную продукцию, изготавливаемую в рамках ГОЗ разными исполнителями.

Сложившаяся практика подтверждает, что продолжение использования в основном только затратного метода формирования цены контракта крайне негативно влияет на возможности развития и диверсификации мощностей, повышение конкурентоспособности предприятий ОПК.

При переходе на определение цен серийной продукции методом сравнимой цены будет обеспечен рост доходов бюджета от налоговых поступлений по налогу на прибыль, сокращен объем выпадающих доходов бюджета за счет снижения числа низкорентабельных предприятий, выполняющих ГОЗ. Текущая динамика выпадающих доходов бюджета по предприятиям ОПК представлена на рисунке 1.

Прирост же прибыли ОПК при переходе на метод сравнимой цены для серийных изделий ГОЗ составит около 130 млрд руб. ежегодно, что приведет к росту поступлений в бюджет на сумму до 26 млрд руб. ежегодно. Предприятия ОПК должны будут направлять основную часть прибыли на инновационное производственное развитие, что создаст возможности для финансирования технологического развития производства.

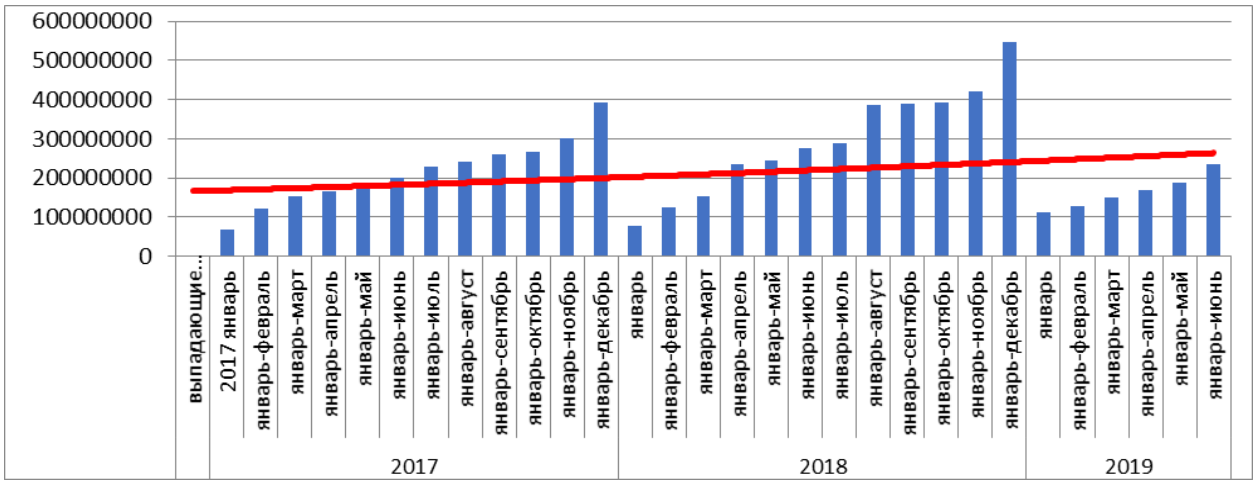

Рис. 1. Динамика выпадающих доходов бюджета вследствие низкой рентабельности или убыточности предприятий ОПК 2017–2019 гг.

При условии применения метода сравнимых цен создается мотивация предприятий ОПК на инвестиционное развитие за счет собственной прибыли и предпосылки для финансового оздоровления предприятий ключевых отраслей ОПК. На рисунке 2 приведены результаты расчетов динамики показателей доходности одного из судостроительных предприятий ОПК (завода) в рамках реализации плана финансового оздоровления на 2020–2025 гг. при переходе на метод сравнимой цены.

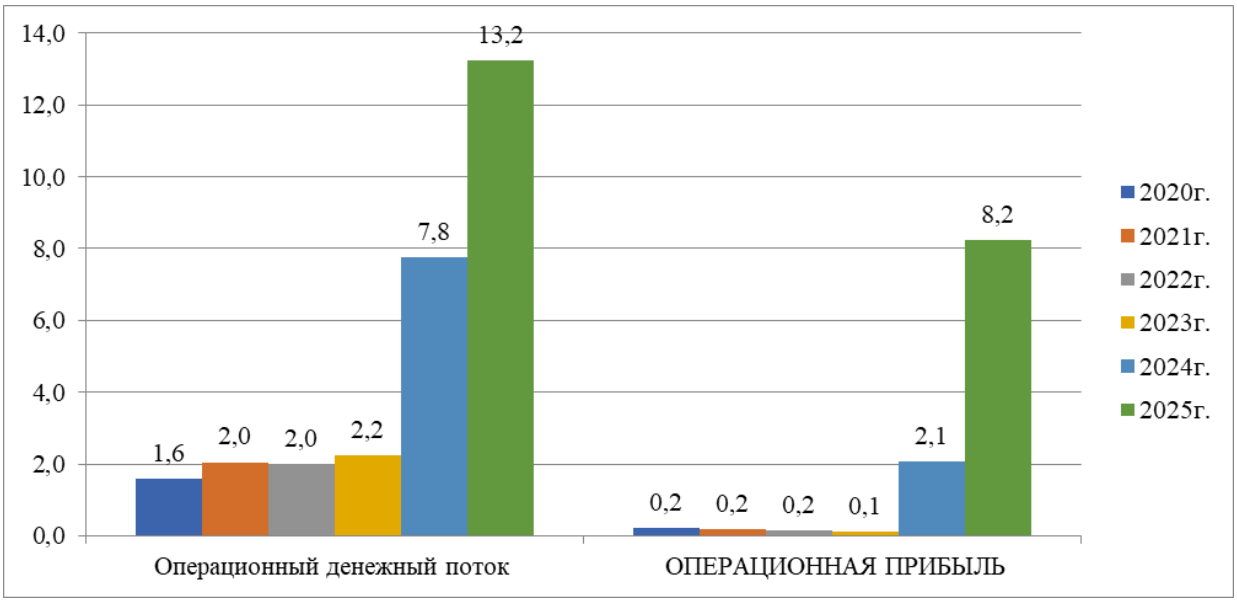

Рис. 2. Динамика денежного потока и чистой прибыли завода при переходе на ценообразование серийных ГОЗ методом сравнимой цены[117]

Можно сделать вывод, что обязательное применение при определении цен на серийную продукцию по ГОЗ методом сравнимой цены

[117] Вайсман И.Л., Карлик А.Е., Ткаченко Е.А. Об экономическом стимулировании развития и диверсификации промышленных предприятий ОПК // Морской вестник. 2018. № 3 (67). С. 29–31.

в соответствии со статьей 10 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе» создает экономические условия и мотивирует предприятия ОПК осуществлять финансирование инвестиционных проектов технологического развития, диверсификации, импортозамещения и роста поставок на экспорт за счет собственной прибыли без привлечения средств из федерального бюджета и других государственных источников.

Текущая обстановка формирует у предприятий ОПК диверсификацию продуктового портфеля с выходом на гражданские рынки. Такая модель уже заложена на ближайший период 2020–2030 гг.

При этом одной из приоритетных остается задача обеспечения обороноспособности и суверенитета государства, и при определенных сценариях все крупные и стратегические предприятия России должны быть способны оперативно нарастить производство военной продукции.

В сегодняшней же, текущей ситуации, Президентом России В.В. Путиным перед предприятиями ОПК поставлена задача по безусловному выполнению годовых заданий более реалистичной Госпрограммы вооружений (ГПВ-2027), существенному расширению производства гражданской продукции: к 2025 г. – до 30 %, к 2030 г. – до 50 %. На конец 2020 года средний уровень выпуска гражданской продукции по предприятиям ОПК составлял ~ 24 %. На предстоящий период, как минимум до 2030 года, для предприятий ОПК стратегией его развития становится *диверсификация.*

Эта стратегия предусматривает эффективное использование высоких технологий военного и двойного назначения оборонных предприятий в создании наукоемкой и конкурентоспособной гражданской продукции как на отечественном, так и на мировом рынках. Вместе с тем диверсификация здесь выступает также фактором обеспечения устойчивости оборонных предприятий при колебаниях государственного оборонного заказа.

В последнее десятилетие 2010–2020 гг. ОПК существенно реформирован. В то же время практика предыдущих лет показала, что создание высоко конкурентной гражданской продукции только на предприятиях ОПК недостаточно. Нашей стране необходимо иметь *национальную высокотехнологичную промышленную базу*, отвечающую требованиям мирового уровня.

В военном производстве накоплены громадные материальные и интеллектуальные ценности, которые должны быть использованы для вывода России на рынок новых технологий. Отечественный ОПК остается единственным представителем российских технологий на мировом рынке, однако пока только на военном. Перевести его на путь прорыва технологий гражданского производства – важнейшая экономическая и технологическая задача государственных органов управления.

Стратегической целью структурных преобразований является *превращение «экономики спада и депрессии» в экономику устойчивого*

развития, что дает возможность превратить Россию в региональную сверхдержаву уже в ближайшее десятилетие.

Для реализации этой стратегической цели потребуется:

– опережающее развитие обрабатывающих отраслей;

– трансформация ОПК в научно-технический и технологический комплекс (высокотехнологичный комплекс – ВТК), способный обеспечить не только обороноспособность страны, но и наращивание инновационного потенциала, способствующего технологическому перевооружению всего экономического комплекса страны;

– оптимизация экспортной политики, направленной на увеличение доли машинно-технической продукции в экспорте и тесно связанной с задачами развития внутренних рынков.

В российской экономике за годы спада был накоплен достаточно большой резерв простаивающих мощностей. Вместе с тем в ходе конверсии с большинства предприятий ОПК были сняты оборонные заказы, но эти предприятия располагали высокими технологиями и оборудованием, и они должны быть сохранены.

Как справедливо отметил В.В. Пименов, принципы развития науки и технологий в России нуждаются в коренном пересмотре. Современные научные достижения, впрочем, как и наука, не должны делиться на военные и гражданские, поскольку практически все знания имеют двойное назначение[118]. При этом многие в России считают, что главным в двойных технологиях все-таки является их военный аспект.

Для того чтобы российская экономика смогла занять достойную «нишу» в мировой экономике с учетом мирового разделения труда, требуется переломить негативную тенденцию ухудшения технологической структуры нашего экономического комплекса страны.

ОПК является аккумулятором передовых технологий, средоточием интеллектуального потенциала страны, который должен эффективно использоваться в интересах развития и создания высокотехнологичной продукции гражданского назначения и тем самым способствовать повышению конкурентоспособности всей отечественной экономики. Эта имманентно присущая ОПК «двойственность» накладывает определенные требования (условия) при выборе стратегии его развития, которые практически крайне слабо учитывались в ходе его реформирования, особенно на ранних этапах, при глубокой конверсии военного производства.

В ОПК оба компонента, военный и гражданский, настолько тесно взаимосвязаны, что ОПК (при такой взаимосвязи) следует рассматривать как единую экономическую систему, к которой вполне применим метод экономической двойственности, который «позволяет раскрыть сложный системный характер, как структуры, так и взаимосвязей (сущностных

---

[118] *Пименов В.В.* Государственная оборонно-промышленная политика России (1992-2012 годы): этапы становления и развития, механизмы и инструменты реализации. Теория, методология, практика : монография : в 2 т. М. : Граница, 2014.

и функциональных) экономических законов и явлений». Причем в отечественном ОПК, в отличие от зарубежного ВПК, эта взаимосвязь усилена организационно: ОПК представляет собой структурно выделенный сектор экономики, который регулируется и управляется государством. Такое положение накладывает еще большую ответственность на ОПК за эффективное взаимодействие обоих компонентов.

Формирование высокотехнологичного комплекса на основе научно-технического и производственно-технологического потенциала ОПК следует рассматривать преимущественно не как перевод военных производств на выпуск гражданской продукции (конверсия военного производства), а как слияние с гражданской промышленностью базовых производств, выпускающих материалы, компоненты, элементную базу микроэлектроники, приборы, детали, узлы машин и т.п.

Военно-гражданская интеграция – это слом технологических барьеров, отделяющих один сектор экономики от другого, который позволит гражданским отраслям более эффективно использовать разработки оборонной промышленности, а оборонным предприятиям осваивать пути снижения издержек и опыт рыночной конкуренции.

Одна из главных задач государственной промышленной политики по развитию военно-гражданской интеграции в России – не только создание необходимых предпосылок для сближения военной и гражданской промышленности и формирование механизма более эффективного перехода научно-технических достижений на новый уровень, но и переориентация экономики страны на производство высоких технологий, включая информационные и наукоемкие.

Технологической основой военно-гражданской интеграции должны стать технологии двойного назначения. В то же время, учитывая существенную разницу в уровнях научно-технического развития военного и гражданского секторов российской экономики, военно-гражданская интеграция применительно к этим условиям должна осуществляться последовательно – от передачи научно-технических достижений оборонного сектора экономики в гражданский, через развитие технологий двойного назначения и повышение научно-технического уровня производства *до создания единой национальной высокотехнологической базы,* когда будет возможен и целесообразен процесс передачи высоких технологий из гражданского конкурентного сектора экономики в военный сектор.

Можно ожидать, что в течение следующих 20 лет, определять многие ключевые передовые технологии, в том числе и военные будут четыре всеобъемлющие характеристики:

– интеллектуальность – использование интегрированного искусственного интеллекта (ИИ) для обеспечения прорывных технологий во всем технологическом спектре;

– взаимосвязанность – эксплуатирование сетей виртуальных и физических пространств, включая сетей с датчиками, организациями,

частных лиц и автономных компонентов, связанных с помощью новых методов шифрования и технологии «распределенной бухгалтерской книги» (онлайновые записи данных и транзакций);

– распределенность – использование децентрализованного и повсеместного крупномасштабного зондирования, хранения, а также создания вычисленных мощностей для достижения новых способов достижения военных целей;

– цифровизация – смесь человеческих, физических и информационных областей в цифровом сегменте, для создания условий использования разрушительных последствий, на основе новых технологий[119].

В целях обеспечения безопасности страны, оснащения ее военной организации современными образцами вооружений и военной техники и устранения зависимости от передовых стран, успешно развивающих свою научно-технологическую базу, следует сконцентрировать усилия на приоритетных направлениях и критических технологиях в развитии науки и технологий. Основой государственной научно-технической политики должно быть определение стратегически важных направлений научного поиска и разработки технологий, защита интеллектуальной собственности, а также осуществление в ближайшие годы целого ряда таких мер, как:

– повышение востребованности науки, создание условий привлекательности разработки высоких технологий за счет средств федерального бюджета и внебюджетных источников финансирования, а также развитие инновационной инфраструктуры;

– создание общедоступной сети научно-технической и коммерческой информации;

– реорганизация и развитие технополисов – территорий с высоким научно-технологическим потенциалом;

– участие российской науки в международном научно-техническом сотрудничестве и решении глобальных проблем человечества.

Проведение указанных мероприятий возможно только при усилении роли государства в решении проблем научно-технического развития. Необходим переход к системе государственного управления научно-инновационной сферой по схеме, характерной для экономически развитых стран: ориентированные фундаментальные исследования – прикладные научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы – высокие технологии – расширение производства. Такой переход предусматривает создание единой научно-технологической и промышленной базы, отвечающей одновременно гражданским и оборонным потребностям страны.

---

[119] NATO Science & Technology Organization Office of the Chief Scientist NATO Headquarters B-1110 Brussels Belgium. – URL: http://www.sto.nato.int (дата обращения 21.05.2021)

2.6. Вызовы и угрозы в информационной сфере

Конец XX и начало XXI вв. характеризуются масштабными изменениями в области глобализации общества, вызванными достижениями в различных отраслях науки и техники. В настоящий момент в мире наблюдается геоэкономическая трансформация, при которой формирование новой модели мирового развития происходит под воздействием ресурсного спроса. Постепенная смена старовестфальской модели членения мира по административно-государственным границам на кластерно-сетевую геоэкономическую модель мирового развития[120] ведет к появлению прозрачных, проницаемых административно-государственных границ, что дает возможность осуществлять захват ресурсов страны без силового завоевания территории.

Сфера информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) стала в настоящее время ареной противостояния между ведущими участниками мировой политики. Отличительной характеристикой современной международной обстановки являются непрекращающиеся попытки некоторых стран использовать свои преимущества в экономико-технологическом развитии и превосходстве в вооруженной силе с целью:

– навязать другим государствам представления о должном международном порядке;

– заменить международное право стандартами и правилами, удобными некоторым западным странам и отражающими их представления о добре и зле, в качестве оснований для применения силы в нарушение Устава ООН и в обход Совета Безопасности ООН.

В Основах государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности четко выделены ключевые виды угроз в информационно-коммуникационной среде. Это прежде всего:

– использование информационно-коммуникационных технологий в военно-политических и иных сферах для подрыва суверенитета и территориальной целостности государств и иных действий в ИКТ-среде, препятствующих поддержанию международного мира, стабильности и безопасности;

– использование ИКТ в террористических (пропаганда терроризма и привлечение новых сторонников) и экстремистских целях, включая вмешательство во внутренние дела суверенных государств;

– применение ИКТ для кибератак на информационные ресурсы государства, включая критическую информационную инфраструктуру;

– использование ИКТ в криминальных целях для совершения киберпреступлений и различного вида мошенничеств;

– использование отдельными странами технологического доминирования в глобальном информационном пространстве, включая

---

[120] См.: *Орлова Н.Л.* Ресурс: Новое прочтение и геоэкономическое измерение экспортного потенциала. М.: ИТК «Дашков и К», 2016.

монополизацию этой сферы и ограничение доступа других стран к передовым ИКТ, усиливая их зависимость и информационное неравенство.

Кроме того, обостряются и разногласия в основных подходах различных стран к определению приоритетов в противодействии этим угрозам, а также к поиску взаимоприемлемых компромиссов, в частности в работе Групп правительственных экспертов ООН по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности (работавших в 2016–2017 и 2018–2019 гг.), а также сессий Генеральной Ассамблеи ООН (2018 и 2019 гг.). С одной стороны, в международном сообществе существует единство в понимании необходимости применения международного права к регулированию основных отношений в информационно-коммуникационной сфере, а с другой – ряд стран существенно расходятся в представлениях о путях и способах решения этой задачи. Например, в вопросе о создании условий для практической реализации, рекомендованных Группой правительственных экспертов (доклад 2015 г.) правил ответственного поведения государств в ИКТ-среде, не удалось достичь согласования базовых позиций. Прежде всего отсутствует общее видение подходов к разрешению противоречий в вопросе о методах и способах применения международного права в информационно-коммуникационном пространстве. Это нисколько не приближает к цели, поставленной Генеральной Ассамблеей ООН, а именно к созданию открытой, безопасной, стабильной, доступной и мирной среды информационно-коммуникационных технологий. Как отметил 26 ноября 2020 г. на заседании коллегий министерств иностранных дел Российской Федерации и Белоруссии министр иностранных дел Сергей Викторович Лавров: «В нашей повестке дня стоит вопрос международной информационной безопасности. <…> Очевидно, что без универсальных договоренностей мир рискует погрузиться в киберхаос, последствия которого могут оказаться катастрофическими»[121].

Усилия России в этой сфере очевидны. В 2019 году по инициативе Российской Федерации под эгидой ООН начал работать профильный переговорный механизм по данной проблеме – Рабочая группа открытого состава, что явилось позитивным фактором в области формирования современной системы международной информационной безопасности. Сегодня в поле интересов международных экспертов различных стран по наиболее актуальным проблемам международной информационной безопасности находятся следующие направления:

– совершенствование нормативного регулирования отношений в ИКТ-среде;

– меры укрепления доверия между государствами в ИКТ-среде;

– практическое применение правил ответственного поведения государств в ИКТ-среде;

---

[121] Лавров: без универсальных договоренностей по кибербезопасности миру угрожает киберхаос. – URL: https://tass.ru/politika/10105195 (дата обращения 14.04.2021).

– сотрудничество в области предотвращения конфликтов, обусловленных инцидентами в ИКТ-среде, с использованием информационно-коммуникационных технологий;

– применение международного права к отношениям в ИКТ-среде для предотвращения злонамеренного и агрессивного использования информационно-коммуникационных технологий.

Актуальность приведенных проблем подтверждается в том числе и содержанием целого ряда встреч и дискуссий, проведенных в рамках Рабочей группы открытого состава ООН, и в ходе обсуждения проекта итогового документа по результатам работы Рабочей группы открытого состава. Кроме того, российской стороной было предложено выработать глобальную конвенцию о борьбе с киберпреступностью, которая получила поддержку многих стран мира.

Расширение сфер применения информационных технологий стало одним из важнейших факторов развития экономики и совершенствования функционирования общественных и государственных институтов Российской Федерации. Вместе с тем это объективно создало новые вызовы и угрозы национальной безопасности государства в информационной сфере. Трансграничный оборот информации с военно-политическими, а зачастую с противоречащими международному праву террористическими, экстремистскими и иными целями наносит ущерб национальным интересам Российской Федерации.

В соответствии с концептуальными взглядами руководства западных государств на практическое использование информационных технологий вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации будут проявляться на двух уровнях: общегосударственном и военном. Деятельность федеральных органов США в информационной сфере регламентирована национальным законодательством и дополнена ведомственными руководящими документами, такими как: «Стратегия национальной безопасности» (2017 г.), «Стратегия национальной обороны» (2018 г.), «Национальная военная стратегия» (2018 г.), «Национальная киберстратегия» (2018 г.) и «Национальная разведывательная стратегия» (2019 г.).

Характерно, что аналогичные установки для информационной сферы приняты в Североатлантическом альянсе и Европейском Союзе. В частности, в НАТО утверждена «Концепция стратегической пропаганды», на основе которой осуществляется планирование применения созданных сил и средств информационной борьбы (по классификации НАТО – киберсил). В Европейском союзе основным документом является План действий в области стратегической пропаганды по «борьбе с российской дезинформацией». В организации Североатлантического блока разработан доклад «Научно-технические тенденции развития НАТО 2020–2040 гг.» в котором отражены научно-технические тенденции развития до 2040 года.

В нем, в частности, отмечено, разрушительные эффекты в информационной сфере будут достигаться через комбинации электронно-технических решений и сложных взаимодействий между ними.

В последствии эти синергетические связи и взаимозависимости, по прогнозам, окажут большое влияние на развитие будущего военного потенциала:

– автономность хранения и обработки данных на основе использования искусственного интеллекта (Data-AI-Autonomy);

– хранение и обработка биометрических данных с использованием искусственного интеллекта (Data-AI-Biotechnology);

– хранение и обработка данных о составе материалов с использованием искусственного интеллекта;

– хранение и обработка данных с использованием квантовых технологий (Data-Quantum);

– использование квантовых технологий в космическом пространстве (Space-Quantum);

– использование материалов для выхода в космос и гиперзвуковой среды (Space-Hypersonics-Materials)[122].

Анализ складывающейся ситуации свидетельствует, что в настоящее время в кампании против Российской Федерации задействованы практически все основные информационные агентства Запада, контролирующие более 85 % мирового рынка печатной и электронной продукции, в том числе около 70 информационных ресурсов на российской территории. Общее руководство этими структурами осуществляет агентство США по международному развитию, которое тесно сотрудничает с ЦРУ и Управлением национальной безопасности. За координацию подрывной деятельности ведущих мировых СМИ отвечает агентство США по глобальным средствам массовой информации. При этом активное участие в этой работе принимают различные структурные подразделения военных ведомств США и их союзников.

По оценке американских экспертов, применение новых технологических решений в отличие от традиционных методов работы становится более эффективным способом достижения геополитических целей в информационной сфере. Использование специальных программных и технических средств позволяет оперативно блокировать интернет-ресурсы Российской Федерации вплоть до их полного отключения от глобальной информационной сети, выводить из строя критически важные объекты и создавать новые вызовы и угрозы. Анализ статистических данных свидетельствует о возрастающей динамике компьютерных атак: в 2016 году. было зафиксировано 70 млн атак, в 2019 г. – около 6,8 млрд, а в 2020 г. – уже более 9 млрд.

Одним из основных негативных факторов является наращивание в ведущих западных государствах возможностей оказывать влияние на информационный потенциал Российской Федерации, задействованный в военной сфере. Наиболее активные и эффективные действия

---

[122] NATO Science & Technology Organization Office of the Chief Scientist NATO Headquarters B-1110 Brussels Belgium. – URL: http://www.sto.nato.int (дата обращения 21.05.2021).

предпринимаются против Российской Федерации соответствующими структурами коалиционных сил НАТО.

Особая роль по созданию вызовов и угроз в информационной сфере отводится Центру киберзащиты НАТО (г. Таллин, Эстония). Центр предназначен для отработки вариантов проведения оборонительных и наступательных кибероперациий в защищенных линиях связи, а также в глобальной информационной сети Интернет.

Усилия в области информационного противоборства наращивает введенный в 2014 году в строй Центр НАТО стратегической пропаганды (г. Рига, Латвия). В его задачи входят разработка предложений руководящим органам блока, поиск новых форм и методов воздействия (вызовов и угроз в информационной сфере) на потенциальных противников, а также подготовка информационно-пропагандистских материалов. Параллельно с решением поставленных задач этими органами выделяются требуемые ассигнования на ведение технической разведки по вскрытию деятельности российских государственных органов, научных организаций и предприятий оборонно-промышленного комплекса.

Специальные службы США разрабатывают комплексный сценарий информационных мероприятий по созданию угроз Российской Федерации в информационной сфере:

– «анонимная» контратака в целях нанесения ущерба, соразмерного с потерями в военном конфликте;

– демонстрация американского присутствия в информационно-коммуникационных сетях, используемых для обслуживания деятельности российских государственных органов или наиболее важных объектов этой инфраструктуры. Как правило, это будет достигаться посредством преднамеренного раскрытия информации об инфицированном программном обеспечении конкретного объекта, временных сбоев в его работе;

– нанесение «незначительного» ущерба неправительственным организациям или коммерческим структурам с целью обвинить власти Российской Федерации в неспособности обеспечить защиту российских и зарубежных предпринимателей от киберугроз на российской территории;

– опубликование материалов, дискредитирующих отдельных представителей российского руководства, в интересах стимуляции протестного движения в Российской Федерации;

– показательное разоблачение отдельных хакеров или организаций с одновременным предоставлением якобы «объективных» доказательств их связей с органами государственной власти Российской Федерации.

В целом, современные вызовы в информационной сфере для национальной безопасности Российской Федерации можно условно разделить на три группы.

Первая из них связана с *представительными аспектами*:

– формирование у мирового сообщества негативного восприятия России как государства, не соответствующего парадигме либеральной

демократии;

– активизация на Западе СМИ и частных блогеров, стремящихся дискредитировать не только действующую власть, но и сам институт существования государства в России в целях создания соответствующих моделей политического поведения у граждан.

Вторая группа вызовов включает в себя *проблематику технологического характера*, предусматривающую занижение нынешних и потенциальных места и роли России в мировом информационном пространстве. К их числу относятся:

– создание информационной зависимости российского общества от доминирования на внутреннем рынке зарубежных систем спутниковой связи, навигации, вещания и платежей и пр.;

– увеличение экономической зависимости России от импорта высоких технологий;

– усиление информационного влияния на территории России международных террористических организаций.

В третью группу входят *вызовы, направленные на достижение военно-политических целей*:

– разработка концепций информационных и гибридных войн, направленных против России и ее союзников и партнеров;

– возможность воздействия западных государств и их военных структур на информационную сферу Российской Федерации, а также нарушение ими устойчивого функционирования национальных информационных и телекоммуникационных систем России;

– рост случаев нарушения систем связи и управления Вооруженными Силами Российской Федерации на всех уровнях.

Угрозы Российской Федерации в информационной сфере могут спровоцировать развязывание межгосударственного военного конфликта из-за возможности несоразмерного использования методов реагирования. Кроме того, военный конфликт может возникнуть по ошибке, так как в настоящее время отсутствует универсальная межгосударственная методология идентификации нарушителей в информационной сфере, не выработаны критерии отнесения вызовов и угроз в информационной сфере к вооруженному нападению. Угрозы усиливаются с учетом решения НАТО о применении статьи 5 Устава Альянса в ответ на кибернападения. По-прежнему не решены вопросы согласования мер, предпринимаемых в ответ на информационные операции, признанные актами применения силы, что способствует использованию информационных технологий в целях осуществления подрывной деятельности.

Помимо технологических дестабилизирующих факторов существует еще и психологический, который можно сформулировать как утрату страха перед ядерной войной у общества и политических элит Запада, что потенциально существенно снижает порог применения вооружений. Опасной также является убежденность в допустимости локальной ядерной

войны и победы в ней. Тенденция к распространению подобных взглядов возникла, в частности, при помощи современных информационных технологий, позволяющих оказывать воздействие на огромную аудиторию за относительно короткие сроки и без значительных экономических затрат. При этом оценка ущерба и выработка мер противодействия существенно затруднены из-за «неосязаемости» вызовов и угроз в информационной сфере, сложности атрибуции источника атаки, возможности действовать под «ложным флагом», широкого спектра субъектов, применяющих вредоносные технологии: государственных и негосударственных акторов, а также хакеров-одиночек. Все это повышает уровень неопределенности и нестабильности в информационной сфере. Поэтому обеспечение национальной безопасности Российской Федерации и стратегической стабильности в мире требует развития и модернизации превентивных мер противодействия в информационной сфере.

Целью этих превентивных мер является защита жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, связанных с применением информационных технологий в военно-политических целях, противоречащих международному праву, в том числе в целях осуществления враждебных действий и актов агрессии, направленных на подрыв суверенитета, нарушение территориальной целостности государств и представляющих угрозу международному миру, безопасности и стратегической стабильности.

Вероятно возникновение и новой тенденции – инициативы по созданию и анализу общих хранилищ данных с позициями государств по вопросам применения международного права к использованию информационно-коммуникационных технологий в контексте международной безопасности, а также данных о практике такого применения. Логично предположить, что такой подход не должен вызвать непреодолимые разногласия, так как он нацелен на достижение общего понимания применимости уже согласованных норм и оценку необходимости разработки новых, а также на мотивирование стран к участию в этом процессе. Однако его успех будет зависеть от количества и качества собранной информации и от профессионализма аналитиков.

США и их союзники объединяют свои усилия по завоеванию господства в информационной сфере. По своему потенциалу Вашингтон становится единым координирующим центром, консолидирующим киберсилы стран Запада не только якобы для обороны от России, но и для наступательных действий против «неугодных» государств, в первую очередь Российской Федерации и Китая.

Деструктивная деятельность в информационной сфере в случае полномасштабной реализации угроз может приобрести характер глобальной кибервойны, последствия которой станут сопоставимы с ущербом от военного конфликта.

Принимаемые государством превентивные меры противодействия, мобилизация всех имеющихся ресурсов в значительной степени будут определять способность Российской Федерации нивелировать превосходство Соединенных Штатов Америки в информационной сфере, смогут нейтрализовать новые вызовы и угрозы, обусловленные применением цифровых и информационных технологий, в интересах обеспечения национальной безопасности государства.

Прогнозируемые вызовы и угрозы, направленные на дестабилизацию национальной безопасности в информационной сфере Российской Федерации на основе технологий информационно-психологического воздействия:

– размывание и подмена в обществе традиционных духовно-нравственных ценностей и ориентиров, формирование атмосферы бездуховности;

– утрата национальной идентичности и духовно-нравственных традиций, рост равнодушного или негативного отношения к историческому культурному наследию;

– наращивание возможностей и масштабов манипулирования общественным сознанием граждан и политической ориентацией социальных групп населения страны;

– рост возможностей нарушения системы государственного и военного управления, функционирования государственных институтов;

– дестабилизация политических отношений между партиями, объединениями, нагнетание атмосферы недоверия к органам государственного управления;

– расширение механизмов провоцирования социальных, политических, национальных и религиозных столкновений, протестных акций и массовых беспорядков;

– подрыв международного авторитета государства и дискредитация государственных институтов, разрыв сотрудничества с другими странами.

Основные источники и причины возникновения данных вызовов и угроз.

Разработка товаров и услуг на основе новых информационных технологий значительно расширяет возможности современных инфокоммуникационных устройств, обеспечивая тесное взаимодействие между физическим миром и киберпространством. При этом основной упор разработчиков направлен на увеличение степени взаимного влияния данных сред в зависимости от происходящих изменений.

Стремительное развитие в последние годы технологий, приемов и способов осуществления «управляемого хаоса» в совокупности с современными телекоммуникационными и социальными технологиями приобретают высокоэффективные формы, позволяющие достигать политических целей без применения масштабной военной силы[123].

Несмотря на то, что информационная революция была инициирована технологической сферой, вектор ее развития формируют социокультурные

[123] См.: *Гриняев С.Н.* Мир 2013: события, факты комментарии. М.: АНО ЦСОиП, 2014.

факторы. Бурное развитие информационных технологий и различия в восприятии результатов информационной революции в различных регионах мира способны привести к обострению межгосударственных отношений[124]. Кроме того, активное внедрение современных технических достижений ведет к значительному увеличению разрыва между «цивилизованным» миром и бедными странами, перенося последних в состояние непреодолимой зависимости от остальных.

Внедрение новых информационных технологий ведет к перестройке механизмов управления обществом, поскольку позволяет участникам политических процессов действовать вне досягаемости национальных правительств. Важным элементом информационной революции становится появление новых политических игроков, способных влиять на распределение политической власти, при этом их возникновение возможно не только в социальных и политических сферах, но и бизнесе, на внутринациональных, межнациональных и наднациональных уровнях.

Ускоренная информационная революция оказывает существенное влияние на процессы глобализации, продолжая формировать сложные интегральные социокультурные эффекты.

Основные информационные вызовы и угрозы национальной безопасности России исходят от многочисленных субъектов как внешних, так и внутренних.

Внутренние информационные вызовы и угрозы (воздействия), опасные для личности, общества и государства исходят от субъектов, непосредственно находящихся на территории (внутри) государства.

К ним можно отнести:

– террористические и экстремистские организации;

– радикальные общественные объединения и группировки;

– членов неправительственных организаций; хакеров;

– организованные преступные группировки; завербованных граждан.

Внешние информационные вызовы и угрозы (воздействия), опасные для личности, общества и государства исходят от субъектов, действующих с территории иностранных государства (из-за границы), в том числе путем присутствия на территории государства (зонах ответственности).

К ним можно отнести:

– диверсионно-разведывательные формирования;

– подразделения информационной войны;

– иррегулярные вооруженные формирования;

– специальные службы иностранных государств;

– сотрудников иностранных частных военных компаний;

– инспекционные группы иностранных государств и их членов;

– сотрудников (членов) международных неправительственных организаций;

---

[124] См.: *Гриняев С.Н.* Поле битвы – киберпространство:Теория, приемы, средства, методы и системы ведения информационной войны. М.: Харвест, 2004.

– международных хакеров, действующих с территории иностранных государств;

– членов открытых и закрытых международных виртуальных социальных сообществ (объединений);

– владельцев закрытых международных (иностранных) сайтов социальных сетей;

– иностранных граждан.

Прогнозируемая дальнейшая трансформация и развитие существующих вызовов и угроз в информационной сфере.

В последние годы область информационных технологий продолжает свое развитие, однако характеризуются застойными явлениями в области инноваций. Основные направления развития будут сосредоточены в узкоспециализированных областях: повышение защищенности и безопасности информационных систем, борьба с несанкционированными почтовыми рассылками (спамом), развитие средств и методов хранения информации и др. Однако качественно новых достижений, эквивалентных появлению глобальной сети Интернет или персональных компьютеров (за исключением прорывных разработок в области квантовых вычислений и систем связи), в этой области уже не ожидается[125].

Прогнозируются следующие глобальные изменения в мире вследствие информатизации общества.

В политической сфере продолжится перенос общественно-политической деятельности в глобальные информационные сети, что приведет к появлению новых сетевых политических образований и даже партий. Возможно появление транснациональных политических объединений на основе сети, которые будут оказывать влияние на деятельность сразу нескольких государственных структур. Развитие межличностных отношений через социальные сети, увеличение количества горизонтальных связей в еще большей степени повысят потенциал общественного мнения как критерия эффективности деятельности государственных служб. Рост и развитие электронных СМИ приведут к большему разрыву между воспринимаемым (виртуальным) миром и реально складывающейся социальной ситуацией. Оппозиционная деятельность сосредоточится на использовании глобальных информационных сетей. Возможно значительное развитие транснациональных оппозиционных сил, движения антиглобализма и террористическо-хакерских объединений.

В финансово-экономической сфере продолжится стремительная трансформация экономики под влиянием новых маркетинговых концепций «сетевой торговли», при этом ключевую роль займут электронные средства платежей как на уровне юридических, так и физических лиц. Возможно

---

[125] См.: *Макаренко С.И., Иванов М.С.* Сетецентрическая война – принципы, технологии, примеры и перспективы. СПб.: Наукоемкие технологии, 2018.

появление новых механизмов давления на отдельные государства со стороны международных финансово-экономических структур и транснациональных корпораций, а также межгосударственных объединений типа ВТО.

В промышленной сфере дальнейшее развитие получат автоматизация и роботизация технических процессов, а также ориентация на вытеснение человека из сферы промышленного производства и замену его робототехническими комплексами.

В сфере безопасности продолжится сращивание национальной и зарубежной преступности в транснациональные преступные синдикаты. В сферу интересов преступности попадет новая цифровая экономика. Увеличится число противоправных действий с использованием информационных технологий и против объектов информационной инфраструктуры. Террористические организации активно будут применять методы работы хакерских сообществ. Сетевизация социальной структуры общества, появление в нем радикальных полупартизанских групп, стремящихся реализовать собственные идеологические установки, а также использование этих новых игроков в интересах основных геополитических центров силы послужат снижению эффективности традиционных сил обеспечения безопасности.

В военной сфере существенное усложнение систем управления войсками и оружием уже приводит к ситуации, когда отдельные страны утрачивают способность самостоятельно планировать и проводить операции с масштабным применением военной силы. Эта зависимость от прогрессивных государств будет усиливаться по мере внедрения высокотехнологичных систем.

Указанные (а также и другие) факторы ведут к углубляющейся перестройке форм и способов военного противоборства. При этом все чаще для достижения политических или экономических целей используется скрытое (латентное) противоборство, а также интенсифицируется применение невоенных форм борьбы.

Российской Федерации необходимо сохранить преемственность своего стратегического курса на предотвращение конфликтов в информационном пространстве, следует более энергично продвигать российские инициативы и активизировать участие в переговорном процессе по вопросам безопасности в сфере использования информационно-коммуникационных технологий, как в двустороннем формате, так и на площадках международных структур и форумов, прежде всего, конечно, Организации Объединённых Наций.

Также важно активно развивать диалог по вопросам международной информационной безопасности, проводя на регулярной основе двусторонние и многосторонние экспертные консультации, согласовывать позиции и основные направления сотрудничества в области обеспечения международной информационной безопасности с государствами-участниками Содружества Независимых Государств (СНГ), объединения

БРИКС, государствами-членами Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), «Группы двадцати», другими государствами и международными организациями.

Серьезное внимание необходимо уделять формированию механизмов практического сотрудничества в обеспечении безопасности глобальной информационной среды и прежде всего в вопросах обеспечения безопасного и стабильного функционирования и развития сети Интернет на основе равноправного участия стран-членов мирового сообщества в управлении данной сетью и повышению роли Международного союза электросвязи для сотрудничества – от обмена опытом и совместного реагирования на компьютерные инциденты до программ подготовки кадров и проведения совместных научных исследований. Кроме того, необходимо развивать сотрудничество с правоохранительными органами и специальными службами иностранных государств и международными организациями по вопросам противодействия использованию информационно-коммуникационных технологий (включая сеть Интернет) в террористических целях, в том числе и для пропаганды терроризма и экстремизма, и для привлечения к террористической деятельности новых агентов.

Следует опираться на потенциал и возможности научных и экспертных кругов, делового сообщества и, конечно, Национальной ассоциации международной информационной безопасности. Для этого необходимо укреплять действующие и формировать новые международные дискуссионные площадки как в России, так и за рубежом. В рамках продвижения российских инициатив по формированию системы обеспечения международной информационной безопасности требуется проработка инструментов и формата участия представителей российского научного и экспертного сообщества в научно-исследовательском, аналитическом и научно-методическом международном сотрудничестве.

Для формирования, совершенствования и эффективной реализации государственной политики, определенной в новой редакции Основ государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности, нужна системная и результативная деятельность соответствующих органов власти. Здесь, прежде всего, важна координирующая роль аппарата Совета Безопасности, а также Министерства иностранных дел Российской Федерации в продвижении на международной арене позиции России по вопросам обеспечения международной информационной безопасности и, в пределах своей компетенции, во взаимодействии с федеральными органами исполнительной власти, в том числе в форматах целевых межведомственных групп и на основе государственно-частного партнерства.

Органам и организациям, определяющим политику в области международных отношений, осуществляющим экономическую, социальную,

культурную, научно-техническую и прочую политику государства, предлагается:

– в переговорных процессах по ограничению вооружений и контролю над ними, в решении различных проблем обеспечения паритета безопасности необходимо в полной мере учитывать информационно-технические и информационно-психологические факторы. Следует официально заявить, что без учета этих факторов нельзя построить сбалансированную систему международной безопасности;

– в системе мер по обеспечению международной безопасности наряду с экономическими, дипломатическими, собственно военными и прочими мерами необходимо в первоочередном порядке предусматривать меры по обеспечению информационной и информационно-психологической безопасности, учитывая безопасность в глобальных информационных и социальных сетях, поскольку именно они являются основным инструментом информационно-психологического воздействия;

– через государственные средства телерадиовещания необходимо осуществить комплекс государственных мер (масштабную информационно-психологическую операцию) по формированию определенных устойчивых ценностных ориентаций и убеждений, способствующих закреплению в сознании положительных образов, связанных с Российской Федерацией;

– особое внимание необходимо обратить на наращивание возможностей информационной инфраструктуры страны, развитие современных сил и средств информационного, морально-психологического обеспечения, информационного противоборства, совершенствование системы подготовки специалистов в данных областях;

– необходимо поручить Академии наук Российской Федерации разработку современной системы духовных ценностей, в основу которой должны быть положены идеи патриотизма, территориальной целостности страны, суверенной российской государственности, самобытной многонациональной культуры, история России, национальные традиции, религиозно-нравственные идеи;

– правительству Российской Федерации предлагается координировать деятельность министерств и ведомств по разработке и реализации государственной программы формирования имиджа Российской Федерации на международной арене;

– в целях обеспечения системного мониторинга угроз Российской Федерации со стороны средств массовой информации и своевременного принятия мер по их нейтрализации, необходимо определить законодательные рамки координации усилий государственных и негосударственных информационно-аналитических центров, а также выделить средства для приобретения экспертно-аналитических систем, позволяющих прогнозировать возможный ущерб от размещенных в СМИ материалов.

2.7. Вызовы и угрозы в социальной сфере

За последний год Российская Федерация и вся современная цивилизация столкнулись с качественно новыми вызовами и угрозами, спровоцированными пандемией COVID-19 и мировым экономическим кризисом, охватившими все страны мира. Данные вызовы и угрозы приобрели системный характер, негативно повлияли на жизнедеятельность глобального и российского социумов, спровоцировали новые и усугубили существующие социальные и демографические опасности и угрозы, превратившись в социальное бедствие цивилизационного масштаба.

Анализ функционирования российского общества показывает, что перед руководством страны стоят сложные задачи по выбору стратегии формирования и реализации социальной политики государства с учётом новых глобальных и национальных вызовов и угроз.

К числу *современных глобальных вызовов и угроз*, связанных с общими тенденциями развития мировой цивилизации и оказывающих влияние на социальную сферу, относятся:

– пандемия COVID-19 и связанный с ней рост заболеваемости и смертности населения во всех странах мира;

– падение доверия населения к институтам государственной власти внутри стран и расширение масштабов недоверия на межгосударственном уровне;

– социально-экономические последствия глобализации, сопровождающиеся углублением мирового финансово-экономического кризиса;

– социально-экономический и технологический отрыв индустриально развитых стран, обеспечиваемый развитием новых информационно-коммуникационных технологий, расширяющих масштабы цифрового (информационного) разделения граждан;

– старение населения в наиболее развитых странах и демографический бум в государствах «третьего мира» в сочетании с политическими, экономическими и социальными катаклизмами, вызывающими массовую неконтролируемую миграцию;

– усиливающееся социальное неравенство и расслоение населения, выступающие катализаторами социальных революций и религиозно-этнических конфликтов;

– бесконтрольное вмешательство производственных структур в природную среду для максимизации прибыли.

Глобальные вызовы и угрозы приводят, с одной стороны, к объединению усилий политических институтов и общественных организаций в борьбе с общими проблемами, с другой стороны, обострению конкуренции между государствами, связанными с определением путей и способов выхода из экономического кризиса, снижением количества заболевших граждан, политической и социальной стабилизацией обстановки и укреплением доверия граждан к институтам политической власти.

Для российской действительности возрастание вызовов и угроз в социальной сфере усугубляется нестабильным экономическим и социальным развитием, вызванным дисфункциональной реализацией неолиберальной модели экономики массового потребления, осуществлением ведущими западными странами санкционной политики, диспропорциями в экономическом и инновационном развитии территорий, ослаблением межгосударственных социокультурных связей, негативном воздействии информационных источников на общественное сознание граждан.

Следует констатировать, что благодаря санитарно-эпидемиологической и лечебно-медицинской мобилизации в центре и на местах правительству удалось стабилизировать социально-политическую ситуацию в стране, вызванную пандемией COVID-19 и связанный с ней рост заболеваемости и смертности населения, не допустить сценария развития катастрофических последствий. Вместе с тем события последнего года оказали деструктивное влияние на политические, экономические и социальные процессы в социуме, активизировали *национальные вызовы и угрозы,* к числу которых в социальной сфере относятся:

– сложная социально-демографическая ситуация в обществе;

– падение реальных доходов населения и рост бедности;

– ухудшение социально-стратификационной структуры общества, связанное с высоким уровнем социального неравенства граждан;

– осложнение ситуации на рынке труда, в сфере занятости и безработицы, замедление социальной мобильности российских граждан, особенно молодежи;

– состояние здоровья россиян и проблемы с получением медицинской помощи;

– снижение образовательного и научно-технологического потенциалов;

– затрудненный доступ к социальной инфраструктуре в условиях коммерциализации образования и здравоохранения;

– снижение социальной защищенности граждан.

Расширение масштабов социальной поляризации общества, снижение у большинства населения жизненного уровня и рост бедности, невозможность получения качественной медицинской помощи и образования достойного уровня, слабость институтов социальной защиты порождают неуверенность в завтрашнем дне, приводят к значительному усилению социальной и политической напряженности в обществе, распространению недовольства общим состоянием дел, ухудшению параметров качества жизни граждан и, в конечном итоге, к снижению социальной безопасности страны.

Сложная социально-демографическая ситуация в обществе связана с увеличением естественной убыли населения. Так, если в 2016 году число умерших превысило число родившихся всего на 2,286 тыс. человек, то, начиная с 2017 года, такая разница стала стремительно увеличиваться и составила уже 138,8 тыс. человек, в 2018 г. – 224,6 тыс., в 2019 г. – 317,2 тыс.,

а за январь–ноябрь 2020 года – 574,8 тыс. чел[126]. Происходит снижение числа родившихся (2019 г. – 1365,8 тыс. чел., 2020 – 1306,4 тыс. чел.), уменьшается количество заключённых браков (2019 г. – 876,9 тыс., 2020 – 716,6 тыс.)[127].

Прогнозный расчет, основанный на предположении сохранения неизменными (на уровне 2019 г.) возрастных коэффициентов рождаемости и смертности, показывает, что только за счет изменений в половозрастной структуре населения естественная убыль в расчете на 1000 населения может возрастать ежегодно на 0,5 процентных пунктов в 2020–2022 и 2024 гг., на 0,4 процентных пункта – в 2023, 2025 и 2027 гг., на 0,3 процентных пункта – в 2026 и 2028 гг.[128].

Социально-демографическая ситуация усугубляется проблемами регионального экономического развития, снижением возможностей финансирования демографических проектов, особенностями реализации стратегических целей и задач социальной политики на федеральном и региональном уровнях, ухудшением обеспечения действенной медицинской помощи населению в связи с пандемией, проводимой экологической политикой в регионах.

Падение реальных доходов населения и рост бедности становятся одной из наиболее опасных тенденций развития российского общества, превращаются в долгосрочный тренд социального развития страны, поскольку ухудшают не только социальное положение и качество жизни граждан, но и негативно сказываются на перспективах развития экономики, снижая платежеспособный спрос населения, приводят к политической нестабильности и ослаблению доверия к институтам политической власти. По итогам 2020 года в условиях пандемии реальные располагаемые доходы россиян упали на 3,5 %, привели к увеличению числа граждан, живущих за чертой бедности (19,6 млн чел.)[129].

За последние годы происходит *углубление социальной стратификации общества* по абсолютным параметрам материального благосостояния, распределению доходов и собственности между разными слоями и группами населения, соотношению богатства и бедности, уровню развития и доступности к объектам социальной инфраструктуры, качеству и условиям жизни, которое усугубляется региональными диспропорциями и территориальным неравенством.

Усиливается искажение дифференциации трудовых доходов, когда доминирующее значение в оплате труда приобретает не уровень

---

[126] Демографический ежегодник России. М., 2019.

[127] Оперативные данные Росстата по естественному движению населения России. М., 2020.

[128] Российское общество и государство в условиях пандемии: социально-политическое положение и демографическое развитие Российской Федерации в 2020 году : коллективная монография / Осипов Г.В. и др.; под ред. Г.В. Осипова, С.В. Рязанцева, В.К. Левашова, Т.К. Ростовской; отв. ред. В.К. Левашов. М. : ИТД «ПЕРСПЕКТИВА», 2020.

[129] Социальные инновации в управлении человеческими ресурсами : коллективная монография / под ред. проф. Я.А. Маргуляна. СПб. : СПБУУИЭ, 2018.

образования, квалификации, опыт работы, а финансовое состояние предприятия, сектор экономики, регион, в котором осуществляется трудовая деятельность. Устойчивыми темпами происходит увеличение количества «работающих бедных», к числу которых относятся высококвалифицированные кадры, обеспечивающие функционирование фундаментальных социальных институтов общества: работники государственных систем образования, здравоохранения, культуры, госслужащие среднего и низшего звеньев. Медленно и неэффективно идет становление среднего класса – основы стабильности и порядка любого общественного устройства. Значительные проблемы существуют у представителей мелкого и среднего предпринимательства, не давая им превратиться в действенную основу современного российского общества. Происходит увеличение групп «социального риска», включающих социально незащищённые слои населения, активно пополняемые неполными и многодетными семьями.

Пандемия, санкционная политика западных государств, затяжной экономический кризис, увеличение пенсионного возраста значительно активизировали *негативные трансформации на рынке труда* и привели к усилению дисфункционального воздействия в сфере занятости и безработицы. Расширяются масштабы общей безработицы, нарушается баланс спроса и предложения рабочей силы, усиливаются специфические формы структурной безработицы, происходит рост и трансформация скрытой занятости, увеличиваются трансакционные издержки найма и занятости, структурные диспропорции в отношении компенсации за труд, активизируется использование серых схем оплаты труда в неформальных трудовых отношениях.

Замедление темпов социальной мобильности населения связано в первую очередь с последствиями пандемии. Вместе с тем действуют и другие факторы: затяжной характер кризиса в экономике, её сырьевой характер, локализация крупномасштабных инвестиций и инновационных преобразований, отсутствие комплексной программы регулирования рынка труда и занятости населения, кризис системы образования, расширяющаяся социальная аномия, вызванная разрушением системы ценностно-нормативных ориентаций и социальная депривация, характеризующаяся ограничениями или изоляцией людей от социальных коммуникаций и общественных благ.

Особую тревогу вызывает состояние социальной мобильности молодёжи, связанное с затруднённым доступом к работе вне рамок полученной специальности, отсутствием возможностей трудоустройства на современные высокотехнологические предприятия, снижением возможностей получения бесплатного качественного образования, низким уровнем заработной платы. Данная ситуация вызывает неудовлетворенность работой, усиливает безразличие и апатию молодых людей, снижает качество трудовой деятельности, становится источником депрофессионализации и снижения ценности труда.

Анализ последствий пандемии, *состояния здоровья россиян и получения медицинской помощи в стране* показал, что институтам государственной власти в целом удалось осуществить санитарно-эпидемиологическую и лечебно-медицинскую мобилизацию в центре и на местах, не допустить сценария развития катастрофических последствий. Активизировалось строительство крупных федеральных и региональных медицинских центров и госпиталей, обеспеченных современной высоко технологической аппаратурой, улучшилось использование информационно-компьютерных технологий в лечении больных. Однако уровень здравоохранения в Российской Федерации в период пандемии, вызванный перегрузкой работы больниц, поликлиник, станций скорой помощи, нехваткой медперсонала, дефицитом лекарственных препаратов и средств защиты вызывает серьёзное недовольство и заслуженной критике граждан.

К числу важнейших причин такого состояния относятся:

– многолетнее недофинансирование медицинской отрасли;

– оптимизация системы здравоохранения, выразившаяся в сокращении медицинского персонала и коечного фонда;

– дезориентация в определении стратегических направлений медицинской деятельности и правильности правительственных мер по их поддержке;

– формализация и невыполнение указов Президента Российской Федерации о повышении заработной платы медицинских работников;

– снижение качества подготовки медицинского персонала;

– многократное увеличение платных услуг населению и фактическое снижение бесплатной медицинской помощи;

– сложное положение с обеспечением населения лекарственными препаратами, связанное с их недостаточным производством и массовым «вымыванием» дешёвых лекарственных препаратов с прилавков аптек практически во всех регионах России.

В новых условиях функционирования активизируются вызовы и угрозы, снижающие *образовательный и научно-технологический потенциал российского общества*. К числу наиболее характерных тенденций относятся:

– затруднение финансирования образовательных и научных проектов;

– снижение инвестиций в человеческий капитал;

– сокращение масштабов академической мобильности;

– ослабление партнерств, необходимых для развития новых программ;

– усиление дифференциации качества подготовки школьников и студентов;

– отсутствие комплексной системы непрерывного образования;

– бюрократизация научной и образовательной деятельности;

– неэффективность мотивационных механизмов её организации;

– проблемы, связанные с переходом на дистанционный режим работы, характером и технологиями замещения оффлайн формата обучением онлайн.

Складывающаяся ситуация негативно влияет на интеллектуальный потенциал общества, снижает возможности инновационного развития экономики, приводит к деградации сферы научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, приводит к свертыванию научно-технологического потенциала страны, сокращению численности занятых в научной деятельности учёных, увеличению отставания в развитии фундаментальной и прикладной науки от развитых стран мира, при этом значительно обостряется уровень национальной безопасности страны.

Обеспечение социальной безопасности общества непосредственно зависит от *уровня развития социальной инфраструктуры и обеспечения доступа граждан к объектам образования, здравоохранения, культуры, спорта.* Существенное снижение финансирования объектов социальной инфраструктуры, передача их на баланс региональных органов власти, оптимизация системы соответствующих учреждений привели к повсеместной их коммерциализации и сокращению сети медицинских и образовательных учреждений, что существенно увеличивает стратегические риски, связанные с развитием национального человеческого потенциала.

Коммерциализация объектов социальной инфраструктуры снижает качество создаваемых там благ, усугубляет расслоение российского общества, связанное с неравенством удовлетворения социальных потребностей, приводит к формированию двухступенчатой системы социального обслуживания, соответствующей потребностям и возможностям состоятельных клиентов и остального населения страны. Складывающаяся ситуация усугубляется сокращением социальной инфраструктуры в сельской местности, при отсутствии развитой транспортной системы приводит к нарушению социальных прав граждан, возникновению критически опасных зон, негативно сказывается на экономическом, социальном, демографическом и культурном развитии российского общества.

К числу национальных вызовов и угроз в социальной сфере относится также *снижение социальной защищенности наиболее уязвимых слоёв населения.* В период пандемии правительство предприняло комплекс мер по социальной изоляции всех социальных групп населения, что значительно ухудшило положение, прежде всего, трудоспособных граждан. Поэтому главное внимание руководства страны было сосредоточено на организации мер социальной поддержки трудоспособного населения, семей с детьми и наиболее уязвимых в экономическом положении категорий граждан[130]. Финансовая поддержка осуществлялась через денежные трансферты неработающему населению, составляя более половины достаточно скудных по меркам развитых стран социальных расходов консолидированного бюджета государства.

---

[130] Аналитический бюллетень НИУ ВШЭ об экономических и социальных последствиях коронавируса в России и в мире. М., 2020. – URL: https://www.hse.ru/corona/issues#pagetop (дата обращения: 16.02.2021).

Складывающаяся ситуация усугубляет хроническое недофинансирование социальных отраслей, усиливает конфликт между поколениями, связанный с воздействием кризиса и антикризисных мер на пенсионные системы, снижает благосостояние пожилого и трудоспособного населения, приводит к локализации деятельности учреждений социальной защиты населения, способствует росту профессиональных деформаций, вызывает социальную девальвацию профессиональной деятельности и эмоциональное выгорание социальных работников.

Вышеперечисленные национальные вызовы и угрозы социальной сфере российского общества существенно влияют на социальное настроение россиян, которое в последние годы неуклонно снижается.

Своеобразным катализатором данного снижения стала эпидемия коронавируса, которая спровоцировала сильнейшей кризис практически во всех областях человеческой жизни. COVID-19 оказал огромное влияние на экономику, международные отношения и повседневную жизнь граждан.

В репертуарной картине социальных страхов граждан, выявленных на фоне пандемии (таблица 1), превалируют тревоги, связанные с экономическими факторами: высокая инфляция и рост цен, потеря работы, сокращение зарплаты, потеря сбережений и накоплений, повышение существующих налогов и появление новых – все это очень сильно волнует более половины опрошенных. Также одну из ведущих позиций в «рейтинге» социальных тревог играет страх потери близких. В то же время менее всего опрошенных беспокоят социальные вопросы: невозможность отправиться в отпуск и качественно отдохнуть (35,6 %), обязательная вакцинация против COVID-2019 (35,1 %), сложности с получением качественного образования (26 %), несоблюдение необходимых мер предосторожности и безопасности со стороны населения (25,6 %). Среди наименее актуальных опасений наступления событий экономического характера – рост курса евро и доллара (25,3 %)[131].

Таблица 1 – Степень опасения событий, связанных с пандемией коронавируса COVID-2019, в %

Степень тревожности	Тревожное отношение	Некоторое беспокойство	Спокойное отношение
Заразиться коронавирусом	17,2	59,4	23,3
Невозможность своевременно получить лечение	33,2	52,3	14,5
Возможное ухудшение здоровья	23,8	59,7	16,5

[131] Белова Н.И., Великая Н.М., Фадеева Е.В. Социальные страхи россиян в условиях пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 // I Российско-Иранский социологический форум : сборник тезисов докладов участников форума (Москва, 16-18 ноября 2020 г.) / отв. ред. С.В. Рязанцев, Т.К. Ростовская; ФНИСЦ РАН. М. : Перспектива, 2020. С. 186−195.

Потеря близких людей	**61,3**	31,3	7,4
Обязательная вакцинация против COVID-2019	23,0	41,9	**35,1**
Несоблюдение необходимых мер предосторожности и безопасности со стороны населения	19,7	54,7	**25,6**
Введение новых ограничительных мер	31,3	47,2	21,5
Сокращение зарплаты	**59,8**	28,2	12,0
Потеря работы (мной или членами семьи)	**61,7**	27,0	11,3
Высокая инфляция, рост цен	**66,0**	28,5	5,5
Потеря сбережений, накоплений	**58,8**	28,1	13,1
Рост курса евро, доллара	34,9	39,8	**25,3**
Повышение налогов, появление новых	**53,2**	35,8	11,0
Ограничение свободного передвижения	39,6	44,0	16,3
Нарушение гражданских прав	45,8	39,1	15,1
Отсутствие правдивой и достоверной информации	41,3	46,6	12,1
Сложности с получением качественного образования (меня или детей)	35,1	39,0	**26,0**
Сокращение общения с родными и близкими	28,1	52,8	19,1
Невозможность лично оказывать помощь пожилым родственниками (ухаживать за ними)	28,1	49,5	22,4
Невозможность отправиться в отпуск и качественно отдохнуть	21,6	42,9	**35,6**

Пандемия сместила вектор опасений населения из социально-политической плоскости в экономическую: год назад[132] в рейтинге страхов граждан Российской Федерации доминировали тревоги относительно состояния здоровья близких и своего собственного, а также политические страхи – возможность возникновения мировой войны и произвол властей.

Карта страхов россиян в 2020 году, по данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ)[133], демонстрирует актуализацию тревог, связанных с возможным снижением уровня жизни и потребления наряду с риском столкновения с несправедливостью. Самые высокие показатели индекса страхов[134] по состоянию на конец 2020 года характерны

[132] Страхи // Левада-центр. – URL: https://www.levada.ru/2019/10/29/strahi-4/ (дата обращения: 15.09.2021).

[133] Карта страхов россиян: осень-2020 // ВЦИОМ. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/karta-strakhov-rossijan-osen-2020 (дата обращения: 15.09.2021).

[134] Индекс страхов // ВЦИОМ. – URL: https://wciom.ru/ratings/indeks-strakhov (дата обращения: 15.04.2021).

для переменных «рост социальной несправедливости, неравенства между людьми» и «снижение доходов». Наименее вероятным россиянам представляется наступление социально-политических событий: обострение конфликтов между Россией и другими странами, военные действия; беспорядки внутри страны, вызванные акциями протеста против власти; разгул преступности; потеря работы. Надо сказать, что такая тенденция имеет под собой объективные основания: по данным Росстата[135], пандемический кризис привел к резкому сокращению реальных располагаемых денежных доходов россиян – на 3,5 % в 2020 году. Даже по официальным данным, в III квартале 2020 года доходами ниже прожиточного минимума[136] (с учетом в объеме денежных доходов населения средств, выделенных Правительством Российской Федерации в качестве дополнительных мер социальной поддержки в период пандемии) располагали 18,8 млн. человек, или 12,8 % населения[137].

Субъективные оценки материального положения, исходя из результатов опросов общественного мнения[138], выглядят еще более печально: бедным себя считает каждый третий житель России. Все дело в том, что граница бедности, установленная государством, в представлении россиян – это, скорее, граница нищеты. Результаты опросов 2019 года[139] показывают, что уже тогда жители России относили семью в категорию «бедных», если доход на одного члена семьи оказывался ниже 12,5 тыс. руб. (на данный момент величина прожиточного минимума до сих пор не «доросла» до этой границы и составляет 11,7 тыс. руб.).

В январе 2021 года[140] в качестве безработных в органах службы занятости населения были зарегистрированы порядка 2,5 млн человек, общая численность безработных составила 4 млн 317 тыс. человек, а официальный уровень безработицы – 5,8 %. Однако надо понимать, что количество официально зарегистрированных безработных не отражает реальное положение дел.

---

[135] Реальные располагаемые денежные доходы населения по Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики. – URL: https://rosstat.gov.ru/folder/13397 (дата обращения: 15.08.2021).

[136] При расчете использовалась величина прожиточного минимума в размере 11 606 руб., установленная приказом Минтруда России от 31.12.2020 г. № 987н. На период 1 января – 31 декабря 2021 г. Постановлением Правительства РФ от 31 декабря 2020 г. № 2406 величина прожиточного минимума увеличена и составляет 11 653 руб.

[137] Росстат рассчитал численность населения с доходами ниже прожиточного минимума в III квартале 2020 года // Федеральная служба государственной статистики. – URL: https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/112592 (дата обращения: 11.08.2021).

[138] Бедность // ФОМ. – URL: https://fom.ru/Obraz-zhizni/14512 (дата обращения: 19.04.2021).

[139] Граница бедности и «нормального» уровня жизни в восприятии россиян // Левада-центр. – URL: https://www.levada.ru/2019/09/30/granitsa-bednosti-i-normalnogo-urovnya-zhizni-v-vospriyatii-rossiyan/ (дата обращения: 15.07.2021).

[140] Безработица в январе снизилась до 5,8% – Росстат // Финмаркет. – URL: http://www.finmarket.ru/news/5415281 (дата обращения: 19.06.2021).

Коронавирус внес коррективы в потребительские возможности граждан. Динамика покупательной способности среднедушевых денежных доходов населения[141] демонстрирует рост лишь по четверти из 24 основных продуктов питания – дешевому мясу, сахару и овощам: свинина (+3,1 %), куры охлажденные и мороженые (+3,7 %), сахар-песок (+4,9 %), капуста (+40,7 %), лук (+8,3 %), морковь (+3,1 %). По другим трем четвертям базовых продуктов питания в 2020 году наблюдается снижение покупательной способности, наиболее значимое – по яблокам (–15,2 %), крупам (–12,4 %) и рису (–11,3 %).

Результаты социологических исследований[142], показывают наличие корреляции между возрастом респондентов и степенью беспокойства относительно наступления ряда явлений, вызванных пандемией: чем младше респонденты, тем большее количество из них не боится возможного ухудшения состояния здоровья, заражения коронавирусом и отсутствия своевременного лечения (таблица 2).

Таблица 2 – Распределение по возрасту степени опасения событий, связанных с пандемией коронавируса COVID-19

		18-29	**30-49**	**50+**
Заразиться коронавирусом	**Спокойное отношение**	**34,6**	**22,8**	**17,7**
	Некоторое беспокойство	48,0	61,6	63,0
	Тревожное отношение	17,4	15,6	19,3
Невозможность своевременно получить лечение	**Спокойное отношение**	**21,2**	**13,3**	**12,5**
	Некоторое беспокойство	49,6	52,3	53,7
	Тревожное отношение	29,2	34,4	33,7
Возможное ухудшение здоровья	**Спокойное отношение**	**20,5**	**16,6**	**14,2**
	Некоторое беспокойство	56,3	61,1	59,7
	Тревожное отношение	23,2	22,3	26,1
Потеря близких людей	**Спокойное отношение**	**9,3**	**7,4**	**6,3**
	Некоторое беспокойство	24,9	34,1	31,3
	Тревожное отношение	65,8	58,5	62,4
Обязательная вакцинация против COVID-2019	**Спокойное отношение**	33,9	35,4	35,4
	Некоторое беспокойство	39,9	41,9	43,0
	Тревожное отношение	26,2	22,8	21,6
Несоблюдение необходимых мер предосторожности и безопасности со стороны населения	**Спокойное отношение**	**32,2**	**25,8**	**21,6**
	Некоторое беспокойство	48,6	56,0	56,5
	Тревожное отношение	19,1	18,2	21,8
Введение новых ограничительных мер	**Спокойное отношение**	**27,4**	**22,5**	**17,1**
	Некоторое беспокойство	40,8	48,8	48,7
	Тревожное отношение	31,8	28,7	34,2

[141] Покупательная способность денежных доходов населения, динамические ряды за 2011-2020 годы // Федеральная служба государственной статистики. – URL: https://rosstat.gov.ru/folder/13397 (дата обращения: 21.05.2021).

[142] Исследование выполнено при поддержке РНФ, проект № 17-78-30029 «Когнитивные механизмы и дискурсивные стратегии преодоления социокультурных угроз в исторической динамике: мультидисциплинарное исследование».

Сокращение зарплаты	Спокойное отношение	14,1	9,6	13,8
	Некоторое беспокойство	29,1	25,3	31,5
	Тревожное отношение	56,7	65,1	54,6
Потеря работы (мной или членами семьи)	Спокойное отношение	11,6	10,4	12,3
	Некоторое беспокойство	31,0	24,6	27,8
	Тревожное отношение	57,4	65,1	59,9
Высокая инфляция, рост цен	**Спокойное отношение**	**12,1**	**4,1**	**3,5**
	Некоторое беспокойство	27,3	28,0	29,9
	Тревожное отношение	60,6	67,9	66,6
Потеря сбережений, накоплений	Спокойное отношение	15,9	11,1	14,1
	Некоторое беспокойство	26,9	27,5	29,5
	Тревожное отношение	57,3	61,4	56,4
Рост курса евро, доллара	Спокойное отношение	24,5	25,8	25,2
	Некоторое беспокойство	39,5	39,1	40,8
	Тревожное отношение	36,1	35,1	34,0
Повышение налогов, появление новых	Спокойное отношение	10,6	11,3	10,9
	Некоторое беспокойство	37,5	36,1	34,5
	Тревожное отношение	51,9	52,6	54,6
Ограничение свободного передвижения	Спокойное отношение	19,9	14,8	16,3
	Некоторое беспокойство	39,5	45,6	44,5
	Тревожное отношение	40,6	39,6	39,2
Нарушение гражданских прав	Спокойное отношение	13,2	14,2	17,4
	Некоторое беспокойство	36,1	39,6	40,2
	Тревожное отношение	50,7	46,3	42,4
Отсутствие правдивой и достоверной информации	Спокойное отношение	12,0	12,1	12,1
	Некоторое беспокойство	39,8	48,0	48,5
	Тревожное отношение	48,2	39,9	39,3
Сложности с получением качественного образования (меня или детей)	Спокойное отношение	21,4	23,6	31,5
	Некоторое беспокойство	37,7	39,7	38,8
	Тревожное отношение	41,0	36,7	29,7
Сокращение общения с родными и близкими	Спокойное отношение	19,4	19,0	19,1
	Некоторое беспокойство	46,5	57,2	50,8
	Тревожное отношение	34,1	23,8	30,1
Невозможность лично оказывать помощь пожилым родственникам (ухаживать)	Спокойное отношение	22,8	20,1	25,2
	Некоторое беспокойство	39,4	54,1	49,1
	Тревожное отношение	37,8	25,8	25,7
Невозможность отправиться в отпуск и качественно отдохнуть	Спокойное отношение	40,0	32,8	36,6
	Некоторое беспокойство	40,2	43,9	43,0
	Тревожное отношение	19,8	23,3	20,4

Стоит заметить, что аналогичные данные были получены социологами Фонда общественного мнения[143] и Левада-центра[144]: уровень страха заразиться коронавирусом выше среди старших групп населения. Также

[143] Коронавирус: доверие информации и опасения заболеть // ФОМ. – URL: https://fom.ru/Zdorove-i-sport/14449 (дата обращения: 15.05.2021).

[144] Коронавирус: страхи и вакцина // Левада-центр. URL: https://www.levada.ru/2020/12/28/koronavirus-strahi-i-vaktsina/ (дата обращения: 18.06.2021).

молодежь чаще, чем остальных, не пугает несоблюдение необходимых мер предосторожности и безопасности со стороны населения, введение новых ограничительных мер, потеря близких людей, высокая инфляция и рост цен.

В то же время, чем старше респонденты, тем больше среди них тех, кто не тревожится относительно нарушения гражданских прав и сложностей с получением качественного образования (собственного или детей). Вероятностью сокращения зарплаты, потери работы, сбережений и накоплений, ограничением свободного передвижения и невозможностью отправиться в отпуск и качественно отдохнуть чаще в той или иной мере обеспокоены люди среднего возраста.

Ожидаемо наиболее ощутимое чувство тревоги в отношении невозможности лично оказывать помощь пожилым родственникам испытывает молодежь (37,7 % против 25,8 % в группе 30-49 лет и 25,7 % – старше 50). Такие же показатели характерны для ситуации вероятного сокращения общения с родными и близкими (18-29 лет – 34,1 % испытывают сильную тревогу, 30-49 – 23,8 %, 50+ – 30,1 %). Однако наибольшую боязнь и страх у представителей молодого поколения вызывают отсутствие правдивой и достоверной информации (48,2 %) и возможные нарушения гражданских прав (50,7 %).

Надо отметить, что на фоне достаточно активной информационной кампании по обязательной вакцинации населения с целью профилактики дальнейшего распространения COVID-19 только чуть более трети россиян, не зависимо от возраста, не испытывают по этому поводу беспокойства. Оставшиеся 2/3 населения в той или иной мере ощущают тревогу и страх.

Управление ситуацией, связанной с распространением коронавирусной инфекции, потребовало от политической власти разработки и принятия целого комплекса мер в самых различных сферах, которые носили как ограничительный, так и поддерживающий, стимулирующий характер.

Неоднозначная оценка успешности мер, принимаемых правительством, показывает не только имеющиеся объективные проблемы при выработке этой политики, но и субъективные противоречия во взаимодействии между властью и гражданским обществом, что актуализирует требования к власти, связанные с обеспечением социальной безопасности, социальной защиты и поддержки, прежде всего экономической.

В связи с этим целесообразными мерами могут стать следующие: для нейтрализации вызовов и угроз в социальной сфере и обеспечения социальной безопасности российского общества необходима существенная корректировка стратегических целей и задач социальной политики, повышение масштабов и эффективности социальных расходов, превращение социальной политики в активную целенаправленную деятельность по обеспечению высокого качества жизни граждан, ликвидации нищеты, снижения значительных диспропорций в уровне жизни различных социальных групп населения.

К числу важнейших направлений и механизмов реализации данных целей и задач относятся:

– повышение масштабов и эффективности социального инвестирования объектов социальной инфраструктуры в соответствии с потребностями российского общества и мировыми стандартами;

– решение комплексных вопросов борьбы с бедностью и нищетой через повышение социального благосостояния населения страны на основе диалектической зависимости экономики и социальной сферы, введение прогрессивной шкалы налогообложения, обеспечивающей перераспределение дохода в пользу беднейшей части населения, выравнивание возможностей развития и реализации человеческого потенциала различных слоев и групп населения;

– перерасчет величины прожиточного минимума, размер минимального уровня дохода должен быть соотнесен с реальной стоимостью реализации базовых потребностей граждан; борьба с низкооплачиваемой занятостью и ликвидация такого явления, как «работающие бедные»; установление справедливого уровня зарплат;

– реализация демографической политики государства, акцентирование внимания на укреплении семейных ценностей, увеличении продолжительности жизни и снижении смертности населения; обеспечение финансовой поддержки семьям с детьми, испытывающим жизненные трудности, помощь в решение жилищных проблем, особенно молодым семьям; увеличение продолжительности жизни граждан за счет улучшения качества их жизни, снижения преждевременной, особенно предотвратимой смертности; совершенствование системы профилактики заболеваний; изменение пенсионного законодательства, в том числе и в отношении работающих пенсионеров; пропаганда ведения здорового образа жизни, занятий спортом; обеспечение свободного доступа к объектам социальной инфраструктуры;

– перенесение центра тяжести социальной политики в сферу труда, обеспечение занятости трудоспособного населения, создание условий для профессионального развития работников, справедливой оплаты труда и гарантированного дохода, социальной защиты интересов работников;

– разработка мер поддержки молодых работников, оказавшихся в статусе «безработный»; привлечение к реализации программ подготовки и переподготовки граждан, потерявших работу, крупного бизнеса и корпораций; разработка программ и поиск реальных механизмов их реализации, направленных на содействие занятости трудоспособных граждан, повышение их мобильности и конкурентоспособности на российском рынке труда;

– совершенствование деятельности институтов образования и науки через создание системы непрерывного образования, обеспечение сетевого взаимодействия субъектов единой образовательной среды, формирование целевых заказов на подготовку и переподготовку профессиональных кадров, усиление практической направленности процесса обучения, сочетающего

технологии онлайн и офлайн обучения, создание учебно-научно-инновационных кластеров для проведения научных исследований и создания научных разработок, финансируемых государственным и негосударственным секторами, предоставление налоговых льгот на инновационные инвестиции в сферу научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, улучшение мотивационных механизмов творческой деятельности учёных и преподавателей;

– трансформация системы обязательного медицинского страхования, в том числе и для функционирования в экстремальных условиях, перепрофилирование медицинских учреждений, расширение объемов плановой медицинской помощи, профосмотров и диспансеризации населения, повышение квалификации медицинских работников и стимулирование их деятельности, увеличение объёмов предоставления бесплатных, качественных медицинских услуг, в том числе и в сельской местности, расширение масштабов применения медико-организационных и лечебно-диагностических технологий, определение и финансирование наиболее эффективных форм медицинской помощи, создание запасов средств индивидуальной защиты в медицинских организациях, совершенствование системы централизованного управления их производством и поставками;

– изменение патерналистской роли государства, активное привлечение к решению социальных проблем бизнес-структур, организаций некоммерческого сектора, развитие корпоративной социальной ответственности и социального предпринимательства, благотворительности, расширение масштабов деятельности волонтёрских организаций;

– активизация поддержки социально уязвимых групп населения, оказавшихся в трудной жизненной ситуации через трансферты в денежной и натуральной формах, предоставление бесплатной помощи и защиты в учреждениях социального обслуживания населения, качественная подготовка специалистов по социальной работе.

Успешная реализация обозначенных приоритетных направлений социальной политики позволит повысить социальное благосостояние граждан, нарастить человеческий капитал и обеспечить социальную безопасность российского общества.

2.8. Вызовы и угрозы в транспортной сфере

Характер ведения вооруженной борьбы в различных регионах планеты в последние годы существенно изменился, что требует новых подходов к обеспечению национальной безопасности Российской Федерации, в том числе её транспортной безопасности.

В соответствии с действующим Федеральным законом «О транспортной безопасности» от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ, транспортную безопасность можно охарактеризовать как состояние защищенности объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств от актов незаконного вмешательства[145]. Другое определение «транспортной безопасности» – состояние защищенности объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств от актов незаконного вмешательства, где актом незаконного вмешательства считается противоправное действие или бездействие, в том числе террористический акт, угрожающий безопасной деятельности транспортного комплекса, повлекший за собой причинение вреда жизни и здоровью людей, материальный ущерб, либо создавший угрозу наступления таких последствий.

Достижение главных целевых ориентиров транспортной безопасности невозможно без проведения научных исследований и разработок в области обеспечения транспортной безопасности объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств от актов незаконного вмешательства. Учитывая особую значимость вопросов транспортной безопасности, Федеральная целевая программа «Развитие транспортной системы России» предусматривает выделение вопросов обеспечения транспортной безопасности в отдельную подпрограмму – программу № 5 «Повышение уровня безопасности транспортной системы».

Возрастание количества современных внешних угроз Российской Федерации, особенно приближение НАТО к западным границам России, а также угрозы экономической безопасности (недостаточное развитие транспортной инфраструктуры) предопределяет появление новых условий в обеспечении «транспортной безопасности» России в современной войне**)**. К ним следует отнести:

– значительную пространственную разобщенность объектов транспортной инфраструктуры по стратегическим направлениям;

– приоритетность задач по перевозке войск (сил) и подвоза материальных средств войскам (силам) на значительные расстояния;

– построение и устойчивое функционирование военно-транспортных логистических систем различного уровня, приспособленных к специфическим условиям обеспечения «транспортной безопасности» Российской Федерации в военное время;

---

[145] О транспортной безопасности : федеральный закон РФ от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ // Рос. газ. 2007. 14 февраля.

– необходимость постоянного выполнения значительных объемов работ по техническому прикрытию и восстановлению путей сообщения на коммуникационных направлениях;

– возможное отсутствие этапа заблаговременной подготовки транспортной системы страны к работе в военное время;

– необходимость обеспечения непрерывности воинских и других видов перевозок в условиях воздействия противника и других чрезвычайных ситуаций;

– необходимость повышения уровня защищенности стратегически важных транспортных объектов, особенно на главных направлениях межтеатровых и внутритеатровых перегруппировок войск (сил) и подвоза материальных средств войскам (силам);

– необходимость мобилизационного развертывания соответствующих транспортных формирований как федеральных органов исполнительной власти в области транспорта, так и Министерства обороны Российской Федерации (согласно плану мобилизационного развертывания); выполнения всего комплекса мероприятий по обеспечению необходимого уровня «транспортной безопасности» Российской Федерации в военное время.

Опыт обеспечения необходимого уровня транспортной безопасности России с учетом опыта современных военных конфликтов пока ещё не нашел своего отражения в руководящих документах. Однако к действиям по обеспечению «транспортной безопасности» страны с учетом возникших новых условий, рассмотренных выше, необходимо быть готовым.

Объективная реальность сегодняшнего дня наглядно показывает, что действующие руководящие документы не отражают в полной мере проблемные вопросы «транспортной безопасности» России.

Опыт проводимых в последние годы специальных командно-штабных учений показал, что командирам и начальникам всех уровней по вопросам обеспечения «транспортной безопасности» приходится принимать решения не по наставлениям, руководствам, а эмпирически, исходя из собственного опыта, и конкретно складывающейся в условиях жестких временных и ресурсных ограничений оперативной и транспортной обстановки. Действительность заставляет вспоминать теорию и практику проведения так называемых «транспортных операций» при стратегическом развертывании Вооруженных Сил Российской Федерации, стратегических перегруппировках войск (сил) и обеспечения «транспортной безопасности» при проведении этих мероприятий.

Анализируя вышеизложенное, с достаточной степенью достоверности можно сформулировать понятие «транспортной безопасности» Российской Федерации применительно к условиям военного времени как *состояние защищенности объектов транспортной системы государства в наиболее сложных условиях оперативной и транспортной обстановки от воздействия противника, при комплексном применении всех имеющихся сил и средств, обеспечивающих стратегическое развертывание*

Вооруженных Сил Российской Федерации; стратегические и оперативные перегруппировки войск (сил); подвоз материальных средств войскам (силам); доставку сырья и материалов для работы промышленно-экономического комплекса, прежде всего ОПК, для выпуска продукции по плану расчетного года; проведение всех мобилизационных и эвакуационных мероприятий в стране.

Проведенные исследования показали, что, исходя из принципа системного подхода, «транспортную безопасность» страны следует рассматривать как большую и сложную систему, являющуюся важнейшей составной частью системы национальной безопасности, её подсистемой.

Транспортная система России объективно является «кровеносными сосудами» сложного государственного механизма. По состоянию транспортной системы можно судить об уровне развития государства и его «транспортной безопасности».

Ранее проведенные исследования[146] позволяют сделать вывод, что сегодня Россия не может в полной мере претендовать на абсолютную «транспортную безопасность». Создавшееся положение явилось следствием проявления многих факторов внутреннего и внешнего характера, но среди них важнейшим является состояние транспортных коммуникаций. Известно, что состояние транспортных коммуникаций непосредственно влияет на состояние экономики и обороноспособности государства, в целом, на уровень его «транспортной безопасности».

Требуемый уровень «транспортной безопасности» формирует требования к плотности сети автомобильных и железных дорог, от которой зависят социальное обслуживание людей; связи между населенными пунктами, источниками сырья и предприятиями экономического комплекса страны, включая и ОПК; стратегическая мобильность Вооруженных Сил Российской Федерации (возможность своевременного создания требуемых группировок войск (сил) на стратегических направлениях, маневр войсками (силами) и запасами материальных средств между стратегическими и операционными направлениями в самых сложных условиях оперативной и транспортной обстановки, сложившейся в результате воздействия противника по транспортным коммуникациям).

Это заключение подтверждено в ряде исследований последних лет, посвященных проблеме влияния транспортной системы на национальную безопасность России[147]. В них доказано, что все угрозы национальной безопасности России (в т.ч. и «транспортной безопасности») прямо или косвенно связаны с состоянием её транспортной системы. Наиболее сильное влияние транспортная система оказывает на экономическую, военную, социально-демографическую и экологическую безопасность, что было также

---

[146] *Гаджиев К.С.* «Гибридные войны» в современном мире // Власть. 2016. № 10. С. 218–224.

[147] *Иванов О.Б.* Военный конфликт как форма политического процесса // Конференц-зал. 2016. № 4. С. 78.

подтверждено опытом ряда специальных командно-штабных учений при проведении стратегической перегруппировки войск (сил) между стратегическими направлениями.

На сегодня в России сложилась сложная ситуация в дорожной отрасли, ставящая под угрозу обеспечение её «транспортной безопасности».

Практика экономического развития стран Европы, показала, что для нормального функционирования экономики и достижения необходимой «транспортной безопасности» страны минимальная плотность сети автомобильных дорог должна составлять 40–50 км на 1 тыс. км^2. В настоящее время в этих пределах находится лишь сеть автомобильных дорог Московской области. В других регионах страны этот показатель составляет 10–15 км и менее.

Проведенный анализ показал, что развитые страны мира, несмотря на высокую степень развития сети автомобильных дорог, ежегодно выделяют огромные средства на её развитие. Так, в США в дорожную отрасль ежегодно инвестируется более 100 млрд долл.; Япония вкладывает в дорожное строительство 100–110 млрд долл.; Германия – 50 млрд долл. В то же время Россия с её огромным бездорожьем тратит на эти цели менее 7 млрд долл.

В последние десятилетия проблемы транспортной отрасли имеют тенденция к росту. Правительство Российской Федерации и руководство отрасли (Росавтодор) не имеют научно-обоснованной комплексной программы развития дорожного хозяйства страны на среднесрочную и долгосрочную перспективу, тем более с учетом необходимости обеспечения «транспортной безопасности» России.

Ряд принятых в последнее время решений по развитию дорожной отрасли и частичной их реализации несколько улучшают состояние дорожного хозяйства страны (с точки зрения «транспортной безопасности»), однако до сих пор нет единого комплексного подхода к использованию автомобильных дорог в различных условиях их эксплуатации (в мирное, военное время и в чрезвычайных ситуациях). Это видно, например, на рекламируемых и создаваемых за последнее время «транспортных коридорах», призванных соединить зарубежье с внутренними районами России (транспортно-логистический коридор на территории Российской Федерации, соединяющий Азиатско-Тихоокеанский регион и Европейский союз). Подобные «транспортные коридоры», как правило, включают несколько видов транспорта и принимают на себя обязательства, в том числе и международные, бесперебойной и безопасной доставки грузов, что характерно для мирного времени, без учета прогнозируемого воздействия противника по этим «транспортным коридорам» в военное время и воздействия на работу этих коридоров различных физико-географических условий (паводки, ледоход, ледостав и др.), что может привести к значительным перерывам движения из-за возникновения чрезвычайных обстоятельств. Так, при проведении специального командно-штабного

учения «Центр-2019» в ходе стратегической перегруппировки общевойсковой армии из Восточного в Центральный военный округ возникла ситуация, когда в результате воздействия противника было прервано сквозное движение по Байкало-Амурской и Транссибирской магистралям. Тогда было принято решение, что для обеспечения «Транспортной безопасности» стратегической перегруппировки оперативного объединения и непрерывности перевозок возможно использовать новый «Транспортный коридор» в составе участка Китайско-Восточной железной дороги и Монгольской железной дороги.

Возникновение подобных ситуаций, может быть связано с тем, что отечественные и зарубежные инвесторы при формировании «транспортных коридоров» принимали во внимание лишь проблему повышения эксплуатационных показателей маршрутов, совершенно игнорируя понятие «транспортная безопасность» и возможности перерыва движения из-за возникновения чрезвычайных обстоятельств. К этому необходимо добавить, что в пределах «транспортного коридора» между Азией и Европой в границах ответственности Восточного и Центрального военных округов имеются более 12 стратегически важных транспортных объектов первоочередного воздействия противника (железнодорожные и автодорожные мосты, тоннели, плотины гидроэлектростанции), зоны катастрофического затопления 300–500 км.

Вместе с тем в принятых и формируемых сегодня целевых программах развития транспортной системы страны и обеспечения её «транспортной безопасности» не учитывается факт существенных различий в условиях использования транспортных коммуникаций в мирное, военное время и в условиях ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций.

Следует отметить, что создание пространственных транспортно-логистических коридоров между Азией и Европой по территории России объективно востребовано глобальной экономической интеграцией, отвечает интересам мирового сообщества в XXI веке и во многом определяет будущее человечества. Кроме того, формирование подобных «коридоров» создает условия для повышения стратегической мобильности Вооруженных Сил Российской Федерации, эшелонированию стратегических запасов, повышению живучести ОПК и укреплению обороноспособности страны в целом.

Научные исследования и практический опыт эксплуатации обусловили выделение из их общей сети автомобильных дорог оборонного значения для их использования в военное время, а также 15 железнодорожных направлений, по которым будет осуществляться перегруппировка войск (сил) в период непосредственной угрозы агрессии и в военное время. Предполагается, что всё это, в совокупности с организацией технического прикрытия и восстановления транспортных коммуникаций, предназначенных для работы в военное время, должно обеспечить «транспортную безопасность» страны.

Вышеизложенное позволяет констатировать, что *развитие транспортной системы страны с целью достижения требуемого уровня её транспортной безопасности должно осуществляться с учетом не только нового строительства транспортных коммуникаций, но и их развития в интересах заблаговременной подготовки к работе в кризисных ситуациях, к которым, прежде всего, относят чрезвычайные ситуации и вооруженные конфликты.*

Это особенно важно потому, что в России наблюдается некоторое снижение инвестиций в транспортную отрасль страны. Сокращение источников финансирования дорожной отрасли привело к тому, что в России на сегодня протяженность сети федеральных автомобильных дорог оценивается в 40–50 % от требуемой (по расчетам, для создания опорной сети, в том числе для обеспечения «транспортной безопасности» в дорожном отношении, необходимо иметь не менее 100 тыс. км дорог). Отметим также, что существующая сеть автомобильных дорог не в полной мере отвечает требованиям по пропускной способности и нагрузкам на ось. Естественно, что это не позволит в полной мере использовать существующие дороги в качестве военно-автомобильных (запасных маршрутов) при подвозе материальных средств войскам (силам) автомобильным транспортом.

Большинство существующих автомобильных дорог, в том числе и федеральных, спроектированы более 30 лет назад под нагрузки 5 тонн на ось. Сегодня этот показатель равен 20 тоннам и имеет тенденцию увеличения. Более 68 % автомобильных дорог нуждаются в ремонте и реконструкции. Более 40 % автодорожных мостов не соответствуют требованиям грузоподъемности.

Десятая часть населения России проживает в условиях бездорожья, ряд регионов имеют сезонные транспортные связи, а отдельные районы страны не имеют постоянных связей с промышленными центрами вообще (районы крайнего севера и приравненные к ним). Не имеют постоянных связей с промышленными центрами и пунктами постоянной дислокации некоторых группировок войск (сил). Аналогичное положение дел наблюдается и в области железнодорожного сообщения, что не способствует достижению требуемого уровня «транспортной безопасности» страны. В России отмечаются высокие темпы роста численности автомобильного парка, который к настоящему времени достигает 58 млн единиц (284 ед. на 1 тыс. жителей). Ежегодные расходы на перевозки автомобильным транспортом превышают 80 млрд рублей. В то же время необходимо отметить, что доля отечественных грузовых и легковых автомобилей в общей численности автопарка не превышает 36 % легковых автомобилей и до 70 % грузовых. Данное обстоятельство не в полной мере обеспечивает создание резерва автотранспортных средств отечественного производства для формирования автомобильных батальонов в ходе мобилизационного развертывания Вооруженных Сил Российской Федерации и достижению требуемого уровня «транспортной безопасности» страны.

Вместе с тем следует отметить, что с распадом СССР и превращением прежних внутренних военных округов в приграничные, проблемы дорожного обеспечения операций (военных действий) значительно обострились. Плотность сети автомобильных дорог оборонного значения этих округов оказалась ниже требуемой в 8–10 раз. Многие существующие дороги не совпадают с направлением планируемых действий войск (сил), а их пропускная способность оценивается с военно-технической точки зрения как недостаточная.

Аналогичное положение сложилось и с железными дорогами. Количество железнодорожных маршрутов, выделенных в состав коммуникационных направлений, снизилось с 20 до 15. Ощущается недостаток сил и средств технического прикрытия и восстановления железных дорог как в Железнодорожных войсках, так и в федеральных органах исполнительной власти в области транспорта. Специальные командно-штабные учения последних лет выявили проблему нехватки платформенного подвижного состава для перевозки войск (сил) железнодорожным транспортом.

Расчеты, проведенные на этих учениях показали, что для перевозки оперативного объединения единовременно может потребоваться до 6–7 тыс. универсальных железнодорожных платформ, в то время как в «рабочем парке» подвижного состав на всей сети железных дорог имеется не более 12 тыс. платформ, которые можно использовать для перевозки вооружения, военной и специальной техники Вооруженных Сил Российской Федерации, и их количество ежегодно уменьшается, а новые не выпускаются. Естественно, что это также один из факторов, которые не способствует поддержанию требуемого уровня «транспортной безопасности» страны. Вышеизложенное позволяет заключить, что в России сложилась достаточно негативная ситуация с транспортной отраслью, которая ставит под угрозу нормальное функционирование экономики, включая и оборонную отрасль, обеспечение экономической, военной, социально-демографической, а также других видов национальной безопасности, включая и «транспортную безопасность».

Опыт США, стран Западной Европы показал, что развитие транспортной системы оказало решающее значение в преодолении экономических кризисов в этих странах, создало все необходимые предпосылки к обеспечению их «транспортной безопасности».

Общепринято, что развитие транспортной системы, прежде всего, автомобильных и железных дорог является одним из самых перспективных направлений инвестирования средств, обеспечивающих гарантированную «транспортную безопасность» страны. В России, наоборот, даже не разработана четкая программа обеспечения «транспортной безопасности» в интересах обеспечения национальной безопасности. Даже в принятой уже в XXI веке «Транспортной стратегии России на период до 2030 года» определены социальная, экономическая и политическая роль транспорта

в развитии Российской Федерации, однако в данной стратегии главная её цель определена как «получение максимальной прибыли» от развития транспортной системы России. В то же время стратегия не отражает оборонный аспект транспортной отрасли, как и её влияние на «транспортную безопасность».

В принятой Федеральной целевой программе «Модернизация транспортной системы России» и её подпрограммах «Автомобильные дороги» и «Железные дороги» определены социальная, экономическая и политическая роли транспортной системы в развитии Российской Федерации. Однако программа и подпрограммы также не отражают аспекты «транспортной безопасности».

Программа и подпрограммы отражают понимание руководством страны необходимости резкого наращивания протяженности автомобильных и железных дорог и повышения их качества для наращивания уровня «транспортной безопасности» России.

Об этом, например, свидетельствуют и последние шаги Государственной Думы Российской Федерации по увеличению инвестиций в дорожную отрасль, по модернизации Байкало-Амурской и Транссибирской магистралей, по строительству Северного широтного хода, что, несомненно, повысит «транспортную безопасность» России.

В России уже окончательно сформировалось понятие «транспортная безопасность» государства, в рамках которого можно говорить об автомобильно-дорожной безопасности или о «дорожном обеспечении национальной безопасности». Аналогично можно говорить о безопасности воинских перевозок или об «обеспечении национальной безопасности в перевозках», а также о «безопасности перевозок материальных средств автомобильным транспортом» или об «обеспечении национальной безопасности в автотранспортном отношении» и т.д.

Таким образом, *цель достижения необходимого уровня «транспортной безопасности» России – обеспечить состояние защищенности жизни и здоровья людей, окружающей среды, грузов и транспортных средств, устойчивости работы транспортной системы и её инфраструктуры в обычных условиях, в чрезвычайных ситуациях и в военное время.*

Исходя из вышеизложенного, можно определить основные задачи обеспечения «транспортной безопасности» России:

– прогнозирование потребности развития транспортной системы страны в интересах экономики, обороны, социально-демографической, других сфер жизни общества и, в целом, в интересах обеспечения «транспортной безопасности» как важнейшей составной части национальной безопасности России;

– строительство новых и реконструкция существующих автомобильных и железных дорог, доведение их плотности до нормативных требований, особенно на наиболее опасных стратегических направлениях;

– заблаговременная и непосредственная подготовка транспортных коммуникаций к работе в экстремальных ситуациях;

– техническое прикрытие и восстановление транспортных коммуникаций в условиях воздействия противника и чрезвычайных ситуаций;

– организация воинских перевозок видами транспорта общего пользования, подвоз материальных средств автомобильным транспортом, эксплуатация автомобильных дорог и т.д.

Исторический опыт показывает, что многие виды угроз национальной безопасности прямо или косвенно зависят от состояния транспортной системы страны. Однако в этих исследованиях выявлена лишь сама тенденция такой зависимости. Поэтому в данном разделе научно-теоретического труда в общем виде показан механизм оценки влияния «транспортной безопасности» на национальную безопасность страны, а также обратного влияния угроз национальной безопасности на программы развития транспортной системы страны.

Транспортные коммуникации оказывают неодинаковое влияние на угрозы национальной безопасности, однако в силу взаимосвязанности угроз нескольких второстепенных связей они в совокупности могут обусловить более сильное влияние, чем одна, даже самая сильная связь. Поэтому целесообразно провести ранжирование угроз национальной безопасности. Это, в свою очередь, позволит определить перспективные направления строительства и реконструкции транспортной системы, её мобилизационной подготовки, более эффективно распределить материальные и финансовые ресурсы для создания необходимой транспортной инфраструктуры в регионах и благодаря этому обеспечить необходимый уровень «транспортной безопасности» страны.

И ещё один аспект, на который следует обратить серьезное внимание в контексте «транспортной безопасности» – организация защиты автодорожных и железнодорожных мостов на военно-автомобильных дорогах и на прикрываемых основных железнодорожных направлениях как от воздействия противника, так и от ряда наиболее опасных природно-климатических факторов.

Это связано с тем, что на современном этапе появились новые тенденции изменения содержания и характера вооруженной борьбы:

– увеличиваются пространственные характеристики вооруженной борьбы, поскольку рост досягаемости современного оружия позволяет одновременно воздействовать по всей территории воюющих государств, в т.ч. и по их транспортным коммуникациям;

– «сжимаются» временные параметры вооруженной борьбы, возрастает быстротечность военных действий;

– сбор, обработка и использование информации о противнике и своих войсках происходит в режиме времени, близком к реальному;

– войсками ведутся мобильные действия с использованием всех сфер вооруженной борьбы, что предопределяет необходимость упреждения противника в бою (операции) и предопределяет необходимость повышения темпов операций, эффективности поражения противника и живучести своих войск.

Очевидно, что в целях создания условий для успешного и своевременного выполнения войсками (силами) поставленных задач необходимо надежное функционирование транспортных коммуникаций и достаточно высокий уровень «транспортной безопасности», что может быть достигнуто их комплексной защитой от воздействия противника и ряда природно-климатических факторов.

Вместе с тем на современном этапе развития теории и практики транспортного обеспечения операций (военных действий) значительно обострились проблемы обеспечения устойчивой работы автодорожных и железнодорожных мостов на наиболее значимых транспортных коммуникациях. Естественно, что эти проблемы являются важной частью проблемы обеспечения «транспортной безопасности» России. Обострение транспортных проблем обусловлено, во-первых, повышением роли транспортных коммуникаций, во-вторых, значительно возросшими возможностями противника по поражению (разрушению) автодорожных и железнодорожных мостов за счет многократно-повторяющихся ударов по ним высокоточным оружием, действиями незаконных вооруженных формирований и сил специальных операций противника.

Следовательно, для повышения живучести и снижения вероятности поражения автодорожных и железнодорожных мостов, сохранения требуемого уровня «транспортной безопасности» необходима их комплексная защита. Тем не менее в современной организационной структуре Железнодорожных войск, входящих в силы материально-технического обеспечения Вооруженных Сил Российской Федерации нет ни сил, ни средств для проведения мероприятий комплексной защиты мостов. Такие средства, при этом весьма устаревшие, есть только в инженерных войсках. Решение этой проблемы лежит на пути создания в дорожных и железнодорожных войсках подразделений маскировки, оснащенных специальными средствами пассивной защиты.

В настоящее время налицо существенное отставание Российской Федерации от ведущих зарубежных стран в вопросах создания перспективных средств защиты автодорожных и железнодорожных мостов от высокоточного оружия, ударных беспилотных летательных аппаратов и действий диверсионно-разведывательных групп. В дорожных и Железнодорожных войсках проблема создания собственной системы комплексной защиты автодорожных и железнодорожных мостов, непосредственно влияющей на уровень «транспортной безопасности», поднята впервые. Естественно, что решение этой проблемы потребует значительных времени и ресурсов, но ее необходимо решать на основе ряда

теоретических положений и практических рекомендаций, которым должна отвечать система комплексной защиты автодорожных и железнодорожных мостов, разработанных в научно-исследовательских работах «Устойчивость», «Ледорез» и «Зимник», выполненных в Научно-исследовательском институте Военной академии материально-технического обеспечения имени генерала армии А.В. Хрулева в период с 2017 по 2020 гг.

Проведенные в этих НИР исследования показали, что основными требованиями, в том числе определяющими уровень «транспортной безопасности» в контексте защищенности автодорожных и железнодорожных мостов на коммуникациях, могут быть следующие:

– система комплексной защиты должна обладать высокой степенью готовности к немедленным действиям и быть способной эффективно решать свои задачи;

– средства и способы защиты автодорожных и железнодорожных мостов должны обеспечить их сохранение или, в крайнем случае, не допустить их разрушения выше уровня, позволяющего выполнить работы по восстановлению в короткие сроки;

– уровень защиты моста должен соответствовать степени опасности поражающих воздействий высокоточного оружия, а также его стратегическому значению. Наносимый ущерб мосту должен быть значительно ниже приемлемого ущерба;

– стоимость создаваемой системы комплексной защиты автодорожных и железнодорожных мостов не должна быть обременительной для государства и затраты на неё должны быть меньше предотвращенного ущерба.

Необходимо подчеркнуть, что важнейшей составляющей национальной безопасности является «транспортная безопасность», системообразующим началом которой как в мирное, так и в военное время служат транспортные коммуникации, объединенные в единую транспортную систему России.

Состояние «транспортной безопасности» непосредственно влияет на экономическую, военную и государственную безопасность страны.

Деятельность по строительству, реконструкции, модернизации транспортной системы страны создает эффект мультипликации, выражающийся в создании стимулов для развития всех составляющих экономического комплекса и достижения требуемого уровня «транспортной безопасности» страны. В этих целях для противодействия угрозам национальной безопасности необходимо постоянно улучшать и развивать транспортную инфраструктуру России, повышать её защиту от чрезвычайных ситуаций в мирное и военное время.

В интересах обеспечения национальной безопасности в среднесрочной перспективе необходимо завершить формирование базовой транспортной инфраструктуры, особенно в Арктической зоне, Восточной Сибири и на Дальнем Востоке Российской Федерации.

Эффективное функционирование и развитие единой транспортной системы страны, её использование и осуществление «транспортной деятельности» в интересах «транспортной безопасности» страны, как в мирное, так и в военное время невозможны без материально-технического, финансового и организационно-правового обеспечения.

В особенности это касается тщательной проработки вопросов нормативно-правового обеспечения «транспортной безопасности» страны в период мобилизации, в период действия военного положения, в чрезвычайных ситуациях и в военное время. Эти вопросы должны быть законодательно закреплены в федеральных законах.

Основными перспективными направлениями деятельности по обеспечению «транспортной безопасности» страны являются:

– развитие безопасной *транспортной инфраструктуры* и транспортных средств;

– правовое, техническое и информационное регулирование «транспортной безопасности»;

– техническая регламентация, стандартизация, сертификация, лицензирование, аккредитация и экспертиза;

– обеспечение безопасности движения, эксплуатации, перевозок опасных и специальных грузов;

– охрана транспортных объектов, территорий, грузов и обеспечение общественного порядка на транспорте;

– прогнозирование и учет реальных угроз и опасностей;

– предупреждение и ликвидация последствий актов незаконного вмешательства, ЧС природного, техногенного и военного характера;

– гражданская оборона;

– мобилизационно-техническая подготовка;

– техническое прикрытие и восстановление;

– резервирование транспортных, материальных и финансовых ресурсов;

– использование инновационных материалов и технологий строительства транспортных объектов;

– подготовка специалистов.

Именно в такой постановке может быть обеспечено устойчивое функционирование транспортной системы страны с целью удовлетворения транспортных потребностей государства и обеспечения национальной безопасности России в целом.

2.9. Вызовы и угрозы в энергетической сфере

Энергетика государства – совокупность энергетических объектов топливно-энергетического комплекса (ТЭК) атомной энергетики и обеспечивающей инфраструктуры в современном мире является одним из важнейших стратегических ресурсов, фактором прогресса и развития. Ввиду этого обеспечение безопасности такого ресурса, т.е. состояния его защищенности от любого рода угроз, становится приоритетной задачей государства.

Нельзя не согласиться с тем, что «в XXI веке вопрос обеспечения энергетической безопасности России приобретает особую актуальность. При этом сложность, масштабность и глубина энергетических проблем современности выдвигают энергетическую безопасность в этой сфере в ряд наиболее важных государственных приоритетов»[148].

В России, обладающей мощным развитым энергетическим сектором экономики, такая безопасность рассматривается в комплексе общих задач по обеспечению национальной безопасности.

Согласно п. 67 «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» достижение целей обеспечения экономической безопасности Российской Федерации осуществляется путем решения следующих задач:

– обеспечение энергетической безопасности Российской Федерации, в том числе обеспечение устойчивого тепло- и энергоснабжения населения и субъектов национальной экономики, повышение энергетической эффективности экономики и эффективности государственного управления в сфере топливно- энергетического комплекса;

– развитие технологий получения электроэнергии из возобновляемых и альтернативных источников энергии, развитие низкоуглеродной энергетики[149].

Основным документом государственной политики Российской Федерации в сфере энергетической безопасности является Доктрина энергетической безопасности, принятая Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2019 г. № 216. Известно, что доктрина в Российской Федерации разрабатывается на срок 10–15 лет и выполняет функции документа стратегического планирования, задающего конкретные установки органам управления по решению некоторой проблемы с обозначением конкретных целей. Назначение доктрины заключается в формировании комплекса целей для органов управления государством и четкого видения

---

[148] *Жаворонкова Н.Г., Шпаковский Ю.Г.* Новая Доктрина энергетической безопасности России: вопросы стратегического планирования // Проблемы национальной стратегии. 2019. № 4 (55). С. 187.

[149] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // Рос. газ. 2021. 3 июля.

ими основных приоритетов, необходимых и достаточных для обеспечения безопасности в важнейших направлениях.

Если рассматривать данную Доктрину[150] в комплексе с разработанными чуть позже документами в энергетической сфере – Энергетической стратегией Российской Федерации на период до 2035 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации[151], Указом Президента Российской Федерации от 16 апреля 2020 г. № 270 «О развитии техники, технологий и научных исследований в области использования атомной энергии в Российской Федерации»[152], центральным элементом которого является поручение президента разработать Программу «Развитие техники, технологий и научных исследований в области использования атомной энергии в Российской Федерации на период до 2024 года», – то можно сформировать вывод о том, что высшее руководство России уделяет пристальное внимание проблемам энергетической безопасности.

Несмотря на программный и даже несколько общеполитический характер приведенных документов, они предоставляют возможность формирования общей направленности развития энергетической отрасли России, а также формирования приоритетов в этой отрасли.

Прежде всего, в Доктрине энергетической безопасности дано понятие энергетической безопасности: «Энергетическая безопасность – состояние защищенности экономики и населения страны от угроз национальной безопасности в сфере энергетики, при котором обеспечивается выполнение предусмотренных законодательством Российской Федерации требований к топливо- и энергоснабжению потребителей, а также выполнение экспортных контрактов и международных обязательств Российской Федерации»[153].

Данное понятие не обладает оригинальностью и имеет единую формулировку «…состояние защищенности… от…», что в целом является традиционной конструкцией для формулирования понятий в области безопасности в практике подобных документов.

---

[150] Доктрина энергетической безопасности Российской Федерации. Указ Президента РФ от 13 мая 2019 г. № 216. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/44252 (дата обращения 21.04.2021).

[151] Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2035 года. Распоряжение Правительства РФ от 9 июня 2020 г. №1523-р. – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74148810/ (дата обращения 22.04.2021).

[152] Указ Президента Российской Федерации № 270 от 16 апреля 2020 г. «О развитии техники, технологий и научных исследований в области использования атомной энергии в Российской Федерации» – URL: http://publication.pravo.gov.ru/ Document/View/0001202004160030 (дата обращения 13.05.2021).

[153] Доктрина энергетической безопасности Российской Федерации. Указ Президента РФ от 13 мая 2019 г. № 216. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/44252 (дата обращения 21.04.2021).

Вместе с тем правильной представляется расстановка приоритетов в этом понятии, где на первое место поставлено выполнение требований по топливо- и энергообеспечению потребителей, т.е. организаций, объектов и граждан Российской Федерации. Не требуется дополнительных доказательств, что в нашем государстве, в целом, располагающемся в достаточно суровых климатических условиях и в ее экономике, весьма тесно связанной с энергетическими отраслями данный вид обеспечения должен считаться ключевым.

Кроме этого, в Доктрине энергетической безопасности введены понятия «вызовы», «угрозы» и «риски» и, если понятия «угрозы» и «риски» в области безопасности являются традиционными и устоявшимися, то понятие «вызов» применительно к безопасности – по существу, новое и трактуется двойственно: определяет предпосылки, с одной стороны, к возникновению новых возможностей, а с другой – к возникновению угроз.

Анализ перечня, структуры и содержания высокоуровневых документов в области энергетической безопасности позволяет сформулировать ряд выводов:

– Доктрина энергетической безопасности Российской Федерации, Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2035 года и Комплексная программа «Развитие техники, технологий и научных исследований в области использования атомной энергии в Российской Федерации на период до 2024 года» носят программный характер;

– содержание этих документов применительно к вопросам энергетической безопасности является традиционным по отношению к проблемам безопасности, представляет собой совокупность основных понятий и перечней угроз, вызовов и рисков энергетической безопасности, проявляющихся в различных условиях функционирования систем энергообеспечения Российской Федерации;

– направления деятельности по обеспечению энергетической безопасности дают общий вектор данной работе, преимущественно в организационном плане.

В соответствии с Доктриной энергетической безопасности Российской Федерации и Энергетической стратегией Российской Федерации на период до 2035 года определены следующие виды угроз энергетической безопасности:

– внешнеэкономические и внешнеполитические;

– военно-политические.

В плане реализации программ Национальной технологической инициативы (НТИ) по развитию отечественной энергетики в условиях существования угроз энергетической безопасности наибольший интерес представляют военно-политические угрозы:

– основными уязвимыми элементами электроэнергетической инфраструктуры являются объекты крупной генерации и магистральных сетей;

– вместе с тем высокий уровень децентрализации и распределенности архитектуры IDEA приводит к снижению уязвимости инфраструктуры в целом от применения военной силы;

– высокий уровень информатизации основных управленческих и технологических процессов электроэнергетической инфраструктуры также снижает уязвимость в случае применения военной силы.

Анализируя современные вызовы и угрозы энергетической сфере, можно отметить, что они часто имеют экономический характер.

В соответствии с Доктриной энергетической безопасности, вызовами российской энергетике являются:

– замедление роста мирового спроса на энергоресурсы и изменение его структуры, в том числе вследствие замещения нефтепродуктов другими видами энергоресурсов, развития энергосбережения и повышения энергетической эффективности;

– изменение международного нормативно-правового регулирования в сфере энергетики и условий функционирования мировых энергетических рынков, усиление позиций потребителей;

– увеличение доли возобновляемых источников энергии в мировом топливно-энергетическом балансе.

Данные вызовы в достаточной временной перспективе будут сохраняться, а активность ведущих игроков энергетических рынков будет усиливаться. При анализе изменений международного нормативно-правового регулирования в сфере энергетики необходимо учитывать усилия, предпринимаемые вне международно-правовых норм и в обход их. Речь идет о современных «санкционных войнах». Несмотря на то, что инициатором санкций в области энергетики является не Российская Федерация, принимать этот вызов придется нашей отечественной энергетической отрасли.

В частности, под угрозу попадает завершающий этап международного проекта «Северный поток-2», а ранее – «Ямал-СПГ», проект, от финансирования, которого отказались не менее пяти зарубежных инвесторов[154].

Наличие внешнеэкономических вызовов и их характер показывают, что они с абсолютной вероятностью трансформируются во внешнеэкономические угрозы, против которых Российской Федерации придется строить систему защиты.

Вместе с тем существуют положительные моменты, связанные с общей направленностью развития цифровой энергетики, которые могут оказать позитивное влияние на развитие отечественной энергетической отрасли:

– снижение экономической уязвимости энергетической отрасли при реализации программ НТИ «Энерджинет» за счет резкого снижения ввода в действие новых объектов крупной генерации и магистральных сетей;

---

[154] См.: Санкции нацелились на российскую энергетику. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/3932622 (дата обращения 23.09.2021).

– снижение затрат на регламентное обслуживание и поддержание работоспособности цифровой энергетической инфраструктуры, что может быть выполнено в значительной степени удаленно и посредством компьютерных приложений и сервисов[155].

Однако необходимо четко осознавать, что масштабное внедрение в энергетику цифровых технологий обязательно приведет к трансформации вызовов и угроз, характерных для области энергетики, в угрозы и вызовы в области кибербезопасности. Именно поэтому в соответствии с Федеральным законом от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации», информационно-телекоммуникационные сети (ИТС) и автоматизированные системы управления (АСУ), работающие в энергетике как системообразующей отрасли, отнесены к числу объектов критической информационной инфраструктуры (КИИ) Российской Федерации.

Существует немало примеров, призванных продемонстрировать высокую вероятность реализации киберугроз, направленных на нарушение работы цифровой электрической подстанции (ЦПС), разработанной в соответствии со стандартом МЭК 61850[156]. Начиная с 2015 года проводятся регулярные киберсоревнования по данной тематике, направленные на реализацию угроз (взлом) ЦПС и на каждом из таких соревнований (CTF – Capture The Flag, «захват флага») у победителей и призеров есть конкретные достижения, такие как:

– временное разрушение информационной инфраструктуры подстанции;

– перепрограммирование сервера времени;

– несанкционированное отключение потребителей;

– обнаружение ранее неизвестных уязвимостей.

Особенно интересен тот факт, что в подобных соревнованиях успеха добиваются даже команды, члены которых не имеют специальной подготовки и знаний в областях релейной защиты и автоматики (РЗА) и автоматизированных систем управления технологическими процессами.

Это свидетельствует о том, что:

– подготовка и реализация современных кибератак носит универсальный и надотраслевой характер;

– кадровый потенциал реализации кибератак весьма обширен, так как компетенции современных специалистов из областей информационных технологий и безопасности постоянно совершенствуются;

---

[155] См.: План мероприятий («дорожная карта») «Энерджинет» Национальной технологической инициативы. – URL: https://nti2035.ru/markets/docs/DK_energynet.pdf (дата обращения 13.04.2021).

[156] См.: Белые хакеры ЦПС: Любой специалист по кибербезопасности энергообъектов должен знать МЭК 61850. – URL: http://digitalsubstation.com/blog/2015/11/30/belye-hakery-kaspersky-ctf/ (дата обращения 23.04.2021); Структура стандарта МЭК 61850. – URL: https://digitalsubstation.com/blog/2012/10/18/struktura-standarta-me-k-61850/ (дата обращения 12.04.2021).

– имеют место трансграничность и высокая степень анонимности при реализации кибератак;

– современные информационные технологии, внедряемые в энергетической отрасли Российской Федерации даже с учетом накопленного опыта обеспечения информационной безопасности, оказываются весьма уязвимыми;

– нельзя не отметить, что виды реагирования, которые применимы во многих случаях в виде временного отключения систем энергоснабжения и их отдельных элементов, в области энергетики неприменимы из-за наступления серьезных, а в некоторых случаях – катастрофических последствий.

Однако преимущества дальнейшего внедрения ЦПС представляются очевидными и заключаются не только в том, что это общемировой тренд развития энергетики, но и в:

– снижении затрат на обслуживание за счет высокого уровня автоматизации управления подстанцией, механизмов самоконтроля и саморегулирования;

– сокращении длительности перерывов в электроснабжении потребителей за счет быстрой обработки информации об аварийных режимах систем;

– повышении точности измерений учета электроэнергии, детектирования мест повреждения и др.;

– повышении точности диагностики оборудования и снижении затрат на его ремонт за счет перехода к концепции ремонта по фактическому состоянию.

Можно и дальше приводить дополнительные доводы преимуществ и недостатков, но и уже названные приводят к стремительному сближению при масштабном внедрении в энергетику Российской Федерации концепции ЦПС двух основных понятий: «энергетическая безопасность» и «информационная безопасность», и к утверждению между ними, с некоторыми оговорками, знака равенства.

В настоящее время единое понятие ЦПС отсутствует, но в профессиональном энергетическом сообществе есть некоторые обобщающие формулировки и в данном исследовании мы приведем одну из них[157].

Цифровая подстанция – это объект энергетического хозяйства, выполняющий основные технологические функции передачи, преобразования, распределения электроэнергии и снабжения ею потребителей, состоящий из интеллектуального первичного и вторичного оборудования, использующего унифицированный цифровой информационный обмен данными в целях поддержания его работоспособности и выполнения основных функций на основе открытого объектно-ориентированного стандарта МЭК 61850.

---

[157] См.: Цифровая подстанция. – URL: https://digitalsubstation.com/ (дата обращения 11.04.2021).

Таким образом, в современной энергетике Российской Федерации создаются предпосылки образования дополнительных вызовов и угроз энергетической безопасности, продиктованных возможностью нарушения штатных режимов функционирования энергетических объектов типа ЦПС.

Исходя из приведенного определения можно сделать вывод, что ЦПС – это прежде всего автоматизированная информационная система, включающая в себя программно-аппаратный комплекс (ПАК ЦПС).

Уязвимости ПАК ЦПС, как и любого другого ПАК широко известны. Это уязвимости аппаратуры ПАК; прикладного программного обеспечения ПАК; системного программного обеспечения и программных сред разработки; программного обеспечения сетевых технологий передачи данных; протоколов передачи данных, как управленческой, так и технологической.

Каждая из категорий уязвимостей представлена значительным их количеством, множество уязвимостей внесены в соответствующие базы, как отечественные, так и зарубежные[158]. Национальным кибер-сообществом Российской Федерации ведется постоянная и напряженная работа по обнаружению новых уязвимостей.

Необходимо напомнить о реализации в Российской Федерации с 2014 года государственной программы, основной идеей которой в рассматриваемом нами контексте является импортозамещение. Главную цель программы можно сформулировать как применение механизмов противодействия международной «санкционной» деятельности[159].

В рассматриваемой сфере интерес вызывает деятельность национальных структур и органов, вовлеченных в работу по импортозамещению, в области программного обеспечения управленческой деятельности и аппаратного обеспечения поддерживающей информационной инфраструктуры.

Для организаций ТЭК в настоящее время, как и в значительной по длительности перспективе, актуальными задачами станут подготовка и реализация целевых или так называемых таргетированных кибератак, исходящих от так называемых APT-группировок (от англ. – Advanced persistent threat – «развитая устойчивая угроза»), под которыми понимаются группы злоумышленников, обладающих современным уровнем специальных знаний и значительными ресурсами, позволяющими создавать возможности для достижения корыстных целей посредством многочисленных векторов нападения.

---

[158] См., например: Банк данных угроз безопасности информации ФСТЭК России. – URL: https://bdu.fstec.ru/ (дата обращения 23.04.2021).

[159] См.: Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 328 «Об утверждении государственной программы РФ «Развитие промышленности и повышение конкурентоспособности». – URL: https://2020-god.com/programma-importozameshheniya-v-rossii-do-2020-goda/ (дата обращения 17.04.2021).

В компаниях ТЭК сети, как правило, разделяются на корпоративный и технологический сегменты. В корпоративном сегменте находятся рабочие станции сотрудников, чья деятельность не связана непосредственно с управлением промышленным и технологическим оборудованием.

Исследования и документы[160] подтверждают, что наиболее вероятной угрозой является проникновение злоумышленников именно в корпоративный сегмент информационной инфраструктуры. В корпоративной сети APT-группировку будут интересовать, как правило, компьютеры, на которых хранится конфиденциальная информация типа научных разработок, производственных регламентов, финансовая информация, персональные данные и т.п.

Однако информация корпоративного сегмента не является основной целью такого типа злоумышленников. Основная их цель при атаке на предприятие ТЭК – осуществление возможности влиять на производственные и технологические процессы.

Следовательно, злоумышленники предпримут усилия для проникновения в технологический сегмент сети, получения доступа к АСУ ТП, SCADA (от англ. Supervisory control and data acquisition – «диспетчерское управление и сбор данных»), промышленным контроллерам, системам автоматических блокировок, терминалам релейной защиты и прочим технологическим ресурсам, откуда осуществляется управление промышленными системами.

При этом могут быть реализованы три сценария дальнейшего развития атаки:

– непосредственная ее реализация в виде вмешательства в логику работы защитной автоматики и создания нештатной ситуации, например, отключение подачи электроэнергии потребителям;

– сохранение скрытого присутствия до тех пор, пока не поступит команда на переход к активным действиям от организаторов кибератаки;

– окончание изучения путей доступа к целевым объектам контроля и воздействия, завершение деятельности для снижения риска обнаружения и обеспечение возможности более позднего возврата.

Необходимо отметить, что, несмотря на предпринимаемые в последнее время Минэнерго Российской Федерации усилия по разработке единых «правил» информационной безопасности энергообъектов в России, до сих пор вопросы выбора технологий для киберзащиты энергообъектов, их поставщиков и др. не определены достаточно четко.

---

[160] См.: Белые хакеры ЦПС: Любой специалист по кибербезопасности энергообъектов должен знать МЭК 61850. – URL: http://digitalsubstation.com/blog/2015/11/30/belye-hakery-kaspersky-ctf/ (дата обращения 23.04.2021); Санкции нацелились на российскую энергетику. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/3932622 (дата обращения 23.04.2021); Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 328 «Об утверждении государственной программы РФ «Развитие промышленности и повышение конкурентоспособности»». –URL: https://2020-god.com/programma-importozameshheniya-v-rossii-do-2020-goda/. (дата обращения 17.04.2021).

Принимая во внимание представленную здесь информацию, сформулируем общие направления совершенствования деятельности в области обеспечения безопасности объектов энергетики Российской Федерации от кибератак и деструктивного воздействия.

Исходными данными для рассмотрения являются составные части или подсистемы национальной безопасности в сфере энергетики:

– организационно-правовая защита, под которой понимается совокупность работы по организации режимных мероприятий, выявлению и анализу угроз безопасности, работы с сотрудниками и нормативной документацией и др., выполняемая в соответствии с требованиями соответствующих нормативно-правовых документов;

– физическая защита, предполагающая реализацию комплекса мероприятий по обеспечению безопасности энергетических объектов от реального проникновения на их территорию злоумышленников, преступных группировок и террористов;

– кибербезопасность, являющаяся в эпоху цифровизации энергетики неотъемлемой частью общей ее безопасности и заключающаяся в обеспечении мер защиты информационной инфраструктуры, поддерживающей деятельность энергетических объектов, от информационных угроз.

Из предложенного перечня можно считать физическую защиту находящейся в постоянной готовности к противодействию злоумышленной и преступной активности и в постоянной готовности к отражению таковых усилий. Начиная с самого создания энергетической отрасли и до настоящего времени данный вид безопасности всегда находится в фокусе внимания руководства отраслью и объектами, постоянно совершенствуется как организационно, так и технически.

В качестве направлений совершенствования физической защиты объектов ТЭК от деструктивного воздействия предлагаются следующие:

– достижение соответствия сил и средств физической защиты объектов энергетики динамике изменения и трансформации современных террористических угроз;

– планомерное и активное внедрение современных технических средств контроля и охраны на энергетических объектах в целях повышения эффективности и перехода на новые технологии (пример: замена боновых заграждений на гидротехнических сооружениях объектов энергетики на гидролокационные, магнитометрические системы обнаружения нарушителей, радиолокационные средства контроля надводной обстановки с организацией единого центра мониторинга, сбора и обработки информации);

– совершенствование методов и средств удаленного мониторинга систем безопасности объектов энергетики;

– обеспечение безопасного сетевого и информационного взаимодействия технических средств охраны с органами управления энергетических объектов.

Организационные методы обеспечения безопасности объектов энергетики, так называемая организационно-правовая защита, в исчерпывающей мере реализованы в части физической защиты. Это становится понятно из анализа документов причем последний, представляющийся весьма важным, так и не вступил в силу[161].

В качестве направлений совершенствования организационно-правовой защиты объектов ТЭК предлагаются следующие:

– формирование единой культуры безопасности у руководителей и основных должностных лиц, управляющих функционированием объектов ТЭК;

– разработка Минэнерго России нормативно-правового документа (-ов) в области защиты информационных и телекоммуникационных систем объектов ТЭК от киберугроз, согласованного с органами исполнительной власти, регулирующими вопросы данной сферы;

– активизация работы по категорированию значимых объектов критической информационной инфраструктуры (КИИ) ТЭК в соответствии с Федеральным законом «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса», Федеральным законом «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации», Приказом ФСТЭК России «Об утверждении требований к созданию систем безопасности значимых объектов КИИ Российской Федерации и обеспечению их функционирования», и включение их в Реестр значимых объектов КИИ РФ[162].

Что касается кибербезопасности объектов энергетики, то основным вектором в данной сфере обеспечения безопасности в достаточно длительной перспективе будет высокая степень динамичности и проблемности прогнозирования угроз безопасности. Поэтому можно предсказать тенденцию запаздывания в официальном, т.е. на уровне нормативных

---

[161] См.: Федеральный Закон 256-ФЗ от 06.07.2011 г. «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса» // Официальный интернет-портал правовой информации. 24.04.2020, № 0001202004240020. – URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения 14.08.2021); Приказ Министерства энергетики РФ от 6 ноября 2018 г. № 1015 «Об утверждении требований в отношении базовых (обязательных) функций и информационной безопасности объектов электроэнергетики при создании и последующей эксплуатации на территории Российской Федерации систем удаленного мониторинга и диагностики энергетического оборудования». – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/ prime/doc/ 72076552/ (дата обращения 27.08.2021).

[162] См.: Федеральный закон 256-ФЗ от 06.07.2011 г. «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса» // Официальный интернет-портал правовой информации. 24.04.2020. №0001202004240020. – URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения 14.08.2021);

требований и формирования управляющих воздействий, реагировании на новые киберугрозы и кибервызовы.

Таким образом, реальным представляется наличие некоторого временного промежутка между появлением новой угрозы и надежным ее парированием, в течение которого можно предположить возможность нанесения энергетическим объектам Российской Федерации реального ущерба, хотя имеются тенденции к его сокращению[163].

Направления совершенствования кибербезопасности объектов ТЭК можно обозначить следующим образом:

– создание отраслевого органа по координации деятельности по отражению кибератак, сбору, анализу и обобщению информации об угрозах и уязвимостях информационных систем объектов ТЭК, например «Центр кибербезопасности ТЭК Российской Федерации»;

– информационное и консультационное взаимодействие отраслевого Центра кибербезопасности ТЭК с Национальным координационным центром по компьютерным инцидентам (НКЦКИ) ФСБ России;

– переход в ближайшие 2–3 года на использование полностью отечественного программного обеспечения как системного, так и прикладного, применяемого для автоматизации технологических и управленческих процессов в информационных и телекоммуникационных системах объектов ТЭК;

– создание в эти же сроки механизмов сертификации аппаратной части информационных и телекоммуникационных систем объектов ТЭК и их элементной базы, позволяющей достичь высокого уровня доверия к их безопасности по критериям отсутствия несанкционированного доступа к конфиденциальной информации (НСД) и недекларированных возможностей (НДВ).

Исследование внешних и внутренних условий развития ТЭК России, включая процессы энергетического перехода, дальнейшего технологического развития в сфере энергетики, а также воздействия на мировую энергетику пандемии COVID-19 и вызванного ею экономического кризиса, мониторинг основных тенденций и факторов развития глобальной энергетики, анализ прогнозов ожидаемой структуры перспективного мирового энергетического баланса дают основание утверждать, что в краткосрочной перспективе (в период до 2025 г.) основными угрозами энергетической безопасности России останутся внешние угрозы – внешнеэкономические, внешнеполитические и военно-политические. Их действие в первую очередь

---

[163] См.: Указ Президента РФ от 15 января 2013 г. № 31с «О создании государственной системы обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы Российской Федерации». – URL: https://www.garant. ru/products/ipo/prime/doc/70199068/ (дата обращения 06.04.2021); Концепция государственной системы обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы Российской Федерации, утвержденная Президентом РФ 12 декабря 2014 г. № К 1274. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181661/ (дата обращения 09.04.2021).

будет направлено на срыв экспортных обязательств России и дестабилизацию как внутреннего энергообеспечения, так и всей экономики страны.

Внешние угрозы через механизм санкционного давления, усиливая действие внутренних факторов, обострят и могут довести до критических параметров такие угрозы, как дефицит инвестиций в ТЭК и низкая инновационная активность в энергетике и смежных отраслях. Последняя, в свою очередь, приведет к отставанию в освоении критических технологий. Отставанию особенно чувствительному в условиях ограниченного доступа к их импорту.

Российскому государству и обществу, в условиях значительной неопределённости дальнейшего развития ситуации, нужно быть готовым к любому повороту событий[164] не падать духом и понимать, что «спасение утопающих – дело рук самих утопающих». Но чтобы быть к нему готовым, надо прежде всего иметь (и непрерывно развивать!) соответствующий научно-технический и кадровый потенциал, совершенствовать структуру экономики.

Наступивший глобальный кризис должен стать тем толчком или той последней каплей, которые заставят нас сделать реальные шаги в направлении преодоления сырьевой зависимости российской экономики. Зависимости, которая является обратной стороной уровня её технологического развития и которую можно преодолеть только путём формирования инновационной экономики на базе наукоёмкого промышленного производства. Этот кризис должен стать дополнительным доводом в принятии всех возможных мер по ускоренной диверсификации российской экономики, обеспечению развития нефтегазохимии и других отраслей, связанных с глубокой переработкой природных ресурсов. В сложившихся условиях для России видится лишь одна возможность сохранения себя как великой державы – ускоренный переход на рельсы ресурсно-инновационного устойчивого развития[165].

И, конечно же, надо понимать, что «подушка безопасности» – это не только «кубышка с деньгами на чёрный день», но и наука, технологии и специалисты, способные грамотно их использовать, поскольку только они в современных условиях могут стать гарантами сохранения независимости страны и развития общества.

Естественно, в краткосрочной перспективе не ослабнет и не перестанет существовать действие и других внутренних угроз экономического и социально-политического характера, а также техногенных и природных

---

[164] См.: *Мастепанов А.М.* Мир на изломе или новая реальность: о прогнозах развития энергетики и её нефтегазовой отрасли // Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом. 2020. № 5. С. 9–10.

[165] См.: *Мастепанов А.М.* Большие циклы и «чёрные лебеди»// Энергетическая политика. 2020. № 6 (148), июнь. С. 4–19.

угроз, но с учётом принимаемых мер и ранее созданного потенциала такие угрозы, по всей видимости, не обретут критический характер.

Низкая инновационная активность, технологическое отставание и нехватка высококвалифицированных кадров станут основными угрозами энергетической безопасности России уже в среднесрочной перспективе (до 2025–2030 гг.). В этот же период, если не будут приняты соответствующие меры, следует ожидать обострения и такой угрозы энергетической безопасности, как высокая энергоемкость отечественной продукции и энергорасточительность российской экономики. Для её нейтрализации необходима федеральная целевая программа повышения энергоэффективности, нужны налоговые стимулы снижения энергоёмкости в тех секторах экономики, где Россия существенно отстаёт от других, сопоставимых по условиям, государств.

Что касается более отдалённой перспективы, то на первый план вновь выдвинутся внешние угрозы, обусловленные процессами энергетического перехода и стремлением всё большего числа стран достичь к середине века углеродно-нейтрального состояния.

Безусловно, нефть, как и другие виды углеводородных энергоресурсов, будет нужна человечеству и через 20, и через 30 лет, но в гораздо меньших объёмах и дешёвая. Смогут ли наши нефтяные компании предложить мировому рынку такую нефть? Смогут ли они успешно конкурировать на нём с ближневосточными производителями?

Решением этих вопросов может стать целенаправленная разработка новейших, прорывных технологий, которые позволят на имеющихся ресурсах резко – в разы, а не на проценты – снизить издержки добычи.

В настоящее время существует вполне реальная опасность поддаться нарастающему психозу «углеродной нейтральности» и отказаться от дальнейшего масштабного развития угольной и нефтяной промышленности, тепловой электроэнергетики, других «грязных» производств. С другой стороны – есть опасность отрицать саму идеологию энергетического перехода и продолжать вкладывать сотни и сотни миллиардов рублей в проекты, которые никогда не окупятся, поскольку их продукция просто не будет востребована потребителем,

Для того чтобы руководство и собственники нефтегазовых и угольных компаний имели максимально чёткие ориентиры для своей перспективной деятельности, необходим постоянный мониторинг всей энерго-экономической ситуации в мире, мониторинг, проводимый высококвалифицированными отечественными специалистами. Его создание должно стать одной из первоочередных задач государства в сфере обеспечения энергетической безопасности.

2.10. Вызовы и угрозы в экологической сфере

На протяжении всей истории люди сталкивались с неблагоприятными экологическими условиями. Причины, их порождающие, имеют как природный (стихийные бедствия), так и антропогенный характер. Поэтому неудивительно, что по мере развития общества вместе с индустриализацией, урбанизацией и ускорением научно-технического прогресса проблемы загрязнения воды, воздуха и т.д. постепенно превратились в серьезные экологические проблемы ухудшения состояния окружающей среды. Обеспокоенность ученых-экологов, общественных деятелей и политиков нашла отражение в декларации Стокгольмской конференции Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей человека среды в 1972 году, где было провозглашено, что «сохранение и улучшение качества окружающей человека среды является важной проблемой, влияющей на благосостояние народов и экономическое развитие всех стран мира; это является выражением воли народов всего мира и долгом правительств всех стран»[166]. Однако, несмотря на предпринимаемые международным сообществом усилия, в последние десятилетия экологические проблемы приобрели глобальный характер и занимают видное место в повестке дня международной политики.

Россия выполняет взятые на себя международные обязательства по «экологическим» конвенциям: Хельсинкской, Стокгольмской, Бернской. В соответствии с Экологической доктриной Российской Федерации, одобренной распоряжением Правительства РФ 31 августа 2002 г. № 1225-р, устойчивое развитие Российской Федерации, высокое качество жизни и здоровья ее населения, а также национальная безопасность могут быть обеспечены только при условии сохранения природных систем и поддержания соответствующего качества окружающей среды. Основным документом, определяющим экологическую безопасность как составную часть национальной безопасности, является «Стратегия экологической безопасности Российской Федерации до 2025 года», утверждённая указом Президента от 19 апреля 2017 г. № 176[167]. Этот документ определяет «основные вызовы и угрозы экологической безопасности» и единую государственную политику в «сфере обеспечения экологической безопасности». Серьезное внимание состоянию природных ресурсов, здоровью экосистем и экологической безопасности уделяется и в других документах федерального уровня.

---

[166] Декларация Конференции Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей человека среды. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declarathenv.shtml (дата обращения 12.04.2021).

[167] Стратегия экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года. Утв. Указом Президента Российской Федерации от 19 апреля 2017 г. № 176. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/41879 (дата обращения 11.02.2021).

Для понимания как природы возникающих угроз экологической безопасности, так и самой возможности развития, без нанесения окружающей среде необратимого катастрофического вреда, необходимо понимание сущности взаимодействия человека с окружающей средой. С прагматической точки зрения окружающая среда для человеческой (и других видов) популяции выполняет три функции.

Во-первых, окружающая среда дает нам ресурсы, необходимые для жизни – от чистого воздуха и воды до еды и жилья, а также природные ресурсы, предоставляя нам то, что экологи называют «основой жизнеобеспечения» человеческого общества и исполняя функцию «хранилища ресурсов». Она обеспечивает нас как возобновляемыми, так и не возобновляемыми ресурсами, но чрезмерное использование и тех и других может привести к их дефициту (нехватка чистой воды, нехватка природных ископаемых и т.д.).

Во-вторых, окружающая среда выполняет функцию «хранилища отходов», либо абсорбируя, либо перерабатывая их в полезные или, по крайней мере, безвредные вещества. Когда отходы (например, городские сточные воды или производственные выбросы) превышают способность окружающей среды поглощать их, происходит загрязнение воды и воздуха.

В-третьих, окружающая среда является нашей «средой обитания» – это место, где мы живем и работаем. Таким образом, третья функция окружающей среды – обеспечение «жизненного пространства» для человеческого населения. Когда мы чрезмерно используем определенное жилое пространство – от города до всей Земли, – возникает проблема перенаселенности.

Эти три функции взаимосвязаны: в своей взаимозависимости, противоречивости и несовместимости. Чрезмерное использование одной из функций приводит к возникновению экологических «проблем и угроз» в виде загрязнения, нехватки ресурсов и перенаселенности. Несовместимость между функцией «жизненного пространства» и функцией «хранилища отходов» очевидна, например, использование земли для свалки делает ее непригодной для проживания. Точно так же, если опасные материалы сбрасываются в воду или на свалки, то этот район больше не может выполнять функцию «хранилища ресурсов» питьевой воды или сельскохозяйственных продуктов. Преобразование сельскохозяйственных угодий или лесов в жилые районы создает больше жизненного пространства для людей, но означает, что земля больше не может служить «хранилищем ресурсов» продуктов питания или древесины или средой обитания диких животных, а последнее ведет к потере биоразнообразия. Только тогда, когда эти три функции находятся в динамическом равновесии, окружающая среда может их выполнять. Точнее будет сказать, что экосистемы и протекающие в них процессы обеспечивают эти три функции для человека и других живых организмов. Превышение способности экосистемы выполнять какие-либо из этих трех функций может нарушить не только ее способность выполнять

оставшиеся функции, но и вообще продолжать функционировать[168]. Ярким примером чрезмерного (нерационального) водопользования является обмеление и гибель экосистемы Аральского моря вплоть до полного ее исчезновения в результате промышленного загрязнения и забора воды для нужд сельского хозяйства.

Только подход, основанный на изучении экологического состояния экосистем, позволяет оценить уровень экологической опасности и сделать прогноз. В качестве меры, которая охватывает все три функции окружающей среды, при анализе и прогнозе используется понятие нагрузки, которую люди возлагают на глобальную экосистему[169]. Результаты показывают, что в настоящее время люди предъявляют больше требований – с точки зрения использования ресурсов, образования отходов и землепользования, – чем это можно сделать в долгосрочной перспективе[170]. Это означает, что нынешнее население с его образом жизни истощает невозобновляемые ресурсы, такие как ископаемое топливо; создает нехватку возобновляемых ресурсов, таких как пресная вода, рыба и морепродукты, леса и т.д.; накапливает загрязнения особенно опасных отходов[171]. Другими словами, население Земли превышает долговременную емкость глобальной экосистемы. Необходимо отметить, что экономически развитые страны внесли непропорционально больший вклад в создание современных проблем глобальной экосистеме, используя ресурсы общего пользования (океаны и атмосферу), от которых зависят все страны, при этом задействуя более бедные страны в качестве хранилища отходов[172]. Экологи считают, что из сложившейся ситуации есть два выхода – самоограничение и устойчивое развитие. Только так можно достичь равновесия между оскудевающими возможностями Земли и растущими потребностями человечества. Возможно, нынешнюю экологически неустойчивую траекторию развития человечества можно изменить, но это потребует эффективных социальных и политических действий всех стран.

Оценка текущего состояния экологической безопасности России дана в «Стратегии экологической безопасности Российской Федерации до 2025 года», где отмечается, что состояние окружающей среды на наиболее

---

[168] См.: *DeGroot R.S., Wilson M.A., Boumans R.M.J.* A typology for the classification, description and valuation of ecosystem functions, goods and services // Ecological Economics. 2002. Vol. 41. P. 393–408.

[169] См.: *Haberl H., Wackernagel M., Krausmann F. et al*. Ecological footprints and human appropriation of net primary production: a comparison // Land Use Policy. 2004. Vol. 21. P. 279–288.

[170] См.: *Kitzes J., Wackernagel M., Loh J. et al.* Shrink and share: humanity's present and future footprint // Philosophical Transactions of the Royal Society. 2008. Vol. 363. P. 467–475.

[171] См.: Dunlap R.E., York R. The globalization of environmental concern and the limits of the post-materialist explanation: evidence from four cross-national surveys // Sociological Quarterly. 2008. Vol. 49. P. 529–563.

[172] См.: *Jorgenson A.* Unequal ecological exchange and environmental degradation: a theoretical proposition and cross-national study of deforestation, 1990–2000 // Rural Sociology. 2006. Vol. 71. P. 685–712.

экономически развитых территориях России «оценивается как неблагополучное по экологическим параметрам»[173]. С ростом индустриализации и развитием сельского хозяйства неблагоприятные и даже катастрофические изменения происходили во всем мире, что привело к глобальному распространению местных и региональных экологических проблем.

Полноценная идентификация угроз экологической безопасности (далее – угрозы) необходима для обоснованного планирования и эффективного осуществления мер экологической безопасности.

Федеральное законодательство[174] предусматривает определение научно обоснованных угроз в рамках процедуры стратегического прогнозирования. Однако в реализуемых стратегиях оценка угроз обычно дается неполно, избирательно, без анализа корневых причин их формирования. Поэтому в ходе реализации стратегических приоритетов появляются новые факторы, которые ограничивают достижение целей общественного развития, становятся шоком для участников стратегического процесса. В 2020 году, по данным журнала «Россия в глобальной политике», таким шоком стали: «падение нефтяных цен на мировом рынке»; «распространение коронавирусной инфекции»; «снижение зарубежного спроса на отечественные товары» [175]. Тем самым были обусловлены кризисная ситуация в экономике и социальной сфере, масштабные трансформации во внешней и внутренней политике. Их причиной является зависимость России от глобальных процессов, в том числе от действий других стран, в которых находятся центры принятия управленческих решений по вопросам ценообразования на российские товары (нефть, зерно, металлы, удобрения и др.).

В соответствии с российским законодательством[176] объектами экологической безопасности являются природная среда и человек, его интересы, а также явления и процессы, сопровождающие их взаимоотношения.

---

[173] Стратегия экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года. Утв. Указом Президента Российской Федерации от 19.04.2017 г. № 176. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/41879 (дата обращения 11.09.2021).

[174] См.: Федеральный закон от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». Ст. 3, п. 5. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/38630 (дата обращения 13.09.2021).

[175] *Медведев Д.А.* Сотрудничество в сфере безопасности в период пандемии нового коронавируса. Журнал «Россия в глобальной политике». 2020. № 4. Июль/Август. – URL: https://globalaffairs.ru/articles/bezopasnost-v-period-pandemii/ (дата обращения 21.09.2021).

[176] См.: Стратегия экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года. Утв. Указом Президента РФ от 19.04.2017 г. № 176. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/41879 (дата обращения 11.09.2021); Федеральный закон от 10.01.2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды». Ст. 1. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/17718 (дата обращения 21.09.2021); Федеральный закон от 28.12.2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности». Ст. 2, п. 1. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/32417 (дата обращения 17.09.2021); О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 // Рос. газ. 2021. 3 июля; *Путин В.В.* Выступление на Санкт-Петербургском экономическом форуме. 07.06.2019 г. – URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/60707 (дата обращения 25.09.2021).

В ст. 1 Федерального закона «Об охране окружающей среды» определено, что экологическая безопасность – это состояние защищенности природной среды, а также жизненно важных интересов человека от возможного негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности и их последствий.

В п. 1 ст. 2 Федерального закона «О безопасности» предусмотрено, что соблюдение и защита прав и свобод человека является основным принципом обеспечения безопасности.

В ст. 42 Конституции Российской Федерации гарантированы права граждан на возмещение ущерба, причиненного здоровью или имуществу экологическим правонарушением.

В п. 83 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (далее – базовая стратегия) и п. 24 Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года (далее – отраслевая стратегия) декларировано, что целью экологической безопасности является обеспечение благоприятной для жизни человека окружающей среды.

В связи с тем, что методология и порядок анализа угроз четко не регламентированы, в системе обеспечения экологической безопасности возникают проблемные ситуации:

– в документах стратегического планирования угрозы определяются по разным критериям;

– фактически в характеристиках угроз учитываются только факторы воздействия на природную среду;

– кризисные явления в общественном развитии, ущерб личности и обществу, связанные с нерациональным природопользованием, загрязнением окружающей среды не учитываются в характеристиках угроз.

Эти несоответствия влияют на качество планирования и эффективность мер по обеспечению экологической безопасности.

В базовой стратегии определены «проблемы в области экологии», в том числе: истощение запасов природных ресурсов, неэффективное природопользование и наличие экологически неблагополучных территорий. Угрозы отождествляются с институциональными условиями, деятельностью отраслей, факторами изменения качества окружающей среды. Рассматриваются экологические аспекты природопользования и не определяются социально-экономические, медико-биологические и иные последствия, которые связаны с нерациональным природопользованием, загрязнением окружающей среды. Именно они представляют наибольшую опасность для личности, общества и государства. Известно, что истощение запасов природных ресурсов приводит к кризисным ситуациям в экономике; экологически неблагополучные территории представляют критическую опасность для устойчивой жизнедеятельности местных общин, а загрязнение окружающей среды создает угрозу для здоровья и жизни людей. Однако признаки такого ущерба и вреда в базовой стратегии не определяются.

В отраслевой стратегии рассматриваются глобальные и внутренние вызовы, а также внешние угрозы. Глобальные вызовы связывают с планетарными природными процессами. К внутренним вызовам относят процессы и факторы национального масштаба, включая загрязнение компонентов окружающей среды, деятельность отраслей и производств, недостатки государственного управления и регулирования. Внешние угрозы связывают с трансграничными природными и экологическими процессами. Глобальные процессы и иные события, связанные с нерациональным природопользованием, неэффективным управлением и регулированием, классифицируются в виде «вызовов» без анализа социально-экономических и экологических последствий, т.е. без определения реальных опасностей, без установления ущерба для экологического и социально-экономического развития.

Отсутствие универсального инструментария анализа угроз влияет на эффективность функционирования системы обеспечения экологической безопасности:

– реализуемые мероприятия ориентируются не на устранение исходных причин угроз, а на ликвидацию последствий кризисных ситуаций, что обусловливает рост бюджетных расходов на отраслевые нужды;

– отмечается накопление экологического вреда, повторение опасных природно-экологических ситуаций на одних и тех же территориях;

– сохраняются высокие риски нанесения вреда здоровью и имуществу населения.

В базовой и отраслевой стратегиях в характеристиках угроз и их аналогов (проблем, вызовов) представлено более трех десятков факторов, которые характеризуют состояние экологической безопасности Российской Федерации. Эти факторы относятся к четырем категориям: глобальные объективные процессы (Ф1), институциональные условия (Ф2), факторы отраслевой деятельности (Ф3), факторы экологического воздействия на окружающую среду (Ф4).

Ф1. Глобальные природные и экологические процессы:

– изменение климата;

– сокращение запасов природных ресурсов (минерально-сырьевых, водных и биологических); ухудшение состояния окружающей среды;

– трансграничный перенос загрязняющих, в том числе токсичных и радиоактивных, веществ с территорий других государств;

– перемещение на территорию Российской Федерации возбудителей инфекционных заболеваний;

– сокращение биологического разнообразия биосферы.

Ф2. Институциональные условия:

– проведение в отношении Российской Федерации политики сдерживания и ограничения доступа к иностранным экологически чистым инновационным технологиям, материалам и оборудованию;

– преобладание в экономике добывающих и ресурсоемких отраслей;

– неэффективное и «хищническое» природопользование;

– недостаточная эффективность государственного контроля за состоянием окружающей среды и соблюдением экологических нормативов хозяйствующими субъектами;

– большой удельный вес теневой экономики в сфере использования природных ресурсов;

– существенная криминализация и наличие теневого рынка в сфере природопользования;

– недостаточное финансирование государством и хозяйствующими субъектами мероприятий по охране окружающей среды;

– нецелевое и неэффективное использование средств, поступающих в качестве платы за негативное воздействие на окружающую среду;

– низкий уровень экологического образования и экологической культуры населения.

Ф3. Хозяйственная и иная деятельность:

– наличие значительного количества экологически опасных производств;

– нехватка мощностей по очистке атмосферных выбросов, промышленных и городских сточных вод, по утилизации твердых отходов производства и потребления;

– высокая степень износа основных фондов опасных производственных объектов;

– лесные пожары;

– низкий уровень разработки и внедрения экологически чистых технологий;

– перераспределение стока трансграничных водотоков; создание препятствий для миграции животных, в том числе водных; несанкционированная добыча (вылов) водных биологических ресурсов;

– отстрел мигрирующих видов животных;

– ведение экологически неоправданной хозяйственной и иной деятельности;

– попытки размещения на территории Российской Федерации экологически опасных производств, а также отходов производства и потребления иностранными компаниями;

– импорт продукции, представляющей повышенную опасность, в том числе после утраты потребительских свойств.

Ф4. Факторы изменения качества окружающей среды:

– наличие загрязненных территорий с нарушенными экосистемами;

– загрязнение водных объектов и снижение качества воды;

– техногенное загрязнение подземных вод в районах размещения крупных промышленных предприятий;

– формирование объектов накопленного экологического вреда окружающей среде;

– развитие процессов деградации земель и почв;

– сокращение видового разнообразия животного мира.

Анализ показывает, что характеристика угроз в документах стратегического планирования даётся без учета воздействия факторов окружающей среды на социально-экономическое развитие, на качество жизни населения. Такой подход отличается от лучших мировых практик, в которых характеристика проблем и угроз рассматривается комплексно в трех измерениях:

– определяются параметры качества окружающей среды (экологическое измерение);

– проводится анализ влияния факторов окружающей среды на качество жизни населения (социальное измерение);

– дается оценка воздействия природных и экологических факторов на объекты хозяйства, на экономический рост (экономическое измерение).

Преимущество комплексного подхода заключается в том, что на основе определения факторов Ф1, Ф2, Ф3 и Ф4 можно проследить весь путь формирования угрозы от ее корневой причины до непосредственных, видимых социально-экономических последствий и тем самым установить ущерб, личности, обществу, государству от неблагоприятного воздействия факторов окружающей среды. Соответствующие факторы (причины) могут служить сигналами, аргументами и обоснованиями для планирования осуществления адресных мер по устранению угроз.

В связи с тем, что в действующих документах стратегического планирования в характеристиках угроз отсутствуют данные о влиянии факторов окружающей среды на общественное развитие, на жизнедеятельность человека, реализуемые меры безопасности преимущественно ориентированы на решение ведомственных задач (создание очистных сооружений, экологическая реабилитация территорий, использование природных ресурсов и т.д.). Так, например, из 34 мероприятий, представленных в п. 26 отраслевой стратегии, только два мероприятия предусматривают оказание услуг населению, а именно в части экологического образования и обеспечения информацией о состоянии окружающей среды. Это не соответствует потребностям личности и общества в сфере обеспечения экологической безопасности.

К актуальным запросам общества относятся задачи и меры межведомственного и межуровневого характера: снижение заболеваемости населения в городах с экстремальным загрязнением (химическим, биологическим и др.); уменьшение ущерба объектам экономики и социальной сферы в результате развития опасных природных процессов и чрезвычайных ситуаций; предотвращение и возмещение материального ущерба населению от наводнений, лесных пожаров. Однако такие задачи и меры в отраслевой стратегии не рассматриваются, что является пробелом в стратегическом планировании.

Следует отметить, что в базовой стратегии одним из национальных интересов и приоритетов является «охрана окружающей среды, сохранение

природных ресурсов и рациональное природопользование, адаптация к изменениям климата»[177]. В отраслевой стратегии необходимо прописать адекватные способы реализации данного приоритета.

Климат и экология стали факторами мирового развития, проблемами, чреватыми масштабными потрясениями[178]. С 70-х годов XX века по настоящее время потребление энергетических ресурсов (угля, нефти, газа) в мире увеличилось более чем в 2,5 раза. По оценкам Программы ООН по окружающей среде, количество земли, необходимой для обеспечения продуктами одного человека, составляет 21,9 гектара.

Сейчас этот показатель, в связи с ростом численности населения, достигает величины 15,7 гектара на человека. В странах Западной Европы критической проблемой является дефицит плодородных земель и энергоресурсов, в Африке и на Ближнем Востоке – недостаток водных ресурсов, в США – чрезмерное загрязнение окружающей среды, что стимулировало перевод «грязных» производств в другие страны.

Рост энерго- и ресурсопотребления является основной причиной истощения природного потенциала и загрязнения окружающей среды. Эта тенденция сохранится в XXI веке с замещением угля и нефти природным газом и увеличением потребления редких минеральных компонентов, а также использованием искусственных материалов. Следствием этого станут растущие экологические деформации и климатические изменения, которые будут угрожать социально-экономическому благополучию многих стран.

Глобальные трансформации, обусловленные природными и экологическими процессами, влияют на внешнюю и внутреннюю политику государств. Эта политика ориентирована на создание и сохранение конкурентных преимуществ наиболее развитых стран и транснациональных корпораций. Во многих странах эколого-ориентированную модель развития стали учитывать для продвижения передовых технологий, новых продуктов и услуг на мировых рынках.

Страны-импортеры ресурсов, реализующие эту модель, приобретают сравнительно больше возможностей для доминирования в мировой политике и экономике, чем страны, богатые ресурсами и ориентирующиеся на их экспорт. Страны-импортеры реализуют специальные программы по предоставлению кредитов, грантов, оказанию экономической и гуманитарной помощи развивающимся и отсталым странам. Тем самым они стремятся создать условия для реализации своих политических и экономических интересов, одновременно получив доступ к ресурсам и рынкам других стран.

В ближайшей перспективе можно ожидать развитие двух тенденций:

---

[177] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // Рос. газ. 2021. 3 июля.

[178] См.: *Кочемасова Е.Ю.* Стратегическое планирование России в условиях глобальных трансформаций. М.: ЛЕНАНД, 2020. С. 208.

– возрастание соперничества между странами в создании технологической базы с ростом политической и военной напряженности между ними и в регионах, где сохраняется природно-сырьевой потенциал для будущего развития;

– усиление противопоставления моделей общественного развития в целях повышения конкуренции национальных экономик[179].

Для Российской Федерации эти тенденции являются стратегическими вызовами. Природно-ресурсный потенциал России позволяет ей полностью удовлетворять внутренний спрос и развивать экспорт сырьевых ресурсов. Однако в современных условиях развитие производительных сил осуществляется преимущественно на основе привлечения частного, в том числе иностранного, капитала. Такое развитие обусловливает зависимость национальной экономики от мировых рынков и политики стран, осуществляющих контроль над рынками.

Экстенсивное развитие естественных производительных сил способствует увеличению техногенной нагрузки на природные территории, накоплению экологического вреда, обусловливает рост рисков для здоровья населения в результате загрязнения окружающей среды.

Проблему рационального природопользования в России в рыночных условиях первоначально предусматривалось решать путем организации экологически обоснованного размещения производительных сил, осуществления хозяйственной деятельности в пределах ассимиляционной емкости естественных экосистем[180]. Однако реализация этого приоритета была фактически отложена в связи с бюджетными ограничениями и необходимостью решения первоочередных социально-экономических задач.

В Основах государственной политики в области экологического развития России на период до 2030 года[181] была декларирована необходимость формирования «экологически ориентированной модели развития экономики», но параметры этой модели и алгоритм реализации не были определены. Отсутствие такой модели обусловливает доминирование экстенсивного развития производительных сил без учета экологической емкости уязвимых к техногенным воздействиям естественных экосистем. Эта проблема в наибольшей степени проявляется в области планирования пространственного развития.

---

[179] См.: *Кочемасова Е.Ю.* Стратегическое планирование России в условиях глобальных трансформаций. М.: ЛЕНАНД, 2020. С. 208.

[180] См.: Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию. Утв. Указом Президента Российской Федерации от 01.04.1996 г. № 440. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/9120 (дата обращения 11.03.2021).

[181] Основы государственной политики в области экологического развития России на период до 2030 года. Утв. Президентом Российской Федерации 30.04.2012 г. – URL: http://kremlin.ru/events/president/news/1517 (дата обращения 14.08.2021).

В Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года[182] не определена первичность сохранения естественных экосистем по отношению к развитию территориально-производственных комплексов, функционирование которых зависит от средо- и ресурсообразующих функций этих экосистем. Это в корне отличается от политики стран, реализующих эколого-социоэкономическую модель устойчивого развития. При эколого-ориентированном подходе объектом изучения, управления является экосистема и её способность ассимилировать (поглощать, нейтрализовать) вредные субстанции (загрязнения). По причине отсутствия эколого-ориентированного подхода к пространственному развитию в России практика экологического зонирования и установления экологически обоснованных режимов природопользования не получила обязательного применения, а стратегическая экологическая оценка инфраструктурных проектов, практикуемая в других странах, не регламентирована российскими нормативными правовыми актами.

Экономика Российской Федерации в условиях отсутствия алгоритма и регламента стратегической оценки глобальных трансформаций становится уязвимой для недобросовестных конкурентов. Отсутствие инструментария экологической оценки привело к тому, что в 2000-х годах в результате поспешной реализации Монреальского протокола по веществам, разрушающим озоновый слой, в России была необоснованно ликвидирована экологически безопасная холодильная отрасль промышленности. Эта проблема заставила Российскую Федерацию уступить другим странам четвертую часть мирового рынка фреоновых хладагентов. Сейчас импорт холодильной техники в Россию превышает 1,15 млрд долл. США.

Масштабные экономические последствия могут быть связаны с реализацией Парижского соглашения по климату. Европейский союз в рамках выполнения этого соглашения предусматривает применение углеродного налога, а также внедрение системы торговли квотами на выброс парниковых газов. Российские предприятия, ориентированные на экспорт своей продукции, в ближайшей перспективе могут столкнуться с серьезными финансовыми проблемами, так как попадут под действие европейских налогов. Возможно также снижение инвестиционной активности из-за политики международных фондов, планирующих ограничить финансирование «грязных» технологий и проектов. Эти меры нацелены на защиту интересов и поддержку европейских производителей, которые уже платят налог на выбросы диоксида углерода. После введения углеродного налога, по оценкам консалтинговой компании Boston Consulting Group, российские экспортеры могут потерять до 4,8 млрд долл. в год.

---

[182] Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. Утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 13.02.2019 г. № 207-р. – URL: http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201701160039.pdf (дата обращения 15.03.2021).

Современные экологические вызовы и угрозы были затронуты Президентом России В.В. Путиным на втором рабочем заседании «Изменение климата и окружающая среда» ежегодного саммита «Группы двадцати», который прошёл в Риме 30–31 октября 2021 года. В своем выступлении В.В. Путин, в частности, отметил: «Россия, как и другие страны, испытывает на себе негативные последствия глобального потепления, мы сталкиваемся с опустыниванием, эрозией почв, особенно нас беспокоит таяние вечной мерзлоты, на которую приходится значительный объём нашей территории. Среднегодовая температура в России растёт быстрее общемировой – более чем в 2,5 раза. За 10 лет она увеличилась почти на полградуса. В Арктике скорость потепления ещё выше»[183].

В настоящее время Российская Федерация активно и инициативно участвует в международных усилиях по сохранению климата, выполняет все взятые на себя обязательства по Рамочной конвенции ООН об изменении климата и Парижскому соглашению. В стране последовательно реализуется политика по снижению чистой эмиссии парниковых газов, предпринимаются шаги с целью повышения энергоэффективности экономики, модернизации электроэнергетики, сокращения выбросов попутного газа при добыче нефти.

В России хорошими темпами развивается низкоуглеродная энергетика. Сегодня доля энергии от практически безуглеродных источников – атомных электростанций, гидроэлектростанций, ветряных, солнечных электростанций превышает 40 %, а с учётом природного газа эта доля составляет 86 %. Это один из лучших показателей в мире. По оценке международных экспертов, Россия входит в число лидеров процесса глобальной декарбонизации. За последние 20 лет углеродная интенсивность российской экономики ежегодно снижалась в среднем на 2,7 %, и это больше, чем в мире в целом, и даже больше, чем в странах «семёрки».

Российская Федерация приняла ряд нормативных актов, подготовила стратегию развития с низким уровнем выброса парниковых газов. 9 июня 2020 г. Правительство Российской Федерации объявило о реализации новой программы повышения энергоэффективности экономики на период до 2035 года[184], которая станет важным элементом достижения поставленной цели: обеспечить углеродную нейтральность не позднее 2060 года. Поставлена задача достичь углеродной нейтральности сделать так, чтобы в ближайшие три десятилетия накопленный объём чистой эмиссии парниковых газов в России был меньше, чем в государствах Евросоюза.

Проблемы глобального потепления не решаются только сокращением объёмов выбросов. Необходимо наращивать поглощение парниковых газов, а

---

[183] Выступление Президента России на втором рабочем заседании саммита «Группы двадцати». – URL: http://kremlin.ru/events/ president/news/67044 (дата обращения 12.11.2021).

[184] Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2035 года. – URL: http://static.government.ru/media/files/w4sigFOiDjGVDYT4I gsApssm6mZRb7wx.pdf (дата обращения 12.11.2021).

здесь у России, как и у ряда других стран, колоссальные возможности – это поглощающий потенциал российских лесов, тундры, сельхозземель, морей, болот. Чтобы в полной мере использовать такой имеющийся потенциал, в России планируется существенно повысить качество управления лесами, увеличить площади лесовосстановления, расширить территории нетронутой природы, внедрить новые агротехнологии. Климатические проекты в России открывают новые перспективы для международной кооперации, причём на многие десятки лет вперёд, и, безусловно, внесут существенный вклад в глобальные усилия на климатическом треке.

Однако эти меры могут оказаться недостаточными и малоэффективными в условиях конкурентной борьбы и внешнего давления. Решения и действия стран Евросоюза, других зарубежных партнеров, оказывающих влияние на развитие топливно-энергетического комплекса и других секторов российской экономики, нуждаются в квалифицированной научной оценке с учетом критериев экологической безопасности и устойчивого развития России. Для достижения паритета в глобальной конкуренции необходимо применение комплексного подхода к оценке состояния экологической безопасности.

Экологические характеристики пространства межгосударственного противоборства во всей своей совокупности не могут быть определены в каждый момент времени, что создает дополнительные риски национальным интересам России. Это связано не только с невозможностью измерить все возможные экологически значимые факторы, но и по причине неопределенности вызовов и угроз техногенного и биологического характера. Экологическое сканирование сможет гарантировать не только определение всего множества экологических факторов, но и позволит выделить из этого множества наиболее физиологически значимые воздействия. В большинстве случаев подобные воздействия являются сочетанными подпороговыми физическими и химическими воздействиями, остающимися, как правило, неопределяемыми в том числе и по техническим причинам.

Россия обладает пятой частью лесных ресурсов планеты. Роль российских лесов в депонировании загрязняющих веществ, поступающих из Западной Европы, Юго-Восточной Азии и других регионов, учитывается недостаточно в глобальных экологических прогнозах, а также при выполнении Россией международных обязательств в рамках экологической и климатической повестки.

В России в условиях перехода к рыночной экономике роль государства в изучении фундаментальных проблем развития естественных производительных сил заметно уменьшилась. В 80-х годах XX века во всех базовых отраслях разрабатывались государственные научно-технические программы, которые служили основой для долгосрочных прогнозов и формирования пятилетних планов развития народного хозяйства. Так, например, в системе мониторинга окружающей среды осуществлялось

множество государственных программ: «Контроль природной среды», «Климат», «Мировой океан», «Активные воздействия на природные процессы» и др. В последующие годы все эти программы были упразднены. Сейчас, согласно Стратегии научно-технического развития Российской Федерации «…инвестиции в нематериальные активы в России в 3–10 раз ниже, чем в ведущих государствах…»[185].

В настоящее время многие «прорывные» управленческие, производственно-технические и технологические решения в значительной степени опираются на достижения науки и техники прошлых лет. Дальнейшее ослабление контроля и управления в сфере изучения, освоения и использования естественных производительных сил, в том числе «углеродных» экологических ресурсов окружающей среды, может значительно понизить роль России в мирохозяйственном и научно-техническом развитии, иметь критически неблагоприятные последствия для национальной экономики, обороны, социальной сферы.

В целях повышения эффективности функционирования системы обеспечения экологической безопасности Российской Федерации в условиях глобальных трансформаций предлагается осуществление следующих мер.

1. Уточнить содержание терминов «угроза безопасности», «угроза экологической безопасности», определив их «как совокупность процессов, условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность нанесения ущерба национальным интересам». В данной формулировке дополнительно учтены глобальные процессы, которые являются корневыми причинами угроз. Глобальные процессы связаны с функционированием и эволюцией природных систем, развитием человеческой популяции, сменой технологических укладов. Эти процессы объективны и не регулируемы. Они влияют на внешнюю и внутреннюю политику, хозяйственную и иную деятельность, поведение людей. Отсутствие в характеристиках угроз факторов глобальных трансформаций – причина возникновения шоковых ситуаций в системе государственного управления и регулирования, пробелов в стратегическом планировании.

2. Для определения полноценных, научно обоснованных угроз экологической безопасности важно учитывать в их характеристиках факторы изменения качества окружающей среды, а также воздействие этих факторов на социально-экономическое развитие, на качество жизни населения. Определение неблагоприятного воздействия природных и экологических факторов на общественное развитие, на качество жизни населения необходимо для планирования адекватных мер по адаптации населения и хозяйства к меняющимся природно-климатическим и экологическим условиям, а также для осуществления мероприятий в чрезвычайных

---

[185] *Панарин В.М., Шейнкман Л.Э., Маслова А.А., Царьков Г.Ю., Гришаков К.В., Рыбка Н.А*. Информационно-измерительная система прогнозирования и предупреждения аварийных выбросов газа в атмосферу // Экология и промышленность России. 2020. Т. 24. № 5. С. 13.

ситуациях природного и техногенного характера, для определения компенсаций при экологических правонарушениях. В настоящее время факторы окружающей среды и меры адаптации учитываются не системно, а избирательно.

3. Провести корректировку документов стратегического планирования в части уточнения состава задач и мероприятий и приведения их в соответствие с целями обеспечения благоприятной для жизнедеятельности человека окружающей среды. В Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года наряду с решением ведомственных задач необходимо предусмотреть достижение общественно значимых результатов, отвечающих интересам российских граждан, местных общин, социальных групп населения, обеспечив тем самым реализацию их прав на благоприятную окружающую среду, компенсацию причиненного вреда здоровью и ущерба имуществу, на устранение иных негативных социально-экологических последствий хозяйственной и иной деятельности, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера.

4. Разработать инструментарий стратегической оценки глобальных природных и экологических процессов и их влияния на экономику и социальную сферу, включая методологию и регламент этой оценки, а также определить универсальный алгоритм действий по адаптации населения и хозяйства к глобальным трансформациям. Целью стратегической оценки является установление корневых причин угроз экологической безопасности и проблем общественного развития, связанных с изменением качества окружающей среды. Результаты стратегической оценки необходимы для выработки политики по адаптации населения, общества, государства к глобальным трансформациям, а также для определения адекватных способов реализации этой политики.

5. К основным направлениям и мерам по реализации политики адаптации населения, общества и государства к меняющимся условиям окружающей среды целесообразно отнести:

а) *мониторинг глобальных изменений окружающей среды.* Основные меры:

– развитие сети стационарных и передвижных пунктов наблюдений за трансграничным переносом токсичных веществ и возбудителей инфекционных заболеваний;

– выявление и оценка влияния глобальных природных и экологических процессов на социально-экономическое развитие;

– разработка методологии, норм и регламента стратегической экологической оценки трансграничных воздействий;

б) *создание институциональных условий для адаптации населения и объектов инфраструктуры к изменению качества окружающей среды*. Основные меры:

– совершенствование требований к экологическим, санитарно-эпидемиологическим стандартам, в том числе в отношении питьевой воды, атмосферного воздуха, почв, других объектов;

– обеспечение населения и организаций оперативной информацией о состоянии окружающей среды и ее загрязнении;

– совершенствование технического регулирования, процедур контроля безопасности с учетом мировых практик экологического зонирования, нормирования и налогового регулирования; развитие механизмов ответственности производителей и импортеров по выполнению нормативов утилизации отходов от использования товаров;

в) *сохранение благоприятной для человека окружающей среды*. Основные меры:

– снижение выбросов загрязняющих веществ, оказывающих наибольшее негативное воздействие на здоровье человека;

– совершенствование системы экологического страхования и возмещения ущерба, причиненного здоровью и имуществу граждан, в том числе в условиях наводнений, пожаров и других опасных явлений;

– развитие форм и методов экологического образования и просвещения, воспитание гражданской ответственности за экологическое состояние территории местных общин;

г) *обеспечение экологической безопасности на объектах экономики и оборонной деятельности.* Основные меры:

– стимулирование внедрения инновационных технологий и развитие экологически безопасных производств;

– развитие индустрии утилизации и вторичного использования отходов производства и потребления;

– строительство и модернизация очистных сооружений; предотвращение и ликвидация экологических последствий техногенных катастроф и чрезвычайных ситуаций; ликвидация вреда окружающей среде, причиненного в результате прошлой хозяйственной и оборонной деятельности.

6. В целях повышения эффективности экологического мониторинга предлагается объединить автоматизированную систему мониторинга загрязнения окружающей среды на территории промышленно развитых регионов и автоматизированную систему контроля выбросов загрязняющих веществ на источниках промышленных предприятий. Информация о выбросах/сбросах загрязняющих веществ, полученная с автоматизированных систем, а также об их распространении по территории промышленного региона позволит повысить эффективность принятия управленческих решений для снижения негативного воздействия предприятий и прогнозирования наступления неблагоприятной экологической ситуации в прилегающих к предприятию жилых зонах[186].

---

[186] См.: *Панарин В.М., Рыбка Н.А., Маслова А.А*. Прогнозирование загрязнения атмосферного воздуха промышленного региона в информационно-измерительных и

Посты измерения концентрации загрязняющих веществ в атмосферном воздухе должны быть установлены по определенной методике на территории промышленного района, а также в жилых зонах. Вся информация о загрязнении и превышении допустимых значений передается на сервер. Там информация будет обработана, а затем отображена на электронной карте региона.

Кроме того, средства контроля должны быть установлены на источнике либо на газоходе от источника; при наличии одного источника выброса от нескольких источников выделения (единиц оборудования) можно оснастить каждый газоход системой контроля либо установить одну систему на источнике выброса. Место измерений в газоходах должно быть выбрано в соответствии с требованиями промышленной безопасности и с учетом национальных стандартов[187]. С этих средств контроля информация будет отправляется на сервер, где она обрабатывается, представляется в наглядном виде, что позволит в дальнейшем ее анализировать и принимать решения по снижению негативного воздействия предприятий и прогнозировать наступление неблагоприятной экологической ситуации в прилегающих к предприятию жилых зонах[188].

Органам государственной власти, профильным министерствам и ведомствам рекомендуется как способ эффективного противодействия прогнозируемым вызовам и угрозам национальной безопасности Российской Федерации, связанным с загрязнением атмосферного воздуха промышленно развитых регионов, проводить контроль выбросов вредных веществ, как на промышленных предприятиях, так и на территории жилой застройки с помощью автоматизированных систем экологического мониторинга. Необходимо решать настоящую глобальную проблему силами всех государств планеты.

управляющих системах мониторинга атмосферы // Экологические системы и приборы. 2019. № 5. С. 18–24.

[187] *Панарин М.В., Маслова А.А., Рыбка Н.А., Рылеева Е.М., Гришаков К.В.* Автоматизированная система удаленного экологического мониторинга на промышленных объектах // Ежемесячный научно-производственный журнал «Экологические системы и приборы». – 2019. – № 6. – С.9-13.

[188] *Панарин В.М., Рыбка Н.А., Маслова А.А., Сергеечев В.В., Загуменнов И.Ю.* Оснащение стационарных источников вредных (загрязняющих) веществ автоматическими средствами контроля промышленных выбросов объектов 1-ой категории // Измерение. Мониторинг. Управление. Контроль. – 2019. – № 4 (30). – С. 13-20.

2.11. Вызовы и угрозы в культурной сфере

В вопросах национальной безопасности России культурная и духовная сферы должны играть одну из главных ролей. Помимо официальных государственных документов, где говорится об их значимости[189], есть достаточные теоретические и исторические основания, чтобы утверждать их приоритетность. Так, в отечественной научно-философской мысли, укоренённой в национальной традиции, всегда отмечалось, что решающими условиями бытия России как цивилизации и уникального этнополитического организма являются именно духовные ценности[190]. Обстоятельства, связанные с необычайной дифференцированностью и сложностью решаемых Россией задач, стратегически выдвигают проблемы культуры и духовности на первый план как наиболее соответствующие, с одной стороны, объективным историческим фактам существования национальной России, а с другой – внутренней природе духа как такового, способного идейно укреплять государственное единство без ущемления социокультурного многообразия. В связи с этим методологическая недооценка культурной и духовной сферы в обеспечении национальной безопасности России, доставшаяся как в наследство от диалектико-материалистической установки с формулой «бытие определяет сознание», так и под влиянием современных позитивистских учений, представляет не меньшую угрозу, чем открытая внешняя агрессия или постмодернистские течения.

Если «стратегическими целями обеспечения национальной безопасности в области культуры является сохранение и приумножение традиционных российских духовно-нравственных ценностей как основы российского общества…»[191], то логично, что противодействие вышеназванной угрозе должны оказать социально-гуманитарные науки, опирающиеся на богатое отечественное научно-философское наследие.

С понятием «национальная безопасность» связан достаточно широкий круг проблем, охватывающих разнообразные сферы общественной жизни. При этом пути дальнейшего безопасного и устойчивого развития российской цивилизации в последнее время всё больше увязываются с состоянием культуры и характеризующими ее ценностными ориентирами

---

[189] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // Рос. газ. 2021. 3 июля. Основы государственной культурной политики: утверждены Указом Президента Российской Федерации от 24.12.2014 № 808. Преамбула. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/39208 (дата обращения: 17.09.2021 г.).

[190] Россия и Европа: общая судьба и альтернативные проекты цивилизационного развития: монография по материалам XVII Международных Панаринских чтений / отв. ред. В. Н. Расторгуев; науч. ред. А. В. Никандров. М.: Институт Наследия, 2020. 338 с.

[191] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 // Доступ из информационно-правовой системы ГАРАНТ.РУ. – URL: http://base.garant.ru/71296054/ (дата обращения: 15.08.2020 г.).

и приоритетами. Обеспечение безопасности культуры и особенно её духовной составляющей представляет собой не отвлечённую проблему, а настоятельное требование времени.

Понятие национальной безопасности является многоаспектным: оно включает экономическую, военную, правовую и иного рода составляющие. При этом в современном научном дискурсе именно немилитаризованному характеру безопасности уделяется особое внимание. Более того, культура все чаще выступает в качестве полноправного и даже определяющего компонента как международной, так и национальной безопасности.

В современных условиях, определяющих существование и функционирование мирового сообщества, когда с помощью новейших средств коммуникации существенно расширяются возможности общения людей, одновременно возникает целый спектр проблем коммуникативно-психологического характера. Это связано, прежде всего, с качественным изменением информации, передающейся и воспринимающейся уже не только на уровне понятий, для чего требуется определенная смысловая обработка, но и на уровне образов и символов, которые могут оказаться расплывчатыми и двусмысленными, что в значительной мере увеличивает возможности манипулирования сознанием людей.

Понятие «безопасность» трактуется многими исследователями, прежде всего как «свобода от угрозы». Поэтому неслучайно «угроза» выступает как фундаментальная категория наряду с вызовами и рисками при анализе вопросов безопасности.

В современной научной литературе выделяются следующие разновидности угроз: потенциальные и реальные, объективные и субъективные, преднамеренные и непреднамеренные, традиционные и нетрадиционные, внутренние и внешние. На последней разновидности угроз следует остановиться более подробно.

После распада СССР в течение двух десятилетий в рейтинге проблем, касающихся национальной безопасности России, внутренние угрозы занимали первое место. К ним принадлежали такие явления, как региональный сепаратизм, коренившийся в национальных и социальных противоречиях; религиозный и политический экстремизм, основу которого составляли социальное и экономическое неравенство и разрушение прежних ценностных установок и идеалов людей.

С ликвидацией местных сепаратистов и зарубежных наёмников на Северном Кавказе на первый план вышли угрозы иного порядка. Их можно назвать угрозами культурного характера. Они связаны с разрушением культурных традиций, уничтожением национальной памяти, кризисом коллективной идентичности, невозможностью для значительной части населения получения доступа к культурному достоянию, со снижением творческого потенциала большого количества людей.

Уже давно не является секретом, что существует прямая связь между многими экономическими, политическими неудачами, замедлением

процессов демократизации, издержками государственного строительства и кризисом духовной культуры. История не раз показывала, что деградация наций и даже гибель государств, как правило, всегда начинались с разложения духовности и основ культурной жизни, коррозии моральных принципов, внедрения в сознание людей ложных идей и подмены ценностей.

На протяжении долгого времени социально-политическая мысль отождествляла культуру по преимуществу с художественным творчеством или, в более широком плане, с духовной жизнью общества. Лишь в 80-е гг. прошлого столетия мировая и отечественная гуманитаристика пришла к пониманию, что сфера культуры включает взаимосвязь различных форм поведения людей, которые определяются системой ценностей конкретного общества, а потому культура является не производной развития социально-экономической системы, но, напротив, представляет собой значимый фактор, определяющий это развитие.

Эту мысль неоднократно подчёркивал Д.С. Лихачёв, указывая, что «без культуры в обществе нет и нравственности, а без элементарной нравственности не действуют социальные законы, экономические законы, не выполняются указы и не может существовать современная наука»[192].

Однако значимость культурной безопасности в контексте национальной безопасности России долгое время специально не акцентировалась.

Так, в Законе Российской Федерации «О безопасности», принятом Верховным Советом России в 1992 году, безопасность трактовалась как «состояние защищённости жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз»[193] без упоминания о культурной составляющей. Подобная ситуация объяснялась рядом факторов, прежде всего, представлением о культуре как о вторичном или дополнительном ресурсе, ставшем широко распространённым в кругах управленцев ещё в эпоху господства марксистской идеологии, когда культура трактовалась преимущественно как область досуга и, как следствие, финансировалась по «остаточному принципу».

Прежде чем обозначить основные угрозы национальной безопасности в сфере культуры, следует определиться с самим понятием «культура». Так, если в середине XIX века, по подсчётам американских культурологов Альфреда Кребера и Клайда Клакхона, насчитывалось 157 определений данного понятия, то к началу XXI века учёные насчитывают свыше 400 определений. За этой дымовой завесой из многочисленных, зачастую теоретизированных и отчуждённых от практики повседневной жизни понятий от нашего взгляда прячется понимание, что культура – это всё то, что обогащает внутренний мир людей, что улучшает отношения между ними.

Определение понятия «культура» дано в Указе Президента Российской Федерации. В нем под культурой понимается «совокупность формальных

---

[192] *Лихачёв Д. С.* Раздумья о России. СПб. : Logos, 1999. 523 с.

[193] О безопасности: закон Российской Федерации от 5 марта 1992 г. № 2446-1 // Ведомости Российской Федерации. 1992. № 15. Разд. 1. Ст. 1.

и неформальных институтов, явлений и факторов, влияющих на сохранение, производство, трансляцию и распространение духовных ценностей (этических, эстетических, интеллектуальных, гражданских и т. д.)»[194].

Исходя из подобного понимания культуры, стратегическими целями обеспечения национальной безопасности Российской Федерации на современном этапе исторического развития являются:

– сохранение и приумножение традиционных российских духовно-нравственных ценностей в духе гражданственности, в первую очередь, среди детей и молодежи;

– сохранение и развитие общероссийской идентичности народов Российской Федерации и единого культурного пространства страны;

– повышение роли России в мировом гуманитарном и культурном пространстве[195].

Определение понятию «культура» дано и в Основах государственной культурной политики – «совокупность формальных и неформальных институтов, явлений и факторов, влияющих на сохранение, производство, трансляцию и распространение духовных ценностей (этических, эстетических, интеллектуальных, гражданских и т. д.)».

Выбор именно этого определения из множества других не случаен. Представление о культуре как механизме передачи от поколения к поколению ценностей, традиций, всего накопленного предками опыта позволяет понять ту важнейшую роль, которую культура играет для воспроизводства общества. Культура рассматривается здесь не как сфера досуга и развлечения, но и не как самоцель, сама себя оправдывающая («искусство ради искусства»). С точки зрения государственной культурной политики, сохранение и развитие культуры в её ценностном понимании – важнейшее условие для решения ключевой задачи народосбережения[196], стоящей перед государством и обществом.

Значение культуры для народосбережения может быть рассмотрено в двух аспектах, качественном и количественном. Качественный аспект – это сохранение и воспроизводство российской идентичности. Количественный аспект – это влияние культуры на демографические процессы.

Понять основу идентичности российского общества позволяет так называемый ценностно-цивилизационный подход к проблематике сферы культуры. Он основан на признании культурного многообразия мира, состоящего из отдельных сообществ, называемых цивилизациями, такими как западная, исламская, китайская, российская и т.д. Очевидные различия между цивилизациями объясняются различием между системами ценностей,

---

[194] Об утверждении Основ государственной культурной политики: Указ Президента Российской Федерации № 808 от 24 декабря 2014 г. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/39208 (дата обращения: 17.09.2021 г.).

[195] Там же.

[196] О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 / Российская газета от 22 июня 2020 г. – URL: https://rg.ru/2020/07/22/ukaz-dok.html (дата обращения: 11.09.2021 г.).

которых придерживаются члены этих сообществ. Ценности, традиционные для той или иной цивилизации, как бы «закодированы» в их материальном и нематериальном культурном наследии.

Приобщаясь к культурному наследию своих предков, человек воспринимает выработанные ими ценности и тем самым формирует свою цивилизационную идентичность. Живущих в России представителей разных народов, рас и конфессий считают россиянами. Это определяется тем, что нас объединяет общее ценностное ядро, общие представления о добре и зле, человеке и обществе, окружающем мире, должном и недопустимом, составляющие основу нашего мировоззрения. Именно культура в её ценностном понимании является той главной скрепой, которая делает Россию единым самобытным сообществом, государством, цивилизацией.

Важно, что сказанное не означает нивелировки национальных различий. Наоборот, в числе задач государственной культурной политики особо выделяется «сохранение этнических культурных традиций и поддержка основанного на них народного творчества, сохранение этнокультурного разнообразия как одного из значимых источников профессиональной культуры и важной составляющей этнонациональной идентичности»[197].

Говоря о значении культуры для народосбережения в количественном аспекте, мы должны указать на взаимосвязь между духовной сферой, с одной стороны, и демографией – с другой. Духовное благополучие, осмысленность жизни, наличие общепринятой в обществе системы ценностных ориентиров благоприятно влияют как на физическое здоровье каждого человека, так и на демографические показатели. Отсутствие нравственных ориентиров, навязывание чуждых ценностей влекут за собой рост заболеваемости и смертности, падение рождаемости, распространение алкоголизма, наркомании, самоубийств и прочих «социальных болезней». Именно это случилось в России в 1990-е годы. По выражению российского учёного А.Я. Флиера, чем меньше мы потратим на культуру и образование сегодня, тем больше придётся тратить на тюрьмы и больницы завтра[198].

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации относит сохранение и развитие культуры, традиционных российских духовно-нравственных ценностей к числу национальных интересов на долгосрочную перспективу. Культура провозглашается одним из стратегических национальных приоритетов. Ряд официальных документов подтверждает это. Так, в Стратегии национальной безопасности подчеркивается, что «защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти осуществляется в целях укрепления единства народов

---

[197] Об утверждении Основ государственной культурной политики: Указ Президента Российской Федерации № 808 от 24 декабря 2014 г. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/39208 (дата обращения: 17.09.2021 г.).

[198] *Флиер А.Я.* Культура как фактор национальной безопасности // Общественные науки и современность. 1998. № 3. 121 с.

Российской Федерации на основе общероссийской гражданской идентичности, сохранения исконных общечеловеческих принципов и общественно значимых ориентиров социального развития»[199]. Военная доктрина Российской Федерации говорит о смещении военной опасности в информационное пространство, об информационном воздействии, имеющем своей целью подрыв исторических, духовных и патриотических традиций[200]. Концепция внешней политики Российской Федерации предупреждает о негативном влиянии «мягкой силы» наших геополитических соперников, о навязывании ими своих идеологических ценностей[201]. В Доктрине информационной безопасности Российской Федерации отмечается наращивание информационно-психологического воздействия в целях размывания традиционных российских духовно-нравственных ценностей, исторических основ и патриотических традиций, а источником такого воздействия объявляются «специальные службы отдельных государств»[202]. Аналогичные положения содержатся в Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации[203]. Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации также относит угрозу утраты национальной и культурной идентичности российских граждан к числу внешних угроз национальной безопасности[204].

Всё это, безусловно, верно. В ситуации военно-стратегического паритета нашими «партнёрами», прежде всего США и другими членами блока НАТО, прилагаются значительные усилия, чтобы «переформатировать» массовое сознание россиян, насадить свои ценности и, в конечном счёте, добиться контроля над природными, экономическими и людскими ресурсами страны.

Однако сводить все проблемы к происками иностранных держав было бы в корне неправильно.

Во-первых, объективной реальностью являются происходящие в мире процессы глобализации, в том числе такие, как резкий рост трансграничного

---

[199] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // Рос. газ. 2021. 3 июля.

[200] Военная доктрина Российской Федерации: утверждена Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 г. № Пр-2976. – URL: http://www.kremlin.ru/supplement/461 (дата обращения: 11.09.2021 г.).

[201] Концепция внешней политики Российской Федерации: утверждена указом Президента Российской Федерации от 30 ноября 2016 г. № 640. – URL: http://kremlin.ru/acts/bank/41451 (дата обращения: 11.09.2021 г.).

[202] Доктрина информационной безопасности Российской Федерации: утверждена указом Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/41460 (дата обращения: 11.09.2021 г.).

[203] Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации: утверждена указом Президента Российской Федерации от 29.05.2020 №344. – URL: http://kremlin.ru/acts/bank/45555 (дата обращения: 21.09.2021 г.).

[204] Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации: утверждена указом Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № 642. – URL: http://kremlin.ru/acts/bank/41449 (дата обращения: 14.09.2021 г.).

информационного обмена, рост туризма и миграции, увеличение связности мира как целого. Даже если предположить, что никакие государства не оказывали бы на Россию «информационного воздействия», то процессы взаимного влияния цивилизаций развиваются с растущей интенсивностью.

В эпоху глобализации ценности разных культур, зачастую противоречащие друг другу, порождают конфликты в общественном и индивидуальном сознании. Возникает угроза подмены традиционных ценностей и утраты российской цивилизационной идентичности. Противодействие этим объективным угрозам состоит в осознании обществом сути проблемы и приложении должных усилий по сохранению своей самобытности, цивилизационной идентичности, то есть в проведении определённой культурно-образовательной политики.

Положение дел осложняется распространением так называемого клипового мышления, когда обилие информации ведёт к её поверхностному восприятию, способствует манипуляции сознанием, облегчает навязывание тех или иных ценностей и моделей поведения. Данное обстоятельство отмечается в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы[205].

Во-вторых, даже если полностью абстрагироваться от «внешнего» фактора, остаются изменения, естественным образом происходящие в процессе развития природы и общества. Новое неизбежно сталкивается со старым, каждый раз испытывая на прочность ценности социума и его способность справиться с возникающими вызовами. Соответственно, ответ на вопрос, сможет ли общество выживать в изменяющихся условиях, не отрываясь от своих корней и сохраняя изначальную идентичность, также требует, по крайней мере, понимания идентичности и ценностей, на которых она основана.

Таким образом, главная угроза традиционным ценностям и российской цивилизационной идентичности проистекает вовсе не от внешних врагов, а от непонимания российским обществом себя, от отсутствия объединяющего мировоззрения и системы воспитания на базе наших традиционных ценностей. При наличии такой системы любое внешнее воздействие будет обречено на неуспех.

Косвенные указания на то, что источник угрозы не сводится только к внешним воздействиям, можно усмотреть лишь в немногих официальных документах. В Стратегии национальной безопасности отмечено, что «насаждение чуждых идеалов и ценностей, осуществление без учета исторических традиций и опыта предшествующих поколений реформ в области образования, науки, культуры, религии, языка и информационной деятельности приводят к усилению разобщенности и поляризации национальных обществ, разрушают фундамент культурного суверенитета,

---

[205] Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: утверждена указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919 (дата обращения: 11.09.2021 г.).

подрывают основы политической стабильности и государственности. Пересмотр базовых норм морали, психологическое манипулирование наносят непоправимый ущерб нравственному здоровью человека, поощряют деструктивное поведение, формируют условия для саморазрушения общества. Увеличивается разрыв между поколениями. Одновременно нарастают проявления агрессивного национализма, ксенофобии, религиозного экстремизма и терроризма».[206].

В «Основах государственной молодёжной политики Российской Федерации на период до 2025 года» говорится о «деструктивном информационном воздействии на молодёжь» в контексте «повышения рисков роста угроз ценностного характера» из-за воздействия внутренних и внешних факторов[207].

Ключевой документ по рассматриваемой проблематике «Основы государственной культурной политики» определяет сложившееся положение дел как «угрозу гуманитарного кризиса» и объясняет его недостаточными «инвестициями в человека, в качественное обновление личности»[208]. В чём состоит «качественное обновление личности»? Зачем к нему надо стремиться? Как оно соотносится с традиционными ценностями и российской цивилизационной идентичностью? Эти вопросы в документе не раскрываются.

Хотя одной из целей государственной культурной политики в Основах провозглашается «передача от поколения к поколению традиционных для российской цивилизации ценностей и норм, традиций, обычаев и образцов поведения», при описании «гуманитарного кризиса» используется иная терминология – речь идёт о неких «общепризнанных ценностях».

К наиболее опасным для будущего России возможным проявлениям этого кризиса относятся:

– снижение интеллектуального и культурного уровня общества;

– девальвация общепризнанных ценностей и искажение ценностных ориентиров;

– рост агрессии и нетерпимости, проявления асоциального поведения;

– деформация исторической памяти, негативная оценка значительных периодов отечественной истории, распространение ложного представления об исторической отсталости России.

Таким образом, в «Основах государственной культурной политики» недостаточно раскрыта проблема разрушения традиционных российских

---

[206] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // Рос. газ. 2021. 3 июля.

[207] Основы государственной молодёжной политики Российской Федерации на период до 2025 года: утверждены распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. №2403-р / Российская газета от 8 декабря 2014 г. – URL: https://rg.ru/2014/12/08/molodej-site-dok.html (дата обращения: 15.11.2021).

[208] Об утверждении Основ государственной культурной политики: Указ Президента Российской Федерации № 808 от 24 декабря 2014 г. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/39208 (дата обращения: 17.09.2021).

духовно-нравственных ценностей как угрозы национальной безопасности России. Недостаточная ресурсная обеспеченность отрасли должна рассматриваться в качестве одной из угроз национальной безопасности в сфере культуры, но не как её главная и единственная проблема.

Анализируя внешние угрозы национальной безопасности России в культурной сфере, можно с уверенностью сказать, что они связаны с процессами экспансии западной культуры, прежде всего американской. Страны Запада в целях усиления своего влияния и реализации геополитических интересов посредством манипулятивных технологий стремятся распространить собственные культурные идеалы и образцы поведения среди граждан России, что может привести к установлению, с одной стороны, духовной и моральной зависимости, а с другой – к полной деградации национальной культуры.

В этих условиях Россия должна стремиться сохранять свой суверенитет, под которым подразумевается территориальная, экономическая, военная, политическая и культурная независимость. Это означает, что государство призвано сохранять не только неприкосновенность своих границ, но и заботиться о безопасности информационного и культурного пространства.

Западные политики и учёные стараются теоретически обосновать необходимость экспансии в отношении культур других народов. Так, например, Л. Шлеммер утверждает, что «основным конфликтом современного развития глобальных процессов является конфликт между глобально доминирующей западной экономической культурой и противостоящими ей на международном пространстве национальными незападными культурами»[209].

Если культура, история и язык представляют собой своеобразное смысловое поле борьбы различных национальных и государственных интересов, то задача российского государства заключается в своевременном и эффективном реагировании на существующие и прогнозируемые вызовы и угрозы всеми имеющимися средствами, чтобы предотвращать и нейтрализовывать их.

При противодействии внешним угрозам, возникающим в области культуры, важно не впадать в крайности и не считать опасностями любые внешние влияния. Надо осознавать, что в современном мире в силу глобализации исторического процесса не существует изолированных культур, поскольку формами их существования являются взаимовлияние и открытость. Вследствие постоянного взаимодействия ныне существующих культур происходит непрерывная проблематизация присущих им норм и ценностей, и никакая самоизоляция этому не в силах воспрепятствовать.

Значит, противостояние внешним угрозам должно опираться не на формы изоляционизма, но на разностороннее укрепление собственных

---

[209] Schlemmer L. Globalisation, Culture, and Development: Is Southern Africa a Getto of the West? Durban: UNESCO, 2000.

жизненных устоев, на усиление влияния национальных ценностей, на межкультурные взаимодействия, которые могут осуществляться лишь на основе непрерывного диалога культур, а точнее, их представителей. Внутренне сильная и жизнеспособная культура не будет уничтожена посредством внешних заимствований и воздействий; напротив, обогатив ими собственное содержание, она только укрепится и усилит своё положение на международной арене.

Одной из серьезных внешних угроз для России является также развязанная западными странами борьба с исторической памятью, стремление пересмотреть итоги Второй мировой войны, объявить Советский Союз наряду с фашистской Германией зачинщиком военных действий в Европе, принизить роль Советской армии в освобождении европейских народов от немецкой оккупации. Не прекращаются попытки переписать историю, исказить исторические факты в угоду современной политической конъюнктуре. В этих условиях культурная политика должна быть направлена на формирование взвешенного и трезвого взгляда на собственную историю, но еще больше – на решение проблем дня сегодняшнего, формирование образа будущего нашей Родины, поскольку исторический опыт всегда рассматривается сквозь призму современности.

Особенно остро этот вопрос поставлен в настоящее время, когда страны Запада объявили крестовый поход против исторической правды о важнейшем событии в истории XX века – Второй Мировой войне и роли в ней нашего Отечества. Резолюция, принятая Европейским парламентом 19 сентября 2019 г. «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы», возлагает ответственность за разжигание войны на наше государство и убедительно доказывает, что создание исторического мифа-конструкта об агрессивных устремлениях Советского Союза не плод фантазий отдельных историков, а целенаправленная информационная агрессия.

Президент Российской Федерации В.В. Путин так ответил на этот выпад: «Помимо угрозы для фундаментальных принципов миропорядка есть здесь и моральная, нравственная сторона. Глумление, издевательство над памятью – это подлость. Подлость бывает намеренной, лицемерной, вполне осознанной, когда в заявлениях по поводу 75-летия окончания Второй мировой войны перечисляются все участники антигитлеровской коалиции, кроме СССР. Подлость бывает трусливой, когда сносят памятники, воздвигнутые в честь борцов с нацизмом, оправдывая постыдные действия лживыми лозунгами борьбы с неугодной идеологией и якобы оккупацией. Подлость бывает кровавой, когда тех, кто выступает против неонацистов и наследников бандеровцев, убивают и сжигают. Повторю, подлость проявляет себя по-разному, но от этого она не перестает быть омерзительной. Забвение уроков истории неизбежно оборачивается тяжелой расплатой. Мы будем твердо защищать правду, основанную на документально

подтвержденных исторических фактах. Продолжим честно и непредвзято рассказывать о событиях Второй мировой войны»[210].

Таким образом, условия и причины актуализации современных угроз в культурной сфере и их влияние на национальную безопасность России, следующие.

1. Девальвация рационального сознания и мышления, ставка на ирранионализм, на формирование человека с отрывочным, клиповым мышлением потребителя широкого спектра товаров и услуг.

2. Процесс глобализации в культурной сфере, с одной стороны, это нивелирование/стирание точек отсчёта в национальном сознании, культуре и подмена их на некие абстрактные универсалии (многие в данном случае говорят об американизме), а с другой – культурный империализм, что подразумевает активизацию региональных игроков, претендующих на создание культурных и иных империй. К последним можно отнести Турцию с проектом пантюркизма, Саудовскую Аравию с проектом Арабского халифата и др.

3. Смена места культурных и духовных ценностей в иерархической структуре, с одной стороны, с другой – частичная или полная их замена, что приводит к восприятию чужого образа жизни как привычного. Итогом подобных трансформаций является сформированный положительный образ потенциального врага и негативное отношение к своей культуре, народу, государству.

4. Система воспитания А.С. Макаренко сегодня не может функционировать в полной мере при условии ситуации открытости информационного пространства. Старые институты не способны адекватно реагировать в новом мире иных скоростей и потоков информации. Более того, система воспитания будет давать сбой без четного понимания воспитательного ориентира: какое общество мы строим и какой человек нужен в этом обществе.

5. Система формирования «ложных потребностей» (Г. Маркузе), то есть система по поддержанию состояния эйфории у общества в ситуации тотального несчастья. Г. Маркузе к таковым относил «большинство преобладающих потребностей (расслабляться, развлекаться, потреблять и вести себя в соответствии с рекламными образцами, любить и ненавидеть то, что любят и ненавидят другие), которые, несомненно, принадлежат к этой категории «ложных потребностей»[211].

Вышеперечисленные условия и причины актуализации современных угроз культурной безопасности российского общества и государства являются предпосылками проявления будущих вызовов и угроз:

---

[210] *Белозор А. Ф.* Культурная безопасность как основа культурной идентичности // Человек и культура. 2019. № 1. С. 80–86. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=28819 (дата обращения: 13.11.2021 г.).

[211] *Маркузе Г.* Одномерный человек. М.: REFL-book, 1994. С. 6−7.

– ценностной системе, представляющей собой основу российской культурной системы, основу культурной идентичности граждан;

– национальному культурному единству в разнообразии народов России;

– русскому языку, с одной стороны, и языкам народов России, с другой;

– в эстетической сфере, в сфере художественного творчества, с перспективой деструкции ценностно-смысловой матрицы;

– в религиозной сфере, неразрывно связанной с системой духовно-нравственных традиционных ценностей российского общества;

– культурному наследию, несущему в себе весь спектр базовых ценностей и смыслов российского общества, актуализирующих процессы социокультурной самоидентификации граждан;

– сфере истории, ее целенаправленная фальсификация, разрушение героических образцов и идеалов;

– системе образования.

Основными источниками и факторами, воспроизводящими и актуализирующими вышеуказанные угрозы и вызовы, являются:

– глобальная элита, международные финансовые и иного рода институты и организации, транснациональные корпорации, фонды и компании, чьё целеполагание на глобальное господство лежит в русле разрушения всех особых и самостоятельных духовно-нравственных ценностей, на которых зиждется всякое суверенное государство и общество;

– наличествующая в России социально-экономическая система с ограниченным суверенитетом, крайне зависимая от глобальной аналогичной системы, лишённая вследствие этого перспектив реального развития и воспроизводящая соответствующую политически и экономически влиятельную «пятую колонну» внутри страны, «агентов влияния» глобальных элит;

– западническая тенденция в российской элите, актуализирующая деструктивные социокультурные процессы в интересах глобальных элит, связанные с разрушением традиционных российских духовно-нравственных ценностей, фальсификацией отечественной истории и др.

Наиболее опасной угрозой для культурной сферы России в настоящее время является наметившаяся ныне глобальная тенденция перевода глобальной системы в новое состояние «цифрового паноптикума». Излишняя цифровизация беспредельно расширяет внешнюю доступность информации, что несёт угрозу для осуществления культурной коммуникации, которая эффективна, когда не только имеет предметно-информационную составляющую, но основана на живом общении как человека с человеком, так и человека с культурным предметом, предполагает целостный телесно-духовный акт взаимодействия. Рост объёма информации прямо пропорционален росту новых проблем, причём не влечет обязательного роста информационной культуры, развития творческого мышления и общей

культуры человека, а напротив, грозит диспропорциями и духовно-нравственными отклонениями.

Среди важнейших мер нейтрализации вышеперечисленных вызовов и угроз можно указать:

– проведение суверенной государственной политики, основанной на традиционных российских духовно-нравственных ценностях и соответствующем им стратегическом целеполагании развития;

– воссоздание суверенной самодостаточной социально-экономической системы в направлении создания социального государства (в соответствии со ст. 7 Конституции Российской Федерации);

– концептуальное определение и осмысление национальной идеи как вектора и основы развития, социокультурной самоидентификации граждан;

– стратегическое целеполагание на социальную справедливость как основу национальной идеи, воплощаемую в преобразованной суверенной социально-экономической системе;

– выход из глобальных проектов и международных организаций (по крайней мере, из особо «токсичных» из них, ставящих Россию в униженное, зависимое и невыгодное положение);

– отстранение от рычагов управления страной (политическими и правовыми методами) тесно связанных с глобальной элитой и её нынешними античеловеческими проектами «агентов влияния» внутри страны;

– прекращение губительных «реформ образования», в том числе того, что связано с «дистанционным обучением»;

– воспитание подрастающего поколения в духе традиционных духовно-нравственных ценностей всесторонне развитой личности, творящей на благо общества.

В заключение можно сформулировать ряд рекомендаций. Прежде всего, в современных условиях следует исходить из того, что культура не функция развития социально-экономической и политической системы, а значимый фактор, во многом определяющий развитие других сфер общественной жизни. Не случайно в сообществах, где культуре уделяется повышенное внимание, отмечается существенно более низкий уровень внутренних угроз национальной безопасности. Вот почему на современном этапе развития нашего общества именно культура становится одним из ключевых факторов государственного строительства и обеспечения безопасности Российской Федерации.

В этой связи современная государственная культурная политика России должна быть скорректирована в сторону поиска баланса между процессом коммерциализации культуры и интересами российского общества. Ориентация только на политику социальных трансфертов практически исключает из современной государственной культурной политики активную часть формирующегося гражданского общества – молодежь.

Не имея возможности активно участвовать в общественной жизни страны и государственном управлении, молодежь проявляет себя во вне институциональных формах социальной активности.

Следует активнее развивать и реализовывать культурную политику, основанную на государственно-гражданском партнерстве, включая различные формы государственно-частного партнерства. При этом деятелям культуры, сотрудникам музеев, организаторам выставок, работникам библиотек и других культурных учреждений надо стремиться демонстрировать уникальность русской культуры и одновременно ее целостность с мировым культурным пространством.

Этому может способствовать разработка новых культурных продуктов, поскольку ценность культуры демонстрируется через её видимые проявления. Национальное культурное наследие должно стать одним из доминантных источников формирования массовой культуры в России; необходимо придать массовой культуре национальный колорит и интегрировать национальные духовные ценности в массовый контекст, используя для разработки и реализации культурной политики все возможности современных культурных индустрий.

Правительство Российской Федерации должно в полной мере использовать культурное наследие страны как ресурс для духовного и экономического развития общества, повсеместно поддерживать высокий авторитет русской культуры за рубежом и постоянно укреплять международное культурное сотрудничество.

Министерством культуры и Министерством образования Российской Федерации должны быть разработаны меры, направленные на поддержку распространения русского языка и культурного наследия в международном пространстве. Необходимо выделять больше финансовых средств и квот на обучение иностранных студентов в российских высших учебных заведениях. Особое внимание следует сконцентрировать на увеличении количества студентов из стран СНГ или «ближнего зарубежья», если мы не хотим утратить полностью своё влияние на территориях, входивших прежде в состав Советского Союза.

Необходимо расширить сеть культурно-досуговых учреждений нового типа, соответствующих уровню научно-технического развития общества, привлекательных для молодёжи широким спектром предлагаемых культурных услуг и открывающих перед ней широкие возможности для удовлетворения культурных интересов и реализации потребностей в творческом саморазвитии; обеспечить развитие системы художественного образования и эстетического воспитания молодёжи и её государственную поддержку.

Подводя итоги, можно сформулировать ряд выводов, важных для правильной оценки угроз национальной безопасности в сфере культуры:

1. Разрушение традиционных духовно-нравственных ценностей ведёт к потере Россией своей цивилизационной идентичности и, в конечном счёте, к утрате суверенитета.

2. Необходимость сохранения и укрепления традиционных ценностей возникает вне зависимости от внешнеполитических факторов. Вместе с тем негативное внешнее информационно-психологическое воздействие, безусловно, имеет значение и проявляется во всех перечисленных сферах. Меры противодействия такому влиянию также должны носить комплексный характер в рамках единой государственной культурной, образовательной, научной и информационной политики.

3. Комплекс факторов, порождающих угрозу разрушения традиционных ценностей, равно как и комплекс мер по противодействию этой угрозе, охватывает сферы культуры, образования, науки, средств массовой информации и информационных технологий. Соответственно, необходима единая государственная политика, проводимая в перечисленных отраслях.

4. В настоящее время такая единая государственная политика находится в стадии становления. Это проявляется, в частности, в отсутствии управляющего субъекта, полномочия которого позволяли бы координировать и контролировать деятельность отдельных органов власти в соответствующих отраслях. Рост угроз национальной безопасности делает создание такого органа одним из условий сохранения России как суверенного государства и самобытной цивилизации. Решение этой проблемы зависит исключительно от политической воли высшего руководства страны.

5. Современной России нужна собственная национально-государственная система идеологических принципов развития, без которой общество оказывается лишенным чётких и ясных перспектив своего движения в будущее. При этом следует понимать, что идеологический вакуум имеет свойство заполняться чуждыми, а порой и враждебными идеологическими доктринами, вносящими разброд и неуверенность в сознание граждан страны.

6. Новая идеология вряд ли может быть создана по какому-то высочайшему повелению, ибо её действенность должна корениться в социально-историческом опыте народа. Её основная задача – быть основой для социального единения граждан, установки ценностных ориентиров общенационального масштаба, в том числе в области безопасности.

2.12. Вызовы и угрозы в духовно-нравственной сфере

Культурная и духовная сферы занимают важное место в системе национальной безопасности Российской Федерации. Это связано, с одной стороны, с тем, что с учетом долгосрочных тенденций развития ситуации в Российской Федерации и в мире ее национальными интересами на современном этапе являются:

– сбережение народа России, развитие человеческого потенциала, повышение качества жизни и благосостояния граждан;

– защита конституционного строя, суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности Российской Федерации, укрепление обороны страны;

– поддержание гражданского мира и согласия в стране, укрепление законности, искоренение коррупции, защита граждан и всех форм собственности от противоправных посягательств, развитие механизмов взаимодействия государства и гражданского общества;

– развитие безопасного информационного пространства, защита российского общества от деструктивного информационно-психологического воздействия;

– устойчивое развитие российской экономики на новой технологической основе;

– охрана окружающей среды, сохранение природных ресурсов и рациональное природопользование, адаптация к изменениям климата;

– укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, сохранение культурного и исторического наследия народа России;

– поддержание стратегической стабильности, укрепление мира и безопасности, правовых основ международных отношений[212].

Духовной основой стратегических целей обеспечения национальной безопасности Российской Федерации в области культуры выступают единые духовно-нравственных и культурно-исторические ценности:

– приоритет духовного над материальным;

– защита человеческой жизни, прав и свобод человека;

– семья;

– созидательный труд;

– служение Отечеству;

– нормы морали и нравственности, гуманизм, милосердие, справедливость, взаимопомощь, коллективизм;

– историческое единство народов России;

– преемственность истории России.

В Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации В. Путин обратил внимание на такую

[212] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // Рос. газ. 2021. 3 июля.

духовно-нравственную норму, как «семья», которую предлагается рассматривать как «любовь, счастье, радость материнства и отцовства, крепкая связь нескольких поколений; уважение к старшим и забота о детях … чувство уверенности, защищенности и надежности…»[213].

Определение понятия «духовная сфера» сформулировано в Основах государственной культурной политики как «система представлений о мире и человеке, о человеческом обществе и отношениях людей, о ценностях и их иерархии»[214]. Определение ёмкое, но максимально общее, поэтому его нужно уточнить и систематизировать.

Основой духовной сферы современного российского общества является нематериальное культурное наследие, которое включает:

– языки народов России;

– народные обычаи;

– традиционные религии;

– науку и научную деятельность;

– представления о картине мира, происхождении и истории народов нашей страны;

– философские системы и морально-этические нормы, признанные российским обществом;

– дипломатию и политику;

– экономику и инженерно-технические индустрии;

– информационные технологии;

– народное, классическое и современное искусство;

– педагогические традиции, системы воспитания и образования, формирующие традиционные ценности в обществе.

В духовную сферу входит не только наследие прошлого, но и современная деятельность в области культуры и общественной жизни. Современная творческая деятельность по развитию духовной культуры формируется на основе отечественного нематериального наследия, социокультурных и технологических российских инноваций, а также заимствований из зарубежного опыта, международных практик и образцов. Таким образом, во всех регионах нашей страны происходит формирование уникальной социокультурной среды, которая, имея свои национальные и региональные особенности и традиции, объединена со всей Россией общим историческим и культурным прошлым, а также современным развитием на основе новейших идей, творческих практик, научных, экономических и технологических процессов, связанных с гуманитарными, инженерными и информационными инновациями.

---

[213] Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации (2020 г.). – URL: http://kremlin.ru/events/president/news/62582 (дата обращения 12.08.2021).

[214] Указ Президента Российской Федерации от 24.12.2014 г. № 808 Об утверждении Основ государственной культурной политики. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/39208 (дата обращения 13.08.2021).

Международная конкуренция в духовной сфере связана с внешней экспансионистской политикой крупных зарубежных государств, направленной на вмешательство в социокультурные процессы, особенно успешные, наблюдаемые в других странах. Вмешательство зарубежных стран, как правило, имеет своей первоочередной целью ослабить Россию и лишить её преимущества в духовной сфере, которое было основанием национальной мощи нашей страны на протяжении более тысячи лет её истории. Вместе с передовыми технологиями, рекламой, модными товарами, кинематографом, а теперь и Интернетом навязывались и продолжают навязываться ценности и образ жизни, чуждые народам нашей страны. Главной задачей государств, конкурирующих с Российской Федерацией, являются подмена и извращение ценностей и смыслов национальной духовной культуры, дискредитация традиций и истории нашей страны, т.е. уничтожение и забвение нематериального наследия народов, живущих в России. Речь в данном случае идёт о политических и экономических элитах европейских и североамериканских государств, грезящих о мировом господстве.

Необходимо понимать, что большинство народов зарубежных государств положительно или неагрессивно относятся к Российской Федерации.

Угрозы безопасности России в сфере духовной культуры можно разделить на объективные и субъективные, хотя во многих случаях это деление условно.

Объективные угрозы безопасности в сфере духовной культуры российского общества:

– деградация языковой культуры;

– низкий уровень среднего и технического образования населения;

– забвение национальных, региональных и местных традиций в городах, особенно в мегаполисах;

– слабое финансирование социокультурной сферы на региональном и муниципальном уровнях;

– низкий уровень профессиональной подготовки управленческих кадров в государственных и муниципальных учреждениях в регионах;

– незнание отечественной истории и истории своего края;

– исчезновение массового краеведческого движения;

– слабая финансовая поддержка со стороны государства гуманитарных наук, особенно культурологии и искусствознания;

– слабая координация деятельности телевидения и органов управления культурой и образованием как на федеральном, так и на региональном уровнях;

– вытеснение высоких образцов культуры и искусства профанной массовой продукцией низкого уровня, основанной на коммерческих подходах;

– формальная и неполная реализация федеральных и региональных программ развития культуры;

– неупорядоченность российской системы законодательства в сфере культуры;

– отсутствие федерального закона о нематериальном культурном наследии народов Российской Федерации;

– слабая профессиональная подготовка кадров в сфере культуры и досуга;

– деградация организации досуга населения, особенно в средних и малых городах, а также сельских поселениях;

– отсутствие системы в работе по поддержке социальных инициатив в сфере культуры в регионах;

– неуклонное увеличение материального расслоения общества, размывание среднего класса и нарастание социальной поляризации;

– ограниченное количество «социальных лифтов» для молодёжи в регионах;

– массовое потребление алкоголя и наркотиков;

– маргинализация части населения;

– усиление раскольнических групп в православии и исламе в России;

– массовое увлечение населения псевдорелигиозными культами в регионах;

– рост националистических настроений в регионах.

Субъективные угрозы безопасности в сфере духовной культуры российского общества:

– массовая интернет-зависимость населения, особенно молодёжи, от зарубежных источников информации, игр и специальных программ;

– навязанные из-за рубежа чуждые социокультурные стереотипы и ценности, основанные на культе неограниченных удовольствий, вседозволенности и насилии, расовой, национальной и религиозной нетерпимости;

– целенаправленные попытки пересмотра и искажения российской и мировой истории зарубежными «специалистами» и «учёными»;

– умаление значения выдающихся побед российской армии, культурного исторического опыта наших народов по защите Отечества;

– дискредитация России, её государственного руководства, российских вооружённых сил, русского народа и других народов нашей страны, отечественных традиций и культуры;

– идеологическая обработка российских студентов, обучающихся в учебных заведениях за рубежом, их подготовка к дальнейшему «сотрудничеству» после окончания обучения;

– давление, направленное на раскол в Русской Православной Церкви, со стороны западных стран и целенаправленное воздействие на российское мусульманское сообщество в целях его радикализации со стороны ряда азиатских государств;

– внедрение в российское общество идей, связанных с региональным сепаратизмом, в том числе идей национально-культурной исключительности;

– появление и «стихийное» создание анклавов компактного проживания эмигрантов одной национальности, которые не признают социокультурных традиций местного коренного населения, а также общероссийских этических норм общественной жизни.

Перечисленные проблемы могут привести российское общество к дестабилизации, духовной разобщённости, кризису социальных ценностей и духовной культуры, что может создать угрозу безопасности России.

Вокруг России и её союзников в настоящее время США и страны НАТО пытаются возвести политический, экономический, культурный и информационный «железный занавес». В нашей истории было немало примеров таких политических действий, которые всегда заканчивались их крушением. Нам нет необходимости закрываться от наших зарубежных оппонентов, но мы обязаны ограничить или свести на нет их негативное влияние на жителей нашей страны, особенно на молодое поколение. Поэтому России как суверенному государству необходимо вести активную, последовательную и взвешенную внутреннюю и внешнюю политику по сохранению нашей духовной сферы. Дискредитация России и демонизация её государственного руководства, в первую очередь Президента Российской Федерации В.В. Путина, как известно, вызваны серьёзными успехами нашей страны в восстановлении экономики и оборонного потенциала после существенных потерь 1990-х годах. К этим факторам, безусловно, надо добавить воссоединение с Крымом и успехи в борьбе с мировым терроризмом в Сирии.

Против России введены все мыслимые и немыслимые санкции, а также развязана настоящая информационная война. Эти действия в международных отношениях направлены на изоляцию России от внешнего мира, что у наших оппонентов получается слабо. Информационная война внутри России, направленная на дискредитацию российского руководства, вооружённых сил, внутренней политики и отечественной культуры, требует системного противодействия, так как наши оппоненты используют трудности роста и проблемы развития нашей страны, которые не могут быть решены в кратчайшие сроки. Защита отечественной культуры и традиционных ценностей российского общества стала приоритетом в государственной политике сравнительно недавно, однако сделано уже много, хотя, естественно, недостаточно, учитывая, что социокультурная сфера была на периферии государственных интересов многие годы.

В практике государственного строительства есть пагубная особенность – создавать законодательство и подзаконные акты, но не проводить работу над ошибками, не вести реальную аналитическую и объективную экспертную деятельность по реализации законодательства, федеральных и региональных программ. Поэтому необходимо создать эффективные экспертные сообщества, которые должны договориться об алгоритме деятельности,

закреплённом в документах, и которые должны действовать без давления, с одной стороны, государственного бюрократического аппарата, а с другой – так называемых либеральных специалистов. При этом эксперты в своей работе должны получать полную и объективную информацию и иметь возможность привлекать специалистов из научного сообщества. Таким образом, эксперты должны иметь права и обязанности, закреплённые законодательными или подзаконными актами, и открыто докладывать обществу и государству, как реализуются законы и государственные программы разных уровней. Доклады экспертов в определённые сроки должны рассматриваться органами государственной власти и управления, после чего они обязаны принимать конкретные решения по корректировке законодательных и нормативных актов, а также при необходимости вносить изменения в федеральные и региональные программы.

Несмотря на наличие достаточно большого количества законов в социокультурной сфере, постоянно поднимается вопрос о создании федерального закона о культуре, что связано с некоторой неупорядоченностью российской системы законодательства в сфере культуры. Поэтому необходимо провести кодификацию всех существующих законов в сфере культуры и после этого осуществить правовую реформу, которая может реально создать эффективное и актуальное социокультурное законодательство. В этой связи становится понятно, что отсутствие федерального законодательства в сфере нематериального культурного наследия серьёзно осложняет деятельность по защите и сохранению духовной культуры. В ближайшем будущем необходимо выработать основы законодательства по сохранению и использованию нематериального культурного наследия, на основе которого затем доработать существующие федеральные законы и создать новые.

В Российской Федерации неоднократно поднимался вопрос о введении цензуры, однако военно-политическое руководство страны справедливо отказалось от этого. В настоящее время остро стоит вопрос об ограничении поступления информации через СМИ и Интернет, которая противоречит морально-нравственным и культурным нормам народов, проживающих в Российской Федерации. При этом политическая и нравственная цензура в различных государствах Европы, Америки и Азии действует давно и отмене не подлежит. В России слово «цензура» имеет негативный оттенок, поэтому его нет смысла употреблять, но введение экспертизы текстов и изображений в СМИ и Интернете стало насущным вопросом в борьбе за умы и нравственность российской молодёжи. Интернет невозможно отменить, а значит, необходимо научить детей и молодёжь правильно воспринимать информацию в глобальной сети. Для этого необходимо разработать методические рекомендации для учителей и через систему повышения их квалификации провести переподготовку педагогов.

Кроме переподготовки педагогов и воспитателей, должна проводиться специальная работа по созданию на телевидении и размещению в сети Интернет интересных российских программ и информационных платформ, которые отвлекут молодёжь от зарубежных источников информации. С молодыми людьми надо разговаривать, потому что никакие современные технические возможности не заменят живого человеческого общения. Для такой деятельности у педагогов должно быть время в учебном процессе, а они сами должны иметь соответствующий набор компетенций, чтобы уметь противостоять навязанным из-за рубежа чуждым социокультурным ценностям, основанным на культе неограниченных удовольствий, вседозволенности и насилия, национальной и религиозной нетерпимости.

Многие важные и актуальные программы и проекты в нашей стране, носят характер разовых кампаний, что недопустимо в работе, связанной с научно-просветительской и образовательной деятельностью по сохранению и изучению истории, а также по противодействию её фальсификации и искажению. Эта важнейшая работа должна стать не только предметом деятельности общественных организаций и специализированных объединений ветеранов и историков-любителей, но и профессиональных государственных организаций.

Проблемой защиты нашей отечественной истории и российского понимания исторических процессов, происходивших в мире, должны заниматься профессиональные учёные, работающие в государственных и академических научных и образовательных учреждениях, а результаты их работы должны распространять педагоги в школах и преподаватели в вузах, а также специалисты в информационной сфере.

Таким образом, необходимо создать межотраслевую федеральную программу по противодействию фальсификации и искажению истории, которая должна действовать на постоянной основе и на протяжении многих лет. К реализации этой программы целесообразно подключить российскую дипломатию и международные организации, чтобы доводить правдивую информацию о нашей истории до зарубежной общественности. Будет справедливо, если при получении гражданства будущие граждане России сдавали бы экзамен не только на владение русским языком, но и на знание основ российской истории. За последнее время стало хорошей практикой проведение сочинений на знание географии и диктантов по русскому языку для населения России, нет смысла повторять эту форму просветительской деятельности, однако массовая пропаганда знаний по истории нашего Отечества необходима и безотлагательна.

Проблема вытеснения «высоких» образцов культуры и искусства массовой культурой низкого уровня и продукцией, основанной на коммерческих подходах, в повседневной жизни крупных городов и сельских поселений значительно различается. И такое положение было всегда. Как его можно избежать или нивелировать?

Эти вопросы уже много лет решаются Министерством культуры России, другими федеральными министерствами и ведомствами.

Первый вопрос – это доступность «высоких» образцов культуры и искусства для населения, проживающего в местах, отдалённых от культурных центров. В настоящее время доехать до культурных центров стало значительно легче, но вот купить билеты в театр или крупные концертные залы многим приезжим, да и жителям городов, не всегда по карману. В этой связи можно вернуться к практике проведения «шефских» спектаклей и концертов для целевых аудиторий, в первую очередь для молодёжи, инвалидов и лиц с ограниченными возможностями, которые могут финансировать благотворительные организации.

Второй вопрос связан с отсутствием желания неподготовленных людей посещать театры и филармонии, музеи и выставки. Это комплексная проблема, связанная со школьным образованием и воспитанием в семье, потому что стремление к высоким образцам культуры и искусства прививается с детства и юности. В этой связи можно предложить создание таких преференций учебным заведениям, чтобы они имели возможность водить учащихся в музеи, на выставки, на концерты и в театры со скидками и на постоянной основе. В этой работе важное место занимают туристские поездки старшеклассников в Москву, Санкт-Петербург и региональные центры, во время которых они имеют возможность посещать музеи, выставки, концерты, театры и т.д. В настоящее время из-за пандемии COVID-19 туристские поездки с культурно-познавательными целями свёрнуты, но по мере снижения заболеваемости их надо восстановить и расширить.

Третий вопрос связан с работой телевидения и Интернета, которые ещё недостаточно насыщены видеопродукцией, текстами и изображениями, представляющими лучшие произведения отечественного искусства и культуры. Необходимо возродить моду на культуру и искусство в российском обществе, а для этого нужно культивировать и развивать социокультурную деятельность в каждом регионе, каждом крупном, среднем и малом городе, а по возможности в каждом сельском поселении. К сожалению, на это пока не хватает денег, да и очень мало в настоящее время подготовленных профессиональных специалистов в этой сфере.

Огромную опасность для разрушения духовных основ современного российского общества несёт массовая культура, представляющая собой целую индустрию иллюзорного сознания. Её экспансия осуществляется не спонтанно, не с помощью каких-то спорадических и разрозненных акций, но целенаправленно и планомерно в ходе разнообразных по целям и задачам кампаний, цель у которых одна – разрушить скрепы, соединяющие народ в единое целое, подорвать традиции и устои, которые являлись основой его жизни на протяжении столетий.

Массовая культура, преднамеренно принижающая рациональное начало в человеке и смакующая тёмные, иррациональные и не поддающиеся

контролю стороны его психики, разрушает в человеке все человеческое и превращает его социальную жизнь не в «ноо-», а в «зоосферу». В результате разрыва социальных связей общество атомизируется и вступает в состояние аномии, сопровождающееся дезорганизацией социальных институтов, проявлением девиантного поведения в массовых масштабах. В силу того, что люди сознательно нарушают элементарные правила совместного проживания и нормы межчеловеческого общения, создаются опасные ситуации, грозящие серьезными последствиями, особенно в разгар пандемии COVID-19.

Аномичный человек пренебрежительно относится к социальным ценностям и потребностям других, а его основополагающими смысложизненными установками оказываются скептицизм и нигилизм. В настоящее время воздействие массовой культуры становится всё более изощренным и разнообразным благодаря созданию новых технологий, позволяющих управлять огромными массами людей. Нужные стереотипы поведения посредством внешне незаметного вкрапления внедряются в содержание литературно-художественных произведений, в тексты песен и рекламных роликов, оказывая свое разрушительное влияние на подсознание аудитории.

Культурные перемены, происходящие на протяжении трёх последних десятилетий, оказали существенное влияние на состояние русского языка. Изменения в лексике и стилистике, на которые указывалось выше, продолжаются и в настоящее время. Обилие иноязычных слов (взятых в основном из английского языка), которыми наполнены современная реклама и интернет-пространство, существенно ухудшает возможность коммуникации между людьми, становится причиной разрыва связей между поколениями, в силу чего утрачивается культурная преемственность. Засорённый иностранными заимствованиями, арготизмами и вульгаризмами, тюремной лексикой и разного рода провинциализмами русский язык всё более утрачивает свою функцию средства межнационального общения и неуклонно сдаёт свои позиции на международной арене.

Еще одним фактором формирования в нынешней России общества риска становится стремление некоторой части творческой интеллигенции к самоутверждению или самовыражению любыми доступными способами, даже теми, что связаны с отрицанием и высмеиванием всего культурного достояния, накопленного и сохраненного прежними поколениями национальных творцов и гениев. В своём стремлении к самоутверждению, осуществляемому через отрицание классической традиции, они порой готовы стереть границы между нормой и патологией, добром и злом, созиданием и разрушением, осуществить подмену подлинных ценностей мнимыми. Основными эпицентрами зарождения опасностей и угроз в сфере духовной культуры становятся мегаполисы, где сконцентрированы учреждения культуры, где задаются образцы культурных стереотипов, где наиболее активно протекают как позитивные, так и негативные процессы в области

культуры. Именно их обитатели в первую очередь оказываются подверженными антикультурным влияниям, приходящим извне, всякого рода новомодным течениям, зачастую противоречащим и враждебным национальным культурным традициям, в результате чего создается ситуация риска для общества в целом и для подлинно высокой и традиционной национальной культуры, в частности.

Внутренней угрозой в сфере духовной культуры представляется кризис институтов демократии, проявляющийся как социальное отчуждение личности, влекущее за собой разочарование в самом демократическом идеале общественного устройства, социальную и культурную пассивность большей части гражданского общества, без чего оказывается невозможным прогрессивное развитие социума. В этой связи исследователи выделяют ряд специфических показателей (маркеров), которые характеризуют кризисное состояние нынешней российской культуры. Среди них наряду с неправомерным принижением культурного фактора в общественном развитии и неоправданным форсированием процесса коммерциализации культуры действует «остаточный принцип» финансирования культурной сферы, пренебрежительное отношение к несомненным достижениям отечественной культуры, разрушение и утрата памятников исторического и культурного наследия, антагонизм между ценностями культуры и ценностями жизни, ведущий к духовной деформации сознания разных слоёв населения страны и прежде всего молодёжи.

Произведённый анализ информационно-культурного контента позволил выявить центр сил, несовместимый с традиционными ценностями российской цивилизации[215]. При всём многообразии политико-идеологических оттенков, культурных форм, средств и технологий воздействия он имеет чётко опознаваемый маркер: двойственность, абсурд и нарушение законов логики, к которым прибегают его носители, чтобы продолжать манипулировать сознанием и разрушать целостность бытия. В культурно-информационном пространстве провоцируются ситуации когнитивного диссонанса и конфликтов, когда человеку приходится либо смириться с алогизмами и «жизненными парадоксами», что ведёт к духовно-нравственному распаду личности, либо отказаться от свободы выбора, совести вообще и покорно следовать предложенному «внешней силой» алгоритму (когда моральный выбор между добром и злом, справедливым и несправедливым просто невозможен). В обществе, где единство построено на почве двуличия, жадности одних и условных рефлексах, социальных инстинктах других, нет места отечественной традиции и духовно-нравственным ценностям.

---

[215] См.: *Закунов Ю. А.* Символические войны против цивилизационной идентичности России // Русская цивилизация в глобальных конфликтах: исторические уроки и духовные смыслы: сборник материалов научных конференций, организованных Институтом наследия и РИИИ под эгидой Санкт-Петербургского международного культурного форума в 2018–2019 гг. М.: Ин-т наследия, 2020. С. 255–356.

Другой фундаментальный принцип, объединяющий противников отечественных цивилизационных ценностей независимо от политико-идеологических и философских оттенков, – это духовно-нравственная беспринципность, позволяющая манипулировать сознанием людей и оставаться при этом безнаказанными, возлагать ответственность за якобы свободное и осознанное принятие решения на людей, которые его на самом деле принять не могут либо в силу своей некомпетентности, интеллектуальной и духовной незрелости, либо в силу недостатка необходимых ресурсов.

Механизм разрушения не лежит на поверхности, внешне он предстаёт не обязательно как либеральный, антигосударственный, антиправославный или антинациональный. Эти силы мимикрируют, эволюционируют в зависимости от конъюнктуры в свои антитезы, могут предстать в одеждах общественного блага и демократии, государственного патриотизма, религиозности или приверженности национальным интересам, но блокируют, шельмуют или замалчивают всё, где императивами являются подлинные ценности.

Важнейший механизм деструкции – навязывание обратных противоестественных связей и отношений, что легко сделать в ситуации бездуховности. Это создание конфликтов как внутри самого человека (между телом и душой, между умом, волей и чувствами), так и между человеком и микросоциумом, между человеком и обществом. Создаются ситуации, при которых воля ослабляется, а чувства распаляются. На уровне социума это подогревание авторитета медийных личностей, сферы искусства вообще, достигающее невиданных ранее размеров, способное обессиливать, казалось, могущественные институты социализации. Трудолюбие, созидательность, солидарность, самодисциплина, законопослушность, духовное послушание, любознательность, воинский подвиг, семья и целомудрие – всё это отступает на второй план. Может возникнуть опасность со стороны власти противодействовать этому путём замещения культурного контента информацией преимущественно политического, экономического, социального характера, что, собственно, сейчас часто и делается. Но это в корне неверно. Природа не терпит пустоты, культурные и духовные «хранилища» тут же заполняются всяким хламом. Делать ставку на школу и профессиональное образование без воспитательного компонента бесполезно, тем более собственно культурно-эстетическая составляющая в обязательных программах минимальна и ограничена младшими классами. Надеяться, что идейно-патриотический компонент традиционных гуманитарных дисциплин (литература, история) сделает своё дело без опоры на современный медиаконтент, культурные практики и Интернет – наивно. Одним из отличительных признаков антинациональных сил является их воздействие на молодое поколение, особенно на детей по причине их социально-психологической и физической несформированности, наивности и незащищённости. Если власть не найдёт средств для создания

современного качественного культурно-информационно-образовательного контента для детской и молодёжной аудитории, способного вытеснить антитрадиционные ценности, то молодое поколение будет развиваться под воздействием западной идеологии и ценностей.

Спасительную роль здесь может сыграть обращение к отечественному духовно-эстетическому наследию, народному творчеству (художественным промыслам, фольклору) и русской классике, где пропаганда отечественной духовности через искусство и традиционный образ жизни способствует самореализации молодежи, воспитанию патриотизма. Это должно быть не формальное копирование или суррогат (подделки), а творческое развитие и обучение, создание новых эстетических канонов и образцов. Здесь необходима не просто программа поддержки и развития народных художественных промыслов и народного творчества, но комплексная межведомственная и межотраслевая государственная культурная политика.

Особое значение имеют живые носители традиции, нуждающиеся в поддержке государства, создании условий для работы художественных мастерских, народного театра, пения и т. п. Если исчезнет подлинное народное искусство с его художественностью, одухотворенностью, певучестью и мелодичностью, уникальным золотым цветом, природными узорами, выявляющими присутствие божественного света, радующие красотой и возводящие к первообразу, то наш народ потеряет не только свою историю, он потеряет свою национальную душу.

Центры современного искусства, казалось, призванные создавать альтернативу массовой культуре, как правило, являются рассадниками антитрадиционного контента, деструктивного псевдоискусства, транслирующими постмодернистские образцы. Поэтому необходимо прекратить использование государственных площадок для антинационального контента и предоставлять место талантливым современным художникам, способным предложить свежие оригинальные творческие решения и образы, при этом продвигающим отечественную духовно-эстетическую традицию и нравственные ценности.

Таким образом, достижение стратегических целей государственной культурной политики тесно переплетается с проблемами обеспечения национальной безопасности, образуя сложный узел проблем, распутать который можно только решив главную проблему – активизации культурного наследования как процесса воспитания и конкретизации целостного духовно-душевно-телесного национального акта (например, Национальная Идея) на основе отечественной ценностно-цивилизационной парадигмы. Этот акт призван быть основой формирования общей культуры, образованности и профессиональной компетентности, при этом должен придавать целостность, т.е. структурно-функциональную системность и общий смысл, всем видам деятельности человека и государства, всего национального сообщества. Именно его культивирование является гарантом обеспечения

национального единства и безопасности, наиболее эффективным средством нейтрализации угроз как в краткосрочной, так и среднесрочной перспективе.

В развернувшейся культурно-информационной войне враждебными являются транслируемые ценности общества глобального потребления, которые не имеют границ и подрывают страну изнутри.

Президент Российской Федерации В.В. Путин, выступая на пленарной сессии XVIII заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай», заявил: «…мы с удивлением смотрим на процессы, разворачивающиеся в странах, которые привыкли считать себя флагманами прогресса. Кто-то в западных странах уверен, что агрессивное вымарывание целых страниц собственной истории, «обратная дискриминация» большинства в интересах меньшинств или требование отказаться от привычного понимания таких базовых вещей, как мама, папа, семья или даже различие полов – это, по их мнению, и есть вехи движения к общественному обновлению»[216].

Глядя на происходящее в ряде западных стран, можно заметить, что борьба за равноправие и против дискриминации превращается в агрессивный догматизм на грани абсурда, когда великих авторов прошлого – В. Шекспира перестают преподавать в школах и университетах, потому что они, эти идеи, являются отсталыми. В совершенную фантасмагорию превратилась в ряде западных стран дискуссия о правах мужчин и женщин. Ревнители новых подходов заходят так далеко, что хотят отменить сами эти понятия. Тех же, кто рискует сказать, что мужчины и женщины все-таки есть и это биологический факт, подвергают чуть ли не остракизму. «Родитель номер один» и «родитель номер два», «родивший родитель» вместо «мама», запрет на использование словосочетания «грудное молоко» и замена его «человеческим молоком» – чтобы люди, неуверенные в собственной половой принадлежности, не расстроились. Детям в странах западной демократии сегодня с малолетства внушают, что мальчик легко может стать девочкой и наоборот, фактически навязывают им якобы имеющийся у каждого выбор. Навязывают, отстраняя от этого родителей, заставляя ребенка принимать решения, способные сломать ему жизнь. Называя вещи своими именами, это уже просто на грани преступления против человечности, и все под именем и под знаменем прогресса[217].

Различение самого человека и его убеждений, вера в то, что заблуждающегося можно исправить, помогут сделать сегодняшних идейных врагов России её союзниками. Здесь как минимум необходимо если не подавить, то нейтрализовать пагубное влияние наиболее активных пропагандистов чуждых идей и образа жизни через яркие положительные примеры реализации традиционных ценностей, эффективно используя всевозможные каналы коммуникации, пересмотрев при этом функции

---

[216] Владимир Путин принял участие в пленарной сессии XVIII заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай». – URL: http://kremlin.ru/events/president/news/66975 (дата обращения 17.10.2021 г.).

[217] Там же.

средств массовой коммуникации, возложив на них образовательно-воспитательные задачи в неменьшей степени, чем это имеет место в семье, школе и других институтах социализации. При этом духовно-нравственные ценности должны быть результатом собственного выбора человека на основе национально-культурного духовного акта, они должны быть привлекательными, обращаться к лучшим сторонам души человека и приносить радость.

Минимизация названных выше угроз видится на путях утверждения новых канонов и образцов, воплощающих ценности российской цивилизации в современных условиях. После падения «железного занавеса» это стало возможным благодаря извлечению уроков из героического и одновременно трагического прошлого, решительному отказу от западных рецептов организации общественного бытия. Речь идёт об отечественных ценностях, несовместимых как с вульгарными материализмом, интернационализмом, атеизмом, позитивистским правопониманием, идеологизированностью искусства и морали, так и с псевдодуховным трансцендентализмом, космополитизмом, эстетикой авангардных и постмодернистских течений «contemporary art», убивающими искусство как таковое.

Требует особого внимания проблема отсутствия межведомственного организационного механизма, отвечающего за цельность культурно-информационного пространства. Для этого нужен особый координирующий орган управления (социальный институт), инструменты функционирования которого должны быть целостными, всеохватными. Поскольку одним формально-правовым государственным инструментам это не под силу с учетом ценностной специфики, то он должен не столько отражать многообразие интересов гражданского общества, сколько выражать его духовно-историческое единство.

Ценностно-цивилизационный подход предполагает разграничение полномочий заявленных институциональных структур культурной политики. Главным содержанием этой политики в контексте национальной безопасности, её целевым объектом, объединяющим ключевые сферы, должен стать процесс духовно-национального творческого акта, складывающегося из целостной системы рациональных знаний, практических умений и навыков и индивидуальных смыслов, объединённых в единую систему традиционных ценностей. В этом духовном и творческом отборе, иерархизации, самостоятельном открытии, применении знаний и способов деятельности в различных предметных сферах и заключается условие достижения совершенства и конкурентоспособности, а значит, обеспечения национальной безопасности.

Справедливо считается, что развитие человека невозможно без физической культуры и спорта, и в настоящее время в России повсеместно развивается физкультурная и спортивная деятельность для всех групп населения. Нечто подобное должно происходить в нашей стране и с духовной культурой, в организации которой также может быть заложен

соревновательный принцип, связанный с проведением всероссийских, региональных и местных конкурсов, фестивалей и соревнований, связанных с социокультурной деятельностью, среди обычных людей, а не только профессионалов. Также важен масштаб проводимых социокультурных мероприятий и их широкое освещение на телевидении, в СМИ и Интернете.

В настоящее время актуальной задачей является создание условий и содействие социокультурному развитию общества за счёт эффективного использования современных коммуникационных технологий и формирования с их помощью единого информационного культурного пространства в Российской Федерации. Государственным и общественным организациям России необходимо сознательно и целеустремлённо выстраивать профессиональную среду цифровой информации в сфере культуры. В связи с этим требуется создание регуляторной среды цифровой информации в сфере культуры, которая должна обеспечить благоприятный режим для цифровизации культуры. Для этого необходимо выработать коммуникативные компетенции у участников информационного процесса.

В настоящее время чрезвычайно важно, чтобы цифровые платформы в сфере культуры формировали российские учёные и специалисты, а не их зарубежные коллеги, которые внедряют через свои программы и платформы идеи, искажающие отечественную историю и культуру, представляющие в извращённом виде современную жизнь народов нашей страны.

К социокультурным угрозам и проблемам относится и вопрос сохранения языков общения в повседневной среде обитания российского общества. В настоящее время многие эксперты и специалисты отмечают деградацию языковой культуры в различных социальных группах, в первую очередь среди молодёжи. Это настоящая угроза для российского общества, которое может утратить традиционные языки общения и вместе с ними потерять отечественную культурную идентичность.

Межкультурная коммуникация должна строиться на государственном языке и языке межнационального общения в нашей стране – русском языке. Общение в информационном пространстве культуры может также происходить на языках народов, проживающих на территории Российской Федерации. Также есть официальные языки ООН, которые активно используются в процессе коммуникации в сфере культуры. При этом необходимо отметить, что в современной цифровой среде используются два вида языков: первый – язык общения участников межкультурной коммуникации; второй – профессиональный язык, который используют создатели программных продуктов и участники процесса цифровизации.

Технологический язык основывается, как правило, на англоязычных терминах и, естественно, изменяет повседневный язык участников процесса. Поэтому необходимо создать корректирующие языковые механизмы, которые должны очищать от ненужных заимствований родные языки участников межкультурной коммуникации. Это проблема не только российская, в других странах ставятся аналогичные задачи по спасению

национальной языковой культуры. Поэтому следует изучить зарубежный опыт, чтобы не делать лишних ошибок.

В телевизионном эфире России должен звучать эталонный литературный русский язык, который не нужно произносить скороговоркой, как часто бывает у дикторов, чтобы экономить эфирное время. В Интернете возможно создать и установить программы, которые будут блокировать тексты с ненормативной лексикой и нарушением норм русского языка.

Проблемы, связанные с вызовами и угрозами в духовной сфере России и мерами по их противодействию, должны быть в центре общественного внимания и стать предметом рассмотрения учёных и специалистов. Это объясняется тем, что безопасность духовно-нравственной сферы (включая ее исторические, культурные, научные, образовательные, идеологические, религиозные, информационные, психологические и другие компоненты), как одна из составляющих системы национальной безопасности, является наиболее уязвимой с точки зрения деструктивного внутреннего и внешнего воздействия, нарастающие вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации в этой сфере жизни общества в настоящее время, не менее значимы, чем военно-политические, экономические и даже экологические угрозы.

К их числу относятся:

– политика бездуховности, осуществляемая США и их союзниками, направленная на историческое сознание и ослабление единства многонационального народа Российской Федерации.

– формирование мировоззренческого религиозного плюрализма, являющегося источником межконфессиональных конфликтов, опорочения образа священнослужителей и дискредитации религиозного потенциала российского общества как основы идентификации;

– отсутствие единой политической идеологии на уровне государства препятствует формированию патриотизма и укоренению патриотических ценностей в сознании молодежи, способствует ее увлеченности политико-культурными идеалами зарубежных стран, а также стереотипному (негативному) и антироссийскому восприятию собственной государственной политики;

– пропаганда свободы творчества и формирование условий для увеличения внебюджетных источников финансирования культуры ведет к распространению деструктивной для сознания человека культурной продукции («сексуальная революция», образы «светских львиц» и «мажоров», «внесемейное родительство», искаженное восприятие гендерных отношений), ведет к отказу от формирования в общественном мнении образа положительного героя;

– разрушение советской системы образования и включенность в образовательный процесс «товарно-денежных отношений» способствуют расцвету «лженауки», исключению из образовательного процесса воспитательных функций, снижению профессионального мастерства

российского учителя и падению его авторитета в глазах учеников, разрушению принципов всеобщности и равнодоступности обучения (по причине создания элитарных учебных центров и школ.

В целях противодействия угрозам и вызовам безопасности духовной сферы российского общества необходимо:

– разработать на государственном уровне ясную и национально ориентированную политику в сфере массовой информации, направленную на реализацию не только информационной, но, прежде всего, воспитательной, образовательной, пропагандистской функций СМИ;

– установить приоритет качественной отечественной продукции масскульта. Создать в творческих объединениях художественные советы, включив в состав которых наряду с представителями творческой интеллигенции, отмеченными заслугами перед Российской Федерации, представителей научного сообщества, обладающих широким научным признанием;

– в соответствии с основной направленностью положений закона «О рекламе» ввести обязательный регулярный контроль за телевизионной и иной рекламой, наложив запрет на сюжеты, где в интересах рекламы «играют» ложь, зависть, корысть, соблазн, индивидуализм, бездуховность, мещанство и т.д. (внести в закон «О рекламе» соответствующие изменения, повышающие ответственность за ненадлежащий контроль исполнения закона);

– провести при поддержке Общественной палаты Российской Федерации, депутатов Государственной Думы, Совета Федерации, Общественных советов ведомств глубокую коррекцию «рейтингового» репертуара телеканалов 1-го и 2-го мультиплекса с точки зрения морали, нравственности, духовной состоятельности;

– на основе продуманной государственной целевой установки всемерно развивать институт социальной рекламы как вид коммуникации, ориентированный на привлечение внимания к самым актуальным проблемам общества и его нравственным ценностям;

– кардинально изменить новостную политику информационных каналов, программ и передач, основанную в настоящее время на сенсационности, репортажах и отчетах о чрезвычайных положениях, авариях и катастрофах с человеческими жертвами;

– создать привлекательные для молодежи, доступные и конструктивные по рейтингу сайты (мессенджеры) в виде собственных, а не импортных программных продуктов;

– регламентировать деятельности центров, клубов и заведений молодежного досуга, в связи с необходимостью усиления контроля для воспрепятствования распространения в них наркотиков и психотропных веществ.

В качестве рекомендаций по формированию исторического сознания российского общества как фактора социальной стабильности

и национальной безопасности, в основе которого должна лежать национальная идея патриотизма, предлагается:

– отойти от эмоциональной акцентированности исторического сознания и с объективных позиций осмыслить исторический путь России, выводы, вытекающие из него, и извлечь уроки на будущее; также важно сформировать нравственный образ истории России;

– разработать концепцию нормативного исторического знания, которая легла бы в основу написания учебников по истории России для учащихся школ и студентов средних и высших учебных заведений;

– выделять гранты на создание научных, научно-популярных трудов, учебников и учебных пособий по различным периодам истории России, выполненных на основе концепции нормативного исторического знания;

– создать условия широкого доступа к архивным документам по историческим достижениям и победам России;

– создать условия для гражданского контроля интернет-контента;

– законодательно закрепить ответственность за попытки фальсификации истории России.

2.13. Вызовы и угрозы в сфере науки и образования

Отличительная особенность стратегии национальной безопасности России состоит в том, что в ее основу положена концепция «обеспечения безопасности через развитие страны». В то же время в странах Запада (США, Великобритании и др.) в качестве основных факторов национальной безопасности, помимо укрепления их оборонной мощи, рассматриваются лишь геополитика и геоэкономика. Современное развитие нашей страны на основе комплекса национальных проектов и государственных программ является важнейшим фактором обеспечения национальной безопасности.

Национальные цели развития России на период до 2030 года определены Указом Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 в следующем виде:

– сохранение населения, здоровье и благополучие людей;

– возможности для самореализации и развития талантов;

– комфортная и безопасная среда для жизни;

– достойный и эффективный труд, успешное предпринимательство;

– цифровая трансформация.

Осуществление этих целей планируется, главным образом, за счет инновационного развития экономики, здравоохранения и социальной сферы страны на основе создания и широкого использования новых технологий, их интеграции и перехода к новому технологическому укладу общества. Катализатором и интеллектуальным фактором этого процесса должна стать *цифровая трансформация* основных сфер жизнедеятельности общества на основе широкого применения информационных и коммуникационных технологий и методов искусственного интеллекта. Задача такого масштаба и сложности поставлена в нашей стране впервые, и для ее решения требуется *мобилизация всего интеллектуального потенциала страны.* В этих условиях роль науки и образования становится определяющей, так как именно в указанных сферах формируется интеллектуальный потенциал, готовятся кадры исследователей, специалистов и руководителей нашего общества. Однако в сфере науки и образования России имеются серьезные проблемы, вызовы и угрозы, как внешнего, так и внутреннего характера. Они потребовали проведения системного анализа для определения адекватных мер противодействия, результаты которого приведены ниже.

Внешние вызовы и угрозы для науки и образования России.

Исследования показали[218], что основными внешними вызовами и угрозами для российской науки и образования сегодня являются следующие:

1. *Агрессивное информационно-психологическое воздействие на общественное сознание населения России со стороны США и их*

[218] См.: *Колин К.К.* Современные проблемы глобальной безопасности // Стратегические приоритеты. 2020. № 3–4. С. 15-29; Качество жизни в стратегии обеспечения национальной и глобальной безопасности // Проектирование будущего: Проблемы цифровой реальности. 2020. № 1(3). С. 91–102.

геополитических союзников в странах Запада. В последние годы это воздействие усилилось и приняло характер информационной войны, в которой используются средства массовой информации, компьютерные социальные сети и система некоммерческих общественных организаций, созданных и финансируемых специальными службами США.

Кроме того, в этой деятельности принимают участие кибервойска США, численность которых сегодня превышает 40 тыс. человек. Только в сети «Фейсбук» модераторами выступают более 1,5 тыс. специалистов, прошедших специальную психологическую подготовку. Они диктуют участникам дискуссий те точки зрения, которые соответствуют национальным интересам США и их союзникам.

Это воздействие является весьма эффективным, а его результатом стало навязывание народам России *американской системы базовых духовных ценностей*, основанных на приоритетах индивидуализма, потребительского образа жизни, либеральной рыночной экономики и свободы поведения, не ограниченного моральными нормами. Наиболее уязвимым к этому воздействию является молодое поколение граждан России, включая студентов и школьников, а также молодых ученых. Результаты исследований показывают, что значительная часть представителей этих групп населения не видят перспектив для самореализации в своей стране и хотели бы эмигрировать в страны Западной Европы и США.

Еще большей опасностью для нашей страны является *прозападная ориентация мировоззрения* той части интеллектуальной элиты России, которая представлена в органах государственной власти и крупных промышленных и финансовых структурах страны. Примером могут служить Центральный банк РФ, деятельность которого критикуют ведущие ученые России, а также Сбербанк, который не открыл своих отделений в Крыму, хотя продолжает работать на Украине, считающей Россию агрессором и геополитическим противником.

Хорошо известно, что реформирование российской науки и образования после распада СССР происходило в режиме «внешнего управления» со стороны США. Аргументы в пользу этого вывода мы находим в докладе члена-корреспондента РАН М. Ковальчука, прочитанном им на конференции «Армия-2020», в котором показана необходимость формирования «психологической обороны России». Многие российские ученые разделяют его точку зрения и считают постановку этой задачи стратегически важной и актуальной, в том числе – для национального суверенитета нашей страны в сфере науки и образования[219].

2. Серьезную угрозу для российской науки и образования представляет собой *эмбарго на поставку в нашу страну современной зарубежной техники*

---

[219] См.: *Колин К.К.* Информационная безопасность как гуманитарная проблема // Открытое образование. 2006. № 1. С. 86–99; Информационная безопасность: новое содержание комплексной проблемы // Стратегические приоритеты. 2020. № 3-4. С. 55–62.

и технологий для научных исследований и разработок. Особенно остро сказывается отсутствие в России современных суперкомпьютеров, необходимых для исследования глобальных процессов, моделирования сложных систем и долгосрочного прогнозирования. В рейтинге ТОП-500 суперкомпьютеров за 2020 год 226 позиций занимают китайские модели, которые используются не только в оборонных и научных целях, но и на крупных промышленных предприятиях, а также в университетах, где готовятся соответствующие специалисты. В США таких компьютеров в этом рейтинге 114, в Японии – 30, во Франции – 18, в Германии – 16, а в России – всего 2. В 2021 году в Российской Федерации был создан и введен в эксплуатацию суперкомпьютер «Червоненкис», который занял 19-ю строчку всемирного рейтинга Top-500, став самой производительной системой в России и Восточной Европе. Кроме «Червоненкиса», в Top-500 вошли ещё два суперкомпьютера: «Галушкин» стал 36-м в мире и вторым в России, а «Ляпунов» – 40-м в мире и третьим в России[220].

Серьезную угрозу представляет и использование в нашей стране *импортного программного обеспечения* для гражданской авиации, автоматизированных промышленных объектов и банковских систем. Достаточно заблокировать банковскую информационную систему «Свифт», чтобы прекратилась деятельность многих банков России. Исключение составляет лишь Центральный банк, где используется в основном отечественное программное обеспечение.

3. Еще одной внешней угрозой является *политика «сдерживания России» странами Запада,* которая распространяется и на сферу международного сотрудничества. Она проявляется в противодействии участию российских ученых в деятельности международных научных организаций, крупных научных форумов, в публикациях их научных статей и монографий за рубежом, а также в участии российских ученых и педагогов в международных проектах и разработке международных технологических и образовательных стандартов. Все это наносит ущерб не только России, но и другим странам.

4. Особый вред развитию науки и образования в России, а также других постсоветских государствах наносит *сокращение мирового русскоязычного информационного пространства*. Этот процесс наиболее заметен в странах Балтии, в Грузии и Болгарии, а на Украине он приобрел характер государственной антироссийской политики. Там русский язык законодательно запрещен не только на государственном, научном и образовательном уровнях, но даже для использования в общественных местах. Страдают от этого не только представители русскоязычной диаспоры в этих странах, но и представители «титульной нации», которые уже не смогут читать научную, технологическую и педагогическую литературу

[220] Суперкомпьютер Яндекса признали самым мощным в России [сайт]. Яндекс. 15.11.2021. – URL: https://yandex.ru/company/press_releases/2021/ superkompyuter-yandeksa-priznali-samym-moschnym-v-rossii (дата обращения 17.11.2021).

на русском языке. Тем не менее этот процесс продолжается. Так, например, сокращается употребление русского языка в Казахстане, где уже начали перевод казахской письменности с кириллицы на латиницу.

В последнее время участились случаи, когда в качестве рабочего языка международных конференций используется только английский язык, несмотря на то что эти конференции проводятся на территории России, а большинство их участников являются русскоязычными.

Таким образом, *информационно-лингвистическая агрессия против России* не только продолжается, но и нарастает. Дальнейшее сохранение этой ситуации создаст большие трудности в развитии научно-технологического, образовательного, культурного и военного сотрудничества России с другими странами. Прежде всего это относится к перспективам сотрудничества стран-членов СНГ, ШОС, БРИКС и Евразийского экономического союза. И это выдвигает проблему поддержки и развития русскоязычного информационного пространства на международный уровень – как *проблему обеспечения лингвистической безопасности*[221].

Внутренние вызовы и угрозы для науки и образования России.

Исследования показали, что внутренние вызовы и угрозы в сфере науки и образования России по своему негативному влиянию на процессы социально-экономического и научно-технологического развития нашей страны, а также на обеспечение ее национальной безопасности, являются существенно более серьезными по сравнению с внешними вызовами и угрозами. К ним относятся.

Во-первых, масштабы так называемой «утечки мозгов» из страны – уже укоренившейся проблемы российского общества. Факт того, что страну ежегодно покидают десятки тысяч человек, преимущественно с высшим образованием, и что эмигрантские настроения преобладают среди российских студентов и молодых специалистов, отмечается аналитиками из года в год[222].

Во-вторых, запущенный в 2012 году проект «5-100» (основным показателем успешности которого должно было стать попадание не менее пяти российских университетов в сотню лучших в мире по версии авторитетных международных рейтингов – Times Higher Education, Academic Ranking of World Universities и Quacquarelli Symonds) благополучно

---

[221] См.: *Колин К.К., Кошкин Р.П., Сибиряков П.Г.* Лингвистическая безопасность России и проблема защиты русского языка // Стратегические приоритеты. 2019. № 1. С. 91–128.

[222] См.: *Козлов В*. Эксперты Кудрина насчитали полмиллиона уехавших за рубеж за пять лет. [сайт] РБК. 06.10.2016. – URL: https://www.rbc.ru/politics/06/10/2016/57f638c59a7947d0f680ab85 (дата обращения 16.01.2021); *Ломская Т*. «Утечка мозгов» из России усилилась. Ведомости. 23.01.2018. – URL: https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2018/01/23/748694-utechka-mozgov (дата обращения 16.01.2021); *Бушуев М*. Эксперт: «Россию все чаще покидают образованные и молодые». Deutsche Welle. 17.01.2019. – URL: https://www.dw.com/ru/эксперт-россию-все-чаще-покидают-образованные-и-молодые/a-47127456 (дата обращения 16.01.2021).

закончился провалом – ни один из российских вузов, участвующих в проектах не попал даже в ТОП-200 вышеуказанных рейтингов[223]. Комментарии представителей вузов о том, что проект дал им возможность переосмыслить стратегию своего развития и повысил узнаваемость российских вузов в мире, не отменяют того факта, что поставленная задача по вхождению в верхнюю часть списка лучших высших учебных заведений мира, под которую выделялось значительное количество бюджетных средств, не была выполнена даже в первом приближении.

В-третьих, характеризуя состояние российской науки, Счётная палата в своем отчёте «Определение основных причин, сдерживающих научное развитие в Российской Федерации» от 2020 года отмечала, что данная сфера «остается недостаточно продуктивной и не реагирует на большие вызовы, стоящие перед обществом и государством»; по внутренним затратам на исследования в расчёте на одного работника научной сферы Россия занимает сорок седьмое место, по числу патентных заявок отстает почти в сорок раз от Китая и в шестнадцать раз – от Соединенных Штатов, всего 5 % российских статей в базе данных Scopus за 2018 год были опубликованы в журналах, из ТОП-10 по уровню цитируемости, с 2001 года снижается численность исследователей младше 29 лет и т.п.[224].

Каковы же основные негативные факторы, сформировавшие нынешнее положение дел в российской науке и образовании?

Первый – недофинансирование научно-образовательной сферы. В вышеуказанном отчёте Счётной палаты отмечалось, что по объёму относительных затрат на науку Россия занимает тридцать четвертое место в мире, а в законодательстве не закреплена система государственной поддержки науки. О нехватке финансирования говорят и сами представители научной и образовательной сфер[225]. Однако проблемной точкой является не только объём финансирования, но и само распределение бюджетных средств: так, в рамках вышеупомянутого проекта «5-100» вузам-участникам был выделен значительный объём средств, однако не всегда были конкретизированы направления их расходования; в результате оптимальность распределения выделенных средств. В то же время выделение в рамках проекта отдельных вузов автоматически повлекло за собой

---

[223] См.: Проект 5-100: итоги программы. Forbes. Education. 31.07.2020. – URL: https://education.forbes.ru/authors/5-100-experts (дата обращения 16.07.2021).

[224] См.: *Кузнецова Е., Старостина Ю.* Счетная палата назвала главные проблемы российской науки. [сайт] РБК. 07.02.2020. – URL: https://www.rbc.ru/politics/07/02/2020/5e3c1bf19a7947cce149aa99 (дата обращения 16.09.2021).

[225] См.: Президент РАН заявил о критическом недофинансировании российской науки. Finanz.ru. 25.11.2020. URL: https://www.finanz.ru/novosti/aktsii/prezident-ran-zayavil-o-kriticheskom-nedofinansirovanii-rossiyskoy-nauki-1029837383 (дата обращения 16.05.2021); В МГУ заявили, что вузы России не получают достаточно средств из бюджета на свое развитие. ТАСС. 06.07.2020. – URL: https://tass.ru/obschestvo/8896155 (дата обращения 16.05.2021).

то, что остальные вузы не имели возможности получать бюджетное финансирование в должном объеме.

Глобальная проблема финансирования объединяет под своей эгидой ряд других проблем, таких как низкий уровень оплаты труда работников научно-образовательной сферы (что является одной из основной причин слабого привлечения молодых научных кадров и их эмиграции в зарубежные исследовательские центры, где условия труда выглядят более привлекательно), устаревшая приборная база и т.п.[226].

Еще одной серьезной проблемой является коммуникационная среда существования научно-образовательной сферы. Выстроенная коммуникация между научно-образовательной сферой и бизнесом представляется принципиально важной по нескольким причинам.

Во-первых, научная отрасль остро нуждается не только в государственном, но и частном финансировании; недаром в Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации отмечается, что к 2035 году уровень частных инвестиций в сферы науки, технологий и инноваций должен быть не ниже уровня государственных[227].

Во-вторых, в России традиционно отсутствует инновационная среда, которая бы обеспечивала конвертацию интеллектуального капитала в практический результат в виде патентов на новые технологии и продукты, даже при наличии прорывных идей и исследований, получающих Нобелевские премии.

В-третьих, профессии научного работника и преподавателя вуза не являются престижными в достаточной степени (что связано с вышеприведенной проблемой недофинансирования, однако не только с этим); профессия учителя и вовсе входит в список наименее престижных в глазах соискателей работы (вместе с профессиями уборщика и продавца)[228] с общей тенденцией к снижению престижа профессии в глазах российского населения[229] – подобное положение дел выглядит не просто угрожающим, но катастрофическим. Наконец, следует отметить и проблему адекватного трудоустройства выпускников высших учебных заведений: по данным Всероссийского центра изучения общественного мнения в 2019 году

---

[226] См.: *Оя Е.* Российскую науку тормозит плохое оборудование: две трети лабораторной техники – старая или неисправная. [сайт] News.ru. 17.01.2019. – URL: https://news.ru/science/rossijskuyu-nauku-tormozit-plohoe-oborudovanie/ (дата обращения 16.01.2021).

[227] См.: Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: Указ Президента РФ от 01.12.2016 № 642 // Собрание законодательства РФ. 05.12.2016 г. № 49. Ст. 6887.

[228] См.: Названы самые престижные профессии в России. [сайт] РИА Новости. 23.11.2020. – URL: https://ria.ru/20201123/professii-1585837979.html (дата обращения 16.08.2021).

[229] См.: Опрос: более 80% россиян считают, что престиж профессии учителя снижается. [сайт] ТАСС. 06.02.2019. – URL: https://tass.ru/obschestvo/6086027 (дата обращения 16.01.2021).

по специальности работают только 58 % россиян с высшим образованием, при этом 28 % опрошенных не работали по полученной специальности вообще никогда[230]. Подобного рода статистика ставит под вопрос целесообразность расходования бюджетных средств на высшее образование населения при отсутствии эффективных механизмов построения их дальнейшей трудовой карьеры.

Следует также отметить, что сам характер трансформации современного общества, его движения по пути цифровизации и медиатизации требует адекватной реакции на изменения в различных сферах жизни. Так, на наш взгляд, нуждаются в переосмыслении различные концепты, составляющие базовый формат высшего образования в России на данном этапе.

Например, традиционный способ подачи информации в лекционном материале и его обсуждения на семинарском занятии выглядит все более устаревающим в связи с невероятно возросшим в последние десятилетия уровнем доступности информации; на смену изложению студентам теоретических знаний должно приходить развитие навыков самостоятельного эффективного поиска релевантной информации, её анализа и критического осмысления, а также развитие в студентах креативного мышления. В переосмыслении нуждается и обучение в аспирантуре: так, в феврале 2020 года Президент Российской Федерации В.В. Путин отметил, что всего 12 % аспирантов защищают диссертации в период обучения в аспирантуре, что свидетельствует о системных проблемах в данном направлении[231]. Проблема заключается в том числе и в большом объеме аудиторной нагрузки, которая формирует дефицит времени на проведение собственного исследования, из-за чего либо страдает качество диссертаций, либо аспирант вовсе не выходит на защиту. При этом на указанный дефицит времени влияет тот факт, что подавляющее большинство аспирантов совмещают учебную деятельность с рабочей[232]. Решение данной проблемы лежит либо в области кардинального пересмотра учебной нагрузки аспирантов, либо в значительном повышении финансирования аспирантской подготовки за счет бюджетных средств или привлечении аспирантов к работе над оплачиваемыми прикладными или научными проектами.

Продолжая перечисление мер по решению проблем российской научно-образовательной сферы, необходимо отметить, что современное состояние науки и образования явно свидетельствуют о необходимости

---

[230] См.: ВЦИОМ: почти каждый второй опрошенный россиянин работает не по своей специальности. [сайт] ТАСС. 15.04.2019. – URL: https://tass.ru/obschestvo/6333815 (дата обращения 15.04.2019).

[231] См.: Путин рассказал, сколько аспирантов защищают диссертации. [сайт] РИА Новости. 06.02.2020. – URL: https://ria.ru/20200206/1564363181.html (дата обращения: 16.01.2021).

[232] См.: *Терентьев Е., Малашонок Н.* Почему в российской аспирантуре так мало защит. [сайт] Ведомости. 14.01.2019. – URL: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/01/14/791401-v-rossiiskoi-aspiranture (дата обращения 16.01.2021).

увеличения финансовых вложений в отрасль как со стороны государства, так и со стороны бизнеса. Сейчас речь об увеличении поддержки науки со стороны государства не идет: в рамках секвестра бюджета, связанного с затратами на борьбу с коронавирусом и его экономическими последствиями, бюджетные расходы на науку и исследования в 2021–2022 гг. будут только сокращены; причем финансирование «гражданских» исследований сокращается в большей степени, чем военных[233].

Безусловно, только увеличение размера «вливаний» в науку и образование не способно решить все существующие проблемы. Помимо внедрения мониторинга эффективности расходования бюджетных средств и результативности исследовательской деятельности, следует двигаться в направлении разделения научно-исследовательской и образовательной деятельности. Подобное разделение должно привести, во-первых, к снижению обязательной нагрузки преподавателей по выполнению научно-исследовательской работы, а во-вторых, позволит избежать вузам ситуации выбора между квалифицированным преподавателем и талантливым исследователем. Необходимо констатировать, что данные направления должны иметь собственные критерии эффективности, которые ныне смешиваются из-за того, что вузы, выполняющие роль также научных единиц, ставят перед профессорско-преподавательским составом нормативы по научным исследованиям.

Кроме того, необходимо обратить внимание и на коммуникацию мира науки и образования с окружающей средой. Россия остро нуждается в институционализации взаимодействия между исследователями и бизнесом для воплощения в жизнь новых технологий, а также благоприятной среде для подобной деятельности бизнеса; необходимо заполнить лакуны в государственной политике в данном направлении. Нуждается в реинкарнации и система распределения выпускников путем создания квот в крупных компаниях по принципу государственно-частного партнерства, основанного на корпоративной социальной ответственности. Введение подобного распределения на конкурсной основе могло бы решить и проблему работы значительной части населения не по специальности, и проблему обеспечения бизнеса квалифицированными кадрами, и стать ещё одним фактором, повышающим эффективность образования – в силу повышения мотивации студентов к высокой академической успеваемости.

Наконец, необходима работа над адекватным имиджем высшего образования в глазах общественности – не как обязательного этапа в жизни почти любого россиянина, а как социального лифта и места получения необходимых в будущем профессиональных навыков; в целях повышения эффективности высшего образования необходимо менять и восприятие работы в вузе – как престижной и перспективной для молодых кадров.

---

[233] См.: *Ткачёв И., Губернаторов Е.* Экономия пошла по науке. [сайт] РБК. 06.10.2020. – URL: https://www.rbc.ru/newspaper/2020/10/06/ 5f7b372b9a7947fe8e8d644f (дата обращения 16.07.2021).

Причины снижения потенциала фундаментальной науки в России.

Сокрушительный удар по отечественной фундаментальной науке нанесла реформа Российской академии наук (РАН), проведенная правительством Российской Федерации в 2013 году. В результате этой реформы академия потеряла не только право управлять своим имуществом, но также и все свои институты, которые были переданы в состав Федерального агентства научных организаций, утратила статус научной организации, а ее президиум превратился в клуб российских ученых, с мнением которых чиновники от науки считаться перестали.

Пятилетний срок пребывания Российской академии наук в таком состоянии показал, что реформа не дала повышения эффективности фундаментальных исследований, а, наоборот, привела к дезорганизации системы их проведения, проверенной многолетним опытом. Тем не менее, в 2018 году был осуществлен второй этап реформы, в результате которой в состав Российской академии наук были включены Российская академия медицинских наук и Российская академия сельскохозяйственных наук. Эти академии также утратили статус научных организаций и право управления своими научными учреждениями. Все эти учреждения сегодня управляются Министерством образования и науки Российской Федерации. Их сотрудники завалили подведомственные учреждения требованиями о предоставлении большого количества отчетных материалов, подготовка которых отнимает много времени.

Основными показателями современной *методологии оценки результативности научной деятельности*, в настоящее время являются не новизна и полезность результата исследования, а количество публикаций в зарубежных журналах. Причем только в тех, которые индексируются в базах данных крупной американской консалтинговой корпорации Thomson Reuters (базы Web of Science и Scopus).

Доступ к этим базам и индексация в них публикаций осуществляются на платной основе и стоят дорого, но по количеству именно таких публикаций сегодня оценивается не только результативность исследований отдельных ученых, но и деятельность научных институтов, а также уровень выполнения заданий по грантам научных фондов и даже успешность выполнения государственных научных программ и проектов. Все попытки российских ученых противостоять этой методологии пока остаются безрезультатными, так как они решительно пресекаются нашими чиновниками от науки.

Современные задачи, проблемы и перспективы развития фундаментальной науки в России.

Роль фундаментальной науки в XXI веке существенно возрастает, и она становится критическим фактором для выживания современной цивилизации перед лицом глобальных проблем, которые быстро нарастают.

Исследования показывают[234], что для преодоления глобального кризиса человечеству необходимо решить три кардинальные проблемы:

– не допустить самоуничтожения в результате ядерной войны;

– восстановить наиболее важные экосистемы планеты до критически безопасного уровня;

– приостановить нарастающую деградацию человека и общества и остаться людьми в социально-психологическом, этическом и биологическом понимании этого термина.

Масштабы и сложность этих проблем таковы, что надежду на их решение может дать только *опережающее развитие фундаментальной науки*. Только она способна создать предпосылки для разработки тех прорывных технологий, которые смогут радикальным образом изменить ситуацию в природной, социально-экономической и гуманитарной сферах. Такие технологии, по мнению академика Е.П. Велихова, могут появиться уже в ближайшие годы в ядерной энергетике, и они вызовут настоящую революцию в мировой энергетике. Речь идет о создании надежных, безопасных и сравнительно недорогих ядерных реакторов на основе тория. Их массовое применение может коренным образом изменить весь облик жизнедеятельности общества и сделает возможным обеспечение ядерной энергетикой тех мест планеты, где это сегодня практически невозможно. Первый реактор на таких принципах уже строится во Франции при активном участии российских ученых.

Однако нужно отметить, что в долгосрочной перспективе широкое использование ядерной энергетики создаст серьезные проблемы для экономики России. Наши энергетические компании могут обанкротиться, так как не смогут окупить затраты на строительство нефтяных и газовых скважин, а также трубопроводов большой протяженности. Поэтому к противодействию этой новой угрозе России необходимо заблаговременно подготовиться. Один из путей решения этой проблемы связан с возможностью использования трубопроводов для перекачки водорода, который рассматривается как перспективное топливо для водородных двигателей.

Еще одна новая угроза в сфере науки, образования и высоких технологий обусловлена бурным развитием исследований и разработок в области *искусственного интеллекта.* В последние годы в этой области наблюдается настоящий бум, идет конкурентная борьба за мировой рынок. Более 30 стран, включая Китай и Россию, уже приняли свои национальные программы[235], на реализацию которых выделяются значительные средства. Так, например, Китай планирует к 2030 году стать мировым лидером в области теории, методов, средств и технологий искусственного интеллекта. С этой целью в Пекине уже создается крупный технопарк стоимостью 2 млрд

---

[234] См.: *Колин К.К.* Современные проблемы глобальной безопасности…

[235] См.: *Колин К.К.* Новый этап развития искусственного интеллекта: национальные стратегии, тенденции и прогнозы //Стратегические приоритеты. 2019. № 2. С. 4–12.

долл. Россия здесь является аутсайдером по причине дефицита необходимых кадров и оборудования.

Рассматривая перспективы развития фундаментальной науки в России, необходимо отметить, что Россия является единственной страной, где уже более 30 лет осуществляется *экспертиза и регистрация научных открытий*. Правда, осуществляется она не на государственном, а на общественном уровне, с участием экспертов из Российской академии естественных наук и членов российской Ассоциации авторов научных открытий[236].

Достижения мирового уровня имеются в России также и в других важных и социально значимых направлениях фундаментальной науки. В их числе – *глобалистика, ноосферология, теория развития цивилизаций, философия информации, проблематика и методология устойчивого развития, общая физиология, синергетика*. По этим направлениям Россия является признанным мировым лидером, а их дальнейшее развитие сегодня актуально, так как формирует научное мировоззрение, необходимое не только ученым, но и политическим лидерам[237].

В российских научных кругах продолжается обсуждение идеи переноса центра тяжести фундаментальных исследований из государственных академических институтов в российские университеты – в соответствие с западной моделью организации науки. Однако для нашей страны такая модель непригодна, так как она не соответствует традициям отечественной науки и является весьма дорогостоящей по своей реализации.

Само противопоставление академической и вузовской науки является опасным и разрушительным по своим последствиям, как для фундаментальной науки, так и для системы образования. Отечественный опыт показывает, что их интеграция вполне может быть обеспечена и другими способами – созданием совместных научно-образовательных центров и базовых кафедр по актуальным направлениям развития науки и образования, а также участием российских ученых в создании новых образовательных курсов по этим направлениям.

Вызовы и угрозы для национальной безопасности России в сфере образования.

Главными угрозами для национальной безопасности России в этой сфере сегодня являются существенное снижение его качества, а также неадекватность структуры и содержания образования национальным целям и интересам нашей страны в новых цивилизационных и геополитических условиях ее развития. Причин этой ситуации несколько, но основная из них – безответственное реформирование достаточно эффективной отечественной системы образования по западным образцам, которое продолжается уже

---

[236] См.: *Яковец Ю.В., Колин К.К.* Стратегия научно-технологического прорыва России. М., 2015. (Сер. Аналитические материалы, вып. 7)

[237] См.: *Колин К.К.* Наука для будущего: цифровая реальность, философия информации и новое мировоззрение // Проектирование будущего: Научные подходы. М., 2020. С. 185–198.

более 30 лет, несмотря на протесты научно-образовательного сообщества России[238]. О масштабах этой проблемы, которая приобрела характер национального бедствия, свидетельствуют приведенные ниже факты, подтвержденные результатами социологических исследований.

Основными угрозами системе общего (среднего) образования являются.

1. Существенное *снижение уровня подготовки школьников в области математики и естественных нау*к, которым всегда гордилась российская школа. Достаточно указать, что треть выпускников московских школ сегодня убеждены, что Солнце вращается вокруг Земли. Поэтому потребовалось специальное указание Президента Российской Федерации о необходимости восстановления школьного курса астрономии. Что же касается математических знаний, то для многих школьников задачи устного счета, сложения или вычитания простых дробей являются слишком сложными и для их решения они предпочитают использовать смартфоны.

2. Большую опасность для развития интеллекта личности представляет современное *состояние филологической культуры* школьников, которые практически не читают художественную литературу, заменяя ее просмотром сайтов в сети Интернет. В результате четверть российских школьников младших классов не понимают смысла прочитанного текста, так как не обладают необходимым для этого словарным запасом. А ведь именно он необходим современному человеку для развития логического мышления и адекватного понимания сущности и тенденций развития процессов в окружающем мире.

3. Большой вред качеству общего образования наносит *переход от традиционных для нашей школы методов проверки знаний к формализованным процедурам ЕГЭ*. Эта практика была навязана нашей школе, несмотря на протесты научно-образовательного сообщества, и поэтому должна быть прекращена.

4. Еще одна серьезная угроза – *низкий социальный статус педагогов и библиотекарей общеобразовательной школы*, особенно в сельской местности. Сегодня они не имеют служебных квартир, необходимого личного транспорта и перспектив карьерного роста. Во многом это обусловлено передачей финансирования сельских школ на муниципальный уровень, где недостаточно ресурсов для их обеспечения. В результате этого десятки тысяч малокомплектных сельских школ и библиотек были закрыты, что привело к оттоку населения из сельской местности в города. Сохранение этой тенденции на долгосрочную перспективу является очень опасным, так как оно *противоречит стратегии пространственного развития России.*

5. Информатизация общеобразовательных школ улучшила их информационное обеспечение, однако породила ряд новых проблем. В их числе наиболее значимой является *проблема информационно-*

---

[238] См.: *Громыко Ю.В.* Современные проблемы российского образования // Стратегические приоритеты. 2020. № 1–2. С. 137–157.

психологической безопасности. Она включает в себя такие компоненты, как *компьютерная зависимость*, *клиповое мышление*, *виртуализация личного информационного пространства* молодого человека. Радикальной мерой здесь является формирование в российском обществе *культуры информационной безопасности*[239]. Эта проблема уже рассматривалась на одном из заседаний Совета безопасности Российской Федерации, но необходимая работа по реализации его рекомендаций еще не развернута.

Для нейтрализации вышеуказанных вызовов и угроз предлагается:

– существенно повысить качество образования и фундаментальность образования, отказаться от концепции подготовки специалистов, ориентированной на сиюминутные потребности рыночной экономики, которые быстро изменяются, и перейти к концепции *опережающего образования*, предложенной учеными РАН еще в 1996 году на Конгрессе ЮНЕСКО[240];

– внедрить в систему высшей школы комплекс новых системных, глобальных и информационных знаний, которые разработаны представителями российской фундаментальной науки;

– восстановить *преемственность поколений* в системе высшей школы. Решение этой проблемы требует повышения социального статуса педагогов и ученых высшей школы, что будет содействовать притоку талантливой молодежи при сохранении роли ее более опытных наставников;

– вернуть высокий педагогический статус институтам культуры, которые они утратили в результате решения Министерства культуры о преобразовании подчиненных ему академий и университетов. Сфера культуры становится сегодня важным фактором консолидации общества перед лицом глобальных вызовов и угроз XXI века, а также развернутой против России информационной войны. Поэтому уровень культурологических исследований, а также сам статус культуры в российском обществе должен быть существенно повышен, чтобы соответствовать значимости и сложности этих проблем.

Не менее важными в сфере науки и образования в настоящее время являются вопросы подготовки кадров для решения комплексных задач в области обороны и национальной безопасности Российской Федерации.

Накопленный Национальным центром управления обороной Российской Федерации опыт стратегического и тактического взаимодействия со всеми субъектами обеспечения выявил ряд перспективных направлений укрепления внутрисистемных и системно-средовых связей, среди которых – комплексная подготовка кадров, способных решать стратегические и оперативные вопросы взаимодействия в ситуациях угрожающего, предвоенного, мобилизационного и других периодов.

---

[239] См.: *Колин К.К.* Информационная безопасность как гуманитарная проблема…

[240] См.: *Колин К.К.* Опережающее образование и проблемы информатики // Международное сотрудничество. 1996. № 2. С. 20–21; Наука для будущего: социальная информатика // Информационные ресурсы России. 1995. № 3. С. 8–15.

В настоящее время на базе ведомственных высших учебных заведений Минобороны, МВД, МЧС, МИД России и Росгвардии налажены системы повышения квалификации и профессиональной переподготовки специалистов по профильным направлениям. Реализуются краткосрочные – от 16 до 36 академических часов, среднесрочные от 54-х до 144-х часов и долгосрочные – свыше 500 часов. При этом подготовка руководящих кадров категории «А» осуществляется на базе Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации. Тем не менее, целостная система комплексной подготовки кадров с охватом государственных гражданских и муниципальных служащих, осуществляющих функции обеспечения безопасности территорий Российской Федерации в мобилизационный и угрожаемый периоды, пока не создана.

Еще в 2018 году, предваряя выход распоряжения Президента России о создании во всех субъектах Российской Федерации центров управления регионами, Министр обороны России С.К. Шойгу обратился к губернаторам с призывом создавать такие центры, которые для субъектов станут пунктами управления экономикой и хозяйством, а для армии – центрами управления обороной[241].

Опыт успешного межведомственного взаимодействия с целью решения кадровых проблем есть. Так, с 2017 года в целях профильной реализации решений Национального антитеррористического комитета приказом ректора РАНХиГС созданы 11 учебно-методических центров по дополнительному профессиональному образованию федеральных государственных служащих, государственных гражданских служащих субъектов Российской Федерации и муниципальных служащих, участвующих в соответствии со своими полномочиями в реализации мероприятий по профилактике терроризма и в адресной профилактической работе с лицами, наиболее подверженными воздействию идеологии терроризма.

Аналогичная сеть учебно-методических центров на базе ведущих вузов – филиалов РАНХиГС может быть развернута в военных округах:

в ЦВО – в Нижегородском институте управления (Нижний Новгород), Сибирском институте управления (Новосибирск), Уральском институте управления (Екатеринбург);

в ЗВО – в Северо-Западном институте управления (Санкт-Петербург), Западном филиале (Калининград);

в ЮВО – в Южно-Российском институте управления (Ростов-на-Дону);

в ВВО – в Дальневосточном институте управления (Хабаровск).

Такие учебно-методические центры должны функционировать в режиме тесного взаимодействия с Национальным центром управления обороной Российской Федерации, с федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъекта Российской Федерации

---

[241] Шойгу предложил регионам создать центры управления хозяйством по примеру Минобороны. – URL: http://www.rosinform.ru/feed/937125-shoygu-predlozhil-regionam-sozdat-tsentry-upravleniya-khozyaystvom-po-primeru-minoborony/ (дата обращения 12.04.2021)

и органами МСУ (местного самоуправления), региональными структурами НАК (Национальный антитеррористический комитет), Росгвардии, МЧС (Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий), ФАДН (Федеральное агентство по делам национальностей), военными комиссариатами, общественными объединениями и религиозными организациями, другими институтами гражданского общества, участвующими в обеспечении гражданской и территориальной обороны. Это необходимо для:

– подробного *знания оперативной обстановки* в крае, области, муниципальном образовании, без чего невозможно сформировать предметное содержание курса;

– четкого представления *об актуальной и потенциальной потребности* органов государственного и муниципального управления в повышении квалификации кадров по профилю/виду профессиональной деятельности, что позволит спланировать оптимальный количественный и качественный состав обучающихся групп, сроки проведения курсов;

– формирования корпуса экспертов, привлекаемых к реализации программы, среди которых обязательно присутствуют специалисты по направлению деятельности.

Учебно-методические центры возьмут на себя функцию *формирования ресурсной базы* профильных программ курсов повышения квалификации, включая *информационную, статистическую, аналитико-методическую составляющие,* особенно важные для разработки заданий и проведения практических занятий с гражданскими государственными и муниципальными служащими. Учебно-методические центры могут органично вписаться в структуру центров управления регионами, став межведомственными кадровыми центрами в сфере национальной обороны и обеспечения национальной безопасности.

Важно отметить, что процесс развития сферы науки и образования, способной фиксировать и осмыслять угрозы национальной безопасности, сам сопряжён с рисками, вызванными как внутренней логикой развития науки и образования, так и внешними факторами. Особые риски связаны с хроническим недофинансированием этой сферы и отсутствием критериев определения ценности и статуса научной и экспертно-аналитической деятельности. Важнейшим условием успешного решения задач в сфере национальной безопасности являются отказ от чисто директивной системы управления наукой и образованием, которая должна носить интерактивный характер, учитывать мнение научного и образовательного сообщества на каждой стадии разработки и осуществления реформ.

2.14. Вызовы и угрозы в сфере здравоохранения

Российская медицинская наука существует на основе тесного единения с медицинской практикой, базируясь на биофизико-химической общности всего живого. Не случайно в Перечне приоритетных направлений развития науки, технологий и техники Российской Федерации, утвержденном Указом Президента Российской Федерации от 7 июля 2011 г. № 899, имеется пункт 4 – «Науки о жизни», в рамках которого рассматривается медицина[242].

В настоящем параграфе предполагается осветить ряд взаимосвязанных вопросов, решение которых будет способствовать предотвращению существенных угроз развитию нашего общества в XXI веке. Это и особенности взаимодействия человека с окружающей средой в последние годы, обусловленные *эмерджентностью* развития микромира (вирусы, микроорганизмы), требующие воспитания новых поколений исследователей для создания прорывных медико-биологических технологий. Подготовка врачей такого уровня сопряжена с эволюцией их университетской подготовки, затрагивающей ликвидацию психологических последствий COVID-19, подготовку кадров для совершенствования военной медицины, в том числе на основе научных исследований в области биологии, химии и бактериологии, научное обоснование особенностей вируса SARS-Cov2.

В условиях умножения эффектов глобального многофакторного кризиса последних десятилетий – теория и методология обеспечения национальных интересов и экономической безопасности в значительной степени базируются на изучении закономерностей взаимодействия человека с окружающей средой, включающих тенденции развития народонаселения, изменение физического и психического здоровья людей, освоение регионов планеты при переходе от биосферы к ноосфере.

Переход от специализированных исследований к междисциплинарному анализу, прогнозу и попыткам управления поведением системы здравоохранения обусловлен не столько разрушениями, нанесёнными человеком природе, сколько обратным влиянием этих процессов, усиливаемых внешними факторами, на ход социально-исторического развития общества. К необходимости пересмотра направлений научных исследований для нужд здравоохранения привела пандемия новой коронавирусной инфекции COVID-19, поскольку подтвердилось, что малые возмущения в биологической среде приводят к глобальным процессам, кардинально изменяющим политику, экономику и здоровье общества с мало предсказуемыми последствиями. Эти процессы представляют серьезную угрозу национальной и экономической безопасности нашей страны.

---

[242] Указ Президента Российской Федерации от 7 июля 2011 г. № 899 «Об утверждении приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в Российской Федерации и перечня критических технологий Российской Федерации». – URL: http://government.ru/docs/all/77983/ (дата обращения 12.09.2021)

Отсутствие должного исполнения положений Указа Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № 642, определившего Стратегию научно-технологического развития Российской Федерации[243], и Федерального закона от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» является одной из значимых угроз в сфере здравоохранения. Важным является демографический переход, обусловленный увеличением продолжительности жизни, старением населения, ведущий к возникновению новых социальных и медицинских проблем, к росту угроз глобальных пандемий, появлению новых и возврату исчезнувших инфекций. Внедрение новых технологий увеличивает антропогенные нагрузки на окружающую среду, препятствует воспроизводству природных ресурсов, приводит к росту рисков для жизни и здоровья людей[244].

Установлены также значимые для научно-технологического развития Российской Федерации внутренние факторы: сокращение времени между получением новых знаний и созданием новых технологий, продуктов, услуг, их выходом на рынок, стирание дисциплинарных и отраслевых границ в исследованиях и разработках; увеличение объема научно-технической информации и новых способов работы с ней, появление новых форм организации, аппаратных и программных инструментов проведения исследований; рост требований к квалификации исследователей; формирование научно-технологической периферии, являющейся кадровым донором.

Однако до сих пор имеется существенный разрыв в материально-техническом обеспечении столичных и региональных клиник и других лечебно-профилактических учреждений здравоохранения.

Ощущается недостаточность кадрового обеспечения всех учреждений здравоохранения. Подготовка врачебных кадров, несмотря на развитие сети симуляционных центров, отстает от потребностей здравоохранения. Существенна разница в финансировании образовательных медицинских учреждений системы Министерства здравоохранения Российской Федерации и Министерства образования и науки Российской Федерации, что обусловливает неравнозначный доступ будущих врачей к овладению современными медицинскими технологиями.

Представляется серьезной угрозой национальной безопасности и здоровью населения разработка и использование *различных видов бактериологического оружия,* что коренным образом меняет ноосферу Земли и ведет к значительным человеческим и экономическим потерям, меняет психологию общества, сеет страх, панические настроения, ведет к росту числа психических заболеваний, суицидов, психосоматических расстройств.

---

[243] О стратегии научно-технического развития Российской Федерации: указ Президента РФ от 1 декабря 2016 г. № 642 // СЗ РФ. № 49. Ст. 6887.

[244] *Хадарцев А. А.* Научно-технологическое развитие России. Медицинская наука и образование // Вестник новых медицинских технологий. 2017. № 2. Публикация 4–1. – URL: http://www.medtsu.tula.ru/VNMT/Bulletin/E2017-2/4-2.pdf (дата обращения: 03.09.2021).

Для условий мирного времени имеющаяся система подготовки военных врачей – достаточна, хотя и претерпела существенное качественное и количественное «урезание». Так, Саратовский военно-медицинский институт с 2010 года – не существует. На его территории размещается филиал частной образовательной организации высшего образования «Медицинский университет «Реавиз», а Самарский институт набирает себе контингент через Военно-медицинскую академию (г. Санкт-Петербург).

Сложившаяся военно-политическая обстановка в странах НАТО на границах России, будучи существенной угрозой безопасности страны, обусловливает необходимость создания кадрового резерва из массы всех врачей, обучающихся в медицинских вузах страны. Такой резерв, при условии прохождения военной подготовки, наряду со специальной врачебной, – позволит, при необходимости, обеспечить кадрами оперативное развертывание госпиталей и высококвалифицированное оказание в них медицинской помощи.

Пандемия COVID-19 показала рост потребности системы здравоохранения во врачах, подготовленных к условиям работы в чрезвычайных ситуациях. Врачи, имеющие военную подготовку, действовали более рационально, чем не подготовленные, особенно при организации сортировки больных.

Военная подготовка врачей во всех медицинских институтах и университетах страны, на базе имеющихся в них *военно-учебных центров* – обеспечит первичную ускоренную адаптацию врачей к условиям военных действий, других чрезвычайных ситуаций. Военная подготовка решает также важную социальную задачу – использование опыта ушедших на пенсию достаточно молодых, но имеющих значительный опыт работы в военной медицине, военных медиков – в подготовке кадров. При возникновении необходимости мобилизации – это обеспечит приток в войска ориентированных в области военной медицины врачей.

Безусловно, необходимо использовать опыт военной медицины в годы Великой Отечественной войны, показавший свою значимость. Однако, авральная подготовка специалистов-медиков в период боевых действий, может быть более эффективной при системной военной подготовке врачей в мирное время.

Медицинская наука должна, на основе научных изысканий, разрабатывать рекомендации организационно-тактического плана, предлагать новые технологии оказания экстренной медицинской помощи пострадавшим (методики и обеспечивающие их технические устройства, лекарственные средства), используя последние достижения физики, химии, математики, биологии. Именно поэтому необходимы научно обоснованные подходы к факту возникновения новых заболеваний, представляющих угрозу здоровью населения различных стран, быстро распространяющихся через границы государств и не имеющих специфических методов лечения.

Так, изучение респираторных инфекций у человека, вызванных коронавирусами, началось еще в 80-х годах XX века. Известные ранее коронавирусы вызвали пристальное внимание после регистрации нового инфекционного заболевания «атипичной пневмонии» в провинции Гуандун (Китай) в 2002 году, которое получило название *тяжелого острого респираторного синдрома* (ТОРС), или «Severe acute respiratory syndrome» (англ. SARS). Эпидемия *SARS* быстро охватила 32 страны, преимущественно в Южной Азии. Уже в 2003 году зарегистрировано 8,098 тыс. случаев SARS, из которых 774 (9,6 %) – со смертельным исходом.

Вспышки инфекции *MERS-CoV* произошли весной и осенью 2014 года, зимой 2015 года в странах Ближнего Востока (Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты). Формирование вторичных природных очагов реальным было в Африке (Египет, Алжир, Тунис), где имеются популяции летучих мышей, верблюдов; в Европе (Германия, Италия, Австрия и др.); в Азии (Филиппины, Малайзия), в Америке (США). С 2016 по 2018 гг. изучаются клинико-лабораторные особенности течения коронавирусной инфекции у детей, клинико-эпидемиологические особенности новых вирусных инфекций. Конец декабря 2019 года был отмечен возникновением вспышки тлеющего очага природного коронавируса в двенадцатимиллионном г. Ухань (Китай).

Первые месяцы 2020 г. ознаменовались ежедневными сводками: 13 февраля – 59 800 заболевших граждан, 1,367 тыс. умерших (2,3 %), 14 февраля (по данным информационного портала «Ванъи) – 63 918 заболевших, умерших – до 1 500 тыс. (2,2 %). Был типирован коронавирус, получивший обозначение 2019-nCoV, а вызванное им заболевание – COVID-19. Предприняты беспрецедентные противоэпидемические мероприятия по всему миру.

Психологические последствия пандемии будут количественно оценены в будущем, однако уже сейчас отмечается «бегство в болезнь» (тревожные состояния, снижение социального доверия, усиление авторитарных установок), но и другой, оптимизирующий процесс – становление новой нормальности (появление уверенности в своих силах, постановка позитивных целей, сопереживание другим, готовность делиться с близкими своими чувствами по поводу происходящего). С первых недель пандемии и ограничений в контактах между людьми ощутимой была психологическая травматизация населения, интенсивное переживание стресса, депрессии и тревоги. Имевшая поначалу место мобилизация психологических резервов сменилась симптомами депрессии. Стресс начал достаточно часто трансформироваться в дистресс, затем в болезнь, поскольку внешние факторы стресса (страх перед заболеванием, устрашающая информация Кроме соматических проявлений, связанных с поражением всех органов и систем организма, серьезным последствием пандемии явилось отдаленное развитие хронического постковидного стресса.

Пандемия новой коронавирусной инфекции COVID-19 обусловила развитие *постковидного синдрома*, связанного как с вирусообусловленными нарушениями жизнедеятельности, так и с массовым развитием психологических осложнений с последующим формированием психосоматических заболеваний.

Постковидный синдром той или иной степени выраженности – от синдрома хронической усталости до панических расстройств − отмечается практически у всех переболевших COVID-19. Соответственно, нарастает потребность в развитии системы психологической помощи, ориентированной на новые технологии, в том числе инструментального воздействия на человека с целью профилактики и лечения.

Наиболее подверженными тревожно-депрессивным расстройствам были женщины с низким уровнем доходов и отсутствием высшего образования. Репрезентативные исследования в других странах это подтвердили. Так, в Китае симптомы стресса в мае 2020 года выявлены у 35 % населения, в США – у 45 %, в Иране – у 60 %.

Наиболее реальными причинами этого оказались – отсутствие эмоциональной поддержки (невозможность видеться с родителями, детьми, другими близкими людьми, друзьями), фактор перехода на удаленную работу (разрушение границ между работой и домом). Особенно это ощущалось детьми и родителями при переводе школьного образования в дистанционный режим. Участились конфликты с близкими людьми, увеличилось число разводов.

Страх заболеть не только подталкивал к соблюдению правил предосторожности, но и усиливал человеческие страдания, приводя к потере критичности, росту суеверий, потребности в предсказателях, подверженности манипуляциям и вере в конспирологию. Принудительное физическое дистанцирование ведет к росту социальных фобий – страхов, связанных с межличностным общением, наблюдается усиление доверительных связей с близкими и знакомыми людьми, и ослабление так называемых «слабых связей».

В условиях пандемии и экономического кризиса происходит обеднение разнообразия личной социальной сети и сужение круга контактов. Это затрудняет социальные и технологические инновации, тормозит поиск новых решений и управление знаниями. Имеется другая крайность – отрицание опасности инфицирования. Фонд общественного мнения сообщил, что 58 % опрошенных россиян не боялись заболеть в общественных местах. Риск заражения коронавирусом недооценивается россиянами из-за переоценки маловероятных рисков при столкновении с примерами их последствий; при недооценке более вероятных рисков из-за их описания обобщенными цифрами и абстрактными прогнозами. Редкость или отсутствие тех или иных событий в личном опыте приводят к недооценке их вероятности и позднему пониманию реальности угрозы. Сам по себе стресс искажает оценку вероятности риска и его последствий. При риске

возможных угроз люди дистанцируют эти риски от себя во времени и пространстве, считая, что от COVID-19 гибнут где-то в ином месте и вероятность заразиться самим или заразить других – оценивается обычно ниже, чем вероятность того, что это случится с кем-то другим.

Новые и неопределенные угрозы в общественном сознании уподобляются обычно уже известным, вследствие чего складывается ложное убеждение в том, что COVID-19 – это обычное сезонное заболевание, менее опасное, чем другие инфекционные болезни, такие как грипп и ОРВИ.

Однако избыточное нагнетание тревоги по поводу масштабных угроз формирует ощущение беспомощности, способствующей развитию защитных реакций. Запугивание может вместо мобилизации общества на всеобщую борьбу с пандемией усилить отрицание тяжести ситуации, привести к «ковид-диссидентству», фатализму и недоверию к официальной информации. Этому же способствует и низкий уровень доверия к государству, обусловленный тем, что большинство стран вошли в пандемию COVID-19 с низким уровнем доверия к социальным институтам. Даже в развитых странах большинство населения не верит в улучшение жизни своих детей. При этом, к сожалению, Россия по уровню доверия занимает одно из последних мест: лишь 30 % опрошенных россиян доверяют социальным институтам – государству, СМИ, бизнесу и некоммерческим организациям. Лишь 17 % верят, что в случае массового бедствия государство окажет помощь всем нуждающимся, а 61 % опрошенных признали, что они меньше стали доверять государству за период пандемии, 54 % стали меньше доверять СМИ и только 20 % считали, что можно положиться на других.

Противоречивость информации о происходящем и неготовность ряда правительств постоянно объяснять гражданам необходимость принимаемых мер подрывает доверие к элитам (протесты в Германии, Франции, США, события в Хабаровском крае). При этом растет популизм, поддержка авторитарного подхода к управлению, консервативным политическим ценностям. По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения, 51 % россиян считают, что России необходима «твердая рука», обеспечивающая в стране порядок. Эти идеи находят поддержку среди представителей старших возрастных групп 45–60 лет и старше (59 %), и всего 35 % респондентов разделяют либеральную позицию. Около 60 % считают, что каждая страна должна думать, прежде всего, о своих гражданах и наращивать собственные ресурсы. С позиции медицинской науки известное физиологическое понятие – запредельное торможение, охватывающее массы, объясняет состояние такой сложной системы, как человеческое сообщество. При этом создаются условия для неожиданного возникновения новых возбудителей и болезней, становящихся угрозой существованию общества.

Пандемия COVID-19 не единственный глобальный вызов, на который приходится отвечать человечеству. Он потенцируется ростом социального неравенства, когда государство не может гарантировать стабильного

улучшения благосостояния большинству граждан, снижением доверия к глобальным и социальным институтам внутри страны. Это обусловливает пессимизм в отношении будущего из-за экономических факторов, осознания неотвратимости негативных последствий изменения климата и других природных и антропогенных рисков. Это также техно-гуманитарный дисбаланс, когда развитие технологий опережает динамику социального капитала, нарушена способность общества договариваться о правилах использования результатов технологического прогресса. И здесь – важна результативность медицинской науки, клинической психологии, ведущих поиски средств воздействия на человека при условии дефицита времени.

Психологическое состояние общества подвержено значительным колебаниям. Способность различных сообществ восстанавливаться после экологических катаклизмов (ураганов и наводнений) – зависит от уровня социальной поддержки и информированности. Изучение реакции различных социальных групп на изменение климата позволяют выделить целый ряд компонентов групповой жизнеспособности перед лицом экологических рисков, природных и техногенных катастроф. На уровне больших социальных групп – это качество социальных институтов и эффективность взаимодействия государственных служб, наличие системы прогнозирования рисков и управления ими, осведомленность населения о вероятных угрозах и система раннего оповещения, культурные ценности и нормы, поддерживающие волонтерство, социальную ответственность и долгосрочную ориентацию, доступность медицинских услуг, наличие инструментов финансовой и гуманитарной помощи. Социальные ресурсы жизнеспособности иногда рассматриваются как структурный и когнитивный виды социального капитала, включающего – территориальную мобильность, качество образования, зависимость от наличия ресурсов, языковые навыки, доступ к здравоохранению. Это также – уровень доверия, поддержка волонтерства, территориальная идентичность и эмоциональная привязанность к месту жительства, уровни восприятия риска, межгрупповой кооперации и вовлеченности в сетевые коммуникации.

При оценке жизнеспособности локальных сообществ используются четыре группы показателей. Это – сила групповой идентификации, уровень оптимизма, взаимной поддержки и ценности заботы о людях. Это – способность сообщества извлекать уроки из прошлого и ставить совместные цели, слаженность коммуникаций и распределения ролей, доверие к официальной информации. Это – наличие доступа к жизненно важным ресурсам, источникам финансовой и экономической помощи, понимание того, куда нужно обращаться, чтобы ее получить. Это – качество управления рисками чрезвычайных ситуаций, наличие каналов помощи населению после катастроф. Принципиально важными условиями жизнеспособности сообщества является наличие неформальных лидеров, организовывающих оказание взаимопомощи, гибкость способов обращения за помощью и ее предоставления, а также коллективная самоэффективность,

т.е. уверенность членов группы в том, что они способны мобилизоваться и справиться с опасностью. Эти факторы оказывают существенное влияние на жизнеспособность российского общества в условиях природных и техногенных катастроф.

Однако, в ближайшие годы не военные действия, не техногенные катастрофы, а экологические и биологические угрозы обусловят сосредоточение усилий всех государств и правительств. Для этого необходим пересмотр действующего законодательства и возможностей сложившейся системы управления. Требования по совершенствованию мер биологической безопасности имеются в Доктрине национальной безопасности, Стратегии экологической безопасности, медицинском законодательстве и законодательстве в области чрезвычайных ситуаций.

После принятия в 2019 году Указа Президента Российской Федерации «Об Основах государственной политики Российской Федерации в области обеспечения химической и биологической безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу» – становится реальной подготовка проекта Федерального закона «О биологической безопасности», который должен учитывать вызовы текущей пандемии и прогнозируемых экологических и биологических катастроф[245].

Закрепленный в приоритетах научно-технологического развития Российской Федерации переход к передовым цифровым, интеллектуальным технологиям, роботизированным системам, новым материалам и способам конструирования, создание систем обработки больших объемов данных, машинного обучения и искусственного интеллекта нуждается в ускоренной реализации в сфере здравоохранения. Развитие системы персонализированной медицины, высокотехнологичного здравоохранения и технологий здоровьесбережения (активность людей, направленная на улучшение и сохранение здоровья) сопряжено с рациональным использованием известных и новых лекарственных препаратов, разработкой новых способов их доставки к органам и тканям организма человека.

В «Докладе о состоянии фундаментальных наук в Российской Федерации и о достижениях российских ученых» отмечен рост вложений в вузовский сектор науки. Однако загрузка дорогостоящего оборудования (даже в центрах коллективного пользования) не превышает 70 %. Особенности развития фундаментальных исследований в региональных вузах сопряжены, прежде всего, с необоснованно низким их финансированием, которое является следствием недочетов в системной организации.

Существующее десятки лет двойное подчинение медицинской науки, да и образования, Министерству здравоохранения Российской Федерации и Министерству образования и науки Российской Федерации не способствует оптимальному распределению финансовых ресурсов для проведения научно-

---

[245] *Жаворонкова Н. Г., Агафонов Б. Г.* Экологическая, биологическая, социальная безопасность: организационно-правовой аспект. // Lex russica (Русский закон). 2020. № 7 (164). С. 43-49.

исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ в области медицины, а также для внедрения их результатов в образовательный процесс и медицинскую практику[246].

Результатом проведенных реформ науки и образования должно было стать повышение роли Российской академии наук как ведущей экспертной организации России, оценивающей научные результаты и являющейся базой для аттестации научных кадров высшей квалификации. Это может обеспечить престиж научной деятельности, привлечь в науку талантливую молодежь, повысить количество и качество диссертационных работ, особенно при повышении статуса научной степени. При этом университетская наука является реальным связующим звеном между потребностями практического здравоохранения и медицинской наукой, способной решать как фундаментальные, так и прикладные проблемы.

Вызывает нарекания также работа Высшей аттестационной комиссии (ВАК), произвольно меняющей перечень медицинских специальностей. Так, была исключена из перечня специальность 05.13.01 «Системный анализ, управление и обработка информации (медицинские науки)», хотя в медицине, работающей со сложными системами (организм человека, здравоохранение), системный анализ является основным научным методом. Эта специальность позволяла исследовать процессы, обусловливающие функционирование живых сложных систем (complexity) в целом[247].

Существенную угрозу национальной безопасности представляет позиция Минобрнауки России, ориентирующая научных работников на абсолютную необходимость научных публикаций в зарубежных научных изданиях, имеющих определенные преимущества перед отечественными публикациями только в том, что они лучше цитируются, а также являются определяющими при формировании диссертационных Советов, выигрыше грантов на научные исследования различных уровней. Получается, что для развития отечественной науки необходимы публикации в зарубежных частных изданиях. Повышение интернационализации российских вузов, регламентированное Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки», обусловило прогрессирующее увеличение к 2015 году числа публикаций российских авторов в иностранных журналах, индексируемых в базах данных *Web of Science и Scopus* до 2,44 %.

Поручение Президента Российской Федерации было превратно истолковано Министерством образования и науки и Высшей аттестационной

---

[246] О состоянии фундаментальных наук в Российской Федерации и о важнейших научных достижениях российских ученых в 2015 году: доклад: утвержден решением Общего собрания членов РАН 23 марта 2016 г. – URL: http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=8755bd39-6d11-47b3-8665-39159abb10a8#content (дата обращения: 03.04.2017).

[247] *Хадарцев А. А.* Научно-технологическое развитие России. Медицинская наука и образование // Вестник новых медицинских технологий. 2017. № 2. Публикация 4–1. – URL: http://www.medtsu.tula.ru/VNMT/Bulletin/E2017-2/4-2.pdf (дата обращения: 03.09.2017).

комиссией, отреагировавших на это поручение изменением критериев оценки деятельности вузов и научных организаций, а также их финансирования.

В распоряжении Правительства Российской Федерации от 20 декабря 2012 г. № 2433-р «О государственной программе Российской Федерации «Развитие науки и технологий»» определены такие индикаторы международной публикационной активности российских ученых, как:

– число публикаций российских авторов в научных журналах, индексируемых в базе данных *Scopus,* в расчете на 100 исследователей;

– число цитирований в расчете на 1 публикацию в научных журналах, индексируемых в базе данных *Web of Science*;

– удельный вес публикаций в соавторстве с зарубежными учеными в общем числе публикаций российских авторов в научных журналах, индексируемых в базе данных *Scopus*[248].

Такие индикаторы являются количественными и не отражают качества журналов, в которых публикуются статьи по результатам исследований, опираются лишь на авторитет базы данных, в которые эти журналы включены. При этом не учитывается, что *Web of Science* и *Scopus* – это частные структуры и публикации в них существенно влияют на оценку деятельности и развитие государственных учреждений.

Увеличивается количество российских посредников для публикации в этих базах. Растет количество и стоимость так называемого приписного соавторства (к базовой статье за определенное вознаграждение приписываются в число соавторов – отечественные исследователи) публикаций в журналах *WoS* и *Scopus* с высоким импакт-фактором. Цена составляет от 3 до 6 тыс. евро. При получении университетом повышенного финансирования за счет гарантированного роста количества публикаций в журналах *WoS* и *Scopus*, определенные средства расходуются на премирование авторов, которые вынуждены платить за публикацию посредникам. Средства российского бюджета из-за публикаций в «хищных» журналах расходуются нерационально, превышая миллиард рублей, что значительно больше выделенного на них финансирования. Кроме того, искажается наукометрическая информация, а научно-образовательная среда несет моральные и интеллектуальные потери.

В целях нейтрализации вызовов и угроз сфере здравоохранения Российской Федерации необходимо создание постоянно действующей системы экстренного развертывания кадрированных госпиталей в мирное и военное время с закрепленными за ними штатами врачей.

Одним из путей достижения оптимизации медицинского образования, как краеугольного камня здравоохранения, представляется многоуровневая система реорганизации – от правительственного до муниципального. На региональном, областном уровне должна сформироваться неразрывная

---

[248] *Абалкина А.А., Касьян А.С., Мелихова Л.Г.* Иностранные хищные журналы в Scopus и WoS: переводной плагиат и российские недобросовестные авторы: доклад Комиссии РАН по противодействию фальсификации научных исследований. М., 2020. 64 с.

связь всех трех компонентов, обеспечивающая взаимосодействие медицинской науки, практики и образования. Необходимо издание утвержденного приказом Минздрава Российской Федерации «Положения о клинических базах», которое не обновлялось с 1993 года, без чего сохранение традиций отечественного медицинского образования, получивших свою реализацию в ходе боевых действий и в мирное время – не представляется реальным. Только единичные вузы имеют собственные клиники. Модель безвозмездного, договорного пользования клиническими базами переводится под тем или иным предлогом в источник дополнительного финансирования местных органов здравоохранения. Важно принятие специального решения на уровне Правительства и Государственной Думы Российской Федерации, обязывающего разработанную Министерством здравоохранения Российской Федерации модель «Положения о клинических базах» для исполнения всеми структурами.

На региональном уровне целесообразно, сохранив вертикаль управления триадой (академической наукой, образованием, здравоохранением), создать научно-образовательные медицинские объединения, осуществляющие принятие и реализацию тактических управленческих решений. Иначе межведомственная передача информации по горизонтали и по вертикали затягивается на определенно долгое время. Конечная цель образовательных усилий – клинически грамотный, теоретически подготовленный и вооруженный современными технологиями врач, оказывающий реальную помощь человеку.

В этом контексте чрезвычайно актуальными являются решения прошедшего в 2016 году VI Всероссийского форума саморегулируемых организаций, из которых вытекает необходимость принятия закона о саморегулировании профессиональной деятельности в здравоохранении. Это соответствует требованиям и законам развития постиндустриального общества, в которое мы неизбежно вступаем.

Хаос (в биологических объектах, социальных структурах, в искусстве, литературе и пр.) управляется и организуется только через саморегулирование всех составляющих его процессов. Чиновники (министерств, ведомств) не могут управлять всем и вся, это и есть предтеча пресловутой коррупции. Они должны содействовать законному претворению в жизнь потребностей населения через принятие государственных решений. Но потребности исходят из масс, их надо услышать, сформулировать и скорректировать, в чем и заключается задача государственного демократического управления. При этом чиновники не должны навязывать массам узко корпоративные и собственные интересы, используя для этого административные и финансовые ресурсы, предназначенные для достижения иных целей.

Для противодействия угрозам, связанным с финансовыми потерями при зарубежных публикациях и утечкой научной информации через отечественные публикации в зарубежных частных базах данных

Web of Science и *Scopus* – необходимо совершенствование работы отечественного Российского индекса национального цитирования (РИНЦ). Ограничить количество приглашаемых в российские университеты иностранных ученых с нереально огромным цитированием и количеством опубликованных статей – для исключения возможности нечестной конкуренции в борьбе за гранты для научных исследований.

Имеющаяся на сегодняшний день информация об особенностях нового коронавируса COVID-19 позволяет прогнозировать ход дальнейших поисков различных терапевтических возможностей. В плане исследований – целесообразно установить в лабораторных условиях эффективность самостоятельного воздействия на вирус различных неорганических наночастиц – металлов (серебра, золота, железа и др.) с известными механизмами воздействия, а также углеродных наночастиц (нанотрубок, фуллеренов шунгита, графенов) с возможностью трансформации COVID-19.

В целях предупреждения развития тревожных состояний и психологических проблем в периоды различных пандемий – необходима разработка противопанических мероприятий, в том числе имеющихся способов инструментального противострессового воздействия, дозированная информационная открытость в средствах массовой информации. Для предупреждения эффектов отчуждения в постпандемический период в медицинских профессиональных сообществах необходимы специальные очные и дистанционные мероприятия, помогающие участникам расширить сеть профессиональных контактов, познакомиться с новыми людьми, попытаться посмотреть на происходящее с другой точки зрения.

Опыт глобального кризиса COVID-19 показал, что альтернативой тревожности в освещении ситуации СМИ, комментариях руководителей и экспертов должна стать логика позитивных целей: не снижение числа погибших, а число спасенных жизней и рабочих мест, примеры сопереживания, заботы друг о друге и социальной ответственности, поддержка веры людей в свою способность защитить себя и близких, четкие инструкции исполнительной власти в сочетании с демонстрацией уважения и доверия и противодействия угрозам в сфере здравоохранения, оценки публикационной активности отечественных авторов.

2.15. Вызовы и угрозы в демографической сфере

Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года (Стратегия-2025) относит к основным задачам пространственного развития Российской Федерации решение ряда проблем, отмеченных и в других нормативных и законодательных документах. Среди них необходимо выделить те проблемы, которые имеют большое значение для национальной безопасности страны, с одной стороны, и те, которые являются основой для успешного развития российского общества и экономики, с другой.

От подвижек в решении вопроса пространственного развития страны зависят будущая траектория ее государственного развития и переход от кризисного состояния социальной, экономической, демографической, экологической сфер ряда субъектов Федерации к устойчивому росту и тем самым большей безопасности этих регионов в перечисленных сферах, что может являться гарантией национальной безопасности в целом. Решению большинства проблем должна способствовать одобренная Правительством Стратегия-2025, которая готовилась продолжительный срок и в идеале должна была основываться на соответствующей программе, разработанной РАН[249] до принятия Стратегии-2025.

Например, В.В. Пациорковский обращает внимание на то, что в Республике Коми Стратегия-2025 не предусматривает развития пищевой промышленности[250], а отсутствие самообеспеченности продовольствием на таком уровне не только подрывает региональную безопасность, но и способствует оттоку населения и понижению доходов остающегося населения, что уже представляет собой угрозу национальной безопасности.

С середины 1990-х годов правительство разрабатывало законодательный акт о депрессивных (отсталых) регионах страны. Отсутствие научно обоснованных и приемлемых критериев выделения таких регионов привело к тому, что никаких нормативных правовых документов принято не было[251]. Новые подходы исполнительной власти, базирующиеся на тезисе о необходимости выравнивания развития регионов, и отсутствие критериальной системы показателей, свидетельствуют о том, что нужно вернуться к понятию «депрессивных регионов» и оказывать поддержку таким территориям в первую очередь, привлекая к этому в том числе и механизм федеральных субвенций и дотаций.

---

[249] См.: *Гранберг А.Г.* О Программе фундаментальных исследований пространственного развития России // Регион: экономика и социология. 2009. № 2. С. 166–178; *Суспицын С.А.* Концепция и методология измерения устойчивых пространственных трансформаций экономики России // Регион: экономика и социология. 2009. № 4. С. 32–54.

[250] См.: *Пациорковский В.В.* Население и регионы в Стратегии пространственного развития страны // Народонаселение. 2020. Т. 23. № 3. С. 102. DOI: 10.19181/population. 2020.23.3.9

[251] См.: *Ткаченко А.А.* Критерии депрессивности регионов // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 1996. № 4. С. 66–72.

Одной из самых явных, постоянно дискутируемых, но медленно нерешаемых проблем безопасности российского государства является отток населения из трудонедостаточных и редконаселённых территорий, которое устремляется в более благоприятные регионы с лучшими условиями и часто более высоким уровнем жизни. Причина такого оттока населения заключается в условиях жизни населения – низкой насыщенности транспортными связями мест поселения с другими территориями и низком уровне развития транспортной инфраструктуры в целом. Это касается прежде всего Дальнего Востока и Севера России. Эти же регионы отличаются продолжающимся оттоком и потерей населения в результате миграции, хотя они и без того теряют население за счет отрицательного естественного воспроизводства населения в результате превышения смертности над рождаемостью.

Именно поэтому указ Президента Российской Федерации «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» связывает осуществление прорывного развития страны с увеличением численности населения и повышением уровня жизни граждан в результате создания комфортных условий для их проживания и предусматривает в качестве одной из пяти национальных целей развития Российской Федерации комфортную и безопасную среду для жизни каждого человека и каждой семьи. Насколько успешным будет достижение этой цели к 2030 году – довольно сложный вопрос, не только с практической, но и с теоретической точки зрения, так как каждый человек по-своему определяет уровень комфорта своей жизни и при росте уровня жизни семей (домохозяйств) и различных социально-демографических групп их требование к уровню комфорта также возрастает.

Комфортная и безопасная среда также подразумевает не только среду обитания человека в целом, но и производственную среду (кроме бытовой среды и среды отдыха), связанную с качеством трудовой жизни. Одним из показателей, способствующих достижению этой цели, является, в соответствии с указом, обеспечение устойчивого роста численности населения страны, при этом в указе нет упоминания источников этого роста.

Анализируя содержание национальных проектов «О национальных целях развития России до 2030 года»[252] подготовленных согласно Указу Президента России, необходимо отметить, что государственная политика предполагает два способа достижения этой цели: рост уровня рождаемости и положительное сальдо внешней миграции, т. е. приток населения из-за рубежа.

Рассмотрим последовательно эти сферы жизнедеятельности населения – демографическую и миграционную – с точки зрения национальной

[252] Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития России до 2030 года». – URL: http://kremlin.ru/events/president/news /63728 (дата обращения 14.84.2021).

безопасности и решения вопроса о достижении к 2030 году поставленной национальной цели.

Демографическая составляющая требует, с точки зрения выбора правильного акцента в демографической и социальной политике и для обеспечения национальной безопасности, решения вопроса о приоритетах политики социального государства. Таким приоритетом, не может быть задача устойчивого роста численности населения за счет роста рождаемости. Национальный проект «Демография»[253] говорит о необходимости достижения суммарного коэффициента рождаемости на уровне 1,70. Такой показатель может быть достигнут, но он не обеспечивает даже простого воспроизводства населения (более 2,1), не говоря уже о расширенном. Опыт всех без исключения развитых стран показывает, что любые затраты государства на поощрение рождаемости материально-финансовыми средствами не приводят к росту её уровня до гарантирующего расширенное воспроизводство населения – в лучшем случае (Ирландия, Франция, Швеция) уровень обеспечивает лишь близкое к простому воспроизводство. Представляется, что основные затраты государственной политики по национальному проекту следует переориентировать и в следующий период до 2030 года направить на защиту здоровья населения и снижение смертности мужского населения трудоспособного возраста до уровня, близкого к показателям смертности женского населения России.

Миграция населения, особенно внешняя, меняет качество народонаселения[254] и человеческий капитал[255] данного региона (субъекта) и государства, поэтому так важно не только обеспечить социальную и экономическую интеграцию мигрантов в принимающее общество, но и создать систему привлечения мигрантов с определённым уровнем образования и мастерства. Поэтому начиная с рубежа XX–XXI вв. высокоразвитые страны всё в большей мере ориентируются на селективную политику миграции, осуществляя меры и программы, дающие преимущество въезда в страну или имплементации в стране высококвалифицированным мигрантам.

Современные работы российских ученых об экономических последствиях миграционных потоков в российскую экономику можно разделить на две части: одни оценивают экономическую миграцию из бывших советских республик как явление, скорее отрицательно влияющее

---

[253] См.: *Ткаченко А.А.* Государственная политика и национальный проект «Демография» // Народонаселение. 2018. Т. 21. № 4. С. 23–35. DOI: 10.26653/1561-7785-2018-21-4-03.

[254] См.: Качество народонаселения // Новая российская энциклопедия / Редкол.: А.Д. Некипелов, В.И. Данилов-Данильян и др. Т. 7 (2). М.: Изд-во «Энциклопедия», 2003. С. 458–459.

[255] См.: *Капелюшников Р.И.* Сколько стоит человеческий капитал России? // Вопросы экономики. 2013. № 1. С. 27–47; *Ткаченко А.А*. Человеческий капитал // Новая российская энциклопедия / Редкол.: А.Д. Некипелов, В.И. Данилов-Данильян и др. Т. 18 (1). М.: Изд-о «Энциклопедия», 2003. С. 119–120.

на российский рынок труда и вызывающее дополнительную нагрузку на социальную инфраструктуру страны[256]; другие считают миграцию не только безусловно необходимой (это и официальная точка зрения тоже) и не приносящей никакого ущерба российским экономике и обществу, но и помогающей им развиваться[257]. И потребность в мигрантах связана не только с демографическим старением населения и уменьшением контингента трудоспособного возраста, о чём пишут большинство авторов[258].

Причину нужно искать и в пустующих нишах российского рынка труда, которые не хочет занимать местная рабочая сила. Разумеется, ситуация может значительно различаться по регионам страны, но подавляющая часть потоков иностранной миграции сосредоточивается всего в 10 регионах-субъектах: это составляет 74,3 % всех въехавших в 2019 году в целях трудоустройства, в том числе 62,2 % – в четырёх субъектах: Москва, Санкт-Петербург, Московская и Ленинградская области. Это не только низкоквалифицированные рабочие (уборщики улиц, помещений, домашние работники), но и персонал средней квалификации (водители такси и автобусов, воспитатели-гувернеры), а также высшей (преподаватели, врачи, медперсонал). Занятость последней категории мигрантов ограничивается законодательными рамками, поэтому их численность из стран СНГ и ЕАЭС незначительна.

Для того чтобы определить вызовы и угрозы в демографической сфере России и наметить меры по их нейтрализации, необходимо их обозначить. Разобьём эти вызовы и угрозы на две категории: внутренние и внешние.

К внешним вызовам и угрозам относятся:

1. Пропаганда нетрадиционных отношений, основанных на однополых связях.

Запад решил использовать данное явление как инструмент в политике для достижения своих целей через внедрение нетрадиционных ценностей (однополых отношений) повсеместно, при этом объявляя те страны, которые отстаивают свой традиционный уклад, отсталыми странами третьего мира, ущемляющими принципы демократии, навешивая тем самым на них ярлык неполноценности и всеми силами пытаясь заставить коренное население чувствовать себя людьми «второго сорта», ущербными, не такими, как весь развитый западный мир. Пользуясь своим экономическим преимуществом и тем, что многие страны, не являющиеся частью Старой Европы, стремятся примкнуть к ней и получить от неё материальные блага, Запад предъявляет

---

[256] См., например: *Казанцев А.А., Гусев Л.Ю.* Возможные сценарии развития миграционных процессов в контексте евразийской интеграции // Международная аналитика. 2019. № 4 (30). С. 18–27.

[257] См., например: Миграция населения // Россия. XXI век: Энциклопедия. М.: Изд-во «Энциклопедия», 2019. С. 244–251.

[258] См., например: *Рязанцев С.В., Письменная Е.Е., Перемышлин С.Н.* Положение трудовых мигрантов из стран Центральной Азии на российском рынке труда // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. № 5 (62). С. 1248–1259. DOI: 10.35775 / PSI.2020.62.5.028

в качестве условия приобщения к нему легализацию и защиту нетрадиционных однополых отношений, что, по своей сути, противоречит человеческой природе, так как возможность размножения предусмотрена природой только в традиционных семьях.

2. Дискредитация института брака и семьи.

В западной культуре стали внедряться в сознание людей идеи о том, что семья как институт себя изжила, что это пережиток прошлого, что семья тормозит развитие личности и является для неё балластом, что достаточно, в лучшем случае, родить одного ребёнка и жить «для себя». Помимо общеизвестных проблем, которые являются следствием такой пропаганды, в виде неполной семьи и психических травм детей, человечество лишается одного из базисных принципов своего существования – принципа ответственности. Без его усвоения мальчик никогда не перейдёт в психологическом плане в «статус мужчины», а девушка не способна будет раскрыться в полной мере как женщина и мать. Сегодня мы наблюдаем попытки западных идеологов внедрения такого рода идей в сознание российских граждан.

3. Низкокачественная «импортная» культура, насаждаемая через западные фильмы, СМИ, социальные сети и т.п.

Пропаганда беспорядочных половых связей, секса, насилия, эгоизма, потребительства и других пороков, не позволяющих человеку расти в духовном плане, а наоборот, ведущих к его деградации как вида в целом, насаждается изначально напрямую или косвенно, как через своих представителей в России в виде «пятой колонны», так и извне. В итоге мы стремительно приближаемся к обществу гедонизма. С помощью массовой культуры и либерально-демократических ценностей, направленных на изменение генетического кода той или иной нации, население страны, которое начинает копировать американский образ жизни, постепенно забывает свою культуру и историю, традиции и обычаи. Такая политическая технология имеет определенные особенности. Народ, который не помнит и не знает своей истории и культуры, теряет способность на национальное самоопределение, на защиту своего Отечества. Общество, которое подвергается американизации, меняет свою систему ценностей, теряет способность к единению и сплоченности. Государство с таким населением более уязвимо для внешних угроз и способно потерять свой суверенитет, что и произошло со многими странами мира. США при помощи данной технологии смогли без объявления войны установить свой контроль практически над всеми страны Евразии, Африки, Южной Америки, в том числе и над Россией. К сожалению, агенты западного влияния делают в России все возможное, чтобы молодое поколение получало плохое и низкокачественное образование, воспитывалось на произведениях западного кинематографа, иностранных музыкальных жанрах и композициях, компьютерных играх, воспринимало западную моду и различные субкультуры в качестве образцово-эталонных, забывало свою

национальную культуру и традиции. Запад весьма заинтересован в том, чтобы российские школьники и студенты колледжей, вузов не погружались глубоко в изучение истории собственной страны.

Чем меньше уровень знания истории, тем проще россиянам будет забыть свое прошлое и в случае внешней угрозы легко отказаться от своего отечества и государства под лозунгами принятия так называемых западных демократических ценностей.

4. Иммиграция.

Согласно данным Федеральной службы государственной статистики, в России рассмотрены три варианта демографического сценария до 2036 г.: низкий, средний и высокий. В разделе «естественного прироста» во всех трёх вариантах (речь идёт о коренном населении и прежде всего русских) мы видим показатели со знаком минус, а прирост достигается за счёт иммиграции.

Ни для кого не является секретом ответ на вопрос: откуда в нашу страну идёт основной поток иммиграции. Это страны СНГ, преимущественно Среднеазиатского региона (по официальной статистике Росстата – около 85 % от общего количества иммигрантов). Причём подавляющую часть миграционного потока составляет малообразованные неквалифицированные кадры, которые используются в России в качестве «дешёвой» рабочей силы на черновых работах. Многие из этих мигрантов стараются получить российское гражданство и для многих из них главной мотивацией является не приобщение к ценностям страны, изучение местной культуры и традиций коренных народов России, а обретение «спокойствия» в виде возможности постоянного проживании и облегчения трудоустройства в России. Уместно поставить вопрос: в случае возникновения критической ситуации готовы ли будут эти мигранты отстаивать и защищать интересы России или же они, наоборот, будут использованы третьими силами в качестве ослабляющего фактора изнутри? Представляется, что ответ на этот вопрос не в пользу концептуальных интересов России.

Что касается Европы, то она сама оказалась в демографической яме. По оценкам экспертов, тенденция общего старения и сокращения численности населения вскоре приведёт Европу к демографическому кризису. Причём именно в ЕС последствия будут наиболее ощутимыми и драматичными. Стареющая Европа уже сталкивается с этим – последние статистические данные и прогнозы показывают, что для европейского континента, включая Великобританию, негативные последствия старения населения будут гораздо более ощутимыми по сравнению с США и остальным миром. Миграционные потоки, устремившиеся в Европу за лучшей жизнью, сегодня не интегрируются в ее культурное пространство, но навязывают свой образ жизни, религию и даже мировоззрение.

Смогли ли реализоваться положительные стороны мультикультурализма? Утверждение о том, что мигранты – это источник квалифицированной рабочей силы, оказалось удивительно недальновидным и первым потерпело

крах. Очевидно, что страны с низким уровнем жизни не имеют возможности реализовать свой потенциал в вопросах образования и обучения даже рабочим специальностям, не имея подобной традиции ранее. Они могут предложить европейскому обществу лишь прирост населения, но не заполнение рабочих мест на фабриках и заводах.

Конечно, страны Америки и Азии, включая США, Китай и Японию, тоже сталкиваются со всё более острой проблемой старения населения. Но именно в Европе перспективы для нынешнего трудоспособного поколения в этом плане наименее радужные. Политики и эксперты уже давно обращали на это внимание. Ещё в 2014 году в озвученном в Брюсселе докладе Еврокомиссии содержались предупреждения о том, что уровень рождаемости снизился настолько, что уже не обеспечивает необходимого воспроизводства, и это ведёт к естественной убыли населения во многих странах Европы. «В результате рост населения замедляется, а старение населения ускоряется», – подчёркивалось в докладе. Новые данные подтверждают эти тенденции.

По последним прогнозам, на фоне роста средней продолжительности жизни и ощутимого сокращения рождаемости жители ЕС будут всё чаще замечать негативные последствия. Причём в большей степени это отразится на странах Юго-Восточной Европы. Согласно последнему докладу ООН, население этого континента начнёт сокращаться уже в следующем, 2022 году. И хотя Европа принимает всё больше мигрантов, ООН прогнозирует, что уже к 2050 году общая численность европейцев сократится на 5%. Причём если в 1950 году число людей в возрасте 65 лет и старше составляло лишь 7,6 % от всех жителей Европы, то в 2050 году в Германии этот показатель достигнет 30,7 % – страна выйдет на третье место в мировой статистике. Следом за ней окажутся Франция с 26,6 % и Великобритания, где будет 24,9 % жителей старше 65 лет (или 14,1 млн человек по сравнению с 9,2 млн в настоящее время). А первые строчки в этом перечне займут Япония и Южная Корея, где соответствующие показатели к 2050 году достигнут 36,4 % и 35,3 соответственно.

Что касается России, то на территории страны в качестве трудовых мигрантов находятся миллионы выходцев как из стран, ранее входивших в состав СССР, так и из стран, не входивших в его состав, но являющихся «питательной средой» для радикального ислама и, соответственно, агентуры ИГИЛ (террористическая организация, запрещённая на территории России).

С распадом СССР в Центрально-Азиатском регионе мусульманские радикалы имеют прочные позиции. А в связи с особенностями восточного менталитета, предполагающего безоговорочное подчинение младших старшему, при возникающих массовых беспорядках безобидные «трудовые мигранты» превращаются в разрушительное оружие и могут представлять серьёзную опасность. Известно, что при массовых беспорядках возникает психологический эффект «деиндивидуализации», или – в бытовом обиходе – эффект «толпы». Трудовые мигранты из стран СНГ не пополнили рабочие

места на заводах и фабриках, однако сегодня наблюдается рост заполнения должностей с высшим образованием в сфере здравоохранения и даже образования. Предполагалось также, что мигранты смогут решить демографическую проблему, интегрируясь в российское общество. Однако эта идея не реализовалась из-за нежелания обеих сторон.

Сегодня мы имеем обратный эффект – мигранты привозят в Россию семьи, увеличивая культурный и демографический перевес в свою сторону, создавая в первую очередь конфликты в сфере образования. По мнению И. Ивойловой, через 8–10 лет дети мигрантов составят более 30 % учеников в российских школах: «Сейчас в школе примерно 10–15 % учеников, для которых русский язык не родной. Это соотношение учителя считают оптимальным. Если «иноязычных» больше, это может ослабить влияние русской языковой среды или даже спровоцировать конфликты. В каждом классе есть 4–5 учеников, чьи родители приехали в Россию из республик бывшего Союза. <…> Правда, непонятно главное – как будет оплачиваться при этом труд учителя? Нынешние нормативы трудности в обучении детей мигрантов не учитывают. Для бюджета все равны, хотя затраты учителей, безусловно, разные. Дополнительные занятия многие из них ведут вообще бесплатно»[259].

Какую угрозу это может представлять для России? Очевидно, что прирост населения за счет малообразованного населения не будет двигать ее к прогрессу. Далее, утверждалось, что иные культуры смогут привлекать в страны Европы туристические потоки благодаря их национальным праздникам и новым вкусам. К сожалению, этого также не произошло. Неприятие мусульманами христианских обычаев и традиций приводит к конфликтам среди населения ряда стран, в частности в Германии наблюдается рост преступлений на религиозной почве в отношении коренных жителей этой страны.

В России мусульмане традиционно проживали бок о бок с христианами на своих исконных территориях, таким образом создавая древнейшие связи мультикультурного пространства. Пример такого взаимодействия – Крымский полуостров, на территории которого исконно проживали разные народы и национальности, сменявшие друг друга в исторических катаклизмах. И еще одно утверждение – мультикультурализм способствует искоренению расовой дискриминации. Но в реальности кто более теперь подвергается расовой дискриминации: мигранты или коренное население – вопрос открытый. Факт, что русскоязычные дети в классах предпочтут общение со сверстниками своей национальности, а дети мигрантов образуют собственные сообщества в школах, порой агрессивные.

Несомненно, подобные ситуации неизбежны в многонациональных поликультурных пространствах. Скажем больше, экстремизм свойственен человеку как часть его реликтовых свойств характера, реализовывавшихся

---

[259] *Ивойлова И.* Мигрант на обучение // Российская газета: Федеральный выпуск. 2021. 2 окт.

через страх потери личного пространства, свободы и территориальных преимуществ перед враждебным окружающим миром. Чем выше уровень образованности нации, тем меньше она подвержена вопросам экстремизма и негатива в отношении иных культур.

Традиционно у мультикультурализма выделяют и отрицательные стороны: языковые барьеры, трудности, связанные с детьми мигрантов, религиозные столкновения, превалирование иной культуры, невозможность создать рабочий мультикультурный коллектив, страх потери своей культуры и в конечном счете исчезновение ее.

Можем ли мы говорить о мультикультурализме в России сегодня? Казалось бы, он реализуется в ряде положительных черт, но при этом не следует забывать, что агрессивно настроенные политические силы Запада могут использовать его в неблаговидных целях, например, в разжигании национальной розни, недовольства преобладанием людей иных национальностей в сфере образования и культуры и пр.

Интернет сегодня пестрит заголовками о сокрытии «истинной информации» о количестве преступлений, совершенных мигрантами. Говорится, что часто СМИ не указывают национальность преступника, чтобы не увеличивать статистику подобного рода преступлений. Публикуются опровержения, но они не столь запоминаются и не столь интересны, как уже ранее сообщенная информация. Создан сайт «The insider: расследования, репортажи и аналитика», где изучается информация различных изданий.

Безусловно, в погоне за фейковыми новостями новостные издания могут создавать угрозу даже для национальной безопасности России, заполняя информационное интернет-пространство новостями экстремистского толка. Особое внимание сегодня следует обратить на страны дальнего зарубежья, несущие на себе отпечаток советского прошлого. В водовороте нынешних политических катаклизмов они стремятся к самоидентификации. Некоторые из них предпочли или стремятся вступить в блок НАТО, ожидая финансовых вложений в свою разрушенную экономику, другие продолжили социально-экономические сотрудничество с Российской Федерацией по многим вопросам государственного и общественного развития.

Постоянная угроза смены политического курса в этих странах создает дополнительные риски для России, поэтому вопрос их обучения должен строиться в непосредственном взаимодействии с приемами и методами воспитательной работы, а в военных вузах – методами военно-политической работы. Какие бы усилия ни прикладывались государством для формирования толерантного общества, оно всегда будет разделено по принципу своей культуры. Имеющие скрытый характер угрозы и вызовы нашему обществу, возможно, еще ждут своего часа, потому что, по словам Е.И. Пассова, «готовность воспринимать чужое не является естественным свойством человека. Наоборот, человеку свойственна ксенофобия»[260].

---

[260] *Пассов Е.И.* Методика как наука будущего. СПб.: Златоуст, 2015. С. 52.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации совершенно ясно сказано: «защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти осуществляется в целях укрепления единства народов Российской Федерации на основе общероссийской гражданской идентичности, сохранения исконных общечеловеческих принципов и общественно значимых ориентиров социального развития»[261]. Соответственно людей, совершенно не связанных с народами, традиционно проживающими в России, их культурой, традициями, не знающих ни русского языка, ни языков этих народов, на её территории находятся уже миллионы!

При умелой организации действий, материального обеспечения, пропагандистского и психологического сопровождения они могут полностью парализовать работу тыла, оттянуть на себя значительную часть ресурсов и воинских контингентов.

Действующему правительству Российской Федерации необходимо кардинально пересмотреть политику своих предшественников в отношении трудовых мигрантов. Ужесточить миграционное законодательство, точечно пропуская через фильтр только действительно ценных специалистов. Для российского государства сейчас, как никогда, это жизненно необходимо.

Многократно возросшая в последние десятилетия мобильность населения создала ряд серьезных проблем. Неконтролируемая миграция приводит к этнополитической нестабильности и дополнительной нагрузке на социальную сферу в развитых странах. Концентрация инокультурных элементов без их ассимиляции способствует формированию социально-культурных анклавов, разрушающих традиционный уклад жизни и бросающих вызов ценностям принимающего общества. Во всех случаях внешняя среда оказывается источником серьезных угроз для внутреннего устройства современных обществ.

К внутренним вызовам и угрозам относятся:

1. Эмиграция.

Число эмигрантов в мире, по данным ООН, по стране происхождения, следующее: Индия –16.6 млн чел.; Мексика – 13 млн чел.; *Россия – 10.6 млн чел.;* Китай – 10.0 млн чел.; Бангладеш – 7.5 млн чел.; Сирия – 6.9 млн чел.; Пакистан – 5.9 млн чел.; Украина – 5.9 млн чел.; Филиппины – 5.7 млн чел.; Великобритания – 4.9 млн чел.

За последние 5–7 лет проблема с эмиграцией встала и перед Россией. Постоянное падение уровня жизни, низкие зарплаты, рост тарифов жилищно-коммунального хозяйства, коррупция, безразличие власти к проблемам населения, низкое качество дорог и медицины, отсутствие социальных гарантий, возможностей для реализации человека как личности, достойных пенсий и пособий, низкий уровень безопасности, безработица

[261] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // Рос. газ. 2021. 3 июля.

и т. д. заставляют часть россиян задумываться об эмиграции в страны Запада либо в страны с жарким климатом ради дауншифтинга.

Чтобы решить проблемы миграции населения в России, руководство страны должно вывести национальную экономику на новый – более высокий уровень развития, создать рабочие места и построить предприятия, гарантировать условия раскрытия человека как личности и реализации его талантов на практике, инвестировать в реальный сектор экономики, платить достойные зарплаты, а не вынуждать своих граждан иммигрировать за границу в поисках заработка и лучших условий жизни.

2. Ювенальная юстиция.

Понятие ювенальная юстиция первоначально относилось к особым судам для несовершеннолетних, которые появились в конце XIX века одновременно в Европе и в России, где такое правосудие закончилось в 1917 году. В прошлом веке в законодательстве многих стран появились постулаты о правах ребенка. Незаметно чисто судебная ювенальная юстиция стала превращаться в ювенальную систему. Она уже сформирована в одних странах, формируется в других и старается завоевать позиции, в-третьих, в том числе и нашей.

В ювенальную юстицию постепенно вошли органы социального надзора за положением ребенка в семье, пропаганду просвещения детей по проблемам здоровья, а позже и сексуальное просвещение. Сама эта «детская» юстиция стоит на нескольких главных принципах.

Первый – у ребенка те же права, что и у взрослого. Про его обязанности ничего не говорится. Ребенок имеет право самостоятельно обращаться в органы за защитой своих прав. Это включает жалобы на родителей в полицию или суд, которые обязаны незамедлительно проверить, как родители исполняют свои обязанности. Правда, нигде точно не прописано, как должно выглядеть «ненадлежащее» исполнение родительских обязанностей. Дополняют систему органы социального надзора, включающие социальных работников при судах и психологов. По западным критериям соцнадзор находится вне контроля и подчинения госорганов. Обжалование решений социальных органов в случае изъятия детей из семей длится долго – до нескольких лет[262].

Чуждый элемент для российской действительности, который будет работать не на укрепление семейных отношений и сохранение семьи, а на внедрение западных программ и подходов, создающих, прежде всего в головах большинства населения, предпосылки лишний раз задуматься об официальном статусе семьи и рождении детей, особенно в текущей экономической и социальной ситуации в стране. Кроме того, несмотря на внешнее сходство со среднестатистическим европейцем, всё-таки

[262] Козлова Н. Семью ставят в угол. Что такое ювенальная юстиция и почему с ней борются родители? [Электронный ресурс], URL : https://rg.ru/2013/02/12/uvenalnaia.html (дата обращения 21.10.2021 г.).

культурный цивилизационный код России слишком отличается от западного. Внедрение такого института в российское общество будет ошибкой.

3. Отсутствие упрощённой программы репатриации коренного населения на историческую Родину.

На сегодняшний день в российском правовом поле необходимо принять такой нормативно-правовой акт, которой упростил бы этническим русским процесс возвращения на свою историческую родину. Русский народ на сегодняшний день является одним из самых разделённых народов на планете. При создании благоприятной социальной и экономической среды в стране в Россию могут вернуться до 30 млн человек, считающих себя русскими и представителями иных коренных народов.

4. Отсутствие единой государственной программы занятости молодёжи на безвозмездной основе.

Основу любого государства составляют прежде всего люди, коренное население, на которых держатся и экономика, и социальная сфера, и всё остальное. Если не будет достаточного количества людей – государство не сможет функционировать в полной мере и справляться с возложенными на него функциями, особенно, когда это государство – Россия, занимающая 1/9 часть всей земной суши. Оно будет поставлено на грань выживания или это будет уже не Россия, а иное псевдогосударственное образование. Для того чтобы решить положительно вопрос о приросте именно коренного населения, необходимо создать такие условия для семей, которые будут мотивировать их на увеличение рождаемости. К основным негативным факторам, влияющим на уровень рождаемости в России, относятся:

– отсутствие возможности бесплатного посещения различных секций (вопрос развития ребёнка стал прерогативой обеспеченных семей, коих в России, по официальной статистике, существенное меньшинство от всего населения страны, остальным полноценное развитие ребёнка просто недоступно). В СССР в этой части был хороший опыт и его можно и нужно заимствовать (ДОСААФ, дворцы молодёжи, дома творчества, моделирования, спортивные кружки с бесплатной экипировкой и т.д.);

– психологический фактор, порождённый экономической ситуацией в стране (в обществе наметилась тенденция, когда у семьи, в силу сложного финансового состояния, возникает чувство неполноценности и нереализованности потенциала свободного времени ребёнка, отсутствует уверенность в завтрашнем дне, что также не способствует решению демографической проблемы);

– проблема детских садов и школ (ни для кого не секрет, что на сегодняшний день во многих регионах свободных мест как в детский сад, так и в школу не хватает). У родителей в полной мере нет 100 % уверенности в том, что родившийся ребёнок по достижении необходимого возраста пойдет в территориально удобный для семьи детский сад, школу.

– пропаганда алкоголя, наркотиков, табакокурения (во всех его вариациях, в том числе и электронных устройств), некачественное питание

с использованием в составе продуктов ГМО и иных вредных для человека компонентов. Для решения этой проблемы необходимо усложнить доступ населения, прежде всего молодежи, в торговые точки, распространяющие алкоголь и табак; как вариант – передать торговлю алкоголем, табаком и иными подобными ядами под государственное монопольное управление, с вынесением торговых точек за пределы населённых пунктов или в труднодоступные для большинства населения места с сокращением времени работы до нескольких часов в сутки;

– обеспечение населения высококачественной медициной, основанной на совсем иных базовых принципах, нежели это существует сегодня. Прежде всего это принцип профилактики заболеваний, а не залечивание человека, способствующее ослаблению иммунной системы и развитию побочных негативных эффектов. Качество труда медицинского работника должно измеряться не количеством больных, которое он принял за определенный промежуток времени, а отсутствием на его участке таковых. Кроме того, необходимо развивать отечественную фармакологию, чтобы полностью отказаться от импортных медикаментов, прививок и вакцин, которые также несут в себе огромные риски для коренного населения страны.

Негативные эффекты современного демографического кризиса в России целесообразно выделить в три группы: социально-экономические, военно-стратегические и политические последствия.

Социально-экономические последствия (в первую очередь обусловлены ростом темпов старения населения):

– сокращение трудовых ресурсов и рост демографической нагрузки;

– снижение внутреннего спроса, числа налогоплательщиков и покупательной способности населения;

– увеличение бюджетных расходов на социальные нужды и пенсионное обеспечение;

– снижение уровня человеческого капитала и качества населения;

– усиление проблем пространственного развития страны и размещения трудовых ресурсов;

– снижение инвестиционной привлекательности депопулирующих регионов.

Военно-стратегические последствия (связаны со снижением численности и качества населения):

– неуклонное сокращение доли мужчин призывного возраста;

– проблема дефицита комплектования вооруженных сил и органов правопорядка;

– снижение мобилизационного потенциала России в целом;

– дальнейшее сокращение численности и плотности населения стратегически важных регионов России;

– увеличение уровня демографического диспаритета между Россией и приграничными странами;

– дальнейшие технологическое отставание вследствие устойчивой эмиграции высококвалифицированных специалистов.

Политические последствия (в большей степени связаны с изменением этноконфессиональной структуры населения):

– сохранение образа «вымирающей страны»;

– дальнейшее изменение этнической структуры населения страны и сокращение доли русского этноса;

– увеличение доли населения, исповедующей ислам при сокращении числа христиан;

– повышение роли народов Кавказа и Средней Азии в политической жизни России;

– угроза сохранения национальной культуры и коренных народов России;

– усиление электоральной поддержки действующего режима за счет роста доли пенсионеров и поколения 70-х и 80-х годов;

– продолжающееся сокращение доли в мировом населении на фоне растущих сверхдержав.

Современные меры Правительства Российской Федерации по реализации «пронаталистской» политики отражает некоторое понимание рисков и угроз, связанных с демографическим кризисом, существенно влияющим как на социально-экономический, так и на военный потенциал России. Однако текущие демографические тенденции отражают постепенное снижение результативности действующей модели демографической политики и обуславливают поиск новых решений по преодолению депопуляции.

Ключевыми направлениями повышения эффективности реализации демографической политики могут быть следующие направления федерального уровня:

– повышение уровня ежемесячных пособий на период отпуска по уходу за ребенком и единовременного пособия вставшим на учет в ранние сроки беременности минимум до величины 3-х минимальных размеров оплаты труда в России;

– введение регионального поправочного коэффициента (учитывающего, например коэффициент депопуляции) для корректировки расчета стоимости государственного сертификата на материнский (семейный) капитал в демографически депрессивных регионах;

– внедрение в регионах России эффективной системы первичной диагностики и лечения бесплодия, сердечно-сосудистых и онкологических заболеваний;

– расширение государственной информационной кампании по формированию здорового образа жизни и семейных ценностей в стране;

– внедрение в систему образования просветительских уроков по формированию семейных ценностей, профилактике абортов и венерических заболеваний;

– внедрение информационных мер по повышению статуса молодых и многодетных семей;

– бесплатное предоставление участков под индивидуальное строительство семьям с 2 и более детьми;

– модернизация программы репатриации молодых ученых и специалистов;

– трудоустройство и предоставление молодым специалистам социального жилья после окончания вузов в сельской местности и малозаселенных территориях (в том числе на Дальнем Востоке и Сибири);

– разработка программы строительства наукоградов и индустриальных центров в малонаселенных территориях Дальнего Востока и Сибири.

Без решения вышеуказанных проблем в России ситуацию с демографией не переломить в сторону роста. Конечно, полумеры в виде иммиграции будут частично видоизменять эту ситуацию, но у иммиграции есть и обратная сторона медали, она заключается в увеличении ментально чуждого населения, не желающего интегрироваться в российское общество, не принимающего его ценности, что в итоге влечет за собой рост внутреннего напряжения среди коренного населения. Идя таким путём, государство решает вопрос только тактически. В стратегической перспективе с высокой долей вероятности указанный путь даст негативный эффект и будет способствовать ослаблению страны как с точки зрения обеспечения обороны, так и с точки зрения осознания Россией себя как самостоятельной и самодостаточной цивилизации.

ГЛАВА 3. Современные и прогнозируемые вызовы и угрозы региональной и пространственной безопасности Российской Федерации

3.1. Вызовы и угрозы в приграничном и трансграничном пространствах

Общая протяженность российской государственной границы после присоединения Крыма оказалась почти равной границе бывшего СССР (62 262 км и 62 710 тыс. км, соответственно). Приграничная территория Российской Федерации представляет собой непосредственно зону государственной границы, а также включает в себя территории административных районов и городов, санаторно-курортных зон, особо охраняемых объектов, природных и других территорий, прилегающих к государственной границе. Громадный пограничный периметр, с прилегающими территориями, различающимися, этносом, динамикой демографических процессов, погодными условиями, наличием природных ресурсов и др., вносит существенные проблемы в их социально-экономическое развитие. Проблема усугубляется тем, что многие годы относительно обширные приграничные территории Российской Федерации были закрыты даже для собственного населения.

Безопасность границ Российской Федерации обеспечивается на всех участках границы, несмотря на их особенности, сложившиеся в историческом аспекте. Значительная часть государственной границы Российской Федерации (с Польшей, Финляндией, Норвегией, Китаем, Монголией, Северной Кореей, Японией и США) является частью государственной границы бывшего СССР. Государственные границы со странами Балтии: Литвой, Латвией, Эстонией образовались после их выхода из СССР. После распада СССР образовались также государственные границы с членами СНГ и с частично признанными Абхазией и Южной Осетией. Особый статус имеет граница с Республикой Беларусь, входящей в состав Союзного государства России и Беларуси.

Приграничное сотрудничество является важной составляющей современной концепции внешней политики Российской Федерации[263] и осуществляется в трех основных направлениях (европейское, постсоветское и азиатское). Элементами правовой основы развития приграничного сотрудничества являются положения Федерального закона от 4 января 1999 г. № 4-ФЗ «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации»[264],

---

[263] Концепция внешней политики Российской Федерации: утверждена указом Президента РФ от 30 ноября 2016 г. № 640. – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71452062/ (дата обращения 10.08.2021).

[264] О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации: федеральный закон от 4 января 1999 г. №4-ФЗ. – URL: https://base.garant.ru/179963/ (дата обращения 10.08.2021).

Концепции приграничного сотрудничества в Российской Федерации[265], положения Европейской рамочной конвенции о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей от 1980 года[266].

В концепции под приграничным сотрудничеством в Российской Федерации понимается «установление и развитие конструктивного диалога субъектов приграничного сотрудничества с субъектами приграничного сотрудничества сопредельных государств, в рамках которого государства, регионы и муниципальные образования осуществляют взаимодействие в экономической, научно-технической, гуманитарной и иных сферах». В соответствии с законодательством Российской Федерации субъектами приграничного сотрудничества в пределах своей компетенции могут являться федеральные органы исполнительной власти, органы исполнительной власти субъектов России и органы местного самоуправления, а также юридические и физические лица.

Приграничное сотрудничество, как согласованные действия, направленные на укрепление и поощрение добрососедских отношений между приграничными территориями, на развитие культурных связей, торговли, экономики, охрану окружающей среды, ликвидацию ЧС и др. в целях развития сопредельных территорий, содержатся в целом ряде других нормативных документов, например[267]. Современная экономическая политика Российской Федерации направлена на устойчивое развитие приграничных регионов, в рамках которого предусматривается развитие транспортной инфраструктуры, туризма, приграничной и международной торговли. В качестве механизмов развития предполагается совместная реализация инвестиционных проектов, создание трансграничных производственных кластеров и упрощение пересечения границы.

Отмеченные различия в особенностях государственной границы с различными сопредельными странами привели к реализации практически всех известных форм пересечения границы, сложившихся в международной практике – от традиционного визового режима до свободного пересечения границ, устанавливаемых индивидуально для каждой из сопредельных стран. Следует отметить, что в настоящее время действуют ограничения, вызванные

---

[265] Концепция приграничного сотрудничества в Российской Федерации: утверждена распоряжением Правительства РФ от 7 октября 2020 г. № 2577-р. – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74639793/ (дата обращения 10.03.2021).

[266] Конвенция о приграничном сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств: заключена в г. Бишкеке 10 октября 2008 г. // Бюллетень международных договоров. 2010. № 1.

[267] Конвенция о приграничном сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств: заключена в г. Бишкеке 10 октября 2008 г. // Бюллетень международных договоров. 2010. № 1. Европейская рамочная конвенция о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей: заключена в г. Мадриде 21 мая 1980 г. (Вместе с «Типовыми и рамочными соглашениями, уставами и контрактами о приграничном сотрудничестве между территориальными сообществами и властями») // СЗ РФ. 2003. № 31. Ст. 3103.

введением мероприятий по предупреждению проникновения на территорию Российской Федерации коронавирусной инфекции COVID-19, которые отменяют практику пересечения границ, установленную правилами[268].

Граждане Российской Федерации совершают поездки в приграничные зарубежные страны по большей части с целью личного шопинга, туризма или отдыха. Такие поездки имеют характер краткосрочных приграничных перемещений. Наиболее часто россиянами, особенно проживающими в Северо-Западном регионе Российской Федерации, посещаются приграничные районы Финляндии и стран Балтии, а также Польши.

Гражданами восточных регионов Российской Федерации наиболее посещаемы Китай и Монголия. В 2019 году перечисленные страны посетили совокупно 22,9 % россиян, выезжавших в этом году за рубеж (на 6,8 % больше, чем в прошлом 2018 г.)[269]. Наибольший прирост в совокупном объеме выезжавших из Российской Федерации составил Китай (+13,5 %). Обратный поток со стороны названных стран, за исключением Китая, незначителен и связан в основном с туристическими целями. Однако за последние годы обратный туристический поток несколько подрос в связи с девальвацией российской национальной валюты. Значительное количество туристов и коммерсантов (многие под видом туристов, примерно половина) приехало в 2019 года в Россию из Китая.

Основу российско-китайского массового выездного туризма составляют поездки по безвизовому групповому обмену. В 2020 году в связи с введенными ограничениями число пересечений границы составило лишь около 25 % от уровня 2019 года (2,4 млн раз, по сравнению с 9,5 млн годом ранее). При этом Общее количество поездок российских граждан за рубеж по сравнению с 2019 года упало на –70,6 %[270].

Наиболее открытой для свободного пересечения является российско-белорусская граница. В других случаях пересечение российской границы производится только через установленные пункты пропуска и с соблюдением установленных законом процедур. Свободное пересечение при наличии национальных паспортов также предусмотрено через пункты пропуска на границе Российской Федерации с Казахстаном, Киргизией, Южной Осетией.

С некоторыми сопредельными странами и регионами Российская Федерация установила безвизовый режим, позволяющий временное пребывание в течение ограниченного срока. В этом случае пересечение границы производится при наличии документа, удостоверяющего личность (для граждан Российской Федерации – заграничного паспорта).

---

[268] О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию: федеральный закон от 15.08.1996 № 114-ФЗ. – URL: https://base.garant.ru/10135803/ (дата обращения 10.08.2021).

[269] Статистика выезда россиян за рубеж в 2019 году. Официальные данные – URL: https://www.atorus.ru/news/press-centre/new/50475.html (дата обращения 10.09.2021).

[270] Официальная статистика выезда российских граждан за границу в 2020 году. – URL: https://www.atorus.ru/news/press-centre/new/54297.html (дата обращения 10.09.2021).

Так безвизовый режим на основании межгосударственных соглашений установлен с Республикой Армения, Украиной, с Китайской Народной Республикой (КНР) в отношении приграничного района – города Суйфэньхэ (провинция Хэйлунцзян). Безвизовое пребывание иностранных граждан в течение восьми дней разрешено на территории порта Владивосток.

Несмотря на безвизовый режим пересечения российско-украинской границы, попасть со стороны России на территорию Украины можно только через межгосударственные/международные пограничные пункты. Обратно можно выезжать через местные пункты пропуска. Для российских граждан, наряду с другими иностранными гражданами, законно пребывающими на территории Украины действуют ограничения перемещения по территории зон отчуждения, закрытых после Чернобыльской катастрофы, а также по отношению к непризнанным Донецкой Народной Республикой и Луганской Народной Республикой, образованных на территории Донецкой и Луганской областей Украины после государственного переворота, состоявшегося в Украине в 2014 году. Подобные формальные ограничения установлены для Республики Крым, вошедшей в состав России. Кроме того, приграничная территория со стороны Украины закрыта для доступа приграничной полосой, составляющей несколько десятков километров, попасть в которую можно лишь при пересечении границы по разрешительным документам. Приграничная полоса распространяется также на приграничную территорию с Крымом, на Донецкую и Луганскую народные республики.

Для граждан Российской Федерации, проживающих в Республике Крым посещение Украины запрещено. Посещение Крыма с украинской стороны возможно, однако действуют таможенные ограничения по провозу денежных сумм и кругу перемещаемых товаров. Кроме того, украинской стороной введен запрет на транспортное сообщение с Крымом, за исключением личных транспортных средств.

Визовый режим вводится странами в целях обеспечения национальной безопасности, в том числе для ограничения миграционных потоков, пресечения контрабанды, незаконного оборота наркотических средств, оружия, международной преступности и пр. Как правило, визовый режим устанавливают в зависимости от степени взаимного доверия и уровня двухсторонних отношений. Процедура получения визы в некоторые страны достаточно продолжительная, иногда требуется приглашение от принимающей стороны, что затрудняет трансграничное взаимодействие.

По официальной статистике[271] в 2019 году россиянам было оформлено более 4 млн шенгенских виз. При этом более трех миллионов граждан Российской Федерации получило мультивизы. Это принесло визовой индустрии около 200 млн евро. Основными целями российских туров в зону шенгена традиционно являются: бизнес, образование и культурно-

[271] Ассоциация туроператоров. Официальный сайт. – URL: https://www.atorus.ru/news/press-centre/new/51416.html (дата обращения 10.09.2021).

познавательные цели. По отношению к приграничным регионам соседних стран до момента наступления санкционных ограничений на поставку продовольственных продуктов целями значительной части туристов являлось совершение покупок.

Практика показывает, что упрощение визового режима положительно сказывается на приграничной торговле и приграничном сотрудничестве. Так, например, облегченный порядок въезда, подобный установленному в странах ЕС по отношению к соседним странам, установлен для въезда в Китай российских граждан, проживающих в граничащих с Китаем Амурской и Иркутской областях, а также в Забайкальском, Приморском и Хабаровском краях.

Основными объектами трансграничного сотрудничества стран являются: зоны приграничной торговли, туристические зоны, а также трансграничные промышленные зоны. В целях осуществления межрегионального сотрудничества с Северо-Восточным Китаем в 2015 году российское правительство приняло Концепцию развития приграничных территорий субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа. В документе указано, что приоритетом России является создание транспортной инфраструктуры в Северо-Восточной Азии, обеспечивающей расширение трансграничного транспортного сообщения и развитие инвестиционного климата в регионе.

В целях координации межрегионального сотрудничества в 2017 году Россия и Китай создали межправительственную комиссию. По инициативе в основном китайской стороны в целях развития своих приграничных регионов, создания условий для экспорта продукции китайского производства, продвижения своей экономической политики на приграничные российские территории, сформированы совместные производственные площадки – так называемые зоны приграничного экономического сотрудничества. Нормативную основу российско-китайского приграничного взаимодействия сегодня составляет Программа развития российско-китайского сотрудничества в торгово-экономической и инвестиционных сферах на Дальнем Востоке Российской Федерации на 2018–2024 гг.[272], являющаяся продолжением Программы сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики (2009–2018 гг.). Программой предусмотрены крупные инвестиции Китая в дальневосточную экономику, а российская сторона обеспечивает инвестиционную политику и реализует меры для снятия барьеров, препятствующих инвестициям из Китая на Дальнем Востоке России.

---

[272] Программа развития российско-китайского сотрудничества в торгово-экономической и инвестиционных сферах на Дальнем Востоке РФ на 2018–2024 годы. – URL: https://minvr.gov.ru/upload/iblock/369/programma-itogovyy-variant.doc/ (дата обращения 10.09.2021).

Инвестиции сегодня затрагивают практически все традиционные отрасли экономики: газо- и нефтехимическую промышленность, освоение месторождений твердых ископаемых, транспорт и логистику, сельское хозяйство, лесную промышленность, аквакультуру и туризм. В рамках трансграничного сотрудничества предлагается развитие инфраструктуры международных транспортных коридоров «Приморье-1» и «Приморье-2», строительство трансграничных мостовых переходов и др.

Основным механизмом координации развития российско-китайского торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества на Дальнем Востоке является Межправительственная Российско-Китайская комиссия по сотрудничеству и развитию Дальнего Востока и Байкальского региона Российской Федерации и Северо-Востока Китая. Однако происходящие на Дальнем Востоке масштабные преобразования в приграничных районах Китая увеличивают разрыв в экономическом развитии двух регионов. В трансграничном сотрудничестве все большую инициативу и координацию в данном процессе берет на себя Китай. В случае значительного отставания российских субъектов Дальнего Востока возникают потенциальные угрозы, связанные с замыканием российской экономики на китайский рынок, с захватом Китаем сырьевых и земельных ресурсов, недвижимости и установлением полного контроля над дальневосточным бизнесом, что грозит превращением Дальнего Востока в сырьевую и ресурсную базу и транспортно-логистический центр для китайских приграничных регионов и китайской экономики в целом.

Парирование угроз с российской стороны связано с ускорением социально-экономического развития восточных районов, с переходом от модели развития транспортно-логистической инфраструктуры дальневосточных регионов и использования их как сырьевой периферии для международных экономик, к модели развития постиндустриальной экономики, сопровождающейся переходом к сверхиндустриальным укладам, цифровизацией и сетевизацией производств, с привлечением к этому переходу не только китайских, но и российских инвесторов. Важнейшим условием развития восточных регионов при этом является государственная политика, направленная на выравнивание демографического дисбаланса в приграничных регионах, а также на подготовку и закрепление высококвалифицированных кадров на Дальнем Востоке.

Другим ближайшим соседом восточных регионов России является Монголия, экономика которой в значительной степени отличается от Китая и традиционно основана на животноводстве (крупный рогатый скот, овцы и козы), в то время как на российской стороне в приграничных районах более развито растениеводство. Выравнивание дисбаланса диктует необходимость трансграничного взаимодействия между странами в производстве сельскохозяйственной продукции. В настоящее время существует ряд сдерживающих факторов, оказывающих влияние на развитие такого взаимодействия. Одним из них является то, что с российской стороны

трансграничное взаимодействие с Монголией осуществляют жители приграничных районов Республики Бурятия, отличающиеся низким уровнем жизни по сравнению с жителями других регионов России. При этом уже сейчас при небольшой плотности населения с обеих сторон, с российской стороны продолжается отток населения в более благополучные регионы Российской Федерации. Сдерживающими факторами являются также неразвитость транспортной и пограничной инфраструктур, сложности таможенного оформления товаров вследствие недостатков гармонизации нормативной и законодательной базы обеих стран. Российско-монгольское трансграничное сотрудничество имеет большой взаимовыгодный потенциал, который заключен в реализации выгодного экономико-географического положения. Наличие обширных свободных территорий, пригодных для производства сельскохозяйственной продукции строительства жилья и объектов производственной, социальной и транспортно-логистической инфраструктур могут стать объектами обоюдовыгодных трансграничных инвестиционных проектов. Развитию российско-монгольских отношений способствовала отмена виз в 2014 году. Эффект проявился в незамедлительном росте количества монгольских туристов, что привело к развитию торговли и сферы гостеприимства в Республике Бурятия, а также стимулировало развитие всей приграничной инфраструктуры.

В дальневосточных регионах Российской Федерации осуществляется также приграничное сотрудничество с Японией, особенностью которого является интерес японской стороны к островам Южной Курильской гряды: Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи. Посещение островов, японцами происходит по упрощенному безвизовому режиму. Между Российской Федерацией и Японией подписана программа о совместной хозяйственной деятельности, в рамках которой японской стороной поддерживается строительство объектов инфраструктуры на этих островах.

Российская Федерация имеет морскую границу с расположенным на Аляске регионом Соединенных Штатов Америки. Трансграничное сотрудничество на данном участке границы отсутствует из-за того, что со стороны Российской Федерации здесь практически нет гражданского населения. Однако между Россией и США в данном регионе остаются общие интересы, в том числе необходимость сотрудничать в Арктике, договариваться о квотах на лов рыбы и правилах судоходства в Беринговом проливе, переданном Россией США во временное пользование.

Самую большую протяженность (более 7,5 тыс. км) составляет участок границы России с Казахстаном. Граница образовалась в 2005 году, она охраняется и контролируется. Допуск на сопредельные территории осуществляется через 50 пропускных пунктов по упрощенной схеме при наличии подтверждающих личность документов. В настоящее время действуют ограничения пересечения границы, связанные с нераспространением новой коронавирусной инфекции.

Приграничное сотрудничество между Россией и Казахстаном осуществляется в соответствии с нормативно-правовыми соглашениями, установленными в рамках Евразийского экономического союза. В силу того, что экономики России и Казахстана исторически взаимосвязаны, сотрудничество осуществляется в различных отраслях промышленности, науке, культуре, здравоохранении. Эффективность сотрудничества обсуждается на ежегодных Форумах приграничных регионов с участием глав государств Республики Казахстан и Российской Федерации.

Вызовы российско-казахскому приграничному сотрудничеству связаны с возможностью дополнительных ограничений в отношении пересечения границы, которые могут быть вызваны общей политической ситуацией в Республике Казахстан, проводящей многовекторную политику с ориентацией на страны Запада и Китай.

Россия и Беларусь интегрируются в конфедеративное Союзное Государство и имеют практически формальные границы, пересечение которых для граждан обеих стран не ограничено специальными требованиями.

Имеющиеся на сегодня различия в экономической политике обоих государств легко нивелируются при совместной экономической деятельности в приграничных регионах. Особенности российско-белорусского сотрудничества приводятся в обширных исследованиях, включая угрозы сотрудничеству, вызванные внешним давлением на российско-белорусские отношения агрессивно настроенными странами Евросоюза, успешно нивелируются путем последовательного движения в сторону налоговой и гражданский интеграции общества, общего внешнеторгового режима, единого регулятора рынков нефти, газа и электроэнергии, объединенному банковскому надзору[273].

В настоящее время российско-белорусские союзнические отношения вышли на новый уровень. 4 ноября 2021 г. Президенты России и Белоруссии подписали интеграционный декрет Союзного государства. Декрет утверждает 28 союзных программ, а также основные направления реализации положений Договора на 2021–2023 годы. Программы развития Союзного государства предполагают интеграцию валютных систем, общие принципы взимания косвенных налогов, единые подходы по пенсионной тематике и вопросам социального обеспечения, борьбу с терроризмом, взаимный доступ к госзакупкам и госзаказам. Кроме того, общей станет макроэкономическая политика, страны интегрируют платежные системы и гармонизируют денежно-кредитную политику, сформируют совместные рынки нефти и газа и т.д.

На заседании была утверждена новая Военная доктрина Союзного государства, на основе которой Россия и Белоруссия усилят региональную

---

[273] Лепеш Г.В. Формирование промышленной политики территорий России и Беларуси, ориентированной на расширение сетевого взаимодействия // Технико-технологические проблемы сервиса. № 3(53), 2020 г. С. 3–11.

группировку войск. Как заявил во время заседания государственный секретарь Союзного государства Д. Мезенцев «Новая военная доктрина позволит повысить уровень согласованности оборонной политики, своевременно адаптировать задачи министерств обороны с учетом изменения в регионе военно-политической обстановки»[274].

Принятие этого документа обусловлено изменением военно-политической обстановки в регионе, возникновением новых вызовов и угроз для двух государств. В подписанном В.В. Путиным и А.Г. Лукашенко документе определены направления деятельности министерств внутренних дел, органов государственной безопасности, пограничных служб и внешнеполитических ведомств по миграционным вопросам. Актуальность принятия военно-доктринального документа подтверждают последние события на границе Белоруссии и Европейского Союза, которые в настоящее время набирают деструктивную активность и могут привести к кардинальным изменениям военно-политической обстановки не только в данном приграничном регионе, но и на всем европейском континенте.

Одной из причин сложившейся обстановки стал миграционный кризис, возникший по причине резкого увеличения наплыва беженцев из стран «третьего мира» в Белоруссию в целях дальнейшей миграции в страны Европейского Союза – Литву, Латвию, Польшу, конечная цель многих мигрантов – Германия и Великобритания. Лидеры западных государств обвиняют руководство Белоруссии и лично ее президента в эскалации конфликта, но совершенно замалчивают тот факт, что причиной миграционных потоков является их собственная политика по отношению к странам, являющихся родиной вынужденных мигрантов.

Президент России В.В. Путин дал следующую оценку развивающемуся приграничному конфликту: «Не нужно забывать, откуда возникли-то кризисы, связанные с мигрантами. Разве Белоруссия является первооткрывателем этих проблем? Нет. Это причины, которые были созданы самими странами Запада, в том числе европейскими странами. Они носят и политический, и военный, и экономический характер»[275].

Характерные особенности имеет приграничное сотрудничество субъекта Российской Федерации – Калининградской области со странами ЕС – Польши и Литвы. С июля 2012 по июль 2016 гг. было возможно упрощенное (безвизовое) пересечение польской границы для жителей полуэксклава в рамках соглашения о порядке местного приграничного передвижения между Калининградской областью Российской Федерации и Варминьско-Мазурском и Поморским воеводствами Польши.

В 2016 году режим местного приграничного передвижения отменен Польшей в одностороннем порядке. Для всех граждан Российской

---

[274] Путин и Лукашенко подписали программу интеграции России и Белоруссии. – URL: https://lenta.ru/brief/2021/11/04/souyznoe_gosudarstvo (дата обращения 17.11.2021).

[275] Путин заявил, что РФ не имеет отношения к миграционному кризису на границе Белоруссии и ЕС. – URL: https://tass.ru/politika/12914405 (дата обращения 17.11.2021).

Федерации, включая жителей Калининградской области, для пересечения границы ЕС необходимо предоставить шенгенскую визу. Для поездки в другие регионы России через Литву или Беларусь, граждане Калининградской области могут оформить один из двух предусмотренных упрощенных документов. Упрощенный транзитный документ, который выдается по загранпаспорту на 3 года и позволяет находиться на территории Литвы в течение 24 часов, или упрощенный транзитный железнодорожный документ, который оформляется при покупке железнодорожного билета и позволяет передвигаться по Литве в течение 6 часов и в течение 3 месяцев возвратиться обратно[276].

Международная правовая база приграничного сотрудничества в Российской Федерации основана на ратификации Европейской рамочной конвенции и еще двух дополнительных протоколов по созданию и деятельности еврорегионов, формировавшихся параллельно развитию ЕС. Основная цель, преследуемая ЕС – это ликвидации внутриевропейских национальных границ, а также сохранение стабильности по периметру границ ЕС путем стимулирования преобразований в России на основе европейских моделей и стандартов.

В Калининградской области в середине 90-х было создано пять еврорегионов. Организация приграничного сотрудничества тогда рассматривалась как возможность компенсации негативных последствий эксклавного расположения Калининградской области. Однако результаты деятельности приграничного сотрудничества в рамках еврорегионов ограничились поставками с сопредельных территорий потребительских товаров, а также переработкой на территории калининградской особой экономической зоны сырья и полуфабрикатов, которые отправляются далее на российский рынок.

На сегодняшний день по отношению приграничного сотрудничества в Калининградской области продвигаются две противоположные тенденции. Одна из низ связана с дальнейшей интеграцией в европейское сообщество имеющая деструктивный для российской государственности смысл, в том числе, и переименование Калининграда в Кёнигсберг. Наличие такой тенденции стало последствием открытости Калининградской области к сотрудничеству в рамках проектов еврорегионов с Польшей и Литвой, ставящих перед собой цель по формированию европейской идентичности в эксклаве, в том числе через представленную здесь католическую общину. Вторая учитывает реальное движение ЕС в сторону милитаризации, а следовательно невозможность углубления процессов интеграции, поскольку, по словам заместителя министра иностранных дел Российской Федерации Александр Грушко, «точка невозврата» в отношениях России

[276] Соглашение между правительством Российской Федерации и правительством республики Польша о порядке местного приграничного передвижения (Москва, 14 декабря 2011 г.). – URL: https://kaliningrad.mid.ru/localbordertraffic/agreement (дата обращения 10.01.2021).

и Запада пройдена и «окна возможностей» закрыты[277]. Следует отметить, что после усиления российского военного контингента в 2016 году на территории калининградского эксклава, Польша и Литва потеряли интерес к сотрудничеству в еврорегионах с Российской Федерацией. Российская сторона, по словам Председателя Совета Федерации России В. Матвиенко, по-прежнему рассматривает еврорегион как «наиболее продвинутую форму международной интеграции», а сотрудничество в рамках еврорегионов как «один из ведущих и неизменных приоритетов России», преследуя при этом цели повышения благосостояния населения приграничных районов, сохранения культурной идентичности, развития транспортной инфраструктуры, межуниверситетских научных контактов, сохранения экологии, проведения мероприятий по снятию языковых и культурных барьеров и др., способствующих стабильному социально-экономическому развитию региона.

Проблемы и перспективы приграничного сотрудничества еврорегионов с участием России подробно исследованы в работе Л.Р. Рустамовой[278], которая обоснованно отмечает, что поскольку Россия не входит в ЕС, то основной проблемой является то, что «в рамках еврорегионов европейского типа сложно говорить о какой-то территориальной идентичности, поскольку Россия не входит в Европейский союз и ее не объединяют с европейскими странами общеевропейские ценности и стремление к регионализации… Еврорегионы постсоветского пространства имеют все основания к углублению сотрудничества на основе построения идентичности. Проблема заключается в том, что они становятся полем боя европейского и российского проектов»[279]. Отрицательным примером является потеря украинской идентичности через чрезмерное вовлечение украинских властей в еврорегионы с участием стран ЕС: «Буг», «Карпаты», «Нижний Дунай», «Верхний Прут» у западных границ, что явилось одной из причин развала государственности в Украине, отказа от развития отношений с Россией в пользу ассоциации с ЕС.

В процессе освоения северных частей России исторически складываются культурные и экономические взаимоотношения со странами Скандинавии. Специфика взаимоотношений основана на необходимости взаимной помощи при завозе необходимого продовольствия и оборудования для строительства инфраструктуры при добыче полезных ископаемых. Приграничное сотрудничество со скандинавскими странами базируется на соглашениях, заключенных между Данией, Финляндией, Норвегией

---

[277] Замглавы МИД РФ: интеграция РФ и ЕС не состоялась из-за неготовности Европы. ИА Красная Весна. – URL: ttps://rossaprimavera.ru/news/e245a75f/(дата обращения 10.01.2021).

[278] Рустамова Л. Р. Проблемы и перспективы приграничного сотрудничества еврорегионов с участием России // Регионология. 2019. № 4 (109). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-i-perspektivy-prigranichnogo-sotrudnichestva-evroregionov-s-uchastiem-rossii (дата обращения: 15.05.2021).

[279] Там же.

и Швецией на уровне местных сообществ, а также о содействии приграничному сотрудничеству между Российской Федерации и Финляндией[280]. Сотрудничество между Российской Федерацией и странами Скандинавии происходит в различных областях: рыбном хозяйстве, лесоперерабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности, строительстве, туризме и природоохранной деятельности. Однако в настоящее время большинство соглашений на правительственном уровне заморожено из-за введенных западных санкций. Несмотря на санкции взаимодействие на региональном уровне по программам приграничного сотрудничества (ППС) продолжается. Так на российско-норвежской границе было организовано местное приграничное передвижение по правилам, установленным ЕС для стран не членов ЕС (безвизовое пребывание до 15 дней в тридцатикилометровой приграничной зоне), которым пользовались десятки тысяч жителей в год, как норвежцев, так и россиян[281].

Наиболее значимую эффективность в российско-скандинавских проектах приграничного сотрудничества имеет ППС «Колартик», направленная на развитие доступности северных территорий, развитие бизнеса и охрану окружающей среды, финансирование которой осуществляется всеми странами участниками (Россией, Финляндией, Швецией и Норвегией) на паритетных условиях. Доля вложения России в проект в совокупности составила более 12 млн евро. Наиболее активна в отношении приграничного сотрудничества Республика Карелия, которая имеет наиболее протяжённую границу с Финляндией, являющейся членом ЕС. Сотрудничество осуществляется в рамках ППС «Карелия». Особенностью этого сотрудничества является совместная реализация трансграничных мероприятий, взаимовыгодных экономических проектов, а также культурное взаимодействие, причем в условиях, когда по обе стороны границы имеются проблемы, связанные со старением и сокращением населения, высоким уровнем безработицы, особенно среди молодежи. На первом этапе большую часть финансирования программы приграничного сотрудничества осуществлялась со стороны ЕС. Однако начиная с 2012 года, в связи с изменениями международной ситуации, было принято новое российско-финляндское межправительственное соглашение о приграничном сотрудничестве, основанное уже на симметричном взаимодействии в реализации трансграничных региональных мероприятий[282].

---

[280] Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Финляндской Республики о содействии приграничному сотрудничеству между Российской Федерацией и Финляндской Республикой. – URL: www.pravo.gov.ru, 11.06.2013 (дата обращения 10.05.2021).

[281] Лепеш Г.В. Современные угрозы безопасности границ и устойчивому развитию приграничных территорий // Технико-технологические проблемы сервиса. № 4(46). 2018. С. 45-63.

[282] Замглавы МИД РФ: интеграция РФ и ЕС не состоялась из-за неготовности Европы. ИА Красная Весна. – URL: ttps://rossaprimavera.ru/news/e245a75f/(дата обращения 10.08.2021).

Не смотря на то, что между Российской Федерацией и ЕС установлено визовое пересечение границы, обычно российско-финскую границу в год пересекают около 9 млн человек (в 2019 году около 8 млн человек; снижение обусловлено падением покупательной способности российского рубля), в то время как за 2020 год – только около 2 млн (резкое снижение следствие ограничений из-за пандемии). Ограничения на въезд в страну для большинства стран, не входящих в ЕС, в том числе для России, непрерывно продлеваются. Ограничения привели к падению товарооборота между Российской Федерацией и Финляндией за 2020 год почти на 30 %.

Как российская, так и финская стороны, надеясь на восстановление показателей взаимовыгодного сотрудничества после снятия ограничений, развивают приграничную инфраструктуру: ведут реконструкцию пограничного пункта пропуска Светогорск–Иматра, создают трансграничные велосипедные маршруты, обсуждают возобновление к 2025 году движения электричек Петербург–Светогорск–Иматра, с пассажиропотоком около 1 млн человек. Финская сторона крайне заинтересована в возобновлении объема российского турпотока с целью шопинга и отдыха на природе, который приносил Финляндии в предшествовавшие годы доходы около 1 млрд евро. В настоящее время Финляндия, хотя и является членом ЕС, но не является членом Северо-Атлантического блока НАТО, а в отношении России ведет взвешенную политику, направленную на добрососедские отношения, что позволяет и в дальнейшем успешно реализовывать совместные проекты в рамках программы приграничного сотрудничества.

К изложенным правовым и социально-экономическим проблемам приграничного сотрудничества в последнее время добавляются угрозы, создаваемые и поддерживаемые США и недружелюбно настроенными странами ЕС, направленные на ослабление международного влияния Российской Федерации. Из них следует выделить следующие основные, дестабилизирующие социально-экономическую обстановку в приграничных районах:

– наращивание группировок войск вблизи границ Российской Федерации, проведение учений и демонстрация военной силы с провокационными целями, ведущие к нарушению сложившегося баланса сил;

– наличие вблизи границ Российской Федерации вооруженных конфликтов и угроз их возникновения;

– территориальные претензии к Российской Федерации и угрозы политического или силового отторжения от России отдельных территорий.

Нарастающими угрозами дестабилизации приграничных территорий и трансграничных взаимоотношений являются также:

– нестабильность, слабость государственных институтов в приграничных странах, особенно в страдающих антироссийскими фобиями бывших прибалтийских республиках СССР и в Украине, являющихся

сателлитами США, а также слабость местных органов самоуправления на приграничных территориях;

– деятельность международных исламских радикальных группировок в приграничных районах;

– трансграничная преступность, включающая транспортировку наркотиков на территорию Российской Федерации и другие виды контрабандной деятельности в масштабах, угрожающих военно-политической безопасности России, а также стабильности на территории ее союзников.

Из официальных правительственных документов следует, что Российская Федерация завершила демаркацию своих границ, однако на сегодняшний день имеется «незавершенность международно-правового оформления отдельных участков государственной границы, также имеются попытки ряда иностранных государств оспорить правомерность ранее заключенных межгосударственных соглашений о ее прохождении». Территориальные претензии к России имеют следующие страны:

Эстонская республика, согласно конституции которой сухопутная государственная граница проходит по территории нынешних Ленинградской и Псковской областей Российской Федерации, что обосновывается ссылкой на Тартуский мирный договор, заключенный с РСФСР в 1920 году, утративший силу в 1940 году в связи с вхождением Эстонии в состав СССР. Подписанный в феврале 2014 года новый договор о границе до сих пор не ратифицирован обеими сторонами.

Республика Корея, не имеющая общих границ с Российской Федерацией, претендует на остров Ноктундо, находящийся в Приморском крае в устье реки Туманной на границе КНДР и Российской Федерации. Территория острова перешла к Российской империи по Пекинскому договору. В 1990 году КНДР признала юрисдикцию СССР над островом Ноктундо, однако Южная Корея – не признала.

Китайская Народная Республика в лице государства на острове Тайвань претендует на остров Кутузов на реке Уссури. Остров находился под контролем СССР со времен правления образованного Японией марионеточного государства Маньчжоу-Го. Юрисдикция СССР за островом закреплена в 1991 году на основании советско-китайского договора о границе. Тайвань также претендует на территорию Республики Тыва, которая после Монгольской национальной революции в 1911 году вышла из Китая в составе Внешней Монголии, а в 1914 году эта территория перешла под протекторат Российской империи по просьбе местной знати. В 1921 году там была провозглашена народная республика, которая в 1944 году вошла в состав РСФСР. Тайвань высказывает претензии и к переданным Российской империи в 1858 году территории бывших 64-х деревень, расположенных к востоку от реки Амур. Китай еще раз отказался от них в 1991 году после того, как наши войска выдворили жителей деревень на другой берег Амура. Претензии Тайваня распространяются также и на восточную половину Большого Уссурийского острова, который

в 1929 году был занят войсками Красной Армии во время освобождения от захватчиков Китайско-Восточной железной дороги. После попыток Китая возвращения острова под свой контроль Россия передала его западную часть вместе с островом Тарабаровым по договору 2004 года. В 2016 году было опубликовано совместное российско-китайское заявление об окончании демаркации границы, которое исключает взаимные территориальные претензии.

Республика Абхазия, признанная лишь пятью странами – членами ООН, являющаяся экономическим партнером и военным союзником Российской Федерации, претендует на часть села Аибга и его окрестности, принадлежащие России. Ранее территория всего села с обширными окрестностями входила в состав РСФСР.

С началом грузино-абхазского конфликта только половина села, отделенная от Абхазии рекой Псоу, принадлежит Российской Федерации в составе г. Сочи. С момента Сочинской Олимпиады российские пограничники усиленно контролируют границы с Абхазией и пресекают свободное перемещение через нее.

Украина, согласно административно-территориальному делению, по-прежнему считает весь полуостров Крым в своем составе. Однако большая часть территории полуострова Крым (исключением является северная часть Арабатской стрелки) на основании результатов общекрымского референдума, проведенного 16 марта 2014 г., воссоединена с Россией на правах субъектов федерации (Республики Крым и города федерального значения Севастополя).

Королевство Норвегия, являясь членом НАТО, все же признает права Российской Федерации на архипелаг Шпицберген, однако протестует против увеличения присутствия российских граждан в регионе, в то время как в соответствии с новой стратегией Российской Федерации предполагается развитие российского присутствия на Шпицбергене, в том числе предполагает строительство нескольких объектов в городе Баренцбург.

Япония претендует на управляемые Россией острова Южно-Курильской гряды (острова Итуруп, Кунашир, Шикотан, группу островов Хабомаи), общей площадью 5 175 км^2.

Помимо перечисленных официальных претензий все чаще на неофициальном уровне (как правило, с участием официальных лиц), со стороны Литвы выдвигаются претензии на российские территории Калининградской области. Географическое положение Польши, исторически имеющей претензии к российской стороне, лежащей на пути между Россией и Западной Европой, составляет угрозу торговым отношениям с западными странами и доступу российским ресурсов в Калининградскую область. Начиная с прошлого 2020 года почти на официальном уровне выдвигают взаимные претензии о государственной границе между Россией и Казахстаном. Особенно в связи с наметившимся процессом деинтеграции обеих республик из-за многовекторной политики Казахстана, направленной

в сторону Запада, противоречащей отчасти экономической интеграции постсоветского пространства в рамках ЕАЭС.

Подытоживая изложенный материал, по отношению к приграничному сотрудничеству, можно констатировать следующее:

– границы привносят как позитивные, так и негативные факторы в социально-экономические процессы, происходящие в приграничных регионах, что обусловливает необходимость проведения дифференцированной политики России, как в отношении границ, так и в отношении развития приграничных территорий и регулирования приграничного сотрудничества;

– многие российские приграничные территории до сих пор отстают в области экономики, развития транспортной и пограничной инфраструктуры. Отставание обусловлено, как ограниченностью доступа к ним в советское время, так и географическими причинами – расположением их по периферии страны;

– на границе ЕС с Российской Федерацией находятся проблемные периферийные ареалы, к которым относятся страны Балтии, создающие двойную или даже тройную окраину ЕС, препятствующие трансграничному взаимодействию;

– на приграничной территории Российской Федерации существуют предпосылки к дестабилизации обстановки, вызванные неразрешенностью социально-экономических проблем, религиозно-этническими противоречиями и сепаратистскими проявлениями среди населения, а также рисками экономической и демографической экспансии из-за низкой заселенности и высокой дифференциации уровня социально-экономического развития при транспортной изоляции этих территорий;

– деструктивная политика США по отношению к Российской Федерации реализуется через дестабилизацию приграничных к России территорий Украины и Белоруссии, а также путем милитаризации русофобских стран Балтии и усиление роли Польши в Восточной Европе как стратегического союзника и проводника американских политических и экономических интересов в противовес российским;

– развитие сотрудничества сопредельных приграничных территорий во всех аспектах (культуры, науки, экономики) в большой степени зависит от преодоления современных внешних угроз, а также ограничено падением курса российской национальной валюты, страхом заболеть коронавирусом за рубежом и действующими при этом ограничениями пересечения границ.

3.2. Вызовы и угрозы в сухопутном пространстве

Сложившаяся военно-политическая обстановка показывает, что для того, чтобы оценить истинное состояние безопасности государства, необходимо выявить тот характер угроз и вызовов, с которыми оно может столкнуться как в ближайшей, среднесрочной, так и в долгосрочной перспективе.

Россия – государство, расположенное на двух континентах, в восточной Европе и северной Азии. Крупнейшее государство мира – 17 125 422 км^2 или 1/9 площади всей суши Земли, что вдвое больше, чем у занимающей второе место Канады. Россия граничит с 19 странами (самый большой показатель в мире), из них по суше со следующими государствами: на северо-западе – Норвегия, Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, на западе – Польша, Белоруссия, Украина, на юге – Абхазия, Грузия, Южная Осетия, Азербайджан, Казахстан, на юго-востоке – Китай, Монголия, Северная Корея; и по морю с Турцией – на юго-западе, с Японией и США – на востоке.

К Европейской части России относится вся территория, лежащая западнее Урала (около 23 % всей площади страны); на долю Азиатской части России приходится свыше 75 % площади. Однако почти 80 % населения России сосредоточено в Европейской части (включая весь Урал). Большая часть страны располагается в пределах умеренного климатического пояса. Различие климатических зон характеризует многообразие природных зон. Основная часть территории России расположена между 70° с. ш. и 50° с. ш.; около 20% территории лежит за Северным полярным кругом.

В основном территория России представляет собой компактный массив суши. Около 3/4 территории страны составляют равнины. На западе простирается Восточно-Европейская равнина – одна из крупнейших равнин мира, на которой расположена почти вся европейская часть России. На юге страны расположены северные склоны Кавказских гор. На востоке равнина ограничена невысокими старыми Уральскими горами высотой до 2 тыс. метров. А к востоку от Урала лежит Западно-Сибирская равнина с обширными заболоченными пространствами, окаймленная с юго-востока Алтайскими горами высотой до 4,5 тыс. метров. Ближе к побережью Тихого океана на востоке находится регион горных хребтов и плоскогорий Северо-Восточной Азии. Территория России омывается водами 12 морей, принадлежащих бассейнам Атлантического, Северного Ледовитого и Тихого океанов. Всего Россия охватывает 11-часовых поясов с разницей от +2 до +12 часов по отношению к Гринвичу[283].

Исторически сложилось так, что Российская Федерация, занимая центральную часть Евразийского континента, служит геополитическим мостом и посредником в отношениях между странами Запада и Востока. Ее одновременное присутствие в Европе и Азии, самобытная культурно-

[283] Интерактивное пособие. – URL: https://geografkrim.jimdofree.com/география-россии/ (дата обращения 10.09.2021).

цивилизационная идентичность влияют на содержание экономических, политических, военных и культурных процессов в данных частях света.

С геополитической позиции Российская Федерация – центр не только Евразийского континента, но и мира. Шесть из восьми мировых цивилизаций соприкасаются с ее пространством. У нее есть длительный исторический опыт мирного объединения в рамках общего цивилизационного проекта и единого государства двух сотен народов, наций и народностей (уступает лишь Индии)[284].

Вероятность возникновения или существование ситуации, формирующей предпосылки военных и военно-политических деструктивных действий, препятствующих реализации национальных интересов является предпосылкой проявления вызовов и угроз национальной безопасности государства.

Термин «вызов» впервые был введен в научный оборот английским историком Арнольдом Тойнби. Исследуя историю человеческой, он цивилизации пришел к выводу, что выживание или гибель каждой из них стали результатом того, как они отреагировали, ответили на новые проблемные ситуации, т.е. приняли вызов. По его мнению, если цивилизация находила адекватный ответ вызову – она, качественно менялась, делала шаг вперед, если нет – уступала место другой[285].

Рассматривая угрозы сухопутному пространству России, необходимо разделить их на внутренние и внешние. Примером внешних военно-политических вызовов служит деятельность США и политика возглавляемого ими блока НАТО, которая направлена на форсированное выдавливание России из европейской политики, сдерживание и ослабление в военно-техническом развитии, искажении роли России в развитии человечества. К внешнеэкономическим вызовам и угрозам относятся экономические санкции против России, которые направлены на разрушение экономики, и, в конечном счёте, внутреннюю дестабилизацию, следствием которой может стать массовое недовольство населения, устранение от власти высшего руководства нашей страны, замена его на более послушное США и их союзникам. Следует отметить, что к вызовам национальной безопасности Российской Федерации необходимо отнести и заявления руководства ряда государств (Украины, Польши, стран Прибалтики и Грузии), о том, что Россия является их противником, врагом номер один.

По мнению ряда экспертов, основными угрозами национальной безопасности России являются территориальные претензии иностранных государств. Анализ международной обстановки свидетельствует о наличии целого комплекса военных опасностей для Российской Федерации, которые носят долгосрочный характер и могут ухудшить ситуацию по всему

---

[284] *Синчук Ю.В.* Геополитические вызовы и угрозы современной России на постсоветском пространстве

[285] *Toynbee A.,* A Study of History / Abridgement by DR. Somervell, London, New York, Toronto, 1946, p. 60.

периметру российских границ. В международной сфере на современном этапе возросло количество внешних угроз[286].

В настоящее время во внешнеполитическом курсе России имеют место четыре стратегических направления обеспечения безопасности: Западное (Евроатлантическое); Восточно-Азиатское; Северное (Арктика) и Южное. На всех этих направлениях существует реальная угроза превращения потенциальных теоретических вызовов в практические.

Источником вызовов и угроз национальной безопасности Российской Федерации на Западном направлении является проводимая НАТО и Европейским союзом политика сдерживания развития России, а основным силовым инструментом реализации данной задачи является Североатлантический союз, обладающий внушительным военным потенциалом. С одобрения руководства прибалтийских государств и Польши военный блок НАТО разместил дополнительные воинские контингенты в Восточной Европе, объясняя свои действия мифической «российской военной угрозой». Для обеспечения межконтинентальных переброс войск усиления из США в Европу и ускоренного развертывания коалиционных группировок на «восточном фланге» блока в июле 2018 года, были утверждены планы создания двух новых органов управления – объединенного командования ОВС НАТО «Атлантика» (Норфолк, США) и объединенного командования тыла ОВС блока (Ульм, ФРГ). В акваториях Северной Атлантики, Балтийского и Черного морей сохраняется высокая интенсивность оперативной и боевой подготовки объединенных вооруженных сил НАТО, в том числе с привлечением воинских формирований внеблоковых государств, таких как Финляндия и Швеция.

Для проведения конфронтационной политики США и стран Европейского Союза в отношении России на западном направлении прилагаются немалые усилия для превращения Украины в источник долговременной нестабильности у границ России, плацдарм реализации антироссийских замыслов. Это один из самых сильных за вторую половину XX– начало XXI вв. внешних вызовов, с которым приходится сталкиваться нашей стране. США и их союзники принимают активное участие в повышении боеспособности вооруженных сил Украины и переводе их на стандарты НАТО. При этом в перспективе могут быть созданы условия для использования объектов военной инфраструктуры на территории этого государства в интересах обеспечения передового базирования сил альянса.

На фоне украинского кризиса в Республике Молдова активизируются прорумынские политические силы, преследующие цель возврата Приднестровья в состав государства, что также может привести к возникновению вооруженного конфликта около западных границ России. При этом необходимо осознавать, что курс США, направленный на военное сдерживание России, открыто поддерживают НАТО и Европейский союз.

---

[286] *Афанасьев С.* Военно-стратегические реалии международной обстановки: вызовы и угрозы безопасности России // Зарубежное военное обозрение. 2019. № 1.

На западном направлении продолжается расширение НАТО с целью наращивания возможностей для противоборства с Россией.

В целях оказания давления на нашу страну Североатлантический альянс реализует «План действий по повышению боевой готовности Объединенных вооруженных сил НАТО» и «Концепцию передового присутствия и усиления». Продолжается наращивание его военного потенциала, модернизируются объекты военной и транспортной инфраструктуры на восточном фланге Североатлантического союза. «За последние три года Североатлантический блок нарастил военную активность у российских границ … Ежегодно в Европе альянс проводит до 40 крупных мероприятий оперативной подготовки, имеющих явную антироссийскую направленность. Весной этого года объединенные вооруженные силы НАТО начали самое масштабное за последние 30 лет учение «Defender Europe-2021»», – заявил в своем выступлении министр обороны Российской Федерации С. Шойгу в преддверии этих учений[287].

По своей сути это учения дивизионного уровня, основная цель которых заключалась в проверке способности армии США к переброске сухопутных сил в порты на восточном побережье и в Европе. Анализ учений, проведенных вооруженными силами НАТО в Европе в 2020–2021 гг., а также время, выбранное для ротации американских военнослужащих, говорят о серьезной подготовке НАТО к одновременному ведению сразу нескольких военных кампаний, как против России, так и против ее ближайших союзников.

В последнее три десятилетия частота вызовов активизировалась на южном направлении. Невозможно заметить того, как вполне определённые силы пытаются столкнуть Россию и Турцию в очередной, семнадцатой русско-турецкой войне. Активизация политики Турции в Закавказье является прямой и очень серьёзной угрозой безопасности нашей страны. Это особенно проявилось во время событий «Крымской весны», когда Турция усердно поддерживала крымско-татарских экстремистов из так называемого меджлиса, спонсировала их деятельность и в том числе организацию митингов представителей почти всех организаций исламских радикалов.

Другим источником военных угроз Российской Федерации на Юго-Западном направлении остается сохранение конфликтного потенциала в Закавказье, обусловленное неурегулированностью Нагорно-Карабахской проблемы, а также проводимой руководством Грузии политикой, направленной на возвращение Абхазии и Южной Осетии под национальную юрисдикцию. Военно-политическая обстановка на Кавказе остается сложной. США принимаются меры по втягиванию Грузии и Азербайджана в НАТО. Так между США и Грузией в 2016 году подписан меморандум

[287] Шойгу заявил о переброске войск США и НАТО к границам России. – URL: https://iz.ru/1151092/2021-04-14/shoigu-zaiavil-o-sosredotochenii-40-tysiach-voennykh-ssha-i-nato-u-granitc-rf (дата обращения 13.04.2021).

о взаимопонимании «Об углублении партнерства в сфере обороны и безопасности», позволяющий размещать на грузинской территории подразделения американской армии и осуществлять поставки вооружения.

События, которые происходили и происходят в Нагорном Карабахе в 2020–2021 гг., напрямую связаны с проводимой администрацией Белого дома с 2016 года политикой по усилению влияния в регионе. В ее основе лежат стремления контролировать нефтяные месторождения Каспийского бассейна, ослабить влияние России в регионе, расширить военное присутствие в нем. События в Нагорном Карабахе – это не только столкновение Азербайджана и Армении из-за территорий, на которые претендуют оба государства. Это война, развязанная против России. Нынешняя кровавая бойня в Закавказье – часть единого плана по окружению России огненной дугой конфликтов на всём постсоветском пространстве.

Такая деятельность США затрагивает не только экономические интересы Российской Федерации, но и ухудшает военно-стратегическое положение России и обостряет межгосударственные противоречия в регионе.

Кроме того, негативное влияние на развитие военно-политической обстановки в закавказском регионе оказывает рост нестабильности, вызванный борьбой за региональное лидерство и доминирование, речь прежде всего идет о Турции.

На южно-азиатском направлении сухопутного пространства России, в Центральной Азии складывается, пожалуй, наиболее неблагоприятная ситуация для безопасности России. Это связано как с нестабильностью обстановки на территориях государств Центральной Азии, так и с внутренними угрозами для Российской Федерации, в основе которых лежат национально-этнические и религиозные факторы.

В Центрально-Азиатском районе пересекаются интересы нашей страны, а также ведущих мировых игроков, таких как США и Китай. Проявляют интерес к этому региону Иран, Индия и многие европейские государства. Кроме того, дестабилизации ситуации в Центрально-Азиатском регионе способствует смена прежних политических элит, новыми, подконтрольными США и их союзниками. Определяющим фактором способным ускорить дестабилизацию в этом регионе является деятельность экстремистских и террористических организаций, увеличение их сторонников и подготовленных боевиков.

При этом многие годы проводимая США и их союзниками операция «Решительная поддержка» не оказала существенного влияния на стабилизацию обстановки в Афганистане и уменьшение потока наркотрафика в республики Центральной Азии и Европу.

Современные деструктивные события в Афганистане стремительно разворачиваются после вывода войск США. Приход к власти талибов позволяет им контролировать границы сопредельных государств (Таджикистан), что послужило существенному изменению и дестабилизации военно-политической обстановки не только в стране, но и в регионе.

Кроме того, на усиление угроз и вызовов сухопутному пространству России способны оказать влияние очередные волны мирового экономического кризиса, связанного с распространением пандемии COVID-19.

Наличие вызовов и угроз для нашей страны обусловлено противоборством за лидерство в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) между Соединенными Штатами, Японией и Китаем. США активно укрепляют отношения в Азиатско-Тихоокеанском регионе в рамках выстраивания вокруг Китая пояса сдерживания. Значительно влияет на обстановку в АТР Япония. Токио не намерен отказываться от притязаний на российские острова Кунашир, Шикотан, Итуруп и Хабомаи. Япония активно наращивает потенциал своих вооруженных сил, пока сохраняющих статус сил самообороны, а японские военные накапливают практический опыт под флагом миротворчества.

Одним из постоянных очагов региональной напряженности, остается Корейский полуостров. Пхеньян, не добившись смягчения международных санкций и снижения военной активности американо-южнокорейской группировки вблизи своих границ, угрожает прекратить диалог с США и прервать «добровольный мораторий» на испытания ядерного и ракетного оружия. Если вести речь о Китайской Народной Республике в контексте заявленной проблематики, то на данном этапе наблюдается подъем и укрепление сотрудничества с Россией в различных сферах, сближение позиций по многим международным проблемам.

Темпы роста военно-технического и социально-экономического сотрудничества России и Китая растут. В год 100-летия китайской коммунистической партии лидеры государств В.В. Путин и Си Цзиньпин заявили о продлении договора о добрососедстве, дружбе и взаимном сотрудничестве, что несомненно повлияет не только на развитие двух государств, но и всего Евроазиатского континента.

На северном направлении сухопутного пространства России в последние годы обостряется конкуренция за доступ к ресурсам Северного Ледовитого океана и транспортным коммуникациям, возникают угрозы для безопасности нашей страны в Арктическом регионе.

В основе этих противоречий лежат территориальные споры между странами арктической зоны, а также расширение военного присутствия в этом регионе США и их союзников. Как заявил в своем выступлении министр обороны России С. Шойгу «В целом обстановка в данном регионе остается сложной. США и их союзники по НАТО наращивают морские и сухопутные группировки в Арктике, увеличивают интенсивность боевой подготовки, расширяют и модернизируют военную инфраструктуру»[288].

В настоящее время иностранные государства наращивают военную группировку в арктическом регионе, расширяют и модернизируют военную

[288] Шойгу заявил о переброске войск США и НАТО к границам России. – URL: https://iz.ru/1151092/2021-04-14/shoigu-zaiavil-o-sosredotochenii-40-tysiach-voennykh-ssha-i-nato-u-granitc-rf (дата обращения 13.04.2021).

инфраструктуру, увеличивают количество проводимых учений вооруженных сил США, Канады, Норвегии. В частности, в Арктической политике НАТО особая роль отводится Норвегии, на территории которой находятся склады вооружения и военной техники для войск усиления.

В этих условиях для России стратегически необходимо сохранять и наращивать свое сухопутное и морское присутствие в Арктическом регионе. В этих целях за последние несколько лет реконструированы военные базы, построенные в советский период, строятся новые военные базы с учетом современных технологий, проводятся арктические экспедиции, модернизируется инфраструктура северного морского пути.

При анализе вызовов и угроз для сухопутного пространства России носящих внутренний характер необходимо выделить в первую очередь проблему, связанную с демографической безопасностью. Россия, обладающая огромной территорией, где сосредоточено до 60 % мировых запасов природных ресурсов насчитывает всего чуть больше 146 млн человек, что составляет 1,9 % мирового населения, по среднему варианту прогноза ООН к середине XXI века она сократится до 1,4 %. Демографическая ситуация в России неблагоприятная, так в 2020 году численность населения сократилось более чем на 500 тыс. человек, это достаточно масштабное сокращение населения за последние 15 лет.

По прогнозу ООН, в ближайшие 30 лет население мира увеличится еще на 25 %, а население России сократится еще на 7 %. В таких странах как Китай, Монголия, Казахстан, Таджикистан и других среднеазиатских республиках, население продолжает расти быстрыми темпами, а ведь это государства, непосредственно граничащие с Российской Федерацией.

Следует учитывать, что на планете существует немало стран с избыточным населением, неспособных прокормить своих граждан, и территории государств с низкой плотностью населения начинают рассматриваться как естественные географические пространства для массовой иммиграции, а может и колонизации. средняя плотность населения России – 8,5 человек на 1 км^2 (по итогам Всероссийской переписи населения 2002 г.)[289].

Экологический фактор также влияет на состояние безопасности сухопутного пространства России. Экологическая безопасность непосредственно влияет на жизнедеятельность населения страны, на социально-экономическое развитие ее территорий и регионов, обороноспособность страны в целом. Говоря об угрозах в области экологической безопасности России необходимо отметить, нерешенные проблемы с утилизацией мусора и опасных отходов промышленного производства, уничтожение биоразнообразия, истребление лесов, истощение почвы и загрязнение рек и озер и др.

---

[289] Демоскоп Weekly. – URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2020/0873/barom01.php (дата обращения 12.04.2021).

Обширная территория, уникальное биологическое разнообразие, обилие природных ресурсов предоставляют России отличные возможности для создания экологической безопасной модели хозяйствования. Однако для этого необходимо разработать дальновидную и ответственную экологическую политику и неуклонно ей следовать, воспитывать экологическую культуру граждан нашей страны.

Современные вызовы и угрозы как локального, так и геополитического характера, нарастают практически по всему протяжению сухопутного пространства России, выдвигают перед военно-политическим руководством страны очень важную, по сути, ключевую задачу наращивание оборонного потенциала государства.

Президентом Российской Федерации В.В. Путиным определена главная задача Вооруженным Силам Российской Федерации – гарантированно защитить интересы государства и ее граждан, а также отразить агрессию любого противника, в том числе высокотехнологичного.

В связи с этим необходимо в современных условиях обратить особое внимание на совершенствование планирования в сфере обороны и управления военной составляющей государства. Важным фактором, влияющим на планирование обороны страны и развития Вооруженных Сил Российской Федерации, является разработка военной теории, раскрывающей формы и способы ведения боевых действий, в том числе с учетом перспективного развития новых средств вооружений и военной техники. Особое внимание необходимо обратить на новые формы применения вооруженных сил, в целях предотвращении вызовов и угроз военного характера для сухопутного пространства России. В первую очередь такой формой должно стать стратегическое сдерживание. В условиях неопределенности и внезапности, такая форма применения приобретает важное значение для обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

В настоящее время в межгосударственном противоборстве США и их союзниками активно используются методы «гибридной войны», основной целью которой является достижение политических целей с минимальным вооруженным воздействием на противника, преимущественно за счет подрыва военно-экономического потенциала и, информационно-психологического воздействия, как на военнослужащих, так и на мирное население. Деструктивное воздействие на противника проходит скрытно и включает в себя оказание экономического, политического, информационного и психологического давления на противника, дезориентацию его военно-политического руководства.

Другой формой применения Вооруженных Сил по предотвращению вызовов и угроз военного характера, является осуществляемое военное присутствие за пределами российского государства. Особенно это касается сухопутного военного присутствия, которое достаточно эффективно может нивелировать возникающие и прогнозируемые вызовы и угрозы военной и национальной безопасности России за счет контролирования военно-

политической обстановки в регионах дислокации российских военных баз за рубежом, а также применения превентивных мер по их предотвращению.

Первоочередные задачи военного присутствия в бывших республиках СССР – это усиление позиций России в приграничных государствах. Миротворческие операции и миссии, размещение войск с целью урегулирования конфликтов в зоне интересов России, помощь союзникам, борьба с терроризмом, все это направлено на предотвращение существующих угроз и вызовов сухопутному пространству России.

В целях предотвращения вызовов и угроз сухопутному пространству необходимо решить ряд важных задач военного характера, связанных, прежде всего с совершенствованием системы стратегического развертывания Вооруженных Сил, развитие Сил специальных операций и подразделений специального назначения, создание новых военных баз в дружественных нам государствах с целью предотвращения потенциальных угроз на дальних подступах. Военное присутствие Российской Федерации в странах СНГ является инструментом не только военной политики государства, но и социально-экономической и гуманитарной. Военные базы России особенно на Юго-Западном и Южно-Азиатском направлениях являются важными факторами стабильности для стран, где они дислоцированы, фактически прикрывают южный фланг России, а также обеспечивают защиту стран участников Договора о коллективной безопасности (ОДКБ).

Планирование и осуществление военных мер по предотвращению вызовов и угроз сухопутному пространству России должно носить комплексный характер, но при этом в первую очередь необходимо совершенствовать военную теорию и практику, и здесь свое слово должны сказать военные ученые, именно они должны обосновать разрабатываемые меры в области военной безопасности.

Разработка таких мер должна вестись как на стратегическом, так и оперативном, тактическом уровнях и должна учитывать, что, объявляя Россию главным врагом «цивилизованного мира», США постоянно разрабатывают и апробируют новые технологии развязывания и ведения войн и конфликтов. Так, Комитет начальников штабов ВС США уже несколько лет внедряет в практику концепцию «Многосферное сражение», появление которой относится к 2015 году, когда заместитель министра обороны США Б. Уорк поставил Сухопутным силам задачу разработать концепцию, учитывающую изменения характера современной войны и способную стать противовесом преимуществам, достигнутым противником, прежде всего, Россией.

Концепция многосферного сражения построена на идее интеграции всех сфер и синхронизации огня и маневра. Она предназначена для того, чтобы создать противовес противнику во всех боевых сферах (суша, море, воздух, космос, киберпространство, человеческое пространство), чтобы компенсировать некое «растущее отставание США». При этом считается, что при многосферном сражении каждый вид вооруженных сил выходит

за пределы своей традиционной боевой сферы в нетрадиционные для него сферы. Это, во многом, касается необходимости преодоления армией США так называемых зон закрытого доступа, которые, якобы, могут организовать Вооруженные Силы Российской Федерации, что, по мнению американских генералов, создает для США большие проблемы.

Согласно новой Концепции, «…американские сухопутные силы должны быть организованы, оснащены и подготовлены для того, чтобы достигать и удерживать превосходство во всех сферах[290]». Они должны «…понимать будущую оперативную обстановку и реагировать на ее изменения». Для этого планируется провести реорганизацию этого вида ВС, который уже более 25 лет является активным «потребителем возможностей объединенной силы», действуя «под крышей ВВС и ВМС» с воздуха и моря. При новом подходе сухопутные войска будут не только получать, но и сами обеспечивать поддержку в других сферах. То есть они должны быть способны уничтожать корабли, нейтрализовать спутники, сбивать ракеты, а также дезорганизовывать систему командования и управления войсками противника. Для совместных действий ВВС, ВМС США, кибервойск, космических сил и средств необходима безопасность их применения, которую (по взглядам Пентагона) могут обеспечить сухопутные войска, в свою очередь, поддерживаемые с воздуха, моря, и из космоса.

Появление данной концепции требует внимательного к ней отношения военно-политического руководства России в вопросах противодействия в случае попыток ее практической реализации. Основными целями и способами противодействия в мирное время должно стать упреждение действий противника по созданию благоприятных условий для осуществления им подготовки и проведения многосферного сражения. В военное время целями противодействия являются уничтожение формирований инфильтрации, нарушение связей разведки и управления, нанесение поражения главным силам противника.

Противодействие концепции необходимо осуществлять в общей системе форм и способов применения Вооруженных Сил Российской Федерации. При проведении специальной операции (боевых действий) войска (силы) будут выполнять двуединую задачу по уничтожению главных сил противника и формирований инфильтрации (оппозиции). Сухопутные группировки противника, участвующие в «Многосферном сражении» с применением всех родов войск (сил) и специальных сил противника могут быть нейтрализованы (отражены) комплексным применением подразделений и частей Вооруженных Сил Российской Федерации, их средств поражения, войсками территориальной обороны, Росгвардии и полиции, ФСБ, ФСО России, казачьих формирований местного ополчения (подготовленного в мирное время).

---

[290] Войны «нового типа» и концепции боевого применения ВС США и НАТО / Сборник информационно-аналитических материалов. М. : ВАГШ, 2019.

В целях повышения эффективности противодействия целесообразна разработка положений (инструкций), способов действий по борьбе с группировками (формированиями) противника, действующими на земле, с воды и из-под воды, воздуха, внесение их в уставные документы и внедрение в учебные процессы военных и гражданских (военные кафедры) учебных заведений. При этом целесообразно использовать в учебном процессе военных учебных заведений и оперативной (боевой) подготовке войск опыт Советских партизан в годы Великой Отечественной войны.

В вопросах прогнозирования и нейтрализации вызовов и угроз национальной безопасности на сухопутном пространстве России необходимо уделять большое внимание совершенствованию методов работы органов военного управления и организации их взаимодействия с местными властями. При этом основные усилия сосредоточить на:

– отработке сценариев по предупреждению и пресечению возможных вариантов актов агрессии со стороны потенциальных противников;

– заблаговременном создании разно-ведомственных группировок войск на потенциально опасных стратегических сухопутных направлениях как на основе сил и средств соединений и воинских частей постоянной готовности, так и вновь формируемых;

– организации и поддержании непрерывного взаимодействия органов военного управления и оперативных штабов в субъектах Российской Федерации при выполнении мероприятий профилактики и предупреждения терроризма, а в противодействии террористической деятельности – при планировании и применении сил и средств Вооружённых Сил в контртеррористической операции;

– проведении комплекса мероприятий по подготовке населённых пунктов к обороне в период непосредственной угрозы агрессии и защиты населения от ударов средств наземного, морского и воздушного нападения противника.

Анализ реально складывающейся военно-политической обстановки показывает, что в настоящее время сложилась система множества вызовов и угроз как геополитического, так и локального характера, национальным интересам и безопасности Российской Федерации, наметилась тенденция расширения конфликтной зоны и его распространения, по всем стратегическим направлениям сухопутного пространства России.

3.3. Вызовы и угрозы в морском пространстве

Современные государства мира традиционно рассматривают военно-морские силы (ВМС) как вид вооруженных сил (ВС), деятельность которых связана, прежде всего, с решением задач на океанских и морских театрах, давно ставших неотъемлемой и важной частью «боевого пространства» при ведении вооруженной борьбы. При этом роль и значение океанских и морских театров с военной точки зрения все более возрастает.

Сообразно с этим в военных министерствах и ведомствах иностранных государств все чаще подтверждают, что флот играет главную роль в современных вооруженных конфликтах и всегда будет орудием политики государств, важной опорой дипломатии в мирное время.

Военный историк А.А. Керсновский в книге «Философия войны» утверждал: «Флот – показатель здоровья государственного организма, показатель государственного ума правителей и мерило великодержавности. Страна, имеющая только 40 дивизий пехоты и 20 могучих броненосцев, значит в мире больше, чем страна, имеющая 100 дивизий на суше, но всего 5 кораблей на мировых океанских путях».

Уже достаточно давно и вполне обоснованно считается, что военно-морской потенциал является наиболее гибким и подвижным (маневренным) средством обеспечения национальных интересов, так как в отличие, например, от сухопутных войск флот способен быстро перегруппироваться и сосредоточиться в нужном районе.

Флоту также присуще такое важное качество, как автономность. Его можно незамедлительно ввести в конфликт и проще вывести из зоны военных действий. Флот менее всего связан с территориями других стран и, следовательно, с их региональными и внутренними проблемами. В то же время он способен проводить в нужном месте и в нужное время демонстрацию силы и угрожающие маневры. Учитывая универсальность, высокую техническую оснащенность и боевую мощь современных надводных кораблей, флотам ведущих в военном отношении государств определена особая роль в решении задач военного присутствия в оперативно важных районах мирового океана.

Опыт большинства военных конфликтов последних десятилетий свидетельствует о важности применения сил флота. Военно-морские силы активно применялись даже против стран, которые не имеют выхода к морю, в частности в Афганистане. В США, например, применение ВМС – это самый быстрый «ответ на кризисы». В обосновании выбора ВМС в качестве наиболее эффективного инструмента для решения такого рода задач американцами приводятся следующие доводы:

– присутствие в передовых районах и высокие скорости хода кораблей позволяют им быстро прибывать в район кризиса (к примеру, соединение боевых кораблей способно за сутки преодолеть расстояние в 1 тыс. км и более);

– группировки ВМС придают устрашению правдоподобность и снижают вероятность запоздалого предупреждения о своих намерениях;

– ВМС постоянно находятся в высоких степенях готовности к участию в военных действиях;

– ВМС могут длительное время находиться на дальности применения своего оружия, не заходя при этом в территориальные воды противника, а также других стран.

Россия испокон веков является крупнейшей морской державой. Это объективно обусловлено ее географическим положением: она омывается водами 12 морей, принадлежащих трем океанам, а также внутриматерикового Каспийского моря. Общая протяженность российской морской границы составляет 38,8 тыс. км (для сравнения: протяженность сухопутной границы на материке составляет 22,1 тыс. км, из них собственно сухопутной – 14,5 тыс. км, а остальные 7,6 тыс. км – протяженность речной и озерной границ). Отсюда следует, что в случае развязывания против Российской Федерации военного конфликта (практически любого типа и масштаба) противник, безусловно, будет активно применять в военных действиях свои ВМС.

Интересные суждения высказал на Всероссийской научно-практической конференции «Национальная морская политика России» в 1999 году профессор, контр-адмирал Г.Г. Костев: «Российская морская стратегия будет выражать собою основы не только теории и практики подготовки и ведения вооруженной борьбы на морях и океанах, сколько подготовки и осуществления постоянного военно-морского присутствия группировок Военно-морского флота в прилегающих к России морях и в тех регионах, где возникают локальные конфликты или где создается угроза интересам нашей страны».

Г.Г. Костев также определил, что защита интересов России в Мировом океане, обеспечение мира и стабильности на прилегающих к Российской Федерации морях и океанах заключаются в теории и практике применения Военно-Морского Флота (ВМФ) в мирное время.

В соответствии с действующими «Основами государственной деятельности Российской Федерации на период до 2030 года» Военно-Морской Флот как вид Вооруженных Сил Российской Федерации предназначен для обеспечения защиты национальных интересов Российской Федерации и ее союзников в Мировом океане военными методами, поддержания военно-политической стабильности на глобальном и региональном уровнях, отражения агрессии против Российской Федерации с океанских и морских направлений. При этом Военно-морской флот создает и поддерживает условия, необходимые для обеспечения безопасности морской деятельности, обеспечивает ее военно-морское присутствие, демонстрацию флага и военной силы государства в Мировом океане в интересах обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. ВМФ играет ведущую роль в обеспечении национальных интересов

Российской Федерации в океанских районах и морских зонах, а также в своевременном создании потенциальному агрессору адекватной или асимметричной противодействующей угрозы из районов Мирового океана, находящихся в дальней морской зоне в непосредственной близости от наиболее уязвимых и важных для него военно-экономических центров, способной в совокупности с другими действиями институтов государственной власти преломить нарастание напряженности и предотвратить агрессию против Российской Федерации.

Страна, имеющая современный флот, способный самостоятельно решать любые задачи, в том числе поражать наземные объекты в глубине территории других государств в условиях ведения вооруженной борьбы с применением только обычного оружия, несомненно, имеет сильные позиции и авторитет в мире. Наличие таких средств существенно повышает сдерживающий потенциал Военно-морского флота России для предупреждения эскалации вооруженных конфликтов.

В настоящее время и в ближайшей перспективе основными *вызовами и угрозами национальной безопасности Российской Федерации с океанских и морских направлений* будут являться:

– наличие вблизи территории Российской Федерации развернутых на постоянной основе группировок сил (войск) США, НАТО и их союзников, которые находятся в высокой степени готовности к применению наступательного оружия;

– постоянное боевое патрулирование в удаленных океанских районах атомных подводных лодок с баллистическими ракетами ВМС США, Великобритании и Франции;

– постоянное боевое патрулирование в прилегающих к территории Российской Федерации морских акваториях атомных многоцелевых подводных лодок ВМС США и Великобритании со стратегическими неядерными системами высокоточного оружия на борту (крылатые ракеты морского базирования типа «Томахок»);

– активная разведывательная деятельность иностранных государств (прежде всего воздушная и морская), осуществляемая по всему периметру территории Российской Федерации, нередко носящая демонстративный и провокационный характер;

– систематическое проведение на территориях государств, сопредельных
с Российской Федерацией, а также в прилегающих акваториях учений и маневров с участием ВС США, НАТО и их союзников, характеризующихся явной антироссийской направленностью;

– развертывание вблизи территории Российской Федерации средств и систем ПРО США, НАТО и их союзников, в том числе морского компонента;

– целенаправленное освоение военно-морскими силами США и НАТО акваторий, прилегающих к территории Российской Федерации, как возможных будущих театров военных действий, в частности Арктики;

– регулярная отработка действий стратегических бомбардировщиков ВВС США над акваториями океанских районов и морских зон вблизи территории Российской Федерации практически на всех воздушно-космических направлениях;

– территориальные притязания Японии на Южные Курильские острова;

– высокие темпы наращивания мощи ВМСФ Китая и расширение его операционной зоны.

Указанные вызовы и угрозы характеризуются следующими данными.

1. Наличие вблизи территории Российской Федерации развернутых на постоянной основе группировок сил (войск) США, НАТО и их союзников, которые находятся в высокой степени готовности к применению наступательного оружия.

На Западе основную угрозу для Российской Федерации представляет группировка объединенных ВМС НАТО, включающая в общей сложности около 370 боевых кораблей, 440 боевых катеров и 450 вспомогательных судов, а именно:

в Северо-Европейском регионе – около120 боевых кораблей, 140 боевых катеров и 50 вспомогательных судов;

в Центрально-Европейском регионе – около 160 боевых кораблей, 100 боевых катеров и 150 вспомогательных судов;

в Южно-Европейском регионе – 190 боевых кораблей, 200 боевых катеров и 250 вспомогательных судов.

На Востоке основную угрозу для Российской Федерации представляет коалиционная группировка ВМС США, Японии и Республики Корея, включающая в общей сложности около 350 боевых кораблей, 150 боевых катеров, в том числе:

ВМС США в северо-западной части Тихого океана – 26 боевых кораблей;

ВМС Японии – свыше 100 боевых кораблей и 12 боевых катеров;

ВМС Республики Корея – свыше 220 боевых кораблей и 140 боевых катеров.

Более 70 % кораблей и катеров указанных группировок постоянно находятся в составе боеготовых сил, а 2/3 из них готовы к развертыванию в районы боевого предназначения.

В случае обострения военно-политической обстановки США и их союзники могут развернуть на всех стратегических направлениях группировки ВМС, включающие в общей сложности до 460 боевых кораблей, катеров и вспомогательных судов. В том числе девять АУГ/АМГ и около 100 носителей крылатых ракет морского базирования (атомных подводных лодок и надводных кораблей) различных типов с общим боезапасом КРМБ свыше 2,6 тыс. ед.

2. Постоянное боевое патрулирование в удаленных океанских районах атомных подводных лодок с баллистическими ракетами (ПЛАРБ) ВМС США, Великобритании и Франции. В прилегающих к территории Российской Федерации морских акваториях патрулирование атомных многоцелевых подводных лодок ВМС США и Великобритании со стратегическими неядерными системами высокоточного оружия на борту (крылатыми ракетами морского базирования) типа «Томахок».

В океанских районах на боевом патрулировании одновременно могут находиться 8–9 ПЛАРБ, имеющих на борту в общей сложности 176–200 баллистических ракет, в том числе:

на Атлантике – 5 атомных подводных лодок с баллистическими ракетами (три ВМС США, по одной ВМС Великобритании и Франции, всего 104 баллистических ракет);

на Тихом океане – 3–4 атомных подводных лодок с баллистическими ракетами ВМС США (всего 72–96 баллистических ракет).

На каждой баллистической ракете подводных лодок может быть размещено от 4 до 8 ядерных боеголовок индивидуального наведения мощностью от 0,1 до 0,475 Мт каждая. На баллистических ракетах американских ПЛАРБ также могут размещаться модернизированные ядерные боеголовки с пониженной мощностью боезаряда (5–6 кт).

Находясь в районах боевого патрулирования, ПЛАРБ поддерживают 15–20-минутную готовность к применению своего ракетно-ядерного оружия.

В Баренцевом, Норвежском и Средиземном морях, а также в северо-западной части Тихого океана постоянно на боевом патрулировании находятся до восьми атомных многоцелевых подводных лодок (ПЛА) ВМС США и Великобритании с крылатыми ракетами на борту (имеющих в общей сложности до 160 крылатых ракет морского базирования типа «Томахок») с обычной боевой частью.

Эпизодически в некоторые из указанных районов могут осуществлять развертывание американские атомные подводные лодки с крылатыми ракетами (ПЛАРК) типа «Огайо», каждая из которых может иметь на борту до 154 крылатых ракет морского базирования типа «Томахок».

В перспективе часть крылатых ракет на американских ПЛА может быть оснащена ядерной боевой частью.

3. Активная разведывательная деятельность иностранных государств (прежде всего воздушная и морская), осуществляемая по всему периметру территории Российской Федерации, нередко носящая демонстративный и провокационный характер.

В последнее время интенсивность разведывательной деятельности США и НАТО вблизи российских границ, включая морские акватории, ежегодно возрастала оценочно на 15 %, при этом интенсивность применения их разведывательной авиации в отдельные периоды увеличивалась на 30 %.

Так, в 2020 году на воздушную разведку в районы, прилегающие к государственной границе Российской Федерации, было совершено более

1,37 тыс. вылетов самолетов разведывательной авиации и более 240 вылетов беспилотных летательных аппаратов государств-членов НАТО.

При этом особое внимание уделяется ведению воздушной разведки у побережья полуострова Крым. Количество самолетовылетов НАТО на воздушную разведку повышается, как правило, в периоды проведения Вооруженными Силами Российской Федерации мероприятий оперативной и боевой подготовки (учений и маневров), а также при испытаниях новой военной техники и вооружения. Как отмечал по этому поводу Министр обороны Российской Федерации генерал армии С.К. Шойгу, «обеспокоенность вызывает не столько ведение альянсом разведки, сколько попытки блока демонстрировать силу»[291].

4. Систематическое проведение на территориях государств, сопредельных с Российской Федерацией, а также в прилегающих акваториях учений и маневров с участием вооруженных сил США, и их союзников, характеризующихся явной антироссийской направленностью.

В Восточной Европе, акваториях Северной Атлантики, Балтийского и Черного морей сохраняется высокая интенсивность оперативной и боевой подготовки объединенных вооруженных сил НАТО, в том числе с привлечением воинских формирований внеблоковых государств, таких как Финляндия и Швеция. Ежегодно только на территории стран Балтии и Восточной Европы по коалиционным и совместным планам проводится не менее 30 крупных учений, имеющих явно выраженную антироссийскую направленность. Характерной особенностью коалиционной учебно-боевой деятельности является объединение разнородных командно-штабных и войсковых учений в серии на основе единого замысла и общего оперативного фона. Это позволяет отрабатывать порядок проведения крупных межвидовых операций без видимого увеличения количества привлекаемых к маневрам сил и средств.

В ходе учений приоритетное внимание уделяется отработке вопросов ведения разведки, борьбы с надводными кораблями и подводными лодками противника, уничтожения воздушных целей, проведения морских десантных операций, преодоления зон ограничения (воспрещения) доступа, действий минно-тральных сил, а также создания на базе постоянной группы более крупных формирований ОВМС НАТО[292].

В последние годы в учениях НАТО, проводимых в Черном море, активное участие принимают Украина и Грузия.

5. Продолжение развертывания вблизи территории Российской Федерации средств и систем противоракетной обороны (ПРО) США, НАТО и их союзников, в том числе морского компонента. США со своими

---

[291] Угроза атаки. – URL: https://rg.ru/2020/09/06/sergej-shojgu-rasskazal-chto-nato-imitiruet-udary-po-rossii.html. (дата обращения: 18.08.2021 г.).

[292] С. Бережной «Основные мероприятия оперативной и боевой подготовки объединенных военно-морских сил НАТО в 2017 году ч1 (2018)» // Fact Military – достоверно об армиях мира. – URL: factmil.com (дата обращения: 18.08.2021 г.).

союзниками продолжают реализовывать программу развертывания глобальной системы ПРО, в том числе ее морского компонента.

Основными мероприятиями, проводимыми в рамках указанной программы, являются:

– наращивание количества кораблей ВМС США и Японии, оснащенных многофункциональной системой управления оружием (МСУО) «Иджис» и противоракетами типа «Стандарт-3» (в частности, согласно американским планам, к концу 2021 года количество таких кораблей в Военно-морских силах США должно составить 49 ед., к концу 2023 года – 57 ед.; в Военно-морских силах Японии для решения задач ПРО в дополнение к уже имеющимся шести кораблям строятся еще два новых эсминца с управляемым ракетным оружием (УРО) (типа «Майя»);

– наращивание общего количества противоракет типа «Стандарт-3» различных модификаций для оснащения ими кораблей ПРО (в частности, в ВМС США к концу 2021 года планируется довести их общее число до 465 ед., а к концу 2023 года – до 560 ед.);

– отработка кораблей ПРО по предназначению в водах Европы и северо-западной части Тихого океана (наиболее активно применяются американские эсминцы типа «Орли Берк» из состава группы кораблей ПРО, базирующихся в ВМБ Рота (Испания), которые поочередно несут боевое дежурство в восточной части Средиземного моря с эпизодическими заходами в Черное море, где участвуют в проверке функционирования южно-европейского компонента интегрированной системы ПРО НАТО).

В мае 2020 года впервые корабли ПРО ВМС США совершили развертывание в Баренцево море (в частности, три эсминца УРО типа «Орли Берк» из состава группы кораблей ПРО, базирующихся в испанской ВМБ, Рота).

6. Целенаправленное освоение военно-морскими силами США и НАТО акваторий, прилегающих к территории Российской Федерации, как возможных будущих театрах военных действий, в частности, Арктики.

В последние годы в Арктике и прилегающих акваториях активизировалась роль многих стран мира по освоению данного региона:

– США и Канада строят ледокольный флот и патрульные корабли ледового класса;

– Канада строит глубоководный порт Икалуит (провинция Нанувут);

– США развертывают передовые базы в Барроу, Ном и на острове Св. Павла (Аляска);

– США и Канада реализуют программу по созданию в арктических водах системы гидроакустического наблюдения.

Североатлантический союз под предлогом «вынужденного реагирования» на деятельность Вооруженных Сил России в Заполярье предпринимает меры по укреплению своего «северного фланга», активизирует в регионе деятельность своих объединенных вооруженных сил альянса.

В 2020 году впервые с 80-х годов прошлого столетия американские боевые надводные корабли (эсминцы с управляемым ракетным оружием типа «Орли Берк») дважды осуществили групповое плавание в водах Баренцева моря совместно с кораблями своих союзников.

Американские атомные многоцелевые подводные лодки продолжают осваивать воды Арктики, покрытые льдом (в частности, в марте 2020 года две ПЛА ВМС США – «Толедо» типа «Лос-Анджелес» и «Коннектикут» типа «Сивулф» − принимали участие в учении ICEX-2020 в море Бофорта).

В США в 2020 году были подготовлены два ключевых руководящих документа по действиям в Арктике:

– в июне Президент США Д. Трамп подписал меморандум «О защите национальных интересов США в Арктическом и Антарктическом регионах» (главный упор сделан на необходимости создания и полного развертывания к 2029 году «боеспособного» ледокольного флота, а также на создании в прилегающей к Арктике зоне четырех баз ВМС США – двух зарубежных и двух, расположенных на американской территории);

– к концу декабря 2020 года специалистами ВМС США был подготовлен документ под названием «Голубая Арктика», который был официально представлен министром ВМС 5 января 2021 г. (в нем обозначены планы по дальнейшему развитию присутствия ВМС США в арктическом регионе на следующие 20 лет; в документе акцентируется внимание на том, что американский флот планирует более активно действовать в Арктике из-за растущей там экономической и военной конкуренции со стороны России, а также Китая).

7. Регулярная отработка действий стратегических бомбардировщиков ВВС США над акваториями океанских районов и морских зон вблизи территории Российской Федерации практически на всех воздушно-космических направлениях. Так, в 2020 году стратегическими бомбардировщиками ВВС США совершено более 20 самолетовылетов над акваториями океанских районов и морских зон вблизи территории Российской Федерации.

При этом:

– бомбардировщики ВВС США стали интенсивнее совершать полеты к северным морским границам Российской Федерации;

– эпизодически полеты стратегических бомбардировщиков проходят на фоне проведения учений ВС Российской Федерации, а также в ходе полетов, совершаемых самолетами российской ракетоносной авиации;

– самолеты ВВС США в ходе полетов стали ближе приближаться к границам Российской Федерации (в частности, в Калининградской области – на расстояние до 10 км);

– в ходе отдельных полетов стратегические бомбардировщики ВВС США имитируют нанесение ударов крылатыми ракетами воздушного базирования по территории Российской Федерации.

8. Территориальные притязания Японии на Южные Курильские острова.

После окончания Второй мировой войны все Курильские острова были включены в состав СССР, однако принадлежность Южных Курильских островов (Итуруп, Кунашир, Шикотан и группы островов Хабомаи) до сих пор оспаривается Японией, считающей их оккупированной частью страны.

Южные Курильские острова являются важным стратегическим районом, так как именно там находятся единственные незамерзающие проливы, выводящие из акватории Охотского моря в Тихий океан. Также в районе Южных Курил есть шельфовые месторождения нефти и газа.

Япония претендует на Южные Курилы, ссылаясь на двусторонний «Трактат о торговле и границах» (1855 г.). Россия настаивает на том, что острова вошли в состав СССР по итогам Второй мировой войны и российский суверенитет над ними неоспорим[293].

Российские власти не раз подчеркивали, что Япония должна признать итоги Второй мировой войны, в том числе российский суверенитет над Южными Курилами. Принцип российской стороны по вопросу о пограничном размежевании состоит в том, что Южные Курильские острова перешли к нашей стране на законном основании в соответствии с Ялтинским соглашением от 11 февраля 1945 г. и Потсдамской декларацией от 26 июля 1945 г.

В 1956 году Советский Союз и Япония подписали совместную декларацию, в которой наша страна соглашалась после заключения мирного договора рассмотреть возможность передачи Японии двух островов – Хабомаи и Шикотана. Последующие переговоры никак не изменили сложившуюся ситуацию.

В 1981 году в Японии был учрежден праздник День северных территорий, который отмечается 7 февраля. В этот день в 1855 году был подписан «Симодский трактат о торговле и границах». Каждый год в этот день по всей Японии проходят митинги с участием тысяч граждан Японии, во время которых представители ультраправых организаций требуют от России возвращения «северных территорий», «незаконно оккупированных» Россией (по версии японцев). В Токио по этому поводу традиционно проводится общенародное собрание с участием высших лиц государства и ведущих политиков, где члены японского кабинета министров призывают соотечественников к действиям по возвращению «северных территорий».

Глава МИД России С.В. Лавров 19 мая 2015 г. заявил, что Япония остается единственной страной в мире, которая подвергает сомнению итоги Второй мировой войны, а именно, оспаривая принадлежность Южных Курильских островов.

---

[293] Климентьев М. Путин рассказал о сложностях заключения мирного договора с Японией // Агентство РИА-новости. – URL: ria.ru (дата обращения: 18.09.2021 г.).

В связи с этим Япония может воздействовать на Россию по нескольким направлениям: первое – экономическое давление на нашу страну через так называемую «большую семерку»; второе – информационное давление, где Россия будет выставляться как агрессор и последнее – прямое силовое давление на Российскую Федерацию. В случае ослабления российских Вооруженных Сил в этом регионе Япония может пойти на односторонние силовые меры по возвращении «северных территорий».

9. Высокие темпы наращивания мощи Военно-Морских Сил (ВМС) Китая и расширение его операционной зоны.

Китай настойчиво продолжал реализовывать планы строительства своих ВМСФ. Темпы строительства Военно-Морского Флота (ВМФ) Народно-освободительной армии Китая (НОАК) даже поражают и настораживают военных специалистов США.

Так, Пентагон оценил развитие ВС Китая в 2020 году и выделил сферы, в которых Китай не только преуспел, но и опережает все остальные страны. Это, прежде всего, Военно-Морские Силы и ядерное оружие.

В подготовленном ежегодном отчете Министерства обороны США конгрессу страны о вооруженных силах Китая в 2020 году говорится, что «Китай в настоящее время имеет самые большие Военно-Морские Силы в мире». Они «становятся все боле современной и гибкой силой».

И далее: китайцы сосредоточились на «замене платформ предыдущих поколений с ограниченными возможностями в пользу более крупных и современных многоцелевых единиц».

«Военно-Морские Силы Китая в основном состоят из современных многоцелевых платформ с передовыми противокорабельными, противовоздушными и противолодочными вооружениями, средствами разведки и связи», − говорится в документе военного ведомства США.

По мнению Пентагона, особенно угрожающей является растущая способность Китая запускать крылатые ракеты морского базирования для ударов по береговым объектам, т.е. это та способность, которую ВМС США не раз демонстрировали с помощью своих КРМБ типа «Томахок»[294].

Также Военно-Морские Силы Китая последовательно реализуют планы по расширению своей операционной зоны:

– на первом этапе (до начала XXI в.) предусматривалось создание группировок, способных поддерживать благоприятный операционный режим в пределах зоны, ограниченной «первой линией островов» − острова Рюкю и Филиппинские острова, а также в акватории Желтого, Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей;

– на втором (до 2020 г.) ВМС планируется усилить таким образом, чтобы они были способны осуществлять оперативные действия в пределах «второй линии островов» − Курильские о-ва, о-в Хоккайдо, о-ва Нампо,

[294] Ходаренок М. Господство в океане: Китай построил крупнейший флот в мире. Пентагон оценил развитие Военно-морского флота Китая // Газета.ру. 02.09.2020, 17:34. – URL: gazeta.ru (дата обращения: 18.04.2021).

Марианские, Каролинские и Новая Гвинея, включая акватории Японского и Филиппинского морей, а также морей Индонезийского архипелага;

– на третьем (до 2050 г.) предполагается создать мощный флот, способный решать поставленные задачи в любом районе Мирового океана.

10. Пиратская активность в Аденском, Гвинейском заливах, а также в других пиратоопасных районах Мирового океана, в которых осуществляется перевозка грузов судами под флагом Российской Федерации, а также судами с российскими гражданами в составе экипажей.

11. Требования ряда государств, в первую очередь США, к интернационализации Северного морского пути.

В настоящее время военно-политическое руководство Российской Федерации уделяет пристальное внимание анализу состояния обороноспособности России, стремится своевременно корректировать, обновлять планы по модернизации армии и флота, совершенствовать работу предприятий оборонно-промышленного комплекса.

На прошедшей 1 ноября 2021 г. в Сочи встрече с руководящим составом Министерства обороны и предприятий оборонно-промышленного комплекса Президент Российской Федерации В.В. Путин заявил, что: «работа по обновлению флота имеет для России принципиальное, стратегическое, государственное значение»[295].

За последние четыре года с опережением графика строительства в состав Военно-Морского Флота вошли 49 новых кораблей и боевых катеров, девять береговых ракетных комплексов, десять летательных аппаратов. Последовательно выполняется программа модернизации флота. В целом к 2027 году уровень его оснащённости современными образцами вооружения должен превысить 70 %.

Завершается создание корабельных ударных группировок, действующих в ближней морской зоне. Решения, принятые, в том числе в ходе сочинских совещаний, позволили перейти к сокращению намеченных сроков строительства кораблей дальней морской и океанской зон. Сейчас их строится и модернизируется более 30, в том числе нового класса – универсальные десантные корабли.

Корабли и суда Военно-Морского Флота постоянно участвуют в дальних морских походах, решают учебно-боевые задачи и обеспечивают демонстрацию флага в значимых для России океанских и морских зонах.

Президент России поставил задачу активно продолжать курс на техническое переоснащение флота и определил принципиальные моменты, на которые следует обратить особое внимание:

– при строительстве новых кораблей следует активнее внедрять перспективные технологии, агрегаты, материалы. Это позволит улучшить тактико-технические характеристики кораблей и подводных лодок, а также даст возможность применять новые виды вооружения;

---

[295] Совещание с руководством Минобороны и предприятий ОПК в Сочи. – URL: http://kremlin.ru/events/president/news/67051 (дата обращения 05.11.2021).

– учитывая наращивание состава военно-морских сил иностранных государств за счёт поставок современных атомных подводных лодок, авианесущих и ударных кораблей, беспилотных кораблей, необходимо более высокими темпами развивать морскую авиацию, прежде всего за счёт оснащения ВМФ перспективными летательными аппаратами и авиационными средствами поражения, масштабной модернизации имеющихся систем[296].

Основными направлениями деятельности Российской Федерации по нейтрализации существующих и возможных будущих вызовов и угроз ее безопасности в морском пространстве могут быть следующие.

1. Реализация комплекса мер по стратегическому и нестратегическому сдерживанию (несилового и силового характера, в том числе ядерного и неядерного сдерживания) потенциального агрессора, демонстрация готовности нанести ему неприемлемый ущерб.

При этом необходимо более четко обозначить условия, при которых Российская Федерация приступит к применению в этих целях всех имеющихся у нее средств поражения (ЯО, ВТО БД, ГЗО, ОНФП).

2. Создание в Вооруженных Силах Российской Федерации, в том числе в ВМФ, достаточного оборонительного потенциала, а именно:

– совершенствование подсистемы разведки и предупреждения о воздушно-космическом нападении (СВКН) с целью обеспечения гарантированного своевременного обнаружения пусков баллистических ракет (БР), глубины зоны разрывов (ГЗО) оружия на новых физических принципах (ОНФП) и КРМБ (в любом районе Мирового океана, в любое время суток, при любых погодных условиях);

– совершенствование подсистем огневого поражения и функционального подавления СВКН (средств воздушно-космического нападения) противника с целью обеспечения надежного прикрытия российских СЯС (сил ядерного сдерживания), сохранения потенциала «гарантированного возмездия» для реализации ответных (ответно-встречных) действий на уровне неприемлемого ущерба для государств-агрессоров независимо от боевых возможностей их систем ПРО.

3. Развертывание в периоды проведения вблизи территории Российской Федерации учений ВС/ВМС США, НАТО и их союзников, специально создаваемых компактных межвидовых группировок российских войск (сил), имеющих на вооружении ракетные комплексы большой, средней и меньшей дальности морского, воздушного и наземного базирования («Калибр», «Кинжал», «Бастион», «Бал», «Искандер» и другие), районы действий которых должны обеспечивать эффективное их применение по основным участникам учений в кратчайший срок.

4. В целях контроля за деятельностью иностранных атомных подводных лодок с баллистическими ракетами (ПЛАРБ) и атомных

---

[296] Совещание с руководством Минобороны и предприятий ОПК в Сочи. – URL: http://kremlin.ru/events/president/news/67051 (дата обращения 05.11.2021).

многоцелевых подводных лодок, оснащенных крылатыми ракетами морского базирования большой дальности (ПЛАРК и ПЛА), систематически проводить в ближних и дальних морских зонах, а также в океанских зонах мероприятия по вскрытию районов их возможного боевого патрулирования путем проведения разнородными силами флотов поисковых противолодочных операций (ППО) и краткосрочных поисково-следящих действий (ПСД).

5. В периоды повышения активности в разведывательной деятельности иностранных государств вблизи государственной границы Российской Федерации строго выполнять комплекс мероприятий по защите войск (сил) и военных объектов от технических средств разведки, включая мероприятия оперативной и тактической маскировки, принимать меры по противодействию силам морской и воздушной разведки, действующим в районах базирования сил ВМФ, в местах проведения испытаний новой техники и оружия, в том числе вытеснять их из этих районов.

6. При развертывании в акваториях океанов и морей, прилегающих к территории Российской Федерации, морского компонента американской системы глобальной ПРО (надводных кораблей, оснащенных многофункциональной системой управления оружием «Иджис») выделять для непрерывного слежения за ними оружием специально подготовленные разнородные силы. Такие же действия выполнять при развертывании в указанные акватории авиационных ударных групп (АУГ) и корабельных ударных групп (КУГ) ВМС США, других корабельных формирований и отдельных надводных кораблей иностранных государств, имеющих на вооружении крылатые ракеты морского базирования большой дальности.

7. Наращивание возможностей Вооруженных Сил Российской Федерации в Арктике, в том числе развертывание дополнительных средств разведки и наблюдения, ПВО и ПРО; совершенствование системы базирования и системы материального обеспечения, накопление необходимых запасов средств; систематическое проведение учений разной направленности; организация действий по поиску и слежению за силами иностранных государств, находящихся в Арктической зоне Российской Федерации, а также по обеспечению функционирования Северного морского пути (СМП) и осуществления Российской Федерацией морской экономической деятельности в регионе.

8. В целях противодействия политике Японии, направленной на отчуждение в свою пользу российских островов Южных Курил, более активно проводить скоординированную информационно-пропагандистскую работу с привлечением самых разных структур (МИД, российских и международных общественных организаций и т.д.), в основе которой должны лежать положения ст. 67 п. 2.1 Конституции Российской Федерации об обеспечении защиты своего суверенитета и территориальной целостности («Действия, направленные на отчуждение части территории Российской Федерации, а также призывы к таким действиям не допускаются»). Кроме того, на Южных Курилах должна постоянно находиться достаточно мощная

межвидовая оборонительная группировка, способная не только эффективно отразить высадку на острова десанта противника, но и противостоять действиям его военно-морских сил в радиусе как минимум 300 км.

9. Дальнейшее сотрудничество Российской Федерации с Китайской Народной Республикой в области военно-морской деятельности, в том числе по вопросам всемерного снижения уровня угроз национальной безопасности для наших государств с океанских и морских направлений и обеспечения стратегической стабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

10. Активное проведение Российской Федерацией внешней политики, направленной на заключение новых международных договоров и выполнение уже имеющихся по ограничению и сокращению ядерного оружия, недопущению его распространения в мире и отдельных регионах, включая его запрет в неядерных государствах.

11. В целях обеспечения присутствия Военно-Морского Флота в оперативно-важных районах Мирового океана, а также с учетом сохраняющейся актуальности защиты российского судоходства в районе Африканского Рога и в других пиратоопасных районах осуществлять четыре-пять походов отрядов кораблей ВМФ в течение года в указанные районы Мирового океана. (поручение Президента Российской Федерации от 6 февраля 2014 г. № Пр-247).

12. Создать современную систему освещения подводной обстановки, без которой угроза национальной безопасности в подводной среде не только сохранится, но и будет непрерывно возрастать.

Сегодня Военно-Морской Флот занимает ведущее место среди других реальных инструментов внешней политики государства, действуя на огромных пространствах Мирового океана вне пределов национальной юрисдикции Российской Федерации, во всех сферах, в передовом эшелоне оперативного построения. Силы общего назначения Военно-Морского Флота способны осуществлять сдерживание противника от применения военной силы или угрозы ее применения в отношении Российской Федерации. Они обеспечивают военно-морское присутствие России в Мировом океане, обладают уникальными возможностями по демонстрации военной силы и созданию ответных угроз в Мировом океане и территории других государств.

3.4. Вызовы и угрозы в воздушном пространстве

Анализ военно-политической обстановки в мире показывает динамичность ее развития, периодический рост напряженности, обострение существующих и возникновение новых кризисных ситуаций в различных регионах мира. При определенных условиях кризисные ситуации могут перерасти в военные конфликты различного масштаба. Тенденции изменения характера военных конфликтов последних лет показывают, что в их содержании все чаще акцент используемых методов борьбы смещается в сторону комплексного применения политических, экономических, информационных и других невоенных мер. Однако следует отметить, что в войнах будущего сохранится решающая роль вооруженной борьбы, так как США и их союзники по НАТО, в отношении Российской Федерации, определили агрессивный вектор своей внешней политики.

Опыт локальных войн и вооруженных конфликтов последних десятилетий убедительно говорит о коренном изменении характера вооруженной борьбы в XXI веке, основными чертами которой становятся:

– пространственная глобализация любого военного конфликта вне зависимости от целей, масштаба и используемых средств;

– расширение сферы объединенных действий видов и родов сил, повышение значимости их экспедиционных действий;

– возрастание интенсивности использования воздушно-космического пространства в интересах ведения вооружённой борьбы;

– переход от масштабных, истощающих действий к скоординированному проведению, разнесенных в пространстве и времени операций, динамичному конфигурированию ударов (высокоточных, электронных, информационных и др.) по наиболее важным целям и объектам критической инфраструктуры;

– увеличение глубины решаемых задач, нанесение ударов по противнику с больших расстояний и с высокой точностью на всю глубину его территории;

– возрастание возможностей средств разведки, управления и поражения и их объединение в едином информационном пространстве;

– начало и ведение высокоманевренных бесконтактных военных действий;

– массированное применение высокоточного оружия различного базирования, широкомасштабное использование сил специальных операций и войск специального назначения, роботизированных комплексов, нетрадиционного оружия и оружия на новых физических принципах;

– возрастание боевого потенциала и многоцелевого использования перспективных систем и средств, использующих новые физические принципы действия;

– широкое внедрение информационных технологий для достижения принципиально нового уровня интеграции боевых и обеспечивающих систем

различного назначения, роботизация и внедрение элементов искусственного интеллекта, изменяющие роль и место человека в системах вооруженной борьбы;

– увеличение мобильности сил и средств ведения вооруженной борьбы за счет возрастания их возможностей и возможностей авиации по оперативной переброске войск и сил на любой театр военных действий.

Бурными темпами идет развитие средств воздушного (воздушно–космического) нападения. В результате технологических прорывов в области разработки перспективных средств вооружения воздушно–космическая сфера становится новой сферой вооруженной борьбы.

Ведущим государством в военном проникновении и освоении воздушно-космического пространства продолжают оставаться США. Соответственно, и основная воздушно-космическая угроза в возможном военном конфликте с участием Российской Федерации исходит от США.

Важнейшим институциональным фактором, определяющим направленность современной военно-технической политики США и действие военно-политических структур, является постоянное стремление руководства этой страны к обеспечению военного превосходства над потенциальными противниками[297]. В основе такого политического курса, перманентно проводимого США, лежит глубоко укоренившийся в американском общественном сознании стереотип примата силы. В соответствии с ним главным средством, опираясь на которое государство могло бы гарантированно обеспечить свое существование, сохранение национальных ценностей, достичь целей своей внешней политики вопреки деятельности других государств и общественно-политических движений, считается военная сила, которую рассматривают не только как инструмент прямого вооруженного насилия, но и как эффективное средство сдерживания, политико-психологического и экономического воздействия. Главным объектом для использования военной силы в качестве инструмента политико-психологического воздействия рассматривается Российская Федерация. Анализ документов военно-политического руководства (ВПР) США показывает, что данный фактор будет действовать и в долгосрочной перспективе. Расширение спектра военно-технических средств за счет ускорения технологической гонки вооружений становится в очередной раз наиболее приоритетной областью в американской политике. Речь идёт обо всём спектре военных средств – от стратегических ядерных вооружений и средств ПВО-ПРО до боевых роботов (космических, воздушных, морских). Новое оружие, создаваемое во втором и третьем десятилетии XXI века,

---

[297] См.: Военная доктрина Российской Федерации от 25 декабря 2014 г. // Российская газета. 2014. 30 дек.; *Лумпов В.И.* Теоретико-методологические основы концепции ядерного сдерживания: подходы, содержание, обоснование. М.: ВА ГШ ВС РФ, 2006; *Лумпов В.И., Карпов В.В.* Состояние и перспективы развития стратегических сил США в XXI в. М.: ВА РВСН им. Петра Великого, 2012.

основано на технологических прорывах, которые, в свою очередь, гарантируют сохранение военно-технологического превосходства.

Конкретно это проявляется, во-первых, в стремлении обеспечить такую номенклатуру и качество военной техники, которые удовлетворяли бы требованиям ведения всех видов войн, включая все варианты их развязывания, все возможные географические зоны и физические среды военного конфликта; во-вторых, в стремлении достигнуть военно-технического превосходства над вероятными противниками, и прежде всего над Российской Федерации, и сохранить его на длительную перспективу; в-третьих, в стремлении как можно чаще создавать для Российской Федерации ситуацию военно-технической внезапности.

Кроме институционального существуют также технологический и экономический аспекты гонки вооружений, проводимой США.

В настоящее время США обладают наивысшим в мире уровнем развития научно-технического потенциала[298]. На них приходится около половины затрат на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы всего развитого мира. США существенно опережают другие страны и по численности ученых и специалистов. Американским исследователям принадлежит более трети мирового объема научных и технических публикаций. США опережают другие страны и по уровню материально-технического обеспечения научных исследований и разработок. Использование новых технологий позволяет достичь такого положения дел, когда экономическая эффективность производства новой продукции становится сопоставимой с эффективностью крупносерийного производства. Данная ситуация непосредственно отражается и на планировании развития, создании и эксплуатации вооружения и военной техники (ВВТ) как неотъемлемой части современной техносферы.

США перешли к новой фазе развития средств вооруженной борьбы, которую можно условно назвать «технологической», сущность же ее состоит в том, что главным источником развития становятся быстро внедряемые в практику научные знания[299]. Это обусловлено созданием развитой информационно-управленческой структуры, использующей возможности современных информационных технологий и способной перерабатывать огромные объемы информации, обеспечивая при этом выбор оптимальных решений в условиях быстрого изменения внешней среды и потребностей.

Свое материальное воплощение новая фаза развития нашла в появлении новых базисных технологий военного назначения и соответствующих средств вооруженной борьбы, которые возникли как результат реализации прорывных достижений, полученных в фундаментальных и поисковых исследованиях, длительное время

---

[298] См.: *Лумпов В.И.* Указ. раб.; Лумпов *В.И., Карпов В.В*. Указ. раб.; *Amy F*. Woolf. Conventional Prompt Global Strike and Long-Range Ballistic. DOD, 2019; Ballistic Missile Defense Review Report. DOD, 2019.

[299] См.: *Лумпов В.И., Карпов В.В.* Указ. раб.

проводимых DARPA в рамках бюджетных категорий «Развитие научно-технической базы» и «Перспективные военно-технические разработки».

Технологическая фаза развития средств вооруженной борьбы характеризуется следующими особенностями обеспечиваемого стратегического контрсилового потенциала ВС США:

– обеспечение оптимального сочетания стратегических наступательных (СНС) и стратегических оборонительных (СОС) систем вооружения, опирающихся на высокоточные неядерные средства;

– реализация технологии производства оружия селективного поражения техники при минимальном воздействии на людей – так называемые средства нелетального воздействия, а также соответствующего ядерного оружия нового поколения Nuclear Directed Energy Weapons (CN DEW);

– разработка технологии создания высокоточного оружия, поражающего элементы стратегических ядерных сил (СЯС) на различных этапах их функционирования;

– разработка технологии производства контрсиловых систем с использованием элементов искусственного интеллекта.

Принципиально важным результатом развития средств вооруженной борьбы в ходе военно-технологической революции является значительное совершенствование систем разведки, наблюдения и сопровождения целей (RSTA) для обеспечения «информационного превосходства» во время войны.

Одновременно ведется активная разработка так называемых умных управляемых обычных вооружений (PGM). К их числу относят современные противоракетные системы и новые авиационные ракеты большого радиуса действия. Помимо уже достаточно широко известных и примененных в Ираке, Афганистане и Сирии высокоточных боеприпасов заглубленного действия, появляются неядерные средства на новых физических принципах.

Особый упор делается на оснащение их помехозащищенными датчиками, совершенной системой наведения с высокой разрешающей способностью и боеголовками, способными воздействовать на электроэнергетические объекты противника и выводить их из строя. Помехозащищенные датчики призваны обеспечивать устойчивость управления ракетами в условиях активного противодействия, когда широко применяются высокоэффективные средства радиоэлектронной борьбы. Сердцевиной систем высокоточного наведения должны стать так называемые универсальные решатели задач (УРЗ). Эти устройства позволят обеспечить автоматическое распознавание цели – вначале частичное, а впоследствии ничем не ограниченное, полное. При этом ожидается, что точность попадания на дальних дистанциях будет составлять до нескольких метров.

Американские крылатые ракеты начали комплектоваться и принципиально новыми типами боевых частей (БЧ)[300], такими как

[300] См.: *Лумпов В.И., Карпов В.В.* Указ. раб.; *Amy F.* Op. cit.; Ballistic Missile Defense Review Report. DOD, 2019; Global Strike Joint Integrating Concept. DOD, 2005.

«противоэнергетические» (начиненные тонкой медной проволокой или углеродными волокнами) боевые заряды, взрывомагнитные БЧ, при срабатывании которых генерируется мощный электромагнитный импульс (ЭМИ), «выжигающий» радиоэлектронное оборудование противника, и т.п.

В совокупности с противоракетными системами и «умными» управляемыми обычными вооружениями (PGM) комбинация RSTA-PGM является технической основой «оборонной инициативы против ядерного распространения» и включает в себя наступательный (так называемая стратегическая авиационная инициатива) и оборонительный (ПРО территории страны, театра военных действий (ТВД), защита от ограниченных ударов баллистических ракет) компоненты. Таким образом, формируется неядерный компонент (RSTA-PGM) стратегического контрсилового потенциала США, дополняющий средства СЯС и обладающий более широкими возможностями применения, в том числе и в ограниченных региональных конфликтах.

В современных условиях и на дальнейшую перспективу в значительной степени ход и исход вооруженного противоборства будут определять военные действия в воздушно-космической сфере.

Приоритет в достижении военных целей отдается воздушно-космической составляющей вооруженных сил, средствам и системам вооружения, основанным на широком использовании возможностей передовых технологий: разведывательно-ударным комплексам (РУК); высокоточному оружию (ВТО); оружию, созданному на новых физических принципах (ОНФП); средствам дальнего огневого поражения; системам разведки; средствам радиоэлектронной борьбы (РЭБ; в том числе радиоэлектронного поражения); связи и управления.

Основные военные опасности для Российской Федерации в воздушно-космической сфере исходят от иностранных государств, имеющих развернутые в мирное время группировки средств воздушно-космического нападения (СВКН) и способные в короткие сроки нарастить их в районах предполагаемых или продолжающихся военных конфликтов.

В п. 35 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации указано, что усилению военных опасностей и военных угроз Российской Федерации способствуют попытки силового давления на Россию, ее союзников и партнеров, наращивание военной инфраструктуры Организации Североатлантического договора вблизи российских границ, активизация разведывательной деятельности, отработка применения против Российской Федерации крупных военных формирований и ядерного оружия[301].

В Военной доктрине Российской Федерации под *военной опасностью* понимается состояние межгосударственных или внутригосударственных

---

[301] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // Рос. газ. 2021. 3 июля.

отношений, характеризуемое совокупностью факторов, способных при определенных условиях привести к возникновению военной угрозы. Под *военной угрозой* понимается состояние межгосударственных или внутригосударственных отношений, характеризуемое реальной возможностью возникновения военного конфликта между противостоящими сторонами, высокой степенью готовности какого-либо государства (группы государств), сепаратистских (террористических) организаций к применению военной силы (вооруженному насилию). Структурно-системный анализ состояния СВКН ведущих государств мира, их возможностей и перспектив развития, а также военных опасностей и угроз, приведенных в Военной доктрине, позволил уточнить понятия «военная опасность» и «военная угроза» Российской Федерации применительно к воздушно-космической сфере и сформулировать их в следующем виде.

Военная опасность для Российской Федерации в воздушно-космической сфере – потенциальная возможность применения против Российской Федерации сил и средств воздушно-космического нападения (ВКН) иностранных государств, а также возможность использования летательных аппаратов (ЛА) на территории государства для противоправных, провокационных и террористических актов.

Военная угроза Российской Федерации в воздушно-космической сфере – реальная возможность применения против Российской Федерации СВКН иностранных государств, их воздействия на военные объекты и средства, а также противоправные, провокационные и террористические акты на территории государства с использованием летательных аппаратов и баллистических ракет.

Основные военные опасности Российской Федерации в воздушно-космической сфере проявляются в мирное время и характеризуются количественным и качественным составом, состоянием готовности, направлениями и тенденциями развития, способами и формами применения сил и средств ВКН иностранных государств, которые могут быть направлены против Российской Федерации, а также количеством и характеристиками ЛА и БР, которые могут быть использованы для противоправных, провокационных и террористических актов. Основными из них являются.

Количественное и качественное наращивание группировок сил и средств воздушно-космического нападения иностранных государств, которые могут быть применены против Российской Федерации.

Основную военную опасность представляют силы и средства воздушно-космического нападения ОВС НАТО, США и их союзников, которые могут быть применены со всех стратегических воздушно-космических направлений (МБР, БРПЛ, БРСД, КР, БПЛА, стратегическая и оперативно-тактическая авиация).

ВМС США активно проводят работу по дальнейшему совершенствованию тактических авиационных крылатых ракет (КР) в направлении придания им способности автоматического распознавания

целей (режим ATR – Automatic Target Recognition). Указанными системами управления уже оснащена, например, тактическая крылатая ракета Боинг AGM-84H SLAM-ER с дальностью порядка 280 км. По сравнению с режимом автоматического захвата цели (АТА – Automatic Target Acquisition), уже реализованным в ряде авиационных средств поражения, в режиме ATR «картинка» потенциальной цели, получаемая бортовыми датчиками, сравнивается с ее цифровым образом, заложенным в память БЦВМ, что позволяет осуществлять автономный поиск объекта удара, его идентификацию и нацеливание ракеты при наличии лишь приблизительных данных о местонахождении цели.

Развитие СВКН, в том числе КР и БР, ГЗЛА и БПЛА, обеспечивающих и боевых КА (в том числе и многоразовых), способов и форм их применения.

Основными направлениями развития СВКН ведущих государств мира являются:

– развитие КР большой дальности в обычном (безъядерном) и ядерном пониженной мощности вариантах;

– совершенствование МБР и БРСД с целью повышения их возможностей по преодолению систем ПРН и ПРО, оснащение их ОМП (неядерным) и обычным ВВ, а также ядерными зарядами пониженной мощности;

– разработка гиперзвукового летательного аппарата (ГЗЛА) различного предназначения (одно- и многоразовых), в том числе и ударных, оснащаемых боевыми блоками и планирующими головными частями;

– создание ударных космических систем (орбитальных платформ) для поражения различных объектов;

– совершенствование беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) различных типов, в том числе и ударных.

В США одним из приоритетных направлений развития средств воздушного нападения является реализация (в ближней перспективе) программ создания высокоскоростных управляемых ракет (УР) большой дальности для нанесения в кратчайшие сроки массированных, одиночно-избирательных ракетных ударов по наземным и морским критичным по времени целям.

Наряду с разработкой гиперзвукового управляемого оружия (предполагаемого на среднесрочную и долгосрочную перспективу) ведутся исследования по созданию высокоскоростных сверхзвуковых УР (М = 4…4,5), обладающих высокими тактическими свойствами, прежде всего широкими возможностями маневра по высоте и скорости полета, а также эффективностью поражения[302].

В случае если дальность полета указанных ракет будет составлять порядка 1200–1500 км, позиционные районы РВСН, расположенные в европейской части страны, станут потенциальными объектами

[302] См.: *Лумпов В.И., Карпов В.В*. Указ. раб.; *Amy F*. Op. cit.; Ballistic Missile Defense Review Report. DOD, 2019.

для осуществления массированного «быстрого» контрсилового удара («экологически приемлемого») с морских платформ различного вида из прилегающих акваторий Черного, Балтийского и Баренцева морей.

Таким образом, разрабатываемые противником сверхзвуковые УР морского базирования являются существенным дестабилизирующим фактором (военно-технологической угрозой системе сдерживания), что потребует введения в новом Договоре между Российской Федерацией и Соединёнными Штатами Америки (ДСНВ) ограничений на их предельную дальность действия.

В перспективе (до 2025 г.) в США предполагается создать КР большой дальности нового поколения, рассчитанные на полет с большой сверхзвуковой и гиперзвуковой (М=4 и более) скоростью, что должно значительно уменьшить время реакции оружия, а также степень его уязвимости от существующих и перспективных средств ПРО противника вследствие малой радиолокационной заметности[303].

Развертывание системы ПРО США, возможность использования ее элементов для размещения ударных средств.

Создание США и их союзниками глобальной системы ПРО полностью подрывает сдерживание, основанное на взаимном гарантированном уничтожении (ВГУ), и создает условия, когда применение российского ядерного оружия (РЯО) против США и их союзников становится весьма проблематичным, а применение РЯО самими США по другим странам – возможным. Тем самым создаются предпосылки решения любых разногласий или противоречий с любым государством мира с позиции силы или просто силой. Стратегическая национальная система ПРО США создается поэтапно как эшелонированная и многофункциональная система. Она может нарушить основы стратегического баланса между США и Россией и будет способствовать нейтрализации российского ядерного потенциала ответно-встречного (ответного) удара. Ведь одним из основных принципов построения ПРО США является перехват баллистических ракет на активном участке их полета, до момента разделения ГЧ, на траектории полета и у объектов обороны.

Возможность проведения террористических и провокационных актов с применением летательных аппаратов и баллистических ракет.

Представители международного терроризма используют самые слабые

---

[303] См.: *Гончаренко В.И.* Оценка ракетных угроз на основе интерактивного отображения зон досягаемости баллистическими объектами // Стратегическая стабильность. 2011. № 3. С. 41–46; *Он же.* Классификация траекторий летательных аппаратов с помощью методов искусственного интеллекта // Информационно-измерительные и управляющие системы, 2012. Т. 10. № 4. С. 54–60; *Абросимов В.К., Гончаренко В.И.* Многоагентный подход к описанию сценариев воздушно-космической атаки // Вестник Московского авиационного института. 2013. Т. 20. № 2. С. 172–181; *Гончаренко В.И., Горченко Л.Д.* Оценка области расположения конечных точек маршрута гиперзвукового летательного аппарата // Вестник компьютерных и информационных технологий. 2013. № 2. С. 3–5.

места в системе антитеррористической борьбы государств, в том числе и в системе ПВО. Для совершения террористических актов могут использоваться легкомоторные самолеты, которые, оставаясь незамеченными за счет своих малых габаритов и полета на предельно малых высотах, имеют возможность бесконтрольно доставлять к объектам или незаконным вооруженным формированиям взрывчатые вещества или оружие.

Военные угрозы Российской Федерации в воздушно-космической сфере проявляются как в мирное время, так и в период непосредственной агрессии и предопределяются военными опасностями, целями, задачами и действиями средств воздушно-космического нападения иностранных государств по подготовке к нападению на наше государство, а также противоправными, провокационными и террористическими актами на территории нашей страны с использованием летательных аппаратов и баллистических ракет. На основе военных опасностей для Российской Федерации в воздушно-космической сфере были определенны и сформулированы военные угрозы Российской Федерации в воздушно-космической сфере. Основными из них являются.

Угроза нанесения потенциальным противником «обезглавливающего» и «разоружающего» стратегического удара.

Главной целью данного стратегического удара является дезорганизация государственного и военного управления Российской Федерации, уничтожение сил ядерного сдерживания (СЯС) и обеспечение невозможности нанести в ответно-встречном (ответном) ударе стратегическими ядерными (стратегическими наступательными) силами неприемлемого по своим последствиям для руководства государства-агрессора ущерба. Основными задачами этого удара являются поражение центров (пунктов) управления государственного и военного руководства *(«обезглавливающая» составная часть удара*) и уничтожение стратегических ядерных (наступательных) средств *(«разоружающая» составная часть удара*) Российской Федерации.

Общей задачей Вооруженных Сил Российской Федерации для нейтрализации угрозы нанесения потенциальным противником «обезглавливающего» и «разоружающего» стратегического удара является стратегическое сдерживание. Стратегическое сдерживание обеспечивается возможностью нанесения Вооруженными Силами Российской Федерации ответно-встречного (ответного) удара сил ядерного сдерживания неприемлемого по своим последствиям и наносимому ущербу для руководства государства-агрессора.

При решении задачи стратегического сдерживания для нанесения ответно-встречного (ответного) удара стратегическими ядерными (наступательными) силами необходимо время для принятия ВГК России решения на этот удар, доведения соответствующего приказа и других команд и распоряжений до частей и подразделений сил ядерного сдерживания на приведение в готовность и запуск стратегических баллистических ракет

и взлет самолетов дальней авиации. Если такое время верховному главнокомандованию государством не будет предоставлено и решение на ответный удар не будет принято, агрессор сможет нанести стратегический удар по центрам (пунктам) управления государственного и военного руководства и объектам сил ядерного сдерживания и разоружить Россию.

Роль Военно-космической обороны (ВКО) России в обеспечении стратегического сдерживания заключается в своевременном предупреждении Президента Российской Федерации и командования Вооруженных Сил о подготовке и начале воздушно-космического нападения противника для принятия решения на применение сил ядерного сдерживания, а также в демонстрации возможности защиты необходимого количества СЯС (СНС) от «разоружающего» стратегического удара на время, необходимое для их применения.

При этом силы Военно-космической обороны должны решать следующие задачи:

– постоянно вести разведку средств воздушно-космического нападения потенциальных противников, анализировать воздушно-космическую обстановку и своевременно обнаруживать подготовку и начало воздушно-космического нападения (ВКН) противника;

– выдавать информацию государству и вооруженными силами о подготовке и начале воздушно-космического нападения противника;

– демонстрировать возможность защиты необходимого количества СЯС (СНС) от разоружающего стратегического удара на время, необходимое для их применения.

Для своевременного предупреждения Президента Российской Федерации и командования вооруженных сил о подготовке и начале ВКН противника, войска Военно-комической обороны Российской Федерации должны:

– обладать способностью отслеживать подготовку и начало удара СВКН потенциального противника;

– обеспечить время предупреждения военно-политического руководства государства и вооруженных сил о подготовке и начале ВКН противника, необходимое для принятия решения на ответные действия и на их проведение.

Для обеспечения возможности нанесения ответно-встречного (ответного) удара СЯС (СНС), неприемлемого по своим последствиям для руководства государства-агрессора (государств) по наносимому ущербу, войска (силы) и средства ВКО должны обладать способностью защитить необходимое количество СЯС (СНС) от разоружающего стратегического удара на время, необходимое для их применения.

Несанкционированные и провокационные удары межконтинентальных баллистических ракет (МБР) и баллистических ракет средней дальности (БРСД) с целью спровоцировать обмен ракетно-ядерными ударами ведущих ядерных держав.

В связи с распространением во многих государствах ракетных и ядерных технологий повышается вероятность несанкционированных и провокационных пусков МБР или БРСД по странам, обладающим значительным ракетно-ядерным потенциалом, с целью спровоцировать обмен ракетно-ядерный удар между ними. Третья страна, запустив одну-две ракеты по объектам Российской Федерации, может спровоцировать при отсутствии точной информации о стране агрессоре ее ответный РЯУ по основному потенциальному противнику. При этом вероятность возникновения крупномасштабной ядерной войны существенно возрастает.

Анализ показывает, что отдельные страны НАТО, и прежде всего США, в последнее время активизировали работы по созданию средств воздушно-космического нападения (ВКН), траектории полета которых будут находиться на высотах от 35–40 до 100–120 км, а скорости достигнут значений от М = 3...5 до М = 15...20. Благодаря таким средствам, по мнению руководства США, время от момента принятия решения на нанесение удара по назначенным целям до его осуществления составит всего несколько часов. Важно, что на начальном этапе конфликта не потребуется проводить переброску войск (сил) в «горячую точку», тратить значительные средства на организацию воздушных коридоров и аренду аэродромов.

Нейтрализация данной угрозы состоит в повышении порога возникновения всеобщей ядерной войны и обеспечении сохранения объектов, подвергшихся несанкционированному или провокационному удару МБР или БРСД. Решение данной задачи, во-первых, исключает необходимость немедленных ответных действий отечественных СЯС (СНС) при несанкционированных и провокационных пусках ракет других государств и, во-вторых, поднимает порог ответного ядерного реагирования, обеспечивая сдерживание эскалации начатого ядерного конфликта, его перерастание в крупномасштабную ядерную войну.

При этом войска (силы) ВКО должны решать следующие задачи:

– постоянно вести разведку возможных районов запуска БР и направлений их возможного полета, обнаруживать их запуск, полет и уничтожать;

– выдавать информацию вооруженных сил о несанкционированном или провокационном ударе МБР или БРСД страной-агрессором.

Для обеспечения возможности нейтрализовать угрозу провокации обмена РЯУ ведущих ядерных держав и сохранить объекты, подвергшиеся удару МБР или БРСД, силы и средства ВКО должны обладать способностью:

– вскрыть запуски МБР и БРСД и страну (группировку), откуда произведен запуск;

– отразить несанкционированные и провокационные удары МБР, БРСД.

Совершение террористических актов в воздушном пространстве Российской Федерации с использованием летательных аппаратов.

В связи с развитием легкомоторной авиации, дельтапланов, БПЛА повышается вероятность осуществления террористических актов, наркотрафика и контрабанды в воздушном пространстве России с использованием летательных аппаратов. Ведущиеся в США работы в области беспилотных летательных аппаратов (БЛА), особенно так называемых БЛА тяжелого типа, будут иметь в среднесрочном и долгосрочном периоде большой дестабилизирующий эффект и представлять собой одну из серьезных военно-технологических угроз системе стратегической стабильности. По сути, появляется ударное оружие в новом классе вооружений – беспилотных боевых авиационных летательных аппаратов, которые вскоре по своему боевому потенциалу смогут сравняться с уже существующими оперативно-тактическими и стратегическими авиационными и ракетными системами. В сочетании это создаст предпосылки для формирования новой парадигмы в средствах вооруженной борьбы, особенно в контексте перехода к высокоточному оружию.

Автоматические боевые авиационные машины, которые уже разрабатываются DARPA в рамках программы Unmanned Combat Air Vehicle (UCAV), в ближайшем будущем станут важной составляющей наступательного потенциала США. Бортовая аппаратура беспилотного летательного аппарата (БЛА) будет сама распознавать атакуемую цель и даже выбирать ее из компактной группы объектов. Практически речь идет о кибер-бомбардировщике, способным автономно выполнять свою задачу.

Войска (силы) ПВО СВ для нейтрализации данной угрозы должны:

– осуществлять контроль использования воздушного пространства России;

– выявлять и пресекать нарушения использования воздушного пространства Российской Федерации и захвата воздушных судов;

– выявлять и пресекать нарушения летательными аппаратами государственной границы России в воздушном пространстве.

Ведение разведки группировок войск (сил) и объектов вооруженных сил на территории Российской Федерации космическими и воздушными летательными аппаратами иностранных государств.

Противодействие данной угрозе требует непрерывного контроля за положением, назначением и действиями разведывательных космических аппаратов потенциальных противников, их разведывательных летательных аппаратов, включая аэродинамические аэростаты (АДА) и БПЛА. Задачи по определению разведывательных космических аппаратов, их назначения и параметров орбит, а также по выявлению и пресечению при необходимости полетов разведывательных ЛА могут выполнить войска (силы) ВКО, при условии осуществления непрерывного контроля космического и воздушного пространства, в том числе воздушного пространства вблизи государственной границы России. Войска (силы) ВКО для нейтрализации данной угрозы должны:

– осуществлять контроль состава и состояния группировок

космических аппаратов орбитальной группировки потенциальных противников;

– выявлять разведывательные КА, их назначение и параметры орбит;

– обнаруживать, сопровождать и определять типы воздушных разведывательных летательных аппаратов иностранных государств;

– выдавать информацию органам управления ВС о пролетах иностранных разведывательных КА и полетах их воздушных ЛА (в том числе АДА и БпЛА).

Наращивание и (или) изменения в построении космических аппаратов орбитальной группировки потенциальных противников при подготовке ими военного конфликта, а в перспективе и боевых действий в космосе и из космоса.

Для нейтрализации данной угрозы войска (силы) ВКО должны решать следующие задачи:

– вскрывать изменения в составе и построении ОГ (группировок) КА противника (противников) и оценивать ее (их) опасности;

– выдавать информацию ВЗУ государству и вооруженным силам о подготовке ОГ (группировок) КА к обеспечению военного конфликта, а в перспективе и к боевым действиям в космосе и из космоса.

Скрытое воздействие на космические аппараты орбитальной группировки (КА ОГ) России.

Скрытое воздействие на *космические аппараты орбитальной группировки* России следует ожидать при непосредственной подготовке противником военных действий. Реально такое воздействие является военными действиями против ОГ России.

Для нейтрализации данной угрозы необходимо осуществлять следующие меры:

– вскрывать опасные сближения с космическим аппаратом орбитальной группировки России;

– определять факты воздействия на космические аппараты орбитальной группировки России и их характер;

– осуществлять подготовку (решением ВГК) к радиоэлектронному, оптико-электронному (лазерному) поражению (подавлению) аппаратуры КА противника и их огневому поражению;

– выдавать информацию вооруженным силам о воздействии противника на космические аппараты орбитальной группировки России.

Наращивание группировки вооруженных сил, в том числе сил и средств воздушно-космического нападения (СВКН), у границ Российской Федерации в районе проведения учений или обострения военно-политической обстановки (на ТВД).

Наращивание группировок вооруженных сил противника, в том числе СВКН, в приграничных с Российской Федерацией районах может проводиться при обострении военно-политической обстановки, при проведении или под видом проведения учений. При этом противник

может нанести внезапные ракетные удары по критически важным объектам экономики, группировкам и объектам вооруженных сил, объектам инфраструктуры и другим объектам Российской Федерации на ТВД с целью создать общее превосходство в силах, в том числе превосходство в воздухе.

В целях нейтрализации данной угрозы необходимо:

– осуществлять подготовку к отражению ударов СВКН противника по развертывающимся войскам (силам) и другим объектам в районе обострения военно-политической обстановки (на ТВД);

– осуществлять маневр силами и средствами ВКО в район обострения военно-политической обстановки (на ТВД) с других направлений (ТВД).

Анализ военных опасностей для Российской Федерации и военных угроз в воздушно-космической сфере и роли воздушно-космической обороны в их нейтрализации свидетельствует о том, что воздушно-космическая оборона государства является одной из важнейших составных частей (видов) его обороны. Оборона государства организуется для его вооруженной защиты, сохранения суверенитета, целостности и неприкосновенности территории. По своему содержанию оборона государства представляет собой систему государственных (политических, экономических, социальных, правовых) и военных мер. К военным мерам обеспечения обороны государства в воздушно-космической сфере относится воздушно-космическая оборона, назначение которой состоит в обеспечении защиты государства от ударов и других агрессивных действий воздушно-космических сил и средств противника.

Прогноз тенденций развития средств вооруженной борьбы показывает, что в ближайшей перспективе и далее основную военную опасность для России, с точки зрения возможности нанесения удара по войскам и ключевым объектам Российской Федерации, будут представлять, прежде всего, средства воздушно–космического нападения США и их союзников по блоку НАТО, в зоне досягаемости которых находится большое количество жизненно важных объектов нашей страны.

Основополагающими тенденциями, обусловливающими появление новых угроз и вызовов военной безопасности Российской Федерации в воздушно-космической сфере, будут являться:

– полномасштабное развертывание глобальной национальной системы ПВО-ПРО США на Северо-Американском континенте и в космосе, размещение её элементов в Европе, Центральном и Ближнем Востоке, в акваториях Северного Ледовитого и Тихого океанов, Японского моря;

– возрастание боевого потенциала и многоцелевого использования перспективных систем и средств, основанных на модульных принципах их построения и использующих новые физические принципы действия;

– широкое внедрение информационных технологий, реализующих принципиально новый уровень интеграции боевых и обеспечивающих систем различного назначения, что позволит вероятному противнику не только эффективно осуществлять сбор, обработку, использование

и защиту информации, но и противодействовать подобным действиям противника;

– роботизация и внедрение элементов искусственного интеллекта, постепенно изменяющих роль и место человека в системах вооруженной борьбы;

– приближение группировок сил и средств воздушно–космического нападения к границам Российской Федерации путем создания новых военных баз в восточной Европе и Центрально-Азиатском стратегическом районе и освоение районов боевого патрулирования в новых акваториях Мирового океана (Арктика);

– увеличение мобильности сил и средств ведения вооруженной борьбы из-за возрастания возможностей военно-транспортной авиации по оперативной переброске войск и сил на любой театр военных действий;

– создание перспективных средств нападения типа гиперзвуковых летательных аппаратов (ГЗЛА), разведывательно-ударных беспилотных летательных аппаратов, оружия, действующего на новых физических принципах и увеличение их доли и роли в решении всего спектра разведывательных, ударных и специальных задач.

Таким образом, вследствие особенностей развития и расположения России, военные угрозы ее безопасности из воздушно-космической сферы приобретают системный характер. Потенциальные угрозы воздушно-космического нападения на Российскую Федерацию, высокая эффективность боевого применения СВКН ведущих государств – членов блока НАТО и США, других государств, обладающих ракетным вооружением, обусловили в Вооруженных Сил Российской Федерации объективную необходимость интеграции всех сил и средств, способных вести борьбу со средствами воздушно–космического нападения. На современном этапе задача обеспечения военной безопасности в воздушно-космическом пространстве решается Воздушно-космическими силами Российской Федерации, которым отводится ведущая роль в обеспечении военной безопасности в воздушно-космическом пространстве.

Анализ взглядов военно-политического руководства США, ведущих европейских стран на роль и место вооруженного противоборства в воздушно-космической сфере в достижении военно-стратегических целей возможных военных конфликтов показывает, что в перспективе данный вид противоборства будет определяющим и наиболее эффективным. При этом значение воздушно-космической сферы в достижении целей войн с течением времени будет возрастать, а соотношение возможностей воздушно-космических сил противоборствующих сторон в будущих войнах будет определяющим фактором исхода вооруженного противостояния.

Ускоренное развитие средств воздушно-космического нападения, милитаризация космического пространства, приводят к нарастанию воздушно-космической угрозы и необходимости принятия адекватных мер со стороны Российской Федерации.

3.5. Вызовы и угрозы в космическом пространстве

Общемировой тенденцией современной космической деятельности стало ее бурное развитие. Космическую деятельность активно развивают более ста стран: пятая часть из них обладает потенциалом для самостоятельной разработки и производства космической техники, запуска космических аппаратов собственными или арендуемыми носителями. В ближайшие годы развитие и использование космических средств будет вносить значительный вклад в мощь и экономический уровень практически всех стран мира, обеспечивая им требуемый уровень национальной безопасности, глобальное информационно-телекоммуникационное пространство, мониторинговое, топогеодезическое и навигационное поля, широкий спектр самых разнообразных данных об окружающем пространстве, а также ускоренное внедрение в повседневную практику самых прогрессивных технологий. При этом постоянно возрастает роль космоса и в решении прикладных задач.

Космическими программами сегодня располагают не только Россия и США, но и другие страны (Канада, Великобритания, Германия, Франция, Китай, Индия, Израиль). При этом самостоятельное геополитическое значение приобретают задачи противодействия военно-политическим и технологическим вызовам (создающим угрозы в космосе и из космоса), включая демонстрацию своих возможностей в этой стремительно развивающейся сфере политического, информационного и вооруженного противоборства. Создание и развертывание в околоземном космическом пространстве крупномасштабных орбитальных группировок, размещение космических средств, способных решать специальные задачи, появление в космосе элементов оперативного оборудования — все это реальные предпосылки того, чтобы космическое пространство приобрело характерные черты новой сферы вооруженной борьбы, которая в некоторых источниках называется «космическая зона» [304].

«Космическая зона» представляет собой околоземное космическое пространство, в пределах которого размещаются, функционируют, решают специальные задачи орбитальные группировки космических систем и комплексов специального назначения.

В ряде источников «космическая зона» условно делится на три зоны: ближнюю, среднюю и дальнюю. В ближней развертываются и функционируют орбитальные группировки космических систем дистанционного зондирования Земли (ДЗЗ), связи, морской навигации, контроля космического пространства, геодезии, в средней – космические аппараты систем радионавигации и в дальней – системы обнаружения пусков баллистических ракет, связи и боевого управления, ретрансляции и передачи данных, ДЗЗ и гидрометеорологии.

---

[304] См.: *Васильев Ю.* Взгляды ведущих стран НАТО на использование космоса в военных целях // Зарубежное военное обозрение. 2016. № 1. С. 62–68.

Интенсивное внедрение современных информационных технологий в военную сферу привело к существенному ускорению процесса перевооружения армий ведущих государств мира с ударных на информационно-ударные системы оружия (ИУСО)[305]. Наиболее эффективно этот процесс происходит у государств, которые имеют хорошо развитую космическую инфраструктуру (США, Китай, Франция, Индия, Япония) и способны самостоятельно наращивать свое присутствие в космосе. Это привело к разработке и натурной отработке новых оперативно-стратегических концепций применения перспективных вооружённых сил, обеспечивающих достижение глобального информационно-ударного превосходства посредством космоса, информации и оружия.

Можно с уверенностью предположить, что главным содержанием войн будущего будет одновременное и массированное воздействие на противника с земли, воздуха, моря и космоса. Это позволит обеспечить внезапность, дезориентировать обороняющуюся сторону, а воздействие практически на все ключевые объекты противника будет способствовать быстрому нарушению оперативной устойчивости его обороны и повышению эффективности наступательных действий[306].

В действующей редакции Военной доктрины Российской Федерации конкретизированы следующие внешние военные опасности:

– наращивание силового потенциала Организации Североатлантического договора (НАТО), приближение военной инфраструктуры группировок средств воздушно-космического нападения стран – членов НАТО к границам Российской Федерации;

– создание и развертывание систем стратегической противоракетной обороны, подрывающих глобальную стабильность и нарушающих сложившееся соотношение сил в ракетно-ядерной сфере, реализация концепции «глобального удара», намерение разместить оружие в космосе, а также развертывание стратегических неядерных систем высокоточного оружия;

– распространение оружия массового поражения, ракет и ракетных технологий;

– реализация концепции «глобального удара», развёртывание стратегических неядерных систем высокоточного оружия;

– намерение разместить оружие в космосе.

При определённых условиях указанные факторы могут способствовать формированию такого состояния межгосударственных отношений, которое представляет определённую военную угрозу и может привести к реальной возможности возникновения военного конфликта.

---

[305] См.: Информационно-ударная система оружия (ИУСО). [сайт] mil.ru. – URL: https://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/details_rvsn.htm?id=13185@morfDictionary (дата обращения 27.11.2021).

[306] См.: *Васильев Ю.* Указ. раб.; *Седов Д.* Деятельность США в космической области // Зарубежное военное обозрение. 2019. № 5.С. 3–9.

В настоящее время и в перспективе до 2030 года потенциальными военными опасностями и угрозами в воздушной сфере и средствам коллективной защиты являются:

– наращивание силового потенциала Организации Североатлантического договора (НАТО), приближение военной инфраструктуры группировок СВКН стран-членов НАТО к границам Российской Федерации, в том числе путем дальнейшего расширения блока;

– развертывание стратегических неядерных систем высокоточного оружия, гиперзвукового оружия, оружия на новых физических принципах и боевых КС;

– милитаризация космического пространства, закрытость отдельных результатов космической деятельности, борьба за пространственный и частотный ресурс в стратегической космической зоне, использование в перспективе космических платформ для нанесения ударов из космоса;

– непрерывное совершенствование и приоритетное развитие ведущими в военном отношении иностранными государствами средств воздушно-космического нападения, оборонительных и обеспечивающих систем;

– создание новых типов высокоточного оружия, ядерного оружия, других видов оружия массового уничтожения, соответствующих средств доставки и их размещение в космическом пространстве, а также высокая вероятность их неконтролируемого распространения;

– возрастание опасности ракетного нападения со стороны иностранных государств с непрогнозируемой внутренней военно-политической обстановкой, а также возможность применения ими оружия массового уничтожения и средств воздушно-космического нападения;

– полномасштабное развертывание глобальной системы ПРО США на североамериканском континенте и в космосе, её элементов в Европе, Центральном и Ближнем Востоке, в акваториях Северного Ледовитого и Тихого океанов, Японского моря;

– создание и концептуальная проработка новых средств нападения из космоса и противодействия орбитальной группировке КА;

– воспрепятствование доступа Российской Федерации в космическое пространство;

– достижение противником превосходства в информационной сфере за счет широкого применения КС и комплексов различного назначения, а также поражения (функционального подавления) отечественных КС;

– многократное превосходство информационных возможностей КС и комплексов военного и двойного назначения, их многозадачность и комплексное использование, а также способность к их оперативному развертыванию (восполнению)[307].

[307] См.: Военная доктрина Российской Федерации. [сайт] kremlin.ru. – URL: http://www.kremlin.ru/supplement/461) (дата обращения 27.11.2021).

Содержание основополагающих положений политики США в части военно-космической деятельности заключается в следующем[308]:

– космос – это такая же среда, как суша, море и воздух, в которой возможно проведение самостоятельных военных операций;

– возможность свободного доступа в космос и использование его без ограничений являются одним из жизненно важных интересов США;

– преднамеренное противодействие американским КС рассматривается как нарушение суверенных прав. В этом случае США имеют право предпринимать все необходимые меры самообороны, в том числе применять силу;

– доступ в космос и его использование рассматриваются как критически необходимое условие для установления и удержания господства на поле боя и информационного превосходства, необходимого для достижения успеха в военных операциях.

Взгляды военно-политического руководства США на освоение и использование космического пространства в целях обеспечения национальной безопасности закреплены в базовых концептуальных документах вооруженных сил США. Согласно «Национальной космической стратегии», в космическом пространстве решаются следующие задачи:

– достижение безусловного информационного превосходства в космосе – первоочередная задача применения космических сил и средств;

– недопущение использования противником космической связи, сигналов точной навигации, разведывательных, метеорологических и других данных, получаемых с помощью собственных или иностранных (международных) космических средств;

– проведение противокосмических операций (поражение или нейтрализация КС или наземных критически важных объектов противника) по схемам «земля – космос», «космос – космос» и «космос – земля»[309].

В концептуальных и руководящих документах, к которым относятся Директива министерства обороны США 3100.10 от 9 июля 1999 г., «Космическая политика», «Объединенная доктрина для космических операций» в редакции 2002, 2009 и 2013 гг., а также Наставление Комитета начальников штабов ВС США JP 3-14 «Космические операции» в редакции от 26 октября 2020 г., определяется система форм применения космических

---

[308] См.: *Васильев Ю.* Указ. раб.; *Седов Д.* Указ. раб.; *Волков С.* Космос как поле для битвы. Ч. 1. Воздушно-космическая оборона. vko.ru. 05.05.2008. – URL: http://www.vko.ru/koncepcii/kosmos-kak-pole-dlya-bitvy-1 (дата обращения 27.11.2021); *Малов А.* Существо ключевых положений космической политики США 1996 года. Центр военно-политических исследований. 04.03.2014 г. – URL: http://eurasian-defence.ru/?q=node/29822 (дата обращения 27.11.2021).

[309] См.: *Васильев Ю.* Указ. раб.; Седов Д. Указ. раб.; *Волков С.* Указ раб.; *Малов А.* Указ. раб.; Joint Publication 3–14. Space Operations. 10 April 2018. Incorporating Change 1. 26. October 2020. fas.org. 2020. – URL: https://fas.org/irp/doddir/dod/jp3_14.pdf (дата обращения 25.11.2021); *Морозов И., Баушев С., Каминский О.* Космос и характер современных военных действий // Воздушно-космическая оборона. 2009. № 4. С. 23–32.

сил и средств противника для решения задач в интересах обеспечения применения группировок войск (сил)[310]. Определены два вида космических операций: наступательная и оборонительная.

Цель наступательных космических операций определяется как уничтожение или нейтрализация КС или средств противника, а также прекращение доступа к обеспечиваемой ими или через них информации. Достижение этой цели планируется осуществлять различными способами, основными из которых являются внесение преднамеренных искажений в циркулирующие через космические силы противника информационные потоки, временное нарушение функционирования, снижение эффективности боевого применения или уничтожение компонентов, принадлежащих ему космических сил, а также лишение его возможности доступа к этим системам.

Согласно оценкам руководства вооруженными силами США, наиболее вероятным способом воздействия в ходе наступательной космической операции будет нанесение авиационных, ракетных и артиллерийских ударов по наземным элементам космической инфраструктуры противника. Однако предусматривается также возможность проведения космических операций по схемам «земля – космос», «космос – космос» и «космос – земля». В связи с этим в документе «Космические операции» специально подчеркивается, что создание и развертывание вооружений, предназначенных для применения по указанным схемам, являются важнейшими факторами, обеспечивающими национальные интересы.

К оборонительным космическим операциям отнесены активные и пассивные мероприятия, направленные на защиту космических сил США от ударов противника или его попыток нарушить порядок их функционирования. В ходе активных космических операций планируется проводить действия по обнаружению, сопровождению, идентификации и уничтожению или нейтрализации атакующих средств противника. Не исключается также возможность осуществления маневрирования космических аппаратов в целях увода их от потенциального воздействия, использования средств радиоэлектронной борьбы, а также развертывания наземной сети высокомобильных коммуникационных терминалов, параметры уязвимости которых намного выше, чем у стационарных.

В целях наращивания усилий по всестороннему развитию возможностей Соединенных Штатов, обеспечивающих их доминирование и свободу действий в космосе 30 июня 2017 года Президент США подписал указ о воссоздании Национального космического совета (НКС), который был учрежден в 1989 году и действовал до 1993 года.

---

[310] См.: *Васильев Ю.* Указ. раб.; *Седов Д.* Указ. раб.; Волков С. Указ раб.; *Малов А.* Указ. раб.; Joint Publication 3–14. Space Operations. 10 April 2018. Incorporating Change 1. 26. October 2020. fas.org. 2020. – URL: https://fas.org/irp/doddir/dod/jp3_14.pdf (дата обращения 25.11.2021); *Морозов И., Баушев С., Каминский О.* Указ. раб.

Первоочередными задачами вновь сформированного органа стали выработка рекомендаций для реализации скоординированной политики США в области использования космического пространства и разработка национальной космической стратегии.

При решении задач подготовки, выведения, развертывания и построения орбитальных средств целевых КС в стратегической космической зоне в иностранных государствах сформировались типовые способы применения космических сил и средств – совокупность принятых приемов, порядка и режимов функционирования космических сил и средств.

В вооруженных силах США при разработке перспективных автоматизированных информационно-ударных систем внедряются современные технологии функционального объединения возможностей средств информационного обеспечения и ударных комплексов посредством создания единой информационно-управляющей инфраструктуры. В подобных информационно-ударных системах (контурах) орбитальные средства являются космическим сегментом технической основы автоматизированных систем военного назначения, предназначенных для управления группировками войск (сил) и ВТО, решения задач стратегической ПРО и поражения критически важных объектов космической инфраструктуры противника.

НАТО впервые в своей истории разработал космическую стратегию[311]. Об этом сообщил на своей странице в Твиттере генеральный секретарь альянса Йенс Столтенберг. Он пояснил, что стратегия будет направлена на выработку общего понимания угроз и вызовов среди членов организации.

В НАТО полагают, что в будущем военные конфликты могут решаться в том числе и в космосе – например, через нападение на стратегически важные спутники или применение оружия в космосе.

Альянс стал уделять космической сфере пристальное внимание с 2018 года. В мае был принят курс на поддержку операций НАТО в космической области. В соответствии с этим впервые космический компонент был официально интегрирован в учения «Трайдент джанкче-2018», проходившие в октябре–ноябре в Норвегии. Поводом для усиленного внимания к космосу стал тот факт, что НАТО все больше зависит от техники, применяемой в безвоздушном пространстве. Через спутники осуществляется связь в ходе военных операций, они также используются для расследований и шпионажа, а также для работы навигационных систем. С другой стороны, это означает, что нападения на КА, принадлежащие странам НАТО, могут ограничить их обороноспособность. Кроме того, атаки на спутники в случае войны позволят парализовать часть общественной жизни.

Кратко охарактеризуем основные КС, представляющие угрозы безопасности России в космическом пространстве.

---

[311] См.: Североатлантический союз разработал космическую стратегию // Зарубежное военное обозрение. 2019. № 9. С. 76–77.

Важным аспектом является развертывание многоспутниковых группировок малых КА. Принятие руководством США ряда решений (президентской директивы PDS-3, National Security Presidential Directive 27, National Security Space Strategy-2011) вызвало появление новых космических фирм по разработке и производству инновационных КА дистанционного зондирования земли (ДЗЗ) и передачи данных[312].

Так, например, в интересах создания перспективной системы боевого управления и наблюдения ABMS (Advanced Battle Management and Surveillance), которой потребуются высокая пропускная способность передачи данных и большое количество сенсоров, разворачивается группировка из тысяч малых космических аппаратов. Компания Илона Маска разработала многоразовые средства выведения в космос полезных нагрузок для развертывания многоспутниковых группировок на основе сверхмалых КА: Starlink (широкополосная передача данных) и Planet Labs (ДЗЗ).

Развертывание глобальной спутниковой системы «Starlink», разворачиваемой компанией SpaceX для обеспечения высокоскоростным широкополосным доступом в Интернет, позволит обеспечить каналы передачи данных с заявляемой суммарной пропускной способностью до 1 терабит/с[313].

Примером возможности достижения глобального информационно-ударного превосходства в скором времени может послужить Национальная система ПРО США. Представляется, что данная система при ее окончательном развертывании превратится в систему систем оружия, способную в соответствии с замыслом решать две взаимосвязанные задачи:

– эффективное слежение и последующее поражение всего спектра носителей тактических, оперативно-тактических и стратегических баллистических средств ведения вооруженной борьбы до проведения ими пусков;

– поражение стартовавших баллистических средств, ушедших из-под удара, на всех участках полета к цели[314].

Программа «Экспериментальная спутниковая система» предусматривает разработку и создание КА-инспекторов. Их задачами являются визуальное инспектирование и фотографирование объектов на орбите. В рамках этой программы разработаны и построены два космических аппарата: XSS-10 и XSS-11.

Программа «Автономный наноспутник для охраны локального космического пространства» (ANGELS – Autonomous Nano satellite Guardian

---

[312] См.: *Занин К.А., Клименко Н.Н., Москатиньев И.В.* Современные космические аппараты дистанционного зондирования Земли // Воздушно-космическая сфера. 2020. № 3. С. 90–101.

[313] См.: *Палицын А.Б., Жиленко Д.Б.* Анализ традиционных и перспективных задач системы воздушно-космической обороны России: проблемы и пути их решения // Военная мысль. 2020. № 9. С. 6–17.

[314] См.: *Лата В.Ф., Мальцев В.В*. Система систем: Информационно-ударное оружие // Индекс безопасности. 2007. № 3 (83). С. 101–119.

for Evaluating Local Space), разрабатывается с осени 2005 года исследовательской лабораторией ВВС США. Программа предусматривает создание на базе автономных нано-КА оборонительного противоспутникового комплекса. В арсенале спутников типа ANGELS предусматривается широкий спектр методов воздействия на КА противника.

Проектом агентства ПРО «Испытательная платформа перехватчика космического базирования» (SBITB – Space Based Interceptor Test Bed) изучается возможность создания средств космического базирования для поражения баллистических ракет. Преимуществами кинетического перехватчика космического базирования считается возможность быстрого поражения баллистических ракет до начала разведения боевых блоков, а также уничтожения низкоорбитальных КА.

По программе «Противокосмические системы» разрабатывались мобильная система радиоэлектронного подавления спутниковой связи ККС (CCS – Counter Satellite Communications System) и система быстрого распознавания, обнаружения и оповещения о нападении на КА РЭЙДРС (RAIDRS – Rapid Attack Identification Detectionand Reporting System).

На базе оптико-электронного комплекса «Старфайр» ведутся работы по созданию оружия направленной энергии, а также научно-исследовательские разработки мощных противокосмических и противоракетных лазеров наземного базирования[315].

Анализ возможностей США позволяет сделать вывод, что к 2025 году они могут иметь высокоточные непилотируемые средства поражения (главным образом воздушного и морского базирования) в таком количестве, которого вполне хватит для проведения в течение 30 суток (до 60 суток – к 2030 г., до 90 суток – после 2040 г.) непрерывной бесконтактной стратегической воздушно-космической операции против сильного в военном отношении государства в любом регионе планеты. Представляется, что тенденции к повышению потенциала тяжелых БЛА таковы, что в обозримом будущем этим машинам будет по силам доставлять в заданные районы мира системы обнаружения старта и полета баллистических ракет, а также гиперзвуковые противоракеты воздушного базирования.

Военно-космическая деятельность США направлена на достижение безусловного превосходства в использовании космического пространства для решения задач обороны и безопасности путем организации и проведения специальных действий (операций) оборонительного и/или наступательного характера. Особенно важно учитывать стремление США интегрировать в рамках концепции глобального партнерства возможности военных, коммерческих, научных и международных КС в интересах решения в космосе военно-прикладных задач[316].

---

[315] См.: *Марчук С.И., Раскин А.В., Таразевич С.Е., Тарасов И.В.* Анализ развития состава орбитальных группировок США на период до 2025 года // Стратегическая стабильность. 2014. № 4. С. 68–71.

[316] См.:*Палицын А.Б., Жиленко Д.Б.* Указ. раб.; *Лата В.Ф., Мальцев В.В*. Указ. раб.

Информационно-технический анализ состояния разработки в США соответствующих базовых военных технологий дает основания сделать вывод, что достигнутый американцами уровень технологической готовности в каждой области исследований позволяет успешно реализовывать программы создания гиперзвукового управляемого оружия большой дальности со скоростями полета, соответствующими числам М = 7...8.

Реализация планов создания гиперзвуковых управляемых ракет различных классов позволит США иметь на вооружении качественно новые системы высокоточного оружия, обладающие высокой боевой эффективностью, универсальностью применения и малой уязвимостью от средств ПВО. Такие ударные летательные аппараты и управляемое авиационное вооружение, способные выполнять полет с крейсерскими скоростями более 6,5 тыс. км/ч на высотах более 30–45 км, обладающие малой зависимостью от метеоусловий и времени суток, будут иметь по сравнению с современными образцами вооружения существенные боевые преимущества.

Интенсивные шаги в направлении военного освоения космоса предпринимает и Китай: наряду с созданием группировок космической разведки, связи, боевого управления и ретрансляции, глобальной навигации и метеообеспечения (численностью в десятки КА), освоением новейших телекоммуникационных технологий (квантовая связь), созданием тяжелых ракет-носителей, а также реализацией собственной пилотируемой и лунной программы, не исключающей решения военно-прикладных задач, военные Китая провели несколько испытаний, если не противоспутникового оружия, то его прототипов. Решение Центрального военного совета Китая 2015 года создать в рамках самостоятельной видовой структуры – Сил стратегической поддержки НОАК – боевых КС, объединяющих средства поражения, радиоэлектронной борьбы, управления, связи, разведки, наблюдения и навигации, не оставляет сомнений в замыслах китайского военно-политического руководства относительно роли космоса в геополитике ближайшего будущего.

Необходимо отметить, что противоспутниковое оружие разрабатывается не только сверхдержавами. В марте 2020 года Индия провела реальные испытания противоспутникового комплекса. Баллистическая ракета-перехватчик «Shakti Mission», созданная индийской Организацией оборонных исследований и разработок, уничтожила свой функционирующий спутник на низкой (300 км) орбите[317]. Можно также с уверенностью прогнозировать появление качественно новых видов и систем вооружения и военной техники, которые могут к 2030–2035 гг. полностью изменить характер войн и вооруженных конфликтов.

Таким образом, космическое пространство предоставляет уникальные возможности по ведению разведки удаленных территорий, обеспечению связи, боевому управлению, навигации, картографированию, метеообеспечению, решению других задач в глобальном масштабе

[317] См.: *Палицын А.Б., Жиленко Д.Б.* Указ. раб.

в реальном времени. В связи с этим космос становится сферой столкновения национальных интересов различных государств, инициирующих передел сфер влияния в средствах коллективной защиты. Этот процесс сопровождается активными попытками вытеснить Россию из такого стратегически важного пространства. Наибольшую активность в области милитаризации космоса проявляют США, руководство Вооруженных Сил рассматривает космические средства в качестве важнейших стратегических инструментов, обеспечивающих военное ведомство страны, командование различного уровня и разведывательные органы данными предупреждения о ракетном нападении, а также возможностью осуществлять эффективное боевое управление вооруженными силами в глобальном масштабе[318].

К основным задачам Российской Федерации по сдерживанию и предотвращению военных конфликтов, противодействию попыткам отдельных государств (групп государств) относят[319]:

– формирование механизмов взаимовыгодного двустороннего и многостороннего сотрудничества в противодействии вероятным ракетным угрозам, включая при необходимости создание совместных систем ПРО с равноправным российским участием;

– противодействие попыткам отдельных государств (групп государств) добиться военного превосходства путём развёртывания систем стратегической ПРО, размещения оружия в космическом пространстве, развёртывания стратегических неядерных систем высокоточного оружия;

– заключение международного договора о предотвращении размещения в космическом пространстве любых видов оружия;

– согласование в рамках ООН элементов нормативного регулирования безопасного осуществления космической деятельности, включая безопасность операций в космическом пространстве в их общетехническом понимании.

Состояние военно-космической деятельности Российской Федерации должно отвечать потребностям эффективного реагирования на опасности и угрозы современного мира, опираясь при этом на:

– положения, констатирующие внешнюю военную опасность, вызванную намерением вероятного противника разместить оружие в космосе, а также использовать информационные и коммуникационные технологии в военно-политических целях;

– основные военные угрозы, среди которых – нарушение функционирования систем предупреждения о ракетном нападении и контроля космического пространства; массированное применение средств радиоэлектронной борьбы; оружия на новых физических принципах; одновременное воздействие в глобальном информационном и воздушно-космическом пространствах; усиление централизации управления войсками

---

[318] См.: *Васильев Ю.* Указ. раб.

[319] См.: Военная доктрина Российской Федерации. [сайт] kremlin.ru. – URL: http://www.kremlin.ru/supplement/461) (дата обращения 27.11.2021 г.).

и оружием в результате перехода от строго вертикальной системы управления к глобальным сетевым автоматизированным системам;

– заключение международного договора о предотвращении появления в космосе любых видов оружия и согласование в рамках ООН элементов нормативного регулирования безопасного осуществления космической деятельности; укрепление потенциала Российской Федерации в области мониторинга объектов и событий в околоземном пространстве;

– создание новых образцов вооружения и военной техники, систем связи, разведки и управления; формирование системы противодействия космическим средствам, базовых информационно-управляющих систем и их интеграцию с системами оружия и комплексами средств автоматизации органов управления – от оперативно-стратегического до тактического масштаба.

Сегодня Воздушно-космические силы являются одними из самых мощных, высокотехнологичных и манёвренных составляющих современных Вооруженных Сил Российской Федерации. От их боеготовности, технической оснащённости напрямую зависит надёжная защита России от воздушно-космического нападения, поддержание стратегического паритета.

Президент России В.В. Путин, выступая 1 ноября 2021 г. на совещании с руководящим составом Министерства обороны и предприятий оборонно-промышленного комплекса отметил, что за последние годы возможности российских Вооружённых Сил в сфере воздушно-космической обороны заметно возросли. Эффективно действует система предупреждения о ракетном нападении, где два её компонента – орбитальная группировка спутников и наземные РЛС – гарантированно выявляют пуски баллистических ракет, своевременно определяют их параметры и оповещают центры боевого управления войск. В рамках госпрограммы вооружения за последние годы в войска поставлены зенитные ракетные комплексы С-400 и современные истребители, проведена модернизация комплексов С-300 и летательных аппаратов. Все это существенно повысило эффективность прикрытия важнейших объектов военной и промышленной инфраструктуры[320].

На проведенном совещании главой государства была поставлена задача по совершенствованию системы воздушно-космической обороны в целях отражения удара разрабатываемых в ведущих странах перспективных средств нападения, обладающих высокими скоростными характеристиками. Причиной этому стала растущая интенсивность полётов авиации НАТО вблизи России, появление в акватории Балтийского и Чёрного морей кораблей Альянса с управляемым ракетным оружием, размещение США ракет средней дальности в Европе, что представляет для Российской Федерации большую опасность и угрозу.

---

[320] Совещание с руководством Минобороны и предприятий ОПК в Сочи. – URL: http://kremlin.ru/events/president/news/67051 (дата обращения 05.11.2021 г.).

Особое внимание, по мнению В.В. Путина, следует уделять развитию централизованной системы управления воздушно-космической обороной, интеграции в единое информационное пространство подсистем разведки и предупреждения воздушно-космического нападения, развёртыванию перспективных космических средств. Кроме того, предприятиям ОПК необходимо нарастить темпы разработки современного вооружения для воздушно-космической обороны, в сжатые сроки наладить их серийное производство с использованием отечественной элементной базы.

Основной целью военно-космической деятельности России на долгосрочную перспективу необходимо считать сохранение независимости страны в военно-прикладном использовании космоса за счет создания и эффективного применения целостной, функционально интегрированной в войска системы космического вооружения. Система должна реализовывать оперативные возможности космических сил и средств, гарантирующих обеспечение обороны и безопасности, при условии поддержания материально-технической базы ракетно-космической промышленности и ориентированного ее развития на импортозамещение и отечественные инновационные технологии.

К приоритетам военно-космической деятельности России относятся такие направления сосредоточения усилий государства, которые позволят гарантированно обеспечить достижение цели военно-космической деятельности. В числе таких приоритетов:

– дальнейшая централизация военно-космической деятельности в структуре органов военного управления стратегического уровня, отвечающая ее явно выраженному межвидовому характеру;

– возврат к системному подходу в вопросах создания средств космического вооружения (система космического вооружения) и их применения (военно-космическая концепция). В кратчайшие сроки необходимо определить и реализовать переход к передовым цифровым, интеллектуальным роботизированным производственным технологиям, новым материалам и способам конструирования, средствам обработки больших объемов данных, машинного обучения и искусственного интеллекта, современным технологиям прогнозного моделирования КС и комплексов;

– оперативное оборудование стратегической космической зоны и поддержание (развитие) космической инфраструктуры, обеспечивающей гарантированное и эффективное применение космических средств военного и двойного назначения;

– обеспечение гарантированного доступа России в космическое пространство со своей территории, развитие орбитальных группировок различного назначения, создание и внедрение космических технологий в интересах обороны страны и обеспечения безопасности[321].

---

[321] См.: *Подберёзкин А.И., Жуков А.В.* Оборона России и стратегическое сдерживание средств и способов стратегического нападения вероятного противника //

Учитывая вышеизложенное, к основным задачам Российской Федерации по сдерживанию и предотвращению военных конфликтов в космическом пространстве необходимо отнести следующие задачи:

– противодействие попыткам отдельных государств (групп государств) добиться военного превосходства путем развертывания систем стратегической противоракетной обороны, размещения оружия в космическом пространстве, развертывания стратегических неядерных систем высокоточного оружия;

– заключение международного договора о предотвращении размещения в космическом пространстве любых видов оружия;

– согласование в рамках ООН элементов нормативного регулирования безопасного осуществления космической деятельности, включая безопасность операций в космическом пространстве в их общетехническом понимании.

Тенденции военно-космической деятельности зарубежных стран в космосе и из космоса привели к ситуации, когда на первый план выходит задача сдерживания стратегических угроз военного характера, постепенно перемещающихся в воздушно-космическую и информационную сферы. Эффективное решение этой задачи, включая поддержание отечественной орбитальной группировки (в первую очередь особо важных КА) и наземной составляющей космической инфраструктуры, становятся долгосрочными приоритетами отечественной военно-космической стратегии. Ключевая роль в реализации такой стратегии принадлежит космическим войскам в составе Воздушно-космических сил Минобороны России.

Вестник МГИМО. 2018. № 6 (63). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/oborona-rossii-i-strategicheskoe-sderzhivanie-sredstv-isposobov-strategicheskogo-napadeniya-veroyatnogo-protivnika (дата обращения 07.06.2021); *Иванов В.Л., Голованев И.Н., Макаров М.И., Щербаков Н.Б.* Космос – сфера вооруженной борьбы. М: НИИ КС, 2019; Романов *А.А., Черкас С.В.* Перспективы развития космических войск Российской Федерации в условиях современных тенденций военно-космической деятельности // Военная мысль. 2020. № 9. С. 35–44; *Аксёнов О.Ю., Третьяков Ю.Н*. Россия и США: концептуальные подходы к ядерному сдерживанию // Военная мысль. 2020. № 9. С. 18–27; *Иванов В.Л., Макаров М.И., Голованёв И.Н.* Основные тенденции военно-космической деятельности на современном этапе // Воздушно-космическая сфера. 2020. № 3. С. 72–81.

3.6. Вызовы и угрозы в киберпространстве

В конце XX – начале XXI вв. в системе обеспечения национальной безопасности любого государства существенно возросла роль информационной сферы, особенно ее важнейшей составляющей – киберпространства и соответствующих сил, средств и технологий. Появление киберпространства способствовало дальнейшему активному развитию всех сфер государственной, общественной и личной жизни.

Военно-политическое руководство ведущих зарубежных государств – США, Китая, Великобритании, Германии, Франции, Италии, Турции и др. – считает, что киберпространство уже в ближайшей перспективе станет одной из сфер, в которой будут достигаться стратегические государственные, в том числе и военные цели. При этом, осознавая растущую зависимость исхода межгосударственного противоборства от эффективности действий в данной области, планируется уделять приоритетное внимание наращиванию соответствующих возможностей, специально созданных для этого военных и гражданских структур, в т.ч. в рамках системы обеспечения национальной безопасности.

Установлено, что помимо организационно-штатных мероприятий, в современных армиях мира разрабатываются доктрины кибервойн (ведение боевых действий в киберпространстве), формулируются и/или уточняются национальные стратегии действий в данной сфере[322], разрабатывается кибероружие, создаются полигоны для его испытаний. При этом вырабатываются механизмы принятия решений по применению киберсредств (компьютеров с их аппаратно-программными и сетевыми ресурсами) в военных конфликтах и операциях мирного времени.

Анализ руководящих документов по применению сил кибероперций ведущих зарубежных государств подтверждает факт признания специалистами того, что последствия любой кибероперации будут носить глобальный характер, исходя из природы достигаемых ею эффектов, затрагивающих интересы противоборствующей стороны на стратегическом, оперативном и тактическом уровне и оказывающих воздействие на противника во всех сферах. Не случайно на сегодняшний день руководство развитых в военном отношении государств и командование их вооруженных сил во главу угла ставят вопросы подготовки и планирования наступательных операций в киберпространстве, а также обеспечения безопасности своих компьютерных сетей и систем. Ниже приведен

---

[322] National Cyber Strategy of the United States of America. // Washington, DC: White House, September 2018. 38 p. – URL: https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2018/09/National-Cyber-Strategy.pdf. (дата обращения: 21.08.2021); National Cyber Security Strategy 2016-2021 // HM Government. – London: Minister for the Cabinet Office, 2016. 84 p; NATO in the Cyber Age: Strengthening security and defence, stabilizing deterrence / NATO. Brussels. 16 p. – URL: https://nato-pa.int/download-file?filename=sites/default/files/2019-04/087_STC_19_E%20-%20NATO.pdf (дата обращения: 09.08.2021).

понятийный аппарат, используемый зарубежными военными специалистами в перечисленных концептуальных документах.

Киберпространство − сфера, в которой радиоэлектронные средства и электромагнитный спектр используются для хранения и преобразования данных, а также их обмена посредством компьютерных сетей и соответствующих инфраструктур («Национальная военная стратегия ведения операций в киберпространстве», ВС США)[323].

Киберпространство – глобальная сфера (домен) внутри информационного пространства, представляющая собой взаимосвязанную совокупность инфраструктур и информационных технологий, включая интернет, телекоммуникационные сети, компьютерные системы, встроенные процессоры и контроллеры («Операции в киберпространстве», ВС США).

Кибервойна – использование сетевых возможностей одного государства для искажения, нарушения целостности, деградации, манипулирования или уничтожения информации, постоянно находящейся в компьютерах либо в компьютерных сетях, или компьютеров и сетей другого государства («Операции в киберпространстве», ВС США).

В вооруженных силах США различают операции в киберпространстве (англ. Cyberspace Operation) и кибероперации (англ. Cyber Operation)[324]. Общим здесь является то, что и те и другие представляют собой совокупность согласованных и взаимосвязанных по целям, задачам, месту, времени, объектам и содержанию одновременных или последовательных мероприятий, проводимых по единому замыслу и плану, по воздействию на объекты противника в киберпространстве.

Сущностное отличие заключается в том, какими средствами это воздействие оказывается – кибернетическими (компьютеры с их сетевыми, аппаратными и программными ресурсами) или некибернетическими (средства информационной, психологической и радиоэлектронной борьбы (РЭБ), радиоэлектронной разведки, оперативной маскировки и дезинформации, а в перспективе – оружия направленной энергии). В ходе таких операций для решения поставленных задач предусматривается применение и тех и других средств, тогда как в кибероперации – исключительно кибернетических.

Операции в киберпространстве по содержанию решаемых задач классифицируются военными экспертами США как наступательные (англ. Offensive Cyber Warfare), оборонительные (англ. Defensive Cyber Warfare) и разведывательные (англ. Cyber Warfare Intelligence). Существует также понятие «операция по захвату преимущества и вытеснению противника

---

[323] *Горбачев Ю.* Подготовка ВС США к кибероперациям // Зарубежное военное обозрение. 2011. № 2. С. 54–59.

[324] *Воробьев И., Киселев В.* Кибервойна как понятие оперативно-стратегической категории. – URL: http://www.oboznik.ru/?p=41253 (дата обращения: 03.09.2021).

в киберпространстве» (Cyber Warfare Preemption)[325], однако такая форма противоборства обычно не рассматривается как самостоятельная.

Мероприятия по нейтрализации возникающей кибернетической угрозы, по оценкам Министерства обороны США, могут проводиться лишь в комплексе с мероприятиями наступательного характера. Основу кибероперациий составляют операции или мероприятия в компьютерных сетях (Computer Network Operations), в том числе те, которые направлены на достижение военных целей в других пространствах (наземном, морском, воздушном и космическом).

Американские военные теоретики рассматривают эти операции как совокупность согласованных и взаимосвязанных форм применения кибернетических средств в целях защиты своих компьютерных сетей, а также ведение наступательных действий, разведки и эксплуатации в своих интересах компьютерных сетей противника. Под эксплуатацией компьютерных сетей в соответствии с концептуальным документом ВВС США «Операции в киберпространстве» (2010) понимается получение к ним доступа для сбора разведывательных сведений о характеристиках и возможностях информационных систем и систем управления и связи противника. При этом мероприятия в компьютерных сетях классифицируются как кибератака, киберзащита и кибербразведка[326].

Кибератака – преднамеренные действия по изменению, разрушению, искажению, запрещению, нарушению или уничтожению информации и программ, находящихся в компьютерных системах и сетях, или самих компьютеров и сетей.

Киберзащита – комплекс мероприятий по обеспечению устойчивой работы компьютерных систем и сетей в условиях ведения противником борьбы в киберпространстве. Включает обеспечение безопасности информации, предотвращение угроз, исходящих из киберпространства, устранение последствий их осуществления, в том числе защиту, наблюдение, обнаружение и реагирование на несанкционированную активность в информационных системах и компьютерных сетях.

Кибербразведка организуется и ведется в интересах решения двух групп задач – добывание разведывательных сведений из компьютерных систем или сетей и их обработка с помощью аппаратно-программных средств (компьютерная разведка), а также сбор и систематизация данных о потенциальных источниках киберугрозы и самих угрозах (разведка киберугроз). Первая группа задач решается путем проведения комплекса согласованных мероприятий по несанкционированному проникновению в сети и компьютеры иностранных государственных и неправительственных организаций, а также представляющих интерес частных лиц.

---

[325] *Гаврилов В.* Взгляды МО США на обеспечение национальной безопасности в кибернетическом пространстве // Зарубежное военное обозрение. 2012. № 3. С. 21.

[326] *Киселёв В., Костенко А.* Кибервойна как основа гибридной операции (рус.) // Армейский сборник. 2020. Т. 257. № 11. С. 3−6.

Решение второй группы задач (сбор информации о киберугрозах) предполагает использование совершенно новых источников, технологий и технических приемов.

Программные средства кибератаки трактуются как кибероружие или инструменты для нанесения ущерба компьютеру, сети либо электронному устройству, в состав которых входит общее либо специализированное программное обеспечение. По мнению зарубежных военных специалистов, кибероружие предназначено для решения следующих задач:

– временное отключение от компьютерной сети критически важных узлов коммуникационной инфраструктуры;

– блокирование компьютерных операций и функций;

– нарушение работы и вывод из строя автоматизированных систем управления и связи;

– искажение и фальсификация информации, распространение дезинформации.

Известен еще один класс применяемого в киберпространстве оружия – оружие направленной энергии, обладающее способностью проецировать энергию на выбранные для атаки объекты противника.

В киберпространстве подобными объектами являются элементы электронных систем боевой и вспомогательной техники, а также электронные схемы, используемые в компьютерах и сетевых коммутаторах.

Особый интерес представляет вариант боевого применения оружия данного класса, при котором направленная энергия будет проецироваться на сетевое оборудование для блокирования сетей с IP-адресацией в целях срыва компьютерных атак противника.

К программным средствам киберзащиты относятся собственно средства защиты (фильтры, межсетевые экраны, файрволы, антивирусы), а также средства обнаружения кибератаки и реагирования.

В целом, основная угроза применения кибероружия состоит в том, что оно способно дезорганизовать государственное и военное управление в глобальном масштабе, деморализовать и дезориентировать значительные группы населения атакуемой стороны, а также и военнослужащих[327].

В части сухопутного пространства кибероружие находит все более широкое применение на тактическом уровне с задачей нанесения максимального ущерба информационным структурам систем управления войсками и оружием тактического звена управления.

Одним из направлений противодействия таким угрозам является упреждающее активное воздействие на информационные системы противостоящей стороны. Для реализации данного направления необходима приоритетная разработка наступательных средств тактического и оперативного кибероружия, а также тактики его применения.

---

[327] *Шейн Харрис.* Кибервойн@: Пятый театр военных действий = @War: The Rise of the Military-Internet Complex. М. : Альпина нон-фикшн, 2020. С. 9-14.

Появление нового театра военных действий – киберпространства, значительно расширяет спектр задач, сил и средств РЭБ, повышает их роль во всестороннем обеспечении действий группировок войск (сил) в современных, в том числе и «гибридных» конфликтах. Основные функции РЭБ при этом заключаются в:

– прерывании потоков информации в информационных системах противника путем радиоэлектронного подавления каналов передачи информации;

– внедрении по радиоканалам и телекоммуникационным системам «интеллектуальных» помех в автоматизированные системы управления войсками и оружием противника с целью разрушения или искажения информации;

– перегрузке систем передачи и обработки информации путем воздействия средствами имитационных помех на технические средства разведки противника;

– радиоэлектронной защите информации в технических средствах передачи и обработки данных от разрушения, искажения, разведки и утечки по техническим каналам;

– комплексном техническом контроле над эффективностью защиты информации в технических средствах передачи и обработки данных и др.

Кроме того, ведение (РЭБ) позволяет исключить (сорвать) высокоточную навигацию носителей высокоточного оружия и тем самым снизить вероятность поражения критически важных объектов промышленной и оборонной инфраструктуры Российской Федерации.

Накопленный опыт региональных конфликтов последнего десятилетия свидетельствует, что новейшие технологии обработки информации позволяют значительно сократить пространственный, временной и информационный разрыв между войсковыми формированиями и органами управления. Традиционные фронтальные столкновения крупных группировок войск на стратегическом и оперативном уровне постепенно уходят в прошлое, а дистанционное бесконтактное воздействие на всю глубину оперативного построения противостоящей стороны становится главным способом достижения цели операции (боя)[328].

Массовое внедрение современных информационных технологий в системы управления вооруженных сил позволяет осуществить ведущим зарубежным государствам концепцию «Многосферная операция». США и их союзники стремятся к доминированию как в воздушно-космической сфере, так и в кибернетическом пространстве, что существенно повышает уровень угроз военной безопасности Российской Федерации и коренным образом меняет характер и содержание радиоэлектронной борьбы.

Характерной особенностью ведения радиоэлектронной борьбы стало постоянное увеличение типажа объектов воздействия, к которым наряду

---

[328] *Якупов В., Смирнов И.* Противоборство в киберпространстве: направления развития сил и средств // Зарубежное военное обозрение. 2018. № 3. С. 13−18.

с радиоэлектронными средствами также относят и информационно-технические объекты компьютерных сетей и средства автоматизации. Стремительное развитие вооружения и военной техники их насыщение новейшей радиоэлектронной аппаратурой, создание глобальных сетей обмена информацией предопределяет необходимость создания принципиально новых систем и средств, способных эффективно нейтрализовать информационное и технологическое преимущество противника в киберпространстве.

При формировании терминологической основы противодействия угрозам в «тактическом киберпространстве» существующее многообразие базового термина «тактическое киберпространство» может быть сведено к понятию локальной структуры, предназначенной для информационного обеспечения боевых действий в тактической зоне и состоящей из взаимосвязанных информационных структур, основу которых составляют: компьютерная сеть «тактический интернет», информационно-телекоммуникационные сети общего назначения, вычислительные системы, процессоры и контролеры, встроенные в технические средства, командного состава, использующего их в своей деятельности, и персонала, обслуживающего их функционирование.

Исходя из этого, ключевыми объектами «тактического киберпространства» являются радиоэлектронные и информационно-технические системы и средства, непосредственно осуществляющие сбор, обработку, распределение, соответствующий доступ к информации и ее хранение в автоматизированных информационно-управляющих системах тактического звена, в роботизированных системах вооружения и военной техники ближнего боя, включая беспилотные летательные аппараты (БпЛА) ближнего действия и малой дальности, применяемые в общевойсковом бою. Для активного противодействия перечисленным объектам разрабатываются соответствующие средства тактического кибероружия, основу боевого применения которых составляют специальные программные средства.

Тактическое кибероружие – функционально и конструктивно законченные технические устройства, предназначенные для нарушения функционирования роботизированных систем вооружения и военной техники, включая БпЛА, и радиоэлектронные системы и средства автоматизированных систем управления тактического звена противника путем воздействия на их информационно-технические объекты обработки информации специальными программными средствами[329].

Вероятными способами применения данного типа оружия могут считаться *кибератака* − преднамеренные действия по изменению, разрушению, искажению, запрещению или уничтожению информации

---

[329] *Макаренко С.И., Иванов М.С.,* Сетецентрическая война – принципы, технологии, примеры и перспективы. СПб. : Наукоемкие технологии, 2018. 900 с.

и программ, находящихся в компьютерных системах и сетях, или самих компьютеров и сетей и «силовая и (или) интеллектуальная *киберакция*».

Различают также *киберзавесу* – способ применения, заключающийся в «отсечении» наземных потребителей от источников разведданных на БпЛА путем непрерывного воздействия на канал передачи разведывательной информации, получаемой с них в ходе ведения боя, и плавного увода БпЛА противника за счет искажения навигационного поля.

Перспективным способом прикрытия наземных объектов и войск от разведки и ударов БпЛА средней дальности является *киберкупол*, который организуется с целью срыва (затруднения) обнаружения наиболее важных объектов объединения и наведения на них самолетов тактической авиации (ТА) и вертолетов армейской авиации, корректировки огня артиллерии, а также для непосредственной защиты прикрываемых объектов от поражения управляемыми авиационными средствами поражения.

Киберкупол – способ применения комплексов РЭБ, заключающийся в затруднении или предотвращении как обнаружения наиболее важных объектов прикрытия, так и исключения их поражения управляемыми авиационными средствами противника, путем воздействия на каналы управления и каналы передачи разведывательных данных БпЛА, а также целенаведения управляемых боеприпасов.

На оперативном уровне объектами прикрытия при противодействии применению БпЛА средней дальности являются:

– командный пункт (КП);

– позиционные районы радиолокационных постов, зенитных средств противовоздушной обороны (ПВО) и артиллерии;

– районы сосредоточения резервов;

– вертолетные площадки и аэродромы базирования;

– склады горюче-смазочных материалов и др.

Основными потребителями информации БпЛА являются:

– разведывательные центры сбора, обработки и хранения информации;

– штабы частей и подразделений полевой артиллерии (в некоторых случаях – боевые расчеты артиллерийских средств), экипажи тактической авиации и ударных вертолетов.

Известная тактика ведения радио- и радиотехнической разведки (РРТР) с помощью БпЛА средней дальности из зон барражирования над своей территорией обеспечивает как целеуказание для средств огневого поражения, так и одновременное радиоэлектронное подавление радиоэлектронных средств (РЭС) систем управления оружием противостоящей стороны.

Объектами разведки и подавления для БпЛА являются: РЭС узлов связи КП соединения, пункты управления (ПУ) подчиненных частей и подразделений, радиолокационные станции (РЛС) засечки огневых позиций, радиолокационные средства обнаружения воздушных целей и РЛС управления оружием зенитно-ракетных комплексов.

Продолжительность применения БпЛА при выполнении разведывательных задач может составлять до 24 часов, при информационном обеспечении огневых средств – 1-2 часа. В зависимости от типа разведываемого объекта и поставленных БпЛА задач в районе объекта одновременно может применяться до 3-4 БпЛА. Размеры зоны ответственности определяются удалением прикрываемого объекта от ЛСВ, количеством направлений возможных действий БпЛА средней дальности, их характеристиками и могут составлять до 120 км по фронту и до 150 км в глубину.

Предварительные результаты оценки эффективности мероприятий противодействия тактическому кибероружию, полученные в ходе моделирования боевых действий, свидетельствуют[330], что реализация вышеизложенных способов противодействия позволит:

– «киберзавесой» отсечь в ходе боя в ближней тактической зоне соответствующих потребителей от разведданных, получаемых в реальном масштабе времени с БпЛА ближнего действия и малой дальности, что, по предварительным оценкам, приведет к снижению на 60-70% эффективности артиллерийского сопровождения атак мотопехотных батальонов первого эшелона противника;

– способом «киберкупол» сорвать в ходе боя получение противником видеоизображений с разведывательных БпЛА в реальном масштабе времени и на 80–90 % снизить эффективность применения им авиационных управляемых средств поражения по прикрываемым объектам;

– «кибератакой» в ближней тактической зоне осуществить «силовое блокирование» до 80–90 % абонентских терминалов систем сотовой и транковой связи, а также обеспечить в ходе боя выборочное «дезинформирующее блокирование» пунктов управления противника на угрожаемых направлениях.

Массовое внедрение в повседневную деятельность вооруженных сил развитых государств мира новейших информационных технологий породило как соответствующие угрозы, так и новую сферу противоборства – *киберпространство.* Для ведения противоборства в киберпространстве ведется интенсивная разработка соответствующего кибероружия.

С целью эффективного парирования угроз в киберпространстве применительно к сухопутной сфере необходимы активные целенаправленные и упреждающие воздействия на информационные объекты и системы киберпространства противостоящей стороны, в том числе силами и средствами РЭБ. Для их практического осуществления разрабатываются как соответствующие комплексы тактического и оперативного кибероружия,

---

[330] *Ласточкин Ю.И.* Методическое обеспечение обоснования способов боевого применения сил и средств радиоэлектронной борьбы при противодействии радиоэлектронной разведке в операциях объединений Сухопутных войск // Военная мысль. 2018. № 6. С. 58−67.

так и способы их боевого применения, такие как силовые и интеллектуальные кибератаки, киберзавеса, киберкупол.

Признание на государственном уровне развитие системы РЭБ приоритетной задачей обеспечения военной безопасности Российской Федерации, в том числе и для парирования угроз в киберпространстве, предусматривает ускоренное перевооружение войск РЭБ, при этом основные усилия планируется сосредоточить на реализации ряда инновационных направлений, основными из которых являются[331]:

– повышение уровня информационной обеспеченности органов и пунктов управления РЭБ за счет применения технологии больших данных в комплексах средств автоматизации органов управления РЭБ стратегического и оперативного звеньев управления;

– применение геоинформационных систем во всех современных образцах техники РЭБ позволяет сократить время проведения оперативно-тактических расчетов в 3–5 раз;

– практическая реализация технологий искусственного интеллекта на основе нейронных сетей позволяет повысить полноту и достоверность вскрытия радиоэлектронной обстановки в 2 раза;

– внедрение коммуникационных технологий с интеграцией в единую объединенную цифровую систему связи Вооруженных Сил Российской Федерации для организации непрерывного обмена данными во всех звеньях управления;

– создание управляемых полей радиопомех на территории противника с использованием робототехнических комплексов;

– создание средств поражения РЭС на новых физических принципах;

– разработку средств имитации радиоэлектронной обстановки и внедрения дезинформации в систему управления войсками и оружием противника.

Часть из перечисленных направлений уже реализуется в ходе выполнения текущей Государственной программы вооружения.

В Российской Федерации, несмотря на общемировые тенденции развития систем национальной безопасности, вопросы кибербезопасности личности, общества и государства не выделены в отдельные направления. Они изучаются, оцениваются и прогнозируются в рамках действующей системы обеспечения информационной безопасности.

Существенное развитие нормативно-правовой базы было связано с разработкой Доктрины информационной безопасности (2016). Новая доктрина информационной безопасности представляет собой стратегический план развития системы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации в информационной сфере[332].

---

[331] *Ласточкин Ю.И.* Стражники эфира на правильном пути // Красная звезда. 2020. 15 апреля.

[332] Доктрина информационной безопасности 2016. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201612060002 (дата обращения: 11.08.2021 г.).

В отличие от Доктрины информационной безопасности 2000 года в новой редакции Доктрины главные стратегические цели информационной безопасности существенно расширились в сторону защиты жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, связанных с применением информационных технологий в сферах обороны и безопасности, экономики, науки и образования, стратегической стабильности.

В доктрине более четко определено и само содержание понятия «обеспечение информационной безопасности Российской Федерации», которое несколько изменилось и включило следующий комплекс взаимоувязанных мер: правовых, организационных, оперативно-розыскных, разведывательных, контрразведывательных, научно-технических, информационно-аналитических, кадровых, экономических и иных мер по прогнозированию, обнаружению, сдерживанию, предотвращению, отражению информационных угроз и ликвидации последствий их проявления.

Доктрина перестала носить общий и декларативный характер и стала конкретной и направленной в сторону совершенствования национальной безопасности. Основными причинами резкого изменения направленности Доктрины информационной безопасности 2016 года стали:

– наращивание рядом зарубежных стран возможностей информационно-технического воздействия на информационную инфраструктуру в военных целях, а также усиление деятельности организаций, осуществляющих техническую разведку в отношении российских государственных органов, научных организаций и предприятий оборонно-промышленного комплекса (ОПК);

– увеличение в зарубежных средствах массовой информации объема материалов, содержащих предвзятую оценку государственной политики Российской Федерации;

– наращивание информационного воздействия на население России, в первую очередь на молодежь, в целях размывания традиционных российских духовно-нравственных ценностей;

– зависимость отечественной промышленности от зарубежных информационных технологий, электронной компонентной базы, программного обеспечения, вычислительной техники и средств связи;

– недостаточная эффективность научных исследований, направленных на создание перспективных информационных технологий;

– недостаточное кадровое обеспечение в области информационной безопасности, а также низкая осведомленность граждан в вопросах обеспечения личной информационной безопасности;

– стремление отдельных государств использовать технологическое превосходство для доминирования в информационном пространстве;

– отсутствие международно-правовых норм, регулирующих межгосударственные отношения в информационном пространстве, а также механизмов и процедур их применения;

– усиление активности кибератак и изменение направленности их на объекты ключевой инфраструктуры;

появление нового высокоинтеллектуального вредоносного кода (StaxNet, Duqu, Flame и др.), способного проникать различными путями в корпоративные и промышленные автоматизированные системы управления технологическими процессами, исследовать их, модифицировать программное обеспечение, скрывать свои действия и самоликвидироваться при определенных условиях;

– появление новых технологий информационно-психологического воздействия на население с использованием социальных сетей (Twitter, FaceBook, YouTube и др.) и СМИ. Практические результаты применения этих технологий были реализованы в ряде произошедших социальных революций в арабских странах в 2011 году.[333];

– изменение содержания планов стратегических операций ведущих мировых держав, в которых важная роль придается информационным войнам, направленным на дискредитацию органов государственного управления и подготовки населения к развертыванию вооруженных конфликтов на театрах военных действий. Решение этих задач возлагается на создаваемые в ведущих странах мира кибервойска и войска информационных операций[334];

– отсутствие комплексной основы при выполнении мероприятий по обеспечению безопасности информационной инфраструктуры с использованием отечественных технологий и продукции.

Анализ определения «информационная сфера», представленного в Доктрине информационной безопасности Российской Федерации, показывает, что значительную часть ее элементов занимают объекты, относимые зарубежными специалистами к киберсфере и кибертехнологиям. В связи с этим угрозы кибербезопасности Российской Федерации (или киберугрозы) необходимо рассматривать как совокупность действий и факторов, создающих опасность нанесения ущерба национальным интересам в киберсфере. Национальные интересы России в данной сфере – это объективно значимые потребности личности, общества и государства в обеспечении их защищенности и устойчивого развития в части, касающейся киберсферы.

---

[333] National Cyber Security Strategy 2016-2021 // HM Government. – London: Minister for the Cabinet Office, 2016. 84 p.

[334] NATO in the Cyber Age: Strengthening security and defence, stabilizing deterrence / NATO. Brussels. 16 p. – URL: https://nato-pa.int/download-file?filename=sites/default/files/2019-04/087_STC_19_ E%20-%20NATO.pdf (дата обращения: 09.08.2021 г.).

В целом озабоченность проблемой кибербезопасности России в настоящее время и в среднесрочной перспективе вызвана рядом негативных факторов, а именно:

– актуальность киберугроз для всех субъектов международных отношений резко возросла, а их потенциальные последствия в определенном смысле стали сходны с возможными последствиями применения ядерного и других видов оружия массового поражения;

– киберугрозы практически всегда являются угрозами тайными (скрытными). Киберсредства предоставляют противнику возможность получить доступ к множеству каналов сбора разведывательных данных о критической инфраструктуре Российской Федерации, в том числе ключевых элементах военного потенциала (оперативных и технических, военных и промышленных, информационных и психологических), что может угрожать и угрожает национальной безопасности;

– разработанные формы и способы противодействия кибервоздействию российскими и зарубежными специалистами, несмотря на их значительное количество, являются фрагментированными, бессистемными и в целом не способны обеспечить полноценную защиту национального киберпространства;

– компьютерные сети, системы коммуникации, технические средства (ПЭВМ, серверы, роутеры и т.д.) Российской Федерации фактически продолжают развиваться на основе небезопасной архитектуры при возрастающем использовании компонентов иностранного производства. Одновременно с этим усиливается деятельность организаций, осуществляющих техническую разведку в отношении российских государственных органов, научных организаций и предприятий ОПК;

– деятельность сил обеспечения информационной безопасности России, предназначенных для нейтрализации внешних и внутренних угроз киберинфраструктуре государства, недостаточно эффективна, инертна и малоинициативна;

– существующие на настоящий момент возможности и технологии не обеспечивают необходимую защиту национальных интересов России в информационной сфере от наиболее высокотехнологичных кибератак;

– для построения системы эффективного реагирования на киберугрозы, включая компоненты сдерживания противников гарантированной устойчивости и наступательных кибервозможностей, государственным органам, соответствующим подразделениям и должностным лицам требуются много времени.

В современных условиях киберугрозы Российской Федерации продолжают возрастать и развиваться прежде всего в отношении критической инфраструктуры и ключевых ресурсов государства. По своему характеру подобные угрозы могут быть непреднамеренными или умышленными, целевыми или без конкретных целей и при этом отличаться разнообразным происхождением.

Непреднамеренные угрозы вызываются халатностью или низкой квалификацией персонала, ошибками при модернизации программного обеспечения и проведении технического обслуживания, а также неизбежными отказами оборудования, которые непроизвольно ведут к нарушению процессов функционирования цифровых систем или к искажению и потере данных.

К умышленным угрозам следует отнести целевые и нецелевые кибератаки. Целевая атака – это действия организованной группы или отдельного злоумышленника (хакера), направленные на компрометацию конкретной системы или компонента киберпространства, обслуживающего критическую инфраструктуру. Нецелевой следует считать атаку, которая не преследует конкретную цель, например, когда вирусы, «черви» и другие вредоносные программы распространяются в интернете без точно определенной задачи.

До недавнего времени атаки в киберпространстве не приводили к катастрофическим последствиям, поэтому достаточно вялая оценка этого явления исходила прежде всего из их гипотетических возможностей, а реальную озабоченность вызывал лишь рост киберпреступности в первую очередь в финансовой сфере. Отрезвление наступило после дебюта первого образца по-настоящему боевого кибероружия – вируса «Stuxnet», нанесшего серьезный физический ущерб ядерной инфраструктуре Ирана[335]. Это привело к возрастанию во всем мире серьезной озабоченности по поводу возможности применения в кибератаках аналогичного или еще более совершенного и мощного кибероружия со стороны групп или отдельных людей, имеющих злонамеренные мотивы.

Постепенно экспертами была выделена начальная классификация источников угроз национальной критической информационной инфраструктуре: иностранные государства, ведущие активную разведывательную деятельность и информационное противоборство; национальные преступные группировки; хакеры; разработчики вирусов и других вредоносных программ; так называемые инсайдеры, то есть сотрудники, работающие внутри организации.

В итоге в сводный перечень групп и отдельных лиц, считающихся главными источниками киберугроз для национальной безопасности, можно выделить следующие структуры:

– иностранные разведывательные службы, использующие кибервозможности в качестве неотъемлемого компонента своей профессиональной деятельности. При этом к извлечению информации и, потенциально, к нарушению и даже разрушению информационной инфраструктуры Российской Федерации, включая российский сегмент интернета, телекоммуникационные сети и встроенные процессоры,

---

[335] *Мединн А., Маринин С.* К вопросу о применении компьютерного вируса Stuxnet против ядерных объектов Ирана. М. : Ядерный клуб. 2011. № 3.

и контроллеры в критической инфраструктуре разведслужбы привлекают все возрастающее количество зарубежных государственных и частных структур;

– криминальные группировки, которые используют киберпространство с целью извлечения финансовой выгоды;

– хакеры, которые взламывают информационные ресурсы для создания ситуации нервозности в информационном пространстве или для своего самоутверждения в глазах хакерского сообщества. Если ранее проникновение в сети требовало от подобных правонарушителей большого опыта и серьезных компьютерных знаний, то сейчас они могут загрузить сценарии атак и протоколы из интернета и запустить их против сайтов, определенных в качестве жертвы. Инструментарий хакерских атак становится более технологически изощренным и одновременно достаточно несложным в применении;

– хактивисты отождествляются с политически мотивированными атаками на публичные сайты общего доступа или серверы электронной почты. Эти группы и отдельные пользователи перегружают почтовые сервера и взламывают веб-сайты для размещения на них политических посланий. Ярким примером хактивизма является деятельность международных групп «Anonymous» и «LulzSec»;

– инсайдеры образуют организацию, внутри которой киберугроза может быть умышленной или непреднамеренной. Инсайдеру совершенно не обязательно обладать опытом взлома компьютеров, поскольку его знания системы-жертвы зачастую позволяют ему получить ничем не ограниченный доступ для нанесения ущерба системе или извлечения из нее данных;

– террористы нацелены на разрушение, блокирование работы или использование критической инфраструктуры для создания угроз национальной безопасности России, вызов массовых жертв среди людей, ослабление российской экономики и создание обстановки страха и неуверенности в обществе, ведь даже точечные мероприятия террористов обладают высоким уровнем эффективности.

Перечисленные структуры, группы и отдельные пользователи киберпространства для проведения кибератак могут использовать широкое разнообразие технологических приемов. Более того, объективно существуют особенности киберпространства, существенным образом отличающие его от других пространств и способные серьезно повысить досягаемость и эффективность их акций. К ним относятся следующие факторы:

– атакующим в киберпространстве нет необходимости для ведения действий находиться поблизости от своих целей;

– поскольку киберпространство не имеет границ, современные коммуникационные технологии позволяют предельно просто пересекать государственные границы;

– кибератаки могут совершаться автоматически, с высокой скоростью и одновременно в отношении множества целей;

– в условиях современной архитектуры киберпространства у атакующих есть возможность обеспечить свою анонимность.

Современная преступность представляет угрозу национальной безопасности, оказывает дестабилизирующее воздействие на состояние всех сфер жизнедеятельности государства, общества и личности, существенно тормозит социально-экономические преобразования в России, отражается на уровне жизни населения, порождает недоверие к власти[336].

Ещё большую опасность для государства и общества представляют современные возможности, открывшиеся перед преступниками, связанные с развитием информационно-телекоммуникационных технологий, по совершению как традиционных преступлений, так и преступлений, совершаемых в киберпространстве.

Согласно ежегодным отчетам Федерального казенного учреждения «Главный информационно-аналитический центр МВД России» «Состояние преступности в России» за период с января по декабрь 2017–2019 гг. зарегистрировано следующее количество преступлений, совершенных с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий: в 2017 г. – 90 587, в 2018 г. – 174 674, в 2019 г. – 294 409, уровень раскрываемости в 2017 г. составил 24,4 %, в 2018 г. – 26,6 %, в 2019 г. – 50,4 %, за январь – сентябрь 2020 г. – 44,3 %[337]. Приведенный анализ указывает на беспрецедентный рост количества регистрируемых преступлений, совершенных с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий, свидетельствует о необходимости организации мер противодействия рассматриваемым преступлениям.

Согласно материалам коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации 2019 года, сегодня на территории Российской Федерации отмечается стабильный рост доли преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий и телекоммуникации (ИТТ), постоянно фиксируются факты использования киберпреступниками ранее неизученных способов, методов и специальных аппаратно-программных комплексов[338].

Наиболее широкое распространение, в настоящее время получили преступные деяния, совершенные с использованием банковских карт, информационно-телекоммуникационной сети интернета, средств мобильной связи и компьютерной техники.

---

[336] *Бабаева Э.У., Волохова О.В., Егоров Н.Н.*, и др. Криминалистика : учебник для бакалавров и специалистов / отв. ред. Е.П. Ищенко. М. : Проспект, 2020. 353 с.

[337] Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – сентябрь 2020 года. – URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/21551069 (дата обращения: 14.09.2021 г.).

[338] О мерах по совершенствованию организации работы по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий : решение коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации от 1 ноября 2019 г. № 3. URL: мвд.рф/news|rtem|18808269 (дата обращения: 14.09.2021 г.).

Результаты анализа криминогенной обстановки свидетельствуют, что 79,4 % зарегистрированных преступлений, связанных с использованием ИТТ, совершены против собственности, причем подавляющее большинство из них – мошенничества и кражи.

На протяжении последних лет отмечается рост количества киберпреступлений против здоровья населения и общественной нравственности. Так, за отмеченный ранее период органами внутренних дел выявлено 18,9 тыс. преступлений, квалифицированных по статье 228.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, совершенных с использованием ИТТ[339]. С похожей ситуацией, связанной с резким увеличением киберпреступлений и низким уровнем их раскрытия и расследования, сегодня, сталкиваются правоохранительные системы практически всех государств мира. Действующая Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации ETS № 185 устанавливает виды противоправной деятельности, совершаемой с использованием ИТТ, относящейся к киберпреступлениям, на которые сегодня обращено наибольшее внимание правоохранительных органов мирового сообщества[340], а именно:

– преступления против конфиденциальности, целостности и доступности компьютерных данных и систем (противозаконный доступ, неправомерный перехват, воздействие на данные, воздействие на функционирование системы, противозаконное использование устройств);

– преступления, связанные с использованием компьютерных средств (подлог с использованием компьютерных технологий, мошенничество с использованием компьютерных технологий);

– преступления, связанные с содержанием данных (детская порнография);

– преступления, связанные с нарушением авторских и смежных прав.

Большинство киберпреступлений зачастую совершаются одним или несколькими преступниками, обладающими минимальными специальными знаниями в области информационных и телекоммуникационных технологий, используя их для достижения корыстных целей.

Российская Федерация всецело вовлечена в процессы раскрытия, расследования и предупреждения преступлений рассматриваемой категории. Так, в 2019 году инициатива нашего государства о необходимости разработки «Конвенции о борьбе с использованием информационных

---

[339] Незаконные производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные сбыт или пересылка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества : статья 228.1. // Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : ред. от 18.02.2020. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/9555 (дата обращения: 27.09.2021 г.).

[340] Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации ETS №185 (Будапешт, 23 ноября 2001 г.). Ст. 2-10. URL: https://base.garant.ru/4089723/ (дата обращения: 07.09.2021 г.).

технологий в преступных целях» получила одобрение в Третьем комитете 74-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН[341].

Происходящие в мире процессы глобализации в экономике, науке, технике и технологиях способствуют, с одной стороны, широкому распространению современных и перспективных достижений. Массовое применение импортных средств электронно-вычислительной техники, программного обеспечения, средств автоматизации производства и других нововведений создает не только технологическую зависимость от ведущих стран мира, но и возможность реализации угроз национальной безопасности России, в основном невоенного характера. К ним относятся и киберугрозы Российской Федерации, которые по возможным негативным последствиям могут рассматриваться на уровне военных угроз. Основными мерами по нейтрализации киберугроз могли бы стать следующие.

1. Подготовка к производству отечественной высокоинтеллектуальной продукции, необходимой для изучения, оценки и прогнозирования киберугроз:

– определение, классификация и группирование целей и задач по этапам организации и ведения кибероперaций (в условиях мирного времени, во время войны и/или вооруженного конфликта и послевоенный период), уровням действия (стратегические, оперативные, тактические), объектам и субъектам воздействия (гражданское население, государственное и военное руководство, лидеры политических объединений и т.д);

– ситуационный анализ текущих и будущих киберугроз должен включать: определение, классификацию и ранжирование внутренних и внешних факторов, влияющих на достижение целей и задач действий в киберпространстве; формирование количественных и качественных моделей киберугроз государству, обществу и личности; сбор необходимых исходных данных, моделирование, анализ результатов моделирования с целью оценки адекватности моделей и эффективности их использования;

– определение содержания, выбор стратегии, планирование, формализация, алгоритмизация предстоящих информационных и кибероперaций. При этом план информационной (кибер) операции должен предусматривать создание сообщений, используемых в предстоящей операции (творческий план), распространение сообщений в информационной среде (медиаплан), реализацию мероприятий по связям с общественностью, проведение специальных информационных операций и др.;

– разработка многовариантных сценариев, реализации планируемых информационных операций (включая идеи, сюжеты, мультимедийные апплеты, телевизионные видеосюжеты, патчи, и т.д.) для каждого этапа небоевой реализации киберугрозы и возможных вариантов развития сценариев на каждом технологическом этапе киберугрозы.

---

[341] Работе над конвенцией о борьбе с киберпреступностью дан «зеленый свет» // Официальный сайт ООН. – URL: https://news.un.org/ru/story/2019/11/1367391 (дата обращения: 01.08.2021 г.).

2. Формирование, комплектование, подготовка и обучение, боевое оснащение и материально-техническое обеспечение специальных постоянных подразделений войск информационных операций, осуществляющих оценку состояния и прогноз киберугроз, и временно функционирующих (в период возникновения новой киберугрозы или этапа модификации известной киберугрозы) подразделений, объектов, субъектов, вспомогательного персонала, участвующих в формирования нового знания по этой киберугрозе.

3. Регламентированный запуск, перманентный сетецентрический мониторинг, ситуационный анализ эффективности, прогнозирование динамики развития, стратегическое и тактическое управление информационными процессами и оперативная режиссура множеством сценариев их реализации с целью достижения поставленных целей и задач противодействия киберугрозам.

4. Для обеспечения максимальной эффективности воздействия и достижения поставленных целей противодействия киберугрозам в кратчайшие сроки представляется целесообразным использовать имеющийся задел других (в т.ч. иностранных) организаций по противодействию киберугрозам. В этих случаях необходимо предварительное согласование используемых методологических (научных) и технических решений.

Вышеизложенные объективные обстоятельства требуют от государственных органов, а также подразделений и должностных лиц государственных органов, органов местного самоуправления и организаций, уполномоченных в соответствии с законодательством Российской Федерации на решение задач по обеспечению кибербезопасности:

– уточнение (формализация) национальных интересов Российской Федерации в информационной сфере как объективно значимых потребностей личности, общества и государства в обеспечении их защищенности и устойчивого развития в части, касающейся киберпространства;

– ведение постоянного мониторинга глобального информационного и киберпространства с применением методов электронной и аналитической разведки для сбора большого объема разнородных исходных данных, обеспечивающих ситуационный анализ и оценку мотивов и планов действий противника;

– четкое определение «линии обороны» от кибератак и создание всех необходимых условий для обеспечения полной информированности специалистов федерального уровня об уязвимых местах национальных компьютерных сетей, угрозах их безопасности и об оперативной обстановке в киберпространстве. Аналогичными данными должны владеть в части касающейся администрации регионов, органы местного управления и руководители крупных промышленных предприятий. Все это, должно позволить специалистам создать необходимые и достаточные условия для закрытия технологических брешей в сетевой инфраструктуре и своевременно

предпринимать необходимые меры для противодействия возможностям противников проникать в базы данных и похищать информацию;

– обеспечение защиты информации по всему спектру вероятных киберугроз. Это возможно сделать путем расширения технических и оперативных возможностей контрразведывательных органов специальных служб Российской Федерации. Кроме того, необходимо гарантировано закрыть каналы незаконных поставок федеральным ведомствам, региональным структурам, органам местного управления и предприятиям (организациям) ключевых информационных технологий, программного обеспечения, чтобы полностью исключить вероятность использования противниками этих каналов для незаконного проникновения на охраняемые объекты инфраструктуры и в базы данных;

– привлечение широкого круга ученых, политиков, других специалистов в области информационной и кибербезопасности к работе над «новыми правилами игры» в киберпространстве подобно тому, как это было сделано более 50 лет тому назад при разработке стратегии ядерного сдерживания;

– заблаговременное создание необходимого и достаточного множества сценариев реализации планируемых информационных (кибер) операций, производства систем вооружения, военной и специальной техники, необходимого оборудования и программных средств для каждого этапа и каждого планируемого варианта сценария развития ситуации в киберпространстве;

– тщательный подбор, отбор, подготовка и распределение персонала, высокая степень организации и строгой дисциплины обеспечения безопасности информации, перманентного сетевого мониторинга, управления и гибкой режиссуры множеством заранее отработанных и оперативно формируемых на местах событий сценариев киберугроз.

Для нейтрализации современных и прогнозируемых вызовов и угроз в киберпространстве должен быть разработан и внедрен комплекс мероприятий по развитию системы информационной безопасности, координации и объективной переориентации научных исследований и разработок в этой сфере, финансируемых из федерального бюджета, а также по разработке стратегических подходов к обеспечению эффективного противодействия враждебным или злонамеренным действиям в киберпространстве Российской Федерации.

3.7. Вызовы и угрозы в Западном регионе

Отношения России и стран Запада, прежде всего США и стран Европейского Союза, переживают серьезный спад. Это связано с разным пониманием глобальных вызовов и угроз, а также отличающимися друг о друга внешнеполитическими целями. Российская Федерация, взявшая курс на формирование многополюсного мира, поддерживает идею максимального сохранения стабильности и безопасности во всех регионах. США, в свою очередь, не оставляют попыток сохранить однополярный мир, который предполагался после окончания холодной войны.

Идея максимизации дисбаланса в регионах лежит в основе действий западной коалиции по гибридным войнам, смене неугодных правительств, поддержке оппозиционных сил. В контексте этого Российская Федерация, мешающая бесконтрольной дестабилизации ситуации в регионах, находится в зоне интересов США.

Одной из основных угроз со стороны США и европейских стран являются попытки Запада вмешаться во внутренние дела России. Наблюдается постоянное стремление навязать свое видение демократии (демократических политических элит, демократического общества).

США и их европейские партнеры пытаются дестабилизировать внутриполитическую ситуацию в России. Происходит регулярный вброс заведомо провокационной информации в российские СМИ, незаконная поддержка оппозиционных сил, а также подогрев протестных настроений.

В настоящее время не прекращаются попытки изолировать Россию от мировых политических процессов. Это выражается в исключении (G8) или лишении России голоса (Совет Европы) в международных организациях. Западная коалиция стремится нивелировать имеющиеся у России связи с ее естественными союзниками (постсоветское пространство, африканские, азиатские, латиноамериканские страны).

Руководство Европейского Союза ведет антироссийскую пропаганду, представляя Россию в образе врага ценностям европейского общества. Согласно проводимым исследованиям, индекс агрессивности отдельных западных СМИ в адрес России систематически держится на уровне информационной войны.

Большинство описанных выше угроз спровоцированы кризисом доверия России и Запада. Он стал следствием разного представления сторон об устройстве мира после холодной войны. США и их партнеры пошли по пути демократизации всего мира, принуждения недемократических стран к смене режимов, в том числе силовым путем. Россия взяла на себя миссию защиты мира, стабильности и безопасности.

Для более подробного анализа вызовов и угроз Российской Федерации с Западного направления необходимо дать краткую геостратегическую оценку данному региону. Это позволит выявить наиболее деструктивные

вызовы и угрозы национальной безопасности России как современные, так и прогнозируемые.

Основные показатели Западного региона

Общая протяженность российских сухопутных границ на Западе составляет 5 865,6 км. Самые длинные границы Россия имеет с Украиной (2 093,6 км), Финляндией (1 271,8 км) и Белоруссией (1 239 км)[342].

На западной границе России расположена эксклавная Калининградская область, которая отделена от основной территории Российской Федерации иностранными государствами с 6 сентября 1991 г. Помимо этого, на западной границе у России есть еще два небольших эксклава.

Как видно из таблицы 1, на Западе Россия непосредственно граничит с восемью государствами. Сопредельными странами 2-го порядка, с которыми Россия не имеет общей границы, но с которыми по суше граничат ее сухопутные соседи 1-го порядка, являются еще семь стран (Швеция, Германия, Чехия, Словакия, Венгрия, Румыния и Молдавия). Данные о странах-соседях России 1-го порядка на Западном направлении приводятся в таблице 1.

Таблица 1 – Некоторые показатели иностранных государств в Западном регионе

Страна	**Территория, тыс. км²**	**Население, тыс. чел. (оценка на июль 2021)**	**ВВП по ППС[1], млрд долл.[2] (2019, оценка)**	**ВВП по ППС на душу населения, долл.[2] (2019, оценка)**
Норвегия	323,8	5509,6	340,3	63633
Финляндия	338,1	5587,4	228,8	49380
Эстония	45,2	1220,0	49,0	36927
Латвия	64,6	1862,7	59,1	30898
Литва	62,7	2711,6	103,8	37231
Польша	312,7	38185,9	1261,4	33221
Белоруссия	207,6	9441,8	181,3	19150
Украина	576,6	41629,9[3]	538,4[4]	12810[4]

[1] Валовой внутренний продукт по паритету покупательной способности;[2]В долларах 2010 г.; [3] На 1 декабря 2020 г. без Крыма и Севастополя; [4] Оценка ЦРУ США. В источнике не указано, включают ли они Крым и Севастополь. Однако украинская статистика, если данные рассчитаны на ее основе, сейчас исключает из расчета ВВП Украины Крым, Севастополь и районы Донецкой и Луганской областей, неподконтрольные центральной власти Украины.

Составлено по Всемирному справочнику 2020 года[343].

---

[342] *Окунев И. Ю.* Политическая география: учеб. пос. для вузов. М. : Аспект Пресс, 2019. 512 с.

[343] The World Factbook – Explore All Countries. URL: https://www.cia.gov/the-world-factbook/countries/ (дата обращения: 28.09.2021).

Пять государств на западной границе России являются членами Европейского союза (ЕС). Финляндия и три страны Прибалтики также входят в Зону евро (Еврозону). Норвегия – член Европейской ассоциации свободной торговли (ЕАСТ) и Европейского экономического пространства (ЕЭП).

Согласно индексу военной мощи Global Firepower 2021, учитывающему потенциальную возможность стран вести боевые действия на суше, на море и в воздухе с применением только обычных вооружений, зарубежные государства на Западном направлении занимают следующие места в мире (таблица 2).

Таблица 2 – Места в мире стран на западной границе России согласно индексу военной мощи Global Firepower (2021)

Страна	**Место в мире**
Польша	23
Украина	25
Норвегия	33
Белоруссия	50
Финляндия	56
Литва	85
Латвия	97
Эстония	109
Россия (справочно)	2

Составлено по Рейтингу военной силы 2021 года[344].

Из восьми государств, граничащих с Россией на западе, пять (Норвегия, Польша, Литва, Латвия и Эстония) являются членами Организации Североатлантического договора (НАТО).

Финляндия – государство-партнер НАТО. 5 сентября 2014 г. она подписала на саммите НАТО в Уэльсе Соглашение о поддержке войск НАТО в стране пребывания. На территории Финляндии проводятся учения с участием войск НАТО. Вооруженные силы Финляндии участвуют в военных учениях в странах НАТО[345].

Украина планирует вступить в НАТО в 2030 году, стратегический курс на вступление в Альянс с 2019 года закреплен в конституции страны, а пока Украина активно сотрудничает с НАТО в качестве партнера с расширенными возможностями (Enhanced Opportunities Partner, EOP). Так, с 2015 года инструкторы из США, Польши и Литвы (миссия Joint Multinational Training

[344] 2021 Military Strength Ranking // GlobalFirepower.com. – URL: https://www.globalfirepower.com/countries-listing.asp (дата обращения: 28.08.2021).

[345] *Зверев Ю.* «Проамериканское неприсоединение»: Швеция и Финляндия наращивают военное сотрудничество с США // Евразия.Эксперт. 4 июня 2021 г. URL: https://eurasia.expert/proamerikanskoe-neprisoedinenie-shvetsiya-i-finlyandiya-narashchivayut-voennoe-sotrudnichestvo-s-ssh/ (дата обращения: 28.08.2021).

Group-Ukraine (JMTG-U)), Канады (операция Unifier) и Великобритании (операция Orbital) обучают на Украине украинских военнослужащих.

Республика Беларусь входит в Союзное государство с Российской Федерацией, а также является членом Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ). В рамках Союзного государства созданы Региональная группировка войск (сил) и Единая региональная система (ЕРС) России и Республики Беларусь, регулярно проводятся совместные военные учения[346]. На территории Белоруссии действуют два российских военных объекта – 474-й отдельный радиотехнический узел (ОРТУ) Системы предупреждения о ракетном нападении (СПРН) с РЛС «Волга» (радиотехнический узел Барановичи) и 43-й узел связи ВМФ России (радиостанция Вилейка)[347].

В Польше и странах Прибалтики на ротационной основе дислоцируются многонациональные боевые группы усиленного передового присутствия во главе с США (в Польше), Германией (в Литве), Канадой (в Латвии) и Великобританией (в Эстонии). Общая численность всех боевых групп по состоянию на февраль 2021 года составляла более 4,6 тыс. человек.

Больше всего войск других стран НАТО (в основном США) размещается в Польше. Главным командным центром вооруженных сил США в Польше является Познань, где размещаются передовой штаб V корпуса и передовой штаб 1-й кавалерийской (бронетанковой) дивизии[348]. На западе Польши дислоцируется основная часть размещаемой в Европе по ротации (со сменой каждые девять месяцев) бронетанковой бригадной боевой группы США (включая штаб в Жагани)[349]. Важнейшим центром военной активности США в Польше является Повидз, который является перспективным хабом Сухопутных войск (Армии) США для всей Северной Европы и Прибалтики. Всего же американские войска размещаются в Польше в 11 базовых лагерях[350].

Согласно Соглашению о расширенном сотрудничестве между США и Польшей в сфере обороны от 15 августа 2020 г. Польша за свои средства

---

[346] *Зверев Ю.* «Стратегическое предполье»: Как Беларусь помогает обеспечивать военную безопасность России // Евразия.Эксперт. 11 ноября 2018 г. – URL: https://eurasia.expert/strategicheskoe-predpole-kak-belarus-pomogaet-obespechivat-voennuyu-bezopasnost-rossii-/ (дата обращения: 28.02.2021).

[347] *Зверев Ю.* Военные объекты России в Беларуси: быть или не быть? // Евразия. Эксперт. 12 мая 2020 г. – URL: https://eurasia.expert/voennye-obekty-rossii-v-belarusi-byt-ili-ne-byt/ (дата обращения: 28.02.2021).

[348] NATO's Enhanced Forward Presence. February 2021 // Supreme Headquarters Allied Powers Europe: SHAPE. – URL: https://shape.nato.int/resources/site16187/ General/factsheets/factsheet_efp_2021.pdf (дата обращения: 28.02.2021).

[349] *Зверев Ю.* Последняя ротация при Трампе? США меняют свои танки в Европе // Евразия.Эксперт. 8 декабря 2020 г. – URL: https://eurasia.expert/poslednyaya-rotatsiya-trampa-ssha-menyayut-svoi-tanki-v-evrope/ (дата обращения: 28.02.2021).

[350] *Matson R. Powidz:* The hub of base operations for Poland // U.S. Army Reserve. March 4, 2020. – URL: https://www.usar.army.mil/News/Article/2101618/powidz-the-hub-of-base-operations-for-poland/ (дата обращения: 28.02.2021).

подготовит военную инфраструктуру, которая даст возможность США в случае необходимости немедленно развернуть в Польше дополнительные силы, обеспечив общее присутствие до 20 тыс. американских солдат.

Для ротационного размещения авиации США в государствах, граничащих с Россией на Западном направлении, используются авиабазы Ласк и Повидз (Польша), Эмари (Эстония), Лиелварде (Латвия) и Зокняй (Шяуляй) (Литва). В Эмари и Зокняе на ротационной основе с 2004 года в рамках миссии Baltic Air Policing (BAP) на ротационной основе размещаются самолеты-истребители ВВС различных стран НАТО (иногда для миссии ВАР также используется авиабаза Мальборк (Польша))[351].

Украина имеет территориальные претензии к России, официально объявив территорию Крыма и города Севастополя своими «временно оккупированными территориями»[352].

Некоторые эстонские официальные лица (например, председатель эстонского парламента (Рийгикогу)) неоднократно заявляли, что Тартуский мирный договор 1920 года, в соответствии с которым в состав Эстонии до 1944–1945 гг. входили нынешние Ивангород Ленинградской области и Печорский район Псковской области, действует до сих пор[353]. Власти Эстонии отказываются ратифицировать подписанный в 2014 году договор о российско-эстонской границе, так как следствием этого станет аннулирование положений Тартуского мирного договора, закрепившего вышеуказанные территории нынешней России за независимой Эстонией. В то же время министр иностранных дел Эстонии, подтвердив, что до ратификации нового договора о границе Эстония считает Тартуский мирный договор действующим, заявил, что Эстония не планирует предъявлять Российской Федерации территориальные претензии[354].

Латвия, претендовавшая на Пыталовский район Псковской области, в 2007 году подписала и затем ратифицировала договор о границе с Россией. В январе 2020 года Министр иностранных дел Латвии Эдгар Ринкевич заявил, что Латвия не намерена возобновлять территориальный спор с Россией. Не на официальном уровне территориальные претензии к России

---

[351] *Зверев Ю.* Военно-воздушные силы США в Европе: численность и боевой потенциал // Евразия.Эксперт. 03 августа 2017 г. – URL: https://eurasia.expert/voenno-vozdushnye-sily-ssha-v-evrope/ (дата обращения: 28.09.2021); Зверев Ю.М., Межевич Н.М. Безопасность в восточной Балтике: К военным учениям России и Беларуси «Щит Союза – 2019» : экспертный доклад. СПб. : ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2019. 152 с.

[352] Закон України «Про забезпечення прав і свобод громадян та правовий режим на тимчасово окупованій території України» // Верховна Рада України. Законодавство України. – URL: https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/1207-18#Text (дата обращения: 28.09.2021).

[353] *Ермолов А.* Претензии к России: Эстония вспомнила Тартуский договор // Газета. Ru. 02.01.2021. – URL: https://www.gazeta.ru/politics/2021/01/02_a_13425074.shtml (дата обращения: 28.09.2021).

[354] Эстония не намерена предъявлять России территориальные претензии // Интерфакс. 30 сентября 2020. – URL: https://www.interfax.ru/russia/753824 (дата обращения: 28.09.2021).

предъявляются: в Финляндии – на Западную Карелию, включая Карельский перешеек, область Петсамо (Печенга), восточные части регионов Салла и Куусамо[355]; в Литве, Польше и Германии, Белоруссии – на Калининградскую область[356]; в Белоруссии – на Смоленскую область, части Брянской и Псковской областей[357], на Украине – на Белгородскую, Курскую, Брянскую, Воронежскую и Ростовскую области, а также Кубань[358]. В Польше на неофициальном уровне предъявляются территориальные претензии на ранее входившие в ее состав территории Западной Белоруссии, государства, являющегося союзником России[359].

Таблица 3 – Примерная численность иностранных войск на территории государств, граничащих с Россией в Западном регионе, начало 2021 г.

Страна	**Всего, человек**	**Из каких стран (человек)**
Норвегия	700	США (700)
Эстония	831	Великобритания (828), Дания (2), Исландия (1)
Латвия	1525	Канада (527), Испания (343), Италия (200), Польша (175), Словакия (152), Чешская Республика (56), Словения (40), Албания (21), Черногория (10), Исландия (1)
Литва	1249	Германия (620), Нидерланды (270), Бельгия (199), Норвегия (120), Чешская Республика (35), Люксембург (4), Исландия (1)
Польша	4935	США (4500), Великобритания (140), Румыния (120), Германия (95), Хорватия (80)
Украина	539	США (220), Канада (200), Великобритания (53), Польша (40), Литва (26)

[355] Вопрос решен? Почему Латвия не будет посягать на Пыталовский район // ИА BALTNEWS. 10 января 2020. – URL: https://lv.baltnews.com/Russia_ West/20200110/1023617413/Vopros-reshen-Pochemu-Latviya-ne-budet-posyagat-na-Pytalovskiy-rayon.html (дата обращения: 28.09.2021).

[356] Yle: территориальные притязания «Истинных финнов» на Карелию восприняли неоднозначно // ИноТВ. 1 декабря 2018. https://russian.rt.com/inotv/2018-12-01/Yle-territorialnie-prityazaniya-Istinnih-finnov (дата обращения: 28.09.2021); Эксперт: предложения Литвы забрать Калининград у РФ – желание привлечь к себе внимание // ТАСС. 29 янв 2017. – URL: https://tass.ru/politika/3980895 (дата обращения: 28.09.2021).

[357] *Спаткай Л.* Беларусь и соседи: территориальные вопросы – кто, кому и сколько должен? // Інстытут беларускай гісторыі і культуры. 29/03/2015. – URL: http://inbelhist.org/belarus-i-sosedi-territorialnye-voprosy-kto-komu-i-skolko-dolzhen/ (дата обращения: 28.09.2021).

[358] *Зайнашев Ю.* Киев пытается найти «исконные украинские земли» в России // Взгляд. 10 мая 2017. – URL: https://vz.ru/politics/2017/5/10/869683.html (дата обращения: 28.09.2021).

[359] В Польше заявили о возможности распада Белоруссии // ИА REGNUM. 23.08.2020. – URL: https://regnum.ru/news/polit/3043586.html (дата обращения: 28.09.2021).

В соответствии с Соглашением о расширенном сотрудничестве между США и Польшей в сфере обороны (15 августа 2020 г.) увеличится еще примерно на 1 тыс. человек. Составлено по[360].

Динамику геополитических и военно-политических отношений России и соседних стран на Западном направлении можно оценить следующим образом (таблица 4):

Таблица 4 – Динамика геополитических и военно-политических отношений России и соседних стран Западного региона по 10-балльной шкале (10 – высший балл, 1 – низший)

Страна	2013	2020
Норвегия	6	4
Финляндия	7	5
Эстония	4	3
Латвия	4	3
Литва	4	3
Польша	5	3
Беларусь	9	6
Украина	7	2

Источник[361].

Как следует из оценок, приведенных в таблице, геополитические и военно-политические отношения России после 2013 года ухудшились со всеми странами, которые непосредственно граничат с ней на западном направлении. Наиболее сильно и радикально изменились в худшую сторону отношения с Украиной, в наименьшей степени − с теми странами, которые и раньше были не слишком дружественными по отношению к России (Польша и страны Прибалтики).

Прогнозируемые вызовы и угрозы в Западном регионе.

Геополитическая и военно-политическая ситуация на Западном направлении, а также динамика ее развития позволяют выявить и спрогнозировать следующие основные вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации на Западном направлении.

---

[360] The World Factbook – Explore All Countries. URL: https://www.cia.gov/the-world-factbook/countries/ (дата обращения: 28.02.2021); NATO’s Enhanced Forward Presence. February 2021 // Supreme Headquarters Allied Powers Europe: SHAPE. – URL: https://shape.nato.int/resources/site16187/General/factsheets/factsheet_efp_2021.pdf (дата обращения: 28.08.2021).

[361] *Зверев Ю.М.* Глава 11. Динамика геополитической и военно-политической безопасности Западного порубежья России // Западное порубежье России: моделирование развития и обеспечение экономической безопасности: монография / под ред. Г.М. Федорова. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2020. С. 202−250.

1. Информационно-психологические операции, кибероперации и иные «гибридные» действия, координируемые из центров, расположенных у западной границы Российской Федерации и нацеленные на подрыв конституционного строя и нанесение ущерба интересам безопасности России.

Данный пункт поставлен на первое место, поскольку в современных военных конфликтах и конфликтах будущего нападение на разум и душу становится приоритетнее нападения на человеческое тело и можно подавить волю противника к сопротивлению без прямого физического воздействия[362]. Как справедливо отмечает советник Министра обороны Российской Федерации А. М. Ильницкий, «наш ядерный щит и самая современная армия в мире, обеспечивают безопасность развития России как минимум на десятилетие, исключая возможность прямого военного столкновения. Понимая это, США и их союзники используют против России гибридные методы ведения войны»[363].

2. Дальнейшее наращивание военного присутствия НАТО у западных границ Российской Федерации и приближение к ним военной инфраструктуры НАТО.

В настоящее время численность иностранных войск из других стран Альянса в странах НАТО, граничащих с Россией на Западном направлении, а также в Румынии и Болгарии, по сравнению со временами холодной войны относительно невелика и составляет, по некоторым оценкам, более 11 тыс. человек[364].

США и НАТО в сотрудничестве с ЕС проводят в жизнь курс на ограниченное ротационное передовое присутствие в Восточной Европе (прежде всего, в Польше, Прибалтике, Румынии и Болгарии) с одновременным созданием возможностей для масштабного наращивания своих сил в угрожаемый период и военное время (так называемое «Сдерживание посредством подкрепления» (англ. Deterrence by reinforcement))[365]. В частности, реализуется принятый Еврокомиссией в марте 2018 года План действий по военной мобильности[366], нацеленный

---

[362] *Попов И.М., Хамзатов М.М.* Война будущего: Концептуальные основы и практические выводы. Очерки стратегической мысли. 2-е изд., испр. М. : Кучково поле, 2017. 832 с.

[363] *Ильницкий А.* Суверенный ответ на глобальные угрозы // ЗВЕЗДА. 20 февраля 2021. – URL: https://zvezdaweekly.ru/news/20212201423-ONU3W.html (дата обращения: 28.09.2021).

[364] Еще чуть более 180 тыс. чел. насчитывают собственные вооруженные силы входящих в НАТО Норвегии, Польши и стран Прибалтики.

[365] Hagström F.E. (ed.), Dalsjö R., Gustafsson J., Rydqvist J. Deterrence by Reinforcement. The Strengths and Weaknesses of NATO's Evolving Defence Strategy. Report no FOI-R--4843—SE. November 2019 // Swedish Defence Research Agency (FOI). – URL: https://www.foi.se/rest-api/report/FOI-R--4843--SE (дата обращения: 15.09.2020).

[366] JOINT COMMUNICATION TO THE EUROPEAN PARLIAMENT AND THE COUNCIL on the Action Plan on Military Mobility // European Commission. 28.03.2018. URL:

на облегчение перемещения войск и военной техники через государственные границы внутри ЕС (так называемый «военный Шенген») и модернизацию транспортной инфраструктуры, модернизируются и строятся объекты военной инфраструктуры, создаются склады вооружений, военной техники и боеприпасов, в ходе учений НАТО и международных учений, организуемых отдельными странами НАТО, отрабатывается переброска войск на восток.

Активизация воздушной и морской деятельности НАТО у российских границ в Баренцевом, Балтийском и Черных морях создает угрозу инцидентов в открытом море и в воздушном пространстве над ним.

Особую опасность представляет возможность развертывания в Восточной Европе ядерного оружия США (прежде всего, ракет меньшей и средней дальности (РСМД))[367], а также создание в Восточной Европе элементов ЕвроПРО.

Кроме того, следует учитывать, что в ближайшие годы США развернут в Европе (точное местоположение пока не определено) мультидоменную оперативную группу (англ. Multidomain Task Force (MDTF)), которая обеспечит сухопутным войскам (армии) США на театре военных действий возможность вести скоординированные боевые действия одновременно в пяти средах (на земле, в море, воздухе, космосе и киберпространстве)[368].

3. Развязывание военных действий у западных границ России, в которые будут вынуждены вмешаться Вооруженные Силы Российской Федерации.

У западной границы России с 2014 года тлеет замороженный вооруженный конфликт на Донбассе. Как заявлял Главнокомандующий Вооруженными Силами Украины (ВСУ) генерал-полковник Руслан Хомчак, ни он лично, ни Генштаб ВСУ не видят военного решения вопроса в Донбассе. По его мнению, это невозможно по трем причинам:

– если Украина начнет в Донбассе активные боевые действия, то нарушит международное гуманитарное право;

– боевые действия приведут ко многочисленным жертвам среди мирного населения – они будут исчисляться трех-, четырехзначными цифрами за продвижение на 3−5 км вглубь территорий;

– возможны серьезные потери среди военнослужащих[369].

---

https://ec.europa.eu/transport/sites/transport/files/2018-military_mobility_action_plan.pdf (дата обращения: 28.09.2021).

[367] *Козин В.* Will the US Nuclear Missiles Be Fielded in Europe once again? // МГИМО Университет МИД России. 23.11.20. – URL: https://mgimo.ru/about/news/experts/will-the-us-nuclear-missiles-be-fielded-in-europe-once-again/ (дата обращения: 28.09.2021).

[368] *Зверев Ю.* Оборона Янтарного края. Чем НАТО собирается «лопнуть» калининградский «пузырь» // Евразия. Эксперт. 14 января 2018 г. – URL: https://eurasia.expert/oborona-yantarnogo-kraya-chem-nato-sobiraetsya-lopnut-kaliningradskiy-puzyr/ (дата обращения: 28.09.2021).

[369] Командующий ВСУ оценил шансы Киева вернуть Донбасс силой // Известия. 26 ноября 2020. – URL: https://iz.ru/1092701/2020-11-26/komanduiushchii-vsu-otcenil-shansy-kieva-vernut-donbass-siloi (дата обращения: 28.08.2021).

В настоящее время возникает сомнение, что политическое руководство Украины прислушается к предостережению руководства ВСУ. Есть вероятность того, что, взяв в качестве примера успешные действия Азербайджана против Нагорного Карабаха, проамериканское руководство страны предпримет попытку вернуть силой отделившиеся регионы. В этом случае есть риск прямого военного столкновения Украины и России, которая в этом случае будет вынуждена вмешаться, в т.ч. и потому, что многие жители Донецкой Народной Республики (ДНР) и Луганской Народной Республики (ЛНР) являются российским гражданами[370].

4. Использование территории и воздушного пространства Украины Североатлантическим Альянсом и вступление Украины в НАТО.

США на практике уже отрабатывают возможное использование своей стратегической авиацией воздушного пространства Украины для нанесения ракетных ударов по Крыму и другим регионам России[371]. В случае же вступления страны в НАТО Украина превратится в передовой рубеж противостояния Североатлантического Альянса и России. Это радикально изменит военно-стратегическую ситуацию на Западном направлении не в пользу России, особенно в случае размещения на территории Украины американских ракет средней дальности (РСД) и элементов ЕвроПРО.

5. Негативное развитие общественно-политической ситуации в Белоруссии.

Хотя сейчас общественно-политическая ситуация в Белоруссии относительно стабилизировалась, тем не менее вопрос о транзите власти остается пока нерешенным. Можно согласиться с А.А. Носовичем в том, что «продолжение поддержки Лукашенко при негласном согласии на подмену реальных политических преобразований профанацией приведет к тому, что оппозиционные настроения в Белоруссии перерастут в антироссийские»[372]. В этом случае нельзя исключать прихода в более отдаленной перспективе к власти в Белоруссии политических сил, ориентированных на Запад.

Если это произойдет, то практически неизбежно будут ослаблены (а в отдельных сферах и разорваны) политические, экономические и военные связи с Россией. При таком крайне нежелательном развитии ситуации Белоруссия может по примеру Украины взять курс на постепенную интеграцию в евроатлантические структуры (включая НАТО), и на Западном направлении в итоге может возникнуть единый балто-черноморский «санитарный кордон» против России.

---

[370] Названо число получивших российский паспорт жителей Донбасса // Lenta.ru. 18 февраля 2021. – URL: https://lenta.ru/news/2021/02/18/donbass_pasport/ (дата обращения: 28.08.2021).

[371] *Зверев Ю.* «Прыжок в Прибалтику»: США и НАТО наращивают военное давление на Белоруссию и Россию // Евразия.Эксперт. 4 ноября 2020 г. – URL: https://eurasia.expert/ssha-i-nato-narashchivayut-voennoe-davlenie-na-belorussiyu-i-rossiyu/ (дата обращения: 28.08.2021).

[372] *Носович А.* Перестройка без нового мышления // Эксперт. 22-28 февраля 2021. № 9 (1196). С. 76−78.

Наша страна тогда окажется в крайне уязвимом стратегическом положении, потеряв свое «западное предполье». Резко ухудшится при этом также геополитическое и военно-стратегическое положение эксклавной Калининградской области Российской Федерации. От разрыва кооперационных связей с ВПК Белоруссии пострадает российский ОПК.

6. Вступление в НАТО Финляндии и Швеции.

Финляндия и Швеция сочетают официальный нейтралитет с сотрудничеством с НАТО, входя в число приоритетных стран-партнеров Альянса. Финляндия официально допускает вступление в НАТО в случае ухудшения международной обстановки в сфере безопасности[373]. В декабре 2020 года Парламент Швеции (Риксдаг) призвал правительство официально объявить по примеру Финляндии, что Швеция потенциально может вступить в НАТО[374]. Финляндия и Швеция в последние годы активизировали сотрудничество в области обороны[375], в мае 2018 года подписали трехстороннюю декларацию с США о намерениях расширить оборонное сотрудничество[376], а в сентябре 2020 года – общий документ с входящей в НАТО Норвегией о намерении усилить военное сотрудничество[377]. Вступление Финляндии и Швеции в НАТО нарушит хрупкий баланс сил в Балтийском регионе, окончательно превратит Балтийское море в «натовское» озеро и вынудит Россию предпринять дорогостоящие меры по наращиванию Вооруженных Сил у сухопутной границы с Финляндией.

Вступление Швеции и Финляндии в НАТО и последующий за этим слом военно-политического баланса приведет к «балтийскому кризису», «который, возможно, окажется равным Карибскому»[378].

7. Попытки нарушить территориальную целостность Российской Федерации через предъявление территориальных притязаний и стимулирование сепаратизма в приграничных регионах.

---

[373] *Ленин А.* Финляндия допустила вступление в НАТО // Российская газета. 04.04.2019. – URL: https://rg.ru/2019/04/04/finliandiia-dopustila-vstuplenie-v-nato.html (дата обращения: 28.09.2021).

[374] *Юранец А.* Российский фактор: парламент Швеции обсуждает вступление в НАТО // Газета.Ru. 22.12.2020. – URL: https://www.gazeta.ru/politics/2020/12/22_a_13410356.shtml (дата обращения: 28.09.2021).

[375] *Ераносян В.* «Арктический союз» Швеции и Финляндии // GoArctic. 3 июня, 2020. – URL: https://goarctic.ru/politics/arkticheskiy-soyuz-shvetsii-i-finlyandii/ (дата обращения: 28.02.2021).

[376] *Зверев Ю.* «Проамериканское неприсоединение»: Швеция и Финляндия наращивают военное сотрудничество с США // Евразия.Эксперт. 4 июня 2021 г. – URL: https://eurasia.expert/proamerikanskoe-neprisoedinenie-shvetsiya-i-finlyandiya-narashchivayut-voennoe-sotrudnichestvo-s-ssh/ (дата обращения: 28.09.2021).

[377] Финляндия, Швеция и Норвегия хотят усилить военное сотрудничество на севере // Yle.fi. URL: 23.9.2020. – URL: https://yle.fi/uutiset/osasto/novosti/finlyandiya_shvetsiya_i_norvegiya_ khotyat_usilit_ voennoe_sotrudnichestvo_na_severe/11560227 (дата обращения: 28.09.2021).

[378] Воронов К. Северный нейтрализм: исторический финал или трансформация? // Современная Европа. 2018. № 1. С. 80–89.

Регионом на Западном направлении, требующим самого пристального внимания с точки зрения обеспечения его устойчивого социально-экономического развития и предотвращения территориальных притязаний и сепаратистских тенденций, является эксклавная Калининградская область. Регион окружен с суши теми странами ЕС и НАТО, которые относятся к числу наиболее недружественно настроенных по отношению к России, не имеет общих границ с основной частью Российской Федерации, на него предъявляют претензии в Германии, Польше и Литве.

И хотя в 2019 году согласно социологическим опросам доля калининградцев, высказавшихся за совместное управление областью Россией и Евросоюзом или за превращение ее в независимое государство, составила всего 3 % (в 2003 г. – 19 %)[379], усилия по разжиганию сепаратизма могут быть предприняты извне (так называемая «янтарная революция»)[380].

Кроме того, уже сейчас фактически развернута «гибридная война» со стороны Украины (при поддержке стран НАТО) против Крыма и Севастополя, чья территориальная принадлежность России не признана пока не одним иностранным государством.

Значительная часть указанных вызовов и угроз носят вероятностный характер и могут так и не реализоваться в будущем. Это относится к размещению ракетно-ядерного оружия США и новых элементов ЕвроПРО в Восточной Европе и на Украине, возможности эскалации масштабного вооруженного конфликта с прямым столкновением украинских и российских Вооруженных Сил на Донбассе, вступлению Украины, Швеции, Финляндии, а также Белоруссии (в случае прихода к власти там прозападных сил) в НАТО, практическим шагам иностранных государств по нарушению территориальной целостности России на Западном направлении через официальное предъявление территориальных притязаний (пока эти попытки носят преимущественно вербальный характер на неофициальном уровне).

В настоящее время уже реализуются *первая*, *вторая*, частично *четвертая* и *седьмая* вызовы и угрозы.

Прогноз развития ситуации в Западном регионе.

В 2016 году были разработаны три сценария развития военно-политической конфронтации в Балтийском регионе. Как представляется, они могут быть распространены с определенными поправками и с учетом происшедших с тех пор изменений и во всем Западном регионе в целом[381].

---

[379] Доля сторонников сепаратизма среди калининградцев упала до уровня погрешности // Rugrad.eu. 20 сентября 2019. – URL: https://rugrad.eu/news/1139917/ (дата обращения: 28.09.2021).

[380] «Янтарная революция»: сценарий уже написан // Комсомольская правда. 19 мая 2005. – URL: https://www.kaliningrad.kp.ru/daily/23513/265540/ (дата обращения: 28.09.2021).

[381] *Межевич Н.М., Зверев Ю.М.* Россия и Прибалтика: сценарии безопасности в условиях политической напряженности. Рабочая тетрадь № 35/2016 / Н.М. Межевич, Ю.М. Зверев; гл. ред. И.С. Иванов; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2016. 32 с.

Сценарий 1 с условным названием «Брестский мир» (ни войны, ни мира – концепция управляемого противостояния).

Данный сценарий предполагает последующие вызовы и угрозы России:

– информационно-гибридную войну коллективного Запада во главе с США;

– продолжение попыток дестабилизировать общественно-политическую ситуацию в Белоруссии и отрыв ее от России;

– продолжение втягивания в НАТО Финляндии, Швеции и Украины; усиление группировки НАТО у западных границ России и создание возможностей для быстрого их наращивания.

Сценарий 2 с условным названием «Война судного дня» (возникновение локального военного конфликта на Западном направлении).

Этот конфликт может быть спровоцирован (например, полномасштабным украинским наступлением на ДНР и ЛНР с последующим вынужденным вмешательством России) или возникнуть случайно (например, в результате непреднамеренного столкновения в воздухе или на море).

Сценарий 3 с условным названием «Хельсинки» предполагает старт тяжелых и продолжительных, но потенциально эффективных переговоров между Россией и коллективным Западом во главе с США по мерам безопасности и доверия.

Этот сценарий может быть реализован только в более крупных рамках – в региональном (Европа) и глобальном масштабах.

Вероятность реализации первого сценария в краткосрочной перспективе (до 2024 г. включительно) можно оценить примерно в 90 %, второго – в 8 %, третьего – в 2 %. Изменения этого соотношения могут произойти, если масштабно и качественно изменятся внешние по отношению к этим сценариям управляющие факторы. Однако в настоящее время перспективы изменений этих факторов (по крайне мере в положительном для Росси направлении) не просматриваются.

Для нейтрализации и противодействия прогнозируемым угрозам и вызовам в Западном регионе необходимо:

– активизировать разведывательно-информационную, аналитическую и прогностическую деятельность по раннему выявлению угроз и вызовов на Западном направлении, а также работу по противодействию спецслужбам, центрам информационно-психологических и кибероперациий стран НАТО, исходящим с этого направления;

– в отношениях с НАТО проводить политику сочетания сдерживания в сочетании с политическим диалогом и контактами по военной линии для предотвращения опасных военных инцидентов. Открыто обозначить «красные линии», пересечение которых приведет к прекращению диалога с НАТО, США и ЕС и к ответным мерам политического, экономического и военного характера;

– продолжить усилия по снижению напряженности в Западном регионе, такие как взаимный отказ от проведения масштабных учений в непосредственной близости от границ России со странами НАТО;

– осуществлять военную деятельность в Западном регионе максимально прозрачно (но не в ущерб национальной безопасности), демонстрируя ее ответный и оборонительный характер по отношению к действиям США и НАТО. Действовать асимметрично, находя наилучшие по соотношению «цена/эффективность» меры противодействия, а не просто симметрично «отвечать ударом на удар»;

– продолжить укрепление «зон ограничения и воспрещения зон доступа и маневра» (A2/AD) в Мурманской и Калининградской областях, вокруг Санкт-Петербурга, в Крыму и Севастополе. Именно в этих регионах должны быть в первую очередь развернуты новые зенитные ракетные системы (ЗРС) С-500 и, возможно, системы противоракетной и противокосмической обороны «Нудоль»;

– в связи с начавшимся развертыванием в Европе малозаметных самолетов пятого поколения F-35, представляется целесообразным развернуть в ЗВО как минимум один полк, вооруженный истребителями пятого поколения Су-57. 689-й истребительный авиаполк в Калининградской области следует перевооружить с истребителей Су-27 на Су-35;

– проанализировать возможность и целесообразность размещения в Калининградской области и в Крыму истребителей МиГ-31К с гиперзвуковыми ракетами «Кинжал». Изучить возможность и целесообразность возрождения в составе Морской авиации Северного, Балтийского и Черноморского флотов Морской ракетоносной авиации (МРА). Этот перечень, разумеется, не является исчерпывающим;

– выдвинуть инициативу заключения нового договора о запрете размещения в Европе РСМД наземного базирования (с дальностью от 500 до 5,5 тыс. км). Если такой договор заключить не удастся, быть готовыми к размещению на Западном направлении в ответ на возможное размещение в Европе американских РСД наземного базирования своих аналогичных ракетных комплексов и гиперзвукового оружия;

– предпринять меры по укреплению ПВО и ПРО на украинском направлении с учетом начавшегося использования украинского воздушного пространства американской стратегической авиацией;

– продолжить участие в качестве посредника в урегулировании вооруженного конфликта на Донбассе. Наращивать поддержку непризнанных республик Донбасса[382] и стремиться укреплять их политическую и экономическую состоятельность. Вступит или не вступит Украина в НАТО, будет определяться тем, насколько далеко Запад во главе с США будет готов пойти на ухудшение отношений с Россией и насколько они будут опасаться «бросить Россию в объятия» своего главного

[382] Путин заявил, что Россия будет наращивать поддержку Донбасса // ТАСС. 17 декабря 2020 г. – URL: https://tass.ru/politika/10281557 (дата обращения: 28.09.2021).

геополитического и геоэкономического конкурента – Китая. У самой России, упустившей время, сейчас мало возможностей, чтобы предотвратить членство Украины в НАТО;

– содействовать политической модернизации в Белоруссии для сохранения ее в качестве союзной России страны. Следует «помочь обеспечить белорусам переход в новую историческую эпоху через эволюцию и реформы, притом без ущерба для интересов России»;

– поддерживать отношения со Швецией и Финляндией на том уровне, который обеспечит сохранение их нейтрального статуса и невступление в НАТО. Важную роль в этом должно играть, в частности, приграничное и межрегиональное сотрудничество. Избегать действий, способных увеличить напряженность в Балтийском регионе, и стимулировать присоединение этих стран к Североатлантическому Альянсу;

– пытаться восстановить диалог с Польшей как с одним из главных геополитических игроков в Восточной Европе. Шансы на успех здесь, однако, не слишком велики, поскольку противостояние России является органичной частью польского менталитета и политики Польши на протяжении всей ее истории. К тому же польские элиты ориентированы в первую очередь на США, для которых Польша является своего рода «троянским конем» внутри ЕС и «клином», препятствующим сближению России и Германии;

– уделить особое внимание укреплению экономической безопасности Западного региона[383];

– среди регионов на западных и юго-западных границах России уделить особое внимание социально-экономическому развитию Республики Крым, города федерального значения Севастополь, а также Калининградской области как приоритетным геостратегическим территориям Российской Федерации, характеризующимся эксклавным положением;

– продолжить развивать приграничное сотрудничество с соседними государствами Западного региона России. Такое сотрудничество может в дальнейшем облегчить восстановление отношений со странами ЕС и НАТО в этом регионе и на государственном уровне.

[383] Проблемы экономической безопасности регионов Западного порубежья России: монография / под ред. проф. Г. М. Федорова. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2019. 267 с.; Западное порубежье России: моделирование развития и обеспечение экономической безопасности: монография / под ред. Г. М. Федорова. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2020. 319 с.

3.8. Вызовы и угрозы в Ближневосточном регионе

Ближний Восток продолжает оставаться регионом, который ожидают значительные изменения военно-политического и социально-экономического характера в течение ближайших 5–10 лет. В кратко- и среднесрочной перспективе будущее Ближнего Востока потенциально охватывает широкий диапазон возможных сценариев развития: от умеренного роста и развития до хронической нестабильности и потенциальных региональных конфликтов. Система государственного устройства многих ближневосточных стран находится в крайне шатком состоянии. Это объясняется деструктивными процессами в Ливии и Ираке, продолжающейся гражданской войной в Сирийской Арабской Республике (САР).

Современные экономические перспективы Ближнего Востока сомнительны, несмотря на растущие общественные ожидания большего процветания. Объясняется это тем, что одновременно с приростом населения растет и уровень безработицы, что способствует негативному сценарию развития региона. Молодое население, учитывая высокий уровень безработицы практически во всем регионе, включая более процветающие страны Персидского залива, станет дестабилизирующей силой и угрозой политической и социальной стабильности в ряде стран Ближнего Востока.

Картина неравномерного развития на Ближнем Востоке, вероятно, сохранится, поскольку нефтедобывающие страны Персидского залива предлагают наибольшие возможности для своего молодого населения, а также талантов из других стран, и разрыв между этими государствами и остальным регионом становится все больше. Финансово обеспеченные производители нефти будут призваны к региональному лидерству и к удовлетворению растущих потребностей внутри страны.

Ряд стран Ближнего Востока уязвим перед ростом цен на продовольствие. Долгосрочные прогнозы предполагают, что тенденция к снижению мировых цен на продовольствие за последние два десятилетия обратилась вспять, и расходы на покупку продуктов питания будут занимать все большую часть семейных бюджетов в некоторых странах Ближнего Востока. Зависящие от импорта продовольствия бедные ближневосточные государства страны, например, Египет, могут в значительной степени пострадать от продовольственной инфляции.

Энергия – еще один критический ресурс для ряда стран Ближнего Востока. По данным Всемирного банка, для бедных стран, испытывающих нехватку собственных ресурсов, относительно высокие цены на энергоносители и их нестабильность представляют угрозу для их экономического восстановления. Для таких стран-импортеров нефти, как Египет, Иордания и Ливан высокие цены на нефть стали важным фактором роста бюджетного дефицита и текущего долга. Отключения электричества, особенно в летние месяцы, создают угрозу экономическому восстановлению некоторых государств региона. Для богатых нефтью ближневосточных

экономик это привело к перекосу в развитии, преждевременной деиндустриализации и усилению подчиненного положения региона в мировой иерархии международного разделения труда. Этот процесс породил несбалансированное развитие внутри арабских стран и между ними, что затруднило развитие обрабатывающей промышленности и сельского хозяйства и привело к замедленному развитию отдаленных районов внутри ближневосточных государств.

Более того, даже при исторически высоких ценах на нефть многим странам, таким как Бахрейн и Ирак было трудно сбалансировать свои расходы и доходы. Нестабильность помешала Ираку перекачивать свою нефть и вывести ее на рынок. Другие богатые нефтью страны, такие как Саудовская Аравия теперь нуждаются в гораздо более высоких ценах на нефть, чтобы финансировать недавнее расширение программ социального обеспечения. Со временем высокие цены могут снизиться по мере увеличения добычи сланцевой нефти в США и других ожидаемых традиционных и нетрадиционных источников.

В качестве еще одного обще-регионального тренда необходимо указать сохранение высокого конфликтного потенциала Ближнего Востока. До 2005 года уровень межгосударственных и внутригосударственных конфликтов во всем мире постоянно снижался и был исторически низким. Однако ситуация на Ближнем Востоке была совершенно другой. Внутригосударственные конфликты в Ираке, Сирии, Египте, Израиле, Ливане, подпитываемые извне, были и продолжают оставаться одними из главных стимулов военно-политических и социально-экономических процессов в регионе.

Последствия Гражданской войны в Сирии будут ощущаться на протяжении жизни целого поколения, и восстановление нанесенного ущерба – социального, психологического, экономического и политического – займет не одно десятилетие. После свержения режима С. Хусейна в транзитивном периоде продолжает оставаться Ирак, где с высокой долей вероятности возможны вспышки насилия на межконфессиональной и межнациональной почве.

В краткосрочной и среднесрочной перспективе особое внимание на развитие региона будут влиять арабо-израильское противостояние, которое в 2020 году в значительной степени трансформировалось. Так, заданный ОАЭ и Бахрейном тренд на нормализацию арабо-израильских отношений и установление дипломатических отношений, в основе которого заявлены принципы мирного сосуществования и повышения безопасности, в итоге может привести к обратным эффектам. Прошедшие в 2020 году выборы в США станут значимым фактором для перспектив региона. Новая администрация Джо Байдена продолжит оказывать активное воздействие на Ближний Восток, при этом основные внешнеполитические усилия Белого дома, вероятнее всего, будут сконцентрированы вокруг Ирана и противодействия России в регионе.

Следует также подчеркнуть, что Ближний Восток в краткосрочной перспективе будет развиваться, как и все страны мира, в условиях необходимости нивелирования последствий пандемии коронавируса, которая существенно повлияла на развитие многих государств, явилась проверкой на стрессоустойчивость. Не вызывает сомнения то, что все страны региона столкнутся с экономическими, социальными и, возможно, политическими проблемами. Это будет зависеть от продолжительности пандемии, энергетического фактора и темпов возвращения государств к нормальной жизни. Наряду с этим необходимо отметить, что в краткосрочной и среднесрочной перспективе облик Ближневосточного региона будет определяться прогрессивными и регрессивными тенденциями социально-политического и экономического развития отдельных государств.

Определяющим условием для поступательного развития современного Ирана является решение вопроса с новым Президентом США Джо Байденом о заключенной в 2015 году ядерной «сделке». В соответствии с ядерным соглашением Иран согласился ограничить свою ядерную деятельность и разрешить международным инспекциям в рамках сделки по отмене экономических санкций. Однако из-за позиции администрации Д. Трампа, вышедшей из ядерной сделки, парламент Ирана принял законопроект о повышении обогащения урана и прекращении инспекций своих ядерных объектов Международным агентством по атомной энергии (МАГАТЭ). Все это привело к новым санкциям против Ирана и стран, которые имеют с ним торговые отношения. Санкции имели значительные последствия для иранской экономики, обесценив национальную валюту до рекордно низких показателей и увеличив уровень годовой инфляции в четыре раза.

В случае улучшения отношений между Ираном и США при новом американском президенте в ближайшие пять-десять лет Иран может выйти из своей изоляции, открыть новые возможности для регионального сотрудничества, создать при этом условия для усиления конкуренции за региональное влияние. Успешные переговоры, ограничивающие ядерные разработки Ирана мирными целями, под строгим международным контролем могут начать совершенно новую историю, спровоцировав более широкий набор региональных сценариев.

Иран обладает многими ресурсами – образованным населением, низким уровнем смертности и значительным потенциалом в области информационных технологий, которые могут сделать его конкурентоспособным на региональной и глобальной арене. Более сильный Иран, будет рассматриваться соседними государствами, как в позитивном, так и в негативном свете. Иран, который начинает уделять больше внимания экономической модернизации, даст другим некоторую степень рычагов влияния на него из-за отчаянной потребности во внешней технологической помощи в модернизации своей энергетики и других отраслей.

С учетом нормализации арабо-израильских отношений и сохранения жесткой позиции Тель-Авива относительно Тегерана следует прогнозировать

сохранение активной фазы противостояния Ирану не только со стороны Израиля, но и со стороны Аравийских монархий, которые опасаются влияния Тегерана на свое население, а также на развитие ситуации в Йемене, который продолжает оказывать им противодействие.

Турция в настоящее время является одним из наиболее амбициозных игроков на Ближнем Востоке и сопредельных регионах. Это связано со взглядами действующего турецкого руководства в лице Президента Р. Эрдогана, который все больше критикуется как внутри государства, так и за его пределами. Необходимо напомнить, что долгое время с момента основания современного турецкого государства фундаментом его прогресса был внутренний консенсус относительно принципов развития страны. Именно это позволяло руководству Турции практически безболезненно проводить свою политику, не опасаясь негативной реакции внутри общества. Динамика последних нескольких лет свидетельствует, что консолидированности больше не существует и страна находится на пороге своего исторического выбора, который определит облик не только самой Турции, но и повлияет на сопредельные регионы и глобальную политику.

В настоящее время позиции Р. Эрдогана в Турции имеют тенденцию к ослаблению. Так, первым серьезным ударом, полученным Президентом Р. Эрдоганом, стало поражение Партии справедливости и развития и союзной ей Партии национального движения в трех крупных городах на последних муниципальных выборах 31 марта 2019 г. – в Стамбуле, Измире и Анкаре и пяти крупных муниципалитетах Анталии. Результаты голосования стали обескураживающими для Партии справедливости и развития и выявили дальнейшую отрицательную для нее электоральную динамику. До этих выборов Партия контролировала 49 из 81 муниципалитета, сейчас выигрывает только в 41. Особо обращает на себя в6нимание отрицательные итоги голосования в Стамбуле – экономическом и финансовом центре Турции.

Потенциальной угрозой действующей власти является позиция бывшего ближайшего соратника Р. Эрдогана, идеолога современной внешней политики Турции, бывшего лидера правящей Партии справедливости и развития, премьер-министра и министра иностранных дел, А. Давутоглу, который планирует обособиться от Партии и сформировать новую партийную силу в стране. Новая политическая партия будет состоять из противников Р. Эрдогана внутри Партии справедливости и развития, других диссидентствующих и маргинализированных политических фигур, несогласных с политикой и решениями президента, в том числе с поправкой к конституции и переходом Турции к президентской форме правления.

После муниципальных выборов 31 марта 2019 г. А. Давутоглу опубликовал на своей странице в Facebook объемное заявление, в котором высказал мысль о недопустимости превращения Партии справедливости и развития в инструмент влияния отдельных личностей и намекнул на необходимость реформирования внутрипартийной системы.

Также А. Давутоглу раскритиковал Партию справедливости и развития за союз с националистическим движением. В отмеченном заявлении не прозвучало открытой мысли о создании альтернативы Партии, основанной на принципах, которые изначально закладывались в фундамент ее деятельности. При этом многие аналитики полагают, что это заявление может стать предвестником масштабного внутрипартийного раскола и создания новой политической силы в случае отказа Р. Эрдогана пересмотреть работу партии и проанализировать причины ее провала на муниципальных выборах, начать диалог с исключенными и отодвинутыми от первых ролей партийными деятелями.

Другая угроза позициям Р. Эрдогана непосредственно связана с экономикой Турции, которая впервые за последнее десятилетие вошла в зону рецессии. Падение ВВП на 2,5 % в 2018 и 2019 гг. и еще худшие показатели за 2020 г., своего рода незапланированной «шоковой терапией» для населения привели к резкому падению уровня доверия к власти и результатам муниципальных выборов. Некоторые эксперты полагают, что Турция надолго вошла в состояние рецессии и для дальнейшего активного развития ей потребуются структурные изменения в экономике и принятие непопулярных мер по жесткому бюджетному контролю и, возможно, запросу помощи от международных кредиторов, которые заставят турецкие власти перейти к режиму экономии. Очевидно, что оба варианта приведут к дальнейшему падению рейтинга Р. Эрдогана и Партии справедливости и развития.

Таким образом, в краткосрочной перспективе власть в Турции может перейти к новым политическим силам, которые будут корректировать внутреннюю и внешнюю политику Турции, которая в случае ухода Р. Эрдогана может стать более умеренной и сбалансированной.

Египет на протяжении долгого времени считался одним из образцов стабильности и безопасности. Текущее положение дел в стране формирует крайне негативную динамику, которая в перспективе может привести к беспрецедентному даже по меркам региона социально-политическому взрыву, способному нанести труднопоправимый урон всему Ближнему Востоку и, следовательно, повлиять на сопутствующие процессы глобальной повестки. Проблемы страны, связанные с утратой статуса регионального лидера, имеют множество вводных, одной из которых является неконтролируемый рост населения. Так, онлайн счетчик на официальном сайте Государственного агентства по статистике Египта, отсчитывающий в реальном времени численность населения, в феврале 2020 года превысил отметку в 100 млн. человек. Этот демографический рубеж многими экспертами неоднократно характеризовался как «точка невозврата» и начало длительного неуправляемого кризиса, способного привести к самым удручающим последствиям военно-политического, а также социально-экономического свойства и для Египта, и для ближневосточного региона.

Подобные оценки связаны с отсутствием у страны потенциала к долгосрочному обеспечению продовольственной, социальной, экономической и политической безопасности в новых реалиях. Безусловно, рост населения не стал сиюминутной проблемой, и власти Египта пытались проводить политику регуляции в этой сфере (например, кампания «Двух достаточно»). Однако довести уровень рождаемости до приемлемых значений так и не удалось – средний прирост за последние десять лет составил около 2 %. По оценкам ООН, если страна не обуздает нынешние темпы рождаемости, то Египту через десять лет потребуются дополнительно 400 тыс. врачей и более миллиона учителей. Помимо этого, усугубится и не без того сложная ситуация на рынке труда, который может получить в среднесрочной перспективе до пяти миллионов свободных рук к уже имеющемуся высокому показателю безработицы. Средний возраст необеспеченных работой будет менее 25 лет, что сформирует в стране настоящую армию молодых невостребованных людей, готовых к активным действиям по смене текущей системы государственного управления.

Дополнительным негативным фактором обострения обстановки в стране послужил политический кризис (2011–2014 гг.), когда развернулась борьба за власть между военными и «Братьями-мусульманами», что погрузило страну в управленческий хаос и привело к потере жизненно необходимого времени для решения первостепенных для Египта проблем.

Преодоленная демографическая отсечка стала неизбежной реальностью, заставляющей обратить внимание на целый комплекс дополнительных проблем, которые одновременно и усугубляют положение и являются частичными причинами существующего кризиса в Египте, который ограничен в ресурсах; обременен особенностями своего географического положения; скован в тисках внутриполитических противоречий; лишен адекватного восприятия действительности со стороны высшего руководства страны; истощен многими малоэффективными затратными инфраструктурными проектами – и все это в рамках отрицательной динамики региональной и глобальной повесток.

Страна, население которой недавно перешагнуло стомиллионную отметку, активно пытается решить проблему водоснабжения с учетом текущих демографических показателей. Связано это в том числе и с отсутствием взаимопонимания Египта и Эфиопии в вопросе строительства плотины «Возрождение».

В соответствии с существующими квотами АРЕ ежегодно получает из Нила 55,5 млрд кубометров пресной воды, что по данным ООН может покрывать растущие потребности страны лишь до 2025 года.

Исходя из этого, Египет, для которого вопрос распределения квот Нила является жизненно важным, может пойти на решительные меры, способные повлечь за собой серьезные глобальные и региональные последствия. На данный момент вырисовываются три возможных варианта действий со стороны египетских властей. Во-первых, отстаивая свои национальные

интересы и водную безопасность, он наносит авиаудары и разрушает плотину, для чего у него есть необходимый военный потенциал. Второй вариант – объявить о долгосрочной войне против Эфиопии и поддержать ее врагов на Африканском Роге, оказать содействие сепаратистам в Огадене, аннексированном Эфиопией, встать на сторону Эритреи в ее территориальных спорах с Эфиопией. Третье – руководство Египта отступает и подчиняется свершившемуся факту, избегая войны и ее возможных потерь.

Этим же отчасти продиктована активная политика Египта в отношении Ливии с ее разведанными подземными водными запасами в 35 тыс. км^3 и самым крупным инженерно-строительным проектом современности «Великая рукотворная река», рассчитанным на доставку до 6,5 млн. кубометров воды ежедневно, способным стать частью решения египетской водной проблемы.

Таким образом, Ближний Восток, продолжая оставаться источником постоянных конфликтов, в среднесрочной перспективе может обзавестись еще одним очагом напряженности в лице государства, которое долгое время характеризовалось как относительно стабильное и устойчивое как к внутренним, так и региональным и глобальным потрясениям.

Египет в настоящее время смог аккумулировать такое количество внутренних проблем практически во всех сферах и областях жизнедеятельности, что очутился на пороге социально-политической и экономической катастрофы. Ситуация усугубляется еще и тем, что, несмотря на потерю статуса регионального лидера, он продолжает оставаться одним центров силы на Ближнем Востоке, формирующим хрупкую региональную систему безопасности, которая может кардинальным образом измениться с учетом крайне негативной динамики в Египте.

Пандемия коронавируса и нестабильная ситуация на рынках энергоносителей вынуждают власти Саудовской Аравии корректировать бюджет, принимать «болезненные» и непопулярные меры и ожидать глубокого сокращения расходов, поскольку страна сталкивается с двойным кризисом, вызванным пандемией COVID-19 и обвалом на мировых рынках нефти. Примечательно, что еще до всех глобальных потрясений саудовский бюджет был сверстан с расчетом на то, что его дефицит составит не более 6,7 %, что и так является наивысшим показателем за всю историю страны. Однако перипетии 2020 года значительно повлияли на прогнозы относительно итоговых показателей соотношения между доходной и расходной частями бюджета Саудовской Аравии. Ожидания различных финансовых институтов и рейтинговых агентств варьируются между 13 % и 15 % в зависимости от конъюнктуры на нефтяном рынке и скорости восстановления мировой экономики.

С целью демпфирования последствий кризиса Саудовской Аравией принимается целый набор фискальных мер. Так, уже объявлено, что королевство утроит налог на добавленную стоимость с 5 % до 15 %

в июле, приостановит надбавку на прожиточный минимум для работников государственного сектора. Также произойдет сокращение и задержка реализации национальных проектов, являющихся частью проекта Saudi Vision 2030, многомиллиардной инициативы, направленной на диверсификацию и реформирование саудовской экономики с целью снижения ее зависимости от продаж энергоносителей. На текущий момент общее сокращение государственных расходов составляет порядка 100 млрд риалов (26,6 млрд долл. США), что составляет примерно 10 % от общих расходов из первоначального бюджета на 2020 год.

Для Саудовской Аравии ситуация усугубляется многочисленными финансовыми обязательствами, которые призваны поддержать статус страны как одного из региональных лидеров. В первую очередь, речь идет об уже упомянутой инициативе Saudi Vision 2030, отсрочка выполнения которой ставит под большой вопрос среднесрочные перспективы королевства по частичной смене ориентации экономики и повышения ее маневренности в условиях нестабильных цен на углеводородное сырье. Также необходимо упомянуть пока не затронутый сокращением, чрезмерно раздутый, непропорционально размерам и успехам саудовской армии военный бюджет. Ожидалось, что расходы страны на вооруженные силы в 2020 году составят 67,6 млрд долл. США, что уступает только соответствующим расходам США и Китая и практически на 20 млрд превосходит зачастую критикуемый Западом «милитаристский» военный бюджет России. При этом, согласно различным профильным рейтингам, по военному потенциалу в мире Саудовская Аравия не входит даже в десятку, а на Ближнем Востоке уступает Египту, Турции и Ирану, военные бюджеты которых в совокупности не дотягивают до королевства. Наконец, существенная расходная статья бюджета Саудовской Аравии – финансовая помощь иностранным государствам, которую уместно рассматривать как один из основных инструментов ее внешней политики, главным образом, в ближневосточном регионе, также может быть урезана.

За последние 20 лет Саудовская Аравия предоставила более 90 млрд долл. в виде иностранной помощи 79 странам. Основными реципиентами денег королевства выступают страны Ближнего Востока. Так, за указанный период Йемен получил около 17 млрд долл., Сирия – 7 млрд долл., Египет – 2,2 млрд долл., Палестинская автономия – 2 млрд долл., Судан – 1,5 млрд долл. и т.д. При этом речь идет именно о средствах, направляемых целевым образом на различные гуманитарные и инфраструктурные проекты. В дополнение к этому саудовцы, зачастую совместно с другими монархиями Аравийского полуострова выдавали значительные кредиты странам региона.

Очевидно, что в текущих кризисных условиях и при сохранении длительной негативной конъюнктуры на нефтяном рынке королевство будет вынуждено корректировать свои механизмы влияния на сопредельные государства. Основной вопрос заключается в том, какими будут изменения в рассматриваемом сегменте внешней политики Саудовской Аравии?

Будут они иметь количественные или качественные преобразования? К сожалению, для себя, Эр-Рияд не смог выработать альтернативные механизмы реализации своей политики на Ближнем Востоке, что означает невозможность резкого снижения расходов на поддержку соседних государств. Для многих стран региона саудовская поддержка является чуть ли не единственной возможностью компенсировать внутриэкономические проблемы на щадящих условиях, в отличие от, например, кредитов, предоставляемых международными экономическими институтами. При этом гарантией получения помощи, естественно, выступает лояльность внешнеполитическим императивам Саудовской Аравии.

С учетом вышесказанного можно сделать вывод, что для Саудовской Аравии и всех ближневосточных государств, возможно, наступает период качественных изменений в механизме взаимодействия друг с другом, что способно привести как к обособлению определенных региональных акторов от королевства, так и к усилению субъектно-объектных связей с ним.

На текущий момент ситуация с распространением вируса COVID-19 на Ближнем Востоке следует в общемировом фарватере: рост числа зараженных, введение жестких мер контроля, поиск вакцины и т.д. Также регион не обошли стороной экономические проблемы. Согласно прогнозам, экономические показатели стран Ближнего Востока должны были улучшиться в 2020 году после относительно длительного периода нестабильных цен на нефть, глобальной экономической рецессии, протестов в ряде стран региона и геополитической напряженности. Очевидно, что этим ожиданиям не суждено сбыться по причине пандемии, ухудшения показателей рынка на энергоносители и упадка целых секторов экономики. Невозможно преувеличить потенциальные катастрофические последствия этих ударов, которые ограничат способность большинства ближневосточных правительств демпфировать экономические потери.

В меньшей степени пострадают нефтедобывающие аравийские монархии, обладающие подушкой безопасности в виде миллиардов накопленных золотовалютных резервов, которые позволят достаточно долгое время купировать негативное воздействие пандемии. Однако и эти страны не готовы к длительному радикальному влиянию падения цен на нефть и к усугубившему их снижения спроса на черное золото в связи с коронавирусом. Проблемы у нефтяных режимов также возникнут в сферах, которые обеспечиваются дешевой неквалифицированной иностранной рабочей силой. Ее приток на рынок труда может быть долгое время ограничен.

В красной зоне находятся остальные арабские государства региона. Без наличия существенных золотовалютных резервов под угрозой находится вся их экономическая жизнедеятельность. Практически не защищены бедняки и средний класс, особенно с учетом уже обостренной социально-экономической ситуации. С небольшими или нулевыми сбережениями и низкими субсидиями на питание, без страхования на случай безработицы

значительная часть населения, занятая неофициальной работой, в сложившихся условиях не в состоянии позволить себе платить по счетам в течение долгого периода. Также не ясно, способны ли большинство правительств реагировать на усиливающуюся нагрузку на системы здравоохранения и каналы распределения продуктов питания.

В результате, чем дольше продлится экономическая неопределенность, вызванная пандемией коронавируса, тем большее социальное давление будет оказываться на руководства стран Ближнего Востока с ограниченными возможностями. Это может привести к полномасштабным региональным протестам практически во всех государствах, не обеспеченных достаточными золотовалютными резервами. Многие эксперты свидетельствуют, что могут потребоваться срочные денежные вливания со стороны международных кредиторов, а это увеличит бремя выплат и ухудшит социально-экономические показатели. Сложная ситуация формируется и в Турции. Здесь население в общей массе положительно реагирует на действия властей, которые приняли своевременные меры для обеспечения безопасности, выделили значительные средства на поддержание экономики.

Вместе с тем пандемия наносит огромный ущерб турецкой экономике, которая и так страдала от дефицита бюджета, слабой финансовой системы и низкого уровня золотовалютного резерва. Все это накладывается на военные расходы в Сирии и Ливии, отрицательно влияющих на потенциал страны. Коронавирус больше всего затронет сектор транспорта, туризма и авиации. Только в 2019 году Турция приняла около 52 млн туристов, что делает ее шестой по посещаемости страной в мире. Поскольку туризм – один из наиболее важных источников дохода для экономики Турции, испытывающей нехватку денежных средств, воздействие пандемии в этом секторе будет катастрофическим. Следовательно, Турция, и без того разогретая внутриполитическим кризисом, может столкнуться с кризисом управления, способным привести к смене власти.

Умеренно оптимистичный прогноз складывается в отношении Израиля, который успел принять адекватные меры по предупреждению распространения вируса. Кроме того, экономика Израиля является самой стабильной на Ближнем Востоке и, скорее, выиграет от низких цен на нефть, а также сможет оказать всецелую поддержку бизнесу. Также в отношении Израиля наблюдается снижение напряженности в контексте палестино-израильского конфликта, временно отошедшего на второй план в связи с взаимодействием в вопросах профилактики заболевания COVID-19. Единственным негативным фактором выступал рост недовольства Биньямином Нетаньяху со стороны оппозиции, которая считала, что он превышает свои полномочия в ситуации отсутствия официального правительства, поскольку правящая коалиция не была сформирована после законодательных выборов в Израиле в 2020 году. В итоге 13 июня 2021 г., большинством голосов в 60 против 59, израильский парламент – Кнессет –

проголосовал вотум доверия 36-му правительству государства Израиль во главе с лидером партии «Ямина» Нафтали Бенетом.

С учетом динамики текущих военно-политических и социально-экономических процессов на Ближнем Востоке этот регион продолжит оставаться для России источником вызовов и угроз различного характера, что будет требовать постоянного присутствия там Российской Федерации.

Основные риски России в контексте развития ближневосточного региона связаны с угрозой международного терроризма, распространением оружия массового уничтожения, экспортной политикой нефтедобывающих государств региона, агрессивной политикой Анкары, кризисом в Сирии, деструктивной политикой США в регионе и т.д.

Таким образом, от российского руководства в ближайшие пять-десять лет будет требоваться максимальная активность на ближневосточном внешнеполитическом направлении. Повышение роли России в регионе и повышение места Ближнего Востока в списке внешнеполитических приоритетов России связаны и с поиском мира, стабильности, территориальной целостности, отстаиванием норм международного права.

Роль России на Ближнем Востоке может усилиться из-за ряда аккумулирующих факторов:

– участие в энергетических проектах;

– повышение эффективности восточного и южного направлений во внешней политики России;

– возможное появление новых интеграционных схем взаимодействия с потенциальными партнерами и союзниками, смыкание известных коллективных форматов;

– стремление стран региона к диверсификации своей внешней политики; возможное появление новых угроз.

Стратегия дальнейшей политики Российской Федерации в Ближневосточном регионе должна заключаться в отстаивании и защите своих национальных интересов, быть способной к адаптации и стратегической гибкости в контексте современных и прогнозируемых вызовов и угроз. Ближний Восток в силу различных причин объективного характера продолжит в краткосрочной и среднесрочной перспективе оставаться одной из наиболее проблемных точек на мировой политической карте. Кризисное состояние региона будет определяться вопросами политического, военного, социально-экономического характера, что в значительной степени нивелируют потенциал его развития. Ближневосточные процессы будут определять динамику глобальной повестки и влиять на внешнюю политику ведущих международных игроков, что возведет регион в ранг одного из наиболее проблемных пространств современной мировой политики в ближайшее десятилетие.

3.9. Вызовы и угрозы в Центрально-Азиатском регионе

Центрально-Азиатский регион (Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан, Таджикистан и Туркменистан), находясь на южном фланге постсоветского пространства, является одним из значимых элементов континентальной стабильности и безопасности, стратегическим буфером против внешних угроз, и многие стратегические интересы вынуждают Россию бороться за сохранение стабильности в Центральной Азии.

На фоне мировой пандемии коронавируса классические угрозы безопасности странам Центральной Азии временно оказались на периферии внимания, но остаются актуальными и ожидаемо будут возрастать по итогам окончания острой фазы пандемии COVID-19.

Регион обладает существенным природно-ресурсным потенциалом, включая стратегические виды минерального сырья (нефть, природный газ, уран, редкие, драгоценные и цветные металлы и пр.) и значительные гидроресурсы. Он имеет значительные транзитные возможности, способные превратить его в один из ключевых континентальных транспортных узлов и обеспечить надежные торгово-экономические связи между государствами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), Среднего и Ближнего Востока, Южной Азии и Европы. Центральная Азия является регионом жизненных интересов Российской Федерации, зоной российского исторического влияния, от обстановки в которой прямо зависит национальная безопасность нашей страны.

Постсоветская Азия с географической точки зрения – значительная часть юго-восточной границы России протяженностью более 7,5 тыс. км. Со стороны России с Центральной Азией граничат 12 субъектов Российской Федерации, среди которых такие значимые, как Волгоградская, Самарская, Челябинская, Омская области и др. Вдоль границы сосредоточен значительный российский промышленный потенциал, крупнейшие города Сибири, Урала и Поволжья, стратегически важные коммуникации, связывающие центральную часть России с Сибирью и Дальним Востоком, либо пролегают в непосредственной близости от границы, либо пересекают территорию Казахстана.

В стратегическом плане Российская Федерация крайне уязвима со стороны Центральной Азии. Особое место при этом имеет Казахстан, являющийся в силу своего геополитического положения буфером между Россией и Средней Азией.

Все государства Центральной Азии являются на договорной основе стратегическими партнерами России, а четыре из них (кроме Туркменистана в силу статуса постоянного нейтралитета) – ее официальными союзниками.

Рынок республик Центральной Азии важен для России. Здесь реализуется значительная доля российского экспорта продовольствия, транспортного оборудования и машин, текстильной продукции и др. Центральная Азия является основным источником трудовых ресурсов

для экономики Российской Федерации. Регион остается крупным поставщиком энергоресурсов, которые транспортируются по территории России на рынки Европейского союза (ЕС).

Российская Федерация в своей центрально-азиатской стратегии традиционно уделяет серьёзное внимание не силовым методикам противодействия угрозам региональной безопасности (стимулирование экономического сотрудничества и евразийской интеграции, помощь в попытках государств Центральной Азии модернизировать культурную и образовательную сферы, информационно-идеологическое воздействие и др.). Основной упор Российская Федерация делает на военно-политические методы противодействия вызовам и угрозам «нетрадиционного ислама», а также внешним силам, использующим религиозный радикализм и иные внутренние проблемы центрально-азиатских обществ в своих геополитических и геостратегических целях.

На постсоветском пространстве республики Центральной Азии в наибольшей степени после распада СССР столкнулись с трудностями и вызовами. В регионе внешние факторы, включая геополитическую конкуренцию вне региональных акторов и перманентную нестабильность в Афганистане, накладываются на многочисленные внутренние источники напряженности. К таковым можно отнести распространение идеологии религиозного экстремизма и терроризма, общий рост радикального национализма, межэтнические противоречия, всё чаще переходящие в насилие, природные и техногенные экологические проблемы, высокая вероятность роста незаконной миграции и неконтролируемых потоков беженцев из зон экологического бедствия и конфликтов и т.д.

По данным ООН на конец 2020 года, около 37 % земель Центральной Азии деградировано (один из самых высоких показателей в мире). Основными причинами при этом остаются глобальное изменение климата и нерациональная хозяйственная деятельность. За последнее десятилетие средняя температура в весенний период в Центральной Азии увеличилась на 0,6°С, каждый год регион теряет около 1–1,5 % площади ледников.

В регионе отмечается наличие межгосударственных противоречий и стремление каждого из «центрально-азиатской пятерки» реализовать без учёта интересов партнёров собственные интересы. Основным камнем преткновения остаётся проблема несогласованности гидроэнергетического и ирригационного режимов водостоков трансграничных рек[384].

При неблагоприятном развитии ситуации локальный конфликт между государствами Центральной Азии может возникнуть и в связи с незавершенностью процесса делимитации и демаркации межгосударственных границ, которая выливается в периодические стычки жителей сопредельных территорий. В их основе лежат споры

[384] *Прохватилов В.* О водно-энергетических проблемах Центральной Азии // Фонд стратегической культуры. 2021. 5 февр. – URL: https://www.fondsk.ru/news/2021/02/05/o-vodno-energeticheskih-problemah-centralnoj-azii-52852.html (дата обращения: 11.09.2021).

о принадлежности земельных и водных ресурсов, использовании транспортной инфраструктуры. В подобных инцидентах все чаще участвуют военнослужащие и силовые структуры и все чаще применяют оружие. Наиболее сложной остается ситуация на киргизско-таджикском и киргизско-узбекском участках границы. Наличие анклавов также генерирует риски эскалации межгосударственной напряженности.

На региональную безопасность негативно влияет проходящий через Центральную Азию один из основных каналов «афганского» наркотрафика. Совокупный объем оборота наркотиков в Афганистане оценивается примерно в 30 млрд долл. в год, тут производится около 90 % мировых объемов опиума.

Согласно данным ООН, ежегодно из Афганистана экспортируется порядка 7 тыс. тонн опия и героина[385]. Регион весьма уязвим для международных религиозно-экстремистских и террористических структур, под влиянием подрывной деятельности которых продолжается радикализация центральноазиатских обществ.

Существуют серьезные риски проникновения в регион диверсионных групп с целью проведения терактов в крупных городах и создания ячеек бандподполья. С учетом общей слабости силового ресурса стран региона Центральной Азии даже несколько десятков хорошо подготовленных и мотивированных боевиков могут стать катализатором для дестабилизации в регионе и вокруг него. Террористическая угроза, имеющая четкую тенденцию к росту, остается серьезным вызовом внутриполитической стабильности и безопасности не только республик Центральной Азии, но и России, в которой в последние годы участились аресты граждан центральноазиатских стран, подозреваемых в экстремизме и терроризме.

Очевидно, необходимо продумать и выработать схему взаимодействия специальных служб государств Центральной Азии и Российской Федерации для противодействия террористическому подполью. Взаимодействие силовых структур, защищающих государственную безопасность, уже существует, но в условиях ожидаемой активизации внешнеполитической конкуренции мировых центров силы в центральноазиатском регионе этот механизм нуждается в модернизации.

Значительный конфликтогенный потенциал сохраняется в социально-экономической сфере республик Центральной Азии. Турбулентность в мировой экономике, снижение цен на энергоресурсы, падение объемов денежных поступлений от трудовых мигрантов, монополизация внутренних рынков, слабая диверсифицированность экономик и т.д. негативно влияют на регион. Экономики стран Центральной Азии ориентированы на экспорт

---

[385] *Гаман Е.* Талибский фактор для Центральной Азии – как жить после американского // News Front. 2020, 16 сент. – URL: https://news-front.info/2020/07/16/talibskij-faktor-dlya-czentralnoj-azii-kak-zhit-posle-amerikanskogo-pobega/ (дата обращения: 14.09.2021).

(сырья, трудовых ресурсов), что порождает диспропорции и снижает общерегиональный экономический потенциал.

К числу важных факторов внутренней дестабилизации следует отнести проблемы с транзитом верховной власти в таких странах, как Казахстан, в котором транзит формально стартовал, но не ясны его временные рамки, в среднесрочной перспективе – Таджикистан и Республика Туркменистан), перманентно – Киргизская Республика. Есть также и долговременные социальные проблемы, которые хотя и в разной степени, но во всех государствах Центральной Азии подрывают стабильность – бедность, коррупция, неконтролируемая исламизация, рост межрегиональных, межэтнических и межклановых противоречий. При этом национальные и региональные границы Центральной Азии достаточно прозрачны и не являются серьезным рубежом защиты от негативных процессов, протекающих у соседей[386].

Население Центральной Азии стабильно растет с советских времен. В 2010 году население региона насчитывало около 61 млн человек, а в 2017 году оно превысило 70 млн[387]. Демографический пресс, дополняемый нарастанием дефицита жизненно необходимых ресурсов, является базой генезиса многочисленных внутренних конфликтов в кратко- и среднесрочной перспективе.

По официальным статистическим данным, в Таджикистане естественный прирост населения в абсолютных значениях составляет 200 тыс. человек, ежегодно население страны растёт на 2,2 %[388]. За годы независимости численность населения Таджикистана выросла с 5,5 млн до 8,54 млн человек (данные на начало 2016 г.)[389]. Численность населения, по официальным прогнозам, составит к 2022 году более 10 млн человек.

В Узбекистане главным фактором существующих и перспективных социально-экономических проблем также является демографический пресс. Ферганская долина – самая густонаселенная, бедная и трудоизбыточная часть ЦА с различными по степени актуальности социально-экономическими проблемами, а также вызовами и угрозами, связанными с экстремизмом

---

[386] *Александров М.* Пограничная безопасность: НПО и социально-политический фактор // Polit-Asia. 2020, 7 окт. – URL: https://polit-asia.kz/pogranichnaya-bezopasnost-npo-i-soczialno-politicheskij-faktor/ (дата обращения: 15.08.2021).

[387] Население стран Центральной Азии превысит 70 млн. в 2017 году // МИА «Казинформ». 2017. 17 янв. – URL: https://www.inform.kz/ru/naselenie-stran-central-noy-azii-prevysit-70-mln-v-2017-godu-erlan-karin_a2987101 (дата обращения: 21.08.2021).

[388] В Душанбе родился девятимиллионный житель Таджикистана // Sputnik Таджикистан. 2018. 26 мая. – URL: https://tj.sputniknews.ru/country/20180526/1025685456/tajikistan-naseleniey-chislennost.html (дата обращения: 25.08.2021).

[389] Демографические показатели по 15 новым независимым государствам. Численность населения на начало года, 1950-2016, тысяч человек // Демоскоп Weekly. 2016. 30 апр. – URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ sng_pop.php (дата обращения: 11.08.2021).

и терроризмом[390]. Ежегодный естественный прирост населения в Узбекистане составляет около 700 тыс. человек. В силу этого население республики на 1 января 2020 г., по данным Государственного комитета по статистике, составило 33 905 800 человек[391].

Основным источником внешней опасности для государств Центральной Азии традиционно остается южное направление, военно-политическая обстановка в котором во многом зависит от процессов, происходящих в Афганистане и приграничных с ним государствах.

Исторически важным политическим событием последних десятилетий стал вывод войск США и их партнеров по НАТО из Афганистана, где они находились почти 20 лет. Эвакуация иностранного контингента обострила противостояние правительственных сил и движения «Талибан», в результате которого верх взяли талибы. Уже к концу лета движение объявило о полном контроле над страной, а затем и об окончании войны.

Вывод американских войск обернулся не только кризисом доверия к США в мире, но и крупнейшим вызовом для администрации президента на внутриполитическом фронте. Его можно сопоставлять с бегством американских войск из Вьетнама в первой половине 70-х годов. За историческим отступлением последовало и второе – падение доверия к политическим и цивилизационным институтам США. Это затронуло и отношения с союзниками, да и вообще рост напряженности во всем мире. Удивительно, но в Вашингтоне заявили, что не считают ошибкой столь быстрый вывод своих военных из Афганистана.

По словам президента США Джо Байдена, у американского руководства было только две цели: найти и наказать виновных в теракте 11 сентября 2001 г. и удостовериться, что «Аль-Каида» не сможет использовать Афганистан как площадку для последующих атак на США[392].

Интересно понаблюдать, насколько инклюзивным будет новое правительство в Кабуле, учитывая исторически присущую Афганистану децентрализацию. Если талибы правильно учтут эту особенность афганского общества, то их режим будет устойчивым. Однако вполне можно допустить ситуацию, в которой при отсутствии консенсуса с региональными группировками сложится положение, подобное тому, что было в конце

---

[390] *Ризоён Ш.* Границы Ферганской долины – как предотвратить трагедию? // Rezoans KZ. 2020, 17 сент. – URL: https://rezonans.kz/granicy-ferganskoy-doliny/ (дата обращения 27.09.2021 г.).

[391] Statistika qo'mitasi – Демографическая ситуация (январь-декабрь 2019 г.) // Государственный комитет Республики Узбекистан по статистике. – URL: https://stat.uz/ru/press-tsentr/novosti-komiteta/8336-436545654-2 (дата обращения: 13.08.2021 г.).

[392] Плата за чужие геополитические амбиции»: почему в Европе назвали ошибкой ввод войск США в Афганистан. – URL: https://russian.rt.com/world/article/914379-evropa-opros-afganistan-oshibka (дата обращения: 13.09.2021 г.).

1990-х годов, когда часть страны контролировалась пуштунами, а на севере власть удерживали таджики и узбеки[393].

События в Афганистане и их дальнейшее развитие вызывают тревогу во всем мире. Наиболее тревожная обстановка сложилась на близлежащих территориях, где расположены многие государства, входящие в такие региональные и мировые объединения как ШОС и СНГ. Неудивительно, что сразу после вывода американских войск и прихода к власти в Афганистане движения «Талибан» в этих организациях произошли заседания и саммиты, на которых в том числе поднимались вопросы дальнейшего развития с новым руководством Афганистана и новейшие вызовы и угрозы региональной и национальной безопасности многих государств и сообществ в целом.

Выступая 17 сентября 2021 года на заседании Совета глав государств – членов ШОС, Президент Российской Федерации В.В. Путин, отметил: «сейчас перед нашей организацией остро стоит задача по проведению общей согласованной линии с учётом тех серьёзных рисков, которые связаны с обострением ситуации в Афганистане после поспешного вывода, если не сказать бегства, из этой страны сил США и их союзников по НАТО. Все мы хорошо понимаем, что происходящее в Афганистане напрямую проецируется на интересы безопасности государств – членов ШОС, и, тем более что целый ряд наших стран имеет с Афганистаном общую границу».

По мнению российского президента «…важно задействовать потенциал организации, чтобы оказать всемерное содействие началу инклюзивного межафганского мирного процесса и одновременно сделать всё, чтобы блокировать исходящие из этой страны угрозы терроризма, наркотрафика, религиозного экстремизма»[394].

Вопросы безопасности в Центрально-Азиатском регионе обсуждались и на заседании Совета глав государств – участников Содружества Независимых Государств, которое прошло 15 октября 2021 г.

В своем выступлении российский президент следующим образом оценил сложившуюся ситуацию: «беспокойство вызывает ситуация в Афганистане, которая несёт риски для Центральной Азии, да и для всего пространства СНГ, несмотря даже на то, что некоторые страны находятся как бы в стороне от этого региона. Тем не менее ситуация требует активизации совместных усилий, прежде всего на контртеррористическом и антинаркотическом направлениях. Отчётливо видна концентрация вблизи границ Содружества экстремистских и террористических группировок: ИГИЛ, «Исламское движение Узбекистана», «Джамаат Ансаруллах», «Аль-Каида» и целого ряда других.

---

[393] После нас – хоть потоп? Афганистан после вывода войск США. – URL: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/posle-nas-khot-potop-afganistan-posle-vyvoda-voysk (дата обращения: 13.10.2021 г.).

[394] Выступление В.В. Путина на заседании Совета глав государств – членов ШОС. 2021. 17 сентября. – URL: http://kremlin.ru/events/president/news/66706 (дата обращения: 11.08.2021 г.).

Их лидеры вынашивают планы по распространению своего влияния на центральноазиатские государства, на российские регионы, делают ставку на разжигание этноконфессиональных конфликтов и религиозной ненависти. Террористы стремятся проникать на территорию Содружества, в том числе и под видом беженцев[395].

Ситуация усугубляется еще и тем, что имеются многочисленные факты, указывающие на активность спецслужб США и Великобритании в создании и укреплении новых группировок из числа как находящихся на территории Афганистана, так и перебрасываемых из зон боевых действий в Сирии и Ираке, боевиков международных террористических организаций, среди которых много выходцев из постсоветских стран и Китая. Значительная часть «постсоветских» боевиков рассматривает Афганистан как плацдарм для будущего проникновения в страны СНГ.

Только в течение лета 2020 года в Узбекистане были арестованы не менее 100 членов «Катибат аль-Таухид валь-Джихад», террористической группы, ответственной за взрывы смертников в метро г. Санкт-Петербурга[396] и у посольства Китая в г. Бишкеке[397]. В Таджикистане в последние годы участились террористические вылазки ДАИШ/ИГИЛ: нападение на заставу «Ишкобод» с множеством погибших, убийство группы иностранных туристов на юге страны, подготовка терактов против российской военной базы и пр. В июне 2016 года состоялась масштабная вооружённая вылазка джихадистов (с попыткой захвата г. Актобе и первого в истории суверенного Казахстана нападения на воинскую часть – штурма расположения национальной гвардии). По данным Комитета национальной безопасности Казахстана, в «актюбинском инциденте» был найден «след ИГИЛ»[398].

Ближайшие годы будут напряженными в плане отражения угроз безопасности в странах Центральной Азии, и ситуация вокруг региона продолжит складываться в негативном ключе, что настоятельно требует от России и Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ, далее Организация) – контроль за ситуацией, разработка и практическая реализация механизмов парирования вероятных угроз на данном направлении.

---

[395] Выступление Президента России на заседании Совета глав государств – участников СНГ. – URLhttp://kremlin.ru/events/president/news/66937 (дата обращения: 21.10.2021 г.).

[396] Следствие назвало имя смертника, устроившего взрыв в Петербурге // РИА Новости. 2017. 4 апр. – URL: https://ria.ru/incidents/20170404/1491470335.html (дата обращения: 11.08.2021 г.).

[397] Теракт в Бишкеке: почему мишенью стало посольство КНР // Deutsche Welle. 2016. 30 авг. – URL: http://www.dw.com/ru/теракт-в-бишкеке-почему-мишенью-стало-посольство-кнр/a-19513437 (дата обращения: 21.08.2021 г.).

[398] *Данилин Н.* Самые шокирующие связи казахстанцев с ИГИЛ // Караван. 2017. 18 мая. – URL: https://www.caravan.kz/news/samye-shokiruyushhie-svyazi-kazakhstancev-s-igil-395036/ (дата обращения: 11.08.2021 г.).

Работа ОДКБ по сокращению рисков, связанных с возможностью вторжения из Афганистана, достаточно прозрачна. Ставка делается на своевременное обнаружение и блокирование попыток групп боевиков прорваться через таджикско-афганскую границу протяженностью 1,344 тыс. км. Риски на данном направлении связаны с активностью боевиков Талибана и других международных террористических организаций в приграничных районах провинций Бадахшан и Кундуз.

Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), как и ОДКБ делает шаги к созданию ресурсов противостояния угрозам в Центральной Азии, но её деятельность пока носит ограниченный характер.

Война на южных границах бывшего Советского Союза – крайне нежелательный вариант для России, но игнорирование перспективы возможной «исламской революции» в регионе нецелесообразно: в случае дестабилизации в Центральной Азии российская экономика, общество и мегаполисы быстро ощутят последствия массовых потоков миграции. Прогнозируем всплеск террористической активности как в традиционно уязвимых регионах Российской Федерации (Северный Кавказ), так и в новых ареалах (Поволжье, Урал, отдельные районы Сибири и пр.).

Сегодняшняя концепция ОДКБ предполагает своевременное обнаружение направлений прорыва экстремистов силами спецслужб и пограничной охраны (первый эшелон обороны), с последующей ликвидацией противника силами национальных армий Центральной Азии и Коллективных Сил Оперативного Реагирования – КСОР (второй эшелон) с использованием превосходства в средствах разведки, связи, артиллерии, боевой и транспортной авиации.

В рамках ОДКБ и по линии двустороннего сотрудничества осуществляется комплексная программа поддержки пограничных сил и ВС Таджикистана и Киргизии. Конкретный объем выделенных средств на текущий момент составляет государственную тайну, однако в течение последних лет неоднократно озвучивалась информация о доставке силами ВКС России крупных партий оборудования для нужд пограничной охраны, включая приборы ночного видения и иные средства визуального контроля.

Российская Федерация регулярно безвозмездно передает Таджикистану большие партии военной и инженерной техники, а также помогает в переоснащении таджикских ВС в рамках Программы модернизации национальной армии. Поставки планируется продолжать до 2024 года в рамках программы помощи в модернизации Вооруженных Сил Республики Таджикистан. «С 2014 года реализуется первый этап программы модернизации армии Республики Таджикистан., которым из России передается широкая номенклатура вертолетной техники, бронетехники, артиллерии, стрелкового оружия и боеприпасов. Из общего объема

запланированных поставок уже передано имущества на сумму 122 млн долл.», – сообщал представитель России на форуме ОБСЕ в 2020 году[399].

Параллельно идут сопоставимые по масштабам поставки бронетехники, боеприпасов, специальных средств и др. для силовых структур Кыргызстана.

Большинство угроз в Центральной Азии носит трансграничный характер, поэтому судьба каждой из стран региона неразрывно связана с судьбой соседей. Наглядным примером является то, что Ташкент много лет усиливает узбекско-афганскую границу и сейчас она уже превратилась в серьезную инженерно сложную оборонительную систему. Проблема в том, что границы с соседями Ташкенту так закрыть не удастся – они слишком протяженны и сложны в физико-географическом отношении смысле.

Вооруженные силы Узбекистана способны отразить угрозу прорыва боевиков, учитывая значительные возможности силовых структур и небольшую протяженность границы, которую охраняют около 10 тыс. военнослужащих Службы государственной безопасности. Также власти располагают качественными вооруженными силами, уровень оснащения и подготовки которых оценивается большинством экспертов как лучший среди всех центральноазиатских армий[400] и достаточный для борьбы с отрядами экстремистов, имеющих легкое оружие.

Оборона границы Таджикистана с учетом поддержки КСОР ОДКБ и ВС России может быть признана сравнительно устойчивой. По мнению ряда российских экспертов, угрозу Центральной Азии представляет узбекско-туркменский «фланг» региона, взаимодействующий со странами ОДКБ, что создает риск возможности внезапных прорывов боевиков на их территорию. Анализ состояния армии и иных силовых структур Узбекистана позволяет считать риски на этом направлении пока небольшими. Ситуация в Туркменистане выглядит значительно хуже, и объективная готовность Ашхабада к отражению террористических атак с юга остается под вопросом. Уровень подготовки личного состава туркменских Вооруженных Сил оценивается как низкий, учитывая слабость национальной учебной базы, отсутствие боевого опыта, некомплект офицерских кадров, многолетнее финансирование армии по «остаточному принципу».

На текущий момент ОДКБ ориентирована на отражение «конвенционных» военных угроз, то есть атак крупных вооруженных отрядов через границу. Однако актуальные угрозы требуют и иных мер: протяженность границы Афганистана и СНГ – более 2 тыс. км.

---

[399] *Погребняк Е.* Россия и Китай укрепляют обороноспособность Таджикистана // Ритм Евразии. 2020. 17 сент. – URL: https://www.ritmeurasia.org/news--2020-09-17--rossija-i-kitaj-ukrepljajut-oboronosposobnost-tadzhikistana-50932 (дата обращения: 28.09.2021 г.).

[400] Армия Узбекистана поднялась в рейтинге военной мощи, но уступила Беларуси // Sputnik Узбекистан. 2021. 15 янв. – URL: https://uz.sputniknews.ru/society/20210115/15798102/Uzbekistan-podnyalsya-v-reytinge-voennoy-moschi-no-ustupil-Belarusi.html (дата обращения: 11.10.2021 г.).

Нынешнее состояние пограничных служб государств Центральной Азии не всегда позволяет обеспечить приемлемый контроль на границе из-за неравномерной плотности населения и мобилизационных резервов, а также общего дефицита ресурсов.

Вопрос о создании коллективных сил пограничной охраны ОДКБ или СНГ давно обсуждается, но не решен до сих пор. Подобным мерам традиционно сопротивляется криминалитет, так как усиление охраны приведет к сокращению потоков контрабанды, в том числе наркотиков и оружия, на которых традиционно наживается ряд региональных организованных преступных группировок и отдельные группы властных центральноазиатских элит. Очевидно, что в сегодняшних условиях данный вопрос нуждается в практическом решении.

Важной мерой по борьбе с терроризмом в Центральной Азии остаётся борьба с теневым сектором экономики, где паразитируют организованные преступные группировки, всё более сращивающиеся с международными террористическими организациями. Контрабанда, производств контрафакта, теневая торговля порождают группы населения, не включённые в сферу влияния госструктур. Накопление ими финансовых ресурсов и инфильтрация в структуры государственной власти создает опасность для общества и политической системы.

«Цветные революции» показали, что ОДКБ как инструмент обеспечения региональной безопасности недостаточно эффективен, поскольку применение её силовых компонентов ограничено рядом барьеров. Очевидно, имеет смысл рассмотреть перспективы дальнейшего расширения возможностей Организации, предусматривающие применение ее коллективных сил (КСОР, КАС, МС и др.).

Многие эксперты сходятся во мнении, что ОДКБ ни разу еще не привлекалась к разрешению или урегулированию конфликтных ситуаций, поскольку в отличие от НАТО в ОДКБ нет четкого обозначения функций, задач, механизмов принятия и реализации решений. В подтверждение этого мнения чаще всего приводятся в пример июньские события 2010 года (межэтнические столкновения на юге Киргизии летом 2010 г.).

Сегодня остаётся неясной роль сил ОДКБ в случае локального конфликта внутри государств Центральной Азии или возникновения «среднеазиатского Майдана». Это внутренний конфликт, но деструктивные его последствия, отражаются на всех участниках организации и стабильности всего региона. Имеется насущная необходимость продумать механизмы действий в рамках ОДКБ в случае возникновения внутренних конфликтов в странах-участниках Организации.

Одним из основных средств воздействия на независимость, безопасность и благосостояние государств-членов ОДКБ стали информационные войны. Они ведутся постоянно, втягивая в свои технологии государственные институты, воздействуя на массы. Ситуация будет усугубляться по мере развития современных информационно-

коммуникативных технологий (ИКТ). Следствием применения методов информационной войны и информационно-психологического воздействия уже стало изменение государственного устройства в ряде стран Ближнего Востока, Кавказа и Восточной Европы. Примером тому служит то, что произошло на Украине: ряд лет ангажированные средства массовой информации системно вели антироссийскую пропаганду, вылившуюся в Евромайдан. Если не предпринимать адекватные меры, данная ситуация повторится и в Центральной Азии.

В Центральной Азии целенаправленная работа властей региона по нейтрализации оппозиции может быть оценена как постоянная и успешная, но социальное напряжение в любом случае будет расти, и может сложиться благоприятная среда для попыток реализации сценариев «цветных революций» альтернативной властью в лице различных неформальных структур. Неэффективные антикризисные программы государств не только могут спровоцировать рост социальной напряженности, но и дадут определенные возможности всем неформальным структурам (религиозным, криминальным, кланово-трайбалистским) перетянуть на свою сторону население, испытывающее растущий кризис доверия к действующей власти.

Давление внешних акторов на регион создаёт новое поле угроз для России. Остаться в стороне от нарастающего американо-китайского конфликта для любого игрока на международной арене будет непросто. Тем более это относится к странам Центральной Азии. В таких обстоятельствах регион становится одной из ключевых (после АТР) площадок противостояния между Китаем и США. Пока основным аспектом текущего этапа противостояния в регионе является информационная борьба. Прозападные неправительственные организации и СМИ в регионе активно ведут системную антикитайскую кампанию. Также системно ими ведётся критика России и российских интеграционных проектов.

Параллельно страны Запада сохраняют заинтересованность в расширении своего влияния на сферу безопасности региона. Естественное беспокойство вызывают возможные непродуманные практические шаги США в Центральной Азии, способные привести к формированию обширных зон нестабильности вблизи с южными рубежами Российской Федерации.

На фоне деградации традиционных американских партнёрств в Южной Азии обозначается необходимость кооперации с ключевыми странами Центральной Азии в области управления глобальным энергетическим рынком, контроля мировых торговых маршрутов, поддержки присутствия США в Ираке, Сирии и Афганистане и пр. По мере прогрессирующего сужения возможностей военного базирования в Ираке и странах Залива, Вашингтону вновь необходимы некие военные точки опоры в Центральной Азии, с которых можно осуществлять контроль и за самим регионом, и за прилегающим пространством.

Как утверждается в последней американской стратегии по Центральной Азии, США уже вложили в регион 9 млрд долл. прямой помощи

на государственном уровне, 31 млрд долл. частных инвестиций и более 50 млрд в виде кредитов и технической помощи от международных структур с американским участием (Всемирного банка, Международного валютного фонда и ряда других организаций).

Отдельно отмечается, что США вложили более 90 млн долл. в укрепление границ государств Центральной Азии, провели около 200 военных учений и повысили квалификацию более 2,6 тыс. центральноазиатских пограничников[401]. Самую серьёзную тревогу вызывают военно-биологические объекты США в регионе (Казахстан, Узбекистан).

Ряд экспертов полагает, что Соединённые Штаты при помощи подобных проектов и договоренностей хотят закрепиться в регионе, чтобы использовать его для сдерживания России и Китая[402].

Мировые кризисные явления разворачиваются на фоне многосторонней дестабилизации военно-стратегической обстановки. Параллельно нарастает угроза распада режимов ограничения вооружений и недопущения конфликтов. Из-за необходимости концентрации на внутренних проблемах часть ведущих стран мира (США и большинство стран Евросоюза) останутся в среднесрочной перспективе малонадежными партнерами.

Объективно растет вероятность непреднамеренной эскалации ряда конфликтов, стремление использовать их для отвлечения населения и элит от нарастающих внутригосударственных проблем. Продолжение и углубление социально-экономических кризисных явлений будет вести к внутренней дестабилизации ряда государств и распаду политических систем. Эти тенденции в полной мере касаются и южной периферии России – центральноазиатских государств-лимитрофов.

Подход России к упрочению влияния в ЦА, как представляется, должен концентрироваться вокруг фундаментальных принципов. Необходимо стремиться использовать «защиту стабильности» и «нормы» как основной принцип и ценность российской внешней политики. В рамках этого подхода интересы Российской Федерации могут быть защищены наилучшим образом, в т.ч. с использованием экономических и военных рычагов влияния.

В настоящее время региональная стабильность оказывается под угрозой из-за нестабильной и потенциально взрывоопасной внутриполитической ситуации, а также угроз, исходящих извне. Российское военное присутствие в регионе – страховка от угрозы нестабильности, исходящей из Афганистана, и создание на южных периферийных территориях Российской Федерации зон сдерживания вызовов и угроз

---

[401] Стратегия Соединенных Штатов в Центральной Азии на 2019-2025 годы: укрепление суверенитета и экономического процветания. Доклад Бюро по делам Южной и Центральной Азии. 5 февраля 2020 г. // Сайт Посольства США в Таджикистане. – URL: https://tj.usembassy.gov/ru/pr-02052020-ru/ (дата обращения: 03.09.2021 г.).

[402] *Мирзаян Г.* Новая стратегия Трампа: «С КНДР не вышло, но мы победим Китай и Россию!» // РИА Новости. 2017. 19 дек. – URL: https://news-front.info/2017/12/19/novaya-strategiya-trampa-s-kndr-ne-vyshlo-no-my-pobedim-kitaj-i-rossiyu/ (дата обращения: 07.09.2021 г.).

различного характера. В то же время ни Россия, ни ОДКБ не вмешиваются в суверенные дела центральноазиатских государств.

Эффективность военной мощи в ОДКБ держится на России. Военно-политическое руководство Российской Федерации понимает важность момента и консолидирует своих союзников. Несмотря на усиление военного потенциала России, возможности ее вмешательства в межэтнические и межрелигиозные конфликты ограничены. Пока часть ресурсов оттягивают на себя существующие конфликты на востоке Украины и война с исламистскими террористами на Ближнем и Среднем Востоке.

Россия в Центральной Азии продолжает играть уникальную и ведущую роль гаранта региональной военной безопасности. В связи с выводом из Афганистана американского военного контингента соответствующая роль России только возросла, что выразилось в усилении российского разноформатного содействия укреплению обороноспособности этих республик, и в целом, значимости роли России в укреплении приграничной и региональной безопасности.

Военно-политические и военно-технические связи российского государства с Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном через ОДКБ и на двусторонней основе со всеми странами Центральной Азии представляют собой особое направление политики сохранения региональной стабильности. При этом несколько ограниченным можно назвать военное сотрудничество лишь с Туркменистаном (стороны поддерживают контакты лишь в сферах военно-технического сотрудничества и подготовки туркменских военнослужащих в российских вузах на льготной основе).

Российские базы в Таджикистане и Киргизской Республике, ряд военных объектов на территории Казахстана частично компенсируют слабость России в экономической сфере.

Данное положение создает для России приемлемую платформу в развитии сотрудничества с регионом в военно-политической сфере. Новейшая история этого сотрудничества противоречива. В период после 1991 года произошло серьезное ослабление российского военно-политического влияния в Центральной Азии, снизился уровень российского военного присутствия, включая потерю ряда военных объектов в государствах постсоветской Азии. При этом после получения независимости страны Центральной Азии при создании национальных вооруженных сил и обеспечении защиты границ опирались на помощь российской стороны. Российские военнослужащие в течение относительно длительного периода защищали их рубежи: в Киргизской Республике – до 1999 г., в Туркменистане – до 2000 г., в Республике Таджикистан – до 2005 г.

Россия (в том числе и через усиление своих военных объектов в Центральной Азии) демонстрирует готовность и далее выступать гарантом безопасности в регионе. Вооруженные Силы Российской Федерации, превосходящие в значительной степени боевые способности армий государств Центральной Азии, за последнее десятилетие существенно

нарастили силы для парирования любых возможных вызовов. Об этом свидетельствуют многочисленные зарубежные рейтинги последних лет («Global Firepower-2021» − «GFP»[403], рейтинги «Credit Suisse» и др.), составленные, исходя из различных индикаторов военной мощи государств, в которых Российская Федерация, даже без учета ядерного арсенала, стабильно входит в тройку сильнейших армий мира.

Примечательны позиции, занимаемые центральноазиатскими партнерами Российской Федерации в рейтинге «GFP-2021»: Узбекистан – на 51-м месте[404], Казахстан – на 62-м, Туркменистан – на 86-м, Киргизстан – на 93-м[405] и Таджикистан – на 99-м[406].

Следовательно, имеющийся военный потенциал государств Центральной Азии не позволяет эффективно противодействовать всему спектру военных угроз и угроз военного характера, требуя военно-политической интеграции и объединения усилий в рамках региональных систем коллективной безопасности[407]. Впрочем, и без оценок зарубежных экспертов ясно, что российские вооруженные силы входят в число самых передовых и наиболее технологически развитых армий мира, а Россия способна и в будущем обеспечивать региональную военную безопасность.

Использование российского военного присутствия на территории государств Центральной Азии, расширяющее возможности дальнейшего военно-политического сотрудничества с государствами региона, является для России одним из приоритетов государственной политики.

При отсутствии достаточных ресурсов и политической воли у руководства большинства государств Центральной Азии к созданию собственного необходимого военного потенциала, участие в военно-политических договорных отношениях и военно-техническое сотрудничество остаются единственными возможными механизмами обеспечения региональной безопасности в военной сфере.

В текущих условиях помимо вышеупомянутых направлений деятельности Российской Федерации, как представляется, следует предпринять ряд шагов.

---

[403] Russia Military Strength (2021). Countries Ranked by Military Strength // GFP. 2021. – URL: https://www.globalfirepower.com (дата обращения: 28.09.2021 г.).

[404] Армия Узбекистана поднялась в рейтинге военной мощи, но уступила Беларуси / Sputnik Узбекистан. 2021. 15 янв. – URL: https://uz.sputniknews.ru/society/20210115/15798102/Uzbekistan-podnyalsya-v-reytinge-voennoy-moschi-no-ustupil-Belarusi.html (дата обращения: 14.10.2021 г.).

[405] 2021 Military Strength Ranking // GFP. 2021. – URL: https://www.globalfirepower.com/countries-listing.asp (дата обращения: 09.10.2021 г.).

[406] Военная мощь и сила Таджикистана в цифрах // Sputnik Таджикистан. 2021. 22 янв. – URL: https://tj.sputniknews.ru/infographics /20210122/1032669894/voennaya-mosch-tajikistan.html (дата обращения: 19.10.2021 г.).

[407] *Звягельская И., Наумкин В.* Нетрадиционные угрозы, проблемы и риски на бывшем советском Юге // Безопасность России. XXI век. Институт Восток-Запад. М., 2000. С. 570−573 (дата обращения: 28.10.2021 г.).

1. Сохраняется научная и практико-политическая необходимость комплексного рассмотрения и осмысления проблемы участия России в процессе обеспечения безопасности ее центральноазиатских партнеров. Глубокая вовлеченность в мир конфликтующих или деградирующих государств, ненадежных партнеров будет приносить все меньше выгод при росте затрачиваемых на их поддержку ресурсов.

Необходима выработка на уровне государственно принятой стратегии критериев пределов и условий поддержки государств Центральной Азии (военно-политической, военно-технической, экономической и пр.) со стороны России.

В текущих условиях роста мировых изоляционистских тенденций и нарастания дефицита ресурсов любого рода помощь может оказываться лишь государствам, реально являющимся союзниками России, имеющим потенциал для борьбы за собственное выживание, способным своим распадом нанести ущерб российской национальной безопасности и интересам.

2. В случае признания той или иной страны Центральной Азии, соответствующей вышеуказанным критериям, сместить акцент с оказания помощи (экономической, финансовой, военно-технической) на проекты в области содействия развитию, способствующие созданию новых рабочих мест в государствах Центральной Азии, повышению эффективности национальных силовых структур и т.д.

3. Необходимо укрепить потенциал в сфере оказания помощи (военно-технической, медицинской, технической, финансовой и т.д.) по двусторонним каналам, возможно, через создание некоей специализированной структуры (агентства). Это придаст новое качество исторически сложившейся донорской активности Российской Федерации в Центральной Азии, повысит согласованность предпринимаемых шагов, усилит контроль над их реализацией. Возложить на данную структуру ответственность за формулировку стратегии по оказанию помощи странам региона Центральной Азии.

4. Целесообразно рассмотреть возможность реализации стратегии и среднесрочной программы оказания помощи странам Центральной Азии через работу межведомственной комиссии, координировать деятельность которой должна новая структура (во взаимодействии с соответствующими департаментами МО, МИД и др.). В межведомственную комиссию должны входить представители ключевых государственных центров руководства России. Необходимость такого подхода диктуется уязвимостью государств ЦА и тем, что многие проблемы лежат на стыке безопасности и развития.

5. Необходимо разработать и принять стратегию с прописанной в ней многолетней программы содействия развитию государств Центральной Азии, рассчитанной на среднесрочную перспективу (2020–2030 гг.). В ней должны быть четко обозначены как общерегиональные, так и государственные приоритеты, предполагаемые результаты и критерии эффективности планируемых к реализации программ.

6. Необходим постоянный плотный мониторинг ситуации в регионе, но и продолжение системного накопления знаний о Центральной Азии. Этот процесс должен идти постоянно, на регулярной основе. Ведущие российские аналитические центры должны изучать и систематизировать знания о прошлом и настоящем республик Центральной Азии. Эта работа позволит избежать ошибок при принятии значимых решений, повысит качество прогностики, позволит делать обоснованные выводы о краткосрочных и среднесрочных перспективах регионального развития.

7. В среднесрочной перспективе нужно продолжить процесс создания условий для привлечения молодежи из стран региона к обучению в гражданских и военных вузах России. Увеличение количества обучающихся военнослужащих из государств Центральной Азии в Российской Федерации позволит им лучше оценить преимущества российского вооружения, тактики и организации военного дела.

8. Для усиления влияния в информационном поле необходима системная работа по созданию или поддержке лояльных в отношении России СМИ (в первую очередь, сетевых) на местных языках, чтобы иметь возможность противостоять поддерживаемым США и набирающим популярность в Центральной Азии националистическим силам. Роль СМИ и новых ИКТ особенно значима в условиях сегодняшней мировой геополитической турбулентности, когда всё более активно используются гибридные механизмы влияния на национальную политику, лежащие на стыке силовых и не силовых методик влияния.

3.10. Вызовы и угрозы в Дальневосточном регионе

Социально-политическое и экономическое развитие, а также обеспечение безопасности Дальневосточного региона Российской Федерации неразрывно связаны с процессами, происходящими в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) планеты, который занимает важное место в системе международных отношений в силу многих факторов, включая: геостратегическое и геополитическое положение региона; наличие борьбы за лидерство в регионе между ведущими государствами; динамичный экономический и технологический рост государств АТР и усиление их военного потенциала; сосредоточение в регионе около 40 % населения мира. Несмотря на относительную стабильность в АТР, можно заметить латентные и открытые конфронтационные процессы, в которые вовлечены как мировые (США, Китай, Япония, Россия, Республика Корея и др.), так и региональные (Вьетнам, Индонезия, Таиланд, Филиппины и др.) лидеры.

Присутствие России на Дальнем Востоке имеет давнюю историю. Обеспечение национальных интересов нашей страны в этой части мира входило в число важных задач генерал-губернаторов, начиная с середины XIX столетия. С того времени продвижение России на Дальний Восток встречало сопротивление со стороны государств, рассчитывавших на укрепление своих позиций в регионе. В числе приоритетных национальных интересов России на Дальнем Востоке, практически не претерпевших изменений с момента существования института приамурского генерал-губернаторства, следует выделить заселение и интеграцию Дальнего Востока России в экономико-политическое и социокультурное пространство АТР.

Находящийся на значительном расстоянии от федерального Центра Дальний Восток не является доминирующим субъектом нашей страны. Вместе с тем регион имеет стратегическое значение, гарантируя безопасность сухопутных и морских границ России и территориальную целостность страны. Обеспечение территориальной целостности России на дальневосточных рубежах сводится к недопущению потери обширного пространства, начиная с побережья Тихого океана и до Уральских гор, которое богато природными ресурсами. Это вопрос находится в прямой зависимости от тенденций развития экономики и транспортных коммуникаций региона, решения демографических проблем и создания благоприятных условий для проживания населения в этой части России.

В число национальных интересов России на Дальнем Востоке входит сдерживание экономического натиска стран АТР, реализуемого на внутреннем и внешнем рынках. Территории Дальнего Востока богаты разнообразными природными ресурсами, которые в последние годы нещадно истребляются. В регионе не проводятся гидромелиоративные и мелиоративные мероприятия, сократилось количество лесных площадей, актуализировались экологические проблемы крупных рек региона,

не создается условий для прохода нерестовых рыб к местам нереста, что может привести к исчезновению некоторых видов и изменению дальневосточной экосистемы. Усиление явлений глобализации выдвигает на лидирующие позиции проблемы международной борьбы за сырьевые ресурсы и экономические конфликты в регионе. Экономическая зависимость Дальнего Востока России от ситуации на мировом рынке привела к тому, что к его ресурсам оказались допущены представители зарубежного бизнеса, которые не заинтересованы в сохранении природных богатств российского Дальнего Востока или решении проблем российских дальневосточников. Это негативно влияет на национальную безопасность нашей страны.

Для того чтобы дальневосточные территории России не рассматривались лишь в качестве источника сырья для стран АТР, к числу национальных идей следует отнести диверсификацию направлений развития региона. К числу сегментов, где Россия могла бы стать достойным конкурентом на региональных рынках, необходимо отнести совместное освоение космоса и Мирового океана, создание современных транспортных коммуникаций, которые могут сократить маршруты между Азией и Европой, решение проблем продовольственной безопасности, взаимодействие в научной и культурной сферах, совершенствование национальных систем здравоохранения и образования.

Отмеченные направления развития не являются новыми, их разработкой российское руководство занято уже около двадцати лет, однако темпы реализации проектов заметно отстают от потребностей региона.

Укрепление национальных интересов России на Дальнем Востоке связано и с сохранением русского языка. Дальний Восток всегда был заселен представителями разных народов и культур. Однако общим языком общения для многих оставался русский. Изменение этнического состава региона за счет увеличения жителей территорий северного Китая и стран Центральной Азии привело к тому, что русский язык как язык общения стал терять свои позиции. Приезжающие граждане выбирают в качестве языка общения английский, а русский как неперспективный для ведения деловых переговоров стал использоваться меньше. Кроме того, прибывая в дальневосточный регион, выходцы из других стран стремятся воспроизвести прежний образ жизни на новой территории. Примером может служить продвижение религии, чуждой для Дальнего Востока России, что грозит усилением проблемы экстремизма и терроризма. Увеличение численности населения Дальнего Востока России за счет мигрантов из стран СНГ может грозить разрушением региональной идентичности жителей Дальнего Востока, вызвать сомнения в преемственности исторической общности коренных жителей региона, передающейся из поколения в поколение общей системе ценностей.

Региональная идентичность основана на устойчивом позитивном чувстве любви к своей малой родине, которое формируется под воздействием родного языка, традиций, культуры и обычаев региона. Любые сомнения

в устойчивости идентичности приводят к оттоку населения в те регионы, где есть возможность найти единомышленников. Поэтому формирование и развитие региональной идентичности жителя Дальнего Востока России можно считать важной частью социального заказа государства на развитие и укрепление Дальнего Востока.

В настоящее время в силу сложившихся обстоятельств на Дальнем Востоке сформировались особенные условия, усложняющие специфику глобальных и местных вызовов для национальной безопасности России на побережье Тихого океана.

Дальневосточный федеральный округ испытывает ряд острых проблем, основой которых являются природно-климатические и географические условия, а также социально-экономические и политические вызовы и угрозы со стороны потенциальных противников – некоторых государств АТР.

Суровые природно-климатические условия региона всегда влияли на социально-экономическую жизнь Дальнего Востока. Даже в сравнении с общероссийскими природно-климатическими условиями, которые не отличаются мягкостью, климатические условия Дальнего Востока считаются очень экстремальными, малопригодными для проживания и эффективной экономической жизнедеятельности.

Регион располагает огромной территорией (6 215,9 тыс. км^2 или 36,4 % территории России), и на этой колоссально огромной площади проживает всего 4,9 % населения России[408].

Одна из многих неблагоприятных особенностей природы Дальнего Востока – сейсмичность. Согласно принятой ещё в СССР схеме сейсмического районирования, большая часть региона отнесена к зонам с интенсивностью колебания земной коры 5 баллов и выше (по девятибалльной шкале). Восточная часть полуострова Камчатки с городом Петропавловск-Камчатский, острова Курильской гряды, северо-запад Амурской области – к зоне разрушительных землетрясений (более 8 баллов)[409].

Преобладание горного рельефа обусловливает труднодоступность многих территорий региона и их транспортную обособленность, усиливаемую высокой ледовитостью морей. Поэтому в северных и горных районах формируются изолированные хозяйственные ареалы с дорогостоящими локальными инфраструктурами. Здесь отмечается самая большая на земном шаре годовая амплитуда температуры воздуха, которая превышает – 40°С, а в некоторых местах Якутии и Магаданской области достигает – 50 – 60°С и даже больших величин (в европейской части она находится в пределах – 20 – 30°С). Примерно 2/3 всей территории Дальнего

---

[408] *Семёнов А.Б.* Китайское лицо России: опыт интеграции китайских мигрантов в российское общество : монография / Александр Борисович Семёнов. Комсомольск-на-Амуре : Изд-во АмГПГУ, 2016. С.146

[409] *Чичканов, В. П.* Дальний Восток: стратегия экономического развития / В.П. Чичканов. М. : Экономика, 1988 С. 47.

Востока находится в зоне вечной мерзлоты. Южная граница вечной мерзлоты проходит вдоль левого берега Амура почти до Ленинска в Еврейской Автономной области и Благовещенска в Амурской области. В Приморском крае многолетняя островная мерзлота доходит до –45°С[410] . От вечной мерзлоты свободно не более одной десятой части территории Дальневосточного экономического района.

Природные условия таковы, что на большей части территории выращивание сельхозпродукции в открытом грунте невозможно, исключение составляют картофель и некоторые овощи. На крайнем юге выращивается рис, соя, овес. Конкурентоспособное выращивание зерновых в регионе невозможно. Сельскохозяйственный потенциал Дальнего Востока значительно отличается от общероссийских показателей.

В Российской Федерации оленьи пастбища занимают 19 % площади, что существенно больше пригодных для сельского хозяйства земель – 13 %. По дальневосточному округу сельскохозяйственные угодья (без оленьих пастбищ) занимают всего 1,5 % земельного фонда, пашня около 0,5 %, оленьи пастбища занимают около 31 % всей территории. Если исключить оленьи пастбища, то основные массивы сельскохозяйственных угодий, в том числе 90 % пашни, сосредоточены в пределах главного земледельческого ареала Дальнего Востока, охватывающего равнинные части Амурской области и Хабаровского края и равнины Приморья. Этот ареал практически нигде не заходит за границу распространения островной вечной мерзлоты.

Тяжёлые климатические условия накладывают отпечаток и на краткость периода сельскохозяйственных работ. В таёжной зоне он продолжается всего четыре месяца в году (с середины мая до середины сентября). Для сравнения, в западной Европе этот период продолжается 8–9 месяцев в году. Короткий период сельскохозяйственных работ и холодная зима ставят перед аграриями региона дополнительные трудности. Они должны содержать скот в закрытом помещении на два месяца дольше, чем западноевропейские фермеры.

Вся территория Дальнего Востока – это зона «пионерного» освоения со слабо развитой инфраструктурой. Огромные расстояния и климат, отмеченный суровыми зимами и вешними паводками, делали создание в России постоянной дорожной сети невозможной. На Дальнем Востоке отсутствуют дешевые транспортные пути. В связи с замерзанием речные коммуникации с октября по май закрыты для судоходства. Автомобильные дороги подвержены быстрому износу и разрушению из-за резких сезонных перепадов температур. Отметим, что отечественная сфера инфраструктуры до сих пор не отвечает в полной мере потребностям экономического комплекса страны.

Освоение Дальнего Востока требует больших капиталовложений. Освоение пространственной инфраструктуры станет выгодным, когда

---

[410] *Салин Ю. С.* История экономики Дальнего Востока : учебник. Хабаровск, 2004. С. 124−126.

плотность населения достигнет двухсот человек на 1 км^2. Вероятно, по этой причине на протяжении всего постсоветского периода китайцы и другие иностранные инвесторы не предпринимали попыток крупных капиталовложений в дорожное строительство в демографически пустынном пространстве Дальнего Востока.

Регион обладает огромными природными ресурсами. Леса покрывают 257 млн га площади района с запасами, превышающими 22,3 млрд куб. древесины. Запасы пресной воды оцениваются в 1800 км^3/год, что составляет 10 % всех мировых запасов пресной воды. На Дальнем Востоке сосредоточенно более 30 % общегеологических ресурсов угля. Подавляющая часть ресурсов каменного и бурого угля сосредоточена в Якутии (более 90 %). Разведаны запасы нефти и природного газа в двух ареалах – в Сахалинской и в Лено-Вилюйской нефтегазоносных провинциях. Природный газ обнаружен также на Камчатке и Чукотке. Результаты геологоразведочных работ и поисково-разведочного бурения свидетельствуют о перспективности недр Берингова, Охотского и Японского морей.

Основные нефтегазоносные провинции тяготеют к шельфу о. Сахалин, западной Камчатки и восточному побережью Охотского моря. На конец XX века в регионе было выявлено более 70 видов полезных ископаемых, среди которых выделяются месторождения цветных и благородных металлов, сырья для чёрной металлургии, промышленности строительных материалов, горно-химического сырья, сырья для производства минеральных удобрений.

Несмотря на богатство российских недр, следует иметь в виду один нюанс: в силу географического положения страны (95% территории находится в северных широтах – выше широты, по которой проходит, например, северная граница США) разработка отечественных минерально-сырьевых ресурсов сопряжена с более высокими материальными затратами, чем в подавляющем большинстве стран мира.

Из-за громадной протяжённости территории общие издержки на добычу сырья более значительны, чем в среднем в мире, а транспортные расходы постоянно и неуклонно растут. Таким образом, конкурентные преимущества, связанные с обеспеченностью экономической системы государства сырьевыми ресурсами, нивелируются их сравнительной дороговизной.

Многолетняя мерзлота, очень низкая температура воздуха зимой и продолжительный морозный период существенно осложняют хозяйственную деятельность на огромных пространствах Дальнего Востока. Они ограничивают строительные и другие работы, ведущиеся на открытом воздухе, вызывают повышенные энергетические затраты и большие затраты на теплоизоляцию и теплоснабжение, требуют применения специальных материалов, машин и технологий, приспособленных к экстремальным условиям Севера, ужесточают требования к инфраструктуре и т.д.

Демография и миграция. По мировым меркам восток России сильно перенаселён. К 1989 году за Уралом проживало 24 % населения России, а в 1911 году там проживало всего 10 %. Ни в одной стране мира такая большая доля населения не живет в таком холодном климате. Для сравнения: в Канаде – еще одной стране с обширными северными территориями – в регионах, по климату близких к Сибири, сейчас живет меньше 1 % населения. Если проводить параллели между Канадой и Россией, надо иметь в виду следующее отличие: подавляющее число населения Канады всегда жило в самых южных районах страны, по Великим Озёрам и реке Святого Лаврентия, что в России соответствовало широте Крыма и среднеазиатских степей. Девять десятых населения Канады проживает на расстоянии не более трёхсот километров от границы США. К северу от 52-й параллели в Канаде мало населения и почти нет сельского хозяйства. Ещё одно немаловажное отличие Канады от России заключается в том, что на протяжении всей своей истории Канада имела дружественные отношения со своим южным и богатым соседом.

Многие годы канадцы, которым не находилось места в народном хозяйстве, имели привычку перебираться на временное или постоянное место жительства в США. У России никогда не было таких преимуществ. Обитаемая часть Канады – значительно более благоприятная, чем даже центральная Россия.

Средняя годовая температура в Москве + 3,8°С, в Санкт-Петербурге + 4,3°С. В Ванкувере, например, + 9,8°С (как в Вене, Одессе, Софии), в Монреале + 6,7°С (как в Варшаве). В густонаселённых пунктах Дальнего Востока она равна: Хабаровск + 1,9°С; Владивосток + 4,4°С; Охотск – 4,5°С; Якутск – 10,0°С; Благовещенск + 0,6°С; Комсомольск-на-Амуре – 0,7°С; Им. Полины Осипенко – 2,7°С; Николаевск-на-Амуре – 2,1°С; Петропавловск-Камчатский + 1,0°С [411].

Один из показателей климата – температура «на душу населения». Чтобы ее получить, считают среднее взвешенное температур по всем регионам России (вес – доли регионов в населении Российской Федерации). Если люди мигрируют в регионы с более мягким климатом, среднедушевая температура растет, если идет миграция в холодные регионы – наоборот. В начале XX века январская среднедушевая температура России была минус 11,4 °С, Канады – минус 9,5 °С, Швеции – минус 3,5 °С, США – плюс 1 °С. Политика советского руководства еще более увеличила разрыв. В то время как другие страны «теплели» из-за миграции населения (на протяжении XX столетия Канада «потеплела» на 1 °С, США – на 2,5 °С), Россия стала холодней на 1,4 °С.

По расчётам, только затраты энергии и снижение производительности из-за уменьшения среднедушевой температуры на 1,5° приводят к потере

---

[411] *Михайлова Т.* Климат: холодная страна // Ведомости. 2003. 17 декабря. URL: http://www.vedomosti.ru/newspaper/article.shtml?2003/12/17/70280 (дата обращения: 24.11.2021 г.).

не менее 1 % роста ВВП ежегодно и, вероятно, до 2,3 %. Это только часть цены холода без учёта потерь здоровья, транспортных издержек и других факторов. По последним данным, размер даже частичных потерь от «излишнего холода» сравним с годовым оттоком капитала. Однако капитал, ушедший за границу, может вернуться, если изменится инвестиционный климат. Затраты на холод безвозвратны.

Российские власти во все исторические периоды развития государства осознавали малую привлекательность этих территорий для населения, поэтому они использовали различные методы для заселения восточных окраин. Методы оживления этих территорий отличались разнообразием. Дальний Восток заселяли ссыльными, каторжанами и военными. Организовывали всесоюзные стройки БАМ, Комсомольск-на-Амуре и т.д. Привлекали льготами и привилегиями. Во времена сталинской модернизации, осознав, что на Дальнем Востоке сложился дефицит женщин и дисбаланс между полами, власти объявили по всей стране Хетагуровское движение. Тем самым были достигнуты две цели: частично была решена проблема острой нехватки женщин в регионе и получена добровольная выносливая и нетребовательная к условиям труда рабочая сила.

В целях повышения численности населения в этих суровых местах государственная власть СССР в течение 1950–1980 гг. создала стройную и хорошо отлаженную систему заселения региона. Она состояла из комплекса законов и подзаконных актов, направленных на предоставление социальных льгот, гарантий и особого материального вознаграждения для лиц, работающих и постоянно проживающих на севере и в районах, приравненных к нему. Так за пятнадцать лет с 1971 по 1985 гг. в восточные районы страны прибыло 4,3 млн человек, пика численности населения регион достиг в 1991 году, когда по официальным статистическим оценкам в регионе проживало 8 млн 066 тыс. человек. С началом экономических и политических преобразований в стране и последовавшей за этим фактической ликвидации системы социальных льгот и гарантий, из региона в западные районы страны хлынул поток внутренних мигрантов и к 2016 году население региона составило 6 млн 183 тыс. чел[412].

Перестройка в СССР и провозглашение независимости России открыли границы Дальнего Востока России для китайских трудовых мигрантов. Их прибытие актуализировало алармистские настроения в регионе. Проблему «желтой угрозы» не обошел своим вниманием даже Президент Российской Федерации В.В. Путин. Летом 2000 года на правительственном совещании по проблемам развития Дальнего Востока и Забайкалья он заявил: «Если в ближайшее время не предпримем реальных усилий по развитию

[412] Российский статистический ежегодник : сборник статей. Госкомстат России. М., 2017. С. 86.

Дальнего Востока, то русское население через несколько десятилетий будет в основном говорить на японском, китайском и корейских языках» [413].

Проблемы с китайскими мигрантами усугублялась и тем, что никто не мог назвать точную цифру их численности в регионе. Оценка их численности различалась в разы от нескольких миллионов до нескольких сотен тысяч. Что очень сильно запутывало решение вопроса китайской миграции и её осмысление. Пока в России региональные политические элиты разжигали антикитайские настроения, мировые экономические гиганты конкурировали за привлечение китайских трудовых и интеллектуальных ресурсов. Германский политик и член совета директоров Немецкого федерального банка Тило Саррацин с сожалением отметил тот факт, что Германия проиграла свою борьбу с США за привлечение мигрантов с Дальнего Востока. Так или иначе, но полуторавековая история «жёлтого вопроса» решилась на Дальнем Востоке сама собой, выйдя за пределы миграционно-демографического поля в сферу межгосударственного взаимодействия, не связанного напрямую с миграционными вопросами.

Проблема китайской миграции на Дальний Восток решилась благодаря росту благосостояния китайского общества. В первые два десятилетия XXI века уровень жизни граждан Китая неуклонно рос, в то время как в России он медленно снижался. Реальная заработная плата в долл. США в России и Китае сильно изменилась не в пользу россиян. В 2011 году реальная заработная плата в России составляла 795 долл. США, а в Китае – 539 долл., а в 2015 году в России она была 558 долл., в Китае уже 830 долл., в 2016 году в Китае 847 долл., а в Российской Федерации 547 долл. США[414].

Экономическое отставание России, падение роста благосостояния россиян создали невыгодные условия для трудовой миграции китайцев на территорию России. Гражданам Китая стало выгодней работать внутри Китая, чем искать малооплачиваемую работу в России. Экономическая слабость и падение уровня благосостояния россиян превратились в барьер для китайских трудовых ресурсов в Дальневосточный регион.

Несмотря на общую, сильно протяженную границу и большую плотность населения в приграничных Северо-Восточных провинциях Китая миграционное присутствие китайцев в России на удивление скромное и непропорционально мало по сравнению с выходцами из других стран. Статистика утверждает, что с начала века численность прибывших граждан Китая на территорию Российской Федерации составило: в 2000 году – 1 тыс.121 чел., в 2010 г. – 1 тыс. 380 чел., в 2014 г. – 19 тыс. 563 чел., в 2015 г. – 9 тыс. 43 чел., в 2016 г. – 8 тыс. 27 чел. Не факт, что они прибывали на

---

[413] *Косырев Д.* Путин поставил вопрос. Лингвистический или политический? // Независимая Газета. 2000. 21 июля.

[414] Население России в 2018 году: доходы, расходы и социальное самочувствие. Мониторинг НИУ ВШЭ. Специальный выпуск «Межстрановые сопоставления заработных плат в 2011 -2017 годах» / под ред. Л.Н. Овчаровой. М.: НИУ ВШЭ, 2018. С.7.

Дальний Восток России[415]. В то же время численность мигрантов из более демографически скудных и географически дальних регионов в пропорциональном отношении показывает большие числа.

Однако в 2018 году наметилась негативная тенденция к снижению потока мигрантов из Центральной Азии в Российскую Федерацию. Ситуация очень серьёзная, впервые за несколько десятилетий страны-демографические доноры перестали компенсировать даже естественную убыль населения.

К концу 2018 года численность населения сократилась на 78,7 тыс. человек. Естественная убыль населения за десять месяцев составила 180,5 тыс. человек, а миграционный прирост – 101,8 тыс., то есть приток мигрантов компенсировал убыль только на 54,4 %.

Миграция в 2018 г. по сравнению с 2017 годом уменьшилась на 43 % или на 76,6 тыс. человек. Сильнее всего человеческий приток сократился от Украины (уменьшение на 74 %), Узбекистана (на 70%) и Киргизии (на 40%). Рискнём предположить, что страны СНГ скорее всего исчерпали свой демографический резервуар традиционного миграционного притока для России.

Внешнеполитические и геополитические вызовы.

В настоящее время наблюдаются активные внешнеполитические претензии Китая на гегемонию в Северо-Восточной и Южной Азии. С конца XX века геополитический маятник крепкого положения России на Дальнем Востоке качнулся в сторону потери ей своего стабильного и надёжного положения в регионе.

После развала Советского Союза политическое влияние России на Дальнем Востоке начало катастрофически снижаться.

Одновременно с этим процессом в течение последних нескольких десятков лет с конца XX в. и до последнего времени наблюдается экспансия Китая во все сферы экономики и политики региона и сопредельных стран. Китай превратился в экономическую сверхдержаву. По данным Всемирного банка, в 2018 году ВВП Китая составил 13,6082 трлн долл. Для сравнения ВВП Японии в этом же году – 4,9717 трлн долл. а ВВП США 20,5443 трлн долл. Российская Федерация, которая имеет с Китаем общую границу протяженностью 4209,3 км, обладает мизерным ВВП 1,658 триллион долл.[416]. Таким образом, Российский Дальний Восток находится под угрозой полного экономического поглощения со стороны Китая.

С 2010 года Китай развернул широкомасштабный инфраструктурный и политико-экономический проект «Один пояс и один путь». Данный проект преследует далеко идущие цели. На сегодняшний день для укрепления своей гегемонии и влияния в регионе и в мире Китай использует финансовый

---

[415] Российский статистический ежегодник : сборник статей. М. : Госкомстат России, 2017. С. 86.

[416] The World Bank. – URL: https://datatopics.worldbank.org/world-development-indicators/ (дата обращения: 25.09.2021 г.).

институт Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), штаб-квартира которого находится в Пекине. Финансовый гигант имеет в своём составе 57 государств-членов. При этом Китай имеет эксклюзивное право вето в этой структуре, что является дипломатическим триумфом Китая[417].

В 2020 году, продвигая свою экспансионистскую политику, направленную на захват новых рынков, Китай подписал соглашение с 15 странами АТР о создании крупнейшей в мире зоны свободной торговли. Соглашение подписали: Бруней, Вьетнам, Индонезия, Камбоджа, Лаос, Малайзия, Мьянма, Сингапур, Таиланд, Филиппины, Япония, Южная Корея, Австралия, Новая Зеландия. Численность населения этих стран составляет 2,2 млрд человек и 30 % мировой экономики[418].

Российский Дальний Восток, имея выход в Тихий океан и непосредственно связанный экономическими интересами с этими странами, оказался исключенным из этого сообщества. Данное положение ослабляет позиции России в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Китай угрожает России и своим демографическим превосходством, что подтверждается цифрами: в провинции Ляонин плотность населения составляет 276,7 человек на км^2, в провинции Цзилинь, она уменьшается до 136,9 человек, а в провинции Хэйлунцзян – до 80,2.

На территории России закономерность выражена следующим образом: в Приморском крае плотность населения в среднем 13,5 человек на км^2, в Хабаровском крае – 2,0 (край далеко вытянут на север, хотя заселен в основном на юге), в Еврейской АО – 5,7, в Амурской области – 2,8, в Якутии – 0,3, на Чукотке – 0,1.[419] Дальний Восток России просто безлюден по отношению к Северо-Восточным провинциям Китая.

Кроме того, вооруженные силы Народно-освободительной армии Китая (НОАК) намного превосходят военный потенциал России на тихоокеанском побережье. Возьмём только некоторые цифры. Военно-морские силы НОАК уже сейчас располагают одним действующим авианосцем, два находятся на испытаниях, еще три – в процессе строительства[420].

---

[417] China to have 30 per cent stake, veto power under AIIB deal South China Morning Post (30 June 2015). – URL: https://www.scmp.com/news/china/diplomacy-defence/article/1829342/china-have-30-cent-stake-veto-power-under-aiib-deal (дата обращения: 01.09.2021 г.).

[418] В Азии создали крупнейшую в мире зону свободной торговли // РБК 15 ноября 2020 г. – URL: https://www.rbc.ru/economics /15/11/2020/5fb0bdb69a7947d5289e28e9 (дата обращения: 27.08.2021 г.).

[419] *Дудченко Г.* Китай и Дальний Восток России: к вопросу о демографическом дисбалансе // Демоскоп. 2004. 16-19 апреля. – URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2004/0165/analit06.php (дата обращения: 28.08.2021 г.).

[420] *Вагин А.* Китай построит седьмой авианосец // Российская газета. 2019. 5 декабря. URL: https://rg.ru/2019/12/05/kitaj-postroit-sedmoj-avianosec.html; Чем вооружен флот Китая // ТАСС. 2019. 24 апреля. – URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6367033 (дата обращения: 02.09.2021 г.).

Народно-освободительная армия Китая обладает значительным арсеналом ядерных ракет малого и среднего радиуса действия. Китай традиционно не публикует данные о количестве своих ракет, но, по оценкам США и военных аналитиков других стран, НОАК располагает многими сотнями ракет, которые попали бы под сокращение, если бы Пекин вдруг согласился присоединиться к Договору о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД). К слову сказать, у России и США таких ракет нет, во всяком случае, официально.

Такая ситуация не может не вызывать обеспокоенность о потенциальном появлении у Китая желания отторжения дальневосточных территорий от Российской Федерации. На сегодняшний день у России и Китая вполне дружественные отношения. У двух стран впервые за всю историю взаимоотношений отсутствуют взаимные территориальные претензии друг другу. Однако в силу того, что Китай сильно доминирует в экономике, политике и в вооружениях, нельзя быть уверенным в том, что Поднебесная Империя не вспомнит старые обиды, нанесенные, как считает Китай, российским правительством, в прошлом.

Вторым серьёзным вызовом для Российской Федерации являются территориальные требования Японии на южные острова Курильской гряды.

С начала XX столетия и по современный период России не удаётся наладить дружественные отношения с Японией, которая является одним из больших игроков глобальной и региональной политики.

После революции Мэйдзи во второй половине XIX века Япония превратилась в крупного империалистического хищника, вступившего на путь территориальных захватов. Все это время Япония была инициатором нескольких крупных военно-политических конфликтов в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Жертвами агрессивной внешней политики Японии становились: Корея, Китай, Россия и США.

Кульминацией захватнической политики Японии стала Вторая мировая война, где Япония выступала на стороне Гитлеровской коалиции. В ходе Второй мировой войны странами антигитлеровской коалиции был подписан целый пакет соглашений, договоров и деклараций о судьбе Японских территорий. Согласно тексту Каирской декларации от 1 декабря 1943 г., подписанной представителями Китая, США и Великобритании, говорилось, что «цель вышеупомянутых союзных держав заключается в том, чтобы лишить Японию всех островов на Тихом океане, которые она захватила или оккупировала с начала первой мировой войны 1914 года. Япония должна быть также изгнана со всех других территорий, захваченных ею благодаря насилию и алчности».

После капитуляции Императорской Японии, главнокомандующим американских оккупационных сил был подписан меморандум от 22 января 1946 г. № 677, где из состава Японии выводились Южно-Курильские острова. 8 сентября 1951 г. Японией был пописан Сан-Францисский мирный договор, по которому она отказывалась от претензий на острова Южной

Курильской гряды. Статья 2 пункт С гласит: «Япония отказывается от всех прав, титулов и притязаний на Курильские острова, а также на ту часть Сахалина и прилегающих к нему островов, над которыми Япония приобрела суверенитет в результате Портсмутского договора от 5 сентября 1905 года».

Несмотря на целый ряд международных договоров, Япония «de facto» и «de iure» упрямо не соглашается признавать российского суверенитета над островами Итуруп, Кунашир, Шикотан и острова Хабомаи. Имея территориальные споры практически со всеми соседями, Япония стала активно наращивать боевую мощь Сил самообороны. Не надо забывать, что на острове Хоккайдо размещена половина Сухопутных войск Японии, в том числе крупнейшая Северная армия, единственное бронетанковое соединение. Здесь сосредоточено 60 % всего танкового парка японских Сил самообороны, около 800 артиллерийских и минометных систем, до 90 самолетов, ракетное оружие. По этой причине России требуется принять ряд мер для укрепления своих позиций на Дальнем Востоке. Это достигается, в том числе путем социально-экономического развития региона.

Все перечисленные проблемы несут прямую угрозу национальной безопасности России на её Дальневосточных рубежах.

Социально экономические вызовы необходимо решить принятием волевых политических решений. При этом надо учитывать факт, что данные проблемы нельзя решать вливанием денежных средств федерального бюджета.

Для оживления экономики региона требуется:

– усилить роль государства в экономике региона. Президент Российской Федерации В.В. Путин заявлял, что бизнес обязан нести социальную ответственность. Следуя данному тезису, необходимо разработать пути национализации стратегических отраслей экономики Дальнего Востока;

– создать на Дальнем Востоке экономические точки роста, связанные с перспективными наукоёмкими и инфраструктурными проектами, находящиеся под кураторством силовых министерств и ведомств;

– реформировать систему государственного управления Дальнего Востока по образцу российских императорских генерал-губернаторств, подчинив гражданские ведомства, службы и структуры военным администрациям.

Для решения острой демографической проблемы необходимо разработать программу по переезду в регион жителей демографически избыточных регионов. Курирование вновь прибывших мигрантов и контроль над их социализацией должно возлагаться на ФСБ, МВД и Минобороны России. Позитивные результаты такой политики позволят создать на восточных границах России мультиэтничный буфер, препятствующий потенциальной опасности, связанной с китайской миграцией, снизит угрозу включения этих территорий в сферу политического влияния Китая.

3.11. Вызовы и угрозы в Арктическом регионе

В начале XXI века со стороны всего мирового сообщества резко возрос интерес к Арктическому региону. Вопросами его освоения занимаются не только пять «официальных» арктических стран – Россия, США, Канада, Норвегия и Дания, но и другие государства, территория которых не граничит непосредственно с Арктикой (Китай, Япония, Южная Корея, Индия). Пристальное внимание к этому региону уделяют и ряд международных организаций, которые ранее не участвовали в арктических процессах (НАТО и ЕС)[421]. Арктический регион обладает огромными природными запасами, имеющими общемировое значение, – углеводородами, редкоземельными металлами, биологическими ресурсами и пр. Северный морской путь (СМП) и Северо-западный проход (СЗП) (контролируется Канадой) представляют собой важные транспортные артерии не только для России и Канады, но и для других стран. В настоящее время возрастает интерес к организации и развитию кроссполярных перелетов, особенно между Северной Америкой и Азией. Наконец, Арктика влияет на состояние окружающей среды во всем мире, на климат в географически удалённых регионах и уровень Мирового океана. Неслучайно в мировой публицистической и научной литературе появились броские утверждения о том, что мы живём в «век Арктики» и будущее всего человечества зависит от этого региона и пр.[422].

В настоящее время сложилось пять «кругов» соперничества-сотрудничества в Арктике.

Во-первых, в борьбе за ресурсы Крайнего Севера участвуют государства, граничащие с Арктикой – Россия, США, Канада, Дания, Норвегия. Эти страны, имеющие побережье на Северном Ледовитом океане (СЛО), обладают преимущественными правами на разработку ресурсов Арктики. США, сохраняя мировое лидерство, строят свою арктическую политику, основанную на односторонних действиях и игнорировании тех международных институтов, которые им полностью неподконтрольны[423].

---

[421] *Конышев В.Н., Сергунин А.А.* Международные организации и сотрудничество в Арктике // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2011. Т. 6. № 3. С. 27−36; Конышев В.Н., Сергунин А.А. Международные организации и сотрудничество в Арктике // Арктический регион: проблемы международного сотрудничества. М. : Аспект-Пресс, 2013. Т. 1. С. 75−93; Конышев В.Н., Сергунин А.А. Стратегии стран Восточной Азии в Арктике // Проблемы Дальнего Востока, 2012. № 6. С. 35−48.

[422] *Сергунин А.А., Конышев В.Н.* Впереди «арктическое столетие»? // Мир через 100 лет. М. : Весь мир, 2016. С. 107−117.

[423] *Конышев В.Н., Сергунин А.А*. Арктические стратегии стран Северной Америки и Россия // Россия и Америка в XXI веке. 2011. № 2. С. 11; Конышев В.Н., Сергунин А.А. Новая доктрина Барака Обамы и национальные интересы России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2012. № 14. С. 2−9; Конышев В.Н., Сергунин А.А. Российско-американские отношения в Арктике: сотрудничество или соперничество? // Мировая экономика и международные отношения, 2018. Т. 62. № 9. С. 103–111.

Во-вторых, это приарктические государства, которые, не имея прямого выхода к СЛО, находятся в непосредственной близости к Полярному кругу (Исландия) или обладают территорией, находящейся в Заполярье (Швеция и Финляндия)[424]. На этом основании их включили в Арктический совет (АС) и Совет Баренцева-Евроарктического региона (СБЕР).

В-третьих, это международные организации западных стран (НАТО, Евросоюз, организации стран Северной Европы), которые с недавних пор также активно включились в арктические дела.

В-четвёртых, ООН и её специализированные учреждения – Комиссия по границам континентального шельфа (КГКШ), Программа развития ООН (ПРООН), Программа по охране окружающей среды (ПООС), Международная морская организация (ММО), ЮНЕСКО и пр. Перечисленные организации стараются «стоять над схваткой» и действовать в Арктике в интересах всего мирового сообщества, а также служить арбитром в спорах между арктическими «игроками».

Вдобавок к указанным четырём стремительно возникает еще один – пятый «круг» сотрудничества-соперничества вокруг Арктики, а именно, неарктические государства (прежде всего, страны Восточной Азии, а также ряд европейских государств). Это неизбежно приводит к обострению экономических и политических противоречий в регионе, поскольку правовой режим Арктики в ряде случаев не позволяет однозначно провести разграничительные линии даже между «официальными» арктическими державами. Неарктические государства не имеют прав на освоение природных ресурсов в исключительных экономических зонах (ИЭЗ) прибрежных стран и разработку арктического шельфа в пределах национальной юрисдикции полярной «пятёрки», поскольку не имеют прямого выхода к СЛО. Поэтому они объективно заинтересованы в пересмотре уже сложившихся правовых норм и сфер влияния, а также «интернационализации» региона (особенно его морских транспортных маршрутов и центральной части СЛО, находящейся за пределами национальной юрисдикции прибрежных стран).

В сложившейся ситуации особая роль в механизме согласования политики в Арктике принадлежит различным международным организациям и форумам. По-иному урегулировать противоречия между «фигурантами» арктической политики едва ли представляется возможным. Для России этот вопрос далеко не праздный, поскольку в соответствии с арктической стратегией Российской Федерации этот регион в ближайшей перспективе должен стать её основной ресурсной базой.

---

[424] *Конышев В.Н., Сергунин А.А.* Северная Европа: общий арктический вектор // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2011. № 24 (40). С. 10−13; Конышев В.Н., Сергунин А.А. Страны Северной Европы: будет ли общая арктическая стратегия? // Современная Европа, 2012. № 2. С. 35−43; Конышев В.Н., Сергунин А.А. Арктические стратегии европейских стран: проблемы и перспективы // Арктический регион: проблемы международного сотрудничества. М. : Аспект-Пресс, 2013. Т. 1. С. 197−216.

Международное сотрудничество в регионе и управление Арктикой имеет перспективу. В мае 2008 года в гренландском городе Илулиссате на встрече арктической «пятерки» обсуждались общие подходы к решению проблем Арктики, порожденных изменением климата и хозяйственной деятельностью человека. Итогом конференции стало принятие политического заявления – Илулиссатской декларации[425], в которой акцент сделан на необходимости равноправного сотрудничества приарктических стран в решении проблем региона, укрепление сотрудничества практически во всех областях – от экологии до взаимодействия в поисково-спасательных операциях. Например, достигнутое между Норвегией и Россией в сентябре 2010 г. соглашение о делимитации Баренцева моря некоторые аналитики считают подтверждением работоспособности Илулиссатской декларации. Последовавшие за ним соглашения о поисково-спасательных работах (2011 г.), готовности к борьбе с разлитиями нефти (2013 г.), расширении научного сотрудничества в Арктике (2017 г.), введении запрета на коммерческое рыболовство в центральной части СЛО (2018 г.) – лишь подтвердили это предположение.

Вызовы и угрозы национальной безопасности России в Арктике: официальные оценки.

В течение десятилетия после распада СССР не уделяло должного внимания Арктике. С окончанием холодной войны регион потерял былую военно-стратегическую значимость как зоны потенциальной конфронтации с США/НАТО. В 1990-е годы арктические регионы России воспринимались федеральным правительством, скорее, в качестве бремени, либо источника различных социально-экономических проблем, нежели как перспективные в плане экономического развития.

Ситуация стала меняться с начала 2000-х годов, с избранием Президентом Российской Федерации В.В. Путина, который поставил Правительству Российской Федерации амбициозные цели и задачи по возрождению России. Знаковым событием стала первая постсоветская арктическая стратегия под названием «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу»[426], утвержденная в сентябре 2008 года. Документ из 6 страниц впервые чётко обозначил российские национальные интересы в регионе: превращение Арктики в стратегическую ресурсную базу страны, преобразование Северного морского пути (СМП) в единую национальную транспортную артерию и создание в регионе зоны мира и международного сотрудничества.

---

[425] The Ilulissat Declaration. Arctic Ocean Conference. Ilulissat, Greenland, 27-29 May 2008. – URL: http://www.um.dk/NR/rdonlyres/ArcticOceanConference.pdf (дата обращения: 19.10.2021 г.).

[426] Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу // Рос. газ. 2009. 30 марта. – URL: http://www.rg.ru/2009/03/30/arktika-osnovy-dok.html (дата обращения: 11.09.2021 г.).

Стратегическая задача в области безопасности была определена как «поддержание необходимого уровня боеспособности войск (сил) общего назначения», усиление Береговой охраны Федеральной службы безопасности (ФСБ) и пограничного контроля в Арктической зоне Российской Федерации (АЗРФ), установление технического контроля над проливами и устьями рек вдоль всего СМП. Формированиям российских Вооружённых Сил, расположенным в АЗРФ и организованным под единым командованием (арктическая группировка сил АГС), было поручено не только защищать территорию, но и охранять российские экономические интересы в регионе. Эта мера потребовала увеличения возможностей Северного флота, который является важнейшим инструментом обеспечения российских суверенных прав на Крайнем Севере, включая защиту экономических интересов.

Несмотря на то, что документ предназначался главным образом для внутригосударственных нужд (в частности, он был нацелен на установление приоритетов для развития АЗРФ), многие иностранные аналитики были склонны интерпретировать «Стратегию-2008» как «настоящее доказательство» российских ревизионистских намерений в регионе[427].

20 февраля 2013 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин одобрил «Стратегию развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года» («Стратегия-2013»)[428], которая одновременно являлась логическим продолжением «Стратегии-2008». Следует отметить, что этот документ нельзя считать полноценной российской арктической доктриной, так как она относится лишь к АЗРФ, но не ко всему арктическому региону. Главной целью «Стратегиия-2013» оставалось формулирование доктринальной концептуальной основы для устойчивого развития АЗРФ. Сохраняя преемственность с предыдущей, «Стратегия-2013» подчеркивала национальный суверенитет России над АЗРФ и Севморпутем, призывала к защите национальных интересов страны в регионе.

В то же время в «Стратегия-2013» получили дальнейшее развитие несколько важных международных аспектов функционирования АЗРФ. Среди них было намерение российского руководства юридически определить границы российского континентального шельфа в СЛО и подготовить новую заявку в Комиссию ООН по границам континентального шельфа (КГКШ).

В сравнении со «Стратегией-2008» новый документ предполагает гораздо более широкое поле для международного сотрудничества в плане решения многочисленных арктических проблем и обеспечения устойчивого развития региона в целом.

---

[427] *Huebert R.* The Newly Emerging Arctic Security Environment. Calgary: Canadian Defense & Foreign Affairs Institute, 2010.

[428] Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечение национальной безопасности на период до 2020 г. – URL: http://правительство.рф/docs/22846/. (дата обращения: 11.11.2021 г.).

Что касается военных аспектов российской арктической политики, то в «Стратегия-2013» были определены следующие задачи:

– обеспечение благоприятного оперативного режима для российских войск, размещенных в АЗРФ, для адекватного противодействия военным рискам и угрозам национальной безопасности России;

– проведение военных учений АГС для повышения её боевой готовности в целях защиты российских интересов в ИЭЗ и сдерживания потенциальных угроз и агрессии против страны;

– совершенствование структуры и состава АГС, обеспечение её современным оружием и надлежащей инфраструктурой;

– совершенствование системы контроля за воздушным и морским пространствами;

– использование технологий двойного назначения в интересах обеспечения военной безопасности и устойчивого социально-экономического развития АЗРФ;

– завершение гидрографических работ по уточнению границ территориальных вод, ИЭЗ и континентального шельфа Российской Федерации.

В целом «Стратегия-2013» подготовила почву для продолжения дискуссий по поводу российского арктического политического курса, чем явила собой исчерпывающую и чётко определенную доктрину. Для того чтобы стать по-настоящему эффективной национальной стратегией, подобный документ было необходимо уточнить и детализировать. Необходимо было также разработать конкретные инструменты в виде комплекса федеральных законов, правил и целевых программ (отчасти это было сделано в рамках Государственной программы по социально-экономическому развитию АЗРФ до 2020 г., принятой в 2014 г.).

26 декабря 2014 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин одобрил новую версию российской военной доктрины. Хотя Арктика в документе упоминалась лишь раз, примечательно, что впервые защита российских национальных интересов в регионе в мирное время была закреплена за российскими вооруженными силами[429].

2 июля 2021 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин одобрил новую Стратегию национальной безопасности, в которой «решение экологических проблем и рациональное использование природных ресурсов Арктической зоны Российской Федерации» упоминается в качестве одной из наиважнейших задач, которую необходимо решить для достижения целей обеспечения экологической безопасности и рационального природопользования[430].

---

[429] Военная доктрина Российской Федерации. – URL: https://rg.ru/2014/12/30/doktrina-dok.html (дата обращения: 27.08.2021 г.).

[430] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // Рос. газ. 2021. 3 июля.

В ноябре 2016 года Президент В.В. Путин подписал новую версию Концепции внешней политики России[431], в которой вопросы освоения и использования ресурсов Арктики были упомянуты дважды. Во-первых, Арктика была описана как регион возможного сотрудничества с Канадой. Во-вторых, она была упомянута в специальном разделе по Крайнему Северу.

Документ подчеркнул важность сотрудничества между региональными игроками в таких областях, как устойчивое развитие природных ресурсов и СМП, охрана окружающей среды, сохранение мира и стабильности. В Концепции также подчёркивалась необходимость усиления региональных многосторонних институтов, таких как Арктический Совет и Совет Баренцева-Евро-арктического региона. В документе прописано о необходимости изолировать Арктику от текущего напряжения между Россией и Западом и предупредить любой военный конфликт в регионе.

Основой безопасности региона должно стать развитие сотрудничества с другими участниками арктической политики. Однако интересы России и экономическая деятельность в АЗРФ должны быть надежно защищены точно так же, как и у других прибрежных арктических государств.

Поскольку предшествующие концептуальные документы были рассчитаны до 2020 г., появилась необходимость в разработке новой арктической стратегии. 5 марта 2020 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин подписал указ «Об основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года» (Основы-2020)[432]. В документе уточнялись географические границы АЗРФ в соответствии с указом Президента Российской Федерации от 2 мая 2014 г. № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации», а также дополнявшим его президентским указом от 27 июня 2017 г. № 287.

В Основах-2020 по-новому характеризовались национальные интересы России в Арктике. Наиболее важными стали считаться вовсе не военные угрозы, а негативные факторы социально-экономического характера: сокращение численности населения АЗРФ, низкий уровень развития социальной, транспортной и информационно-коммуникационной инфраструктуры сухопутных территорий этого макрорегиона, несоблюдение сроков создания инфраструктуры СМП, строительство судов ледокольного, аварийно-спасательного и вспомогательного флотов.

Проблемы внешнего характера переместились в разряд вызовов, а не угроз. Даже военные факторы, такие как наращивание иностранными государствами военного присутствия в Арктике и возрастание конфликтного потенциала в регионе, оказались в конце внизу списка вызовов.

---

[431] Концепция внешней политики Российской Федерации. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201612010045?index=0&rangeSize=1. (дата обращения: 03.10.2021 г.).

[432] Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года : указ Президента РФ от 5 марта 2020 г. № 164. – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73606526/ (дата обращения: 22.09.2021 г.).

В Основах-2020 была намечена программа мер экономического, инфраструктурного, социального, экологического, военного и культурного характера по развитию АЗРФ, а также действий на международной арене по обеспечению безопасности и сотрудничества на Крайнем Севере.

Задачи, поставленные в Основах-2020, получили развитие и были конкретизированы в документе «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» (Стратегия-2035), одобренном Указом Президента Российской Федерации от 26 октября 2020 г.[433] В нём был продолжен курс предшествующих стратегических концепций на обеспечение устойчивого развития АЗРФ и, прежде всего, на решение проблем социально-экономического и экологического характера. Этот подход нашёл своё отражение в списке угроз и вызовов российской безопасности в Арктике, где ведущее место заняла проблематика «мягкой безопасности»:

– интенсивное потепление климата в Арктике, происходящее в 2–2,5 раза быстрее, чем в целом на планете;

– снижение естественного прироста населения, миграционный отток и, как следствие, сокращение численности населения;

– более низкое качество жизни в АЗРФ по сравнению с общероссийскими показателями (ожидаемая продолжительность жизни при рождении, смертность лиц трудоспособного возраста, младенческая смертность, доля автомобильных дорог общего пользования, доля аварийного жилищного фонда, объем ввода в эксплуатацию жилья, доля обеспечения жилищного фонда всеми видами благоустройства и пр.);

– низкий уровень доступности качественных социальных услуг и благоустроенного жилья в населенных пунктах, расположенных в отдаленных местностях, в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов;

– высокий уровень профессионального риска, обусловленный комплексным воздействием вредных и опасных производственных факторов, неблагоприятными климатическими условиями, повышенный риск появления и развития профессиональных заболеваний;

– низкий уровень развития транспортной инфраструктуры, в том числе «малой авиации»;

– несоответствие системы среднего профессионального и высшего образования в АЗРФ потребности экономики и социальной сферы в квалифицированных и высококвалифицированных кадрах;

– отставание сроков развития инфраструктуры СМП, строительства судов ледокольного, аварийно-спасательного и вспомогательного флотов от сроков реализации экономических проектов в данном макрорегионе;

---

[433] О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года : указ Президента РФ от 26 октября 2020 г. № 645. – URL: http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/pdf (дата обращения: 21.10.2021 г.).

– низкий уровень развития информационно-коммуникационной инфраструктуры и недостаточность конкуренции в телекоммуникационной сфере;

– высокая доля локальной генерации электроэнергии на основе использования экономически неэффективного и экологически небезопасного дизельного топлива;

– снижение доли добавленной стоимости высокотехнологичных и наукоемких отраслей экономики в валовом региональном продукте АЗРФ, слабое взаимодействие сектора научных исследований и разработок с реальным сектором экономики, разомкнутость инновационного цикла;

– низкий уровень инвестиций в основной капитал, осуществляемых в целях охраны и рационального использования природных ресурсов;

– несоответствие темпов развития аварийно-спасательной инфраструктуры и системы общественной безопасности темпам роста хозяйственной деятельности в АЗРФ;

– рост конфликтного потенциала в Арктике, требующий постоянного повышения боевых возможностей Вооруженных Сил Российской Федерации в АЗРФ.

Меры по решению указанных проблем были разбиты на несколько «блоков» − социальный, экономический, инфраструктурный, научно-технологический, природоохранный, международный, военный, а также направленные на защиту населения от чрезвычайных событий и обеспечение общественной безопасности. По каждому «блоку» были разработаны целевые индикаторы, позволяющие оценить ход и результаты реализации Стратегии-2035 в количественных показателях.

Стратегия-2035 также предусматривает перечень конкретных мер по каждому из девяти регионов АЗРФ – Мурманской и Архангельской областям, Ненецкому автономному округу (АО), Карелии, Коми, Ямало-Ненецкому АО, Красноярскому краю, Якутии и Чукотскому АО.

Реализация Стратегии-2035 предусматривается в три этапа: 2020–2024 гг., 2025–2030 гг. и 2031–2035 гг.

Несмотря на то, что российские и зарубежные эксперты по-разному оценивают реалистичность намеченных в Стратегии-2035 планов развития АЗРФ, большинство из них отмечает наличие важных перемен в арктическом курсе России, прежде всего, изменения в её стратегических приоритетах. Вместо традиционного восприятия АЗРФ в качестве источника природных ресурсов ставится задача сделать российскую Арктику местом комфортного проживания и обеспечить устойчивое развитие этого региона. Также подчёркивается устойчивое стремление руководства Российской Федерации превратить Арктику в «регион мира и сотрудничества».

Основные задачи в сфере обеспечения военной безопасности, защиты и охраны государственной границы России в АЗРФ на обозримое будущее были сформулированы в Стратегии-2035 следующим образом:

– совершенствование состава и структуры Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов в АЗРФ;

– обеспечение благоприятного оперативного режима в АЗРФ, включая поддержание уровня боевой готовности группировок войск (сил) Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов в соответствии с актуальным и прогнозируемым характером военных опасностей и военных угроз России в Арктике;

– оснащение Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, дислоцированных в АЗРФ, современными образцами вооружения, военной и специальной техники, адаптированными к арктическим условиям.

– развитие инфраструктуры базирования, проведение мероприятий по оперативному оборудованию территорий, совершенствование системы материально-технического обеспечения Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов в целях обеспечения выполнения задач в АЗРФ;

– использование технологий и объектов инфраструктуры двойного назначения в интересах комплексного решения в АЗРФ задач в области обороны[434].

Возможное развитие конфликтных ситуаций в Арктическом регионе в *краткосрочной и среднесрочной перспективе зависит* от внешнеполитической деятельности государств, заинтересованных в освоении ресурсов Арктики.

Большинство российских и американских экспертов не считают вероятным возникновение серьёзных (особенно вооружённых) конфликтов в Арктике в обозримом будущем[435]. Это же мнение высказывается и в официальных нормативно-правовых документах России и США. Считается, что в целом обстановка в регионе достаточно благоприятна, а большинство существующих и потенциальных проблем можно решить мирным путём, не прибегая к военной силе. Вместе с тем специалисты выделяют ряд сфер арктической политики, обладающих конфликтогенным потенциалом в краткосрочной и среднесрочной перспективе.

Наиболее вероятным фактором, который может вызвать обострение российско-американских отношений в Арктике, считается установка США на следование принципу свободы мореплавания. В соответствии с принятой ещё в 1979 г. программой учений по обеспечению свободы навигации ВМСФ США регулярно проводят такие учения в ряде районов Мирового океана.

---

[434] О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года : указ Президента РФ от 26 октября 2020 г. № 645. – URL: http://kremlin.ru/acts/news/64274 (дата обращения: 14.08.2021).

[435] Конышев В.Н., Сергунин А.А. Российско-американские отношения в Арктике: сотрудничество или соперничество? Международно-политические условия развития Арктической зоны Российской Федерации / под ред. А.В. Загорского. М. : Магистр, 2015. С. 21−28.

По мнению американского руководства, прибрежные государства нарушают нормы морского права, включая те или иные морские пространства в состав своих территориальных вод, внутренних морей или устанавливая неприемлемые для США ограничения для плавания судов в этих районах. Так, широко известны конфликты между США и Китаем по поводу свободы навигации в Южно-Китайском море. В ноябре 2020 года американский эсминец пытался пройти в залив Петра Великого, который Россия считает своим внутренним морем («историческим заливом»). В мае и ноябре 2020 года американские, британские и норвежские военные корабли устроили учения в Баренцевом море в российской ИЭЗ, чего они не позволяли себе со времён холодной войны.

Военно-политическое руководство США периодически заявляет о намерении направить свои военные суда на СМП без российского разрешения, поскольку считает этот транспортный маршрут международным по статусу. Пока Военно-морские силы и флот (ВМСФ) США не решаются реализовать эту угрозу, так как американские военные корабли не имеют ледового подкрепления и опасаются заходить в акваторию СМП даже в сезон навигации. Если тенденция к потеплению климата продолжится, и ледовая обстановка в регионе станет более благоприятной, военно-морские эксперты не исключают, что провокационные планы Вашингтона могут стать реальностью. К тому же к концу 2020-х годов США рассчитывают построить два новых ледокола (средний и тяжёлый), которые могут «подстраховать» корабли ВМСФ в их арктических «путешествиях».

Разумеется, российское руководство не оставит без внимания эти экспансионистские планы Вашингтона и постарается предпринять меры по защите своих национальных интересов, как она это делает в других морских районах. Однако подобного рода конфликты не способствуют оздоровлению международной обстановки на Крайнем Севере.

Риск возникновения конфликтной ситуации в среднесрочном плане может возрасти в случае наращивания одной из сторон своего военного потенциала и/или активности в регионе. Это, прежде всего, касается действий американской администрации, которая продвигает к арктическим границам России свои силы передового базирования, военную инфраструктуру, провоцирует российское руководство военными учениями вблизи сухопутной территории, морских и воздушных пространств.

Ещё одним возможным, хотя и маловероятным источником регионального конфликта могут стать споры между арктическими державами по поводу разграничения морских пространств и раздела континентального шельфа. Причём речь идёт не о российско-американских спорах (проблемы в отношениях между двумя странами в этой области более или менее решены), а о гипотетической ситуации, когда конфликт может возникнуть между Россией и союзниками США по НАТО. Например, это может случиться, если какая-то из сторон (Россия, Дания, Канада) будет недовольна решением Комиссии ООН по границам континентального шельфа

в отношении принадлежности подводных хребтов Ломоносова и Менделеева и может прибегнуть к военной силе для отстаивания своих интересов. Этот вариант считается маловероятным, так как у сторон спора имеется множество невоенных способов урегулирования конфликта. К тому же война в Арктике слишком опасное и дорогостоящее занятие, на которое вряд ли решится кто-либо из участников арктической политики.

Наконец, ещё одной гипотетической причиной для конфликта на Крайнем Севере может послужить растущая международная конкуренция из-за доступа к природным ресурсам Арктики. Например, по мере истощения углеводородов в традиционных и легкодоступных местах их добычи внимание как отдельных стран, так и транснациональных корпораций может сместиться к ещё неосвоенным нефтегазовым месторождениям Крайнего Севера (как на суше, так и на шельфе). Центральный район СЛО, находящийся за пределами национальной юрисдикции прибрежных государств (с его полезными ископаемыми на дне океана и биоресурсами в водной толще), также может стать объектом притязаний со стороны не только арктических, но и неарктических стран. Вашингтон очень нервно относится к любым попыткам Китая экономически закрепиться в регионе и получить доступ к его природным ресурсам.

Оптимистично настроенные эксперты считают, что угроза возникновения конфликта из-за доступа к природным богатствам Крайнего Севера сильно преувеличена. Во-первых, их большая часть находится в ИЭЗ прибрежных государств и, стало быть, на них никто не имеет права претендовать без разрешения «законных хозяев». Во-вторых, международное сообщество ведёт работу над совершенствованием правовых режимов в отношении центральной части СЛО и вряд ли позволит ситуации выйти из-под контроля и скатиться к анархии. В частности, в настоящее время под эгидой ООН разрабатывается специальный договор о сохранении биоразнообразия в районах открытого моря за пределами национальной юрисдикции прибрежных государств, который затронет и центральную часть СЛО. В-третьих, учитывая нынешнюю тенденцию к поощрению развития «безуглеродной» экономики, структура будущего энергопотребления может существенно измениться, и потребность в арктических нефтегазовых ресурсах станет менее настоятельной. Это, в свою очередь, снизит степень конкуренции за природные богатства Крайнего Севера.

Что касается перспектив сотрудничества между Россией и США в Арктике в краткосрочной и среднесрочной перспективе, то в данной области возможны три сценария.

Во-первых, это сценарий, связанный с продолжением нынешнего состояния дел в области российско-американских отношений в Арктике, которое образно характеризуется известным выражением Л. Троцкого о ситуации в советско-германских отношениях в начале 1918 года: «Ни войны, ни мира». Вашингтон не предпринимает откровенно враждебных

действий в отношении Москвы в Арктике, но, с другой стороны, и не идёт на расширение сотрудничества с Россией в этом регионе.

Этот вариант предпочтительней для России, чем конфронтация с США, наметившаяся к концу правления Д. Трампа, но особой пользы от такого стиля отношений между странами не будет. Сотрудничество между государствами будет возможно только по техническим вопросам арктической политики, какой-то существенный прогресс в этих отношениях вряд ли случится. В этих условиях Российской Федерации будет нелегко реализовать свою программу председательства в Арктическом совете, которое запланировано на период 2021–2023 гг.

Второй сценарий – это ограниченное сотрудничество между Россией и США по определённым вопросам арктической «повестки дня». Так, например, уже в «переходный период» Джо Байден и представители его «команды» заявили о своей озабоченности проблемой глобального изменения климата, что породило спекуляции о возможности возвращения Вашингтона в рамки Парижского соглашения 2015 года и возобновления сотрудничества с другими арктическими странами в этой области.

Возможно, администрация Президента Джо Байдена вернётся к тем форматам арктического сотрудничества с Россией, которые были приняты при Б. Обаме и которые были «заморожены» при Д. Трампе (проведение совместных учений в рамках соглашений по спасению на водах и борьбе с разлитиями нефти, Арктического форума береговых охран, имплементация соглашения о расширении научного сотрудничества и пр.).

Также возможно, что при Джо Байдене США будут продвигать пакет «незаконченных дел» администрации Б. Обамы – подготовка более обязывающего и конкретно-содержательного соглашения по борьбе с разлитиями нефти, соглашения по ограничению выбросов сажи с судов и запрета на использование дизельного топлива в Арктике. В этом же ключе продолжится сотрудничество ведущих арктических государств (включая Россию и США) по имплементации Полярного кодекса.

При этом сотрудничество с Россией будет осуществляться преимущественно в многостороннем, а не двустороннем формате – в рамках Арктического совета, Международной морской организации, ряда специализированных учреждений ООН. Всё это будет происходить на общем фоне довольно напряжённых отношений между Москвой и Вашингтоном, поскольку администрация Президента Джо Байдена намерена и дальше оказывать на Россию «прессинг по всему полю» из-за её позиции по Крыму.

Однако, несмотря на такой противоречивый характер курса Президента Джо Байдена, вполне возможно, что сложатся более благоприятные условия для реализации программы предстоящего председательства России в Арктическом совете. По крайней мере, США не будут блокировать инициативы Москвы по оживлению работы этого важнейшего регионального форума, расширению его полномочий и в целом по повышению его роли в арктической политике.

Президент Джо Байден постарается не допустить наметившийся в последнее время «тандем» России и Китая по арктическим вопросам, возникший во многом как противодействие курсу Д. Трампа на «сдерживание» этих двух стран как на Крайнем Севере, так и по всему миру. Скорее всего, Джо Байден постарается снять с Пекина обвинения в «арктическом экспансионизме» и исключить этот регион из сферы глобального соперничества с Китаем.

Вместе с тем подобный курс не исключает возможных попыток со стороны Вашингтона создать препятствия российско-китайскому сотрудничеству на Крайнем Севере. Так, США, заинтересованные в продвижении своего собственного сжиженного природного газа (СПГ) на мировых рынках, наверняка будут ставить барьеры на пути развития производства сжиженного природного газа в АЗРФ и его дальнейшему экспорту в Китай и другие страны Азии. Вполне возможно, что Вашингтон будет явно и неявно подталкивать Пекин к американской позиции по Севморпути, сводящейся к восприятию этого морского транспортного маршрута как имеющего международный статус и потому не подпадающего под национальную юрисдикцию России и устанавливаемые ею правила плавания в акватории СМП. Разумеется, подобные дипломатические интриги США и их попытки разжечь российско-китайские противоречия по вопросам арктической политики также будут контрпродуктивны для развития полноценного регионального сотрудничества.

Наконец, третий – довольно маловероятный, хотя и желательный – сценарий предполагает возвращение США к полномасштабному сотрудничеству с Россией в Арктике, характерному для «докризисного» периода. При этом варианте развития событий помимо «кооперационного пакета», описанного в рамках второго сценария, ожидается снятие американских санкций с России, затрагивающих экономические проекты в АЗРФ (включая нефтегазовые проекты на шельфе), и возвращение ведущих добывающих и промышленных компаний США в российскую Арктику.

Что касается шансов на реализацию этих трёх сценариев, то наиболее вероятным и реалистичным представляется второй вариант. В его пользу говорит анализ как сложившихся в последние годы тенденций в российско-американских отношениях, так и тех данных о взглядах администрации Президента США Джо Байдена, которые доступны в настоящий момент.

Анализируя современные вызовы и угрозы в Арктическом регионе, необходимо особое внимание уделить роли Северного морского пути (далее – СМП), в социально-экономическом развитии и обеспечении национальной безопасности Российской Федерации в XXI веке.

Ряд государств (в первую очередь США, официально провозгласившие своим национальным приоритетом «…обеспечение доступа ко всем пространствам Северного Ледовитого океана и обеспечение свободы международного судоходства по СМП…») и Международная морская организация стремятся подчинить СМП не национальным, а международным

правилам судоходства, поскольку СМП проходит не только во внутренних водах и территориальном море России, но и выходит за их пределы.

Быстрые климатические изменения в Арктике катализируют природные процессы, в результате которых существенно изменяется береговая линия. Это не просто географическая информация, а уменьшение территории и акватории Российской Федерации (может составлять сотни тысяч квадратных километров). Вышеозначенное связано с изменением положения исходных линий, от которых обмеряются все морские зоны. В российской части Арктики исходные линии установлены не оптимальным способом, поскольку, в основном, зависят от линии отлива, что, при даже незначительном повышении уровня Северного Ледовитого океана и его морей, перемещаются в сторону сухопутной территории нашей страны. Также это приведет к перемещению исключительной экономической зоны в сторону побережья и, в том числе, уменьшит акваторию Северного морского пути «защищенную» статусом внутренних вод России. Очевидно, что, с учетом роли Арктики для России, риски, связанные с изменением береговой линии, является важнейшим геостратегическим риском.

Одним из возможных направлений дальнейшего укрепления международно-правового статуса акватории СМП мог бы стать пересмотр установленной в 1984–1985 гг. системы исходных линий в арктических морях России с более широким использованием метода прямых исходных линий и объявлением некоторых дополнительных акваторий историческими водами России. Реализация такого подхода позволила бы расширить акваторию СМП и включить дополнительные участки СМП во внутренние воды России.

В течение многих десятилетий функционирования СМП не использовался для международного судоходства. Официально СМП можно считать открытым для международного судоходства с 1 июля 1991 г., когда Правила плавания по трассам СМП, утвержденные Министром морского флота СССР 14 сентября 1990 г., были опубликованы в Извещениях мореплавателям, поскольку эти Правила объявлялись действующими на недискриминационной основе для судов всех государств. Курс на использование СМП для международного судоходства в рамках юрисдикции и в соответствии с международными договорами Российской Федерации отнесен к стратегическим приоритетам государственной политики Российской Федерации в Арктике.

Для укрепления позиций России в Арктике, включая использование СМП в качестве национальной транспортной магистрали, было бы целесообразно рассмотреть возможность принятия норм, предусматривающих перевозку грузов в акватории СМП только российскими судами, за исключением трансконтинентальных грузов. Для этого можно использовать опыт США и Канады, законодательно закрепивших перевозку всех грузов в районы Аляски и Канадского Арктического архипелага исключительно своими судами.

Прибрежное государство осуществляет суверенитет над внутренними водами и территориальным морем. Однако в территориальном море все государства пользуются правом мирного прохода. Существенное значение имеет тот факт, что проливы Карские ворота, Югорский шар, Вилькицкого, Шокальского, Дмитрия Лаптева и Санникова, в соответствии с постановлениями Совета Министров СССР от 7 февраля 1984 г. и 15 января 1985 г., перекрыты прямыми исходными линиями, от которых отсчитывается ширина территориального моря. Вследствие этого указанные проливы являются внутренними водами Российской Федерации, которая осуществляет суверенитет над ними, и суда могут попасть в акваторию СМП между архипелагом Новая Земля и Новосибирскими островами только через внутренние воды Российской Федерации (или из районов центральной Арктики, где судоходство не осуществляется). Поскольку ранее эти проливы не использовались для международного судоходства, и Россия всегда осуществляла над ними свою юрисдикцию, полагаем, что право мирного прохода в них не применимо.

Особо следует отметить статью 234 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. (Конвенции 1982 г.), которая предоставляет право прибрежному государству принимать и обеспечивать соблюдение недискриминационных законов и правил по предотвращению, сокращению и сохранению под контролем загрязнения морской среды с судов в покрытых льдами районах в пределах исключительной экономической зоны.

Статья 234 Конвенции 1982 года фактически является правовым основанием для принятия недискриминационных правил плавания в акватории СМП, включая разрешительный порядок плавания.

В 2020 году были приняты Правила плавания в акватории СМП (далее – Правила 2020 г.). Анализ этого документа показал, что в Правилах 2020 года отсутствуют:

– перечень конкретных мер к судам, не выполняющим Правила 2020 года, в том числе мер административной ответственности за их нарушения; при этом ранее действующими Правилами плавания по трассам СМП 1990 года (далее – Правила 1990 г.) такие меры были предусмотрены;

– требования об обязательной ледокольно-лоцманской проводке судов в проливах Вилькицкого, Шокальского, Дмитрия Лаптева и Санникова. Такие требования были введены еще в 1967 году! Правилами 1990 года такая проводка также предусматривалась;

– требования к порядку проводки в акватории СМП иностранных военных кораблей, а также временные ограничения для их прохода по трассам СМП. Правилами 1990 года такие требования и ограничения были установлены.

В соответствии с Кодексом торгового мореплавания под акваторией СМП понимается «…водное пространство, прилегающее к северному побережью Российской Федерации, охватывающее внутренние морские

воды, территориальное море, прилежащую зону и исключительную экономическую зону Российской Федерации…».

Статья 12 Федерального закона от 31 июля 1998 г. № 155-ФЗ «О внутренних морских водах, территориальном море и прилежащей зоне Российской Федерации» регулирует только «…право мирного прохода через территориальное море иностранных судов, иностранных военных кораблей и других государственных судов…».

В соответствии со статьей 5 Федерального закона от 17 декабря 1998 г. № 191-ФЗ «Об исключительной экономической зоне Российской Федерации» «…Российская Федерация, осуществляя суверенные права и юрисдикцию в исключительной экономической зоне, не препятствует осуществлению судоходства, полетов, иных прав и свобод других государств, признаваемых в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права…».

Учитывая, что в 2012 году в статье 5.1 Кодекса торгового мореплавания было введено новое понятие «акватория Северного морского пути», включающее, в том числе, исключительную экономическую зону Российской Федерации, необходимо дополнительно оценить правомерность распространения всех требований, установленных Правилами 2020 г., на проход иностранных судов в исключительной экономической зоне Российской Федерации.

С учетом изложенного, целесообразно рассмотреть вопрос об уточнении Правил 2020 года, в том числе предусмотрев:

– введение дифференцированных требований к проходу судов в различных зонах акватории СМП;

– возвращение ранее действующих норм и требований, которые уважались и соблюдались всеми государствами в течение многих десятилетий, и по факту могут считаться нормами общего права;

– ускорить работу по обновлению системы исходных линий в арктических морях России с существенно более широким использованием метода прямых исходных линий и объявлением некоторых дополнительных акваторий историческими водами России.

3.12. Вызовы и угрозы в Каспийском и Черноморском регионах

Понятия Каспийский и Черноморский регион, принятые в некоторых научных трудах и учебной литературе достаточно условны и определяют лишь географическое направление без учета геополитической реальности XXI веке. Представитель западной геополитической мысли З. Бжезинский определяет эти регионы термином «Евразийские Балканы», в состав которых входят районы Юго-Восточной Европы, Средней Азии и части Южной Азии, района Персидского залива и Ближнего Востока.

В Европе слово «Балканы» вызывает ассоциации с этническими конфликтами и соперничеством великих держав в этом регионе. Евразия также имеет свои «Балканы», однако «Евразийские Балканы» гораздо больше по своим размерам, еще более густонаселены и этнически неоднородны. «Евразийские Балканы» включают девять стран, которые составляют внутреннее ядро – Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан, Азербайджан, Армения, Грузия (прежде все они входили в состав бывшего Советского Союза) и Афганистан. Потенциальными кандидатами для включения в этот список являются Турция и Иран[436].

Крупными игроками являются несколько стран, не входящих в этот регион: Индия, Пакистан, Китай и США. Интерес к ядру региона проявляют Япония, Южная Корея и страны Европейского союза (Евросоюз, ЕС).

В настоящее время центром притяжения интересов стран западного альянса становится Каспийский и Черноморский регионы, которые переживают один из наиболее противоречивых этапов в своей истории, к примеру, Туркменистан, который имеет вторые по объему запасы газа (8,1–8,8 трлн. $м^3$) после России. После распада СССР туркменское руководство выступило за многовариантность трубопроводов и обозначило следующие транспортные направления – трансазербайджанское, трансиранское, трансафганское и трансазиатское (в Китае).

Рост значения энергоресурсов в мировой политике объясняется, прежде всего, прогнозируемой нехваткой этих ресурсов уже в скором будущем, поэтому контроль над нефтегазовыми регионами фактически дает возможность маневрировать ресурсами и становится ключевым фактором политического и экономического влияния во всем мире.

С распадом Советского Союза и появлением на международной арене целого ряда независимых государств значительно расширилась география нефтяных интересов ведущих стран мира, охватив страны Кавказа и Центральной Азии. Стремление западных стран, а теперь и Турции экономически закрепиться в этом регионе затрагивает национальную безопасность России.

Вопрос транспортировки каспийской нефти для России связан почти исключительно с Черноморским регионом, где разворачивается своя

---

[436] *Бжезинский З.* Великая шахматная доска, глава 5. – URL: read.virmk.ru. (дата обращения 14.05.2021 г.).

геополитическая игра, в которой создаются порой временные союзы, ставящие своей целью ограничение возможностей России и в этом регионе.

Самые дешевые и экономически выгодные пути транспортировки каспийской нефти и газа из стран Центральной Азии проходят через Россию. С ними могут конкурировать лишь южные маршруты, которые проходят через Иран. Однако они сегодня перекрыты. Вместе с тем экономически выгодные проекты не обязательно являются политически целесообразными, что видно из разворачивающейся войны вокруг «Северного потока-2».

Каспийский и Черноморский регионы связаны геополитически и рассматриваются в стратегии наших западных оппонентов в геополитическом единстве. Однако для России с геополитической точки зрения это направление определяется понятием циркумпонто-каспийский регион. Геополитическое значение этого региона для России обусловлено и историческим опытом, и теми рисками, которые возможны на этом геополитическом плацдарме.

Во второй половине XX века СССР прочно удерживало геополитический контроль над Каспийским и Черными морями, имея потенциального противника только со стороны Турции как члена НАТО. Возникавшие риски достаточно быстро ликвидировались. Даже вторжение в Афганистан было оправданным с геополитической точки зрения. Неоправданным был уход из Афганистана и оставление на произвол судьбы режима Наджибулы, что и определило его падение.

В XXI веке международное сообщество переходит в новое геополитическое состояние, которое было запущено распадом в 1991 году СССР и крушением социалистического лагеря как геополитической реальности. 20-е годы XXI века условно можно назвать «десятилетием нестабильности», в течение которого существующие союзы должны претерпеть изменение, или кануть в лету. Происходит и смещение полюсов силы в сторону евразийского континента при все более слабеющем Европейском союзе и США.

Международное право во многом не успевает или точнее не отражает существующие мировые геополитические проблемы. Оно стало инструментом в политическом давлении на Россию. Следовательно, большое значение приобретают вопросы региональных взаимоотношений, проблемы преодоления существующих между ними разногласий, противоречий для успешного межгосударственного партнерства. Происходящие ныне радикальные изменения в системе международных отношений обнаруживают новые явления и тенденции в мировой политике.

Россия вступила в XXI век с серьезными геополитическими проблемами, решение которых зависит от выбора проблемных геополитических точек на карте мира. К сожалению, политическая элита России не избавилась от иллюзий 90-х годов XX века – отсюда неясность геополитического проекта (образа будущего).

Первая иллюзия – надежда, что экономические связи – основа для добрососедских взаимоотношений. При этом экономика – лишь следствие геополитики, что показали взаимоотношения с ЕС, Украиной, Белоруссией и другими странами. Подобная ошибка допускается и в отношении Турции.

Придуманный термин «геоэкономика» подтверждает наши утверждения. Геоэкономика существует лишь для европейских стран, для остальных она не имеет смысла не подкреплённая геополитической мощью.

Вторая иллюзия – утверждение, что на постсоветском пространстве и отчасти в странах бывшего социалистического лагеря проживают братские народы. С 1991 года прошло почти 30 лет и новое поколение, родившееся и воспитанное на Украине, Белоруссии, Армении, Азербайджане, Казахстане смотрит на Россию в большей степени через «западные очки». Попытки делать ставку на постсоветские элиты не только не оправдались, но еще больше способствовали русофобским настроениям.

Третья иллюзия – надежды на прозрение западных партнеров, что тоже оказалось тщетным. Попытки выстроить равноправное партнерство натолкнулись на серьезные экономические ограничения и жесткий диктат США и Европейского Союза прежде всего в сфере политики. Европарламент и ряд лидеров крупных европейских стран напрямую пытаются диктовать линию поведения России. Верхом цинизма стало требование отменить поправки в Конституцию Российской Федерации принятые 1 июля 2020 г., не говоря о дискриминации русских и русского языка в странах Прибалтики и особенно на Украине.

В реальности Объединенная Европа ведет свою «идеологическую» войну против России, используя различные инструменты и навязывая нам стандарты, разрушающие мировоззрение россиян. Достаточно упомянуть образование и спорт, чтобы понять главную цель – сдержать Россию, контролировать, ее молодежь, чтобы в дальнейшем превратить население России в биороботы, подчиненных сигналам, приказам из Европы и США.

Четвертая иллюзия – маниакальное следование всем договорам и соглашениям, в частности, Хельсинским соглашениям. Подписание в 1975 году Хельсинского акта в условиях СССР сглаживалось геополитической мощью страны, однако в условиях современной России это стало серьезной проблемой, главная из которых – принижение роли России в мире. Наши аналитики и политики недоумевают, почему к России такое пренебрежительное отношение? Ответ прост: Россия для стран Запада даже ниже по статусу, чем Эстония, Швеция и др., да и еще под контролем ОБСЕ.

К сожалению, мы своими руками принижаем статус России как мощной геополитической державы. Нам указывают не только США, Германия, Франция, но и страны Прибалтики, а также Польша.

Наши иллюзии и затраченные внешнеполитические усилия очень выгодны нашим противникам на Западе. Россию постоянно держат в напряжении то события на Украине, то размещение американских баз в Прибалтике, то отравление Скрипалей, Навального и пр.

Какие основные геополитические риски России в среднесрочной и долгосрочной перспективе грозят России, и какой геополитический удар планируется нанести? Ответ на этот вопрос содержится в геополитическом пасьянсе Евразии. Нас пытаются убедить, что основные усилия нужно сосредоточить на Западе против НАТО и Востоке против Китая и, возможно, Японии. Рисуются различные сценарии аннексии Дальнего Востока и Сибири Китаем, а Курильских островов и Сахалина Японией. Есть опасения и на арктическом направлении.

Хазарский каганат, вытесненный из Южного Прикаспия и Причерноморья, сошел с исторической арены, а Россия, выйдя на берега Каспийского и Черного морей, стала значимым геополитическим игроком.

В XVIII–XX вв. этот регион всегда был местом постоянных военных конфликтов между Россией, Турцией и Ираном, как и в период Крымской войны и прямой агрессии европейских держав, стремившихся если не вытеснить Россию, то ограничить ее возможности. Причем военные действия почти всегда велись на двух фронтах: черноморском и кавказском при одновременном давлении или развязывании военных действий на европейском направлении.

Классический пример попытки овладения циркумпонто-каспийским регионом показали события Крымской войны (1853–1856 гг.). Военные действия против России начала Турция, а в марте 1854 года Франция и Англия объявили России войну. Однако эта война была атакой на Россию по всему периметру границ. Практически одновременно военные действия велись на Дальневосточном, Балтийском Северном, Черноморском и Кавказском фронтах. Основной удар планировался на Кавказе и Черном море. Еще в 1838 году Эдвард Спенсер писал: «Эта крепость – Кавказ – представляет для Англии более важную точку опоры, чем Турция. Там мы могли бы в любое время и за пустячную цену, благодаря воинственному расположению населения <…> вооружить 200 тыс. храбрейших в мире воинов, способных в случае крайней необходимости, дойти с огнем и мечом до самых ворот Москвы».

Неслучайно в период Крымской войны был открыт внутренний фронт под предводительством Шамиля. Только заняв весь Кавказ в 1863 году, Россия смогла активизировать свои усилия по отмене позорных статей Парижского договора 1856 года. Россию планировалось лишить черноморского побережья и Кавказа, установив господство союзников на первом этапе от Очакова до Астрахани. Весь циркумпонто-каспийский регион должен был перейти под контроль, прежде всего, Англии. Только героическая оборона Севастополя и успешные действия на Кавказском фронте сорвали эти планы. Немаловажным является и факт согласия возвращения Севастополя России в обмен на турецкую крепость Карс с его областью, занятой русскими войсками.

Вторая попытка овладения циркумпонто-каспийским регионом была предпринята во время Второй мировой войны. Нацистская Германия

планировала установить контроль над ключевой страной региона Ираном, контакты с которым начались уже в 1933 году, особенно активизировавшиеся с началом Второй мировой войны.

Германия четко осознавала, что Иран – ключевая геополитическая точка контроля над югом Евразии, позволяющая контролировать как юг СССР, так и самый короткий сухопутный путь в Индию. С началом Второй мировой войны Германия начала овладение циркумпонто-каспийским регионом с двух направлений:

– создавая плацдарм, Болгария-Турция-Иран, готовя удар с юга;

– начав наступление на Крым и Северный Кавказ, конечная цель которого – овладение Северным Азербайджаном.

Если бы Германия смогла реализовать свои планы и вышла на рубеж Баку−Дербент−Астрахань, СССР лишилась бы не только бакинской нефти, но и получила бы еще один фронт уже в 1942 году, после вступления в войну Ирана и Турции, что привело бы к потере не только Черного, но и Каспийского моря.

В этих условиях СССР и Англия вынуждены были начать в Иране в 1941 году военную операцию «Согласие», после завершения которой СССР держал в Иране на границе с Турцией войска до мая 1946 года.

Идеалом геополитического уничтожения России была попытка ее раздела в период Гражданской войны и Интервенции в 1918-1922 гг. Именно в этот период страны Западной Европы, США, Канада и Япония реализовали свои мечты по захвату ресурсов России.

В географическом смысле циркумпонто-каспийский регион – это территория вокруг Черного и Каспийского морей, ограниченная и контролируемая «геополитическими точками»: Турция через Черноморские проливы, Крым, Грузия, Азербайджан, Россия и Иран. Остальные страны имеют вспомогательное значение.

Ключевыми странами этого региона и в исторической ретроспективе, и в настоящее время являются Россия (СССР), Иран и Турция, а до 2014 года Украина, имея в своем составе Крым. Вместе с тем географически только Россия и Иран создают «Великий евразийский барьер», контролируя сухопутный доступ из Азии в Европу. Сейчас этот регион можно назвать циркумпонто-каспийской воронкой, зарождение конфликта в которой – постоянная угроза безопасности России. Речь идет не о прямой военной угрозе, а о геополитической устойчивости южных рубежей России, желании поставить России «геополитический мат».

12 августа 2018 г. на Пятом Каспийском саммите в Актау президенты пяти прибрежных стран – России, Азербайджана, Ирана, Казахстана и Туркменистана подписали Конвенцию о правовом статусе Каспийского моря. Несомненным успехом стало включение в Конвенцию особого пункта о запрете размещения на Каспии военных баз некаспийских стран, что дает возможность не допустить появления в регионе военных баз НАТО.

Президент России В.В. Путин высоко оценил результаты саммита: «Важно, что Конвенция четко регламентирует вопросы необходимых разграничений, режимов судоходства и рыболовства, фиксирует принципы военно-политического взаимодействия стран-участников, гарантирует использование Каспия исключительно в мирных целях и неприсутствия на море вооруженных сил внерегиональных держав»[437].

Конвенция о правовом статусе Каспийского моря имеет большое значение как в региональном, так и в глобальном измерениях. Она создала юридическую основу для определения суверенных границ прибрежных государств, решает вопрос с подводными трубопроводами, способствует охране окружающей среды, облегчает сотрудничество между странами-участниками в сфере транзита энергоносителей и др. (например, в рамках энерго-логистического коридора «Север-Юг» между Азербайджаном и Ираном)[438].

Глобальная стратегия объединенного Запада по-прежнему сводится к недопущению создания «Великого евразийского союза» России, Китая, Индии и Ирана, способного контролировать и доминировать в Азии. Да и методы остаются прежними – создание «санитарного кордона» вокруг России и ослабление всех потенциальных участников «Союза» экономически. В долгосрочной стратегии коллективного Запада названы основные противники Россия и Иран, против которых и предпринимаются активные скоординированные действия, в которых очень четко прослеживаются три этапа.

Первый этап, начавшийся после распада СССР, привел к потере влияния России в Украине, Грузии, Азербайджане, Среднеазиатских республиках и отчасти Армении. Именно в это время активизировалась Турция с проектом «Великий Туран», пытаясь создать тюркский барьер из Турции, Азербайджана и Казахстана, тем самым отрезав Россию от Ирана и получив выход в Каспийское море. Параллельно с этим разыгрывалась северокавказская карта с опорой на Чечню и Грузию. Вторжение боевиков Басаева в Дагестан было лишь частью стратегического плана, который должен был привести к созданию суннитского государства, отторжению Северного Кавказа и вытеснению России с берегов Черного и Каспийского морей. Так, Россия в начале XXI века смогла ликвидировать угрозу отторжения Северного Кавказа и снизить активность Турции.

Второй этап начался с активного противостояния Ирана и США. Прямое дипломатическое и военно-политическое давление на Иран

---

[437] Пятый Каспийский саммит // Президент России. Официальный сайт. – URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/58296 (Дата обращения: 07.05.2021). Подробнее см.: Пивовар Е.И. Особый правовой статус Каспия. Итоги и перспективы V Каспийского саммита в Актау // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения», 2019. №1. С.12.

[438] *Пивовар Е.И.* Указ.соч.; Агазаде М.М. «Конституция Каспия» и новые горизонты сотрудничества между Азербайджаном и Ираном // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 4. С. 942.

не привело к прямому военному конфликту, однако ослабило его позиции. Кроме прямых шагов против непосредственно Ирана, США пытались ослабить геополитическое значение Ирана тактикой «непрямых» действий.

7 октября 2001 г. США начали военную операцию в Афганистане «Несокрушимая свобода», приведшую к оккупации страны и созданию сети мощных американских военных баз. В этой игре США сделали первый шаг, контролируя Афганистан и Пакистан как политически, так и через военное присутствие. Однако этого было недостаточно. В 2003 году США начали военное вторжение в Ирак, получившее название «Иракская свобода». Военный конфликт продолжался 9 лет и завершился 15 декабря 2011 г. выводом войск коалиции с территории Республики Ирак, но там остались американские военные базы. Территория Ирака вплотную приблизила военную инфраструктуру США к Ирану, который оказался зажатым с двух сторон – с запада и востока.

Иран – пока единственный гарант разрастания конфликта между Арменией и Азербайджаном, препятствие для проникновения Турции и сдерживающий фактор американской экспансии в Туркменистан. Контроль над Ираном со стороны США полностью нейтрализует возможности Прикаспия, а при поддержке Турции и такой непредсказуемой Болгарии может привести к геополитической изоляции Черноморско-Каспийского региона. Иран имеет ключевое геополитическое положение на «Евразийских Балканах». Именно его территория является ключевой для трансграничных евразийских проектов, не исключая его значение как крупнейшего обладателя не только нефти, но и природного газа. Географическое положение Ирана на евразийском континенте можно сравнить с пробкой, которая препятствует США полностью реализовать свои геополитические планы. 17 декабря 2010 г. на Ближнем Востоке и в Северной Африке началась «арабская весна», на фоне которой в 2011 году началась операция по смене правящего режима в Сирии. Ее территория планировалась как база универсального инструмента воздействия на регион под названием «ИГИЛ», главари этой группировки уже в июне 2014 года объявили о создании на территории Ирака и Сирии «Исламского халифата».

В 2014 году США планировали создать мощную военно-морскую базу в Крыму, для чего был спровоцирован политический кризис на Украине и произошел государственный переворот. Реальная угроза вытеснения России из черноморского региона и создание универсального антииранского плацдарма заставили Россию активно действовать сначала на крымском направлении, а с 30 сентября 2015 г. вмешаться в сирийские события.

Участие России в сирийском конфликте, продолжавшимся до 2017 года, встретил активное сопротивление со стороны США, Турции, Англии и ряда арабских стран. Военные успехи России в Сирии усилили геополитические позиции на подступах к циркумпонто-каспийскому региону, позволив создать несколько военных баз полного цикла, способных

контролировать как иракский плацдарм, так и Турцию, на территории которой находятся американские военные базы. Однако Россия не смогла полностью ликвидировать угрозы, продолжая взаимодействовать с Турцией, оставляя под ее контролем идлибский плацдарм, пытаясь договориться с США и ее союзниками.

Третий этап, начавшийся в 2020 году, предполагает новую конфигурацию, а точнее полное окружение Ирана. 27 сентября 2020 г. Азербайджан возобновил военные действия на территории Нагорного Карабаха. Армения, сменив в результате уличных протестов в 2018 году правящую верхушку, к 2020 г. ослабла политически и не могла оказать серьезную военную помощь Нагорному Карабаху.

На этом этапе проявилась активная роль Великобритании, которая способствовала выстраиванию новой союзной конфигурации Турция−Азербайджан−Украина. Если Азербайджан и Турция давно провозгласили лозунг «Tek millet, iki devlet» (одна нация − два государства), то нахождение Украины в этом союзе выглядит странным. Однако это только на первый взгляд.

На начальном этапе ставилась задача установления полного контроля над Нагорным Карабахом и полная изоляция Армении, а значит, российской военной базы. После выполнения этой задачи планировалась нейтрализация Армении и ликвидация российской военной базы, возможная замена ее на базу США или НАТО.

В дальнейшем активизация Тройственного союза (геополитического треугольника) – Турция, Украина, Азербайджан − способна создать одновременные проблемы России и Ирану. Это породило воинственные заявления Президента Азербайджана Ильхама Алиева: «Большая война за новые земли ещё впереди», сказанные на параде Победы в Баку при полной поддержке Президента Турции Реджепа Тайипа Эрдогана[439].

Миротворческие действия России в Нагорном Карабахе, остановившие войну в ноябре 2020 года, лишь притормозили наметившиеся планы, но не разрушили их. В данный момент Азербайджан интересует возможность прямого наземного маршрута к своему эксклаву Нахичевань через коридор по Сюникской области Армении, которую в Азербайджане зовут Зангезур и считают своей территорией.

Если Азербайджан захватит Сюникскую область, это не только соединит Азербайджан с эксклавом Нахичевань, но и даст Турции прямой доступ к богатому нефтью и газом Каспийскому морю и далее – в Центральную Азию. Экономическим призом этих усилий может стать туркменский газ и его возможность прокачки в Европу через Азербайджан, Грузию и Турцию, тем более что инфраструктура поставок газа через Турцию в Европу уже почти готова. Однако при этом непонятна позиция Армении, где в военном поражении уже обвиняют не только премьер-

[439] Большая война ещё впереди: Президент Азербайджана сделал опасное заявление: телеканал Царьград. – URL: tsargrad.ru (дата обращения 12.07.2021).

министра Пашиняна, но и Россию. Не ясен будущий статус Нагорного Карабаха. Очевидно одно, Азербайджан и Турция, проводя совместную политику, усиливают свои позиции в регионе и на это надо обратить пристальное внимание военно-политическому руководству России.

Несомненно, главная цель в долгосрочной стратегии наших западных партнеров – Россия, но первоначальная цель экспансии – Иран, после победы над которым «Римленд» вплотную приблизится к границам России.

Действия России на циркумпонто-каспийском плацдарме более чем скромны, однако если подобная скромность оправдана на европейском, азиатском, среднеазиатском и даже украинском направлении, то на южном направлении необходимо действовать более жестко и решительно.

Если посмотреть на геополитические позиции России в циркумпонто-каспийском регионе, то единственная геополитическая точка, позволяющая противостоять геополитическому давлению Турции и стран НАТО, – Крым. Не стоит забывать, что американские военные базы расположены в Турции, Болгарии, Румынии. Возможные базы формально открыты на Украине и в Грузии, вероятно и появление турецкой военной базы в Азербайджане.

Черноморская проблема обостряется желанием Турции прорыть альтернативный черноморским проливам канал, на который не будут распространяться правила Конвенции Монтре (1936 г.). Агрессивно настроена Украина и Азербайджан. Сирия, хотя и имеет важное геостратегическое значение, находится на внешнем контуре региона. Иран, занимая самостоятельную позицию по многим вопросам развития данного региона, отвлечен на Израиль и арабские страны Персидского залива.

Несомненно, с приходом новой администрации в Белый дом в 2021 году сценарий противостояния России несколько изменился. По нашему убеждению, в «Большую игру» активно вступила Великобритания, пытающаяся восстановить свои геополитические интересы в данном регионе.

Планируемый сценарий, на наш взгляд, выглядит как комплексное давление на Россию без развязывания глобального конфликта.

1. Уже сейчас Украина, Молдавия и Грузия создают союз, чтобы противостоять России на Черном море.

Не случайна активность военных кораблей НАТО в Черном море, которая только усиливается. В мае 2021 года Украина провела созыв представительной конференции по определению судьбы Крыма – «Крымская платформа», цель которой – координация международных усилий, направленных на возвращение Крыма в состав Украины. Эту идею уже поддержали представители Европейского союза, Великобритании, Канады, Турции и других стран, многие из них принимали в ней активное участие.

2. Обострение военной ситуации в Сирии.

Ни Турция, ни США и их союзники по НАТО никогда не смирятся с потерей контроля над Сирией.

3. Обострение ситуации вокруг Нагорного Карабаха.

21 июня 2021 г. политическая партия Николы Пашиняна «Гражданский договор» уверенно победила на досрочных выборах в парламент Армении, что позволит ей сформировать новое правительство во главе с ее лидером. Вопросы дальнейшего урегулирования обстановки в Нагорном Карабахе продолжают оставаться ключевыми в повестке не только армянского руководства, но и государств, косвенно задействованных в конфликте.

Возможно развитие данных конфликтов каскадом, с попытками дестабилизировать внутриполитическую обстановку в самой России на фоне военно-политического и экономического шантажа со стороны стран западного альянса. Не случайно НАТО объявило о создании широкой коалиции стран против России. Не исключено военно-политическое обострение и на Дальнем Востоке и, прежде всего, с Японией. Не случайно США с приходом новой администрации в Белый Дом объявили о призыве вступать в широкую коалицию против России – главного врага и противника «западной демократии». Несомненна цель связать руки России, не допустить ее ответной реакции, угрожая проблемами по всему внешнему контуру. Действия России в данных условиях должны быть быстрыми и решительными.

В этих условиях российскому руководству необходимо усилить активность на внешнем контуре, что должно найти свое выражение в созыве конференции «Пояс стабильности» при участии Ирана, Ирака, Сирии и России, с возможным привлечением Армении. Основная цель конференции – создание зоны стабильности и экономического развития. Один из важнейших вопросов – курдский, решать который нужно не через этнополитические механизмы, а через механизмы развития и интеграции в пространство стран конференции. В целях обеспечения безопасности региона необходимо:

– осуществлять жесткую позицию в отношении стран ЕС. Особенно это касается Германии, Польши и стран Прибалтики. В качестве инструментов – окончательный выход из Совета Европы и сокращение гуманитарных, политических, экономических обязательств в отношении ЕС и НАТО. Необходимо провести ревизию участия России в различных европейских организациях и соглашениях;

– активно противостоять террористической угрозе исламистских организаций, находящихся в Азербайджане, в том числе и в Нахичеванской области. Параллельно необходимо ликвидировать последние террористические очаги на территории Сирии и способствовать восстановлению контроля Сирийской Республики на всей протяженности границы с Турцией;

– активизировать международные механизмы защиты Ирана в рамках международных региональных организаций и российской дипломатии, более тесно контактируя с самим Ираном по вопросам региональной безопасности. Сохранение Ирана как составной части евразийского барьера – важнейшее условие обеспечение безопасности России в долгосрочной перспективе.

Главная задача России в условиях современного геополитического противостояния – не допустить приближение инфраструктуры «Римленда» на южных рубежах или получить геополитический мат. Опасность данной геополитической партии состоит в том, что в систему геополитической изоляции России включаются новые игроки во главе с Турцией.

Современный геополитический пасьянс напоминает, а в некоторых случаях копирует события накануне и в начале Второй мировой войны, а геополитические стратегии – теоретические наработки классиков геополитики Карла Хаусхофера[440], Хэлфорда Джона МакКиндера[441], Николаса Джона Спикмена[442] и Збигнева Бжезинского[443]. От политической элиты России зависит повториться ли сценарий крымской войны или нет.

Геополитические планы России в XVIII – начале XX вв. были подчинены главной задаче – созданию азиатского плацдарма, необходимого для развития национальной экономики. В жестком дипломатическом и военном противостоянии с западноевропейскими странами Россия смогла найти свое решение, создав серьезные предпосылки для роста своего экономического потенциала.

Однако уже в начале XXI века Россия была вынуждена решать те же задачи, что и Российская Империя в начале XX века. В отличие от Российской Империи и СССР, Россия пытается играть сеанс одновременной игры на шахматных досках, у каждой из которых противники предлагают разные правила. Настало время сменить стратегию игры и предложить нашим партнерам сыграть в русские шашки по нашим правилам и на нашей евразийской доске.

---

[440] *Хаусхофер К.* О геополитике. Работы разных лет. М. : Мысль, 2001. 426 с.

[441] *МакКиндер Х.* Географическая ось истории // Основы геополитики / А.Г. Дугин. М. : Арктогея-центр, 2000. С. 491−506.

[442] *Спикмэн Н. Дж.* Политическая карта Евразии // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Сер. Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. Ч. 1 2015. № 1. С. 41–50; Ч. 2. 2016. № 1 (3), С. 49–56.

[443] *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М. : Международные отношения, 1999. 256 с.

3.13. Вызовы и угрозы в регионах Междуморья и Восточного Средиземноморья

Годы правления администрации Д. Трампа (2016–2020 гг.), вопреки ожиданиям многих российских экспертов, ознаменовались ростом рисков и угроз для России практически по всему периметру границ и общим повышением напряженности в мире, что привело к «трем проблемным узлам» – Польше на Западе, региону Восточного Средиземноморья на юге, Норвегии на севере.

Принципиальное обновление произошло в НАТО – сдвиг центра тяжести альянса из Западной в Восточную Европу, в Польшу. Процесс стартовал еще во времена администрации Джорджа Буша: Германия и Франция показали себя «ненадежными» партнерами, выступив вместе с Россией против войны в Ираке в 2003 году, за это они получили от министра обороны Дональда Рамсфельда с его точки зрения уничижительный ярлык «старой Европы». Услужливые восточные страны, которых Вашингтон в то время вводил в состав НАТО и ЕС на роль проводника своих инициатив, удостоились именования «новой Европы».

Администрация Д. Трампа завершила этот переход: теперь европейский конец трансатлантической оси крепко опирается на Польшу. Только в Польше с ее консервативным националистическим правительством Президент США мог произнести свою милитаристскую речь в июле 2017 года. Только Польша инициативно и настойчиво предлагает свою территорию для размещения военных баз США. И более того: готова платить за это миллиарды долларов и агитирует других увеличивать взносы в НАТО.

Польша, со своей стороны, делает все возможное, чтобы быть надежной военной опорой. В феврале 2019 года Минобороны Польши утвердило план модернизации армии страны на 48,9 млрд долл. – в целях «укрепления восточного фланга НАТО». Польша и в целом Восточная и Центральная Европа рассматриваются Вашингтоном в качестве потенциальной «стартовой площадки» для баллистических и крылатых ракет с ядерными носителями.

В плане «идеологии» у Варшавы давно имеется и концептуальное обоснование. Междуморье (термину примерно 100 лет) – это геостратегический проект объединения под польским руководством стран, расположенных между Балтийским морем на севере и Черным и Адриатическим морями на юге. В годы диктатуры Юзефа Пилсудского концепция «Междуморья» подкреплялась тактикой «прометеизма» – разрушения СССР путем разжигания в народах национализма и сепаратизма: «как Прометей принес огонь людям, так Польша принесет свободу порабощенным Москвой народам». Впоследствии такую политику взял на вооружение Третий рейх, создавая национальные легионы СС, а затем этим же занялись США во времена холодной войны, разжигая национализм в рамках Закона о порабощенных народах.

Для польских националистов «Междуморье» давно было главным оперативным концептом. Новизна в том, что его подхватили американские стратеги и военные. Первым этот термин ввел в оборот в 2009 году Джордж Фридман, глава американского частного агентства «Стратфор». Раскрытая «Викиликс» переписка «Стратфора» показывает, что термин «Междуморье» (Intermarium) встречается в 394 письмах «Стратфора», отправленных за два года до декабря 2011 года. В «Геополитическом дневнике» за 2015 год говорится предельно четко: «Ввиду возрождения мощи России идея «Междуморья», поддержанного не Францией, а США, и имеющего своей целью Россию, станет неизбежна»[444] Эти и другие факты и цитаты содержатся в докладе «Концепция Междуморья: от Пилсудского до Трампа», представленном институтом внешнеполитических исследований и инициатив накануне 70-летия НАТО 3 апреля 2020 г.

Новой политэкономической инкарнацией «Междуморья» стала поддержанная США «Инициатива трех морей» (The Three Seas Initiative), предложенная польскими национал-консерваторами из партии «Право и справедливость». Прошло уже три саммита этой новой структуры, один из них в июле 2017 года посетил Д. Трамп; обсуждались поставки в Европу американского сжиженного газа, т.е. подразумевалось вытеснение из Европы российского газа. Одним из создателей концепции «Триморья» был экс-главнокомандующий силами НАТО в Европе Джеймс Джонс.

Есть у Польши и еще одно важное геостратегическое устремление: разделить «Междуморьем» своих «извечных врагов» – Россию и Германию. Германия национал-консервативному польскому правительству видится также как олицетворение «либеральной Европы» – еще один повод для противостояния.

Таким образом, при Президенте Д. Трампе цели США и Польши вошли в резонанс:

– в идеологическом плане, через националистические устремления;

– в политическом плане, через стремление ослабить Россию и Германию;

– в военном плане, через потребности Вашингтона в усилении инфраструктуры в Европе и усиление милитаризма Варшавы.

Яростно антироссийская политика, готовность участвовать в американских провокациях против России и единства ЕС делают Польшу, Румынию, Прибалтику и, конечно, Украину наиболее надежными союзниками США в Европе.

«Междуморье» может стать самым эффективным американским клином, вбитым в западную оконечность большого евразийского континента. Его цель – похоронить идею общего пространства безопасности и демократического сотрудничества от Лиссабона до Владивостока.

---

[444] Ось НАТО — сдвиг вправо: «Междуморье» как клин в Европе. – URL: https://ria.ru/20190406/1552444531.html (дата обращения 21.08.2021 г.)

Нельзя допустить, чтобы химеры «Междуморья» опять погрузили Европу и весь мир в хаос нового конфликта.

В марте 2020 года Институт внешнеполитических исследований и инициатив выпустил книгу «Польша в борьбе за Восточную Европу, 1920–2020». С тех пор дестабилизация Белоруссии как части Союзного государства лишь добавила остроты угрозам с западного направления.

На южном направлении, в дополнение к традиционным угрозам, связанным с войнами США и НАТО на Ближнем Востоке, добавилась дестабилизация региона Восточного Средиземноморья, который является частью подступов к южным рубежам Российской Федерации и лежит на пути к Ближнему Востоку, в частности Сирии. Регион включает морское пространство средиземноморских стран – Греции, Турции, Сирии, Ливана, Израиля, Египта, Ливии, острова Кипр, и по суше частично совпадает с территорией Ближнего Востока, в который входят из вышеупомянутых стран Сирия, Ливан, Израиль, Египет, Кипр.

В последние годы США резко активизировали усилия по милитаризации региона в связи со следующими факторами: Россия в сентябре 2015 года начала военные операции в Сирии, добилась успеха в борьбе с международным терроризмом и усилила влияние в регионе Ближнего Востока; Турция под руководством Р. Эрдогана последовательно расширяла свободу своих действий и укрепляла позиции в регионе; Греция в первый год правления левоцентриста А. Ципраса в 2015 г. едва не вышла из-под контроля Брюсселя и Вашингтона, что потребовало реализации мер по восстановлению лояльности; агрессивная политика против Ирана требует вовлечения большего числа стран и ресурсов. Израиль активно поддерживает усилия США по милитаризации региона, по отдельным вопросам сам инициирует агрессивные действия в Восточном Средиземноморье.

Параллельно в последние полтора десятилетия регион обретал все более важное значение в сфере энергетики, с точки зрения как энергозапасов, так и путей их транспортировки. С 2009 по 2015 гг. в Левантийском бассейне были открыты крупные месторождения природного газа: в оффшорной зоне Израиля – месторождения «Тамар» и «Левиафан» (доказанные запасы 280 млрд куб. м и 620 млрд куб. м), в зоне Кипра – месторождение «Афродита» (120 млрд куб. м.), и в зоне Египта – крупнейшее в регионе месторождение «аз-Зухр» (также известно как «Аз-Зор», 850 млрд куб. м). Совокупно страны Левантийского бассейна имеют как минимум 3,8 трлн куб. м., что примерно в восемь раз меньше, чем у России или Катара[445], но представляет значимый альтернативный источник поставок газа в Европу.

---

[445] См.: *Манафова А*. Восточное Средиземноморье – новый конкурент российскому газу в Европе? [сайт]. РСМД. 9 сентября 2016. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vostochnoe-sredizemnomore-novyy-konkurent-rossiyskomu-gazu-v/ (дата обращения 30.04.2021).

Наряду с известными запасы природного газа, следующие: у Египта – более 2,7 трлн куб. м, Израиля – порядка 1 трлн куб. м, и у Кипра –120 млрд куб. м.

Такой объем запасов газа с лёгкостью покроет спрос растущих экономик этих стран и оставит большое количество газа для экспорта в Европу. По прогнозу специалистов Оксфорда, спрос в Европе на импортный газ к 2030 году вырастет на 88 млрд в год. Наличие альтернативных российским энергоресурсов подкрепляет стратегию США по вытеснению России с энергетического рынка Европы, одновременно с юга и с севера, где методично ставятся препятствия завершению строительства газопровода «Северный поток-2».

Параллельно планам разработки газовых месторождений ведётся проектирование газопроводов в южную часть Европы. Крупнейший из них, Восточно-Средиземноморский трубопровод (EastMed), согласно проекту, проходит от мест добычи через острова Кипр и Крит до материковой Греции и далее разветвляется в Италию («Посейдон») и Болгарию (газопровод-интерконнектор IGB). Проект, однако, столкнулся с существенными техническими сложностями, связанными с прохождением трубы на глубине более 3000 м, и пропорционально высокими расходами, которые могут сделать проект экономически нецелесообразным. Страны «Энергетического треугольника» – Греция, Кипр и Израиль – подписали межправительственное соглашение по газопроводу EastMed в Тель-Авиве 20 марта 2019 г., при участии госсекретаря М. Помпео[446]. Ещё одно межправительственное соглашение о строительстве газопровода было подписано теми же участниками 2 января 2020 г. в Афинах[447]. Премьер-министр Греции К. Мицотакис назвал его «венцом нового геополитического партнёрства» между Грецией, Кипром и Израилем. В 2019 году Европейская комиссия выделила 34,5 млн евро для завершения технических исследований[448].

Вытеснением России с энергетического рынка Европы США и Брюссель преследуют несколько целей: сокращение доходной части бюджета России с последующим уменьшением социальных расходов в интересах населения, увеличение прибылей американских компаний-экспортёров сжиженного газа, финансирование за счёт газа своих союзников в регионе, в особенности Израиля, а также Кипра. Особенно агрессивными действия Вашингтона стали в годы администрации Дональда Трампа, поставившего целью превратить Америку в «энергетическую супердержаву».

---

[446] См.: US hot on deal bringing energy to EU, bracing Turkey. NewEurope.eu. 14 March 2019. – URL: https://www.neweurope.eu/article/greece-cyprus-israel-eastmed-gas-pipeline-reaches-washington/ (дата обращения 30.04.2021).

[447] См.: Staff Reporter. «Historic» deal signed in Athens for EastMed pipeline. Cyprus Mail. 2 January 2020. – URL: https://cyprus-mail.com/2020/01/02/historic-deal-signed-in-athens-for-eastmed-pipeline/ (дата обращения 30.04.2021).

[448] См.: Southern EU Leaders Warn Turkey over Drilling Bid off Cyprus. The National Herald. 16 June 2019. – URL: https://www.thenationalherald.com/cyprus_politics/arthro/southern_eu_leaders_warn_turkey_over_drilling_bid_off_cyprus-29874/ (дата обращения 30.04.2021).

Сочетание политических, военных, энергетических, транзитных интересов превратило Восточное Средиземноморье в регион активной военной политики США, а также Израиля.

Планы США в регионе Восточного Средиземноморья и методы их реализации прослеживаются по закону «О безопасности и энергетическом партнёрстве в Восточном Средиземноморье и других целях» (To promote security and energy partnerships in the Eastern Mediterranean, and for other purposes), принятому Конгрессом и подписанному Президентом Д. Трампом 20 декабря 2019 г.[449]. Законопроект был подан на рассмотрение Конгресса 19 апреля 2019 г. группой сенаторов – демократов и республиканцев, – возглавленной сенатором-демократом Робертом Менендесом (Robert Menendez)[450]. Законопроект был принят не при отдельном чтении, а в составе «Закона о дальнейших консолидированных ассигнованиях, 2020 год» (H.R. 1865 [116th]: Further Consolidated Appropriations Act, 2020)[451].

Название закона анонсирует Восточное Средиземноморье, но слово «Russia» в негативном контексте повторяется 25 раз. Цель закона – пресечение политических, экономических и военных связей России с государствами региона, замещение российского газа в Европе и милитаризация региона, направленная против России. Фактически законопроект запрещает нашей стране вести внешнюю политику и развивать любое экономическое сотрудничество в регионе Восточного Средиземноморья и ограничивает действия Военно-Морского Флота Российской Федерации на пути прохождения к Сирии.

В сфере энергоресурсов закон ставит целью вытеснить российский газ из Европы, планируя разработку новых месторождений у побережья Египта и Кипра, а также строительство путей транспортировки этого газа.

В военной сфере преследуется цель резкого усиления позиций США в регионе при создании альянса, в который войдут Греция, Кипр и Израиль. Закон также ограничивает действия Турции, где Президент Эрдоган принимает излишне самостоятельные для государства-члена НАТО решения.

Разработка новых месторождений в Восточном Средиземноморье полезна США еще и тем, что будет обогащать самого верного американского партнера в регионе – Израиль. Немало перепадет и Кипру, который США, согласно закону, фактически приватизируют в сфере безопасности. Вопреки расхожему в России мнению Кипр уже перешел под практический контроль США – как в сфере политики, так и в сфере финансов.

---

[449] См.: Информация о прохождении законопроекта: All Information (Except Text) for S.1102 – Eastern Mediterranean Security and Energy Partnership Act of 2019. U.S. Congress. – URL: www.congress.gov/bill/116th-congress/senate-bill/1102/all-info (дата обращения: 30.04.2021).

[450] См.: Текст законопроекта S. 1102 (116th): Eastern Mediterranean Security and Energy Partnership Act of 2019 на 10 июля 2019 г. – URL: https://www.govtrack.us/congress/bills/116/s1102/text (дата обращения: 30.04.2021).

[451] См.: Итоговый закон: H.R. 1865 (116th): Further Consolidated Appropriations Act, 2020. – URL: https://www.govtrack.us/ congress/bills/116/hr1865 (дата обращения: 30.04.2021).

Однако возможность строительства Восточно-Средиземноморского газопровода подвергается серьезным сомнениям. Объемы доступных газовых месторождений полностью не доказаны. Строительство газопровода на глубине более 2000 м технически очень сложно, тем более в сейсмически активной зоне, и его стоимость может вырасти во много раз от исходной оценки в 6–7 млрд долларов. Спрос в южных государствах Европы на газ вряд ли увеличится в условиях низкого либо отсутствующего экономического роста.

В военно-политическом плане закон предусматривает «укрепление сотрудничества в сфере безопасности с Грецией, Кипром и Израилем», включающее «обмен разведывательными данными, повышение осведомленности в киберпространстве и на море» (п. 3.9). Законопроект требует «настоятельно призвать государства региона отказать в портовых услугах судам Российской Федерации, задействованным для поддержки правительства Башара Асада в Сирии» (п. 3.13); «поддерживать усилия государств региона по демобилизации военной техники, поставленной правительством Российской Федерации, в пользу техники, поставляемой НАТО и странами-членами НАТО» (п. 3.16). Документ призывает также «в полной мере осуществлять соответствующие положения закона «О противодействии противникам Америки путём санкций» (CAATSA) с целью не допустить вмешательства со стороны правительства Российской Федерации в дела региона» (п. 3.15).

Законопроект заявляет о намерении США «продолжать активно участвовать в трехстороннем диалоге по вопросам энергетики, безопасности на море, кибербезопасности и защиты важнейших объектов инфраструктуры, осуществляемом между Израилем, Грецией и Кипром» (п. 3.1); «поддерживать дипломатические усилия партнеров и союзников с целью углублять сотрудничество в области энергетической безопасности между Грецией, Кипром и Израилем и поощрять частный сектор к осуществлению инвестиций в энергетическую инфраструктуру в регионе Восточного Средиземноморья» (п. 3.2).

США будут «поддерживать активное ведение Программы по международному военному образованию и подготовке (IMET) с Грецией и Республикой Кипр» (п. 3.7); «поддерживать совместные военные учения Израиля, Греции и Кипра» (п. 3.14) и «решительно поддерживать» подготовку кадров Израиля, Кипра и Греции для борьбы с терроризмом (п. 3.17).

Как известно, главный «террорист» для США и Израиля – Иран, и борьба против него разворачивается, в том числе на территории Сирии. Эти меры будут иметь конкретное последствие: размещение военных средств Израиля на территории Греции втянет Афины во враждебные действия против Сирии. Кипру законопроект отводит существенную роль не только в альянсе с Израилем и Грецией, но и как самостоятельному государству.

Согласно документу, Кипр, являющийся ключевым стратегическим партнером, подписал с США «заявление о намерениях» от 6 ноября 2018 г. «для укрепления двустороннего сотрудничества в сфере безопасности» (п. 1.4); «правительство Соединенных Штатов тесно сотрудничает с правительством Республики Кипр посредством соглашений о совместном использовании информации» (п. 1.18), «помогло Республике Кипр в разработке стратегии национальной безопасности» (п. 1.19) и «ведет подготовку кадров в таких сферах, как кибербезопасность, борьба с терроризмом, обезвреживание взрывоопасных предметов и управление оружейными запасами». Кипр, согласно тексту документа, также должен будет прекратить закупки российских вооружений и полностью перейти на американскую военную технику.

В связи с этим отдельный раздел законопроекта (разд. 5) посвящен задаче «Отзыв запрета на передачу изделий из Списка вооружений США». США явно собираются милитаризовать Кипр. Напомним: север Кипра был захвачен Турцией в 1974 году, в период хунты «черных полковников» в Греции. В настоящее время там дислоцируются около 40 тыс. турецких военнослужащих. Потребуется не много усилий, чтобы спровоцировать конфликт с Турцией на Кипре, грозящий стать еще одним кризисом для Президента Эрдогана, которого США намерены сместить не мытьем, так катаньем.

Примечательно, что в версии законопроекта палаты представителей, в сравнении с законопроектом сената, появились дополнительные требования. Кипр должен прекратить выдавать «золотые паспорта» по программе «Гражданство за инвестиции» гражданам России и Украины, должен «провести оценку деятельности связанных с Россией структур» на предмет нелегальных банковских операций и усовершенствовать свою банковскую систему, чтобы предотвратить такие операции.

Более того, 27 сентября 2019 г. в Палату представителей США был подан отдельный законопроект под названием «Изменить некоторые требования к раскрытию информации по передаче изделий, включенных в Список вооружений США, и других целей» (H.R. 4558). Текст начинается с постулата: «Прямые продажи или передача вооружений от США Кипру будет продвигать интересы безопасности США в Европе...». Речь идет и о вступлении Кипра в программу НАТО «Партнерство за мир».

Если кто-то в России еще считает, что Кипр является в каком-либо смысле «надежной гаванью», с такими иллюзиями необходимо расстаться немедленно. Законопроект «О безопасности и энергетическом партнерстве в Восточном Средиземноморье» имеет самые серьезные шансы на прохождение. Он продолжает череду уже принятых законов, таких как закон «О противодействии противникам Америки посредством санкций» (CAATSA), и еще проводимых, таких как законопроект «О защите безопасности Америки от агрессии Кремля» (The Kremlin Act).

Еще одно важное направление законопроекта: сделать Грецию главным партнером США в регионе. В Европейском союзе Греция считается одним из наиболее расположенных к России государств – это, согласно целеполаганию законопроекта, должно измениться. Изложенные в тексте планы явно работают на отмежевание Греции от России и превращение страны в новый форпост военной политики США в Восточном Средиземноморье и на Ближнем Востоке – вместо ставшей менее надежной Турции. В 2015 году правительство премьер-министра Алексиса Ципраса согласилось на модернизацию американской военно-морской базы «Суда» на Крите, создание вертолётной базы на севере Греции, базы беспилотников в окрестностях города Лариса в Центральной Греции, милитаризацию острова Карпатос в восточной части Эгейского моря, строительство порта для американского сжиженного газа в Александруполисе. Более того, на встрече в Вашингтоне в октябре 2017 года Премьер-министр Греции А. Ципрас и Президент США Д. Трамп обсуждали перемещение тактического ядерного оружия с авиабазы Инджирлик на юге Турции в окрестности населённого пункта Андравида на севере Пелопоннеса.

Новый закон фиксирует: США «сохранят активное военно-морское присутствие и инвестиции в строительство военно-морского комплекса в заливе Суда, Греция, и будут углублять сотрудничество с Грецией в области безопасности, включая недавнее развёртывание разведывательно-ударных БПЛА MQ-9 на авиабазе Лариса и подготовку пилотов вертолётов в Центральной Греции».

Важнейшую роль в разработке и реализации планов играет посол США в Греции Джеффри Пайет, прибывший на пост летом 2016 года. До тех пор Дж. Пайет служил послом США на Украине и на месте курировал вооружённый государственный переворот 2014 года. В Афинах Д. Пайет развернул действия так же широко, как и на Украине: рассматривалась и возможность организации переворота в случае неповиновения Премьер-министра А. Ципраса планам США. После избрания летом 2019 года Премьер-министром Кириакоса Мицотакиса посол США констатировал, что «Греция превратилась из источника проблем в источник решений» и отметил преданность нового лидера хорошим отношениям с США[452].

В августе 2019 года на пост директора Национальной разведывательной службы Греции был назначен Панайотис Контолеон, глава греческого филиала англо-американской частной военной компании «G4S», которая охраняет посольство США в Греции. Новый премьер-министр Мицотакис запустил «полную реструктуризацию» национальных спецслужб и ввёл, по американскому образцу, пост советника по национальной безопасности: им стал вице-адмирал Александр Дьякопулос.

---

[452] См.: US Ambassador to Athens: Greece is now a source of solutions. Defencepoint.com. 17 July 2019. – URL: https://defence-point.com/2019/07/17/us-ambassador-to-athens-greece-is-now-a-source-of-solutions/ (дата обращения: 30.04.2021).

Летом 2020 года напряжённость в регионе перешла на новый уровень: обострился конфликт между Грецией и Турцией, которая начала бурение на шельфовых месторождениях Кипра. В эту ситуацию стремительно втянулись Франция, Германия и Италия, направив в регион военные силы и пытаясь стать медиаторами в решении конфликта на стороне Греции.

В администрации Д. Трампа регионом занимался лично госсекретарь М. Помпео, экс-директор ЦРУ, ранее конгрессмен радикально правого Движения чаепития. Госсекретарь Помпео ежегодно проводил трехсторонние саммиты между Израилем, Грецией и Кипром и совершал поездки по региону вплоть до последних дней работы на посту в январе 2021 года. Так, 27–29 сентября 2020 г. Помпео посетил Грецию с трехдневным визитом[453], и 7 января 2021 г. вновь посетил остров Крит[454]. Во время сентябрьского визита он заявил: «Вместе мы сможем разрушить зловещую монополию, которую российский «Газпром» на протяжении многих лет использовал для того, чтобы угрожать большей части Европы». Энергетические интересы США имеют важное значение сами по себе, но также служат предлогом для милитаризации региона.

Таким образом, закон США «О безопасности и энергетическом партнёрстве в Восточном Средиземноморье» был принят как «юридическое обоснование» для пресечения политических, экономических и военных связей России с государствами региона.

Наряду с пунктами, зафиксированными новым законом, Вашингтон усиливает военные связи с Грецией через существующий «стратегический диалог» и в рамках НАТО, согласно описанию военного сотрудничества на сайте Государственного департамента США[455]. С точки зрения интересов США, расположение Греции на перекрестье Западных Балкан, Северной Африки, Ближнего Востока и юго-восточного фланга НАТО делает страну особенно важным стратегическим союзником. С 2018 года Греция и США проводят ежегодный стратегический диалог на уровне министров, заседания которого посвящены вопросам обороны и безопасности. Греция поддержала операции НАТО в Ливии, Афганистане и Косово, а также усилия по «борьбе с терроризмом».

В бухте Суда на острове Крит Греция размещает ракетный полигон НАТО, где союзники по НАТО, в частности Германия и Нидерланды, испытывают свои ракеты ПВО «воздух – воздух» и «воздух – земля». Там же

---

[453] См.: Secretary Pompeo Travels to Greece to Advance Security, Peace, and Prosperity [сайт]. U.S. Department of State, Offoce of the Spokesperson. September 27, 2020. – URL: https://2017-2021.state.gov/secretary-pompeo-travels-to-greece-to-advance-security-peace-and-prosperity/index.html (дата обращения 30.04.2021).

[454] См.: Pompeo: Work done by the US and Greece in the Eastern Mediterranean ensures freedom [сайт]. Greek City Times. January 7, 2021. – URL: https://greekcitytimes.com/2021/01/07/pompeo-us-greece-ensures-freedom/ (дата обращения 30.04.2021).

[455] См.: U.S. Security Cooperation with Greece [сайт]. Bureau of Political-Military Affairs, U.S. Department of State. March 25, 2021. – URL: https://www.state.gov/u-s-security-cooperation-with-greece/ (дата обращения 11.05.2021).

расположен учебный центр НАТО по операциям морского пресечения, где страны-члены и союзники НАТО тренируются в выполнении надводных, подводных, воздушных наблюдений и специальных операций. Более того, 25 января 2021 г. Североатлантический совет одобрил создание Центра передового опыта НАТО по интегрированной противовоздушной и противоракетной обороне (NATO IAMD) в бухте Суда для повышения оперативной совместимости и поддержки развития и использования потенциала IAMD союзников и партнёров НАТО «для охраны и защиты территории, населения и сил Альянса от воздушных и ракетных угроз»[456].

В плане военно-технического сотрудничества США на 25 марта 2021 г. насчитывают на 10,5 млрд долл. контрактов в рамках системы иностранных военных продаж (FMS). Последние и/или значительные продажи включают модернизацию 84 самолётов F-16 до конфигурации «V» и пакет модернизации для 11 вертолётов SH-70B «Aegean Hawk». Греческие ВМС получили первый из пяти отремонтированных самолётов P-3B Orion в 2019 г., заключили соглашение в 2020 г. на покупку четырёх вертолётов MH-60 «Romeo» и представили скорректированный запрос на покупку ещё трёх «Romeo» в 2021 году.

С 2016 года Греция получила военное оборудование на сумму более 276 млн долл. по программе Excess Defense Articles (EDA), включая 1,2 тыс. бронированных машин охраны M-1117 армии США, 70 OH-58D Kiowa Warriors, 10 вертолётов CH-47 Chinook и четыре патрульных катера Mark V Special Operations Craft.

С 2015 по 2019 гг. Соединённые Штаты разрешили постоянный экспорт в Грецию предметов оборонного назначения на сумму более 808,6 млн долл. через прямые коммерческие продажи. Основными категориями продаж были: военная электроника (380 млн долл.), оборудование для управления огнём, лазерное оборудование, оборудование для формирования изображений и наведения (200 млн долл.) и самолёты (102,5 млн долл.).

В 2018 году Государственный департамент выделил 25 млн долл. в рамках Программы стимулирования рекапитализации европейских вооружённых сил (ERIP) для поддержки вывода из эксплуатации Грецией советских/российских боевых машин пехоты и закупки современной американской альтернативной военной техники.

С 2016 по 2020 гг. министерство обороны также выделило более 3 млн долл. США в рамках Программы международного военного образования и подготовки (IMET) для греческих военнослужащих, которые будут обучаться на курсах профессионального военного образования и технической подготовки вместе с американскими военнослужащими. С 1970 года

---

[456] См.: U.S. Security Cooperation with Greece [сайт]. Bureau of Political-Military Affairs, U.S. Department of State. March 25, 2021. – URL: https://www.state.gov/u-s-security-cooperation-with-greece/ (дата обращения 11.05.2021).

9,5 тыс. греческих военных прошли подготовку в США, в том числе 2,3 тыс. в рамках программы IMET.

США и Греция заключили следующие соглашения о сотрудничестве в области обороны: Соглашение об общей безопасности военной информации (GSOMIA) от 1986 года, Соглашение о сотрудничестве в оборонной промышленности (DICA) от 1986 года, Соглашение о статусе сил НАТО (SOFA) от 1956 года и Соглашение о взаимном оборонном сотрудничестве (MDCA) от 1990 года MDCA было обновлено в январе 2020 года, чтобы повысить гибкость и усовершенствовать права доступа для американских сил в Греции, увеличить поддержку американских сил, действующих из военного комплекса бухты Суда, и расширить двустороннюю военную деятельность в нескольких других местах в Греции. Обновлённое соглашение «повысит американо-греческую оперативную совместимость, поддержит способность Греции вносить вклад в региональную стабильность и повысит способность НАТО защищать свой юго-восточный фланг»[457].

В мае 2021 года Министр обороны Греции Н. Панагиотопулос заявил о модернизации четырёх фрегатов и подтвердил, что Греция «перестраивает все вооружённые силы» и обновляет свой оборонный пакт с США[458]. Порт Александруполис на северо-восточном побережье, по словам министра, станет «транспортным узлом» для НАТО на Балканах и логистической базой для операций на Чёрном море. Базу Суда на острове Крит Н. Панагиотопулос назвал «жемчужиной в короне» региональных военно-морских объектов США и НАТО, поскольку она может принимать авианосцы США, что и произошло с авианосцем «Dwight D. Eisenhower».

«Наше стремление – сделать [порт и соглашение о взаимной обороне] ещё лучше», – заявил министр обороны Греции 11 мая 2021 г. на онлайн-форуме Центра стратегических и международных исследований[459]. Оценивая возросшую военную роль своей страны, министр назвал Грецию «якорным государством» США и НАТО в Восточном Средиземноморье. Части 101-й воздушно-десантной дивизии армии США недавно использовали греческие объекты в рамках учений Defender Europe 21, уточнил он. Военные расходы и сотрудничество Греции с США и НАТО наращиваются, несмотря на серьёзные трудности в экономике и масштабный дефицит бюджета после долгового кризиса 2015 года.

Администрация Президента США Джо Байдена имеет все основания поддержать уровень активности, заданный администрацией Д. Трампа,

---

[457] См.: U.S. Security Cooperation with Greece [сайт]. Bureau of Political-Military Affairs, U.S. Department of State. March 25, 2021. – URL: https://www.state.gov/u-s-security-cooperation-with-greece/ (дата обращения 11.05.2021).

[458] См.: Grady John Greece Overhauling Military with New Helicopters and Frigates, Updating U.S. Defense Pact [сайт]. U.S. Naval Institute News. May 13, 2021. – URL: https://news.usni.org/2021/05/13/greece-overhauling-military-with-new-helicopters-and-frigates-updating-u-s-defense-pact (дата обращения 16.04.2021 г.).

[459] Там же.

в частности для более решительного противодействия амбициям Р. Эрдогана, укрепления своих позиций в Юго-Восточной Европе и Восточном Средиземноморье и недопущения усиления позиций России, которая «заполняет региональный вакуум»[460].

Прогнозируемые вызовы и угрозы, направленные на ослабление позиций России в регионе, разворачиваются по следующим направлениям:

– форсированное вытеснение российского газа с рынка Европы;

– милитаризация региона и, в частности, создание дополнительного военного альянса Греции, Кипра, Израиля и США с целью нарастить военные ресурсы для реализации целей Израиля и США в регионе и в особенности против Сирии и Ирана;

– расширение вариантов и поводов для дестабилизации региона;

– создание препятствий на пути доступа Военно-Морского Флота Российской Федерации к Сирии;

– сокращение возможностей военно-технического сотрудничества России с государствами региона, в частности продажи вооружений;

– создание дополнительных тем и поводов для информационно-пропагандистской деятельности против России в регионе.

Прогноз развития рисков и угроз национальной безопасности Российской Федерации в регионе Восточного Средиземноморья в краткосрочной и среднесрочной перспективе связан с выбором общей стратегии США по отношению к России.

Негативный сценарий предполагает поддержание администрацией Джо Байдена высокого темпа и бескомпромиссности действий, заданных в регионе администрацией Д. Трампа. Снабжение региона дополнительным вооружением, резкие действия Израиля в отношении Сирии и Ирана, резкие действия Р.Т. Эрдогана в отношении Сирии и Греции, милитаризация Кипра с его неурегулированным конфликтом между Грецией и Турцией – все эти факторы создают дополнительные возможности для провокаций и дестабилизации Восточного Средиземноморья. Связанность региона с Ближним Востоком будет способствовать расширению ближневосточных конфликтов на Восточное Средиземноморье, приближая зону нестабильности к российским границам и концентрируя их вокруг российских интересов в регионе.

Умеренный сценарий развития отношений США и России подразумевает отказ США от активного подстрекательства и провокаций в регионе в целях «перезагрузки» политической системы России. В пользу данного сценария говорит серия относительно примирительных жестов Президента Джо Байдена в апреле 2021 года: телефонный звонок

---

[460] *Pagoulatos G., Sokou K.* US-Greece relations in the Biden era: Why the road to rebuilding the transatlantic alliance runs through Athens [сайт]. New Atlanticist, The Atlantic Council. February 19, 2021. – URL: https://www.atlanticcouncil.org/blogs/new-atlanticist/us-greece-relations-in-the-biden-era-why-the-road-to-rebuilding-the-transatlantic-alliance-runs-through-athens/ (дата обращения 07.05.2021).

Президенту Путину для разрядки ситуации вокруг Украины 14 апреля, отзыв двух военных кораблей США на пути в Чёрное море через Босфор также 14 апреля, умеренное заявление по России 15 апреля в ходе Международного климатического саммита 22 апреля. Однако фоном для этих действий по-прежнему является политика санкций, давления и жёсткой конкуренции.

Для нейтрализации и противодействия прогнозируемым угрозам и вызовам в регионе Восточного Средиземноморья целесообразно (часть мер уже реализуются):

– провести подробный анализ методов и средств реализации Соединёнными Штатами политики в регионе, их ресурсов и рычагов давления в каждом государстве, выявить разработчиков и операторов политики в американских ведомствах и проанализировать их компетенции и возможные действия;

– в отношении США настойчиво фиксировать «красные линии», пересечение которых неприемлемо для России в регионе. Настаивать на выводе всех американских сил из Сирийской Арабской Республики;

– поддерживать военный потенциал в Сирии и на Ближнем Востоке на оптимальном для каждого этапа уровне, продолжать военное сотрудничество с Сирией, Ираном и другими партнерскими силами;

– продолжать активные контакты с государствами региона и противодействовать их активному сотрудничеству с США; умножать аргументы и возможности по убеждению правящих кругов этих стран;

– активизировать общественную политику, контакты гражданских обществ, меры в рамках «мягкой силы» с учётом того, что в Греции, на Кипре, в Израиле традиционно широки круги, симпатизирующие России и заинтересованные в хороших отношениях;

– уточнить параметры информационно-пропагандистской работы в странах региона с целью расширить круги охвата и увеличить степень убеждения, оценив имеющийся опыт и результаты.

3.14. Международный контроль над вооружениями как фактор обеспечения безопасности в глобальном пространстве

Исторический опыт свидетельствует, что в жизни не только государств, но и отдельного человека не было периодов, когда им ничего не угрожало. В течение XX и текущего XXI вв. с огромной интенсивностью нарастают вызовы и угрозы, связанные с созданием все более и более разрушительных, предельно опасных вооружений, выход из-под контроля которых грозит расширением географии военных конфликтов и, возможно, существованию всего человечества.

В текущий период времени военно-политическое руководство США и их союзников по блоку НАТО целенаправленно нагнетает международную напряженность, отстаивая свои «национальные интересы» последовательной и согласованной реализацией широкого комплекса мер в разных сферах общественной жизни и направлениях международных отношений. При этом достижение поставленных целей в различных сферах и направлениях потенциальный противник рассчитывает достичь, основываясь на повышении мощи его вооруженных сил, готовность к применению которых демонстрируется всему миру на протяжении многих десятилетий.

Возвращение Крыма в состав Российской Федерации, участие нашей страны в установлении мира в Грузии и Нагорном Карабахе, военное присутствие в Сирийской Арабской Республике вызывает неописуемый гвалт зарубежных «партнеров», осуждающих объективно важные для России и законные с точки зрения международного права действия дипломатов, военных и российское руководство. Одновременно с этим человечество в своем развитии сталкивается со множеством вооруженных конфликтов, развязанных по инициативе и при непосредственном участии США и НАТО в самых разных уголках нашей планеты.

Эти конфликты остаются незамеченным ни одной из западных стран, руководство которых, ведя информационную войну и не гнушаясь циничными провокациями, прикрывается самыми нелепыми объяснениями и якобы гуманными устремлениями.

Не является секретом, что агрессивно настроенные западные государства во главе с США, имея значительное превосходство над Россией в экономическом развитии, способны выделять несравнимо большие по масштабам средства на совершенствование существующих и создание новых вооружений. Не принижая степени многих современных угроз, вряд ли можно отрицать, что разработка в армиях потенциального противника в нарастающих масштабах и темпах принципиально нового оружия на сегодня составляет главную угрозу национальной безопасности Российской Федерации.

Армии ряда развитых государств значительно превосходят Вооруженные Силы Российской Федерации по высокоточному оружию, что дает возможность избежать открытой агрессии главным образом за счет

устойчивого ядерного паритета, достигнутого в послевоенный период. В настоящий момент потенциальный противник предпринимает все, чтобы иметь возможность обеспечить достижение своих целей военным путем без применения ядерного оружия.

В этих целях США и их союзники разрабатывают современные типы и виды вооружений, которые по своей направленности, силовой мощи и последствиям намного опережают современные и ранее разработанные. На это направлена работа огромного количества фирм, обладающих новейшими технологиями. Только в США их насчитываются десятки, ведущими из которых являются Boeing, Northrop Grumman Corporation, Tectron, Raythen Technologies Corporation, BAE Systems Land & Armaments, General Atomics, Lockheed Martin TALSW и др., не говоря о научно-исследовательских лабораториях видов вооруженных сил США, непосредственно занимающихся разработками соответствующих типов оружия. Для достижения решающего превосходства в вооружениях за рубежом выделяются огромные средства на разработки принципиально новых высокоэффективных средств вооруженной борьбы, к которым относятся оружие направленной энергии (ОНЭ) и кибероружие (программно-аппаратные средства воздействия на различные компьютеризированные системы), а также роботы военного назначения и др.

Практические испытания разных видов создаваемого ОНЭ (лазерного и радиочастотного) ведутся во всех физических средах. Для применения в оперативно-тактическом масштабе создается ОНЭ наземного, морского и воздушного базирования.

Продвигая, а иногда и просто навязывая свои интересы многим странам мира (особенно с постсоветского пространства), США и их западные союзники в своей деятельности используют все имеющиеся военные и невоенные средства и силы. Нередко они прибегают и к использованию в военных операциях запрещенных видов и типов вооружения, что само по себе является грубейшим нарушением международного права и основных положений Устава ООН. В этой связи роль международного контроля над разработкой и производством запрещенного вооружения существенно возрастает.

В настоящее время в архитектуре международных режимов контроля над вооружениями происходят серьезные трансформационные процессы, которые бросают вызов возможностям этих режимов адаптироваться к изменяющейся обстановке и сохранять свою эффективность. О нарастающем недоверии в отношениях между различными государствами-членами ООН, а также о деградации некоторых элементов международных режимов контроля над вооружениями, разоружения и нераспространения неоднократно заявляли российские дипломаты[461].

---

[461] Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова в рамках Конференции по разоружению, Москва. 24 февраля 2021 г. – URL: https://www.mid.ru/ ru/speeches/-/ (дата обращения: 17.02.2021).

Остановимся на тех факторах, которые пока не получили должного освещения в контексте дипломатии контроля над вооружениями, разоружения и нераспространения, но в обозримом будущем могут предопределить направление трансформации международных отношений в сфере контроля над вооружениями.

В июне 2018 года на Четвертой специальной сессии конференции государств-участников «Конвенции о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и его уничтожении» (далее Конвенция) состоялось голосование о принятии решения в отношении угрозы применения химического оружия[462]. По сути, этот документ заложил фундамент для формирования дополнительной структуры Организации по запрещению химического оружия ОЗХО, отвечающей за атрибуцию фактов применения химического оружия. Россия голосовала против этого решения, однако решение было принято большинством в 82 голоса против 24 голосов[463].

В ходе голосования США и их западные партнеры использовали классическую тактику выстраивания дипломатических коалиций. В день голосования в зале заседаний присутствовали члены делегаций из тех стран, которые из-за ограниченности финансовых ресурсов ранее редко направляли своих представителей для участия в работе подобных конференций. России нечего было противопоставить этому слаженному дипломатическому «оркестру». На основании июньского решения специальной сессии ОЗХО осенью того же года были введены дополнительные статьи в бюджет данной организации для финансирования ее нового структурного подразделения организации (Группа по расследованию и идентификации – Investigation and Identification Team (англ.)). Россия настаивала, что такое решение расширит функционал ОЗХО за пределы полномочий, определенных в Конвенции, что деформирует правовой фундамент организации[464] и ослабит режим Конвенции[465]. Однако предостережения были проигнорированы, и решение, против которого категорически выступала Россия, было принято большинством

---

[462] Decision Addressing the Threat from Chemical Weapons Use. C-ss4/DEC.3. OPCW Conference of the States Parties. – URL: https://www.opcw.org/sites/default/files/documents/CSP/CSS 4/en/css4dec3_e_.doc.pdf (дата обращения: 21.11.2021).

[463] Report of the Fourth Special Session of the Conference of the States Parties. C-SS-4/3. OPCW Conference of the States Parties. – URL: https://www.opcw.org/sites/default/files/documents/CSP/C-SS-4/en/css403_e_.pdf (дата обращения: 21.11.2021).

[464] *Statement by Mr. G.V. Kalamanov Head* of the delegation of the Russian Federation at the Fourth Special Session of the Conference of the States Parties OPCW. CSS4/NAT.40. 26 June 2018. – URL: https://www.opcw.org/sites/default/files/documents/2018/08/css4nat40%28e%29.pdf (дата обращения: 22.11.2021).

[465] Statement by Mr. G.V. Kalamanov Head of the delegation of the Russian Federation on the results of the vote on the British draft decision at the Fourth Special Session of the Conference of the States Parties OPCW. C-SS-4/NAT.42. 27 June 2018. – URL: https://www.opcw.org/sites/default/files/documents/ 2018/08/ css4nat42%28e%29.pdf (дата обращения: 23.11.2021).

голосов. Раскол, наметившийся в июне 2018 года, с течением времени усилился и привел к тому, что на IV обзорной Конвенции о запрещении химического оружия (КЗХО), состоявшейся в конце ноября 2018 года, государства-участники так и не смогли принять итоговый документ. Поспешное решение о наделении ОЗХО функцией атрибуции вылилось в затяжной политический кризис.

Специалисты заговорили о том, что кризис ОЗХО выявил ряд фундаментальных проблем в управлении международными организациями в глобальных условиях в целом, включая проблему соблюдения принципа беспристрастности и непредвзятости в деятельности международных организаций, особенно в ситуациях, связанных с подозрениями в несоблюдении соглашений в сфере разоружения и нераспространения.

Следует отметить еще одну тенденцию в функционировании международных режимов контроля над вооружениями. Инновационные подходы к мониторингу и проверке соблюдения соглашений, основанные на методах анализа данных из открытых источников (англ. – open source analysis) начинают конкурировать с традиционными верификационными механизмами и процедурами, принятыми в международных организациях.

Журналистские расследования, анализ изображений, полученных с коммерческих спутников, использование данных, полученных от анонимных источников в социальных сетях, мобилизация добровольцев на сбор и обработку информации с применением технологий анализа больших данных, – подобные тактики делают общественность влиятельным игроком наравне с международными организациями и национальными правительствами. В социальных сетях могут быть развернуты не только кампании в поддержку той или иной международной инициативы, но и кампании, направленные на дискредитацию того или иного международного механизма. Голоса тех, кто выражает серьезные и существенные опасения по поводу нарушения принципов и процедур, призванных обеспечить беспристрастность того или иного международного института, могут быть заглушены потоком информационного шума или же охарактеризованы как деструктивная деятельность, нацеленная на подрыв репутации международного института.

Так, на протяжении длительного времени бразильский дипломат, некогда первый генеральный директор Технического секретариата ОЗХО Жозе Бустани, вместе с другими видными общественными и политическими деятелями пытается привлечь внимание к качеству проведения расследования фактов предполагаемого применения химического оружия в сирийском городе Дума в 2018 году и необоснованности соответствующих выводов ОЗХО, повлекших серьезные геополитические последствия[466].

[466] Statement of Concern: The OPCW investigation of alleged chemical weapons use in Douma, Syria. March 11, 2021. – URL: https://couragefound.org/2021/03/statement-of-concern-the-opcw-investigation-of-alleged-chemical-weapons-use-in-douma-syria/ (дата обращения: 25.11.2021).

В начале октября 2020 года Россия, председательствовавшая на тот момент в Совете Безопасности ООН, предложила заслушать доклад Ж. Бустани. Однако шесть стран-членов Совета Безопасности ООН (Бельгия, Великобритания, Германия, США, Франция и Эстония)[467] проголосовали против выступления посла Бустани и тем самым заблокировали его участие в слушаниях по сирийскому досье. В итоге Ж. Бустани записал видеообращение, которое зачитал постоянный представитель России при ООН В. Небензя как часть национального выступления России на заседании Совбеза ООН[468].

В открытом письме, опубликованном в марте 2021 года от имени Ж. Бустани и двадцати шести общественных и политических деятелей из Великобритании, Германии, Голландии, Дании и США, упоминаются факты намеренного манипулирования общественным мнением с целью дискредитации самого Ж. Бустани, а также бывших инспекторов ОЗХО, которые публично критиковали организацию за отход от принципа беспристрастности при расследовании фактов предполагаемого применения химического оружия в Сирийской Арабской Республике[469].

В письме говорилось о размещении заведомо ложной информации на сайтах в интернете, работающих на программном обеспечении с открытым исходным кодом, а также выпуск на одной из радиостанций, принадлежащих компании Би-Би-Си, специального интервью с анонимным источником, который разоблачал якобы недобросовестность Ж. Бустани и двух инспекторов Организации по запрещению химического оружия, выступавших с критикой. Подобные информационные войны осложняют ситуацию вокруг Конвенции. Вызывает особую озабоченность то, в какой мере неправительственные организации и общественные движения оказываются вовлечены в геополитическое противостояние, которое может иметь серьезные последствия для международной безопасности.

Дальнейшее усугубление кризиса вокруг ОЗХО грозит политизацией не только самой ОЗХО, но и неправительственных организаций и общественных движений. Это в свою очередь может существенно осложнить поиск компромиссных решений, нацеленных на сохранение устойчивости и жизнеспособности одного из режимов нераспространения оружия массового уничтожения (ОМУ).

---

[467] Западные страны не захотели выслушать в СБ ООН бывшего главу ОЗХО. 6 октября, 2020. – URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/ 9634655 (дата обращения: 27.11.2021 г.).

[468] Выступление и ответное слово Постоянного представителя В.А. Небензи в ходе заседания СБ ООН по вопросам реализации резолюции 2118. 5 октября, 2020. – URL: https://russiaun.ru/ru/news/syria051020 (дата обращения: 21.11.2021 г.).

[469] Statement of Concern: The OPCW investigation of alleged chemical weapons use in Douma, Syria. March 11, 2021. – URL: https://couragefound.org/2021/03/statement-of-concern-the-opcw-investigation-of-alleged-chemical-weapons-use-in-douma-syria/ (дата обращения: 28.11.2021 г.).

21 декабря 2016 г. резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН A/Res/71/248 была создана международная организация «Международный беспристрастный и независимый механизм», которая финансируется за счет добровольных взносов ряда государств-членов ООН. Донорами, за счет взносов которых финансируется работа этой новой организации, являются 38 государств и Европейский Союз. Из стран постсоветского пространства донорами выступают Грузия, Эстония, Латвия и Литва. Из региона Ближнего Востока Организацию финансируют Турция, Кувейт, Катар. Россия не вносила взносов и выступала с критикой этого механизма.

Согласно резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, цель организации – содействие «проведению расследований в отношении лиц, которые несут ответственность за наиболее серьезные преступления по международному праву, совершенные в Сирийской Арабской Республике с марта 2011 года, и их судебному преследованию».

Резолюция Генассамблеи ООН определила мандат вновь созданной организации следующим образом: «Сбор, обобщение, обеспечение сохранности и анализ доказательств нарушений норм международного гуманитарного права и случаев нарушения прав человека, а также подготовка материалов с целью облегчить и ускорить проведение непредвзятых и независимых уголовных разбирательств в соответствии с международно-правовыми стандартами, национальными, региональными или международными судами или трибуналами, которые имеют или могут иметь в будущем юрисдикцию в отношении этих преступлений по международному праву»[470].

В отчете о деятельности Организации за период с 1 августа 2018 г. по 31 января 2019 г. (документ Генассамблеи ООН A/73/741 от 13.02.2019), говорится, что начато формирование досье по двум уголовным делам. В январе 2020 года сотрудники организации подтверждали, что рассматривается возможность размещения судебных исков в судах различной юрисдикции, включая национальные суды (в этом контексте были упомянуты Швеция и Германия).

Общественные настроения в сочетании с поддержкой со стороны политических и бизнес-элит стали важным ресурсом, который используется для формирования, легитимации и усиления геополитических коалиций, состоящих из единомышленников. Подобные геополитические коалиции единомышленников в сочетании с согласованной санкционной политикой претендуют на то, чтобы стать альтернативой (если не заменой) таким классическим институтам, как Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ) и ОЗХО, созданным для контроля над соблюдением государствами соглашений по контролю над вооружениями.

С другой стороны, происходит поэтапное выстраивание архитектуры, состоящей из механизмов расследования и атрибуции фактов применения

---

[470] Резолюции 71-й сессии (2016–2017 гг.) – URL: https://www.un.org/ru/ga/71/docs/71res3.shtml (дата обращения: 01.06.2021).

запрещенных средств и методов ведения войны, а также соответствующих процедур и институтов, уполномоченных осуществлять уголовное преследование лиц, признанных виновными в нарушении международного права войны и принципов, зафиксированных в международных соглашениях в сфере ограничения вооружений, разоружения и нераспространения. Среди элементов этой архитектуры следует назвать Международный беспристрастный и независимый механизм (IIIM), Международный уголовный суд, а также национальные следственные и судебные органы государств-участников коалиций единомышленников, наподобие Международного партнерства против безнаказанности за использование химического оружия (The International Partnership against Impunity for the Use of Chemical Weapons)[471].

Успех Международной кампании за запрещение ядерного оружия (ICAN)[472], которая сыграла исключительную роль в продвижении целей разработки, подписания и вступления в силу Договора о запрещении ядерного оружия, повторило Международное движение за запрещение противопехотных мин[473]. Оно, добившись вступления в силу соответствующей международной конвенции, в немалой степени способствовало также вступлению в силу Конвенции о запрещении кассетных боеприпасов[474].

Эту же тактику использовали активисты, добившиеся вступления в силу в 2014 году Договора о торговле оружием. Постепенно набирает обороты движение за запрещение боевых автономных роботизированных систем, которое, судя по всему, намерено реализовать тот же сценарий: мобилизация широкой общественной поддержки через пропаганду в соцсетях в сочетании с точечной работой с политическими и бизнес-элитами, апеллирование к эмоциям, стигматизация с акцентом на негуманности конкретных средств или методов ведения войны.

Таким образом, расширяется вовлеченность разнообразных социальных групп в события, которые прямо или косвенно влияют на динамику и вектор дипломатии контроля над вооружениями, разоружения и нераспространения. «Дипломатия соцсетей» по все большему числу направлений переигрывает классическую дипломатию.

Россия не подписала Договор о торговле оружием, Конвенцию о запрещении противопехотных мин, Конвенцию о запрещении кассетных боеприпасов. В обозримом будущем Россия не планирует подписывать Договор о запрещении ядерного оружия (ДЗЯО).

---

[471] The International Partnership against Impunity for the Use of Chemical Weapons. – URL: https://www.noimpunitychemicalweapons.org/-en-.html (дата обращения: 01.09.2021).

[472] Официальный сайт Международной кампании за запрещение ядерного оружия. – URL: https://www.icanw.org/ (дата обращения: 02.09.2021).

[473] Официальный сайт Международной кампании за запрещение противопехотных мин. – URL: http://www.icbl.org/en-gb/home.aspx (дата обращения: 05.09.2021).

[474] Landmine and Cluster Munition Monitor. – URL: http://www.the-monitor.org/en-gb/home.aspx (дата обращения: 01.09.2021).

К концу февраля 2021 года к ДЗЯО присоединились 54 государства, и еще 34 государства подписали, но не ратифицировали договор[475].

Конвенция о запрещении противопехотных мин насчитывает 164 государства-участника[476]. Конвенция о запрещении кассетных боеприпасов насчитывает 110 государств-участников[477]. Договор о торговле оружием насчитывает 110 государств-участников. Контрпродуктивно было бы игнорировать волеизъявление государств, присоединившихся к этим международным соглашениям.

Из тех, кто поддержал все четыре соглашения, большинство составляют развивающиеся страны. Для многих из этих стран поддержать или опротестовать ту или иную инициативу в сфере ограничения вооружений, разоружения и нераспространения – это шанс заявить о себе и увеличить свой политический вес в международных делах. Именно это, к примеру, наглядно продемонстрировала череда ратификаций Договора о запрещении ядерного оружия, способствовавшая его относительно быстрому вступлению в силу. Вполне вероятно, что круг участников Договора о запрещении ядерного оружия будет расширяться.

На фоне пандемии COVID-19 еще острее проявилась проблема глобального социально-экономического неравенства. При этом устойчивость международных режимов среди прочего зависит от того, насколько удовлетворены ожидания государств-участников этих режимов. Если участие в международном режиме не приносит участникам ожидаемых результатов, их политическая заинтересованность соблюдать ограничения, ослабевает.

В краткосрочной перспективе следует ожидать актуализации требований обеспечить устойчивое социально-экономическое развитие и равный доступ к достижениям научно-технологического развития в дискуссиях вокруг соблюдения тех положений международных соглашений в сфере разоружения и нераспространения, в которых речь идет об оказании содействия в целях устойчивого развития и использовании технологий в мирных целях.

Вероятно, эта тенденция может быть усилена за счет повышения значимости общественного мнения: широкие общественные слои, вовлеченные в дипломатию разоружения, часто критикуют некоторые международные соглашения за их дискриминационный характер, проявляют нетерпение и требуют от государств-участников режимов нераспространения ОМУ скорых и видимых результатов. Однако инерция дипломатической деятельности, нацеленной на кропотливое выстраивание доверительных

---

[475] Договор о запрещении ядерного оружия. База данных Управления ООН по вопросам разоружения, содержащая информацию о договорах в сфере разоружения (UNODA Disarmament Treaties Database). – URL: http://disarmament.un.org/treaties/t/tpnw (дата обращения: 05.09.2021).

[476] Конвенция о запрещении противопехотных мин. База данных Управления ООН по вопросам разоружения. – URL: http://disarmament.un.org/treaties/t/mine_ban (дата обращения: 02.09.2021).

[477] Там же.

отношений, не предполагает ни публичности, ни спешки. Поэтому в среднесрочной перспективе можно ожидать усиления разногласий в отношении того, насколько реализуются цели и задачи, ради которых создавался тот или иной международный режим.

Таким образом, если возможен «эффект домино» в направлении присоединения к международному соглашению, то теоретически возможно согласованное движение и в сторону выхода из того или иного договора. Многополярность системы международных отношений в сочетании с динамизмом глобальной военно-политической обстановки осложняют задачу сохранения устойчивости и жизнеспособности международных режимов нераспространения ОМУ. Некоторые перечисленные выше тенденции прослеживаются и в международном режиме нераспространения ядерного оружия. Режим, основанный на Договоре о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), рассматривается в России как важнейший элемент мировой архитектуры безопасности, который «помогает обеспечивать стратегический паритет и глобальную стабильность»[478].

Сохранение и укрепление этого режима, безусловно, отвечает интересам России. В то же время современное состояние режима ядерного нераспространения вызывает все большую тревогу у политиков и экспертов. Бессрочное продление ДНЯО в 1995 году рассматривалось как значительный успех в укреплении режима, но к настоящему времени накопилось уже немало проблем, способных подорвать его эффективность. Прежде всего, необходимо отметить растущее недовольство значительного числа неядерных государств отсутствием зримого прогресса в выполнении странами «ядерной пятерки» (Россия, США, Великобритания, Франция, Китай) своих обязательств, зафиксированных в статье VI ДНЯО, предписывающей ядерным державам «в духе доброй воли вести переговоры об эффективных мерах по прекращению гонки ядерных вооружений в ближайшем будущем и ядерному разоружению, а также о договоре о всеобщем и полном разоружении под строгим и эффективным международным контролем»[479].

Только Россия и США действительно вели переговоры и заключали договоры относительно сокращения ядерных вооружений, однако система двусторонних соглашений в этой сфере в последнее время деградирует. Продление договора СНВ-3 на пять лет несколько приостановило этот процесс, но перспективы дальнейшего сохранения двусторонних соглашений в настоящее время достаточно туманны. Прямым следствием этого стало появление недавно вступившего в силу Договора о запрещении ядерного

---

[478] Обращение Президента Российской Федерации В. В. Путина к участникам и гостям Конференции 2015 г. по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия. – URL: http://kremlin.ru/events/president/letters/49352 (дата обращения: 11.09.2021).

[479] Договор о нераспространении ядерного оружия. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/npt.shtml (дата обращения14.09.2021).

оружия. В перспективе подобные тенденции могут привести к снижению значимости режима ядерного нераспространения в обеспечении глобальной безопасности и стабильности, что опасно для России.

Одновременно с этим растет уровень напряженности в отношениях между рядом ядерных держав, как входящих, так и не входящих в ДНЯО: Россией и США, США и Китаем, Индией и Пакистаном, Индией и Китаем. Не сбылись надежды на улучшение обстановки на Корейском полуострове, не видно прогресса в реализации проекта создания зоны свободной от оружия массового уничтожения на Ближнем Востоке.

В целом, можно говорить о серьезном росте риска возникновения конфликта с применением ядерного оружия, который может случиться по различным причинам. Рост напряженности при деградации или недостаточном развитии режимов контроля над вооружениями и систем предотвращения кризисов создают ситуацию, при которой повышается опасность неправильного восприятия и неправильной интерпретации действий потенциального противника. В этих условиях повышается риск возникновения непреднамеренного конфликта и неконтролируемой эскалации вплоть до применения ядерного оружия.

Подобные конфликты могут стать источником серьезных угроз для России даже в том случае, если Россия не будет в них участвовать непосредственно. Меры по предотвращению возникновения таких угроз должны носить долгосрочный характер, и начать предпринимать их следует как можно раньше.

Политическая теория гласит, что международный режим состоит из таких относительно неизменных элементов, как принципы и нормы, и таких изменяемых элементов, как порядок, определяющий процесс их имплементации правил, процедуры принятия решений, а также механизмы, обеспечивающие соблюдение договоренностей[480].

Реформирование механизмов, правил и процедур в международных режимах – это неизбежный и необходимый процесс, который призван обеспечить адаптацию международных режимов к динамично изменяющейся обстановке и тем самым сохранить устойчивость и жизнеспособность базовых элементов международных режимов.

Такие элементы международных режимов нераспространения ОМУ, как международные организации (МАГАТЭ, ОЗХО и с некоторыми оговорками Группа имплементационной поддержки Конвенции о запрещении биологического оружия (КЗХО)), обзорные циклы соответствующих международных соглашений, включающие межсессионную работу в подготовительных комитетах, группах правительственных экспертов и на совещаниях государств-участников

---

[480] *Krasner S.* Structural Causes and Regime Consequences: Regimes as Intervening Variables. International Organization Vol. 36. No. 2. 1982. P. 185–205; Young, Oran R. International Regimes: Problems of Concept Formation // World Politics. Vol. 32. No. 3. 1980; P. 331–356.

соответствующих международных договоров и, наконец, обзорные конференции – это те механизмы, которые позволяют международным режимам нераспространения ОМУ адаптироваться к стремительно изменяющийся обстановке.

Очевидно, что в обозримом будущем следует ожидать череду реформ институциональных структур, процессов, правил и процедур принятия решений в международных режимах нераспространения ОМУ. К примеру, в режиме ядерного нераспространения в настоящее время происходит реформирование правил и процедур проверки соблюдения государствами своих обязательств по подписанным с МАГАТЭ соглашениям о гарантиях, что предполагает разработку и внедрение подхода к проведению оценки и проверок на уровне государства (осуществление Концепции гарантий на уровне государства)[481]. В режиме Конвенции о запрещении химического оружия происходит изменение институциональной архитектуры ОЗХО, сопровождающееся развитием недавно созданных структурных подразделений. Кроме того, после уничтожения заявленного химоружия в странах-членах КЗХО на первый план выйдет задача обеспечения невозобновления разработок и производства химоружия.

Следует ожидать увеличения нагрузки на штат инспекторов КЗХО, осуществляющих рутинные проверки на гражданских предприятиях химической промышленности, а также углубление сотрудничества с Международным союзом теоретической и прикладной химии (IUPAC) и другими международными неправительственными структурами.

В режиме Конвенции о запрещении биологического оружия (КБТО) следует ожидать подвижек в вопросе о создании институциональной основы для реализации процесса обзора научно-технических достижений, значимых для КБТО[482], а также совершенствования Механизма Генерального секретаря ООН по расследованию сообщений о возможном применении химического, биологического или токсинного оружия. Для всех трех режимов нераспространения ОМУ также актуален вопрос о реформировании международных институтов экспортного контроля товаров и технологий двойного назначения. В условиях, когда будет продолжаться расширение спектра задач, возлагаемых на сотрудников соответствующих международных структур, следует ожидать актуализации международной дискуссии о необходимости оптимизировать процедуры и правила функционирования соответствующих международных институтов с целью повышения их эффективности.

---

[481] *Бычков В. М., Кули Д.* Система гарантий МАГАТЭ: осуществление концепции гарантий на уровне государства. 2020. – URL: https://media.nti.org/ documents/IAEA_ Safeguards_System-Implementing_the_State-Level_Concept_Russian.pdf (дата обращения: 17.02.2021).

[482] *A. Anand, J. Revill.* Exploring Science and Technology Reviews under the Biological Weapons Convention. UNIDIR. 2020. – URL: https://documents.unoda.org/wp-content/uploads/2020/12/FINAL-9DECST_BWC_final_4-12-2020-jr_v2.1.pdf (дата обращения: 21.02.2021).

Возможные пути нейтрализации негативных тенденций.

Трансформация элементов международных режимов нераспространения ОМУ уже идет, и очевидно, реформ не избежать. Вопрос в том, в каком направлении будут двигаться эти реформы и не приведут ли они к деконструкции того международного порядка, который основан на принципах консенсуса, равенства суверенных государств в международных отношениях, а также инклюзивности международного взаимодействия по вопросам международной безопасности и мира.

В идеале реформы должны проходить таким образом, чтобы обеспечить жизнеспособность международных режимов и сохранить неизменность принципов и норм, которые заложены в фундаменте соответствующих международных режимов нераспространения. Поэтому важно комплексно оценивать трансформационные процессы, происходящие в международных режимах нераспространения ОМУ с точки зрения их соответствия национальным интересам России, и быть готовыми предлагать международные инициативы, направленные на формирование таких основ архитектуры контроля над вооружениями и нераспространения, которые бы среди прочего обеспечивали защиту национальной безопасности и национальных интересов России. При этом важно предотвращать риск того, что политика России в режимах нераспространения ОМУ ассоциировалась бы с охранительной линией поведения, нацеленной исключительно на воспрепятствование любым переменам.

В современной международной обстановке вряд ли можно ожидать какого-то прорыва как в реализации статьи VI ДНЯО, так и в деле формирования международной системы снижения риска ядерной войны. В данном случае работа по предотвращению развития угроз должна вестись планомерно и последовательно. Представляется, что можно инициировать обсуждение проблемы снижения ядерных рисков в рамках «пятерки» государств, которые являются одновременно и постоянными членами Совета безопасности ООН, и ядерными державами-участниками режима ядерного нераспространения. Как известно, в январе 2020 года Президент Российской Федерации инициировал проведение саммита этих государств. Обсуждение в таком формате проблемы предотвращения угрозы ядерного конфликта могло бы стать основой для более широкой дискуссии по проблемам безопасности, поскольку в решении данной проблемы заинтересованы все пять государств. Российская инициатива о том, чтобы все страны «ядерной пятерки» выступили с заявлением, что «в ядерной войне не может быть победителей, и она никогда не должна быть развязана»[483], могла бы стать отправной точкой дискуссии. Таким образом, с одной стороны, была бы продемонстрирована заинтересованность «ядерной пятерки» в реализации

[483] Выступление Министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова в рамках сегмента высокого уровня Конференции по разоружению, Москва, 24 февраля 2021 г. – URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news//asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4594359 (дата обращения: 22.09.2021).

обязательств по статье VI ДНЯО, с другой – была бы начата работа по выработке для начала хотя бы общих принципов и подходов к снижению ядерных рисков. Инициатива России и ее предыдущий опыт в обсуждении (в диалоге с США) проблемы снижения ядерных рисков могли бы помочь активно влиять на формирование и развитие дискуссии. В долгосрочной перспективе, в случае успешного продвижения дискуссии, можно было бы инициировать присоединение к ней других ядерных государств, в частности, Индии и Пакистана, для которых также актуальна проблема снижения риска ядерного конфликта.

Реализация вышеперечисленных мер, частично уже предпринимаемых Россией, может столкнуться с серьезными проблемами, что можно наблюдать уже в настоящее время. В связи с этим нельзя ограничиваться инициативами на высшем уровне, реализацию которых осложняет общий неблагоприятный политический контекст. На начальных этапах более продуктивным может оказаться обсуждение проблем на уровне экспертов, в том числе в рамках «дипломатии второго трека» и академического экспертного сообщества.

Важно осуществлять работу по изучению и оценке фактора общественного активизма в международных режимах контроля над вооружениями, разоружения и нераспространения. Очевидно, что роль общественных движений будет повышаться, а представительство гражданского общества на площадках дипломатии разоружения и контроля над вооружениями будет расширяться. В ряде случаев институты гражданского общества выполняют такие важные функции, как обеспечение информационного сопровождения международных политических событий, поддержание или налаживание коммуникации в условиях, когда из-за кризиса в отношениях официальные каналы для взаимодействия заблокированы или работают недостаточно интенсивно, а также обеспечивают экспертную подпитку правительственных структур, включая производство и сохранение экспертных знаний, а также пополнение и развитие кадрового потенциала. Иными словами, гражданское общество выполняет те функции, которые в силу различных обстоятельств не могут выполнять соответствующие министерства и ведомства.

Безусловно, важно обеспечивать взаимодействие государственных органов с национальными и международными общественными организациями. Вместе с тем то, насколько эффективно гражданское общество будет выполнять свои функции, зависит от степени их независимости и беспристрастности. В последнее время наметилась тенденция на выталкивание тем, связанных с международной безопасностью вообще и с вопросами ограничения вооружений, разоружения и нераспространения из сферы деятельности неправительственных организаций в России.

Такой дисбаланс резко сокращает возможности России по использованию инструментария «мягкой силы» в области контроля над

вооружениями, разоружения и нераспространения. Для преодоления этой проблемы следует формировать и развивать площадки для экспертного диалога по различным вопросам, относящимся к сфере ограничения вооружений, разоружения и нераспространения, которые бы пользовались соответствующим признанием среди зарубежных экспертов и становились центрами диалога по актуальным проблемам укрепления режимов нераспространения ОМУ.

Целесообразно продолжить неформальный диалог в формате «дипломатии второго трека» по широкому спектру проблем режима ДНЯО, а также начать развивать аналогичные дискуссии по проблемам укрепления Конвенции о запрещении химического оружия (КЗХО) и Конвенции о запрещении биологического и токсинного оружия (КБТО). Это отвечало бы российским интересам, потому что позволяло бы составить более полное и четкое понимание о намерениях и планах других заинтересованных сторон, а также помогало бы продвигать российские позиции не только в экспертном сообществе, но и в соответствующих правительственных кругах.

В России пока отсутствует развитое экспертное сообщество, которое бы было готово участвовать в дискуссиях по проблемам КБТО и КЗХО со своими иностранными коллегами. В этом смысле ситуация сильно отличается от того, что происходит в сфере ядерного нераспространения и ограничения ядерных вооружений, где у нас есть соответствующие центры и коллективы, в которых работают специалисты, пользующиеся авторитетом в мире и участвующие в различных встречах с зарубежными коллегами. Что же касается проблематики КБТО, то площадка для международного экспертного диалога только начала складываться на базе Санкт-Петербургского государственного университета и получать международное признание.

Необходимо улучшить взаимодействие правительственных структур с представителями гражданского общества и академических кругов, а также совершенствовать информационную политику по освещению и обоснованию позиции России, не ограничиваясь официальными каналами и официальными аккаунтами в социальных сетях. Целесообразно продолжить совершенствовать принципы и инструментарий общественной дипломатии России в международных режимах разоружения и контроля над вооружениями.

3.15. Военное присутствие как инструмент обеспечения пространственной и национальной безопасности государства

Опираясь на международный и собственный опыт, военно-политическое руководство Российской Федерации считает важнейшим способом обеспечения пространственной безопасности страны военное присутствие в «горячих» точках, районах с высокой военно-политической нестабильностью, приграничных районах Российской Федерации, а также на достаточно удаленных территориях и территориях бывших советских республик.

Военное присутствие необходимо рассматривать не только, как механизм присутствия некого военного контингента на территории иностранного государства. Оно нередко может заключаться как в явном, так и скрытом, дистанционном или непосредственном проведении консультаций военными специалистами вооруженных сил с личным составом военных иностранных подразделений. Более того, военное присутствие не может осуществляться и полноценно функционировать без соответствующей инфраструктуры, то есть военных объектов, баз[484].

Исходя из сущности военной безопасности, *военное присутствие* – это военно-политические меры, предпринимаемые государством за пределами своей территории для предотвращения военной опасности и других угроз национальной безопасности.

Военное присутствие как явление стало изучаться с начала XX века. Ранее его рассматривали в контексте международных отношений, поэтому наибольшее значение в изучении феномена военного присутствия приобретает современная практика его применения как одного из инструментов внешней политики государства.

С точки зрения военной науки понятие «военное присутствие» можно определить как реальное размещение регулярных войск государства за рубежом на краткосрочной или долгосрочной основе. С позиций политической науки военное присутствие является инструментом государства в достижении внешнеполитических целей, средством решения внешнеполитических задач, а также одним из факторов обеспечения национальной безопасности.

Военное присутствие как явление в обобщенном виде можно классифицировать по нескольким критериям и основаниям.

1. В зависимости от целей, которые преследуют государства, осуществляющие военное присутствие:

– политические цели: оказание влияния на политический процесс

---

[484] *Захаренко А.В., Савельев В.В., Сячинов А.В., Яковенко А.В.* Анализ мероприятий военно-политического руководства США по наращиванию военного присутствия на территории государств Восточной Европы // Проблемы технического обеспечения войск в современных условиях : сб. тр. II межвузовской научно-практической конференции. СПб. : 2017. С. 258.

(на режим, давление на руководство страны, поддержка оппозиционных сил, удержание или свержение существующей власти), поддержка (противодействие) террористических и радикальных организаций;

– экономические цели: создание благоприятных военно-экономических условий для продвижения своих проектов (продажа, обслуживание и ремонт оружия), содействие военно-техническому сотрудничеству, перекрытие каналов поставок сырьевых и других ресурсов на экспорт и импорт;

– социально-культурные, идеологические цели: продвижение своей идеологии и культуры, демонстрация преимущества своего режима, государственного строя;

– военные цели: демонстрация военной мощи государства, применение вооруженных сил или армии для решения конкретных военно-политических задач, создание военных блоков, союзов в различных регионах планеты, оказание военной помощи руководству государств.

2. На основании правового статуса, правового положения сил, через которые непосредственно осуществляется военное присутствие.

Одна из важнейших характеристик военного присутствия – правовой статус военного присутствия, который в настоящее время наиболее актуален в связи с тем, что процесс размещения частей и соединений вооруженных сил за пределами территории государства должен регулироваться не только национальным, но и международным законодательством.

На основании правового статуса военное присутствие бывает:

– законное;

Осуществляется строго в соответствии с международными договорами и другими регулирующими документами. Примером может служить современная гражданская война в Сирии и присутствие на ее территории российских войск, которые осуществляют военную операцию в полном соответствии с международным правом. В данном случае части вооруженных сил государства находятся за рубежом по приглашению принимающей стороны, согласно заключенным ранее двусторонним и многосторонним договорам. Военное присутствие в том или ином конфликтном регионе формируется на прецедентной основе, при этом операции проводятся согласно ограничениям предусмотренным уставом ООН, а именно: VI и VII его глав[485]. В результате, фактически каждая операция миротворческих сил имеет свой уникальный характер, так как практически всегда создает свой механизм управления.

– незаконное;

Осуществляется вопреки международной и национальной нормативно-правовой базы. Так, войска коалиции стран под руководством США не имеют законных оснований для нахождения на территории Сирии[486].

---

[485] Устав ООН. – URL: http://www.un.org/ru/charter-united-nations/ (дата обращения: 19.10.2021).

[486] В МИД РФ назвали нелегитимным размещение американских военных в Сирии. – URL: http://www.interfax.ru/world/505851 (дата обращения: 08.10.2021).

Более того, сама американская сторона понимает незаконность своего нахождения на территории независимого государства, не имея разрешения легитимного правительства. Так, генерал армии США Рэймонд Томас заявил: «Недалек тот день, когда русские скажут: «Почему вы все еще в Сирии, США?». Они уже были близки к этому… Мы вошли туда оправданно, но если русские разыграют эту карту, то, когда мы захотим остаться, не сможем этого сделать. Они могут это сделать»[487]. Так же незаконно осуществляют военное присутствие в Сирийской Арабской Республике и войска Турции[488].

3. По временному критерию.

Военное присутствие можно классифицировать по времени пребывания иностранных контингентов в том регионе, где оно осуществляется:

– кратковременное (от 48 часов до 3 лет);

Кратковременное пребывание вооруженных сил за границами страны происходит на учениях, маневрах или в миротворческих операциях; в ходе демонстрационных и плановых пролетов авиации; визитов и патрулирования военных кораблей; проведения военных учений; военных парадов.

– среднесрочное (от 3 до 15 лет);

Вооруженные силы ООН размещаются в зонах конфликтов военного типа или высокой опасности военного характера для обеспечения региональной и международной безопасности; в процессе патрулирования ВМС в водах Мирового океана; военного сотрудничества.

– долгосрочное (15 и более лет);

Широко распространёнными стали такие формы военного присутствия, как постоянная дислокация контингентов вооруженных сил на зарубежных территориях (размещение военных баз на иностранных территориях).

4. По пространственному признаку.

Обосновывая пространства, в которых возможно осуществлять военное присутствие, необходимо помнить, что во многих государствах разработаны многочисленные военные концепции и стратегии, где эти пространства определены. Так, в начале октября 2014 года в США была обнародована Новая оперативная концепция сухопутных войск США «Победа в сложном мире 2020–2040». Помимо изменения облика войны в концепции значительно расширяется сфера противоборств.

Впервые официально признаны сферами войн не только традиционные боестолкновения с использованием летального оружия, но и противоборства в сфере дипломатии, внутриполитические гражданские конфликты, информационные войны, финансово-экономические войны, жесткое технологическое противоборство и, наконец, поведенческие войны. При этом

---

[487] Американский генерал признал, что США находятся в Сирии незаконно. – URL: https://riafan.ru/878694-amerikanskii-general-priznal-chto-ssha-nahodyatsya-v-sirii-nezakonno (дата обращения: 19.10.2021).

[488] МИД Сирии обвинил Турцию в нарушении международного права. – URL: https://ria.ru/syria/20170706/1497954513.html (дата обращения: 19.10.2021).

в концепции выделяются пять полей боя, или, как говорят американские военные аналитики, доменов противоборства. В их число входят суша, море, воздух, космос и киберпространство. Исходя из этого, можно выделить следующие виды военного присутствия:

Военно-наземное присутствие является наиболее характерной формой военного присутствия на современном этапе развития государств. Оно выражается в первую очередь наземными военными базами, служащими своеобразным форпостом проведения внешней политики в каком-либо регионе планеты.

В настоящее время наземное военное присутствие Российской Федерации за пределами её территории является одним из элементов масштабной системы безопасности нашей страны. От данного элемента в значительной мере зависит способность России полноценно обеспечивать свою национальную безопасность и защищать законные интересы государства вне пределов национальной территории.

Для «классического» (военные объекты, расположенные на территории других государств, с закреплённым в соответствии с международным законодательством статусом) военного присутствия Российской Федерации характерны:

– сравнительно небольшие масштабы, количественная ограниченность воинских контингентов, боевой техники и вооружений за пределами Российской Федерации;

– четко выраженная ориентация на качественные параметры российского военного присутствия за рубежом;

– объективная обусловленность, продиктованная необходимостью адекватной реакции на востребованность российского силового присутствия в ряде регионов;

– понимание того, что процессы построения системы российского военного присутствия вне территории Российской Федерации находятся на начальной стадии и будут меняться (и, очевидно, расширяться) под влиянием роста мировой турбулентности.

Примером сухопутного военного присутствия может служить российское военное присутствие в регионе Центральной Азии, которое достаточно точно иллюстрирует вышеуказанные тенденции.

Российское военное присутствие в Республике Таджикистане и Киргизии позволяет добиться максимального эффекта в процессе повышения боеспособности национальных вооруженных сил, включая подготовку младших технических специалистов для армий стран-партнёров, и облегчает процессы их перевооружения (в том числе, с прямым участием в данном процессе потенциала российских военных баз).

При наращивании тесной военной кооперации с региональными партнёрами Россия придает особое значение двустороннему планированию применения национальных вооруженных сил и воинских формирований российских военных баз в целях создания надежного оборонного потенциала для противодействия вызовам и угрозам безопасности.

Соглашение о статусе и условиях пребывания российской военной базы на территории Республики Таджикистан (октябрь 2012 г.), определяет правовую основу для стабильного функционирования и развития 201-й Гатчинской ордена Г.К. Жукова дважды Краснознаменной военной базы на период до 2042 года. Части и подразделения 201-й базы, насчитывающие около 6 тыс. военнослужащих, в настоящее время располагаются в Душанбе и Курган-Тюбе. Военные эксперты оценивают боеготовность базы России в Таджикистане как высокую.

Следует отметить, что присутствие российских военных объектов в Центральной Азии создаёт возможности для более эффективного мониторинга ситуации в регионе и на сопредельных с Центральной Азией пространствах. Немаловажными являются и военно-технические аспекты вопроса военного присутствия Российской Федерации в Центральной Азии.

На территории региона располагается ряд значимых для безопасности нашей страны объектов, заменить которые сложно по многим объективным причинам. Это, в первую очередь, располагающийся в Таджикистане оптико-электронный узел «Нурек». В 2004 году территория, на которой расположен узел космического слежения «Нурек», была передана Российской Федерации в аренду на 49 лет. Данный оптико-электронный узел системы контроля космического пространства уникален и предназначен для обнаружения пуска баллистических ракет и отслеживания их полета над всей Евразией, Северной и Центральной Африкой, а также прилегающими акваториями Индийского, Тихого и Атлантического океанов[489].

Значимыми остаётся и ряд российских объектов в Киргизии: испытательная база противолодочного вооружения «Кой-Сары» Военно-Морского Флота Российской Федерации в г. Каракол Иссык-Кульской обл., 338-й узел связи ВМФ России в п. Кара-Балта (Чалдовар) Чуйской обл., обеспечивающий связь военного руководства Российской Федерации с российскими подводными лодками и надводными кораблями в Тихом и Индийском океанах; автономный сейсмический пункт в г. Майлуу-Суу Джалал-Абадской обл., предназначенный для контроля за испытаниями ядерного оружия. Серьёзное значение для национальной безопасности России имеет ряд объектов в Казахстане, где расположены 7 крупных российских военных объектов (среди них четыре военно-испытательных полигона, на которых проводятся испытания нового вооружения и военной техники)[490].

Российской стороной заявлено о начале создания совместной системы ПВО с Таджикистаном и Кыргызстаном. С учетом того, что у этих

---

[489] Секретное «Окно» России: военные впервые показали, куда летят американские спутники // ТВ «Звезда». 2015, 13 апр. – URL: https://tvzvezda.ru/news/forces/content/201504100853-2ywc.htm (дата обращения: 19.10.2021).

[490] Шойгу: РФ вернет Казахстану свыше 1,6 млн. га, арендованных под испытательные полигоны // ТАСС. 2015, 16 апр. – URL: http://tass.ru/politika/1909704 (дата обращения: 19.10.2021).

центрально-азиатских республик система ПВО находится на уровне 60–70-х годов XX века, многие эксперты не сомневаются, что вопрос будет решен положительно. Создание новой объединённой системы ПВО-ПРО на границе с Афганистаном в комплексе с уже существующей региональной российско-казахстанской системой ПВО будет способствовать обеспечению всей Центральной Азии надёжным воздушным контролем.

Военно-воздушное присутствие – это использование военно-воздушных сил государства в большей мере для демонстрации возможностей в нанесении непоправимого ущерба другой стороне, что служит сдерживающим фактором и позволяет таким образом обеспечить национальную безопасность и отстоять собственные интересы.

В результате обострения международных отношений в последнее время на фоне продолжающегося украинского кризиса резко увеличилось военно-воздушное присутствие сил НАТО у границ с Россией. Так, например, еженедельно российские ВВС совершают более 10 перехватов самолетов вероятного противника. В свою очередь российские стратегические бомбардировщики, совершая патрулирование, показывают боеготовность и решительность руководства России ответить ассиметрично или симметрично на любую агрессию, угрожающую национальной безопасности страны.

В настоящее время одной из стратегических угроз цивилизованному миру, в том числе национальной безопасности России, является международный терроризм, основные очаги которого находятся на Ближнем Востоке. При выполнении Вооруженными Силами Российской Федерации задач по пресечению международной террористической деятельности за пределами территории страны создаются специальные группировки войск (сил), т.н. ограниченные контингенты войск (сил) (ОКВ(с)), которые участвуют в вооруженных столкновениях ограниченного масштаба между противостоящими сторонами (государствами) в пределах территории одного государства (пример Республика Афганистан, Сирийская Арабская Республика). В таком конфликте (по опыту Афганистана и САР) реализуются следующие способы боевых действий:

– разведывательные действия, направленные на выявление (уточнение) местоположения, состава (численности) террористических группировок, их вооружения и степени подготовки; определения замыслов действий; способов действий, направлений возможных ударов;

– отражение налетов СВН мятежников, разведывательных и ударных БпЛА на места дислокации и объекты ОКВ(с);

– нанесение ракетно-бомбовых ударов по скоплениям войск (сил) мятежников, командным пунктам и пунктам управления их группировок, заводам производства оружия и военной техники, складам боеприпасов и другим военным объектам;

– организация засад на путях движения различных бандформирований и следования караванов с оружием и боеприпасами;

– блокирование отдельных населенных пунктов и районов, уничтожение несдающихся бандформирований и их лидеров;

– воздушное патрулирование различных маршрутов силами армейской авиации;

– зачистка населенных пунктов (районов) от незаконных вооруженных формирований и их пособников;

– сопровождение колонн автотранспорта, доставляющего вооружение, боеприпасы и материально-технические средства, необходимые для качественного обеспечения боевых действий ОКВ (с);

– сопровождение гражданского населения и автотранспорта между населенными пунктами различных провинций (с мая 2020 г. только на трассе М-4 на участке Телль-Тимер – Айн Иса сопровождено 39 054 автомобиля и 73 тыс. 083 чел.);

– организация застав на господствующих высотах, перевалах, у входов (выходов) в тоннели, важнейших транспортных магистралях.

Обобщение и внедрение опыта, приобретенного в Сирийской Арабской Республике (САР), позволяет выделить «новую практическую область – выполнение задач по защите и продвижению национальных интересов за пределами территории России в рамках «стратегии ограниченных действий». Основой реализации данной стратегии является создание самодостаточной группировки войск (сил) на базе формирований одного из видов вооруженных сил, обладающей высокой мобильностью и способностью внести наибольший вклад в решение поставленных задач. В Сирийской Арабской Республике такая роль отведена формированиям Воздушно-космических сил (ВКС).

В ходе решения задач по пресечению международной террористической деятельности за пределами территории Российской Федерации (в частности, в САР) получило развитие постконфликтное урегулирование. Создан специальный Центр по примирению враждующих сторон, который успешно функционирует. Ведется восстановление экономической и социальной инфраструктуры.

Военное присутствие Российской Федерации на Ближнем Востоке и, в частности, в Сирии потребуется до тех пор, пока не будет восстановлено политическое равновесие в мире, заявил Президент Сирийской Арабской Республики Башар Асад. «Вооружённые силы Российской Федерации важны для баланса в нашем регионе, по крайне мере на Ближнем Востоке, до тех пор, пока не изменится политическое равновесие в мире»[491]

В САР впервые была разработана и апробированная на практике новая форма применения формирований Вооруженных Сил – гуманитарная операция. В Алеппо и Восточной Гуте в сжатые сроки пришлось планировать и проводить мероприятия по выводу мирного населения из зоны конфликта одновременно с выполнением боевых задач по разгрому террористов. Всего

[491] Асад заявил, что Россия несет ответственность за весь мир. – URL: https:// https://www.interfax.ru/world/622714 (дата обращения: 29.05.2021).

с начала процесса урегулирования обстановки в САР сотрудниками Центра по примирению враждующих сторон проведено более 3 тыс. гуманитарных акций.

Выступая на общем собрании Академии военных наук (АВН) в январе 2019 года, начальник Генерального штаба ВС Российской Федерации – первый заместитель министра обороны России генерал армии В.В. Герасимов сформулировал направления совершенствования форм применения группировок войск (сил) в рамках «стратегии ограниченных действий»:

– применение единой системы интегрированных сил и средств разведки на базе современных информационных и телекоммуникационных технологий;

– комплексное поражение противника;

– масштабное применение роботизированных комплексов военного назначения, в первую очередь БпЛА;

– активное противодействие применению БпЛА и высокоточного оружия (ВТО) на основе сил и средств радиоэлектронной борьбы, которые обладают избирательной возможностью воздействия, исходя из типа объекта, его структуры, практичности по времени.

Военно-морское присутствие можно определить как использование военно-морских сил за рубежом для обеспечения национальной безопасности или отстаивания собственных интересов государства. Военно-морское присутствие – важнейший компонент стратегического сдерживания – проводится морскими силами общего назначения Военно-Морского Флота Российской Федерации в форме боевой службы в оперативно важных районах мирового океана и является основным видом боевой деятельности ВМФ и высшей формой поддержания боевой готовности сил (войск) флота в мирное время.

Военно-морское присутствие представляет собой длительное нахождение морских сил общего назначения в назначенных районах и на маршрутах перехода для выполнения поставленных задач мирного времени и поддержания установленной готовности к выполнению боевых задач в период непосредственной угрозы, агрессии.

Как правило, военно-морское присутствие носит демонстрационный характер и проводится в комплексе с проведением политических, дипломатических, экономических, информационных и других мер, предпринимаемых военно-политическим руководством Российской Федерации в целях их усиления и в интересах скорейшего разрешения международных противоречий.

К участию в таких действиях могут привлекаться боевые корабли и катера, суда обеспечения, самолеты и вертолеты морской авиации самостоятельно и совместно с другими видами и родами войск Вооруженных Сил Российской Федерации, а также другими федеральными органами исполнительной власти.

Главная роль морских сил общего назначения ВМФ в решении задач

военно-морского присутствия обусловлена следующими фактами:

– боевые корабли флота являются наиболее представительным политическим инструментом государства на международной арене;

– отряды кораблей и судов способны в короткие сроки осуществить развёртывание и продемонстрировать военную силу у берегов любого государства;

– силы и войска флота способны бороться с пиратством, защищать национальные интересы в исключительной экономической зоне, на континентальном шельфе Российской Федерации и в Мировом океане;

– силы и войска флота обладают практически полным набором средств вооруженной борьбы, присущим другим видам Вооруженных Сил, что позволяет им вести военные действия не только против морского противника, но и против берега;

– только силы и войска флота способны решать боевые задачи вдали от своей территории в Мировом океане, не нарушая норм международного права, одновременно демонстрируя военно-политическому руководству и общественности государства (коалиции государств) потенциального противника (агрессора) неотвратимости получения экономического ущерба, оказывающего существенное влияние на все сферы жизнедеятельности;

– корабли флота уже в мирное время, находясь «на передовой», несут боевую службу в непосредственном контакте с потенциальным противником.

Морские силы общего назначения в рамках военно-морского присутствия также могут проводить:

– ежегодные мероприятия по обеспечению внешнеполитической деятельности Российской Федерации путём осуществления визитов, деловых заходов, самостоятельных и совместных с ВМС иностранных государств учений;

– мероприятия по поддержанию оперативного режима в зонах ответственности флотов и Каспийской флотилии;

– мероприятия по обеспечению безопасности экономической деятельности России в Мировом океане (защита судоходства и других видов морской экономической деятельности, содействие пограничным войскам ФСБ России в соблюдении иностранными кораблями и судами международного морского права в территориальном море и исключительной экономической зоне Российской Федерации).

Целями военно-морского присутствия могут быть не только военно-политические, но и дипломатические, экономические, информационные и другие:

– демонстрация флага и военной силы Российской Федерации;

– укрепление дружественных дипломатических отношений;

– обмен культурными и национальными традициями между государствами;

– приобретение боевого опыта при проведении совместных учений с Военно-морских сил иностранных государств;

– принуждение страны (коалиции государств) к выполнению или

принятию каких-либо условий, в том числе смена общественно-политического курса, строя или руководства страны;

– утверждение (или закрепление) позиций в регионе или отдельной стране (и, соответственно, вытеснение или уменьшение влияния там другого государства/коалиции государств);

– установление контроля над энергетическими ресурсами в регионе (стране) и путями их транспортировки.

Нейтральный статус вод Мирового океана даёт возможность обеспечить военно-морское присутствие у берегов любого государства, сосредоточивать силы флота без нарушения положений международного права, не представляя противоположной стороне даже формальных поводов для протестов или других форм противодействия. Корабли, появившиеся непосредственно у границ территориальных вод, несут с собой реальную угрозу начала военных действий, в то же время такие действия не классифицируются как акт агрессии или непосредственной подготовки к войне. Кроме того, ВМФ России обладает наибольшими по сравнению с другими видами Вооруженных Сил возможностями для силового присутствия государства в кризисных районах. Своевременное наращивание присутствия боевых кораблей в зоне назревающего конфликта может значительно способствовать успеху дипломатических усилий по его предотвращению, а в случае начавшегося конфликта – его нейтрализации.

Так, в 80-е годы прошлого столетия сложилась напряжённая обстановка вокруг Ливии. Нависла угроза нанесения воздушных ударов по её территории. Развёртывание сил 5 оперативной эскадры к границам с Ливией и несение боевого дежурства по ПВО непосредственно в порту Триполи кораблями ВМФ СССР позволило предотвратить агрессию.

Наиболее наглядными по своему сдерживающему эффекту являются действия сил Черноморского флота по предотвращению агрессии против Сирийской Арабской Республики. В частности, 30 августа 2013 г. после обвинения правительства Сирийской Арабской Республики в химической атаке на мирное население из Вашингтона поступило сообщение о том, что США не считают необходимым получать одобрение Совета безопасности ООН на начало военной операции в Сирии. В районы боевого применения для нанесения ракетного и авиационного удара по Сирийской Арабской Республике были развёрнуты два авианосца и девять эсминцев – носителей крылатых ракет морского базирования «Томахок». Жёсткая позиция Президента России, подкреплённая своевременным развёртыванием группировки сил (войск) Черноморского флота во главе с ракетным крейсером «Москва» к побережью Сирии с демонстрацией готовности выполнить союзнические обязательства, позволили остудить горячие головы и выиграть время для эффективной работы МИД Российской Федерации, в конечном итоге, пресечь интервенцию политическими методами.

Заявление начальника Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации генерала армии В.В. Герасимова о готовности

нанести поражение всем силам ВМС иностранных государств, применяющим оружие по территории Сирийской Арабской Республики, активные действия сил оперативного командования Черноморского флота в дальней морской зоне, позволили исключить применение оружия с подводных лодок ВМС Великобритании и ограничить удары с кораблей ВМС США.

Не менее ярким примером военно-морского присутствия, а вернее его отсутствия, являлось развитие ситуации вокруг бывшей Югославии. Отсутствие в Югославии собственного флота, способного решать задачи поражения корабельных группировок, и достаточно прохладные отношения с Россией в военной области привели к тому, что корабельные группировки США в полигонных условиях наносили удары высокоточным оружием большой дальности по объектам на территории страны. Осознание руководством Югославии отсутствия угроз на море предопределило саму возможность агрессии и неизбежность поражения в войне.

В последнее время дипломатические споры за раздел сферы пользования океаном все чаще переходят в практику угроз, экономических санкций, давления военно-морским присутствием. Нередки досмотры и захваты судов в океане. Только сильный флот может быть реальным сдерживающим фактором от подобного рода безответственных поступков. Наглядно это было продемонстрировано значительным укреплением позиций России на международной арене после применения крылатых ракет «Калибр» из акватории Каспийского моря по объектам в Сирии.

Каждый корабль ВМФ – это показатель уровня развития науки, техники и промышленности, показатель её реальной боевой мощи. Каждый визит кораблей ВМФ в иностранные порты позволяет наглядно демонстрировать реальную боевую мощь своего государства на международной арене.

Таким образом, роль и место ВМФ в военно-морском присутствии в важных районах Мирового океана определяются объективно существующей необходимостью постоянного обеспечения национальной безопасности и защиты национальных интересов Российской Федерации в обширных океанских районах, морских зонах и прилегающих к ним континентальных районах.

Военно-космическое присутствие является сегодня важным инструментом отстаивания национальных интересов государства. Запуск космических аппаратов на орбиты, управление спутниковыми системами военного и двойного назначения обеспечивает наблюдение за космическими объектами противника и позволяет выявлять и отражать угрозы в космосе и из космоса. На этом фоне создание в 2015 году в Вооруженных Силах Российской Федерации Военно-космических сил (ВКС) является передовым шагом. По словам Министра обороны Российской Федерации С.К. Шойгу, ВКС позволяют «сосредоточить в одних руках всю ответственность за формирование военно-технической политики по развитию войск, решающих задачи в воздушно-космической сфере, во-вторых, за счёт более тесной интеграции повысить эффективность

их применения, в-третьих, обеспечить поступательное развитие системы воздушно-космической обороны страны».

Военно-кибернетическое присутствие − явление достаточно новое, поэтому в настоящее время вырабатывается соответствующий понятийный аппарат. Оно может быть охарактеризовано, исходя из контекста определения «кибервойна», которое было дано А.С. Капто. По его мнению, «кибервойна – составная часть информационной войны и в целом выступает элементом полномасштабной военной кампании, включающей как недавно возникшие, так и более привычные способы борьбы»[492].

Соответственно, военно-кибернетическое присутствие – это использование многих элементов военной организации государства, связанных с обеспечением функциональности и безопасности кибернетических систем, а также возможность нанесения удара по кибернетическому пространству вероятного противника. Российское военно-политическое руководство в лице Министра обороны Российской Федерации С.К. Шойгу еще в 2013 году, т.е. до выхода в свет американской концепции, объявило о намерении создать новый род войск – кибервойска.

Основными формами проявления военного присутствия являются:

– поддержка политически сил за рубежом – дружественных, союзных или же действующих в русле национальных интересов государства. Так, в Сирии Российская Федерация через свои Вооруженные Силы поддерживает действующего, легитимно избранного Президента Б. Ассада, а США поддерживают оппозиционные политические силы;

– проведение политических акций военного характера – эта форма характерна для тех случаев, когда военное присутствие осуществляется с целью оказать определенное влияние на политическую волю и решимость оппонентов. Например, во время Пятидневной войны на Кавказе, когда Россия проводила миротворческую операцию по принуждению к миру Грузии, то на Правительство Российской Федерации были осуществлены попытки оказания политического давления со стороны западных стран, однако дружественный визит стратегических бомбардировщиков в Венесуэлу значительно снизил градус риторики и принимаемых решений со стороны США и их союзников;

– демонстрационные показы военной техники служат для демонстрации вероятным противникам и союзникам военно-технической мощи государства, что позволяет союзникам в очередной раз убедиться в правильности выбора, а на противника действует устрашающе;

– совместные учения и военные парады демонстрируют выучку войск, готовность противодействовать агрессии третьей стороны, позволяют своим войскам повысить боеготовность, демонстрируют военно-техническую мощь государства. Все перечисленное действует как сдерживающий фактор;

– миротворческие миссии проводятся с целью установления в регионе проведения режима прекращения огня, то есть служат для стабилизации

---

[492] *Капто А., Серебрянников В.* Война: эволюция содержания и форм // Диалог. 2001. № 6. С. 82.

международной обстановки в регионе их проведения.

Таким образом, можно сделать вывод, что военное присутствие – явление полифункциональное. Оно заключается в том, что, с одной стороны, военное присутствие выполняет определенные функции по обеспечению военной и национальной безопасности. С другой стороны, военное присутствие выполняет политические функции, которые заключаются в том, что оно используется как один из ключевых элементов непрямого воздействия государства и инструмент реализации национальных интересов в регионе размещения.

Основными функциями военного присутствия являются:

– демонстрация и защита стратегических (военно-политических) интересов государства в том или ином регионе мира;

– поддержка союзников;

– обеспечение военной безопасности страны на ближних и дальних подступах к ее территории;

– сдерживание вероятного противника на наиболее опасных направлениях; военное присутствие России в Белоруссии позволяет в случае обострения конфликта сдержать противника на Западном направлении; одной из целей размещения войск НАТО в странах Прибалтики является сдерживание России;

– ведение разведки и обеспечение эффективного управления силами, выполняющими задачи за пределами территории государства;

– выполнение миротворческих задач;

– временное использование возможностей иностранных военно-научных и испытательных центров в интересах государства (аренда полигона, космодрома, лаборатории);

– оказание давления (устрашение) на вероятного противника.

Современная политическая картина мира претерпевает процесс трансформации. Универсальное мировое устройство, которое предлагалось демократическими и либеральными идеологами, оказалось иллюзией вместе с декларируемыми ценностями. Поэтому (и практика доказывает это) военное присутствие было, есть и остается одним из самых важных аспектов в деятельности большинства государств, как ключевых мировых политических игроков, так и региональных держав.

Данные характеристики, формулируются российским руководством ввиду объективно существующих ограничителей: дефицитом ресурсов разного рода, ориентацией на использование наиболее эффективных средств парирования вызовов и угроз в текущей крайне динамичной мировой обстановке, противодействием геополитических противников и конкурентов и т.д. Помимо функции проекции силы вынесенное за российские рубежи военное присутствие позволяет эффективно и с разумными затратами ресурсов решать множество иных практических задач в сфере военно-политического и военно-технического сотрудничества.

Рассматривая военное присутствие специальных группировок войск (сил) Российской Федерации за пределами национальной территории как способ обеспечения ее пространственной безопасности, необходимо отметить, что в настоящее время огромную опасность как отдельных стран, в том числе и стран-союзников России, так и для стабилизации общей военно-политической обстановки в отдельных регионах и мире в целом, представляют так называемые «цветные революции».

Явление само по себе сложное, порождаемое, скорее всего различными социально-политическими антагонистическими противоречиями власти и народа, которое политическое руководство некоторых стран не способно критически оценивать, прогнозировать и вырабатывать своевременные соответствующие адекватные (а, может быть, и жесткие неадекватные) меры, направленные на их разрешение и нейтрализацию.

Подобные действия в глобальном масштабе расширяют спектр угроз от «цветных революций» вплоть до прямого военного вмешательства, а сами «цветные революции» становятся одним из источников расшатывания системы международной безопасности. Необходимо учитывать возможность и опасность такой угрозы и для России.

Военное представительство Российской Федерации в странах (государствах), в которых происходили (или возможно происхождение «цветных революций») способствует быстрой их ликвидации и нераспространению на территории других стран (в том числе и России), т.е., по сути, обеспечивает пространственную безопасность нашего государства.

Военное присутствие за пределами территории нашей страны является эффективным и законным средством защиты национальных интересов Российской Федерации. Оно должно использоваться и в дальнейшем, исходя из меняющейся геополитической, геоэкономической и геостратегической обстановки. Его масштабы и конкретные формы также следует тесно увязывать с актуальными изменениями мировой внешнеполитической обстановки.

ГЛАВА 4. Система национальной безопасности России: направления совершенствования и нейтрализации вызовов и угроз в XXI веке

4.1. Современная система национальной безопасности Российской Федерации и перспективы ее трансформации

Обеспечение национальной безопасности государства представляет собой контролируемый и управляемый комплекс процессов по мониторингу, выявлению, обработке и классификации угроз с учетом их генезиса и уровня потенциальной опасности, которые возникают в межгосударственных отношениях, во внешних и внутренних противоречиях, в пересечении интересов людей, сообществ, в движении финансов, капиталов, экономик.

Основным инструментом реализации политики национальной безопасности любого государства, включая Российскую Федерацию, является система её обеспечения, т.е. организационная система субъектов обеспечения национальной безопасности, призванных решать задачи по обеспечению национальной безопасности.

В качестве структурных элементов системы обеспечения национальной безопасности выступают взаимосвязанные субъекты (силы) обеспечения национальной безопасности (публично-правовые образования, институты гражданского общества, граждане) плюс средства и ресурсы обеспечения национальной безопасности (технологические, технические и иные средства, используемые для мониторинга состояния национальной безопасности, бюджетное финансирование), нормативная правовая база, регулирующая общественные отношения по формированию, функционированию и совершенствованию элементов системы обеспечения национальной безопасности.

Обеспечение национальной безопасности с высокой степенью надежности может осуществляться исключительно и только на основе новейших технологических разработок, агрегированных с искусственным интеллектом. Этот процесс представляет собой систему взаимосвязанных звеньев, образующих защищенную от любых воздействий конструкцию – боевую часть общей системы единоначалия, управляемую Центром. Данная конструкция должна решать любые тактические задачи, даже с учетом качественных изменений оперативной обстановки, в соответствие со стратегией Центра по обеспечению национальной безопасности.

Одной из важнейших задач России в обеспечении национальной безопасности является недопущение однополярного мира и обретение своего влияния не только в рамках бывшего СССР, но и за его пределами.

Для разработки и надлежащего исполнения политической стратегии и доктрины государства в области национальной безопасности крайне важным условием является детальная конкретизация всех национальных ценностей, подлежащих защите.

В настоящее время внешнее исключительно военное давление на Россию уже не представляет такой опасности, как это было 15–20 лет назад, но появились другие угрозы. Целеполагание современной войны существенно изменилось. Если раньше заявленной целью был захват территории противника, нанесение ущерба инфраструктуре, вывоз ресурсов и т. д., то в настоящее время такой постановки нет.

Сущность войны изменилась кардинально, ведь подобное явление уже имело место в новейшей истории мира – появление ядерного оружия вызвало настоящую революцию в военном деле.

Сегодня происходят такие же революционные изменения в конфигурации безопасности. К примеру, идет переход с одной среды военного противостояния и ведения боевых операций в другую. С воздушно-космической, сухопутной, морской на всеобъемлющую – пространственную. В этой непривычной и неосвоенной сфере, особо важной для всего живого, новой ведущей силой выступает интеллектуально-информационное оружие. Физическая сила, нисколько не утрачивая своего значения и востребованности, уступает место силе интеллекта. Дистанция между этими силами увеличивается в прогрессии. Привычного тыла и фронта нет – все на местах постоянной дислокации.

Это не означает, что прежнее нужно списывать со счетов. Классической войне нужны классические, оснащенные новейшим вооружением и технологиями, соединения и воинские части. Самым вероятным и одновременно самым опасным, интеллектуально наполненным и богатым противником выступают США и блок НАТО. Для американцев жизненно важно удержать долларовую монополию в мире и сохранить статус мировой супердержавы, чтобы с помощью военной силы использовать важнейшие ресурсы. Именно по этим основаниям политика продвижения интересов будет продолжаться. В том числе, это будет проходить под предлогом «экспорта демократии» и культурных ценностей.

В дальнейшем будут широко использоваться террористические сообщества, создаваемые транснациональными компаниями преступные группировки, подобные вывозившим нефть с месторождений Сирии, частные военные компании. Закон войны обязывает: все, что обнаружено при посягательстве противника на наши интересы или безопасность, является целью, которая должна быть уничтожена.

Следует упомянуть о том, что началось все более широкое применение пси-оружия. Проводятся полноценные полевые испытания и пробное боевое применение. Пси-технологическое оружие может стать одним из решающих средств достижения целей в будущих войнах.

Несмотря на подписание большинством стран Конвенции «О запрещении военного и любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду» (1978 г.), а также наличие возможности проводить глобальный мониторинг параметров окружающей среды, ряд крупных мировых корпораций расширили исследования

по воздействию на среду обитания и влиянию на космические системы в плане разведки, связи, навигации.

Для США ядерная война невозможна по определению, поскольку литосферная и гидросферная уязвимость их территорий гарантирует катастрофу от ядерного удара. Даже если допустить ее вероятность и то обстоятельство, что ядерные носители не все преодолеют системы противоракетной обороны и достигнут заданной цели, прошедших через защиту будет достаточно для нанесения критического ущерба.

Есть и другие причины, например, появление государств и союзов, суммарно превосходящих США по силе политического влияния и военно-технической мощи.

Вместе с тем исследования в области разработки оружия массового поражения привели к существенному повышению опасности войны, как для стран-участниц, так и для всего мира, и в этом нет противоречий. Ядерное оружие является гарантом мировой стабильности и фактически не допускает глобального военного конфликта. Любая страна, обладающая ядерным потенциалом, способна удержать даже сильную державу от агрессии.

При сохранении важности ядерной триады как гарантии мира, тем не менее, обычные виды вооружений, высокоточное оружие, космические группировки военного назначения и все остальные виды вооружений не потеряют силу в ближайшей и дальнейшей перспективе. Какой бы малой не была вероятность применения ядерного оружия, все равно уровень опасности должен оставаться высшим, поэтому все компоненты и составляющие ядерной триады России должны быть не только сохранены, но и регулярно модернизироваться и поставляться в войска на боевое дежурство.

Во время холодной войны мир между СССР и США, НАТО и ОВД поддерживался угрозой взаимного гарантированного уничтожения именно ядерным оружием. Сегодня оружие массового поражения настолько усовершенствовалось не только в вопросах увеличения поражающей способности, но и в возможности скрытого применения. При этом частные корпорации владеют полным арсеналом конвенционного вооружения и ведут разработки новых видов оружия, в том числе, массового поражения.

Россия должна иметь Вооруженные Силы, способные побеждать в схватке с любым противником и в любой обстановке. Все виды Вооруженных Сил и рода войск должны быть готовы к борьбе с оснащенным интеллектуальными технологиями противником и противостоять боевому искусственному интеллекту в любых его формах.

К трем потенциальным театрам военных действий: суша, водное и воздушное пространства добавились космическое, киберпространство и интеллектуально-информационное пространство, где и развернутся самые жестокие сражения будущего. В недавнем прошлом мы вкладывали ассигнования в защиту наших секретов в различных областях знаний,

открытий, проектов, разработок, технологий, в настоящее время мы выплачиваем противнику огромные средства для покупки программ, лицензий, техники, компьютеров – 99 % программных систем промышленности – автоматизированных систем управления технологическими процессами (АСУТП) не принадлежат России.

Этот фактор позволяет противнику нанести критически невосполнимый урон в случае начала полномасштабного военного конфликта. Уязвимость электроники для кибератак и электромагнитного оружия, естественно, является обоюдоострым лезвием. Поэтому приоритетным направлением развития и формирования российских вооруженных сил являются кибервойска. Их основная задача – обеспечение безопасности Российского государства от любых киберугроз. Россия в результате операций Главного киберкомандования США и Агентства национальной безопасности может быть «выключена». Кибероперации способны наносить более масштабный ущерб государству-противнику по сравнению с последствиями применения ядерного оружия и других видов оружия массового поражения, вызывая техногенные аварии и провоцируя природные катаклизмы,

В связи со складывающейся международной обстановкой следует ожидать активных действий США и НАТО против России в киберпространстве уже немедленно. Ближайшие основные удары, вероятно, будут готовиться и проводиться на направлении распространения вирусных вкладок в коды основных поисковых сервисов. Представляется вероятной угроза задействования киберкомандованием США части специального киберпакета для скрытого обрушения системы контроля энергоснабжения России, поскольку данная мера не потребует применения официального открытого одобрения Конгрессом, а ее следствием будет являться мультипликационный поражающий эффект. Подобные действия могут последовать в случае невыполнения Россией ряда ультимативных требований, касающихся прав человека, и, если США склонятся к варианту симулирования внешней угрозы для решения внутренних проблем и иных причин в соответствии с долгосрочной стратегией расчленения и уничтожения Российского государства.

Следующим направлением особого внимания для обеспечения безопасности Российского государства являются новые виды вооружения, в частности беспилотные летательные аппараты и другое дистанционно управляемое оружие.

В ходе битв будущего за сферы влияния на глобальных рынках будет и уже разворачивается борьба в сфере высоких технологий. Использование беспилотной роботизированной техники с применением систем искусственного интеллекта будет являться основным методом ведения боевых действий будущего. Сегодняшние программисты и геймеры составят костяк не только в кибервойсках, но и станут операторами боевых машин уже в ближайшем будущем. Эффективность боевого применения

высокотехнологичных ударных и разведывательных беспилотных летательных аппаратов, безусловно, доказана рядом недавних вооруженных конфликтов. Беспилотные аппараты в Нагорном Карабахе сыграли ключевую роль в обеспечении военной победы вооруженных сил республики Азербайджан, использовавшей турецкие боевые дроны. Потери вооруженных сил Армении практически мгновенно оказались неприемлемо масштабными. При этом создается впечатление, что азербайджанская сторона намеренно не форсировала боевые действия, давая возможность своим вооруженным силам и турецким союзникам провести полномасштабную отработку боевого применения новой техники в боевых условиях и одновременно сократить потери живой силы и техники. Вице-премьер российского правительства Юрий Борисов отметил: «Что касается тенденций, посмотрите, насколько изменился характер военных конфликтов с применением беспилотных средств. Это уже устойчивый тренд. Сначала это средства разведки, сегодня это еще и ударные средства»[493].

Защита государства от внешних и внутренних угроз подразумевает наличие у него современной и, самое главное, эффективной структуры и системы национальной безопасности, которая должна обеспечивать безопасность самого государства, общества и отдельной личности.

Система национальной безопасности современной России сложилась во многом стихийно после разрушения советской системы, в основе которой находилась идеология, организация и политическое руководство КПСС всеми институтами общества и государства, включая военную организацию СССР, а также стран-участниц Организации Варшавского Договора и Социалистического содружества.

После уничтожения Организации Варшавского Договора и КПСС управление военной организацией было разрушено, а её воссоздание фактически так и не начиналось до конца 90-х годов. В последующие десятилетия наблюдалось медленное и не всегда последовательное восстановление функций военной организации – организационное, административное, финансовое, которое в целом завершилось к 2021 году[494].

В военно-технической области, занимавшей в последнее десятилетие приоритетное значение в политике безопасности, были достигнуты существенные успехи как во многом за счет ускоренной модернизации советских образцов вооружения, военной и специальной техники, так и некоторых положительных результатов первых российских научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ. К 2021 году сложилась такая ситуация в области обеспечения военной безопасности, которая позволяет говорить, что безопасность преимущественно воспринимается как

---

[493] Борисов оценил влияние войн в Карабахе и Сирии на госпрограмму вооружений. [Электронный ресурс] URL: https://www.rbc.ru/business/20/12/2020/5fdcb4629a794716349e5fc7 (дата обращения 13.10.2021 г.).

[494] См.: *Подберёзкин А.И.* Политика стратегического сдерживания России в XXI веке. М.: ИД «Международные отношения», 2019.

количество и качество вооружения, военной и специальной техники[495]. Акцент на этом Президент России В.В. Путин сделал на расширенном итоговом заседании коллегии Министерства обороны Российской Федерации 21 декабря 2020 г. Там же было обращено пристальное внимание на развитие военной науки и военного искусства. Примечательно, в частности, сравнение В.В. Путиным качества вооружения, военной и специальной техники при СССР и России в разные периоды: «Во времена Советского Союза в Советской армии по силам общего назначения, так называемая современность, количество современных на тот период времени вооружений составляло 54 процента, по силам общего назначения. По стратегическим, ядерным силам – 65–70 %.

В 2000 году уровень современных вооружений по силам общего назначения упал до критически низкого уровня в 12%. А по силам ядерного сдерживания – до 35%. К середине декабря 2020 года доля современных образцов вооружения и техники в войсках России составляет уже более 70 %, это по силам общего назначения, а в ядерных силах – 86 %»[496].

Радикальное обострение международной обстановки в мире во втором десятилетии нового века потребовало внесения существенных коррективов в Стратегию национальной безопасности Российской Федерации.

Принятая в 2021 году Стратегия национальной безопасности Российской Федерации является документом стратегического планирования, определяющим национальные интересы и стратегические национальные приоритеты России, цели и задачи госполитики в области обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития страны на долгосрочную перспективу.

В Стратегии национальной безопасности отмечается, что, Россия способна эффективно противостоять попыткам внешнего давления, а реализация Россией госполитики в сфере обеспечения национальной безопасности способствует росту потенциала, необходимого для укрепления ее роли как одного из влиятельных центров мира. В не также прописана неразрывная взаимосвязь национальной безопасности и социально-экономического развития и перечислены девять стратегических национальных приоритетов. Это сбережение народа, оборона, государственная и общественная безопасность, информационная безопасность, экономическая безопасность, научно-технологическое развитие, экологическая безопасность, защита традиционных ценностей, стратегическая стабильность[497].

---

[495] См.: *Подберёзкин А.И.* Значение средств воздушно-космического нападения и обороны в обеспечении безопасности России // Воздушно-космическая оборона. 2020. № 1. С. 62–80.

[496] Расширенное заседание коллегии Министерства обороны России. – URL: www.kremlin.ru. 21/12/2020 (дата обращения 23.05.2021).

[497] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // Рос. газ. 2021. 3 июля.

Для более широкого анализа состояния современной системы национальной безопасности России следует более пристально рассмотреть ее элементы – отдельные безопасности сфер общественной жизни.

Сутью национальной безопасности является такое состояние государства, при котором исключается возможность нанесения ущерба жизненно важным интересам человека, общества, государства.

Национальная безопасность Российской Федерации не может быть надежно обеспечена, если опирается только на ядерную триаду. Прочность общей конструкции национальной безопасности обеспечивается наличием взаимодополняющих политических, экономических, социально-психологических, духовно-нравственных, культурных и иных институтов общества и государства. Они связаны, имеют общую цель, достижение которой координируется государственными органами власти и управления.

Существуют два основных метода обеспечения безопасности государства: первый – своевременное превентивное обнаружение и нейтрализация потенциальных угроз; второй – создание условий, при которых противник не имеет потенциальной возможности осуществить какой-либо акт агрессии в силу непреодолимого отставания в военной и других сферах.

Для России целесообразным является ставка на три главных направления:

– сохранение и приумножение ядерного потенциала;

– развитие и внедрение технологий искусственного интеллекта в связанные с ним системы вооружения;

– прорывные концептуальные научные разработки.

Единственным субъектом, обеспечивающим национальную безопасность, является государство. Только государство имеет исключительное право учреждать, формировать, оснащать, обучать и готовить Вооруженные Силы, специальные службы, правозащитные органы и т.п. в целях создания необходимого уровня защиты от внешних и внутренних угроз.

Основными субъектами национальной безопасности являются Президент Российской Федерации, Совет Безопасности, Государственный совет, Правительство Российской Федерации, Министерство обороны, Генеральный штаб Вооруженных Сил и другие федеральные органы исполнительной власти.

До настоящего времени целевая задача в обеспечении национальной безопасности состояла в сдерживание любых проявлений военной агрессии, а в случае нападения – отражение в кратчайшее время с минимальными потерями и с привлечением агрессора к международному суду для правой оценки и возмещения причиненного ущерба.

Следует отметить, что даже самая новейшая конструкция безопасности не может постоянно находиться в статичном положении, она должна

реагировать, менять и корректировать поставленные задачи, в соответствие с изменениями, происходящими с ее антиподами – опасностью или угрозами.

В классическом понимании национальная безопасность – это такое сочетание природных и социальных процессов, при котором государству, его политическому устройству, суверенитету, общественному порядку, а также правам, свободе, качеству жизни и здоровью граждан ничего не угрожает.

К основным нормативно-правовым и военно-политическим документам в области национальной безопасности относятся:

– Конституция Российской Федерации;

– законы о безопасности (1992; 2010), в том числе с изменениями, внесенными Федеральным законом от 09 ноября 2020 г. № 365-ФЗ, закон «Об обороне» (1996 г.) с последующими изменениями, в редакции 2020 г.;

– другие нормативные акты Российской Федерации, регулирующие отношения в области безопасности;

– Конституции, законы, иные нормативные акты республик в составе Российской Федерации и нормативные акты органов государственной власти и управления краев, областей, автономной области и автономных округов, принятые в пределах их компетенции в данной сфере;

– международные договоры и соглашения, заключенные или признанные Российской Федерацией.

Помимо этих правовых актов большое значение для создания и функционирования системы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации имеют такие концептуальные документы:

– концепции (1997; 2000 гг.) и стратегии национальной безопасности Российской Федерации (2009; 2015; 2021 гг.);

– военные доктрины (1993; 2000; 2010; 2014 гг.);

– морская доктрина (2015 г.);

– концепции внешней политики (1993; 2000; 2008; 2016 гг.);

стратегии в области экологической безопасности, климатологическая доктрина и пр.

Особое внимание необходимо уделить Основам государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации, утвержденным Указом Президента Российской Федерации от 8 ноября 2021 г. № 633[498].

Президент Российской Федерации В.В. Путин так прокомментировал необходимость принятия данного нормативного акта: «нам нужна сбалансированная, единая, целостная система стратегического планирования, чтобы создавать современные, выверенные, нацеленные на конкретный результат планы и программы, которые будут настраивать все органы власти, гражданское общество… деловые круги работать в единой логике и вместе

[498] Указ об утверждении основ государственной политики в сфере стратегического планирования. – URL: http://kremlin.ru/acts/news/67074 (дата обращения 11.11.2021).

добиваться достижения приоритетных целей ради успешного, благополучного будущего России»[499].

В основах прописано, что: «система стратегического планирования нуждается в совершенствовании. Требуется принятие мер правового и организационного характера, направленных на повышение эффективности взаимодействия органов публичной власти в сфере стратегического планирования, его научно-методологического, информационно-аналитического и кадрового обеспечения, что позволит создать условия для достижения целей и реализации задач социально-экономического развития Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации».

Основами государственной политики определяются цели, задачи и основные направления в сфере стратегического планирования, а также механизмы реализации этой политики и обеспечения стратегического планирования исходя из неразрывной взаимосвязи и взаимозависимости социально-экономического развития и национальной безопасности.

К целям государственной политики в сфере стратегического планирования относится: создание условий для долгосрочного устойчивого социально-экономического и научно-технологического развития Российской Федерации, обеспечения национальной безопасности и эффективного стратегического управления на основе стратегического планирования.

Одной из задач государственной политики в сфере стратегического планирования является обеспечение обязательной и своевременной корректировки документов стратегического планирования, в том числе в связи с выявлением новых внутренних и внешних угроз.

Основным направлением государственной политики в сфере стратегического планирования является совершенствование нормативно-правовой базы стратегического планирования, научно-методологическое обеспечение стратегического планирования социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

К основным видам безопасностей в Российской Федерации относятся:

– государственная безопасность – это защита конституционного строя, политического, экономического, оборонного, научно-технического и информационного потенциала страны от внешних и внутренних угроз;

– общественная безопасность – это защищенность населения страны от посягательств на права граждан, их объединений, а также от угроз природного и техногенного характера;

– безопасность личности и безопасность общества – это безопасность личностей и их групп от всех видов угроз. Безопасность жизнедеятельности человека – это его состояние с минимумом рисков и негативных факторов воздействия. Риск можно квалифицировать как степень вероятности вреда,

---

[499] Путин рассказал о подготовке основ госполитики по стратегическому планированию. – URL: https://www.pnp.ru/news/putin-soobshhil-o-podgotovke-osnov-gospolitiki-po-strategicheskomu-planirovaniyu.html (дата обращения 11.11.2021).

болезни, травмы, смерти, аварии. Риск определяет меру опасности, опасность – угрозу.

В иерархии значений системы национальной безопасности на первом месте, по нашему мнению, должна стоять политическая безопасность как базовый фундамент национальной безопасности в целом. Ведь только политическая безопасность может гарантировать права и свободы граждан, социальных групп, сохранять их интересы, обеспечивать стабильное развитие и целостность государства, его статус и положение в мире. Политическая безопасность – это важнейшая составляющая национальной безопасности. Отметим и другие формы национальной безопасности: экономическую, социальную, экологическую, информационную, военную и ряд других видов. Социальная безопасность не декларируемая, а реально существующая возможность безусловного развития личности из разных социальных групп, при котором она (личность) достойно оценивает свой статус и положение, а все отношения носят бесконфликтный характер.

Военная безопасность – обоснованная уверенность общества в надежной защите от внешних военных и иных угроз, включая внутренние. Она определяется способностью государства противодействовать возникновению войны и вовлечению в нее, а в случае нападения противника может отразить в кратчайшее время и свести к минимуму вероятные потери. После избрания В.В. Путина Президентом Российской Федерации началось восстановление системы военной безопасности, основанной на последних достижениях в области проектирования новейших вооружений и модернизации военной организации страны.

Существующая система национальной безопасности России третьего десятилетия нашего века представляет собой совокупность прежней советской системы, строящейся новой российской военной организации и ОПК, который модернизируется под все нарастающим силовым давлением со стороны Запада в условиях, когда сложилось изначально несопоставимое соотношение государственных и военных возможностей сторон. Можно признать, что только к началу третьего десятилетия нового века под прямым и непосредственным руководством Президента Российской Федерации В.В. Путина удалось вернуть России статус «великой военной державы».

Информационная безопасность – это высший уровень интеллектуальной оснащенности и компетенции персонала, способного защитить самые чувствительный сферы человека – сознание и психику – от деструктивного информационного воздействия и негативного социально-психологического влияния. Информационная безопасность включает владение всеми современными системами управления и контроля, не допускающими утечки закрытой ценной информации, наличие плана действий и нахождение в полной боевой готовности к информационным атакам на противника, как внутри, так и за рубежом.

Система обеспечения национальной безопасности Российской Федерации формируется в условиях подготовки и усиления новой концепции

национальной безопасности – безопасности личности, ее данных, а также общества и государства. Важнейшей особенностью является обеспечение надежной защиты базы данных о гражданах, которые уже сегодня стали предметом первостепенного интереса противника. Участились случаи торговли персональными данными больших групп российских граждан, несмотря на преследование продавцов в уголовном порядке и привлечение к ответственности.

Развитие любой системы не может быть устойчивым, если развитие не является исторически хроноцелостным. При этом важно понимать, что проектирование и выполнение условий развития всех направлений системы в текущее время не гарантируют ее надежности для роста в будущем. Использование старых условий оборачивается кризисом или неустойчивым состоянием, а исторический анализ подтверждает, что следствием неустойчивого развития или кризиса является стагнация всей социальной сферы с последующей ее деградацией и разложением самой системы (государства) в целом. Это касается всех мировых систем. В новой Стратегии национальной безопасности, поставлены задачи по противодействию этим и другим опасностям, уточнены национальные интересы Российской Федерации и стратегические национальные приоритеты.

Так, более четко сформулированы стратегические цели защиты Российской Федерации от попыток использования военной силы против нее, отмечается, что реализация Российской Федерацией государственной политики в области обеспечения национальной безопасности способствует повышению внутренней стабильности, наращиванию экономического, политического, военного и духовного потенциала России, необходимого для укрепления ее роли как одного из влиятельных центров современного мира.

В «Стратегии…» определены пути противодействия распространению радикальной идеологии, ее пропаганды в средствах массовой информации. Подчеркивается, что традиционные российские духовно-нравственные и культурно-исторические ценности подвергаются активным нападкам со стороны США и их союзников, а также со стороны транснациональных корпораций, иностранных некоммерческих неправительственных, религиозных, экстремистских и террористических организаций[500].

Новая Стратегия национальной безопасности Российской Федерации более точно описывает основных акторов системы обеспечения национальной безопасности, чем соответствующий документ 2015 года. В документе эта система определяется как «совокупность осуществляющих реализацию государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности органов публичной власти и находящихся в их распоряжении инструментов», тем самым органы государственной власти и органы местного самоуправления в новой редакции получили равные полномочия.

---

[500] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // Рос. газ. 2021. 3 июля.

Негосударственная система обеспечения национальной безопасности является неотъемлемой составной частью целостной системы в этой области в любой демократической стране. Наличие негосударственной системы обеспечения национальной безопасности создает необходимое равновесие в обществе, способное уберечь его от социальных потрясений и конфликтов. В неё входят общественные объединения и граждане, обладающие правами и обязанностями участвовать в обеспечении национальной безопасности в соответствии с Конституцией Российской Федерации, федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Это следует из положения ст. 2 Федерального закона 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности», где одним из основных принципов обеспечения безопасности определено взаимодействие органов государственной власти с общественными объединениями и гражданами. Положение статьи 4 этого Закона закрепляет их участие: «Граждане и общественные объединения участвуют в реализации государственной политики в области обеспечения безопасности»[501].

Основные показатели состояния национальной безопасности Российской Федерации, указанные в Стратегии, имеют многоаспектный характер, но не отражают безопасности всех сфер общественной жизнедеятельности российского общества, по уровню защищенности которых можно определить позитивную или негативную динамику в данной области. По этой причине предлагается в дальнейшем создать более представительный и основанный на научном подходе индекс национальной безопасности Российской Федерации, который бы регулярно обновлялся в зависимости от ситуации в этой области.

Дополнительно к этому следует:

– выдвинуть максимально конкретную идею и обосновать прикладную стратегическую концепцию обеспечения опережающего развития и обеспечения именно национальной безопасности, в основе чего лежит долгосрочный прогноз развития международных отношений и военно-политической обстановки в мире и России;

– сформулировать прикладную политическую и военную стратегию, способную нейтрализовать внешнее давление на Россию, эскалация которого будет развиваться в ближайшие годы;

– политически и законодательно оформить стратегический план противодействия политике силового принуждения Запада в соответствующих правовых и нормативных документах и решениях, выделить конкретные задачи, определить сроки и ответственных исполнителей;

– обеспечить повседневную реальную политическую управленческую деятельность по выполнению сформулированной стратегии, включая

---

[501] Федеральный закон «О безопасности» от 28.12.2010 № 390-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108546/ (дата обращения 13.09.2021).

прикладное административное, правовое, идеологическое и нормативное регулирование.

В законе «О безопасности» (точнее – в поправках к нему), а также ряде других федеральных законах необходимо более детально описать органы исполнительной власти, принимающие участие в системе обеспечения национальной безопасности страны, их конкретные компетенции в этой области. Это предлагается сделать в целях недопущения параллелизмов и дублирования в их деятельности, а также установления иерархии в сфере обеспечения национальной безопасности, ибо не всегда понятно, какой из властных органов играет ведущую роль в той или иной сфере национальной безопасности. Несмотря на то, что в федеральных законах и концептуальных документах упоминаются властные органы субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, их роль в обеспечении национальной безопасности вообще не прописана или охарактеризована в самом общем плане, без конкретики. Между тем при решении проблем безопасности регионального и местного уровней (например, лесные пожары, наводнения, ураганы, конфликты на социальной или этно-религиозной почве) им иногда принадлежит главная роль. По этой причине в нормативных и концептуальных документах в сфере национальной безопасности необходимо чётко определить их роль и место в системе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

В существующих правовых и концептуальных документах практически не упоминается роль экспертно-аналитического и научного сообщества в разработке, планировании, реализации и оценке эффективности политики обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Однако без активного и постоянного вовлечения экспертов и учёных в эту сферу деятельности невозможно ни полноценное стратегическое планирование в области национальной безопасности, ни мониторинг процесса выполнения принятых программ, ни объективная оценка деятельности государственной и негосударственной систем обеспечения национальной безопасности.

В целях совершенствования системы экспертно-аналитического обеспечения и сопровождения политики в области национальной безопасности необходимо создать научные советы при тех органах федеральной, региональной и муниципальной власти, которые отвечают за обеспечение национальной безопасности в пределах своей компетенции и при которых таких советов пока нет.

Необходимо также чаще выносить на обсуждение научного и экспертно-аналитического сообщества проекты наиболее важных правовых и концептуальных документов в области национальной безопасности с тем, чтобы специалисты имели возможность внести свой авторитетный вклад в разработку этих документов. Это может сделать невозможным разработку наиболее важных документов в сфере национальной безопасности «келейным» образом.

Основой повышения уровня национальной безопасности Российской Федерации могут служить следующие меры первоочередного характера:

– восстановление нравственного интеллекта в качестве безусловного приоритета российского государства и общества;

– формулирование национальной идеи России;

– принятие геополитической доктрины на долгосрочную перспективу (50–100 лет);

– разработка стратегии гибридной войны, создание соответствующих организационных и научно-аналитических структур;

– внесение в ООН проекта безопасного и справедливого миропорядка XXI столетия;

– развертывание производства беспилотных летательных аппаратов;

– создание новых видов вооружения на основе технологий искусственного интеллекта.

Таким образом, следует подчеркнуть, что мир будущего должен обладать высокой степенью защищенности, и этот тезис должен стать основополагающим для всех органов государственной власти и управления. Ухудшение внешних условий развития России требует максимального ускорения процесса повышения эффективности государственного и общественного управления, включая, прежде всего, область функционирования военной организации государства и всей нации.

Глобальный мировой кризис дает России возможность вернуть прежний цивилизационный статус мировой державы особой прочности. Вместе с ним мы получаем ответственность за судьбы многих стран в сложнейших условиях дисбаланса международных отношений, бесконечных военных конфликтов, непрекращающихся, растущих террористических угрозах, мировой пандемии COVID-19 и т.п.

Современная система национальной безопасности России находится в стадии совершенствования и необходимой модернизации. Военно-политическое руководство страны осуществляет необходимые меры для решения задач по нейтрализации современных и прогнозируемых вызовов и угроз национальной безопасности государства, российскому обществу и личности, которые более подробно представлены далее.

4.2. Направления нейтрализации прогнозируемых вызовов и угроз национальной безопасности Российской Федерации

В предыдущих главах и параграфах был проведен анализ современной военно-политической обстановки в мире и ее влияния на систему международной и национальной безопасности; рассмотрены современные тенденции развития системы международных отношений; даны обоснования современным формам межгосударственного противоборства; определены современные вызовы и угрозы системе национальной безопасности Российской Федерации, спрогнозировано развитие этих вызовов и угроз на ближайшую и долгосрочную перспективу, предложены меры по их нейтрализации. Все это позволяет сделать следующие выводы и предложения.

Современная военно-политическая обстановка и система международных отношений претерпевают значительные изменения из-за появления на мировой политической арене новых мировых лидеров и превращения однополярного мирового устройства в многополярный мир.

Как отмечено в новой Стратегии национальной безопасности 2021 года, «военно-политическая обстановка в мире характеризуется формированием новых глобальных и региональных центров силы, обострением борьбы между ними за сферы влияния. Возрастает значение военной силы как инструмента достижения субъектами международных отношений своих геополитических целей. Усилению военных опасностей и военных угроз Российской Федерации способствуют попытки силового давления на Россию, ее союзников и партнеров, наращивание военной инфраструктуры Организации Североатлантического договора вблизи российских границ, активизация разведывательной деятельности, отработка»[502]

США и их союзники утрачивают свое геополитическое лидерство и превосходство по многим направлениям социально-экономического развития, по темпам роста на первые роли выходят экономики стремительно развивающихся государств, таких как Китай и Индия.

Приход к власти в США Джо Байдена и политическая расправа над Д. Трампом и «трампизмом» – не просто реставрация, но усиление позиций либеральных фундаменталистов и стоящих за ними транснациональных западных элит. Вектор их агрессивных намерений будет развёрнут с китайского на российское направление. Системную опасность для себя эти элиты видят в потенциальной способности России представить альтернативный цивилизационный путь, основанный на традиционных ценностях. В их логике противостояние по линии Запад – Россия должно носить принципиальный, бескомпромиссный и ожесточённый характер.

---

[502] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // Рос. газ. 2021. 3 июля.

В этом контексте следует ожидать, что «волны» военно-политического давления на Россию в Евро-Атлантике будут синхронизированы с попытками дестабилизации России изнутри и по периметру её границ.

Значительно активизировалась деятельность Альянса в Балтийском и Черноморском регионах, приарктической зоне. Продолжается всестороннее развитие системы стратегической ПРО США с глобальным охватом и ПРО ТВД НАТО, противоборство распространяется и на сферу космоса.

Альянс активно ищет новую миссию для себя, предпринимает практические шаги по выработке адекватной стратегической концепции. Становится очевидным, что мы имеем дело с обновляемым инструментом очередного «издания» холодной войны. Одновременно законные интересы России высокомерно игнорируются.

НАТО медленно трансформируется в «троянского коня» обеспечения глобального доминирования западных, прежде всего американских элит. Этому способствует процесс гибридизации Альянса, приобретения им новых когнитивных возможностей оперировать в так называемой серой зоне, т.е. в состоянии «ни войны, ни мира».

Главным направлением в противодействии угрозам стратегической безопасности обновляемого НАТО, о необходимости которого указывает представленный на встрече министров иностранных дел стран Альянса экспертный доклад «НАТО-2030: в декабре 2020 года Единство в новой эре», по-прежнему остаётся Россия.

Прорывные наработки России в области новейших систем вооружения не «убедили» западные элиты пересмотреть отношения с Россией, но вместе с тем Москва подтолкнула Вашингтон к диалогу о будущем стратегической стабильности. При этом, США и в целом НАТО уклоняются от системной работы по военным аспектам европейской безопасности. Декларируемая американцами возможность размещения в Европе наземных ракет средней и дальней мощности как в ядерном, так и в обычном снаряжении, способна довести ситуацию в регионе до предельной степени напряжённости.

В настоящее время наблюдается устойчивое политическое стремление США и их союзников добиться военного превосходства, которое позволило бы им использовать военную силу в условиях изменения международных отношений и военно-политической обстановки в мире. Иными словами, коллективному Западу стратегическая стабильность не нужна. В самых разных формах, в том числе политико-психологической, на Западе пытаются реализовать политику «силового принуждения», которая в принципе не совместима с политикой укрепления стратегической стабильности. В сложившейся ситуации военно-политическому руководству страны, всем руководителям органов государственной власти необходимо жестко отстаивать национальные интересы России как на международной арене, так и в самом государстве, применять своевременные меры по нейтрализации современных и прогнозируемых вызовов и угроз XXI века, к которым можно отнести следующие:

1. России необходима новая стратегия экономического, промышленного и научно-технического развития, которая учитывала бы происходящий разрыв международных экономических связей, долговременную дестабилизацию мировой экономики, систематическое использование ведущими мировыми державами любых экономических связей в качестве канала для грубого политического давления и шантажа. Новая стратегия должна предполагать переориентацию на внутренние источники роста; более активную политику импортозамещения; политику максимальной диверсификации внешних связей.

2. Военно-политическому руководству России следует продолжать существующий курс на постепенное углубление дипломатического военного сотрудничества с Китаем (включая военно-техническое сотрудничество, подготовку военных кадров, совместные учения и патрулирования и т.п.) без заключения с Китаем договора о союзе. Россия и Китай должны тесно сотрудничать в сдерживании американского гегемонизма на международной арене, однако в прочих направлениях своей внешней политики Россия должна сохранять максимальную свободу. Россия не может помешать росту потенциала Китая в сфере ядерных вооружений и не должна предпринимать таких попыток. Вместе с тем необходимы как двусторонние, так и трехсторонние консультации с Китаем и США об обеспечении стратегической стабильности в новых условиях, когда в мире могут появиться три крупных ядерных державы.

3. В отношениях с США России следует укреплять политику сдерживания и ситуацию гарантированного взаимного уничтожения, не втягиваясь при этом в гонку вооружений. Создание новейших образцов стратегических вооружений, включая гиперзвуковые носители, позволит в ближайшие годы сохранять надежный потенциал ответного удара без количественного паритета с США в области стратегических ядерных сил. При этом целесообразно начать с Вашингтоном диалог о путях укрепления стратегической стабильности после продления ДСНВ-3 в новых геополитических и военно-стратегических условиях, когда данная сфера уже не ограничивается только Россией и США и только стратегическими ядерными вооружениями. Повестка дня таких консультаций должна охватывать все факторы, влияющие на стратегическую стабильность, включая военные аспекты кибербезопасности. Основным приоритетом является недопущение размещения РСМД наземного базирования в Европе и Азии вблизи российской территории.

4. Военно-политическому руководству следует предусмотреть курс на жесткое комплексное долговременное сдерживание НАТО. При этом идти на окончательный разрыв представляется в данный момент контрпродуктивным. Необходимо понимать, что набранная негативная динамика противоборства имеет свою логику и может обернуться срывом в открытый конфликт, что потребует совместных инициативных усилий по стабилизации. Следует в кратчайшее время создавать свою основу

стратегических коммуникаций и вырабатывать эффективные меры противодействия информационной гибридизации НАТО. В случае наращивания попыток системной дестабилизации России предусмотреть постановку вопроса о взятии «стратегической паузы» в отношениях по линии Россия – НАТО.

5. Несмотря на явную пробуксовку «Структурированного диалога» (СД) по вызовам безопасности, запущенного на Совете министров иностранных дел (СМИД) Организации по безопасности в Европе (ОБСЕ) в г. Гамбурге в 2016 году, следует продолжать наше участие в его работе. При этом проводить последовательную и терпеливую линию на втягивание участников в максимально сфокусированную практическую профессиональную и деполитизированную работу по обсуждению путей недопущения инцидентов и опасной военной деятельности, а также снижения военной активности по линии соприкосновения Россия – НАТО, практических мер по деэскалации.

6. Правительство Российской Федерации при осуществлении экономического планирования должно учитывать явно обозначившуюся тенденцию к деглобализации, затяжной кризис мировой экономической системы, а также повсеместное использование инструментов экономического принуждения и экономической войны, занявших центральное место во внешнеполитическом арсенале ряда стран. Развитие Российской Федерации в этих условиях должно опираться главным образом на внутренние источники роста при исключительно вспомогательной роли внешних источников инвестиций. Первостепенное значение имеет замыкание максимально возможного числа производственных цепочек на собственной территории и самообеспечение важнейшими видами продукции.

7. Долгосрочная нестабильность и роль военного фактора в международных отношениях требуют сохранения за военным строительством в Российской Федерации одного из центральных мест в сфере приоритетов государственной политики. Расходы на оборону и безопасность в обозримом будущем не должны рассматриваться как возможный источник экономии.

8. Способность России проводить самостоятельную политику в Азии, дружественные отношения со всеми государствами Восточной и Южной Азии, доверительное партнерство с Китаем и Индией – важнейшие российские политические активы. Благодаря этим условиям Россия занимает благоприятное положение в разворачивающейся в Азии борьбе великих держав. Целью российской внешней политики должно быть сохранение и расширение этих достижений, в том числе за счет развития отношений со странами-партнерами США (Япония, Южная Корея).

9. На фоне дестабилизации системы международных отношений, резкого усиления военной мощи Китая, появления новых видов оружия особое значение приобретает поддержание диалога с США и другими крупными странами по вопросам стратегической стабильности и контроля

над вооружениями. Присоединение Китая к режимам контроля над вооружениями было бы желательным, но не должно происходить в ущерб российско-китайскому партнерству. Большое евразийское партнерство может стать ключевой системой мирового порядка, инструментом вовлечения растущего во всех направлениях Китая в систему общих институтов, связей, диалогов.

Современное мировое противоборство, как и прежде, сопровождается многочисленными конфликтами, в том числе и с применением военной силы. Характер угроз безопасности современному государству носит комплексный и многоуровневый характер, что вызывает появление новых форм межгосударственного противоборства, сочетающих широкий спектр военных и невоенных методов и средств. Современные межгосударственные конфликты имеют характерные особенности и направленность, а именно:

1. Возрастает роль невоенных методов противоборства, в том числе дипломатических, финансовых, экономических, информационных, а также подрывных действий. Они планируются и применяются в сочетании с военными действиями, существенно влияя на достижение политических целей. Как следствие, возникают новые формы противоборства с участием государственных и негосударственных субъектов политики.

2. Противоборство быстро расширяется в пространственном и функциональном измерениях. Оно распространяется на все пространства: сухопутные территории на неограниченную глубину, воздушное, космическое, морское и киберпространство. Это сопровождается расширением функциональных возможностей форм вооруженной борьбы, включая нанесение высокоточных ударов с любого направления и на любую глубину, проведение специальных операций и информационно-психологическое воздействие на противника. Особенно актуальными становятся межвидовые операции группировок войск (сил), способных выполнять как военные, так и невоенные миссии.

3. В современных конфликтах особая роль отводится информационной борьбе. Существенное внимание уделяется воздействию на менталитет и психологическое состояние как всего общества, так и отдельных слоев: политического руководства, элит, различных общественных групп и общественных организаций. Такое воздействие носит длительный и систематический характер. Оно опирается на управление глобальными информационными потоками и направлено на изменение политического поведения целевой аудитории в нужном направлении[503].

4. Многие современные конфликты размывают привычные способы ведения войны, традиционно связанные с применением регулярных сил. Это проявляется в том, что:

– не всегда можно различить гражданских и военных участников конфликта;

---

[503] *См.: Зарудницкий В.Б.* Характер и содержание военных конфликтов в современных условиях и обозримой перспективе // Военная мысль. 2021. № 1. С. 34–44.

– отсутствует формальное объявление войны;

– конфликт трудно локализуется в пределах границ одного государства;

– не соблюдаются международно-правовые нормы и правила ведения войны;

– в противоборстве преобладает нетрадиционная тактика;

– в конфликте могут участвовать негосударственные субъекты политики, а также иностранные государства, спецслужбы, наемники, частные военные кампании.

5. Новые формы противоборства несут с собой высокие риски эскалации конфликта, потому что, с одной стороны, они нередко ведутся в «серой зоне» международного права[504], маскируя участников и их цели, а с другой стороны, могут оказаться настолько эффективными, что позволяют решать задачи стратегического уровня.

К таким формам противоборства относятся широко применяемые в настоящее время технологии «цветных революций», которые представляют собой целый комплекс мероприятий нормативно-правового, административного, информационно-идеологического, экономического, специального и военно-силового характера, а именно:

– нормативно-правовые меры противодействия «цветным революциям» должны применяться для создания условий, препятствующих развертыванию активной политической деятельности лидеров и организаций, ориентированных на свержение действующей власти, осуществлению их поддержки (как материальной, так и информационной) из-за рубежа;

– административные меры должны обладать большей оперативностью и позволять решать широкий круг задач предотвращения «цветной революции» (создание патриотических общественно-политических организаций и партий, поддержка их деятельности, предоставление организационного и отчасти материального и информационного ресурса в сочетании с организацией различных препятствий для деятельности сторонников «цветной революции»);

– информационно-идеологические меры должны осуществлять систематическое разоблачение «твиттер-революционной» деятельности прозападных некоммерческих и неправительственных организаций, агентов их влияния, радикальных оппозиционных сил, неформальных объединений, сетевых сообществ, фанатских и бойцовых клубов; координировать информационную политику государств-членов ОДКБ в сфере противодействия «цветной революции»; диагностировать деятельность по выявлению коммуникаторов и проводников «цветных революций» в информационном пространстве стран-участниц ОДКБ; создавать особые механизмы взаимодействия СМИ с органами государственной власти в кризисных ситуациях;

---

[504] См.: *Кучинская М.Е.* Феномен гибридизации современных конфликтов // Проблемы национальной стратегии. 2018. № 36(51). С. 129–130.

– экономические меры противодействия должны осуществляться для подрыва материально-ресурсного потенциала сил «цветной революции». Их основу должны составлять технологии, позволяющие парализовать деятельность и в дальнейшем разорить внутренние экономические субъекты, составляющие материальную базу «цветной революции», нейтрализовать активность на территории России иностранных экономических структур, поддерживающих деструктивные силы, блокировать накопление и перемещение материальных средств и финансов;

– специальные и военно-силовые меры противодействия «цветным революциям» должны обеспечивать пресечение антироссийской деятельности иностранных спецслужб и некоммерческих организаций и неправительственных организаций, агентов влияния, оппозиционных СМИ, общественных организаций экстремистской направленности по дестабилизации внутриполитической обстановки в различных регионах страны. Вооруженные силы страны играют решающую роль в процессе нейтрализации «цветных революций».

Российская Федерация, проведя за последние годы многочисленные социальные, экономические преобразования, а также военную реформу, вернула себе статус мировой державы. США и их союзники всё последовательнее и упорнее делают из России не просто противника, но системного «врага». Складывается впечатление, что в мире зарождается новая «холодная война», США в своем стремлении остановить развитие российского государства не соблюдают общепринятые нормы международного права, осуществляют крайне деструктивный процесс идеологизации геополитического противостояния, сопровождаемый «дегуманизацией» оппонента – России, в том числе путем фальсификации правды об исторических и современных ее достижениях.

Современные попытки фальсификации истории становятся острым идеологическим и политическим оружием, которое используется как в политических (закрепить за тем или иным государством историческое право на территорию, обосновать легитимность или нелегитимность той или иной правящей элиты), так и в экономических или иных целях.

Историческое пространство любой страны может использоваться не только как поле для сражений в современных информационных войнах, но и как средство подготовки победы или поражения, как инструмент идеологического обоснования того или иного разворота событий, как «нелетальное оружие массового поражения». Действительно, если можно изменить прошлое посредством массового идеологического и психологического давления, как показывает опыт Украины, как минимум для части населения, то можно изменить и политическое настоящее, более того, подготовить фундамент для изменения будущего.

На той же Украине сегодня в ходу экономические и политические концепции развития, исключающие сотрудничество с Россией в будущем даже в ущерб собственным гражданам. Идёт процесс сознательного

стратегического планирования на русофобской основе, когда правящая элита государства откровенно предаёт национальные интересы на будущее просто в угоду своим сознательно искаженным идеологическим представлениям, в основе которых лежат исторические мифы.

Человек как творец и интерпретатор современной истории оказался в центре информационных технологий, с беспрецедентной скоростью и радикализмом меняющих жизнь человечества. Он же, его сознание, мировоззрение – оказываются в центре информационных войн. Их цель заключается, прежде всего, в том, чтобы навязать потенциальному противнику программируемый образ мира, такого мироустройства, в котором для победителя будут складываться наиболее благоприятные условия существования и развития.

В последнее тридцатилетие США и их союзники осуществляют беспрецедентное информационное давление на политическое и историческое сознание российских граждан, проводят политику искажения и фальсификации исторической правды об итогах Второй мировой и Великой Отечественной войны, вкладе России в Победу над фашистской Германией. Защищая свои национальные интересы, российское общество на референдуме 2020 года проголосовало о внесении в Конституцию Российской Федерации важных поправок, в числе которых и о том, что Российская Федерация чтит память о защитниках Отечества, обеспечивает защиту исторической правды и не допускает умаления подвига народа при защите Отечества[505].

«Великое поколение победителей, к сожалению, уходит. – отметил Президент Российской Федерации В.В. Путин в ходе заседания Российского организационного комитета «Победа» 20 мая 2021 г., но тем выше наша ответственность за их наследие, особенно сейчас, когда мы всё чаще сталкиваемся с попытками оболгать, извратить историю, пересмотреть роль Красной армии в разгроме нацизма, в освобождении народов Европы от коричневой чумы»[506]. По мнению президента, посредством фальсификации истории Второй мировой и Великой Отечественной войн противники России проталкивают идеи пересмотра итогов Второй мировой войны, оправдания нацистских преступников.

Последствия такого кризиса исторической памяти в информационном пространстве вполне материальны и предсказуемы. Причём они могут оказаться для России гораздо серьёзнее, чем последствия финансового и экономического кризиса, западных санкций. Опасность незнания истории и деятельности её фальсификаторов, решающих лишь частные задачи информационно-психологического воздействия, таится в том, что это

---

[505] См.: Конституция Российской Федерации с изменениями, внесенными на общероссийское голосование. 2020. М.: АСТ, 2020. С. 19–20.

[506] Заседание Российского организационного комитета «Победа». Президент России. 20.05.2021. – URL: http://kremlin.ru/events/president/news/65618 (дата обращения: 21.05.2021).

позволит противникам интересов России добиться стратегических целей. Для их достижения они осуществляют фальсификацию истории как Великой Отечественной войны, так и советско-японской войны 1945 года и Второй мировой войны в целом по четырём основным направлениям:

– обвинение России (СССР) в соучастии развязывания Второй мировой войны 1939–1945 гг.;

– развенчание характера Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. как народной, освободительной, отечественной;

– лишение России права утверждать о её решающей роли в победе над фашизмом в Европе и Азии;

– обвинение России (СССР) в нарушении советско-японского пакта о нейтралитете 1941 года и агрессии против Японии в 1945 году.

Задачи, решаемые в результате фальсификации истории, условно можно разделить на четыре группы, исходя из областей деятельности, в которых формируются угрозы национальной безопасности России.

Внешняя политика: подрыв международного авторитета Российской Федерации, основ её сотрудничества с другими странами; нанесение ущерба жизненно важным интересам в политической, экономической, оборонной и других сферах.

Внутренняя политика: отрицание подвигов защитников Отечества и подвига советского народа при защите Отечества, оскорбление символов воинской славы России, ветеранов войны; подрыв традиции защиты Отечества; провоцирование социальных, политических, национальных и религиозных столкновений.

Экстремизм: глорификация фашизма и нацизма; создание условий для увековечивания памяти нацистских преступников на территории Российской Федерации; создание и развитие на ее территории мемориалов о «преступлениях» советской/российской власти в отношении других народов (например, Катынь в Смоленской обл., Медное в Тверской обл.), в том числе поддерживаемых организациями, внесёнными Минюстом России в реестр «иностранных агентов» (например, «Международный Мемориал»).

Сепаратизм: создание условий для передачи законным путём спорных территорий иностранным государствам; обвинение российского руководства в искажении и фальсификации истории; обвинение руководства страны в «убийствах» прошлого и обоснование преемственности «преступных» режимов СССР и Российской Федерации.

Успешное решение этих и других частных задач может способствовать достижению следующих целей, преследуемых фальсификацией истории в ходе информационной войны против России, каждая из которых – вызов для безопасности Российской Федерации:

– разрушение образа России как державы, играющей решающую роль в поддержании сбалансированного мирового порядка на протяжении многих веков;

– внешнеполитическая изоляция России, недоверие других стран, настороженность государств во взаимоотношениях с Россией, сомнения в соблюдении Россией союзнических обязательств, в том числе как гаранта безопасности стран СНГ, ОДКБ;

– дискредитация возможностей российской экономики, оборонно-промышленного комплекса, отказ от участия в совместных экономических проектах, закупок российского вооружения и военной техники, предоставления России новых технологий;

– подрыв чувства собственного достоинства россиян, веротерпимости, дружбы народов Российской Федерации, лишение понимания, что без массовости (народности), сплоченности и патриотизма российский народ не смог бы выстоять ни в одном из крупнейших испытаний;

– нарушение территориальной целостности Российской Федерации (например, передача по мирному договору Курильских островов в пользу Японии после признания нарушения Советским Союзом Пакта о нейтралитете 1941 г.) и лишение России статуса великой державы, права вето и её места постоянного члена Совета Безопасности ООН (затем аналогичные действия в отношении Китая);

– разрушение «Ялтинско-Потсдамской системы мироустройства», сложившейся по итогам Второй мировой войны, создание условий для нового этапа передела мира без вмешательства РФ (в том числе в рамках Единой трансатлантической стратегии против России, которую призвала принять канцлер Германии А. Меркель в ходе Конференции по безопасности в Мюнхене 19 февраля 2021 г. При этом Президент США Джо Байден чётко дал понять, что никакого диалога с Москвой США вести не будут и другим не позволят).

В случае сомнений в реализуемости приведённого выше сценария стоит обратиться к событиям конца 1980 – начала 1990-х гг., когда во многом посредством фальсификации истории произошла, по мнению В.В. Путина, крупнейшая геополитическая катастрофа XX века – разрушение СССР.

В целях повышения защищённости от информационного воздействия на население Российской Федерации, имеющего целью подрыв исторических, духовных и патриотических традиций в области защиты Отечества, и противодействия фальсификации истории предлагается:

– институционализировать систему формирования и защиты исторической правды и памяти. Для этого требуется межведомственный орган управления деятельностью по защите исторической правды. Эксперты Совета Безопасности Российской Федерации также выступают за создание в масштабе страны целостной системы, при которой в ряде министерств и ведомств существовало бы подразделение, где задачи противодействия распространению лжи об истории России стояли бы в числе приоритетных;

– разработать в рамках государственного стратегического планирования долгосрочную (на десять лет) государственную программу защиты исторической правды, которая будет иметь наступательный характер

опережающих действий России в глобальном информационном пространстве, охватывать в качестве субъектов информационного противоборства все государственные институты федерального и регионального уровня, а также общественные организации;

– предусмотреть в федеральных законодательных актах в области патриотического воспитания граждан Российской Федерации и информационной безопасности обязательность рецензирования экспертами научной, учебно-методической и творческой продукции исторического характера, формирующей общероссийскую историческую культуру, мировоззрение российского общества;

– инициировать подготовку поручения Президента Российской Федерации о разработке фундаментального многотомного исторического труда «Вторая мировая война». Разработка такого труда позволит представить на научном уровне мозаику разных версий исторической памяти, создать условия для диалога между отечественными и зарубежными специалистами, народами мира, что предполагает перевод и издание труда на иностранных языках (языках Нюрнбергского процесса);

– использовать совместное (межведомственное) финансирование издательского процесса военно-исторических трудов, разработанных сотрудниками государственных научных учреждений, образовательных организаций, а также Российского исторического и Российского военно-исторического общества. Это позволит снизить стоимость экземпляра за счёт увеличения тиража (более эффективное расходование бюджетных средств), значительно расширить целевую аудиторию (повышение качества образования молодёжи);

– ускорить работу по оцифровке документов архивов и их электронной публикации. Обеспечить перевод оцифрованных трофейных документов Германии Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Разработать долгосрочную научно-просветительскую программу перевода наиболее значимых отечественных военно-исторических трудов на иностранные языки, их издания и распространения за пределами нашей страны, перевода зарубежной военно-исторической литературы на русский язык, их издания и распространения на территории России.

В целях повышения эффективности государственной и общественной деятельности по защите национальных интересов России в XXI веке предлагается на концептуальном уровне утвердить приоритетность учета национальных интересов при формировании и реализации политики обеспечения национальной безопасности.

Отрадно, что в новой Стратегии национальной безопасности Российской Федерации 2021 года в перечне национальных интересов и стратегических национальных приоритетов одними из ключевых являются – «сбережение народа России, развитие человеческого потенциала, повышение качества жизни и благосостояния граждан» и «укрепление традиционных

российских духовно-нравственных ценностей, сохранение культурного и исторического наследия народа России»[507].

Достижение таких национальных интересов и стратегических национальных приоритетов в XXI веке возможно в том числе и за счет более широкого отражения в документах стратегического планирования аксиологических основ государственной политики обеспечения национальной безопасности, а именно – формулирования ценностных основ стратегии национальной безопасности как системы исторически сложившихся национальных святынь, идеалов и ценностей, направлений и приоритетов развития национального бытия, разделяемых абсолютным большинством нации и являющихся основой ее национальной идентичности. Этот важнейший аспект национальных интересов имеет большое пропагандистское и консолидирующее гражданское значение.

С точки зрения методологического сопровождения политики обеспечения национальной безопасности в настоящее время наиболее остро стоит проблема выбора приоритетного национального интереса и формирования собственной методологии уточнения (корректировки) национальных интересов и стратегических национальных приоритетов.

Такая методология – сложная научно-методологическая и научно-практическая задача, которая должна включать в себя несколько этапов:

– определение всего перечня приоритетов социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации;

– оценку веса каждого приоритета с точки зрения его влияния на динамику социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности;

– оценку финансово-экономических и ресурсных возможностей государства по достаточному ресурсному обеспечению реализации избранных стратегических национальных приоритетов;

– оценку последствий для обеспечения национальной безопасности нерационального выбора того или иного стратегического национального приоритета;

– набор управленческих решений для выбора и структурирования стратегических национальных приоритетов.

Формирование такой методологии представляется крайне важным для решения поставленной Президентом Российской Федерации задачи создания непротиворечивой и сбалансированной архитектуры документов стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности – и, как следствие, повышения эффективности государственного управления в данной сфере.

---

[507] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // Рос. газ. 2021. 3 июля.

4.3. Национальная идея как фундамент обеспечения и укрепления национальной безопасности Российской Федерации

В третьем десятилетии XXI века международные отношения снова приобретают идеологическую окраску. Это подразумевает под собой усиление идейной основы, яркого идейного наполнения российской внешней политики. Не участвуя в новой идейной борьбе, не формулируя для себя и для остального мира, что Россия есть в новом постгегемонистическом мире, что позитивного она дает миру, в чем ее роль и миссия и что дает сотрудничество с ней другим странам, наша страна может начать проигрывать в глобальной конкуренции, а активная внешняя политика – терять поддержку населения. Сегодня голый прагматизм внешней политики становится скорее минусом, чем плюсом.

Усиление идейной борьбы в мире связано, во-первых, с усилением глобального соперничества; во-вторых, с кризисом либерально-демократической идеологии и политических систем западных стран; в-третьих, с общим кризисом той модели капитализма, которая сформировалась в 1980-е годы резким обострением глобальных проблем и неспособности той модели капитализма предложить их адекватное решение; в-четвертых, со стремлением все большего числа стран мира, прежде всего, незападных играть самостоятельную роль в формировании современного мироустройства.

Происходит новое усиление идеологизации внешней политики США, западноевропейских стран и трансатлантических отношений. Это особенно усилилось с приходом администрации Д. Байдена, и в ближайшие годы идеологический нажим с их стороны и даже идеологическая одержимость будут нарастать.

С одной стороны, эта идеологизация является ответом на внешние вызовы – соперничество с Китаем и Россией, ослабление глобальных позиций, крах мечты об универсальном либерально-демократическом миропорядке, основанном на этой идеологии и доминировании Запада. Идеология становится важным инструментом конфронтации с противниками и консолидации союзников, возрождения «коллективного Запада», противопоставленного «миру авторитаризма», важным инструментом нового глобального раскола. Данный раскол, противопоставление «свободного мира» под лидерством США и «авторитарного мира», представленного Китаем и Россией – важнейший приоритет американской политики на ближайшие годы. Традиционные элиты европейских стран приветствуют идеологизацию, так как сами стремятся теснее сплотиться вместе с США и боятся мира, в котором лидирующие позиции все больше занимают незападные центры силы. Поэтому они тоже апеллируют к идеологии как фактору размежевания с Россией и Китаем и сближения с США, особенно с приходом Джо Байдена.

С другой стороны, усиление идеологической одержимости Запада – это ответ на внутренние вызовы. Чем ярче проявляется кризис либерально-

демократической идеологии и модели развития у них, тем яростнее они будут эту идеологию продвигать – чтобы доказать, что она жива, и чтобы задавить внутренних идеологических противников.

Кризис либерально-демократической идеологии и крах ее универсализации совпали с усилением глобального спроса на самостоятельность и суверенитет. И это совпадение – еще одна причина для усиления важности идейной борьбы в мире. Все большее число стран претендует на самостоятельность, не хотят присоединяться к западному блоку против России и Китая или наоборот, не хотят становиться сателлитами. Это качественное отличие от ситуации холодной войны, и это создает спрос на глобальном рынке идей. Многие страны третьего мира пойдут за теми, кто предложит им более привлекательную модель отношений и не станет навязывать чуждую им модель развития, а защитит ту модель, которую они выберут или сформируют для себя сами.

Значительная роль идеологии характерна не только для США, идеологическая составляющая постепенно появляется во внешней политике Китая, ранее считавшейся образцом прагматизма.

Все крупные международные игроки стремятся обращаться напрямую к народам других стран, через голову их официальной политической элиты. Стремление влиять на внутреннюю политику и друзей, и врагов становится повсеместным.

Отсутствие логичной, популярной, доступно сформулированной идейной основы, разделяемой основными политическими силами и подавляющим большинством населения, становится в таких условиях важнейшим фактором и внутренней, и внешней безопасности государства.

Вместе с тем неоднократные попытки России выработать идеологию, предпринимаемые по указанию сверху начиная с 1990-х годов, в том числе с привлечением ведущих специалистов, терпели неудачу. Подобные искусственно разработанные концепции не вызывают не только поддержки, но даже простого интереса со стороны граждан России.

Сходные проблемы возникают и в других государствах, пытающихся предлагать обществу идеологию «сверху». Например, попытки реформирования сверху идеологии Коммунистической партии Китая ведут к появлению тяжеловесных управленческих документов, которые в целом игнорируются обществом. Они слабо влияют на идущую в обществе дискуссию о развитии страны, и скорее эта живая дискуссия все больше влияет на партийное руководство.

Очевидно, что становление национальной идеологии может быть лишь многоэтапным процессом, отталкивающимся от взглядов и ценностей, разделяемых подавляющим большинством населения страны. У российского правительства не будет контроля над этим процессом, но будут определенные возможности направить его в благоприятное русло.

По мере повышения роли идеологии в российской внешней и внутренней политике возможности для разделения риторики для внешнего и внутреннего потребления будут сокращаться.

Поэтому целесообразно, чтобы идеология делала акцент на вопросах внутреннего развития, экономический, технологической и культурной экспансии, концентрации на интересах российского государства и народа, жесткой защите суверенитета, территориальной целостности и национальных интересов, но по возможности была избавлена от потенциально опасных и затратных идеологических элементов, способных задать нашей политике неверный курс в период кризиса. Печальный опыт Российской империи и СССР показывает, что к подобным элементам относятся идеи международной солидарности религиозному, идейному и особенно этническому признаку. Особенно опасными являются идеи о существовании «братских народов», нуждающихся в защите.

Заслуживает внимания принятая в китайской внешнеполитической практике концепция «коренных интересов». Под коренными интересами понимаются независимость, территориальная целостность, политическая система, национальная безопасность и ключевые интересы экономического развития. Отстаивание «коренных интересов» предполагает максимальную жесткость и наступательность, вплоть до применения военной силы. Активность за пределами сферы защиты «коренных интересов» может варьироваться в значительной степени, определяться текущей политической целесообразностью. Концепция «коренных интересов» применительно к России может встретить поддержку населения и объяснить логику российского поведения на международной арене.

Продолжая размышлять о значимости идеологии, а также национальной идее для поступательного развития общества и государства, необходимо раскрыть такое понятие, как «государственно-ориентированная идеосистема».

Государственно-ориентированная идеосистема – это всегда система идей и ценностных оснований конкретного государства, нацеленная на его успешное развитие и сформулированная в форме национально-государственной идеологии. Заявленная проблема вызывает несколько вопросов.

Во-первых, что собой представляет национально-государственная идеология? Это система идей и ценностей, выступающих в качестве ориентиров развития конкретного государства или нации. На наш взгляд, более удачным выглядит понятие «национально-государственная идеосистема» (НГИс). Термин «идеология» (от греч. «ideo» и «logie» – вид, понятие и видеть), или «наука об идеях», правильнее было бы использовать в прямом значении, в качестве названия специальной научной дисциплины, предметом которой было бы изучение идей и идеосистем, так как данная проблематика остро нуждается в изучении и твердых научных основах.

В мире существует немало примеров различных национально-государственных идеосистем. Самыми известными из них являются: в США – «американская мечта», в Китае – «китайская мечта», в Индии – «хиндутва», в Северной Корее – «чучхе», в Турции – сложное сочетание панисламизма и пантюркизма, в Германии – «немецкий порядок (немецк. – Ordnung)», в Иране – эволюция от «неоахеменизма Пехлеви» к «неошиитскому панисламизму Хомейни», в Великобритании – идеология «бремени белого человека».

У нашей цивилизации есть «русская идея», отличающаяся чрезвычайно обширной историей и библиографией. Основу её содержания составляют не столько рационально-научные аспекты изучения этого феномена, сколько иррационально-эмоциональные впечатления о нём в духе тютчевского: «Умом Россию не понять…». Поэтому для граждан России особенно важным является создание специальной науки об идеях, так как научное обоснование отечественной государственно-ориентированной идеосистемы – одна из главных задач на сегодня.

Национально-государственная идеосистема должна быть направлена в будущее, хотя базируется она на историко-мифологическом основании. Использование истории и мифологии в этом вопросе требует соблюдения чувства меры. С одной стороны, если это основание будет шатким, равнодушным, выхолощенным, то выстроенная на нём идеосистема не сможет выполнить функцию стимула развития социума, ей это будет просто не под силу. С другой стороны, если данное основание будет формироваться на искусственно созданной, вненаучной истории, на дикой, антигуманной мифологии, то на нём может вырасти идеосистема-монстр, способная «пожрать» не только всех вокруг, но и сам социум, её породивший. Пример нацистской Германии, в основу нацистской идеологии которой легли извращённые интерпретации языческих культов древних германцев и не менее странные мифологические теории «ледяного мира» Г. Горбигера и «полой Земли» П. Бендера, показывает, к каким последствиям могут привести подобные эксперименты. Правители современной Украины идут по проторенной дорожке немецкого нацизма. На полном серьёзе сочиняются мифы об украинском народе «как самом древнем на Земле», о том, что Будда и Иисус Христос были украинцами, а представители шумерской и египетской цивилизаций разговаривали на «протоукраинской мове». Все это замешивается на русофобии под рукоплескание заокеанских кураторов.

Во-вторых, отличается ли национально-государственная идеосистема от классово-групповых идеосистем (КГИс)? Если отличается, то чем? К последним относят либерализм, консерватизм, социализм, коммунизм, национализм, фашизм. Достаточно часто НГИс формировались на основе КГИс – известны примеры Италии при Муссолини или Германии при Гитлере, когда в основу государственной идеосистемы был положен национализм. Очевидно, что каждый случай всегда отличается своеобразием.

При всей близости итальянского фашизма и немецкого нацизма между ними имелось немало различий.

Пример Советского Союза так же показателен. Принято считать, что все 70 лет его существования у нас главенствовала марксистско-ленинская идеология (коммунизм), но даже за этот весьма непродолжительный с исторической точки зрения период содержание этой доктрины существенно различалось. С 1917 по 1930-е годы в нашей стране доминировали левые троцкистские взгляды, цель – «мировая революция». В 30-е – начале 50-х годов ведущими становятся державно-большевистские принципы, цель – строительство «коммунизма в отдельной стране». В хрущёвский период происходит возвращение к троцкистско-левацким взглядам. Брежневское правление отличалось своеобразным компромиссом между этими двумя формами марксизма-ленинизма.

Таким образом, НГИс достаточно часто проявляет себя как «местная», конкретная реализация КГИс. При этом есть один нюанс, на который нельзя не обратить внимание. Дело в том, что отличительной особенностью классово-групповых идеосистем является принцип партийности, то есть отстаивание интересов определённых социальных групп (классов). Если иметь в виду, что в любом государстве сосуществуют различные классы и социальные группы, то использование в государстве в качестве НГИс какой-то одной классово-групповой идеосистемы ущемит интересы представителей других групп. Это прямой путь к внутригосударственному конфликту. НГИс же по определению должна не противопоставлять различные социальные группы, а объединять их на основе неких идей, близких для большинства населения данного государства. Поэтому излишнее увлечение при создании НГИс идейным содержанием КГИс нежелательно.

В-третьих, идеосистема ориентирована на некую цель, более того, эта цель выступает для неё системообразующим фактором. Данное утверждение – непреложный постулат системного подхода. Что должно выступать в качестве такой цели? Логичнее всего предположить, что это построение в будущем определённого, желательного для данной идеосистемы типа государства. В этой сложнейшей задаче также следует выделить главное. Важны и экономика, и правовая сфера, и армия и многое другое. Все эти сферы государства являются производными от некой первостепенной цели. В качестве таковой выступает тип личности, который наиболее соответствует предполагаемому государству. Знаменитая фраза «Кадры решают всё!» здесь абсолютно к месту. Идеи и ценности, составляющие основу национально-государственной идеосистемы, представляют собой те жизненные принципы, которыми и должен руководствоваться тот тип личности, на который ориентируется данная идеосистема.

Государственно-ориентированная идеосистема должна отстаиваться и распространяться государством. Пусть не в агрессивно-тоталитарной манере, но достаточно настойчиво. Природа не терпит пустоты, в том числе

в духовной сфере. Если само государство будет игнорировать процесс воздействия на сознание своих граждан, то его заполнит кто-то другой. Примеры Украины, Грузии, да и во многом России достаточно красноречивы.

Из этого следует, что в настоящее время требуется создание отдельной науки, которая бы занималась изучением идей и идеосистем. Имеется готовое ее название «идеология» – «наука об идеях».

Государство для того, чтобы видеть реальную перспективу своего развития, должно иметь в своем арсенале национально-государственную идеосистему (НГИс). Создание российской НГИс в обязательном порядке должно опираться на истинное знание отечественной истории. Та борьба, которая развернулась сегодня за сохранение памяти о Великой Отечественной войне, свидетельствует – наши враги будут делать все, чтобы эту память уничтожить. Позиция руководства страны здесь достаточно прозрачна и вызывает поддержку подавляющего большинства россиян.

Российская НГИс не должна формироваться на какой-то одной классово-групповой идеосистеме (КГИс), так как это прямая дорога к разобщению общества. С другой стороны, НГИс должна находится в состоянии динамичного развития, внимательно прислушиваться к различным мнениям. Тем не менее, ориентироваться следует только на то, что способствуют успешному развитию России и отвергаться все, что этому мешает. Реализацию национально-ориентированной идеосистемы следует начинать с уяснения того, какой тип личности является наиболее желательным для будущего нашей страны. Сегодня уже делаются определенные шаги в этом направлении. Особое значение в этом вопросе должны сыграть те поправки к Конституции, которые были приняты нашим народом в мае 2020 года.

Государственно-ориентированная идеосистема необходима для укрепления национальной безопасности. Причем как для армии, так и для общества в целом. Такая идеосистема становится цементирующим фактором всего российского общества, так как, определяя цели развития нашей страны, придает нашей общей деятельности перспективу, без которой жизнь как отдельного человека, так и социума в целом теряет смысл.

Формирование национально-государственной системы должно осуществляться специалистами (учеными, общественными деятелями, представителями культуры), ориентированными на отечественную культуру. НГИс может появится только в результате творчества всего социума, но вербальное ее выражение – это задача истинной, государственно-ориентированной элиты.

Не вызывает сомнения факт, что будущее той или иной нации или локальной цивилизации будет определяться её идеологическим лидерством, т. е. способностью к созданию качественно новых продуктов, что является исключительной прерогативой креативного класса. В свою очередь, сам креативный класс развивается разными темпами в разных странах в разных условиях. Так, где условия наиболее благоприятны, он развивается быстро,

вытесняя из культурной и экономической жизни большинство – обслуживающий класс и пролетариат. Пока этот класс в минимальной степени заинтересован в общественно-политическом участии, т.е. не претендует на политическую власть. Это не означает, что так будет всегда и что его не будут использовать другие социальные слои в своих целях. Это происходит, например, при организации разного рода «цветных» революций, где креативный класс чаще всего задействуют «вслепую» другие социальные группы – правящая бюрократия, финансово-промышленные круги, спецслужбы, международные корпорации и пр.

В настоящее время все содержательные элементы общей конструкции национальной идеи России являются предметом обсуждения, дискуссий и имеют форму концептуальных разработок, подготовленную представителями различных областей знаний. При этом обоснованного и всеохватывающего определения, что такое национальная идея, по сути, нет.

Многие исследователи утверждают, что национальная идея формируется в момент зарождения самого общества, в истории общества и государства национальная идея не единична, с наступлением изменений, заменяется на новую. Это может не означать, что миссия прежней исполнена и актуальность утрачена, напротив, в симбиозе с вновь принятой идеей, укрепляется ее метафизическая сила, которая столетиями может оказывать влияние и менять не только общество и государство, но мир в целом.

Национальная идея не исчезает, она прирастает новой идеей, а ее предыдущая форма вживляется в общественный генотип. Свойство национальной идеи состоит в закреплении у народа понятия о высших ценностях, ради которых он живет и ради которых он готов жертвовать собой.

Национальная идея может показать самые высокие достижения исключительно в союзе с совестью и справедливостью, отраженными в национальных интересах. Всякая национальная идея должна иметь в своей основе нравственное и справедливое измерение и находиться за пределами материальных координат, тем более прибылей.

Национальная идея представляет собой систему высших ценностей, целей и смыслов, в соответствии с которыми существует общество, народ. Высшие ценности – наиболее значимые для человека образцы его бытия, то, ради чего человек живёт, ради чего он способен сознательно пожертвовать жизнью.

Россия, очевидно, является своеобразной культурно-исторической системой, имеющей свою особенную матрицу высших ценностей и целей; и, значит, имеет свою особую национальную идею, имеет свой образец, первообраз бытия и развития. Только в этом случае – самостоятельности и своеобразия своего ценностного (аксиологического) и целевого (телеологического) мировоззренческого образца, первообраза – можно говорить о наличии у некоего общества (народа) настоящей полноценной национальной идеи.

Чтобы победить некий народ, овладеть им и подавить его, нужно сломать, разрушить его ценностную матрицу, систему его высших ценностей и смыслов бытия, тогда это общество (народ) разложится изнутри, обратится в «социальное желе» и его можно будет победить голыми руками. В этом и состоит целеполагание «психоинформационных», «психоисторических» или «гибридных» войн.

Основу национальной идеи России составляют такие ключевые ценностные концепты и образцы, как:

– *справедливость* (воздаяние должного каждому в соответствии с его вкладом в общее дело, благо);

– *правда* (соответствие поступка и речи некому идеальному образцу); ценностный образец Правды тесно взаимосвязан с ценностным образцом Справедливости;

– *свобода* (воля; раскрывшаяся возможность творчества);

– *личность* (подлинная самость, индивидуальность человека).

Иные важнейшие ценностные концепты и образцы национальной идеи России: Родина, Отечество, семейные ценности и т.д.

Соответственно, национальная идея содержит в себе и соответствующее указанным высшим ценностям стратегическое целеполагание в качестве некоего проекта, причём не ограничивающегося отечественной культурно-исторической системой, а предполагаемого как проект в той или иной мере добровольного мироустройства для всего человечества. В чем же заключается проект развития России? и чем для всех россиян является наша Родина? По мнению советника Министра обороны Российской Федерации А.М. Ильницкого Россия:

– в наших просторах необъятных, позволяющих жить, не толкаясь локтями;

– в нашей цивилизационной православной миссии, в справедливой соборности, вмещающей все народы и религии. Все мы разные здесь внутри, и все мы русские там – вовне, особенно когда приходит беда;

– в нашем миролюбии. Россия – страна-миротворец. Страна, пережившая десятки войн, терявшая миллионы, но восставшая из пепла и побеждавшая, ценит мир, как никто и нигде;

– в нашем воинстве. Русский солдат любит жизнь и не ищет смерти, но готов жизнь отдать за землю нашу – таков воинский долг, и так было всегда. Нам чужого не надо, но что наше – то наше;

– в нашей семейственности, в красоте наших женщин и детей, в прекрасной природе, где есть всё для души;

– в нашей тысячелетней истории, где были и революции, и бунты, и предательство элит, и героизм народа, и великие свершения, и трагические поражения, и громкие победы;

– в нашей культуре и науке, которыми гордится всё человечество;

– в нашем суверенитете. Суть идеи России – в самом её тысячелетнем существовании.

Модель «Россия будущего» – это народная империя, основанная на принципе «самодержавия» – не в смысле восстановления монархии, а в смысле истинного народовластия, где мы – россияне – во главе с сильным государственным лидером (государем) сами себя держим через сильное местное самоуправление, каким, к примеру, было земство в конце XIX века.

Для реализации этой «рамочной модели» необходима политическая воля, новая стратегия геосоциального и геоэкономического устройства страны, базирующаяся на трёх составляющих – безопасности, сбережении народа и территориально-экономической связанности.

Необходимо формирование встроенной в систему государственного управления антикризисной социально-экономической модели мобилизационного типа, не только дублирующей/страхующей на случай возникновения разного рода гибридных кризисов типа коронавируса или техногенных сбоев в будущем, но – и это главное – формирующей платформу стабильного развития на всём пространстве нашей громадной страны на десятилетия вперёд[508].

Основным источником вызовов и угроз в отношении национальной идеи России является сегодня глобальная социально-экономическая и политическая система, глобальные элиты, чьи цели лежат в русле установления своего господства над всеми национальными государственными и культурно-историческими системами, сохраняющими ещё хоть какой-то суверенитет.

Указанная глобальная система находится сегодня в состоянии терминальной (заключительной) стадии капитализма, основными сущностными характеристиками которой являются:

– транснациональный характер, т.е. господство транснациональных корпораций и холдингов (прежде всего финансовых), иных международных структур и фондов над «национальными государствами»;

– глобальный характер, т.е. её распространённость на весь земной шар, за редким исключением;

– финансовый виртуальный характер, т.е. господство финансового сектора над реальной экономикой.

Разумеется, такого рода Система несовместима с отечественной Национальной идей, с базовыми ценностями этой Идеи и её целеполаганием, с предполагаемым в её парадигме мироустройством и, очевидно, представляет собой основной источник угроз и вызовов для российского общества, его Идеи. В силу определённых тенденций, экстенсивного типа воспроизводства данная глобальная система сегодня находится на пороге кризисного каскада, в силу чего ей жизненно необходимо совершить переход в новую формацию – «цифровой паноптикум»; тем более что уровень развития средств производства, техники, высоких технологий сегодня уже вполне позволяет совершить такого рода «революционный» переход.

---

[508] А.М. Ильницкий Бремя больших перемен. [Электронный ресурс]URL: https://www.pnp.ru/politics/vremya-bolshikh-resheniy.html (дата обращения: 12.09.2021).

Этот переход предполагает в качестве своего проектного целеполагания значительное сокращение населения планеты и постановку оставшегося под тотальный «цифровой» контроль. Власть глобальных элит, уже как высшей касты, в такого рода «перезагруженной» системе будет воспроизводиться уже не за счёт воспроизводства капитала, а с помощью населения, низведённого до обезличенного состояния.

Очевидно, что подобного рода осуществляемые ныне глобальные проектные тенденции несовместимы с основными ценностными и целевыми образцами отечественной Национальной идеи и представляют собой серьёзную угрозу и вызов национальной безопасности страны.

Противостоять вышеуказанным угрозам и вызовам Россия сможет лишь посредством обращения к своей национальной идее, путём осознания её, раскрытия её основных образцов и их актуализации. Стратегия национальной безопасности России должна выстраиваться в соответствии с национальной идеей, т.е. системой основополагающих ценностей, целей и смыслов бытия российского человека и общества.

Национальная идея является интегральным обобщением, квинтэссенцией цивилизации России на всех этапах её развития и одновременно предметом стратегического планирования её будущего, обеспечивающего и отстаивающего права, культуру, ценности, веру, сохранение и приумножение многонационального российского народа. Исторический опыт существования России свидетельствует о том, что государственная политика, направленная на отторжение от собственной цивилизации как построение «новой» цивилизации (после революции 1917 г.) или стремление «слиться» с цивилизацией Запада (в 1990-х гг.) оказалась гибельной для её ценностных оснований. Наибольший урон в результате потери связи государства с родной цивилизацией понёс государствообразующий русский народ и русская культура. Отсюда необходимость нацеливания существующих госструктур на решение русского вопроса, на «растабуирование» проблематики развития русской нации и на законодательное пресечение внутренней русофобии, составляющей вместе с русофобией внешней антирусский альянс, направленный на подавление Российской Федерации как государства-цивилизации.

При формировании представлений о национальной идее в условиях динамично изменяющейся действительности и перехода на новую воззренологическую платформу необходимо произвести либо переосмысление, либо уточнение, либо предложить новые методологические подходы к её формированию. При создании национальной идеи необходимо осуществить системные исследования на предмет изучения действительности и определения смыслового дрейфа наиболее значимых базовых национальных устремлений с выявлением скрытых и нарождающихся тенденций, которые должны быть учтены в проектных разработках.

Обеспечение и укрепление национальной безопасности России, её суверенного существования как государства-цивилизации в современном

мире невозможно без обращения к национальной идее. На вопрос о том, является ли Россия уникальной, особой, самостоятельной цивилизацией, которую следует поставить рядом с западной, китайской или индийской цивилизацией уже ответили классики цивилизационной теории Данилевский, Шпенглер и Тойнби.

Россия как евразийское государство существует и как континентальный мост, политический, транспортный и культурный посредник между мирами Востока и Запада, как ось мирового геополитического равновесия. Все эти реалии, включая особое положение России в русском мире и Евразийском экономическом союзе, должны быть составной частью идеи национального развития и восстановления, преодолевающей стагнацию и «обезьянничанье».

Для укрепления положения России на Евразийском континенте, а также дальнейшего освоения регионов Сибири необходимо осуществить проект развития городов и территории, где уже имеются многие виды ресурсов, промышленный и научный потенциал, но наблюдается дефицит кадров, а также главная проблема и угроза – депопуляция. Сибирь является ключевым связующим регионом между Арктикой, Дальним Востоком, Центральной Азией и европейской частью России. В Сибири, можно модернизировать существующие, но в первую очередь нужно построить новые города в комфортных природно-климатических зонах, логика размещения и развития которых будет привязана к природным ресурсам.

Выступая перед научным сообществом в Новосибирске, министр обороны Российской Федерации генерал армии С.К. Шойгу заявил о назревшей необходимости строительства в Сибири трёх-пяти научно-промышленных центров с населением от 300 тыс. до 1 млн человек[509].

Эти города с самой передовой архитектурой, развитой инфраструктурой и наукой, образованием и здравоохранением будут привлекательны и интересны прежде всего для молодёжи,

Именно научно-промышленных и экономических центров, которые станут новыми полюсами притяжения как для населения со всей России, так и для наших соотечественников из ближнего и дальнего зарубежья. Такие центры дадут мощный импульс развитию Сибирского региона и в конечном счёте – устойчивому развитию всей российской экономики.

В течение последних двадцати лет государство не ставило перед народами России масштабные цели национального развития, в бытие нации насильственно внедрялись чуждые ее предназначению, цивилизационной и исторической генетике ценности, нация утрачивала смысл собственного бытия и общее состояние страны ухудшалось. Отсутствие больших национальных целей привело к утрате большого смысла и предназначения российской нации и российского государства.

---

[509] Сергей Шойгу пообщался с новосибирскими учёными. – URL: http://www.sib-science.info/ru/minoborony-05082021 (дата обращения: 11.10.2021).

Предлагаемый проект развития Сибири мог бы стать отправной точкой стремительного развития Российской Федерации в XXI веке. Идеологемами данного проекта могут стать:

– переход на мобилизационную экономику и частичное закрытие от распадающегося глобального мира;

– решающее значение лидерской, организующей роли государства;

– государство берёт под свой контроль экономическое, информационное и географическое пространство страны;

– идея единого хозяйственного плана страны как ключевого организующего документа возрождения и пересоздания отечественной экономики на основе синтеза лучших сторон государственного планирования и рыночной самоорганизации;

– подчинение финансовой системы целям экономического роста, обеспечение экономики дешёвыми и длинными деньгами;

– новая территориальная политика – приоритет государства;

– формирование единого стандарта управления и качества жизни по всей территории Российской Федерации;

– обеспечение на постоянной основе приоритетов социально-экономического развития;

– рост реальных доходов населения. Данный показатель должен иметь главное, а рост ВВП – подчинённое значение;

– опора на традиционные ценности, историю и культуру России;

– сборка «русского мира» – возвращение в страну соотечественников, проживающих за рубежом;

– ключевой показатель – рост численности населения, включая рост рождаемости до уровня не ниже естественного воспроизводства населения[510].

Базовой платформой осуществления такого проекта является безопасность Российской Федерации, где ОПК – центр мобилизации, возрождения экономики, включая принципы контроля и планирования на основе Государственного оборонного заказа (ГОЗ), а вооруженные силы России основной источник идеологии служения Отечеству, центр формирования и воспитания новых национально ориентированных управленцев для государства.

Роль вооруженных сил как источника идеологии служения Отечеству важна и потому, что провозглашенная после распада Советского Союза деидеологизация государства оказалась порочным принципом государственного строительства. Этот лозунг не только дезориентировал нацию, но и привел к тому, что роль государственной идеологии стали играть антисоциальные принципы «наживы любой ценой», а национальная идентичность России подверглась разрушению.

---

[510] А.М. Ильницкий Бремя больших перемен. [Электронный ресурс]. URL: https://www.pnp.ru/politics/vremya-bolshikh-resheniy.html (дата обращения: 12.09.2021).

Утратив старую идеологию, Россия не имеет необходимого базиса развития, как системы целей и приоритетов национального развития, как основы формирования своей идентичности и всех государственных политик.

Без национальной идеологии, понимаемой как собственное нравственное национальное миросозерцание (мировоззрение), а значит, без нравственных оснований национальной стратегии и нравственного управления национальным бытием невозможно никакое позитивное развитие[511].

Президент Российской Федерации В.В. Путин считает, что для России не может быть никакой другой объединяющей идеи, кроме патриотизма. «У нас нет никакой и не может быть никакой другой объединяющей идеи, кроме патриотизма». По словам Президента России, идея патриотизма «не идеологизирована, не связана с работой партии или какой-то общественной структуры»[512].

Патриотизм – это магнитный стержень, вокруг которого индивиды складываются в общность и обруч, который предупреждает ее рассыпание и на отдельные кластеры и обособляет от других подобных образований. Иными словами, патриотизм исполняет функции идентификации, консолидации, мобилизации и мотивации, благодаря чему миллионы людей действуют как один, внося свой вклад в развитие и укрепление страны[513]. Такая его роль определяется и выражается в том, что патриотизм:

– сохраняет и культивирует идентичность народа и индивидов, без чего, по словам В.В. Путина, «страна не будет существовать. Она просто изнутри развалится, как кусок сахара, намоченный водой»[514];

– сплачивает общество, стабилизирует социально-политическую обстановку в стране, предупреждает возникновение конфликтов и угроз;

– относится к числу духовно-нравственных ценностей, формирующих фундамент государственности;

– является нравственным императивом восстановления великодержавного статуса России, защиты ее территориальной целостности и суверенитета;

– служит идейной и теоретической основой выработки суверенной внешней политики государства;

– всегда был и остается фактором победоносности народа и его русской/советской/российской армии.

Роль патриотизма возрастает на крутых изломах истории, требующих резкого повышения напряжения сил граждан. Такая ситуация сложилась ныне из-за политика США и их союзников по «сдерживанию России»,

---

[511] См.: *Владимиров А.И.* О необходимости и основах национальной идеологии России. М.: Кнорус, 2016.

[512] В.В. Путин о патриотизме. – URL: https://www.rbc.ru/politics/03/02/2016/56b1f8a79a7947060162a5a7 (дата обращения 13.09.2021).

[513] См.: Большая пресс-конференция Владимира Путина. 20 декабря 2018 г. – URL: http://kremlin.ru/events/president/news/59455 (дата обращения 03.09.2021).

[514] Встреча со студентами юридических вузов Москвы. – URL: http://kremlin.ru/events/president/news/19778 (дата обращения 03.11.2021).

оказанию на нее военного и политического, экономического и информационного давления.

В современной России преодолевается дефицит (или даже системный кризис) патриотизма, обусловленный политикой новой элиты, пришедшей к власти на волне антисоциалистической революции. В 2020 году на вопрос: «Патриот вы или нет?» − 46 % респондентов ответили: «Безусловно, да», и 43 % – «скорее да»[515]. Есть и другие цифры: 20 % ответивших хотели бы уехать из России и жить за границей по окончании обучения, так как «в другой стране больше возможностей реализовать себя»[516]. При этом 7,4 % не считают себя патриотами, 9,6 % «скорее не считают» себя таковыми и 8,3 % затруднились с ответом на этот вопрос, что в целом составило тревожную цифру – 25 %[517].

Приведенные цифры вдохновляют, но и настораживают: уверенно называют себя патриотами менее половины населения. Необходимость наращивания усилий государства и гражданского общества в этом направлении продиктована и тем, что геополитические антагонисты России целенаправленно и настойчиво стремятся разрушить патриотизм российского народа. Их медийные атаки на население имеют целью в том числе подрыв исторических, духовных и патриотических традиций в области защиты Отечества.

В последние годы в России многое сделано и делается в плане патриотизации (увеличению числа и влиянию патриотов) населения. В 2001–2020 гг. реализованы 4 государственные программы патриотического воспитания, с 1 января 2021 г. стартовала в рамках национального проекта «Образование» пятая программа, которая предусматривает вовлечение к 2025 году в систему патриотического воспитания 25 % граждан Российской Федерации.

Между тем есть еще резервы для совершенствования работы по патриотическому воспитанию граждан России:

– совершенствование организационно-управленческих механизмов, в том числе механизмов межведомственного взаимодействия по реализации направлений системы воспитания;

– обновление содержания и технологий, расширение средств и методов патриотического воспитания;

– повышение квалификации кадрового потенциала патриотического воспитания;

– развитие научно-методических и информационных механизмов патриотического воспитания;

---

[515] См.: *Полякова В.* За 20 лет доля «безусловных» патриотов России снизилась почти вдвое. – URL: https://www.rbc.ru/society/11/06/2020/5ee21a7c9a7947432c97b414 (дата обращения: 11.06.2020).

[516] *Чуев С.В., Тимохович А.Н., Гришаева С.А.* Политические ценности российской молодежи: материалы исследования // Власть. 2017. № 11. С. 55–56.

[517] См.: *Отроков О.Ю.* Новые вызовы молодежной политики: причины изменений и перспективы развития // Власть. 2017. № 9. С. 185. С. 45-48.

– развертывание материально-технической базы и инфраструктуры патриотического воспитания.

Выстраиваемая на этих принципах патриотическая повестка будет укреплять в новых поколениях базовые ценности народа и тем самым – национальную безопасность России.

Президент Российской Федерации В.В. Путин, выступая на пленарной сессии XVIII заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай», посвятил вопросам сохранения и приумножения базовых ценностей российского общества и российского государства особое внимание. В частности, он отметил, что В современном хрупком мире значительно возрастает важность твердой опоры, моральной, этической, ценностной. По сути, ценности – это продукт культурно-исторического развития каждой нации, и продукт уникальный. Взаимные переплетения народов, без сомнения, обогащают, открытость расширяет кругозор и позволяет по-иному осмыслить собственную традицию. Но этот процесс должен быть органичным и не бывает быстрым. А чуждое все равно будет отторгнуто, возможно даже в резкой форме. Попытки ценностного диктата в условиях неопределенных и непредсказуемых перспектив еще больше осложняют и без того острую ситуацию и влекут обычно обратную реакцию и обратный ожидаемому результат.

Сейчас, когда мир переживает структурный слом, значение разумного консерватизма как основы политического курса многократно возросло именно в силу множащихся рисков и опасностей, хрупкости окружающей нас реальности. Консервативный подход – не бездумное охранительство, не боязнь перемен и не игра на удержание, тем более не замыкание в собственной скорлупе. Это прежде всего опора на проверенную временем традицию, сохранение и преумножение населения, реализм в оценке себя и других, точное выстраивание системы приоритетов, соотнесение необходимого и возможного, расчетливое формулирование цели, принципиальное неприятие экстремизма как способа действий.

На предстоящий период мирового переустройства, который может продолжаться довольно долго и окончательный дизайн которого неизвестен, умеренный консерватизм – самая разумная линия поведения. Наш консерватизм – это консерватизм оптимистов. Мы верим, что стабильное, успешное развитие возможно. Все в первую очередь зависит от наших собственных усилий. И, конечно, мы готовы работать с нашими партнерами ради общих благородных целей[518].

---

[518] Владимир Путин принял участие в пленарной сессии XVIII заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай». – URL: http://kremlin.ru/events/president/news/66975 (дата обращения 17.10.2021).

4.4. Правовые меры обеспечения военной безопасности Российской Федерации

В настоящее время решение проблемы обеспечения обороны и безопасности страны зависит не только от наличия достаточного военного потенциала, но и от способности государства предотвратить военный конфликт, либо сдержать потенциального агрессора, в том числе комплексом мер военного и невоенного характера.

Приверженность Российской Федерации к использованию невоенных: политических, дипломатических, правовых, экономических, экологических, информационных и других инструментов защиты национальных интересов России и ее союзников отражена в Военной доктрине Российской Федерации (п. 5)[519]. Нейтрализация возможных военных опасностей и военных угроз политическими, дипломатическими и иными невоенными средствами (п. 21 Военной доктрины Российской Федерации) является основной задачей государства по сдерживанию и предотвращению военных конфликтов, т.е. обеспечению военной безопасности.

Существенная роль отводится мерам правового характера, которые формируют правовое поле в сфере обеспечения военной безопасности. Это деятельность государственных и негосударственных институтов, субъектов по подготовке законов, положений, договоров, соглашений и других правовых актов, на основании которых осуществляется регулирование в сфере межгосударственных и внутригосударственных отношений в целях гарантированного предотвращения возможной агрессии и надежной защиты национальных интересов государства.

В данном исследовании представлены меры международно-правового характера, связанные с членством Российской Федерации в ОДКБ, а также меры внутригосударственного характера по вопросам применения Вооруженных Сил Российской Федерации в условиях новых вызовов и угроз.

Содержательная часть раскрывается согласно следующей логике и порядку осуществления исследования: проблемные вопросы правового регулирования; неблагоприятные последствия предписаний правовых норм; правовые средства разрешения деформаций правового поля; предложения и рекомендации субъектам права законодательной инициативы, правотворческим органам, рабочим группам, обеспечивающих их деятельность.

Анализ законодательства Российской Федерации в части исполнения международных обязательств России по коллективной обороне в формате ОДКБ выявил следующие проблемные вопросы в сфере обеспечения военной безопасности.

---

[519] Военная доктрина Российской Федерации (утв. Президентом РФ 25 декабря 2014 г.№ Пр-2976) // Российская газета. 30.12.2014. № 298.

Согласно нормам международного права, агрессия против государства – члена ОДКБ является агрессией против Российской Федерации (ст. 4)[520]. Согласно же нормам законодательства России (подп. «е» п. 33 Военной доктрины Российской Федерации), данный юридический факт определяется как непосредственная угроза агрессии. Более того, специальный федеральный конституционный закон[521], регламентирующий правоотношения в условиях правового режима «военного положения», не содержит оснований для его введения, установленных Договором о коллективной безопасности. Нормы федерального конституционного закона и Военной доктрины Российской Федерации не корреспондируют друг другу. Налицо юридическая коллизия норм права в совокупности с дефектами системности.

По нашему мнению, сплошные противоречия, порождаемые содержанием нормы подп. «е» п. 33 Военной доктрины Российской Федерации, коренятся в ее архитектуре. Налицо факт соединения в ее правовой конструкции элементов, относящихся к различным правовым институтам (чрезвычайным правовым режимам), а также неудачная унификация оснований, порядка применения силы государством и определением, в связи с этим задач для Вооруженных Сил Российской Федерации.

Указанные недостатки юридической техники могут привести к превышению пределов необходимой обороны и иметь неблагоприятные правовые последствия в форме ответственности государства, а также иные сопутствующие им – потеря имиджа государства на международной арене.

Избежать указанные неблагоприятные правовые последствия возможно методом преодоления коллизии норм международного и национального права и дефектов системности.

Представляется, что данная комплексная правовая ситуация должна быть разрешена по правилам, определенным ст. 15 Конституции Российской Федерации в порядке примата международного права и юридической силы акта. Результатом такого обоснования представляются следующие предложения:

1. Вооруженное нападение на государство – члена ОДКБ должно рассматриваться в качестве самостоятельного акта агрессии против Российской Федерации и быть закреплено в Федеральном конституционном законе «О военном положении».

2. Положения Военной доктрины Российской Федерации (подп. «е» п. 33) должны быть приведены в соответствие с требованиями Федерального конституционном закона «О военном положении».

Рекомендуется следующая правовая форма данных предложений:

---

[520] Договор о коллективной безопасности от 15 мая 1992 г. (с изменениями, внесенными Протоколом о внесении изменений в Договор о коллективной безопасности от 15 мая 1992 г., подписанным 10 декабря 2010 г.).

[521] Федеральный конституционный закон от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении» (в ред. от 1 июля 2017 г.) // Российская газета. 2 февраля 2002. № 21.

1. Дополнить п. 2 ст. 3 Федерального конституционном закона «О военном положении» новым подпунктом в порядке очередности следующего содержания: *«7) нападение вооруженных сил государства (группы государств) на государство – члена Организации Договора о коллективной безопасности».*

2. Изложить подп. «е» п. 33 Военной доктрины Российской Федерации в новой редакции: *«Основными задачами Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск и органов по выполнению международных обязательств Российской Федерации в сфере коллективной обороны является отражение агрессии против государства – члена Организации Договора о коллективной безопасности в порядке, определяемом нормами международного права и законодательством Российской Федерации».*

Данные рекомендации адресованы субъекту права, осуществляющему экспертизу документов планирования военного строительства для определения их соответствия законодательству Российской Федерации, а также целям и задачам национальной безопасности – Совету Безопасности Российской Федерации.

Исследование также показало, что комплекс технико-юридических дефектов ст. 4 Договора о коллективной безопасности есть суть ложных элементов объектного состава агрессии (безопасность, стабильность, территориальная целостность); ограничительного толкования понятия «агрессии» через единичный акт (вооруженное нападение); семантической ошибки в структуре диспозиции статьи в форме не сочетаемой фразы «вооруженное нападение, угрожающее…».

Указанные обстоятельства обосновывают необходимость корректировки ст. 4 Договора о коллективной безопасности посредством: а) исключения ошибочных объектов агрессии таких как: безопасность, стабильность, территориальная целостность; б) устранения семантической ошибки в структуре диспозиции статьи исключением словосочетания «вооруженное нападение, угрожающее…»; в) рецепции правовой конструкции «агрессия» (понятие ООН) как модели правотворчества ОДКБ.

По нашему мнению, ее правовая архитектура с учетом перечисленных рекомендаций должна иметь следующую форму: *«Если одно из государств – участников подвергнется агрессии (применению вооруженной силы против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости), то это будет рассматриваться государствами – участниками как агрессия (применение вооруженной силы против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости) в отношении всех государств – участников настоящего Договора».*

Данные рекомендации могут быть использованы в качестве инициативы Российской Федерацией по внесению поправки, реализуемой в порядке ст. 9 Договора о коллективной безопасности.

Таким образом, исполнение союзнических обязательств Российской Федерацией в случае начала военных действий при наступлении условий, соответствующих Договору о коллективной безопасности (ст. 4) в случае агрессии против одного из государств – участников оборонительного военного союза (от лат. Casus foederis) – означает оказание помощи союзнику в случае военного нападения третьей стороны. Статья 51 Устава ООН прямо называет право на коллективную оборону «неотъемлемым» для членов организации, подвергшихся вооруженному нападению. Коллективная самооборона проистекает из юридически оформленных обязательств государств по отношению друг к другу.

Разрешение имеющегося противоречия между потребностями государств – членов ОДКБ в действенной системе коллективной безопасности и несоответствующей ей системе норм международного и внутригосударственного права должно идти по пути надлежащего правового обеспечения. Препятствием на этом пути является комплексная правовая ситуация (коллизия норм международного и национального права с дефектами системности) и комплекс технико-юридических дефектов ст. 4 Договора о коллективной безопасности. Решение данной задачи может быть осуществлено в форме правотворчества следующими техниками:

1. *Изложить статью 4 Договора о коллективной безопасности в редакции: «Если одно из государств – участников подвергнется агрессии (применению вооруженной силы против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости), то это будет рассматриваться государствами – участниками как агрессия (применение вооруженной силы против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости) в отношении всех государств – участников настоящего Договора».*

2. Дополнить п. 2 ст. 3 Федерального конституционного закона «О военном положении» новым подпунктом в порядке очередности следующего содержания: *«7) нападение вооруженных сил государства (группы государств) на государство – члена Организации Договора о коллективной безопасности».*

3. Изложить подп. «е» п. 33 Военной доктрины Российской Федерации в новой редакции: *«Основными задачами Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск и органов по выполнению международных обязательств Российской Федерации в сфере коллективной обороны является отражение агрессии против государства – члена Организации Договора о коллективной безопасности в порядке, определяемом нормами международного права и законодательством Российской Федерации».*

Представляется, что реализация указанных предложений будет являться существенным вкладом в совершенствование правового обеспечения механизма коллективной обороны военно-политического союза ОДКБ с участием Российской Федерации.

Анализ законодательства Российской Федерации, регламентирующего участие России в коалиционном военном строительстве ОДКБ выявил следующие проблемные вопросы в сфере обеспечения военной безопасности.

Российская Федерация как суверенное государство использует все имеющиеся в ее распоряжении силы и средства для обеспечения военной безопасности. С этой целью устанавливаются регламентированные правом основы применения Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, их основные задачи в мирное время, в период непосредственной угрозы агрессии и в военное время. В документе стратегического планирования – Военной доктрине Российской Федерации данные правоотношения составляют предмет военной политики государства и регламентированы в Разделе III.

Согласно п. 29 Военной доктрины Российская Федерация выделяет воинские контингенты в состав миротворческих сил ОДКБ для участия в операциях по поддержанию мира по решению Совета коллективной безопасности ОДКБ. Российская Федерация выделяет воинские контингенты в состав Коллективных сил оперативного реагирования ОДКБ, Коллективных сил быстрого развертывания Центрально-Азиатского региона коллективной безопасности в целях оперативного реагирования на военные угрозы в отношении государств – членов ОДКБ и решения иных задач, определенных Советом коллективной безопасности ОДКБ.

Однако анализ правовых норм, закрепляющих и регулирующих правоотношения государств – членов ОДКБ по использованию имеющихся в их распоряжении сил и средств в интересах коллективной безопасности Организации[522] приводит к иному выводу. Правовой постулат о решении задач поддержания мира и обеспечения международной безопасности составом сил, которые определены в праве термином «воинский контингент», верный – но не полный. Дефект правового предписания нормы п. 29 Военной доктрины Российской Федерации коренится в усеченном составе сил обеспечения военной безопасности, охватывающем исключительно воинские контингенты, однако, как было установлено исследованием, не учитывающим вторую ее составляющую – формирования сил специального назначения. Такая правовая конструкция не соответствует

---

[522] Договор о коллективной безопасности от 15 мая 1992 г. (с изменениями, внесенными Протоколом о внесении изменений в Договор о коллективной безопасности от 15 мая 1992 г., подписанным 10 декабря 2010 г.); Соглашение о Коллективных силах оперативного реагирования Организации Договора о коллективной безопасности. – URL: http://docs.cntd.ru/document/902272592 (дата обращения: 02.06.2021); Решение Комитета секретарей советов безопасности и Совета министров обороны Организации Договора о коллективной безопасности о типовых структуре и штате Командования Коллективных сил оперативного реагирования Организации Договора о коллективной безопасности. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31589218#pos=1;-159 (дата обращения: 02.06.2021); Стратегия коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности на период до 2025 года. – URL: http://odkbcsto.ord/documents/detail.php?ELEMENT_ID=1672 (дата обращения: 02.06.2021).

обязательствам России по международным договорам и практике коалиционного военного строительства на пространстве ОДКБ. Более того, правовой фактор оказывает существенное влияние на систему управления войсками.

Система управления войсками реализует потенциальные возможности всех войсковых формирований в их совокупности и в соответствии с предназначением и потенциальными возможностями. Только посредством управления возможно в целях реализации плана применения коллективных сил добиться высокой боевой готовности подразделений, умелого сосредоточения усилий войск и непрерывности их взаимодействия, осуществить гибкий маневр и всестороннее обеспечение. Элементом управления войсками является оценка своих сил и сил противника. Оценка сил противника по критерию «воинские контингенты» не отражает силы противостоящей стороны, инициирующие риски военной безопасности, но формально не попадающие под определение воинских контингентов (силы специальных операций, частные военные компании, иные иррегулярные вооруженные формирования).

Дихотомия правовых последствий предписания п. 29 Военной доктрины Российской Федерации имеет негативные последствия при оценке собственных (коалиционных) сил – исключает силы, привлекаемые для совместного решения задач военной безопасности с воинскими контингентами, или в необходимых случаях, используемых самостоятельно для парирования военных угроз.

Следовательно, выявленный дефект правового предписания нормы п. 29 Военной доктрины Российской Федерации не только ограничивает потенциальные возможности участия России в составе сил коллективной безопасности ОДКБ, но и оказывает влияние на управление коалиционными войсками (силами).

Приходим к выводу о необходимости детализации п. 29 Военной доктрины Российской Федерации указанием на контингенты войск (сил), предоставляемых Российской Федерацией в состав КСОР ОДКБ.

Подобное авторское предложение по своей сути корреспондирует терминологии, используемой в Соглашении о КСОР ОДКБ (ст. 1)[523] и является оптимальным с позиций юридической техники. Представляется, что данное предложение является уместным и для контингентов, выделяемых в состав КСБР ЦАР и Миротворческих сил ОДКБ (п. 29 Военной доктрины Российской Федерации).

Охват единым термином «войска (силы)» всей совокупности сил коллективной безопасности Организации – суть технико-юридического средства нормативно-правового обеспечения деятельности ОДКБ с учетом выявленных факторов.

---

[523] Соглашение о Коллективных силах оперативного реагирования Организации Договора о коллективной безопасности. – URL: http://docs.cntd.ru/document/902272592 (дата обращения: 02.06.2021).

Указанные обстоятельства обосновывают необходимость корректировки п. 29 Военной доктрины Российской Федерации посредством замены термина «воинские контингенты», другим – «контингенты войск (сил)». Решение данной задачи может быть осуществлено в форме правотворчества следующими технико-юридическими средствами:

1. Изложить первое предложение п. 29 Военной доктрины Российской Федерации в редакции: *«Российская Федерация выделяет контингенты войск (сил) в состав миротворческих сил ОДКБ для участия в операциях по поддержанию мира по решению Совета коллективной безопасности ОДКБ».*

2. Изложить второе предложение п. 29 Военной доктрины Российской Федерации в редакции: *«Российская Федерация выделяет контингенты войск (сил) в состав Коллективных сил оперативного реагирования ОДКБ, Коллективных сил быстрого развертывания Центрально-Азиатского региона коллективной безопасности в целях оперативного реагирования на военные угрозы в отношении государств – членов ОДКБ и решения иных задач».*

Представляется, что потенциал, заложенный в нормах Военной доктрины Российской Федерации, может быть использован в большем объеме при корректировке ряда ее положений. Технико-юридические приемы и средства гармонизации военного законодательства в данной предметной области могут быть, например, использованы в авторском вариативном подходе. Высказанные предложения позволяют в том числе разрешить имеющееся противоречие в правовом регулировании участия Российской Федерации в коалиционном военном строительстве ОДКБ и внести вклад в обеспечение военной безопасности российского государства.

Анализ антитеррористического законодательства выявил следующие проблемные вопросы организационно-управленческих основ коалиционного антитеррористического сотрудничества в формате ОДКБ.

Востребованы временем в части сближения и гармонизации положений специальных законов государств – членов ОДКБ о противодействии терроризму: базовые принципы государственной политики по противодействию терроризму и направления государственной политики в сфере противодействия экстремизму; проведение контртеррористических операций[524]. К числу таких базовых принципов по законодательству Российской Федерации относится принцип «единоначалия в руководстве привлекаемыми силами и средствами при проведении контртеррористических

[524] Постановление Совета ПА ОДКБ от 26.11.2015 г. № 22 «Об объединении усилий парламентариев государств – членов ОДКБ и ШОС в противодействии терроризму и иным формам насильственного экстремизма на современном этапе» // Приложение к «Информационному бюллетеню». 2016. № 64. С. 136. – URL: http://www. paodkb.ru (дата обращения: 02.06.2021).

операций» (п. 8 ст. 2)[525]. Реализация данного принципа в деятельности ОДКБ заслуживает особого внимания.

Обратимся с этой целью к норме права (п. 4 ст. 9)[526], которая не имеет аналогий в сфере регулирования военно-служебных отношений, нивелирует принципы субординации и подчинения. Как следует из содержания исследуемой статьи, руководитель подразделения специального назначения (группы специалистов) органа безопасности (спецслужбы) или органа внутренних дел (полиции) направляющей Стороны в период подготовки плана проведения совместной операции вправе по согласованию с руководителем соответствующего министерства или ведомства своего государства *отказаться от участия* руководимого им подразделения (группы специалистов) в отдельных мероприятиях. При этом отказ оформляется в письменной форме в виде рапорта с указанием причин отказа.

Такая правовая норма «уникальна» как по содержанию, так и по структуре. Направленность правовой нормы нацелена на положительный результат. В нашем случае совместное решение задач, установленных в п. 3 ст. 9 Соглашения: участие в разоружении и ликвидации незаконных вооруженных формирований; участие в пресечении актов терроризма; участие в противодействии массовым беспорядкам, препятствующим выполнению поставленных задач; участие в пресечении деятельности и ликвидации организованных преступных групп; участие в обеспечении безопасности государственных объектов; участие в проведении специальных мероприятий по обнаружению, изъятию, обезвреживанию, перевозке и уничтожению взрывоопасных предметов.

На наш взгляд, такой способ управомочивания непосредственного адресата (руководителя подразделения специального назначения (группы специалистов) в форме «отказа участвовать в мероприятиях совместной операции» порождает следующие негативные последствия: срыв боевой задачи, ослабление боевого потенциала контингента. Объективно создаются условия разноведомственной разобщённости в случаях, если такие отказы примут массовый характер. Кроме того, управление войсками (силами) на этапе планирования совместной операцией, ослаблено отсутствием контроля и обоснованности решений. Так, достаточным основанием для «отказа участвовать в мероприятиях совместной операции» нормы права определяют причины, которые руководитель указывает в рапорте.

Налицо технико-юридические ошибки построения правовой нормы. Двухзвенная структуры исследуемой правовой нормы должна быть определена в соответствии с правилами законодательной техники: гипотеза первична, диспозиция вторична. Правовое предписание «… по согласованию

---

[525] Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 11. Ст. 1146.

[526] Соглашение о Коллективных силах оперативного реагирования Организации Договора о коллективной безопасности. – URL: http://docs.cntd.ru/document/902272592 (дата обращения: 02.06.2021).

с руководителем соответствующего министерства или ведомства своего государства…» типичная гипотеза правовой нормы. Следовательно, требуется структурировать норму права – гипотеза, диспозиция. Структурная неразбериха нормы права порождает и неразбериху управленческую. Ведомый становится ведущим. Руководитель подразделения принимает решение, а старший начальник в ранге министра соглашается с его решением.

Этот явный управленческий анахронизм возможно устранить следующим образом. Предложения о целесообразности участия специального подразделения в планируемой совместной операции или на конкретном этапе, в отдельных мероприятиях должны действительно инициироваться руководителем специального подразделения. Однако окончательное решение принимается в министерстве или ведомстве государства направляющей Стороны.

В этой связи п. 4 ст. 9 Соглашения предлагается изложить в новой редакции: *«Руководитель подразделения специального назначения (группы специалистов) органов безопасности, внутренних дел (полиции) направляющей Стороны в период подготовки плана совместной операции представляет предложения о необходимости участия руководимого им подразделения (группы специалистов) в отдельных мероприятиях на решение руководителя соответствующего министерства или ведомства своего государства».*

Новая редакция анализируемой статьи, основанная на принципе субординации, устраняет управленческий анахронизм, повышает эффективность правового регулирования, обеспечивает положительный результат.

Кроме того, новая правовая архитектура выстроена в соответствие с векторами управленческой коммуникации. Так, на этапе планирования совместной операции и практической подготовки органов управления, контингентов КСОР к предстоящим действиям, работа осуществляется по принципу «снизу-вверх», решение принимается Командованием КСОР – по принципу «сверху-вниз». Командующий КСОР принимает решение на операцию единолично, на основе всестороннего уяснения полученной задачи и детальной оценки обстановки.

Выводы из анализа ежегодных совместных учений КСОР «Взаимодействие», совместного тактико-специального учения спецподразделений органов внутренних дел (полиции) «Кобальт» обосновывают необходимость консолидации норм об основах подготовки и применения КСОР ОДКБ в едином нормативном правовом акте.

Полагаем, что в структурном отношении акт органично соединит единую терминологию предметной области правового регулирования, а также основы подготовки национальных контингентов, контроль готовности к боевому применению, порядок развертывания и переход в непосредственное подчинение Командующего КСОР. Кроме того, основы

конкретизируют: порядок применения сил и средств, организацию управления (органы, пункты, средства, способы управления). Задачи, формы, способы и виды всестороннего обеспечения КСОР: оперативное, материально-техническое, морально-психологическое, медицинское, финансовое объединятся в самостоятельную главу. Заключение детализирует перечень и формы отрабатываемых документов при подготовке и в ходе совместных операций.

Выявленные в ходе исследования дефекты юридических конструкций и как следствие недостатки, противоречия, и несоответствия правового регулирования позволили сформулировать следующие *предложения и рекомендации, направленные на совершенствование правового регулирования организационно-управленческих основ коалиционного антитеррористического сотрудничества в формате ОДКБ.*

По линии коррекции существующих правовых норм – изложить п. 4 ст. 9 Соглашения о Коллективных силах оперативного реагирования Организации Договора о коллективной безопасности в новой редакции: *«Руководитель подразделения специального назначения (группы специалистов) органов безопасности, внутренних дел (полиции) направляющей Стороны в период подготовки плана совместной операции представляет предложения о необходимости участия руководимого им подразделения (группы специалистов) в отдельных мероприятиях на решение руководителя соответствующего министерства или ведомства своего государства».*

По формированию нового комплекса правовых норм: разработать и принять «Основы подготовки и применения КСОР ОДКБ», предназначенные для использования при подготовке и проведении совместных операций и учений КСОР.

Консолидированные предложения представлены в таблице 7.

Таблица 7 – Предложения по совершенствованию правового обеспечения коалиционного антитеррористического сотрудничества в формате ОДКБ

№ п/п	**Существующая редакция**	**Предлагаемая редакция**	**Обоснование предлагаемых изменений**
1 направление – Коррекция существующих правовых норм Соглашение о Коллективных силах оперативного реагирования Организации Договора о коллективной безопасности			
1.	**п. 4 ст. 9** Руководитель подразделения специального назначения (группы специалистов) органа безопасности (спецслужбы) или органа внутренних дел (полиции) направляющей Стороны в	**п. 4 ст. 9** Руководитель подразделения специального назначения (группы специалистов) или органов безопасности, внутренних дел (полиции) направляющей Стороны в период подготовки плана	1. Устраняется управленческий анахронизм. 2. Повышается эффективность правового регулирования. 3. Обеспечивается

	период подготовки плана проведения совместной операции вправе по согласованию с руководителем соответствующего министерства или ведомства своего государства отказаться от участия, руководимого им подразделения (группы специалистов) в отдельных мероприятиях	совместной операции представляет предложения о необходимости участия руководимого им подразделения (группы специалистов) в отдельных мероприятиях на решение руководителя соответствующего министерства или ведомства своего государства	положительный результат. 4. Согласуются векторы управленческой коммуникации
2 направление – Формирование нового комплекса правовых норм Основы подготовки и применения Коллективных сил оперативного реагирования Организации Договора о коллективной безопасности			
2.	- единая терминология предметной области; - основы: подготовки (национальных контингентов, контроль их готовности, порядок развертывания и переход в непосредственное подчинение Командующего КСОР), применения (сил и средств), управления (органы, пункты, средства, способы управления), всестороннего обеспечения КСОР (оперативного, материально-технического, морально-психологического, медицинского, финансового), задачи, формы и способы обеспечения; - перечень форм отрабатываемых документов при подготовке и в ходе совместных операций		

Анализ законодательства Российской Федерации в части применения Вооруженных Сил РФ в условиях новых вызовов и угроз выявил следующие проблемные вопросы военной безопасности.

Общие закономерности изменения предназначения вооруженных сил, детерминированные новыми угрозами и вызовами военной безопасности, наглядно демонстрирует законодательство Российской Федерации (п. 2.1, ст. 10.1 Федерального закона «Об обороне»). Полный спектр задач, некогда считавшийся «не свойственным вооруженным силам», определен также в п. 32 Военной доктрины Российской Федерации.

В этой связи норма Федерального закона «Об обороне», п. 3 ст. 10 согласно которой «Привлечение Вооруженных Сил Российской Федерации к выполнению задач с использованием вооружения не по их предназначению производится Президентом Российской Федерации в соответствии с федеральными законами» являет собой правовой рудимент.

Неблагоприятные правовые последствия наличия в теле закона фиктивных норм очевидны: внеправовые формы использования военной силы и более тяжкие по результату цели достижения государственного управления, не сравнимые с административно-правовыми или уголовно-правовыми мерами.

Пути решения проблемы:

1. Оперативный – исключить фиктивную норму из теста нормативного правового акта.

2. Правотворческий – разработать нормы права, которые способны регламентировать общественные отношения в возможных ситуациях насилия.

Второй путь представляется предпочтительным и перспективным. Резервирование возможных случаев участия Вооруженных Сил Российской Федерации в обеспечении военной безопасности России (п. 3 ст. 10 Федерального закона «Об обороне») является действенным способом предания гибкости правому механизму использования вооруженной силы в интересах обеспечения общественной безопасности.

Препятствием на этом пути является действующая система норм в части использования силы в условиях новых вызовов и угроз, которая характеризуется рассогласованностью источников, в которых они закреплены, противоречивостью и проблемностью, коллизией общих норм и специального правового режима. Указанные обстоятельства требуют принять следующие правовые меры.

1. Реализовать право законодательной инициативы по проекту № 392028-3 Федерального закона «О Вооруженных Силах Российской Федерации».

Данная мера позволяет:

– систематизировать нормы, определяющие предназначение, основные задачи, структуру и состав, основы деятельности, порядок руководства, управления и обеспечения Вооруженных Сил Российской Федерации в специальном законе;

– обеспечить взаимосвязь между документами стратегического планирования, концепциями применения войск (сил) и уставными документами;

– развивать нормативную правовую базу в части основ применения войск (сил) в вооруженных конфликтах и в мирное время (в особых условиях, кризисных ситуациях).

2. Использовать следующие средства технико-юридического характера:

– исключить из подп. 3 п. 1 ст. 5 Федерального закона «Об обороне», правовое предписание «а также о привлечении Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов с использованием вооружения к выполнению задач не по их предназначению», как противоречащее ч. 1 ст. 102 Конституции Российской Федерации.

Обоснование предложений. Федеральный закон «Об обороне», (под. 3 п. 1 ст. 5) к полномочиям Совета Федерации в области обороны относит утверждение указа Президента Российской Федерации о привлечении Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов с использованием вооружения к выполнению задач не по их предназначению. Однако ч. 1 ст. 102 Конституции Российской Федерации, определяющая организационно-правовые формы осуществления компетенции Советом Федерации, такого

полномочия не предусматривает. Соответственно, отсутствует правовая регламентация порядка утверждения Советом Федерации указа Президента Российской Федерации о привлечении Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов с использованием вооружения к выполнению задач не по их предназначению. Регламентация деятельности Совета Федерации ограничивается случаями решения вопроса об утверждении решений главы государства о введении военного положения (глава 19), чрезвычайного положении (глава 20), о возможности использования Вооруженных Сил Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации (глава 21).

Согласование правовых оснований и порядка привлечения Вооруженных Сил Российской Федерации в подобной ситуации может осуществляться посредством приведения положений Федерального закона «Об обороне» в соответствии с Конституцией Российской Федерации и Федеральный Конституционный закон «О чрезвычайном положении». Методологическое обоснование выбора именно такой технико-юридической меры следующее:

– привлечение вооруженных сил к решению задач с использованием вооружения не по их предназначению является крайним, чрезвычайным средством;

– данные правоотношения должны регламентироваться с использованием специальных правовых режимов;

– механизм введения чрезвычайного положения и привлечения вооруженных сил к решению задач с использованием вооружения не по их предназначению совпадают.

Правовая неопределенность в данном механизме возникает в случаях несовпадения во времени мер, диктуемых динамикой чрезвычайной ситуации.

Так, в указе Президента Российской Федерации о введении чрезвычайного положения, который утверждается Советом Федерации, должны быть указаны силы и средства, обеспечивающие данный режим (ст. 5 Закона). В исключительных случаях на основании указа Президента Российской Федерации в дополнение к силам и средствам (уже определенным в указе и утвержденным Советом Федерации ст. 7 Закона), могут привлекаться Вооруженные Силы Российской Федерации, другие войска, воинские формирования и органы (ст. 17 Закона). При этом требуется ли в отношении данного решения Президента Российской Федерации повторное согласие Совета Федерации в нормативном порядке не определено. Императивный характер п. 3 ст. 10 Федерального закона «Об обороне» напротив связывает юридическую силу указа Президента РФ о привлечении Вооруженных Сил Российской Федерации с использованием вооружения не по их предназначению с решением Совета Федерации (подп. 3 п. 1 ст. 5 Закона). Однако в нем не указано, реализуем ли данный механизм в условиях

специального режима. Более того, такое полномочие Совета Федерации противоречит ч. 1 ст. 102 Конституции Российской Федерации и соответственно отсутствует правовая регламентация его осуществления.

– изложить п. 3 ст. 10 Федерального закона «Об обороне» в редакции: «Привлечение Вооруженных Сил Российской Федерации к выполнению задач с использованием вооружения не по их предназначению производится Президентом Российской Федерации в соответствии с *законодательством Российской Федерации о Вооруженных Силах*».

К сожалению, российские законодатели отказались от практики правового регулирования деятельности вооруженных сил специальным законом[527]. Так, Федеральным законом от 7 марта 2005 г. № 15-ФЗ внесены изменения в п. 5 ст. 10 Федерального закона «Об обороне» исключением указания на специальный федеральный закон, устанавливающий правовые основы деятельности Вооруженных Сил Российской Федерации. Комплексный характер данного закона мог решить многие существующие теперь правовые перипетии. В части привлечения вооруженных сил с использованием вооружения не по их предназначению – исключил бы необходимость «точечной правовой реконструкции» законодательства в сфере обороны и безопасности. Правовая архитектура ст. 3 проекта данного закона[528] восполняет пробелы правового регулирования: оснований, порядка привлечения Вооруженных Сил Российской Федерации к выполнению задач с использованием вооружения не по их предназначению, решаемых при этом задач, порядка использования сил и средств, надлежащего правового статуса участников;

– дополнить п. 5 ст. 10 Федерального закона «Об обороне» словами «…федеральным законом о Вооруженных Силах Российской Федерации…». Данная мера создает правовую основу деятельности Вооруженных Сил Российской Федерации и легализует в военном законодательстве специальный закон о вооруженных силах;

– закрепить в Федеральном законе «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» положения о том, что подразделения и части Вооруженных Сил Российской Федерации могут привлекаться для оказания организационно-технического содействия войскам национальной гвардии

---

[527] Некоторые примеры из практики зарубежных стран: Закон Республики Беларусь от 3 ноября 1992 г. № 1904-XII «О Вооруженных Силах Республики Беларусь»; Закон Республики Казахстан от 7 января 2005 года № 29-III «Об обороне и Вооруженных Силах Республики Казахстан»; Закон Кыргызской Республики. от 24 июля 2009 года № 242 «Об обороне и Вооруженных Силах Кыргызской Республики»; Закон Республики Таджикистан от 14 декабря 1996 года «О Вооруженных Силах Республики Таджикистан»; Закон Украины от 6 декабря 1991 года №1934-XII «О Вооруженных Силах Украины»; Закон Азербайджанской Республики от 29 декабря 2017 г. № 955-VQ «О Вооруженных Силах Азербайджанской Республики»; Закон Приднестровской Молдавской Республики от 9 июня 2000 г. № 303-З (СЗМР 00-2) «О Вооруженных Силах».

[528] Федеральный закон «О Вооруженных Силах Российской Федерации» проект № 392028-3. – URL: http://docs.cntd.ru/document/901887089 (дата обращения: 03.06.2021).

при внутренних волнениях и беспорядках, сопровождающихся насилием с применением противоборствующими сторонами оружия, вооружения и военной техники.

Возложить на Вооруженные Силы Российской Федерации в рамках указанных ситуаций решение следующих задач:

– охрана и оборона важных государственных объектов, определяемых Правительством Российской Федерации;

– деблокирование подразделений (правительственных учреждений), окруженных бандформированиями;

– усиление боевого охранения соединений, воинских частей и подразделений, дислоцируемых в районах вооруженного мятежа;

– разоружение вооруженных мятежников;

– участие совместно с войсками национальной гвардии в локализации и блокировании районов массовых волнений и беспорядков, пресечение бесчинств и насилия;

– пресечение в указанных районах вооруженных столкновений и разъединении противоборствующих сторон, изъятие оружия у населения;

– участие совместно с войсками национальной гвардии в принятии мер по усилению охраны общественного порядка и общественной безопасности, примыкающих к ним районов;

– совместное патрулирование с войсками национальной гвардии в городах и населенных пунктах в целях борьбы с преступными посягательствами на граждан и другими правонарушениями.

При выполнении указанных задач на военнослужащих соединений, воинских частей должны распространяться положения статей 18-23 и 26 Федерального закона «О войсках национальной гвардии Российской Федерации»[529].

Таким образом, комплекс теоретических обобщений и практических рекомендаций нацелен на создание прочной правовой основы использования войск (сил) для парирования новых вызовов и угроз военной безопасности государства. Органы исполнительной власти на этой основе смогут осуществлять меры административного характера, а органы военного управления – непосредственное руководство вооруженными силами.

---

[529] Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 27 (часть I). Ст. 4159.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современный мир переживает период глубоких перемен, следствием которых является формирование полицентричной системы международных отношений. Под влиянием существующих и перманентно возникающих обстоятельств она постоянно усложняется, становится все более динамичной. В мире складываются новые центры экономического и политического влияния, происходит рассредоточение мирового потенциала силы и развития, его смещение в Азиатско-Тихоокеанский регион. Сокращаются возможности исторического Запада доминировать в мировой экономике и политике. Отчетливо проявляются многообразие и своеобразие национальных культур и мировых цивилизаций, множественность и вариативность моделей развития организованных социальных систем и систем государственного и военного управления. Изменения в мире и их динамика сопровождаются военными конфликтами разной интенсивности, неконтролируемым ростом сепаратизма, экстремизма и неонацизма, разрастанием и распространением международного терроризма.

Насаждаемый в мировом пространстве «управляемый хаос» является следствием политики США и их союзников, проводимой ими в интересах сохранения всеми возможными способами своего доминирующего положения в мире. Циничный экспорт «цветных революций» и насильственная смена неугодных политических режимов осуществляются США и их союзниками в нарушение норм международных права, с пренебрежением норм морали. При этом насильственное воздействие на «неугодные» государства, США осуществляют не только путем открытого применения военной силы, но и с применением комплексных мер непрямого воздействия при неявном (скрытом) использовании национальных (коалиционных) вооруженных сил.

Внешнеполитический курс США и стран Западной Европы в своей основе отражает глубокую враждебность их политических элит в отношении Российской Федерации. Реагируя на политику силовой реализации национальных интересов США и их союзников по НАТО, Российская Федерация рассматривает ее как основной источник вызовов и угроз своей национальной безопасности. В современном геополитическом пространстве реальные и потенциальные вызовы и угрозы национальной безопасности России имеют чрезвычайно разнообразные формы. Они имеют не только военный характер, но и все больше смещаются в невоенную сферу, приобретают комплексный, гибридный характер.

Обеспечение национальной безопасности остается одной из главных задач военно-политического руководства Российской Федерации, качественное решение которой во многом определяет жизнеспособность, благополучие, стабильность и перспективы развития российского общества в XXI веке. Особое значение в решении этой задачи имеют оценка и прогнозирование вызовов и угроз национальной безопасности.

Учитывая их комплексный, гибридный характер в настоящее время для их глубокого и всестороннего анализа и осмысления требуется объединение творческих усилий военных ученых и практиков с представителями различных отраслей современной науки, всего научного сообщества Российской Федерации.

По инициативе руководства Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации, в авторский коллектив научного труда, были приглашены представители более пятидесяти отечественных военных и гражданских образовательных и научно-исследовательских учреждений, государственных органов и общественных организаций – специалисты в области национальной и международной безопасности.

В ходе совместной работы был проведен многосторонний анализ современной военно-политической обстановки в мире, определены тенденции развития современной системы международных отношений, дана характеристика современным формам межгосударственного противоборства и его влияния на национальную безопасность России. По итогам научного исследования были определены направления совершенствования системы национальной безопасности, выработаны предложения военно-политическому руководству Российской Федерации по применению превентивных мер нейтрализации современных и прогнозируемых вызовов и угроз национальной безопасности в краткосрочной и долгосрочной перспективе.

По мнению авторского коллектива, предлагаемый научный труд не является совершенным и завершенным творческим продуктом, и должен стать предметом научных дискуссий по обозначенной проблематике. От оперативности и качества проведения дальнейших научных исследований в области обеспечения национальной безопасности во многом зависит дальнейшее поступательное развитие Российской Федерации в XXI веке.

Список авторского коллектива

В создании научно-теоретического труда «Прогнозируемые вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации и направления их нейтрализации» приняли участие представители:

I. Высших учебных заведений Министерства обороны Российской Федерации:

от Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации – Андреев А.Ф., кандидат юридических наук, доцент; Бернацких И.В., кандидат политических наук; Богданов А.С., кандидат технических наук; Жилин А.П., кандидат экономических наук; Золотов А.Ю., кандидат военных наук; Копылов И.А., кандидат политических наук, доцент; Коржевский А.С., кандидат военных наук, доцент; Ларченков В.В., кандидат политических наук; Лобанов И.Г., доктор политических наук, доцент; Налетов А.А., кандидат военных наук, доцент; Останков В.И., доктор военных наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации; Павлов Д.А., кандидат технических наук; Прудников Л.А., доктор политических наук, доцент; Сержантов А.В., доктор военных наук, профессор, Заслуженный военный специалист Российской Федерации; Симоновский К.В., кандидат экономических наук, доцент; Толстых В.В., кандидат военных наук; Туробова О.Н., кандидат технических наук; Уваров А.А., кандидат экономических наук, доцент; Ушакова Н.В., кандидат политических наук;

от Военной академии воздушно-космической обороны имени Маршала Советского Союза Г.К. Жукова – Дыбов В.Н.; Колодько М.А.; Подгорных Ю.Д., доктор военных наук, профессор; Ченцов А.Е., доктор военных наук;

от Военной академии материально-технического обеспечения имени генерала армии А.В. Хрулева – Аксёнкин В.И., кандидат военных наук; Бесперстов С.А., кандидат военных наук; Золотарёв М.Л., кандидат военных наук; Иванов С.М., кандидат военных наук, доцент;

от Военной академии Министерства обороны Российской Федерации – Медин А.О., кандидат военных наук, доцент; Скалепов А.Н., доктор философских наук, профессор;

от Военной академии Ракетных войск стратегического назначения имени Петра Великого – Аненков В.И., доктор военных наук, профессор; Груздев А.И.; Лумпов В.И., доктор военных наук; Новиков В.К., кандидат военных наук доцент; Рекунков И.С., кандидат технических наук; Тарасов Ю.М., кандидат военных наук, доцент; Щербаков В.А., доктор технических наук;

от Военно-космической академии имени А.Ф. Можайского – Груздев Н.В., кандидат военных наук, доцент; Кузьмин В.Н., доктор военных

наук, профессор; Малюгин А.В., кандидат военных наук, доцент; Шерстюк А.В., кандидат технических наук;

от Военного ордена Жукова университета радиоэлектроники – Босый А.С., кандидат технических наук; Вещагин А.В.; Коликов И.В.; Погорелый А.П., кандидат философских наук, доцент; Ратушин А.П., кандидат технических наук; Уткин В.В., кандидат технических наук, доцент;

от Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации – Бабешин М.А., кандидат экономических наук, доцент; Кандыбко Н.В., доктор экономических наук, профессор; Кононов Л.А., доктор политических наук, профессор; Конуров А.И., кандидат философских наук; Рыжов И.В., доктор экономических наук, профессор; Сацута А.А., кандидат философских наук, профессор, Заслуженный работник Высшей школы Российской Федерации; Хачатурян А.А., доктор экономических наук, профессор; Чеботарев А.В.;

от Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» – Боталов В.В, кандидат технических наук; Донсков Ю.Е., доктор военных наук, профессор; Коробейников А.С., кандидат технических наук, доцент; Пиндус С.Я., кандидат педагогических наук; Сырбу И.А., кандидат технических наук; Хоменко К.Г.; Шамарин А.В., кандидат технических наук, доцент; Шишкин Н.П.; Яньшин С.Н., кандидат технических наук, доцент;

от Военного учебно-научного центра Военно-Морского Флота «Военно-морская академии имени адмирала флота Советского Союза Н.Г. Кузнецова» – Дубченко С.А.; Крамаренко В.Г., доктор военных наук, профессор; Нагорский А.А.; Пасько А.А.; Шалдыбин А.В., кандидат технических наук, доцент;

от Военного учебно-научного центра Сухопутных войск «Общевойсковая ордена Жукова академия Вооруженных Сил Российской Федерации» – Корабельников А.А., доктор военных наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации; Макозов А.М., кандидат военных наук, доцент; Орлянский В.И., доктор военных наук, профессор, Заслуженный работник Высшей школы Российской Федерации; Федулова Е.Г.; Чернов В.В., кандидат социологических наук, доцент;

от Ярославского высшего военного училища противовоздушной обороны – Голубев А.В.; Гребенник В.А., доцент; Силантьев А.Б., кандидат технических наук, доцент;

от Черноморского высшего военно-морского училища имени П.С. Нахимова – Артюх М.А., Рябцев А.Л., доктор исторических наук, доцент;

II. Высших учебных заведений и научно-исследовательских организаций Министерства науки и высшего образования Российской Федерации:

от Балтийского федерального университета имени И. Канта – Зверев Ю.М., кандидат географических наук, доцент;

от Дальневосточного федерального университета – Панова В.В., кандидат исторических наук; Семёнов В.Н., кандидат технических наук;

от Дипломатической академии Министерства иностранных дел Российской Федерации – Варфоломеев А.А., кандидат политических наук; Малов А.Ю., кандидат исторических наук; Сурма И.В., кандидат экономических наук, доцент;

от Института востоковедения Российской академии наук – Грозин А.В., кандидат исторических наук;

от Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук – Безвербный В.А., кандидат экономических наук; Рязанцев С.В., доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН;

от Института проблем безопасного развития атомной энергетики Российской академии наук – Саркизов А.А., доктор технических наук, академик РАН;

от Института проблем нефти и газа Российской академии наук – Богоявленский В.И., доктор технических наук, член-корреспондент РАН; Мастепанов А.М., доктор экономических наук;

от Института проблем управления имени В.А. Трапезникова Российской академии наук – Рожнов А.В., кандидат технических наук;

от Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук – Великая Н.М., доктор политических наук, профессор; Иванов В.Н., доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАН; Карасев А.Ю.; Левашов В.К., доктор социологических наук, профессор; Новоженина О.П.;

от Института стран Азии и Африки Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова – Васецова Е. С., кандидат политических наук;

от Казанского (Приволжского) федерального университета – Егорчев А.А.; Иванова А.А.; Кокунин П.А., кандидат технических наук, доцент; Туфетулов А.М., доктор экономических наук, профессор; Чикрин Д.Е., кандидат технических наук, доцент;

от Комсомольского-на-Амуре государственного университета – Новиков Д.В., кандидат политических наук, доцент; Петрунина Ж.В., доктор исторических наук, профессор; Семёнов А.Б., кандидат исторических наук; Шушарина Г.А., кандидат филологических наук, доцент;

от Московского авиационного института – Гончаренко В.И., доктор технических наук, доцент;

от Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации – Подберезкин А.И., доктор исторических наук, профессор; Смирнов А.И., доктор исторических наук, профессор, Чрезвычайный и Полномочный Посланник Российской Федерации;

от Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова – Капицын В.М., доктор политических наук, профессор; Манойло А.В., доктор политических наук; Маслин М.А., доктор философских наук, профессор; Селезнева А.В., доктор политических наук; Шестопал Е.Б., доктор философских наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации; Яковлева А.Ф., кандидат политических наук;

от Московского технического университета связи и информатики – Артамонова Я.С., доктор политических наук, доцент; Большаков А.С., кандидат технических наук, доцент; Зенов П.Е. кандидат юридических наук, доцент;

от Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» – Кашин В.Б.; Кочемасов Ю.В., кандидат экономических наук; Моргунов Б.А., доктор технических наук; Суслов Д.В.;

от Национального исследовательского университета «Московский энергетический институт» – Баронов О.Р., кандидат технических наук; Минзов А.С., доктор технических наук; Невский А.Ю., кандидат технических наук; Унижаев Н.В., кандидат технических наук;

от Негосударственной автономной некоммерческой организации высшего образования «Институт мировых цивилизаций» – Кирсанов К.А., кандидат технических наук, доктор экономических наук; Слободчиков О.Н., кандидат политических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования;

от Пятигорского государственного университета – Гукасов А.В., кандидат политических наук, доцент; Миргород Д.А., кандидат политических наук, доцент; Нефедов С.А., доктор политических наук;

от Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации – Афиногенов Д.А., доктор политических наук; Корнилов М.Я., доктор экономических наук, профессор; Титов В.Б., доктор педагогических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации; Шевченко А.В., доктор политических наук, профессор, Заслуженный работник Высшей школы Российской Федерации; Фридман М.Ф., доктор философских наук;

от Российского государственного гуманитарного университета – Безбородов А.Б., доктор исторических наук, профессор; Белова Н.И., кандидат социологических наук, доцент; Великая Н.М., доктор политических наук, профессор; Либин А.В., кандидат психологических наук; Либина Е.В., кандидат психологических наук; Медведь А.Н., кандидат исторических наук;

Павленко О.В., кандидат исторических наук, профессор; Пивовар Е.И., доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН; Фадеева Е.В., кандидат социологических наук;

от Российского университета дружбы народов – Ивкина Н.В., кандидат исторических наук;

от Российского университета транспорта – Корищева О.В., кандидат экономических наук, доцент; Корякин В.М., доктор юридических наук, профессор; Кушнир А.М. доктор экономических наук, профессор; Межох З.П., доктор экономических наук, профессор; Соколов Ю.И., доктор экономических наук, профессор;

от Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова – Быстров А.В., доктор технических наук, профессор; Волков В.И., доктор экономических наук, профессор; Пименов В.В., доктор экономических наук, профессор;

от Санкт-Петербургского государственного университета – Конышев В.Н., доктор политических наук; Лосев А.Е., кандидат военных наук; Малыгина А.А., кандидат политических наук, доцент; Павлов А.Ю., доктор исторических наук, профессор; Сергунин А.А., доктор политических наук;

от Санкт-Петербургского государственного экономического университета – Андреева Д.А., кандидат экономических наук; Василькова С.В., кандидат юридических наук; Карлик А.Е., доктор экономических наук, профессор; Лепеш Г.В., доктор технических наук, профессор; Маргулян Я.А., доктор социологических наук, профессор; Ткаченко Е.А., доктор экономических наук;

от Санкт-Петербургского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации – Жидков Д.Н., кандидат юридических наук, доцент;

от Севастопольского государственного университета – Косов Г.В., доктор политических наук, профессор; Татарков Д.Б., кандидат исторических наук, доцент;

от Сибирского федерального университета – Гарин Е.Н., доктор технических наук, профессор; Леопа А.В., доктор философских наук, доцент;

от Тульского государственного педагогического университета имени Л.Н. Толстого – Богатырева Ю.И., доктор педагогических наук, доцент; Привалов А.Н., доктор технических наук, профессор;

от Тульского государственного университета – Агуреев И.Е., доктор технических наук, доцент; Маслова А.А., доктор технических наук; Панарин В.М., доктор технических наук, профессор, Заслуженный деятель науки и техники РСФСР; Хадарцев А.А., доктор медицинских наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации;

от Федерального исследовательского центра «Информатика и управление» Российской академии наук – Колин К.К., доктор технических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации;

от Федерального научного центра «Научно-исследовательский институт системных исследований» Российской академии наук (Сургутский филиал) – Еськов В.М., доктор физико-математических наук, доктор биологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации;

от Финансового университета при Правительстве Российской Федерации – Брега А.В., доктор политических наук, профессор; Грузина Ю.М., кандидат экономических наук, доцент; Перская В.В., доктор экономических наук, профессор, Заслуженный экономист России; Ткаченко А.А., доктор экономических наук, профессор; Хомякова Л.И., кандидат экономических наук, доцент;

III. Научно-исследовательских организаций Министерства культуры Российской Федерации

От Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва – Аристархов В.В.; Васильев Г.Е., кандидат философских наук, доцент; Горлова И.И., доктор философских наук; Житенёв С.Ю., кандидат культурологии; Закунов Ю.А., кандидат философских наук, доцент; Зорин А.Л., доктор философских наук; Коваленко Т.В., кандидат философских наук; Маслин М.А., доктор философских наук; Расторгуев В.Н., доктор философских наук; Черняховский С.Ф., доктор политических наук, профессор;

IV. Общественных организаций Российской Федерации:

от Автономной некоммерческой организации «Институт внешнеполитических исследований и инициатив» – Крашенинникова В.Ю., кандидат исторических наук;

от Ассоциации Специалистов по Информационным Операциям – Стригунов К.С.;

от Межрегиональной общественной организации «Академия военных наук» – Бельков О.А., доктор философских наук, профессор, Заслуженный работник Высшей школы Российской Федерации; Хусаинов М.И., кандидат политических наук;

от Образовательного учреждения профсоюзов высшего образования «Академия труда и социальных отношений» – Гундаров И.А., доктор медицинских наук, профессор;

от Региональной общественной организации «Академия геополитических проблем» – Гусаров Е.А.; Ивашов Л.Г., доктор исторических наук; Клипачев А.Д. кандидат юридических наук; Комлева Н.А., доктор политических наук, профессор; Курков С.Н.; Лурий В.Г., доктор технических наук, профессор;

от Российской академии ракетных и артиллерийских наук – Кикнадзе В.Г., доктор исторических наук, доцент.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

Прогнозируемые вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации и направления их нейтрализации

Под общей редакцией генерал-майора Коржевского А.С.,
кандидата военных наук, доцента,
начальника военного института (управления национальной обороной) –
заместителя начальника Военной академии Генерального штаба
Вооруженных Сил Российской Федерации

Научный редактор Толстых В.В.
Редактор Копылов И.А.
Оформление обложки Толстых В.В.
Корректор: Федулова Е.Г., Панкова О.Н.
Верстка: Заболотникова М.Е.